

132
5215 - 1

Н. С. СОКОЛОВЪ.

**РАСКОЛЪ
ВЪ САРАТОВСКОМЪ КРАѢ.**

Опытъ изслѣдованія по неизданнымъ матеріаламъ.

ПОПОВЩИНА ДО ПЯТИДЕСЯТЫХЪ ГОДОВЪ НАСТОЯЩАГО СТОЛѢТІЯ.

С К Р И Т О В Ъ.
ТИПОГРАФІЯ И. П. ШТЕРЦЕРЪ И К^о. ЦАРИЦЫНСКАЯ УЛ., ДОМЪ ШАХМАТОВА.
1888.

Slav 3168, 1.180

✓

Печатать дозволяется. Цензоръ С.-Петербургскаго Комитета Духов-
ной Цензуры, Архимандритъ *Никонъ*.

Reprint fees

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ВВЕДЕНІЕ.

- А.—Печатная литература предмета: „Историческія свидѣнія объ Иргизскихъ монастыряхъ“, „Обращеніе Иргизскихъ монастырей въ единовѣріе“ и „Мѣры противъ раскола въ Саратовской епархіи по обращеніи Иргизскихъ монастырей въ единовѣріе“—И. М. Добротворскаго.—„Послѣдніе годы Иргизскихъ раскольниковыхъ общинъ“—Мордочева.—„Движенія въ расколѣ“—Діонисіева.—„Оборникъ для исторіи старообрядчества“—Попова.—„Иргизскіе раскольниковыя монастыри“ и „Обращеніе Иргизскихъ раскольниковыхъ монастырей въ единовѣріе“—Дубакіна.—„Историческія замѣтки о Самарскомъ краѣ“ и „Статистическое описаніе Саратовской губерніи“—Леопольдова.—„Историческіе очерки поповщины“—Мельникова.—„Исторія русскаго раскола“—Макарія.—„Расколъ, облѣченный своей исторіей“—Муравьева.—„Обозрѣніе пермскаго раскола“—Палладія.—„Расколъ въ Уральскомъ войскѣ“—Витевскаго.—„Матеріалы для исторіи возмущенія Стевкы Разина“—Попова.—„Памятная книжка Саратовской губерніи на 1859 годъ“.—„Сочиненія“ Державина V—VI т.—„Собраніе постановленій по части раскола“.—„Сборникъ правительственныхъ свидѣній о расколѣ“—Кельсіева.—Статьи Владыкина, Беневоляскаго, Кустодіева и Еланскаго.
- Б.—Рукописная литература предмета: рукописи Фадѣева, Іакова, Гава и Грота въ Имп. Рус. Геогр. Общ.—„О расколѣ въглопоповской секты въ Саратовской губерніи“—сборникъ Нижегородской семинарской бібліотеки.—„Историко-статистическое описаніе Иргизскихъ монастырей“ и „Исторія о старообрядцахъ“—рукописи библи. „Братства Св. Креста“.—„Исторія Сергія Иргизскаго“—рукопись Императорской Публичной бібліотеки.—„Исторія о жемонахъ Сергія“—рукопись библи. А. И. Хлудова.—„Разглагольствіе старообрядца съ новобрядцемъ“—рукопись „Братства Св. Креста“.—„О правой вѣрѣ и церкви православнои“—Пареевьева.—„Отчетъ“ гр. Стенбока, „Записка“ Артемьева, „Матеріалы для исторіи раскола въ Саратовской губерніи“.—„Вопросы и отвѣты“—Бондарева.—„Записка о расколѣ“—Шамшина.
- В.—Архивныя дѣла разныхъ учреждений: Секретнаго Комитета, саратовской консисторіи, губернскаго правленія и канцеляріи губернатора, саратовскаго Историческаго Архива, Нижняго единовѣрческаго монастыря, канцеляріи самарскаго епископа и саратовскаго окружнаго суда.—Направленіе и планъ труда.

Стр.

ГЛАВА I.

Предѣлы Саратовскаго края за время до 50-хъ годовъ настоящаго столѣтія.—Природа края и его постепенное заселеніе.—Два пути движенія колонизаціонныхъ элементовъ.—Первоначальная колонизація Заволжья.—Усклепие колонизаціи со днѣя Петра I.—Составъ и основныя элементы саратовскаго населенія.—Зависимое раскола въ саратовскіе предѣлы.—Участіе раскольниковъ въ поволжскихъ народныхъ движеніяхъ.—Развитіе раскола въ Саратовскомъ край со времени Петра.—Первоначальная форма, въ которой подымается здѣсь расколъ.—Отсутствіе свѣдѣній объ его жизни въ саратовскихъ предѣлахъ до времени Екатерины.—Появленіе скитовъ на южной саратовской окраинѣ.—Безплодность правительственной борьбы съ расколомъ.—Маргари́тская прономерія 1—28

ГЛАВА II.

Призывъ правительствомъ раскольниковъ на Иргизъ.—Оспиваніе мужскихъ иргизскихъ скитовъ.—Построеніе часовни.—Пугачевъ и связь его съ Иргизомъ.—Открытіе Маргаритина скита.—Прибытіе на Иргизъ Сергія Юршева.—Сближеніе чрезъ него Иргиза съ другими старообрядческими обществами.—Рогожскій перемазанскій соборъ.—Настоятельство Сергія.—Первая иргизская церковь и открытіе явнаго богослуженія.—Борьба Сергія изъ-за монополіи на приемъ бѣглыхъ поповъ.—Значеніе для Иргиза В. А. Злобина.—Прибытіе на Иргизъ Прохора Калмыкова.—Основеніе Анфисина скита.—Быстрое распространеніе раскола по Саратовскому краю и причины этого явленія.—Пolemическіе труды иргизскихъ инокъ 29—128

ГЛАВА III.

Сергія задумываетъ ввести на Иргизѣ единовѣріе.—Роль В. А. Злобина въ этомъ дѣлѣ.—„Вопросы“ Сергія и „Отвѣты“ на нихъ преосв. Никифора.—Увольненіе Сергія отъ должности настоятеля и поѣздка его въ Астрахань.—Новое избраніе въ его настоятели и новыя хлопоты объ единовѣрїи.—Вольское собраніе 1795 г.—Поѣздка Сергія въ Петербургъ для докладства о благословенномъ священствѣ.—Замыслы московскихъ старообрядцевъ.—Освобожденіе Сергія изъ заключенія.—Прїездъ его въ Вольскъ и посылка послушника въ Верхній монастырь.—Новое собраніе старообрядцевъ въ Вольскѣ 22 октября 1796 г.—Отказъ большинства собранія принять единовѣріе.—Поѣздка Сергія въ свою обитель.—Брѣдья отказываются имѣть съ нимъ какое-либо дѣло.—Сергія уѣзжаетъ обратно въ Вольскъ.—Злобинъ не допускаетъ его съ женою къ Рунцѣ и советуетъ ѣхать въ Москву.—Сергія ѣдетъ въ Москву и получаетъ тамъ изъ Тихвинскаго монастыря іеромонаха съ 2 іеродіаконами.—Злобинъ отказывается отъ своей мысли объ единовѣрїи и противодѣйствуетъ Сергію.—Неудачная попытка губернатора

Лавского уладить дѣло.—Удаленіе Сергія съ Иргиза въ Стародубье.—Его апологія.—"Зеркало для старообрядцевъ".—Попытка Епифанова и Сапожникова ввести единовѣріе въ Вольскѣ.—Впечатлѣніе, произведенное на иргизскихъ и вольскихъ поповцевъ стремленіемъ Сергія къ единовѣрію 129—163

ГЛАВА IV.

Павелъ I посылаетъ на Иргизъ Рунича.—Пріччины этой командировки.—Освобожденіе Иргизскихъ монастырей отъ рекрутской повинности.—Новая командировка Рунича на Иргизъ.—Пожаръ въ Успенскомъ монастырѣ и пожалованіе Павломъ 12,000 руб. на возобновленіе сторѣвннхъ церквей.—Надѣла Иргизскихъ монастырей земель.—Разрѣшеніе раскольникамъ Города брать священниковъ съ Иргиза.—Иргизскій соборъ 1805 года.—Иргизская "диссера" и иргизское миро.—Легкое отношеніе Прохора къ приему бѣглыхъ священниковъ.—Паденіе авторитета монастырей въ глазахъ старообрядцевъ.—Отказы иргизскихъ настоятелей отъ требованій Пачуулзева.—Стрѣленіе въ штыкъ паспортовъ, инокѣвъ.—Пожертвованіа монастырямъ.—Помощь пензенской конвенторіи ознакомиться съ Иргизомъ.—Продажа Прохора орудю за приемъ въ монастырь бѣглыхъ.—Отказъ монастырей принять приемъ священниковъ.—Дѣло о овиц. Добробравовъ.—Распространеніе раскола по уѣздамъ: вольному, хвалынскому, аттарскому, петровскому, сердобскому, царинскому, кузнецкому и саратовскому.—Начинающееся давленіе на расколъ со стороны саратовской администраціи.—Характеристика саратовскихъ арміереевъ первой четверти настоящаго столѣтія 164—237

ГЛАВА V.

Бытовая сторона иргизской исторіи.—Составъ братіи.—Настоятель, соборные старцы, казначей, уставщикъ.—Схимники, бѣглые, священники и діаконъ.—Средства содержанія монастырей.—Внутренній строй монастырской жизни.—Женскіе монастыри 238—374

ГЛАВА VI.

Смерть Александра I и переѣзды въ личномъ составѣ саратовскихъ властей.—Побѣда ин. Голицына на Иргизѣ.—Смѣна Прохора.—Вопросъ о вольскомъ старообрядческомъ храмѣ.—Пильно Иривел.—Поставленіе Секретнаго Кипитета относительно вольскаго храма.—Очарованіа Голицына ознакомиться съ Иргизомъ.—Два дописа.—Вольскій компромиссъ.—Докладъ Голицына объ Иривѣ.—Переписка Бахметьева съ Иривеемъ.—Командировка на Иривѣ Подоникова.—Вольскіе переговоры.—Осмотръ монастырей Голицынѣ.—Подписка Нижняго монастыря на принятіе единовѣрія.—Отказъ отъ нея.—Ходатайство Голицына о передачѣ монастырей въ вѣдѣніе губернскаго начальства.—Вывозъ изъ монастырей нѣсколькихъ лицъ.—Цѣнка въ Нижнемъ монастырѣ

Передача монастырей въ заведываніе губернскаго начальства.—Избрание въ настоятели Нижняго монастыря Никанора.—Открытие въ Саратовѣ епископской каведры.—Возвращеніе въ Саратовъ инока Іоасафа.—Огдача бѣльцовъ Нижняго монастыря въ рекруты.—Ходатайство Никанора за бѣльца Гавріила Филипова.—Согласіе на принятіе единовѣрія.—Волненіе, вызванное этимъ въ монастырѣ и внѣ его.—Поѣздка Никанора въ Саратовъ.—Просьбы и предположенія его.—Подача прошенія Моисею.—Поставленіе консисторіи.—Цисьяма къ Никанору Голицына и Моисея.—Письмо Голицына къ митр. Серафиму.—Окончательный переходъ монастыря въ единовѣріе.—Завѣщаніе и смерть Никанора.—Итоги дѣятельности Голицына въ отношеніи раскола.

Стр.

275—329

ГЛАВА VII.

Губернаторство Рославля.—Пожаръ и перестройка Верхняго монастыря.—Отрпаніе новика меленскихъ и поправка старикъ.—Переверзевъ.—Уничтоженіе креста на вольскомъ старообрядческомъ храмѣ.—Возстановленіе Иргиза.—Петербургскія распоряженія по этому поводу.—Просьба Іаковъ Бечерковъ.—Общество „благочестивыхъ“.—Изученіе Іаковомъ саратовскаго раскола.—Учрежденіе миссіи.—Попытка воздѣйствовать на Иргизъ.—Желаніе подчинить монастыри Иргизскіе епархіальной власти.—Осмотръ монастырей Арсеньевскихъ.—Его проектъ мѣръ для борьбы съ расколомъ и постановленіе по этому поводу Секретнаго Комитета.—Безпорядки въ раскольничьихъ общинахъ.—Столкновеніе Іакова съ Переверзевскимъ.—Попытка Іакова ввести единовѣріе въ Вельскъ и Саратовъ.—Увеличеніе состава миссіи.—Запрещеніе иргизской шестривы.—Озабоченіе поповцевъ.—Смѣна Переверзева Степановымъ.—Открытие въ Заволжьи новыхъ городовъ.—Постановленіе о закрытіи Средняго монастыря.—Пріѣздъ архимандрита Зосимы.—Затрудненіе въ исполненіи высочайшаго повелѣнія о присоединеніи монастыря.—Переполюхъ въ Саратовѣ.—Командировка на Иргизъ Зѣвакина.—Пріѣздъ Быкова.—Бунтъ 21-го февраля.—Прошеніе иноковъ шефу жандармовъ.—Донесеніе Степанова въ Петербургъ.—Попытка дѣйствовать чрезъ А. П. Сажокинкова.—Посылка на Иргизъ Горюхова.—„Возваніе“ Степанова.—Высочайшее повелѣніе.—Посылка въ монастырь Дельвига.—Взятіе монастыря и разгромъ его.—Увольненіе Степанова и пріѣздъ на его мѣсто Вишкова.—Прошеніе старообрядцевъ.—Судъ надъ защитниками монастыря.—Пожары на Иргизѣ.—Гоненіе на бѣльцахъ двадцатниковъ.—Результаты этой мѣры.—Подложные указы.—Стѣненіе Покровскаго монастыря.—Постановленіе Секретнаго Комитета объ уничтоженіи мужскаго и женскаго Верхнихъ монастырей.—Исполненіе этого постановленія Фадѣевскимъ.—Поѣздка пресовщ. Іакова на Иргизъ.

330—422

ГЛАВА VIII.

Итоги разгрома Иргиза и систематическаго стѣсненія раскола.—Оцѣнка разгрома раскольниками, администраціей и литературой.—Вопросъ о численномъ уменьшеніи раскольниковъ въ Саратовскомъ краѣ.—

Число перешедших въ единовѣрїе.—Безвыходное положеніе поповцевъ.—Волненіе въ ихъ средѣ.—Озлобленіе противъ православїа.—Ошибочность взгляда и дѣйствій мѣстной администраціи.—Безуспѣшность принятыхъ правительствомъ мѣръ противъ раскола.—Неудачный выборъ миссіонеровъ.—Неуспѣхи единовѣрїа.—Неправильное отношеніе духовенства къ своимъ пастырскимъ обязанностямъ.—Необеспеченность духовенства.—Учрежденіе было-крилицкой іерархіи	Стр. 423—468
--	-----------------

ПРИЛОЖЕНІЯ.

№ I. Изясненіе причинъ, по которымъ не могутъ въ Россіи живущіе вѣроподданные христіане, такъ называемые старообрядцы, принять права, таинства и священство единовѣрческой церкви	469—475
№ II. Вопросъ: „Чесо ради выиѣ мнози нарицають время плача?“	475—478
№ III. Указъ Св. Синода отъ 14-го августа 1843 года № 10.477.	478—480

ВАЖНѢЙШІЯ ОПЕЧАТКИ.

Стран.	Строк.	Напечатано:	Должно быть:
VI	6 сверху	(Казань, 1878),	(Казань, 1878).
"	14 "	Равна	Равна
XII	4 "	Крылова	Крылова.
8	2 снизу	Новоспаскомъ	Новоспаскомъ
32	4 "	излучистое	излучистое
61	9 сверху	вступать	вступать.
92	4 снизу	послѣ	послѣ
127	1 сверху	находящихся	находящихся
"	5 "	какъ	какъ
148	3 снизу	строители	строители
151	13 "	бѣлецъ	бѣлецъ
170	2 спосокъ	1804 годъ.	1804 годъ).
176	18 снизу	монастырехъ	монастырехъ.
182	19 сверху	раскольники	раскольники
188	3 "	настроенія	встроенія
185	8 "	открещиваются	открещиваются
188	12 снизу	попамъ	попамъ
192	6 "	администрація	администрація
211	9 сверху	противиться	противится
223	4 "	имѣть	имѣть
226	1 "	раскольникамъ ⁽¹⁾ ,	раскольникамъ ⁽¹⁾ .
225	7 снизу	относительно	относительно
236	5 "	брани	брани
242	14 сверху	перемѣное	неперемѣное
275	2 "	сѣта	сѣта
279	12 снизу	раскольничьяго	раскольничьяго
284	7 "	провѣрѣя	провѣрки
322	14 "	поддерживать	поддерживать
323	3 сверху	по	по
326	5 снизу	когтей, „сказалъ	когтей“, сказалъ
327	1 "	никогда	никогда
332	15 сверху	Саратовскимъ	Саратовскимъ
335	12 снизу	исполненіе	исполненіе
373	1 "	отношеніе ⁽¹⁾	отношеніе ⁽¹⁾
374	5 сверху	чиновника ⁽²⁾	чиновника ⁽¹⁾
"	17 снизу	ревизіи ⁽¹⁾	ревизіи ⁽²⁾
383	13 "	взъ	взъ
425	16 "	„кой вавилонскаго	кой „вавилонскаго
449	8 сверху	единовѣрія	единовѣрія
459	18 "	падѣляетъ	падѣляетъ
466	5 снизу	балашевскаго	балашовскаго

В В Е Д Е Н І Е.

Расколъ въ Саратовскомъ краѣ доселѣ, во всемъ своемъ цѣломъ, не былъ еще предметомъ научнаго изслѣдованія. Только исторія Иргизскихъ раскольничьихъ монастырей можетъ быть названа нѣсколько разработанной. Этотъ центръ поповщины имѣлъ не мѣстное лишь, но и обще-русское значеніе и потому, естественно, привлекалъ вниманіе литературы. Расколъ по другимъ мѣстностямъ Саратовскаго края не имѣлъ такого крупнаго значенія и его исторія осталась какъ-бы въ тѣни: она совершенно не обслѣдована и почти совсѣмъ неизвѣстна наукѣ.

1) Въ ряду литературныхъ произведеній, посвященныхъ исторіи саратовскаго раскола, на первомъ мѣстѣ по времени и—сравнительно съ другими—по богатству фактическаго содержанія, стоятъ статьи И. М. Добротворскаго: а) „Историческія свѣдѣнія объ Иргизскихъ монастыряхъ“¹⁾; б) „Обращеніе Иргизскихъ монастырей въ единоовѣріе“²⁾ и в) „Мѣры противъ раскола въ Саратовской епархіи по обращеніи Иргизскихъ монастырей къ единоовѣрію“³⁾. Это первый опытъ научной обработки данныхъ, относящихся къ исторіи Иргиза,—опытъ, правда, далеко несовершенный и даже не совсѣмъ удачный, но тѣмъ не менѣе почтенный. Авторъ имѣлъ подъ руками драгоцѣнный матеріалъ, но, по обстоятельствамъ-ли времени (пятидесятые годы) или мѣста (духовный журналъ), только статьи эти вышли не тѣмъ, чѣмъ должны были выйдти. Тенденціозность—ихъ основной недостатокъ. Предвзятая мысль сквозитъ на каждой страницѣ, сквозитъ беззастѣнчиво, какъ новая заплатка на старой одеждѣ. Автору во что-бы то ни стало хочется доказать, что въ расколѣ—все было дурно, въ православіи—все было хорошо. Самыя неудачныя, крайне нелогичныя и дышашія нетерпимостью мѣропріятія противъ раскола кажутся ему „проникнутыми мудростью и снисходительностью“. Особенно нужно сказать это о послѣднихъ двухъ статьяхъ, въ которыхъ, именно бла-

1) „Прав. Собесѣдн.“ 1857, II, 376—481; III, 519—590.

2) Ibidem, 1858, I, 231—261.

3) Ibidem, 1864, II, 355—387.

II.

годаря тенденціозности, онъ какъ будто совсѣмъ не замѣчаетъ тѣневыхъ сторонъ иргизскаго единовѣрія и крайне неправильно опредѣляетъ результаты разгрома Иргиза. Съ непонятной наивностью г. Добротворскій думаетъ, что саратовскія власти трудились на поприщѣ борьбы съ расколомъ исключительно въ силу „святой ревности по вѣрѣ“,—это приложимо только къ представителямъ епархіальной власти, но совершенно не справедливо въ отношеніи гражданской администраціи. Онъ не умѣетъ или не хочетъ читать между строкъ въ самыхъ двусмысленныхъ изъ бывшихъ у него подъ руками документовъ и оставляетъ, благодаря этому, не разъясненными очень крупныя противорѣчія. Исторія Иргизскихъ монастырей въ его изложеніи отзывается сильнымъ извращеніемъ дѣйствительности: она—произведеніе того времени, когда истину о расколѣ считали почему-то нужно скрывать и, постоянно игралъ съ нимъ въ прятки, и сами, наконецъ, остановились въ невѣдѣніи и изумленіи.

2) Дополненіемъ и поясненіемъ къ статьямъ И. М. Добротворскаго служить статья Д. Л. Мордовцева: „*Послѣдніе годы Иргизскихъ раскольничьихъ общинъ*“¹⁾. Она посвящена собственно исторіи обращенія Нижне-Воскресенскаго старообрядческаго монастыря въ единовѣріе, при князѣ Голицынѣ, въ 1829 году; обращеніе старообрядческихъ монастырей Средне-Никольскаго и Верхне-Преображенскаго затронуто лишь слегка. Матеріаломъ для автора послужили оффиціальныя документы, хранившіеся въ архивѣ канцеляріи саратовскаго губернатора, но онъ воспользовался ими какъ-то вскользь, поверхностно, и потому статья носитъ характеръ популярно написаннаго очерка или ряда неотдѣланныхъ набросковъ, а не научнаго изслѣдованія. Однако, несмотря на это обстоятельство, трудъ г. Мордовцева занимаетъ видное мѣсто въ скудной печатной литературѣ, относящейся къ исторіи саратовскаго раскола, и всякій позднѣйшій изслѣдователь этого предмета, разъ онъ не нашель-бы возможнымъ работать по первоисточникамъ, не можетъ игнорировать его.

3) Какъ-бы продолженіемъ „*Послѣднихъ годовъ*“ можетъ служить статья Д. Діонисіева: „*Движенія въ расколѣ*“²⁾, въ которой излагаются раскольническія движенія въ Поволжьи во второй чет-

1) „Дѣло“, 1872, № 1, 77—114; № 2, 112—150; № 4, 273—319.

2) „Отеч. Зап.“, 1874, № 11, 69—119. Д. Діонисіевъ—псевдонимъ Д. Л. Мордовцева.

III.

верти настоящаго столѣтія, преимущественно въ 40-хъ годахъ. Пособіемъ служили главнымъ образомъ архивныя дѣла саратовскихъ судебныхъ мѣстъ и кое-какія, — очень немногочисленные, впрочемъ, — „частныя бумаги раскольниковъ“. обстоятельно изложены только свѣдѣнія о разгромѣ Средне-Никольскаго монастыря, причемъ авторъ руководится исключительно извѣстнымъ „*Историческимъ описаніемъ обращенія*“ этого монастыря въ единовѣріе, принадлежащемъ перу бывшаго благочиннаго саратовскихъ городскихъ церквей, Г. И. Чернышевскаго. Не раздѣляя по многимъ причинамъ, которыя будутъ изложены въ своемъ мѣстѣ, взглядовъ автора на степень „драгоцѣнности“ этого историческаго документа, я замѣчу здѣсь только, что этотъ „историческій документъ“ написанъ по непосредственному приказанію преосвященнаго Іакова и предназначался быть апологіей духовныхъ саратовскихъ властей въ тяжелой, мрачной исторіи разгрома. Если припомнимъ, что мѣстная духовная и свѣтская власти очень рѣзко столкнулись въ дѣлѣ обращенія Средняго монастыря къ единовѣрію и усиленно сваливали вину другъ на друга, то легко можно понять, какъ много партійности должно быть въ подобной апологіи и какъ мало преслѣдовались ею интересы истины. Самое интересное въ статьѣ Діонисіева — это взглядъ его на результатъ уничтоженія Иргизскихъ раскольниковыхъ монастырей: нашъ авторъ находитъ, что, несмотря на твердую увѣренность въ административныхъ сферахъ, будто расколъ, „за принятыми мѣрами, самъ собою падаетъ“, — расколъ не падалъ, а усиливался въ Поволжьи. Всѣ строгія мѣропріятія той эпохи обрушивались на головы раскольниковъ, а расколъ остался крѣпкимъ и неподатливымъ. Не отличаясь богатствомъ фактическаго содержанія, „*Движенія въ расколѣ*“ важны, какъ первая въ своемъ родѣ литературная попытка отрѣшиться отъ казеннаго взгляда на дѣятельность саратовской администраціи 1830—1850-хъ годовъ, доставившей якобы торжество православію въ борьбѣ его съ расколомъ. Исторіи нужна истина, а не панегирики, хотя-бы и краснорѣчивые, тому или другому отдѣльному лицу; въ этомъ смыслѣ г. Діонисіевъ не панегиристъ.

4) „*Сборникъ для исторіи старообрядчества*“ Н. Попова ¹⁾, не имѣя никакого литературнаго и очень мало научнаго достоин-

¹⁾ Москва, 1866. Вып. 4-й и 5-й.

IV.

ства, не имѣеть и значенія источника для исторіи Иргиза; это въ полномъ смыслѣ сборникъ сырого матеріала, которымъ составитель пользуется по большей части безъ указанія источниковъ, откуда онъ извлеченъ. Это обстоятельство, въ связи съ полнымъ отсутствіемъ въ составителѣ критическаго отношенія къ собраннымъ имъ даннымъ, страшно затрудняетъ пользованіе „Сборникомъ“: ни на минуту нельзя положиться на г. Попова и чуть-ли не каждую строчку его „Сборника“ приходится, по мѣрѣ возможности, провѣрять по первоисточникамъ. Но это,—и само по себѣ весьма важное,—неудобство еще больше увеличивается крайне безпорядочнымъ и неумѣлымъ изложеніемъ, что особенно замѣтно тамъ, гдѣ составитель хочетъ сказать что-нибудь новое, гдѣ его свѣдѣнія расходятся съ ранѣе опубликованными данными. Всѣ эти недостатки менѣе замѣтны въ V-мъ выпускѣ „Сборника“, посвященномъ бытовому сторонѣ иргизскаго раскола: здѣсь авторъ, не мудрствуя лукаво и не вдаваясь въ полемику, безхитростно-просто рассказываетъ своими словами то, что вычиталъ или слышалъ отъ очевидцевъ; а потому этимъ выпускомъ можно пользоваться нѣсколько свободнѣе и съ большей увѣренностью въ правдивости излагаемыхъ свѣдѣній, нежели IV-мъ.

б) „Сборникъ“ г. Попова, какъ мы видѣли сейчасъ, имѣеть еще, съ грѣхомъ пополамъ, нѣкоторое значеніе для исторіи Иргиза,— правда, это не источникъ, но во всякомъ случаѣ довольно серьезное пособіе для изслѣдователя саратовскаго раскола; къ сожалѣнію, нельзя сказать того-же относительно ряда статей г. Дубакина въ „Самарскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ“ за 1882—1883 годы, вышедшихъ впоследствии въ видѣ двухъ отдѣльныхъ брошюръ подъ заглавіемъ: „Иргизскіе раскольничьи монастыри“ и „Обращеніе Иргизскихъ раскольничьихъ монастырей въ единовѣріе“. „Сочиненіе“ Д. Дубакина, какъ онъ называетъ свои брошюры, представляетъ собою очень заурядную компиляцію, въ которой автору принадлежитъ только честь сочиненія заглавія, все-же содержаніе составлено изъ простыхъ перепечатокъ указанныхъ выше трудовъ гг. Добротворскаго, Мордовцева и Попова, причемъ перепечатки дѣлаются даже безъ указанія источника. Кромѣ заглавія г. Дубакину не принадлежитъ ни одной строки въ его сочиненіи, если не считать крайне неудачной попытки примиренія діаметрально-противоположныхъ извѣстій. По части литературнаго плагиата съ г. Ду-

V.

бакинымъ можетъ стать на ряду развѣ одинъ Ѳ. Ливановъ, но и тутъ разница будетъ въ пользу послѣдняго: у г. Ливанова были, по крайней мѣрѣ, въ рукахъ новые документы, а у г. Дубакина нѣтъ и этого,—онъ просто переписалъ то, что было давно уже напечатано, и при этой перепискѣ, не исправляя старыхъ, надѣлалъ еще и новыхъ ошибокъ. При такихъ условіяхъ, естественно, произведеніе Д. Дубакина не имѣетъ не только научной, но даже и литературной цѣнности.

6—7) На ряду со „Сборникомъ“ г. Попова, должно поставить двѣ книжки А. Ф. Леопольдова: „Историческія замѣтки о Саратовскомъ краѣ“ (Спб. 1860) и „Статистическое описаніе Саратовской губерніи“ (Спб. 1839). Авторъ былъ очевидцемъ послѣднихъ дней Иргизскихъ монастырей и, кромѣ того, по своему официальному положенію, имѣлъ подъ руками дѣла канцеляріи губернатора, относящіяся къ исторіи мѣстнаго раскола. Источникомъ для него послужило извѣстное „Статистическое описаніе“ монастырей, составленное по приказанію князя Голицына. Серьезность и не подлежащая никакому сомнѣнію искренность автора даютъ его сочиненіямъ полное право на почетное мѣсто въ ряду пособій, хотя при пользованіи вторымъ изъ нихъ не нужно забывать того, что оно появилось въ печати въ 1839 году. Но и при наличности этого условія нельзя не пожалѣть, что авторъ ограничился однимъ Иргизомъ.

8—10) „Историческіе очерки поповщины“ П. И. Мельникова ¹⁾, „Исторія русскаго раскола“ преосвященнаго Макарія (Спб. 1855) и „Расколъ, обличаемый своей исторіей“ Муравьева (Спб. 1854) затрогиваютъ расколъ Саратовскаго края только слегка, такъ сказать, эпизодически, и останавливаются нѣсколько лишь на исторіи Иргиза. Притомъ-же г. Муравьевъ не говоритъ ничего новаго сравнительно съ преосвященнымъ Макаріемъ, а за рукописями, которыми оба они пользовались при изложеніи исторіи Сергія Иргизскаго, нельзя, какъ это будетъ подробно выяснено въ своемъ мѣстѣ, признать значенія цѣннаго первоисточника. Всѣ эти три сочиненія могутъ имѣть значеніе лишь по провѣркѣ и сличеніи ихъ съ другими, болѣе внушающими къ себѣ довѣрія, данными.

¹⁾ Москва, 1864; „Рус. Вѣст.“ 1863, № 4—6; 1864, № 5; 1866, № 5—9. „Исторія раскола“ преосв. Макарія печаталась въ 1853—1854 гг. въ „Христианскомъ Читаніи“, до выхода въ свѣтъ отдѣльнымъ изданіемъ.

VI.

11—12) Возводя на степень несомнѣнности тотъ фактъ, что Ирғизскіе монастыри, во дни разцвѣта ихъ могущества, играли роль метрополіа для всей поповщины, изслѣдователь саратовскаго раскола не можетъ пройти молчаніемъ „Обозрѣніе Пермскаго раскола“ арх. Палладія (Спб., 1863) и „Расколъ въ Уральскомъ войскѣ“ г. Витевскаго (Казань, 1878). Оба эти автора посильно подкрѣпляютъ, на основаніи собранныхъ ими историческихъ свѣдѣній, мысль объ іерархическомъ значеніи Ирғиза въ ряду поповщинскихъ общинъ: первый—по краю Пермскому, а второй—Уральскому. Такія указанія имѣютъ, конечно, свою цѣну, тѣмъ болѣе, что научная разработка исторіи Ирғиза стоитъ еще въ настоящее время на зачаточной точкѣ развитія.

13—15) „Матеріалы для исторіи возмущенія Стеньки Разина“ г. Попова (Москва, 1857), „Памятная книжка Саратовской губерніи на 1859 годъ“ (Саратовъ, 1858) и V—VI томы полнаго собранія „Сочиненій“ Державина (Спб., 1876) въ значительной степени могутъ служить для разъясненія поднятаго еще Пушкинымъ въ его „Исторіи Пугачевского бунта“ вопроса объ участіи раскольниковъ въ народныхъ поволжскихъ движеніяхъ. Взглядъ Пушкина съ особеннымъ усердіемъ поддерживается, при сильно раздвинутыхъ рамкахъ въ постановкѣ этого вопроса, г. Мордовцевъ: слишкомъ преувеличивая значеніе раскольниковъ, какъ протестующаго элемента въ русскомъ обществѣ, онъ чуть-ли не всѣ народныя движенія, начиная съ бунта Стеньки Разина, приписываетъ имъ или со стороны инициативы, или выполненія на дѣлѣ. На долю раскольниковъ Саратовскаго края при этомъ выпадаетъ, разумѣется, видная роль, такъ какъ и Разинъ и Пугачевъ дѣйствовали въ предѣлахъ этого именно края. На основаніи названныхъ трехъ сочиненій со всей очевидностью можно опровергнуть увлеченія г. Мордовцева и въ истинномъ свѣтѣ представить роль саратовскаго раскола въ дѣлѣ народныхъ движеній въ Поволжьѣ.

Изъ представленнаго бѣглаго обзора литературы источниковъ и пособій для исторіи саратовскаго раскола видно, что они касаются собственно Ирғизскихъ раскольниковыхъ монастырей, затрогиваютъ лишь одинъ, хотя и главный, моментъ въ исторіи мѣстнаго старообрядчества. Далѣе, этотъ обзоръ достаточно ясно показываетъ, какъ бѣдна научно-литературная разработка исторіи раскола на Ирғизѣ.

VII.

Еще бѣднѣе литература нашего предмета по остальнымъ мѣстностямъ Саратовскаго края. Нѣсколько отрывочныхъ свѣдѣній, десятокъ-другой оффиціальныхъ документовъ,—вотъ и все, что дастъ она изслѣдователю. Эта скудость литературы особенно замѣтна при разсмотрѣніи исторіи сектъ безпоповщинскихъ. Безъ сомнѣнія, такое грустное явленіе слѣдуетъ приписать тому обстоятельству, что главное, почти исключительное, вниманіе мѣстныхъ властей и центральной администраціи было обращено на саратовскую поповщину съ ея Иргизомъ: безпоповцы при этомъ, естественно, оставались въ тѣни, тѣмъ болѣе, что они тщательно скрывали свою подпольную пропаганду отъ взоровъ начальства и ни по численности своей, ни по характеру дѣйствій не вызывали особенныхъ подозрѣній. Безпоповцы, повидимому, вполнѣ довольны были своимъ положеніемъ; что-же мудренаго, если и администрація, которой они такимъ образомъ не причиняли особенныхъ хлопотъ, въ свою очередь была довольна ими и оставляла ихъ въ покоѣ? Только такимъ безмолвнымъ компромиссомъ обѣихъ сторонъ и можно объяснить, что въ „Собраніи постановленій по части раскола, состоявшихся по вѣдомству Св. Синода“ (Спб., 1860) и въ такомъ-же „Собраніи“ по вѣдомству Министерства Внутреннихъ Дѣлъ (Лондонъ, 1863) рѣчь идетъ, за весьма малыми исключеніями, только относительно саратовской поповщины. Немного болѣе, чѣмъ въ этихъ двухъ изданіяхъ, найдется матеріаловъ для знакомства съ саратовскимъ расколомъ въ „Сборникъ правительственныхъ свѣдѣній о расколѣ“ г. Кельсіева (Лондонъ, 1860) и въ VIII томѣ „Исторіи Министерства Внутреннихъ Дѣлъ“ Варадинова (Спб., 1863): у перваго есть нѣсколько документальныхъ данныхъ относительно саратовскихъ безпоповцевъ, у втораго—очень интересно и важно изложеніе результатовъ работъ правительственныхъ изслѣдователей раскола въ Саратовской губерніи въ пятидесятыхъ годахъ настоящаго столѣтія; но оба они занимаютъ саратовскимъ расколомъ лишь настолько, насколько это соотвѣтствуетъ основной задачѣ ихъ трудовъ, посвященныхъ общей исторіи русскаго раскола.

Еще менѣе сдѣлано литературой по исторіи отдѣльныхъ отраслей безпоповщины въ предѣлахъ Саратовскаго края. Численная и незначительность этихъ сектъ, не внушающая къ нимъ интереса, или глубокая скрытность ихъ послѣдователей были тутъ виною—рѣ-

VIII.

писать трудно; но какъ-бы то ни было, а только въ печати мы напрасно станемъ искать свѣдѣній по исторіи секты Спасова согласія, самокрещенской и страннической болѣе подробныхъ и обстоятельныхъ, чѣмъ какія изложены въ статьяхъ священниковъ Владыкина и Беневоляскаго ¹⁾ по исторіи первой, К. Л. Кустодіева ²⁾—по исторіи второй и В. Г. Еланскаго ³⁾—по исторіи третьей секты. Общій недостатокъ всѣхъ этихъ статей—крайняя узость поставленныхъ ихъ авторами рамокъ изслѣдованія,—всѣ они имѣютъ дѣло съ раскольниками того или другого отдѣльнаго села, всѣ останавливаются преимущественно на бытовыхъ особенностяхъ сектантовъ и пишутъ на основаніи личныхъ наблюдений. Исключеніе составляетъ только о. Кустодіевъ, который описываетъ, приводя не мало выдержекъ, рукопись основателя самокрещенства въ Саратовской губерніи, мѣщанина Тимофея Васильевича Бондарева. Важнѣе другихъ статьи о. Еланскаго, у котораго были подъ руками и странническіе цвѣтники, и странническіе распѣвцы; очень жаль, что онъ говоритъ только о золотовскихъ бѣгунахъ,—раіонъ его изслѣдованія охватываетъ такимъ образомъ всего одинъ приходъ.

Бѣдность печатной литературы предмета уравнивается до нѣкоторой степени богатствомъ литературы рукописной, къ обзору которой я и перехожу. Прежде всего остановлюсь на рукописяхъ библиотеки Императорскаго русскаго географическаго Общества.

I—IV) *„Статистическій очеркъ Саратовской епархіи“* пресвященнаго Іакова, бывшаго епископа саратовскаго, составленный въ 1845 году; *„Очерки статистическаго описанія Саратовской губерніи“* Фадѣева, въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ управлявшаго Саратовской губерніей, написанные не позже 1846 года; *„Историко-статистическій очеркъ Саратовской губерніи“* Гава и *„Очеркъ Самарской губерніи“* Н. Грота, составленные въ 1857 году,—не относясь непосредственно къ исторіи мѣстнаго раскола, имѣютъ тѣмъ не менѣе самое существенное значеніе для нея. Всѣ они даютъ матеріалъ для разъясненія очень темнаго вопроса о колонизаціи Саратовскаго края и этнографическомъ составѣ его народонаселенія, а болѣе или менѣе удовлетворительное разрѣшеніе этого вопроса весьма важно въ интересахъ дѣла, такъ какъ способствуетъ косвен-

¹⁾ „Саратов. Епарх. Вѣдом.“ 1868, № 12.

²⁾ „Рус. Вѣст.“ 1862, № 9.

³⁾ „Саратов. Епарх. Вѣдом.“ 1882, №№ 27, 29; 1884, № 14.

IX.

ному уясненію путей, которыми заносился сюда расколъ, и времени, въ которое совершалось такое занесеніе. Принимая въ соображеніе, что до насъ не дошло никакихъ болѣе ясныхъ и прямыхъ письменныхъ свидѣтельствъ по данному вопросу, приходится по неволѣ съ особеннымъ вниманіемъ останавливаться на свидѣтельствахъ косвенныхъ. Таково общее значеніе этихъ рукописей; въ частности Ганъ и Гротъ даютъ очеркъ состоянія раскола во второй четверти настоящаго столѣтія, а преосвященный Іаковъ довольно обстоятельно перечисляетъ годы построенія церквей и образованія приходовъ. Что касается степени достовѣрности сообщаемыхъ этими авторами свѣдѣній, то достаточно указать на тотъ фактъ, что преосвящ. Іаковъ, пятнадцать лѣтъ управляя Саратовской епархіей, въ теченіи почти всего этого времени усердно собиралъ матеріалы для своего очерка и тщательно самъ провѣрялъ собранное; очерки-же Грота и Гана составлены были по требованію Географическаго общества для Государя Наслѣдника, который предполагалъ тогда во время путешествія по Россіи посѣтить, между прочимъ, Самарскую и Саратовскую губерніи.

V) Громадный рукописный сборникъ подъ заглавіемъ „*О расколѣ бывшаго Поповской сенты въ Саратовской губерніи*“¹⁾, принадлежавшій ранѣе преосвящ. Іакову и составленный имъ самимъ изъ копій и подлинниковъ разныхъ официальныхъ и неофициальныхъ бумагъ, относящихся къ этому предмету, безспорно, долженъ быть признанъ однимъ изъ самыхъ крупныхъ источниковъ для изученія саратовскаго раскола, въ особенности-же раскола по Иргизу. Съ 1857 года, когда И. М. Добротворскій впервые воспользовался этой рукописью, и до настоящаго времени она не утратила этого своего значенія, такъ какъ далеко не все богатство помѣщенныхъ въ ней матеріаловъ сдѣлалось достояніемъ печати: не попали, напримѣръ, въ печать весьма важныя письма на Иргизъ П. С. Рувича, хотя копіи со многихъ изъ нихъ помѣщены въ указанномъ „Сборникѣ“. Кромѣ Добротворскаго никто не имѣлъ подъ руками этой рукописи. Ливановъ, по своему обыкновенію, цитируетъ ее съ чужихъ словъ, а Поповъ только указываетъ на фактъ ея существованія, но не дѣлаетъ изъ нея никакихъ извлеченій. Научная цѣнность сообщаемыхъ ею свѣдѣній не подлежитъ никакому сомнѣнію:

¹⁾ Библ. Нижегород. дух. семина. № 3774, in fol., 460 л.

большая часть изъ нихъ принадлежитъ перу очевидцевъ передаваемыхъ событій и вошла въ „Сборникъ“ послѣ просмотра такимъ специалистомъ въ дѣлѣ саратовскаго раскола, какимъ былъ преосвящ. Іаковъ. Правда, нѣкоторыя страницы способны навести на сомнѣніе въ безпристрастности показаній этихъ очевидцевъ, которые, въ качествѣ единовѣрческихъ или православныхъ пастырей, не могли, конечно, симпатизировать расколу и по естественному ходу дѣла должны были подчасъ накладывать тѣни гуще, чѣмъ какъ онѣ лежали въ натурѣ, придавать нѣсколько иной оттѣнокъ дѣйствительности; но такихъ страницъ сравнительно очень немного.

VI) „Историко-статистическое описаніе Ирмзскихъ монастырей,“ ¹⁾ составленное въ 1828 году, по приказанію саратовскаго губернатора, князя Голицына, отчасти настоятелями или настоятельницами этихъ монастырей, отчасти-же чиновникомъ особыхъ порученій при губернаторѣ, Полонскимъ, по своему значенію для изслѣдователя много уступаетъ „Сборнику“ преосвящен. Іакова. Авторы недостаточно рельефно очертили внутренней и внѣшней строй монастырской жизни и съ особеннымъ усердіемъ останавливались на экономической сторонѣ дѣла,—въ силу требованій самого князя Голицына, конечно, который и хотѣлъ выяснитъ преимущественно эту именно сторону. Благодаря одностороннему направленію работы, составители уклоняются отъ выполненія данной имъ Голицынымъ подробной программы описанія. Рядъ весьма разнообразныхъ вопросовъ программы, охватывавшей жизнь Ирмзскихъ монастырей во всехъ ея проявленіяхъ, остался безъ отвѣта. На первомъ планѣ явилась статистика, исторія—затушевалась, осталась какъ-бы въ туманѣ, и „Описаніе“ съ большимъ правомъ могло-бы назваться только „описью.“ Кромѣ этого и статистическая часть „Описанія“ не внушаетъ къ себѣ безусловнаго довѣрія: трудно допустить, чтобы настоятели монастырей стали со всей откровенностью отвѣчать губернатору на его оффиціальныя запросы объ экономическомъ положеніи управляемыхъ ими обителей. Враждебное отношеніе кн. Голицына къ расколу не было, конечно, для нихъ секретомъ,—одна уже попытка его насадить въ Вольскѣ единовѣріе разомъ должна была открыть имъ глаза на его дальнѣйшіе планы. Безъ сомнѣнія, они предчувствовали наступленіе „гонительнаго“ времени, а такое

¹⁾ Библ. Сар. Братства Св. Креста, № 500; in fol., 225 л.

XI.

предчувствіе, естественно, ни мало не располагало ихъ къ искренности и прямогѣ дѣйствій. Справедливость этого соображенія подтверждается отчасти тѣмъ обстоятельствомъ, что во всемъ „*Описаніи*“ нельзя найти ни малѣйшаго намека на доходы отъ „исправы“ бѣглыхъ священниковъ, хотя другіе источники монастырскихъ доходовъ перечисляются довольно подробно: составителямъ нужно было скрыть эту крупную статью бюджета отъ глазъ губернатора и представить свои монастыри бѣднѣе, чѣмъ какъ они были въ дѣйствительности. Самую важную часть этой рукописи составляютъ копіи съ разныхъ документовъ, относящихся къ исторіи Иргиза; въ числѣ ихъ есть и тѣ письма Рунича, которыя почему-то не вошли въ „*Сборникъ*“ преосвящ. Іакова. Литературѣ „*Описаніе*“ извѣстно только по короткимъ выпискамъ изъ него, приведеннымъ у А. Ф. Леопольдова, въ его „*Статистическомъ описаніи Саратовской губерніи*“.

VII) „*Исторія о старообрядцахъ*“¹⁾ представляетъ собою сборникъ документовъ, относящихся преимущественно къ исторіи Иргиза. Написаны нѣкоторыя статьи его не ранѣе 1827—1830 годовъ, но законченъ онъ во всякомъ случаѣ до присоединенія Средне-Никольскаго монастыря къ единовѣрью, такъ какъ объ этомъ присоединеніи въ немъ совершенно не упоминается. Это до нѣкой степени лѣтопись внѣшнихъ и отчасти внутреннихъ событій изъ жизни Иргизскихъ монастырей. Составлена-ли она однимъ лицомъ или нѣсколькими—сказать съ увѣренностью нельзя; можно догадываться только, что она велась въ Нижне-Воскресенскомъ монастырѣ, ибо занимается по преимуществу его исторіей. Весьма возможно такъ-же, что многія страницы писаны инокомъ Арсеніемъ, который въ 1827—1829 годахъ завѣдывалъ въ этомъ монастырѣ письмоводствомъ: такъ, авторъ, приводя одно предписаніе губернатора, говоритъ, что оно было прочитано исправникомъ „исправляющему должность настоятеля Никанору, иноку Прохору и мнѣ ... и я, слыша сіе предписаніе, кратко для памяти записалъ“²⁾. Очевидно, пишущій эти строки высоко стоялъ на лѣстницѣ монастырской іерархіи. Сообщаемыя „*Исторіи*“ свѣдѣнія нерѣдко весьма важны и всегда достовѣрны, насколько можно судить на осно-

1) Брат. Св. Креста, № 513; in fol., 228 л.

2) Ibidem, № 513, л. 175; св. 141.

ХІІ.

ваніи тщательнаго сличенія многихъ статей его съ напечатанными раньше документами. Этотъ сборникъ несомнѣнно былъ знакомъ преосвящ. Іакову, ибо скрѣпленъ на послѣднемъ листѣ подписью члена консисторіи при этомъ епископѣ, І. Крылова. Нѣкоторыя статьи его вошли и въ сборникъ самого преосвящ. Іакова, разсмотрѣнный нѣсколько выше.

VIII) „*Исторія Сергія иргизскаго*“¹⁾, написанная въ Вольскѣ, въ 1797 году, какимъ-то А. Я. и проредактированная, какъ можно думать на основаніи первыхъ строкъ посвященія, самимъ Сергіемъ, по справедливости, должна занять первое мѣсто въ ряду матеріаловъ для оцѣнки дѣятельности этого „строителя иргизскаго“. Мѣсто и время написаніе, простота и естественность тона, обстоятельность свѣдѣній—все это говоритъ въ пользу автора, ручается за правдивость его сочиненія. Со всей тщательностью провѣрилъ я,—насколько это оказалось возможнымъ,—всѣ указанія его и вынесъ изъ этой провѣрки убѣжденіе, что авторъ хотя косвенно и защищаетъ Сергія, но въ существѣ дѣла отстаиваетъ лишь интересы истины, что онъ одинаково далекъ отъ неумѣстныхъ похвалъ друзьямъ и отъ озлобленнаго порицанія враговъ. Нотка личнаго чувства, правда, звучитъ у него очень часто, но, обусловливаясь благоговѣніемъ къ герою „*Исторіи*“, она не заводитъ автора слишкомъ далеко, не заставляетъ его извращать факты или подтасовывать ихъ. На слова А. Я. можно вполне положиться, не опасаясь увлечься вмѣстѣ съ нимъ или вслѣдъ за нимъ узостью партійныхъ взглядовъ и подгонять дѣйствительность подъ шаблонъ предвзятыхъ тенденцій. Со всей рельефностью выступаетъ предъ изслѣдователемъ при чтеніи этой рукописи замѣчательная личность инока Сергія, наглядно вырисовывается послѣдній періодъ его жизни, когда онъ пытался насадить на иргизской почвѣ единоувѣріе, полноувѣсно объясняются причины его неудачи съ этой попыткой. Нельзя не пожалѣть, что эта „*Исторія*“ Сергія охватываетъ только послѣдній періодъ его дѣятельности на Иргизѣ. На основаніи сочиненія А. Я. мнѣ придется не разъ вносить поправки въ установившіеся литературные взгляды на дѣятельность Сергія по вопросу объ иргизскомъ единоувѣріи.

IX) „*Исторія о лжемонахѣ Сергіи*“²⁾, съ присоединеніемъ

1) Рук. Имп. Публ. Библ., Q, I, N 742, in 4°, 78 л.

2) Библ. А. И. Хлудова, N 293, in 4°, 122 л.

ХІІІ.

иргизскихъ „*Отвѣтовъ*“ на его вопросы, вышла изъ-подъ пера инокъ Верхне-Преображенскаго монастыря, Феоф. (илакта?) въ октябрѣ 1797 года „благословеніемъ и совѣтомъ отецъ и братіи“ этой обители. И въ этой „*Исторіи*“ мы не найдемъ полной біографіи Сергія: авторъ излагаетъ только его попытку ввести „благословенное священство“ въ своемъ монастырѣ. По своему взгляду на Сергія, Феоф. составляетъ прямую противоположность А. Я.: если послѣдній писалъ косвенную апологію своего героя, то этотъ—пишетъ апологію противоположной ему группы ревнителей старины, возставшихъ противъ принятія „священства подправленіемъ нынѣшнихъ архипастырей соединяющаго съ новшества“; если первый благоговѣтъ предъ Сергіемъ, то этотъ—ненавидитъ его. Онъ не задумывается назвать своего бывшего настоятеля „лжемонахомъ“ и съ усердіемъ, достойнымъ много лучшей участи, выворачиваетъ предъ читателями изнанку его жизни и стремленій. Больше страстности, больше озлобленія вносятъ онъ въ свою „*Исторію*“, сравнительно съ А. Я., но это едва-ли можетъ особенно сильно повредить ей въ глазахъ изслѣдователя: если-бы даже послѣдній вздумалъ на этомъ основаніи обвинять автора въ тенденціозности, то долженъ будетъ признать, что его тенденціозность слишкомъ наивна и откровенна для того, чтобы быть опасной. Притомъ-же Феоф. не извращаетъ предумышленно событій; онъ только увлекается иногда своимъ личнымъ нерасположеніемъ къ Сергію. А гдѣ больше увлеченія, тѣмъ сознательной лжи, тамъ для изслѣдователя не составитъ труда возстановить истину изъ-подъ налета озлобленныхъ нападокъ автора. Взаимно пополняя одинъ другаго, А. Я. и Феоф., взятые вмѣстѣ, даютъ незамѣнимый матеріалъ для надлежащаго уразумѣнія личности Сергія.

Х) „*Разглагольствіе старообрядца съ новообрядцемъ*“¹⁾, написанное Сергіемъ иргизскимъ въ 1782—83 году, служитъ пособіемъ для оцѣнки литературной дѣятельности автора. Въ своемъ „*Разглагольствіи*“ Сергій хотѣлъ „показать всему свѣту,—какіе то есть старообрядцы и новообрядцы, и въ чемъ какое междъ собою имѣютъ разгласіе, и за что и за какія сомнительности старообрядцы отдѣляютъ себя отъ великороссійской церкви“. Изъ этихъ словъ легко догадаться, что „*Разглагольствіе*“ носятъ характеръ полеми-

¹⁾ Бр. Св. Кр., № 503; in 4^о, 168 л.

XIV.

ческий. Въ немъ перечислены всѣ вины никоніанства, собраны всѣ свидѣтельства въ пользу старообрядчества, до свидѣтельства древнеписанныхъ иконъ включительно, сказано все, что можно сказать въ защиту раскола поповщины. Поэтому-то, конечно, и митр. Григорій въ своей „*Истинно-древней и истинно-православной Церкви*“ такъ часто приводитъ выдержки изъ этого труда. Громадная эрудиція автора, его опытность въ дѣлѣ полемики и ловкость въ подборѣ отвѣчающихъ его взглядамъ свидѣтельствъ и доказательствъ давно оцѣнены по достоинству его бывшими единовѣрцами и не подлежатъ никакому сомнѣнію. Языкъ для своего времени довольно гладокъ, гибокъ и выработанъ. Но этимъ и ограничивается все, что можно сказать въ пользу даннаго произведенія. Дальше пойдутъ уже его слабыя стороны. Сергію прежде всего не достаетъ оригинальности. Очень рѣдко указывая источники, изъ которыхъ черпаетъ свои свѣдѣнія, онъ въ широкихъ размѣрахъ пользуется сочиненіями братьевъ Денисовыхъ, въ особенности „*Цоморскими отвѣтами*“ Неофиту и „*Керженскими отвѣтами*“ Питирію. Отсутствие глубокаго, творческаго ума сообщаетъ его труду нѣсколько компилятивный характеръ и съ значительнымъ ущербомъ для принятой имъ на себя задачи отражается на его логическихъ построеніяхъ, которыми, благодаря этому обстоятельству, при всей ихъ ловкости и смѣлости, часто не достаетъ убѣдительности. Самъ Сергій, повидимому, плохо сознавалъ слабыя стороны своего произведенія; иначе онъ едва-ли написалъ-бы въ предисловіи къ нему слѣдующія строки: „Принимаю смѣлость предложить всѣмъ сей посильной трудомъ моихъ опытъ, который еще въ свѣтѣ невидимъ былъ“ и не сказалъ-бы, что имъ надѣется „отдать честь за воспитаніе свое отечеству“.

XI) На Ирғизѣ, по обращеніи его въ единовѣріе, стали сочиняться въ монастыряхъ книги, статьи и стихи въ защиту единовѣрія и въ обличеніе раскола. Въ ряду авторовъ такихъ полемическихъ сочиненій не послѣднее мѣсто занимаетъ послушникъ Верхне-Спасопреображенскаго монастыря, Феодоръ Пареевъ, явившійся на Ирғизъ изъ Ярославля, гдѣ онъ жилъ у М. С. Разживина. Въ его рукописномъ сочиненіи „*О правой вѣрѣ и церкви православной*“ ¹⁾, относящемся къ 1846 году, есть нѣсколько любопытныхъ страницъ, посвященныхъ внутреннему строю жизни Ирғиз-

1) Брат. Св. Кр., № 85, in. 4°, XII † 220 стр.

скихъ монастырей за предшествовавшее обращенію ихъ въ едино-
вѣріе время. Какъ показаніе очевидца, — при томъ очевидца слиш-
комъ простаго для того, чтобы его можно было заподозрить въ
умышленномъ извращеніи истины, — эти страницы представляютъ не
малый интересъ для изслѣдователя и могутъ служить фактическимъ
оправданіемъ тѣхъ, въ громадномъ большинствѣ случаевъ бездока-
зательныхъ, нареканій на распущенность монастырскихъ нравовъ,
съ которыми такъ часто приходится ему встрѣчаться въ официаль-
ныхъ бумагахъ саратовскихъ властей. Помѣщенные въ концѣ руко-
писи стихотворенія автора не имѣютъ никакого литературнаго зна-
ченія и любопытны только какъ своеобразный опытъ пропаганды
единовѣрія въ средѣ раскольниковъ. Самъ Пареевъ, придавалъ
имъ, впрочемъ, довольно крупное значеніе и рекомендовалъ даже
пѣть на голосъ псалмы „Хвала Всевышнему Владыкѣ“.

XII) Въ рукописномъ сборникѣ Императорской Публичной
библіотеки ¹⁾ помѣщенъ въ полномъ видѣ „Отчетъ“ графа Стенбо-
ка о состояніи раскола въ Саратовской губерніи по ревизіи 1854
года. Отчетъ составленъ очень обстоятельно и положительнo неза-
мѣнимъ для исторіи мѣстнаго раскола.

XIII) „Записка о современномъ состояніи раскола въ Сара-
товской губерніи“, составленная г. Артемьевымъ, является какъ-
бы продолженіемъ отчета графа Стенбока. Г. Артемьевъ первонач-
ально изучалъ состояніе саратовскаго раскола вмѣстѣ съ гр. Стен-
бокомъ, а потомъ работалъ надъ этимъ уже совершенно самостоя-
тельно, одинъ. Расходясь очень не рѣдко во взглядахъ съ своимъ
предшественникомъ, онъ старательно обставлялъ свои выводы циф-
рами, опираясь, насколько это оказывалось возможнымъ, на стати-
стическія данныя. Работа выполнена имъ отчетливо и добросо-
вѣстно.

XIV) Рукопись Императорской Публичной библіотеки подъ за-
главіемъ „Матеріалы для исторіи раскола въ Саратовской губер-
ніи“ ²⁾ можетъ служить хорошимъ подспорьемъ къ отчетамъ Стен-
бока и Артемьева: въ ней помѣщены бумаги обоихъ этихъ изслѣ-
дователей, которыя почему-либо не нашли себѣ мѣста въ самыхъ
отчетахъ, равно какъ и черновики послѣднихъ. Сравнительно съ
отчетами „Матеріалы“ представляютъ не мало новыхъ данныхъ.

¹⁾ Имп. Пуб. библ., fol., I, № 515, л. 197—413.

²⁾ Имп. Публ. библ., fol., I, № 527, л. 1—274.

XVI.

XV) „Вопросы и ответы“ Тимофея Бондарева ¹⁾ служат единственнымъ прочнымъ основаніемъ для воссозданія въ подлинномъ, первоначальномъ видѣ вѣроученія саратовскаго самокрещенства. Любопытная во многихъ отношеніяхъ секта самокрещенцевъ доселѣ осталась малозвѣстной. Ея исторія совершенно не разработана, о вѣроученіи можно судить только на основаніи короткой замѣтки К. Л. Кустодіева, о которой было уже сказано выше. Но о. Кустодіевъ, передавая содержание „Вопросовъ и ответовъ“, по мѣстамъ, очевидно, не совсемъ вѣрно понимаетъ Бондарева и вслѣдствіе этого представляетъ нѣсколько въ иномъ свѣтѣ проповѣдуемую имъ доктрину. Рукопись Бондарева не даетъ основанія для тѣхъ крайнихъ выводовъ, которые сдѣлалъ нашъ авторъ въ примѣненіи къ самокрещенству. Воззрѣнія основателя этой секты въ Саратовскомъ краѣ нельзя, конечно, назвать умѣренными; онъ—послѣдовательный безпопонецъ, отрицающій не только іерархію, но даже тѣнь и подобіе ея. Но подводить его религіозно-нравственные взгляды, насколько они отразились въ указанномъ его сочиненіи, подъ формулу послѣдователей секты Петрова Крещенія, какъ это дѣлаетъ Кустодіевъ, и утверждать, что самокрещенство проповѣдывало „жизнь эгоистически-разнузданную, въ особенности относительно брачнаго союза“, едва-ли будетъ справедливо. По крайней мѣрѣ, въ самой рукописи Бондарева, подлинность которой засвидѣтельствована скрѣпно по листамъ извѣстнаго Мельхиседека Якубовскаго, представившаго ее преосвященному Іакову, въ пользу такого утвержденія данныхъ нѣтъ: умышленно или неумышленно, но только авторъ тщательно обходитъ вопросъ о бракѣ и совсемъ не склоненъ поощрять какую-бы то ни было разнузданность. Кромѣ неправильнаго представленія о міровоззрѣніи Бондарева, статья о. Кустодіева недостаточна и въ томъ отношеніи, что авторъ ея слишкомъ уже легко отнесся къ бывшему у него подъ руками произведенію: „Вопросы и ответы“ настолько оригинальны въ ряду другихъ продуктовъ русско-раскольнической литературы, что ими не грѣхъ было бы заняться и по-подробнѣе. Въ виду всего этого, при изложеніи исторіи самокрещенства, мнѣ придется руководствоваться не статьей о. Кустодіева, а подлинникомъ произведенія Бондарева.

XVI) Съ конца 50-хъ и до начала 80-хъ годовъ настоящаго

¹⁾ Брат. Св. Ер., № 528, in 4°, 177 л.

XVII.

столѣтія, всѣ свѣдѣнія о жизни саратовскаго раскола изслѣдователю приходится заимствовать исключительно изъ архивныхъ дѣлъ разныхъ правительственныхъ учреждений. Въ 1880 году Саратовская губернія, по Высочайшему повелѣнію, была подвергнута сенаторской ревизіи. И. И. Шамшинъ, производившій эту ревизію, представилъ по окончаніи ея, между прочимъ, и „Записку о расколѣ“. Небольшая по размѣру (50 стр. in fol.), записка сенатора Шамшина существенно важна по своему содержанію. Въ своемъ мѣстѣ она будетъ подвергнута подробному разбору; здѣсь-же скажу только, что при изданіи закона о раскольникахъ 3 мая 1883 года она едва-ли осталась безъ вліянія: конечные выводы И. И. Шамшина и основныя начала этого закона близки до тождественности.

Запиской сенатора Шамшина можно закончить обзоръ рукописной литературы интересующаго меня предмета. Рукопись, не имѣющая столь важнаго значенія, какъ только-что разсмотрѣныя, будутъ указаны дальше, въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ. Больше или менѣе подробное перечисленіе ихъ и оцѣнка въ настоящее время представляются излишними, ибо безъ особой для дѣла пользы только увеличили-бы размѣръ критико-библиографическаго очерка.

Кромѣ печатной и рукописной литературы, для изслѣдователя исторіи саратовскаго раскола весьма важны архивныя дѣла разныхъ правительственныхъ учреждений, имѣвшихъ то или другое отношеніе къ расколу и раскольникамъ. На первомъ планѣ въ ряду такихъ учреждений стоитъ секретный Комитетъ, который въ теченіи почти половины вѣка былъ въ полномъ смыслѣ рѣшителемъ судебъ русскаго раскола. Комитетъ этотъ, состоявшій изъ первыхъ сановниковъ государства, подъ предсѣдательствомъ митрополита петербургскаго, пристально слѣдилъ за ходомъ событій въ этой области и ни одинъ сколько-нибудь крупный фактъ изъ жизни раскола не миновалъ его вниманія.

1) Въ первыхъ 36-ти грамадныхъ томахъ журналовъ Комитета и приложений къ нимъ не разъ заходитъ рѣчь о расколѣ въ Саратовскомъ краѣ. Матеріаловъ, относящихся къ интересующему меня предмету, въ этихъ томахъ есть не мало—и матеріаловъ въ полномъ смыслѣ слова драгоцѣнныхъ: тутъ—мотивировка всѣхъ законодательныхъ постановленій и циркулярныхъ распоряженій по части раскола, состоявшихся въ царствованіе императора Николая;

XVIII.

туть—отчеты всѣхъ правительственныхъ изслѣдователей раскола; туть—всеподданнѣйшіе рапорты, жалобы, прошенія, имѣющія ту или другую связь съ расколомъ. Комитетъ заправлялъ всею политикою правительства по отношенію къ расколу; отсюда легко сдѣлать выводъ о значеніи его журналовъ и приложенийъ къ нимъ для исторіи: архивныя дѣла другихъ правительственныхъ учрежденій знакомятъ только съ фактами изъ жизни раскола и очень рѣдко съ ихъ мотивами; дѣла Секретнаго Комитета, напротивъ, даютъ гораздо меньше фактическаго матеріала, но они пополняютъ то, чего мы не найдемъ въ первыхъ,—они указываютъ смыслъ этихъ фактовъ, освѣщаютъ событія съ точки зрѣнія высшей центральной администраціи, вводятъ изслѣдователя въ міръ правительственныхъ соображеній, открываютъ его взору всю сложную систему пружинъ, невидимая для посторонняго наблюдателя дѣятельность которыхъ обуславливала многія явленія въ сферѣ отношеній власти къ расколу. По предмету настоящаго труда дѣла Комитета весьма важны въ частности и потому, что въ нихъ помѣщены отчеты Арсеньева и Сенявина о состояніи раскола въ Саратовскомъ краѣ,—этихъ отчетовъ я не могъ нигдѣ еще отыскать, а между тѣмъ они представляютъ весьма серьезный интересъ. Жаль только, что во всѣхъ громаднхъ фоліантахъ журналовъ Комитета очень рѣдко упоминается о безпововщинской сектѣ въ предѣлахъ нашего края: непроглядный мракъ, окутывающій ея исторію, почти не разгоняется даже послѣ знакомства съ дѣятельностью Комитета.

II) Съ цѣлью восполненія фактическихъ свѣдѣній, которыхъ недостаетъ въ дѣлахъ Секретнаго Комитета, и для ознакомленія съ болѣе мелкими явленіями изъ жизни саратовскаго раскола, не дошедшими до разсмотрѣнія въ этой послѣдней инстанціи, естественно обратиться къ дѣламъ архива саратовской духовной консисторіи. Судя по описямъ, въ этомъ архивѣ должно быть до 3.000 дѣлъ, касающихся раскола; но большую половину этой огромной цифры приходится сбросить со счетовъ, такъ какъ или значущихся по описямъ дѣлъ совсѣмъ нѣтъ въ архивѣ, или же они имѣютъ своимъ предметомъ несложные факты соображеній въ расколъ и присоединеній къ православію,—факты, не представляющіе ничего характеристическаго. Въ архивѣ консисторіи хранятся дѣла только съ 1836 года; болѣе раннія—всѣ подвергнуты уничтоженію, по приказанію особай

ХІХ.

концесіи, работавшей въ 60-хъ годахъ надъ разборкой этого архива). Какъ ни прискорбна сама по себѣ такая опрометчивость концесіи, съ нею можно-бы еще мириться, если-бы дѣла были хотя сколько-нибудь интересныя ея дѣла. Но нѣтъ и этого: наиболѣе крупныя, наиболѣе интересныя раскольническія дѣла безслѣдно исчезли изъ стѣнъ архива наравнѣ со всѣми безъ исключенія раскольническими рукописями, оставленными, по распоряженію епархіальныхъ властей, въ этомъ архивѣ для храненія. Быть можетъ, они попали въ число тѣхъ 5.000 дѣлъ, которыя были выкрадены изъ саратовскаго консисторскаго архива въ 1875 году? Такъ, но крайней мѣрѣ, думаетъ преосвященный Ниваноръ, архіепископъ херсонскій, судя по его письму ко мнѣ отъ 24 сентября 1884 года. Желая выяснить, не осталось-ли какихъ нибудь дѣлъ, относящихся къ избранному мною предмету, въ Пензѣ или Астрахани,—такъ какъ саратовская епархія сначала входила въ составъ астраханской, а потомъ пензенской,—я обращался по этому поводу къ преосвященнымъ Антанію пензенскому и Евгенію астраханскому. Оба досточтимые архипастыри не замедлили почтить отвѣтомъ. Первый, письмомъ отъ 25 апрѣля 1884 г. за № 352, увѣдомлялъ меня, что „Секретныхъ дѣлъ по саратовской епархіи, къ которымъ относятся дѣла раскольническія, съ 1799 по 1828 годъ, въ архивѣ пензенской духовной консисторіи не оказалось. Насколько мнѣ извѣстно, такіа дѣла (какъ-то: записки и донесенія саратовскихъ священниковъ и миссіонеровъ) хранятся въ библиотекѣ нижегородской духовной семинаріи, куда они сданы были покойнымъ просвѣщ. Іаковомъ, бывшимъ епископомъ саратовскимъ, а затѣмъ архіепископомъ нижегородскимъ“¹⁾. Второй, 14-го мая того-же года, писалъ: „... къ сожалѣнію... мы не можемъ послужить вамъ чѣмъ-либо въ вашемъ... трудѣ“. Въ объясненіе этихъ словъ приложена справка, подписанная архивариусомъ, г. Ливановымъ, слѣдующаго содержанія: „Дѣла о расколѣ

¹⁾ Преосвященный Антоній имѣетъ въ виду извѣстный уже намъ „Сборникъ“ Іакова. Считаю не лишнимъ сказать здѣсь, что въ нижегородскій „Сборникъ“ вошли не всѣ полученныя преосвященнымъ Іаковомъ записки и донесенія саратовскихъ священниковъ: значительную часть ихъ мнѣ удалось еще отыскать въ двухъ большихъ рукописныхъ томахъ, хранящихся въ библиотекѣ саратовской духовной семинаріи, подъ №№ 2662 и 2663. Изъ нихъ въ первомъ, занимающемъ 319 л. in 8°, собрано преосвященнымъ Іаковомъ до 14 зависокъ разныхъ благочинныхъ Саратовской епархіи, которымъ поручено было составить описаніе всей епархіи (по уѣздамъ) въ церковно-историческомъ отношеніи. Составлены эти зависки въ промежутокъ между 1839 и 1841 годами.

Саратовскаго края въ прошломъ столѣтїи, съ 1700 по 1800 годъ, въ архивѣ астраханской духовной консисторїи не имѣется". Такимъ образомъ изъ Пензы архивными дѣлами частью попали въ Нижній-Новгородъ и Саратовъ, частью-же исчезли безъ слѣда; что-же касается Астрахани, то отсутствїе тамъ чего-либо относящагося къ саратовскому расколу свидѣтельствуетъ или о томъ, что въ прошломъ столѣтїи такихъ дѣлъ по духовному вѣдомству не возбуждалось, или о томъ, что они утрачены. Какое изъ этихъ предположеній болѣе вѣроятно—не знаю; но, насколько извѣстно, астраханскій архивъ содержится въ большомъ порядкѣ.

III). Утраченное и недостающее по саратовскому консисторскому архиву отчасти пополняется архивными дѣлами саратовскаго губернскаго правленія и канцелярїи губернатора. Несмотря на пожаръ 1848 года, истребившій зданіе присутственныхъ мѣстъ, при чемъ негорѣла или утратилась большая половина этихъ архивовъ, въ нихъ сохранилось еще не мало цѣннаго матеріала для исторїи саратовскаго раскола: тутъ я нашелъ до 200 номеровъ разныхъ дѣлъ о расколѣ, изъ которыхъ немногія, впрочемъ, восходятъ къ первымъ годамъ настоящаго столѣтїя.

IV) На ряду съ дѣлами архивовъ губернскаго правленія и канцелярїи губернатора необходимо поставить нѣкоторыя дѣла открытаго въ Саратовѣ съ 12 декабря 1886 года „Историческаго Архива“ при ученой архивной комиссіи. Изъ этихъ дѣлъ, подробное изложеніе содержанія которыхъ можно найти въ протоколахъ за сѣданій комиссіи, считаю пужнымъ остановить вниманіе читателей на трехъ, значащихся по описи Историческаго архива подъ №№ 11, 12 и 14¹⁾. Эти три дѣла, принадлежавшія раньше канцелярїи саратовскаго губернатора, затѣмъ изъ десятихъ рукъ перешедшія ко мнѣ въ собственность и теперь переданныя мною въ Историческій архивъ, захватываютъ собой три послѣдовательные разгрома Иргизскихъ старообрядческихъ монастырей въ 1829, 1837 и 1841 годахъ при губернаторахъ кн. Голицынѣ, Степановѣ и Фадѣевѣ. Здѣсь въ подлинникахъ и копіяхъ заключается вся оффиціальная переписка гражданскихъ властей, относящаяся къ этому событію, начиная со всеподданѣйшихъ рапортовъ губернаторовъ и оканчивая

¹⁾ Саратовскій Историческій Архивъ, шк. I, пол. А, № 11, in. fol., 416 л.; № 12, in. fol., 353 л.; № 14, in. fol., 393 л. Подробности см. въ „Протоколѣ IV общаго собранія сар. уч. арх. комиссіи“, стр. 33—46. Саратовъ. 1887.

XXI.

предписаніями ихъ земской полиціи. Указанныя дѣла даютъ ясное представленіе о всѣхъ подробностяхъ присоединенія Иргизскихъ старообрядческихъ монастырей къ единовѣрію, насколько, разумѣется, эти подробности могли улечься въ рамки официальныхъ бумагъ, и для исторіи послѣднихъ дней этихъ обитателей имѣютъ въ полномъ смыслѣ значеніе первоисточниковъ. Два послѣднія дѣла совершенно неизвѣстны наукѣ: ни г. Мордовцевъ, ни тѣмъ болѣе г. Дубакинъ не имѣли подъ руками заключающихся въ нихъ документовъ и руководились, вслѣдъ за г. Добротворскимъ, при изложеніи исторіи обращенія этихъ монастырей только „*Историческимъ описаніемъ*“ Г. И. Чернышевскаго и сборникомъ преосвящ. Іакова.

V) На Иргизѣ, послѣ обращенія монастырей въ единовѣріе, не осталось никакихъ письменныхъ памятниковъ предшествовавшей эпохи. Объ этомъ свидѣтельствовалъ въ 1829 году иннокъ Арсеній, въ этомъ-же убѣдился я и лично, посѣтивъ осенью 1884 года Иргизъ. Въ архивѣ Нижне-Воскресенскаго монастыря уцѣлѣло всего два документа отъ дней раскола: это приговоры братіи объ избраніи настоятеля, относящіеся къ 1820 и 1825 годамъ. Бумаги, говорящія о присоединеніи монастырей къ единовѣрію, не даютъ почти ничего новаго: за небольшимъ исключеніемъ, въ нихъ содержится тоже самое, что извѣстно уже изслѣдователю по нѣкоторымъ изъ перечисленныхъ выше рукописей и архивныхъ дѣлъ.

VI) Изъ дѣлъ архива канцеляріи самарскаго епископа останавливаютъ на себѣ вниманіе только очень немногія. Очевидно, изъ Саратова было передано туда далеко не все, что относилось къ исторіи раскола въ завожской части Саратовскаго края, вошедшей въ составъ образованной въ 1850 году Самарской губерніи. Но изъ этихъ „немногихъ“ два имѣютъ весьма существенное значеніе, ибо касаются присоединенія къ единовѣрію Средняго и Верхняго Иргизскихъ монастырей и даютъ нѣсколько въ высшей степени любопытныхъ и драгоценныхъ документовъ, необходимыхъ для полной характеристики самыхъ видныхъ дѣятелей въ исторіи присоединенія и для возстановленія въ истинномъ видѣ всѣхъ деталей этого присоединенія.

VII) Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что изслѣдователь саратовскаго раскола не мало цѣннаго матеріала могъ-бы найти въ архивныхъ дѣлахъ Секретнаго совѣщательнаго комитета, открытаго

въ Саратовѣ по Высочайшему повелѣнію 5-го мая 1880 года; но истребованіе архива этого комитета мною отыскано не было. Если допустить даже, что, на основаніи второго параграфа Высочайшаго повелѣнія о секретныхъ совѣщательныхъ комитетахъ, дѣла, подлежащіе рассмотрѣнію саратовскаго комитета, вносились членами его въ подлинникъ, а не въ видѣ особыя записокъ¹⁾, то и тогда долженъ же быть какой-нибудь архивъ, хотя-бы состоявшій только изъ однихъ протоколовъ комитета съ внесенными въ нихъ предметами совѣщанія и принятыми рѣшеніями. Ни при канцеляріи саратовскаго губернатора, ни въ канцеляріи епископа такихъ журналовъ не оказалось и куда они почезли—никому не извѣстно. Трудно предположить, конечно, чтобы они остались послѣ закрытія комитета въ рукахъ дѣлопроизводителя его, протоіерея Василія Пеляжскаго, хотя такое предположеніе въ существѣ дѣла не представляетъ ничего невозможнаго. Какъ-бы то ни было, только за отсутствіемъ журналовъ совѣщательнаго комитета изслѣдователь саратовскаго раскола ничего, разумѣется, не можетъ сказать о дѣятельности комитета: комитетъ существовалъ—это фактъ, но въ какой мѣрѣ оправдалъ онъ возлагавшіяся на него надежды—объ этомъ можно строить одна гипотезы.

VIII). Нѣсколько меньше обманываетъ надежды изслѣдователь архивъ саратовскаго окружнаго суда съ хранящимися въ немъ дѣлами бывшей уголовной палаты и уѣздныхъ судовъ. Правда; большинство раскольническихъ дѣлъ этого архива относится къ половинѣ текущаго столѣтія, но есть и нѣсколько дѣлъ болѣе ранняго времени. Эти дѣла, имѣющія своимъ предметомъ укрывательство бѣглыхъ, открытіе часовень и молельныхъ домовъ, совращеніе въ расколъ, устройство раскольническихъ школъ для обученія дѣтей грамотѣ, совершеніе требъ бѣглыми священниками и т. п., освѣщаютъ до извѣстной степени тѣ или другіе факты изъ жизни раскола не историческаго лишь, но отчасти и бытового характера. Можно только пожалѣть, что такихъ дѣлъ сохранилось очень мало. Судьба какъ-будто нарочно заботилась объ исчезновеніи разныхъ бумагъ, имѣющихъ соотношеніе съ саратовскимъ расколомъ: въ губернскомъ правленіи и канцеляріи губернатора ихъ истребляютъ пожаръ, въ консисторіи—ихъ выкрадываютъ или, на ряду съ не-

¹⁾ Собр. постановл. по части раскола по вѣдом. М. В. Д., стр. 218.

нужнымъ хлѣбомъ, жгутъ для очищанія мѣста; въ уѣднныя судахъ—ихъ ѣдятъ мыши; или сами они гниютъ отъ сырости и вѣчно закупаютъ безслѣдно отъ неизвѣстныхъ причинъ.

Обзоръ печатныхъ источниковъ и пособій, существующихъ въ русской литературѣ по предмету моего труда, приводитъ къ убѣжденію, что наукой до сего времени сдѣлано очень мало для знакомства съ расколомъ Саратовскаго края. Обзоръ рукописной литературы предмета и архивовъ, въ которыхъ есть имѣющія къ нему то или другое отношеніе дѣла, убѣждаетъ, что для этого знакомства можно сдѣлать гораздо больше. Обязанность исследователя, который возьметъ на себя задачу пополненія этого пробѣла въ области расколовѣдѣнія, состоитъ, по моему мнѣнію, прежде всего въ приложеніи къ имѣющемуся въ его распоряженіи матеріалу строго-научнаго метода исторической критики, въ осторожномъ отношеніи къ собранному имъ матеріалу и въ постоянномъ сопоставленіи вновь открытаго съ рѣшше извѣстнымъ. Говорятъ, нѣтъ ничего благодарнѣе работы по первоисточникамъ, а исследователю саратовскаго раскола съ первоисточниками по преимуществу и придется имѣть дѣло,—но вѣдь въ тоже время нѣтъ ничего труднѣе и отвѣстнѣе ея: ошибки и увлеченія, нежелательныя вообще въ ученыхъ трудахъ, въ данномъ случаѣ представляются еще болѣе нежелательными, ибо читателю трудно, а подчасъ и совершенно невозможно провѣрить автора. Въ виду этого обстоятельства я намѣренъ не только со всей осторожностью и внимательностью относиться къ имѣющимся у меня въ рукахъ даннымъ и пользоваться ими лишь послѣ тщательной провѣрки, послѣ холоднаго и безпристрастнаго анализа, но и самую, такъ сказать, операцію провѣрки думаю производить, по мѣрѣ возможности, на глазахъ читателя: благодаря такому приему, у него не останется возможности сомнѣваться въ правильности и подлинности передаваемыхъ фактовъ.

Догматическую сторону раскола, равно какъ и полемику съ нимъ, я оставляю въ сторонѣ: съ точки зрѣнія догматической расколъ Саратовскаго края ничѣмъ не отличается отъ русскаго раскола вообще, а этотъ послѣдній вполне удовлетворительно разобранъ въ такихъ капитальныхъ произведеніяхъ нашей богословско-полемиической литературы, какъ *„Бесѣды къ глаголемому старообрядцу“*

XXIV.

митрополита Филарета, „Истинно-древняя и истинно-православная чернов“ митрополита Григорія и т. п. Правда, въ числѣ другихъ придется говорить о толкахъ чисто мѣстнаго происхожденія, едва-ли даже извѣстныхъ за предѣлами Саратовской губерніи; но эти толки теперь сдѣлались уже достояніемъ исторіи: они постепенно растеряли своихъ адептовъ, вымерли и заглохли. Полемизировать съ ними заднимъ числомъ и неудобно, и бесполезно, да при томъ же исторія и не ведетъ полемики: она судить прошлос тѣмъ, что представляетъ его въ истинномъ свѣтѣ. Такой судъ для всего, что не отъ истины,—и самый лучший, и самый страшный судъ.

Итакъ, направленіе моей работы—историко-критическое. Что касается плана ея, то мнѣ представляется наиболѣе цѣлесообразнымъ слѣдовать за естественнымъ ходомъ событій, помимо всякихъ искусственныхъ, замысловатыхъ дробленій на отдѣлы и рубрики. Хронологическій порядокъ изложенія исторіи саратовскаго раскола дастъ возможность безъ всякихъ неудобствъ и затрудненій возстановить въ цѣломъ видѣ, согласно сохранившимся памятникамъ, раскинувшуюся на пространствѣ двухъ столѣтій широкую картину роста раскола, его борьбы съ правослазіемъ, его внѣшняго могущества и внутренняго разложенія и перерожденія, всѣхъ созданныхъ имъ особенностей и формъ церковно-обрядоваго и общественно-бытового характера.

ГЛАВА I.

Предѣлы Саратовскаго края за время до 50-хъ годовъ настоящаго столѣтія.—Природа края и его постепенное заселеніе.—Два пути движенія колонизаціонныхъ элементовъ.—Первоначальная колонизація Заволжья.—Усиленіе колонизаціи со дней Петра I.—Составъ и основные элементы саратовскаго населенія.—Занесеніе раскола въ саратовскіе предѣлы.—Участіе раскольниковъ въ поволжскихъ народныхъ движеніяхъ.—Развитіе раскола въ Саратовскомъ край со временъ Петра.—Первоначальная форма, въ которой появился здѣсь расколъ.—Отсутствіе свидѣній о его жизни въ саратовскихъ предѣлахъ до временъ Екатерины.—Появленіе скитовъ на южной саратовской окраинѣ.—Безплодность правительственной борьбы съ расколомъ. — Баратаевская промеморія.

До 50-хъ годовъ настоящаго столѣтія Саратовскій край вмѣщала въ своихъ предѣлахъ всѣ земли въ нижнемъ теченіи Волги, по обѣимъ сторонамъ этой рѣки, отъ границъ губерній Симбирской и Пензенской на сѣверѣ до границъ губерній Астраханской—на югѣ и отъ земли Войска Уральскаго—съ востока до земли Войска Донскаго, губерній Воронежской и Тамбовской—съ запада. Такимъ образомъ въ составъ этого края входили всѣ земли нынѣшней Саратовской губерніи, лежащія на правой, нагорной сторонѣ Волги, съ прибавленіемъ громаднхъ пространствъ по луговому волжскому берегу, отошедшихъ впоследствии къ губерніямъ Самарской и Астраханской. По преданію ¹⁾, болѣе, чѣмъ вѣроятному и находящему подтвержденіе въ сохранившихся историческихъ документахъ, все это громадное пространство земель, не будучи краемъ совершенно лѣснымъ, какъ сѣверная Россія, тѣмъ не менѣе въ былые дни изобиловало растительностью. Темные боры тянулись по краямъ приволжскихъ горъ; въ тѣни старыхъ дубовыхъ лѣсовъ текли Хоперь и Медвѣдица; всюду высились густыя рощи, а между ними разстилалась степь, поросшая высокою травой. Даже по степнымъ рѣчкамъ Заволжья зеленѣли лѣса и лѣсочки: пустынная нынѣ мѣстность Царевскаго уѣзда была покрыта густою травой, а близь воды росъ „частый, непроходимый лѣсъ“ ²⁾. По географическому положенію Саратовскій край принадлежитъ къ умѣренному

¹⁾ Фадѣевъ, Оч. стат. опис. Сар. губ., 56 (рукоп. Имп. Рус. геогр. общ.)

²⁾ Рук. Сар. сем. библ., № 2663, л. 24.

поясу, но, растянувшись по меридіану на 5 градусовъ, онъ представляетъ значительную разницу въ климатѣ сѣверныхъ своихъ частей и южныхъ. Въ то время, какъ въ лѣсахъ верхней полосы стелится брусника, на полянахъ нижней тянется къ небу пирамидальный тополь, растеть шелифовица, вѣтеть виноградъ; тамъ—черные и бурые медвѣди, рыси, лоси, куницы, болотная и лѣсная пернатая дичь, а здѣсь—свищетъ надъ своей цорой суслякъ, порхають хохлатая потатуйка, величественно плавають въ вышинѣ блудо-головый орелъ, вѣтется на солнцѣ пестрая ищерица, кодошится тарантуль ¹⁾. Но, при всей разницѣ климатическихъ условій, обѣ половины края почти равно надѣлены были природными богатствами. Дичь водилась въ чрезвычайномъ множествѣ, табуны дикихъ лошадей и стада сайгаковъ тысячами бродили по степямъ. Кабаны и медвѣди населяли лѣса, наполненные роями дикихъ пчелъ; вереницы лебедей сплошь покрывали степныя рѣчки. Въ дремучихъ борахъ, подъ которыми верхнія части края сливались со средней полосой государства, водились пушныя звѣри, нынѣ ютящіеся въ сѣверныхъ дебряхъ: въ писцовыхъ книгахъ Шацкого уѣзда подъ 1622 годомъ упоминается о „бобровыхъ гонахъ“ въ верховьяхъ Медвѣдицы ²⁾. Прибавьте къ этому дѣвственную силу природы, тучность почвы, дававшей неслыханные урожаи, изобиліе водъ и пастбищъ,—въ одной нагорной части края рѣкъ и рѣчекъ, кромѣ озеръ, считается до 236 ³⁾,—и легко будетъ понять, что еще въ древнія времена этотъ богатый край не могъ не обратить на себя вниманія насельниковъ центральной мѣстности Московскаго государства, особенно когда онъ, съ паденіемъ татарскихъ царствъ Казанскаго и Астраханскаго, вошелъ въ составъ русскихъ владѣній. Нельзя, однако, сказать, что только съ этого времени, т. е. съ половины XVI столѣтія, русскіе познакомились со здѣшними мѣстами. Напротивъ, есть положительныя свѣдѣнія о томъ, что русскіе бывали, а отчасти, быть можетъ, и водворялись здѣсь съ весьма давнихъ поръ. Лучшимъ доказательствомъ служить учрежденіе въ 1261 г. особой епископской кафедры въ Сараѣ, епархія которой захватывала часть Саратовскаго края. Другая часть нѣсколько позже подчинена была

¹⁾ Рук. Сар. сем. библ., № 2662. 245.

²⁾ Перегатовичъ, Поволжье въ XVII и въ началѣ XVIII вѣка, 223. Одесса, 1882.

³⁾ Фадѣевъ, Ис. сѣт., 10.

въ церковномъ отношеніи епископу рязанскому. Такъ, въ грамотѣ митрополита Феоноста (1334—1353 гг.) на Червленный Яръ говорится: „...Азь... разсудилъ есмь... что держати Владыцѣ Рязанскому передѣла того всего, по Великую Ворону“¹⁾. Это, само по себѣ довольно темное, указаніе мѣстности, подчиненной рязанскому епископу, нѣсколько разъясняется грамотой митрополита Алексѣя, писанной около 1360 г. по тому-же адресу: „...о томъ-же передѣлѣ, по Великую Ворону, возлѣ Хопорь, до Дону, по карауломъ, церкви... и явлено есть, и вси вѣдаютъ, что тотъ передѣлъ не Сарайскій... и нынѣ послать есмь къ вамъ Владыку Рязанского Василѣя съ грамотою своею: и вы поминайте его, а пошлину церковную давайте ему по обычаю“²⁾.

Такимъ образомъ во второй половинѣ XIV вѣка въ предѣлахъ саратовскихъ несомнѣнно были уже русскія поселенія, хотя, вѣроятно, весьма рѣдкія и немногочисленныя, и съ этого времени началась колонизація края. О постепенномъ ходѣ ея до конца XVI столѣтія мы не имѣемъ почти никакихъ свѣдѣній и можно только догадываться о тѣхъ путяхъ, по которымъ проникали въ здѣшнія мѣстности первые поселенцы. Правильная колонизація Саратовскаго края русскими началась прежде всего съ сѣверо-западной границы его, съ мѣстъ при-хоперскихъ, т. е. съ нынѣшнихъ уѣздовъ Сердобскаго, Кузнецкаго и Балашовскаго. Мы видѣли сейчасъ, что въ древнихъ актахъ еще въ половинѣ XIV столѣтія упоминаются караулы „возлѣ Хопорь до Дону.“ Далѣе есть свѣдѣнія, указывающія, что нѣкоторыя изъ нынѣшнихъ сердобскихъ селъ по правому берегу Хопра существовали уже въ концѣ XVI вѣка: въ Старо-Мещерскомъ, напримѣръ, открытъ былъ въ 1598 году особый церковный приходъ³⁾. Такое показаніе весьма вѣроятно, потому что сѣверо-западная часть Саратовскаго края примыкала къ тѣмъ областямъ, которыя давно уже входили въ составъ Московскаго государства. Селиться здѣсь, на окраинѣ, подъ прикрытіемъ старѣйшей по времени учрежденія „сторожевой линіи“, направлявшейся по Дону, который служилъ тогда главнымъ путемъ сообщенія Москвы съ Царьградомъ, было, конечно, и выгоднѣе и удобнѣе, нежели въ

¹⁾ Акты Историческіе. Т. I, № I, стр. 1. Слб. 1841.

²⁾ Ibidem, 4.

³⁾ Имп. Публ. библ., fol., I, № 527 (безъ пераиѣтки листовъ).

другихъ, болѣе центральныхъ мѣстностяхъ нашего края ¹⁾. Справедливость этого соображенія подтверждается и нѣкоторыми фактами: въ пользу его говорить и большая плотность населенія сѣверо-западнаго угла Саратовскаго края, и болѣе равномерное размѣщеніе здѣсь селеній,—въ общемъ можно допустить, что чѣмъ ранѣе заселенъ край; тѣмъ равномернѣе въ немъ расположены селенія и тѣмъ они мельче ²⁾),—и, наконецъ, самыя названія здѣшнихъ русскихъ поселеній, которыя своею формою напоминаютъ подмосковную Русь,—Бѣльщина, Трубетчина, Хованщина, Волянщина, Волхонщина, Полянщина, и т. д. Гораздо позже должны были появиться поселенія на лѣвомъ берегу Хопра. Ровное, открытое пространство между этой рѣкой и Медвѣдицей, захватывающее добрую треть всей нагорной полосы Саратовскаго края, ничѣмъ не было защищено отъ нападений ордынцевъ и разныхъ разбойничьихъ шаекъ: ногамъ, а позже калмыки, даже въ половинѣ XVII столѣтія приходили подъ Саратовъ, который удаленъ отъ Медвѣдицы всего на 60—80 верстъ, и „приходя, города и уѣзды воюють, и села и деревни жгутъ.... людей побиваютъ и въ полонъ емлютъ“ ³⁾); а по Медвѣдицѣ разбойничала въ послѣднихъ годахъ XVI столѣтія шайка Трени Щеголева, котораго въ 1590 году, по приказанію саратовскаго воеводы, князя Засѣкина, Микитка Болдырь, волжскій атаманъ, „вызываетъ и привелъ на Саратовъ“ ⁴⁾. При такихъ условіяхъ, разумѣется, только немногіе рисковали переходить за Хоперь съ цѣлью основать постоянное мѣстопробываніе и только въ XVII вѣкѣ началось заселеніе мѣстности между Хопромъ и Медвѣдицей, значительно спустя послѣ постройки новаго сторожевого пункта—Саратова. Въ первой четверти этого вѣка, какъ свидѣтельствуетъ одинъ историческій документъ, помѣченный 1622 годомъ, нѣкоторые крестьяне дворцовыхъ деревень Шацкого уѣзда владѣли на оброкѣ бортными ухажами, рыбными ловлями и бобровыми гонами „на рѣкѣ на Медвѣдицѣ, отъ рѣчки Князевки вверхъ по Медвѣдицѣ, по обѣ стороны, до верховъ, и съ малыми рѣчками“ ⁵⁾. Но всѣ эти первые колонизаторы сѣверо-западной окраины Саратовской

¹⁾ Списки насел. мѣст. Сар. губ., стр. XXVIII. Спб. 1862.

²⁾ Ibidem, XXIV.

³⁾ Акты Истор. IV, № 32, стр. 110.

⁴⁾ Ibidem, I, № 230, стр. 445.

⁵⁾ Перетятковичъ, loc. cit., 228.

губерніи не могли быть многочисленны и особенно сильный прилив населенія начался не ранѣе второй половины или даже конца XVII столѣтія: къ 1700 году извѣстно восемь приходовъ въ предѣлахъ Сердобскаго уѣзда (Старо-Мещерское, 1598 годъ; Ртицево, 1666 годъ; Беково, 1671 годъ; Никольское, 1679 годъ; Аничкино, 1693 годъ; Хованщина, 1695 годъ; Долгоруково, 1697 годъ; Изнаиръ, 1699 годъ); десять въ Кузнецкомъ (Чибырлей, 1604 годъ; Камышлейка, 1674 годъ; Труево-Никольское, 1688 годъ; Труево-Богоявленское, 1691 годъ; Траханіотово, 1691 годъ; Нижнее Аблязово, 1695 годъ; Верхнее Аблязово, 1696 годъ; Комаровка, 1696 годъ; Камешкирь, 1697 годъ; Ульяновка, 1698 годъ); два—въ Петровскомъ (Синенькіе, 1616 годъ; Петровскъ, 1696 годъ); одинъ—въ Балашовскомъ (Большой Карай, 1695 годъ) и, вѣроятно, три въ сѣверо-западной части Саратовскаго ¹⁾.

Другимъ путемъ, по которому русскій элементъ постепенно вдвигался въ предѣлы нашего края, была Волга. Еще во дни татарскаго владычества открытъ былъ этотъ путь и съ теченіемъ времени переселенцы все болѣе и болѣе начали пользоваться имъ. Сохранилось преданіе, по которому селеніе Сосновыи Островъ (нынѣ Хвалынскъ) основано будто-бы митрополитомъ Алексѣемъ, во время его поѣздокъ въ Орду. Опираясь на это преданіе, жители Хвалынска считаютъ святаго Алексѣя своимъ заступникомъ и почти всѣ имѣютъ его образъ ²⁾. Само по себѣ это преданіе не заключаетъ ничего невѣроятнаго и хотя невозможно пока подтвердить его документальными данными, но оно важно въ томъ отношеніи, что указываетъ на одинъ изъ видовъ заселенія приволжскихъ мѣстностей. Русскіе князья нерѣдко бывали въ Ордѣ: то за ярлыками на княженіе, то съ дашью, то за разбирательствомъ споровъ. Не мало русскихъ жило въ ордынской столицѣ по дѣламъ торговымъ или состояло на службѣ ханской. Путь, которымъ пробирались всѣ эти люди въ Орду,—по преимуществу, путь волжскій. Весьма возможно, что при такихъ поѣздкахъ иные предъщались красотой мѣстоположенія или соблазнялись богатствомъ природы и селились на берегахъ Волги въ саратовскихъ предѣлахъ. Не подле-

¹⁾ Имп. Публ. библ., № 527; Ниж. сем. библ., № 3774; Сар. сем. библ., № 2662, 22, 25.

²⁾ Фадѣевъ, loc. cit., 50.

жить, конечно, никакому земледельцу, что охотников селиться в пустынном, хотя и богатомъ краю, было сначала немного. Когда нарушилась Большая Орда и цари ордынские начали жить в Астрахани, когда вслѣдъ затѣмъ порушилось и царство Казанское съ Астраханскимъ, — колонизація поволжскихъ окраинъ должна была ускититься. Но и теперь, несмотря на все выгоды обитанія въ немъ, эта колонизація не могла идти вполне успѣшно, ибо ей сильно вредили многочисленныя орды дикихъ инородцевъ. Правительству предстояла задача — обезопасить край отъ набѣговъ этихъ ордъ. Со времени Феодора Ивановича оно и принялось за выколненіе этой задачи, учредивъ прежде всего линію разѣздовъ и сторожъ по Волгѣ отъ Нижняго Новгорода до Астрахани и даже далѣе — до Терека. Затѣмъ послѣдовало строеніе укрѣпленныхъ городовъ по нагорному берегу Волги, причемъ на первый разъ явились Царицынъ и Саратовъ. Опредѣлить время постройки того и другого довольно затруднительно. Несомнѣнно одно, что оба они возникли не позже 1589 года ¹⁾. Эти два города сдѣлались центрами, изъ которыхъ воеводы разсылали воинскихъ людей противъ смѣльчаковъ, собиравшихся на Волгѣ и соседнихъ рѣкахъ для грабежа или вторженія въ русскія окраины, и единственными во всемъ низовомъ Поволжьи пунктами, на которыхъ новые переселенцы могли утвердиться прочной осѣдлостью. Охотниковъ идти изъ старинныхъ областей Московской Руси на новые мѣста теперь, благодаря реформамъ Годунова, было не мало: отъ Юрьева дня дала саратовскому Поволжью не одну тысячу бѣглецовъ. Холопы и нашенные крестьяне, не хотѣвшіе помириться съ возникавшимъ крѣпостнымъ правомъ, стягощенные оброками и податями, толпами бѣжали на Волгу и ставили свои починки и заимки по такимъ мѣстамъ, гдѣ до того времени не видно было человѣческихъ слѣдовъ ²⁾. Нѣсколько позже къ нимъ присоединились и остатки вольницы, которая въ смутныя времена самозванчества занималась разбоями и грабежами по всему лицу земли русской, а потомъ, разбитая и разсѣянная, должна была скрываться въ дремучія дебри низоваго Поволжья отъ грозившихъ безпачашнымъ удалцамъ кнутови и висѣлицъ. Впрочемъ, излюбленнымъ мѣстомъ поселенія новыхъ выходцевъ этого времени были окрестности сторо-

¹⁾ Перетатовичъ, Поволжье въ XV и XVI вѣкахъ, 317—321. Москва, 1877.

²⁾ Фадѣевъ, *loc. cit.*, 57.

жовыхъ станцій—Саратова и Царицына. Они упорно садялись около этихъ городковъ, тогда какъ пространство земли между этими городами и отъ прибрежья Волги до лѣваго берега Хопра оставалось пустымъ: тутъ смѣло дѣйствовали многочисленныя шайки „воровскихъ казаковъ“ и разныхъ „гулящихъ людей,“ то бродившія по степямъ, то рыскавшія на лодкахъ по рѣкамъ; грозный окрикъ ихъ „сарынь на кичку“ не могъ, разумѣется, быть по сердцу мирнымъ поселянамъ. Совершенная неваселенность полосы между Хопромъ и Медвѣдицей явствуетъ изъ словъ самарскаго воеводы, князя Дмитрія Пожарскаго, который въ маѣ 1614 г. писалъ: „изъ Самарскаго на Донъ степью никто не знаетъ“¹⁾. Правительству некогда было заниматься обезпеченіемъ этой мѣстности отъ набѣговъ чужаки и своихъ хищниковъ: все вниманіе его сосредоточивалось на обезпеченіи свободы плаванія по Волгѣ. Дошедшіе до насъ различные акты XVII вѣка постоянно напоминаютъ саратовскимъ и царицынскимъ воеводамъ, чтобы они при отправленіи людей изъ одного города въ другой наблюдали крайнюю осторожность. Съ цѣлью обезопасить нѣсколько огромное разстояніе между Саратовомъ и Царицыномъ, на мѣстѣ нынѣшняго Камышина скоро придумали устроить, такъ сказать, передвижную крѣпость: „а надъ рѣчкой (Камышинкой),—читаемъ въ одномъ соловецкомъ сборникѣ XVII вѣка,—стоитъ высокій острожекъ: тутъ стоитъ по 500 и по 700 стрѣльцовъ казанскихъ пригородныхъ съ весны до осени; а какъ осенью пойдутъ съ осеннимъ астраханскимъ товаромъ, тогда острожекъ сжгутъ“²⁾.

Въ то время, какъ правый берегъ Волги мало-по-малу, шагъ за шагомъ заселялся частью служилыми людьми, отправлявшимися сюда для несенія кордонной службы,—таковы были московскіе стрѣльцы, носившіе здѣсь названіе „ружниковъ“; частью преступниками, которые, по принятому изпрегле обычаю, есылались въ видѣ наказанія на эту отдаленную охрану государства³⁾,—такъ въ 1683 году, послѣ стрѣлецкаго бунта, сюда выслано было изъ Москвы не мало стрѣльцовъ-раскольниковъ⁴⁾, которые и поселились именно на правомъ берегу Волги: въ Хвалыинскомъ уѣздѣ доселѣ

1) Акты Истор., III, N 260, стр. 427.

2) Шаповъ, Раск. старообряд., 260.

3) Сар. сем. библ., № 2683, 1а.

4) Акты Арх. эксп., IV, № 280.

сохранились о нихъ преданія и многіе раскольники отъ нихъ считаютъ свое происхожденіе¹⁾; частью разными бѣглецами, обыкновенно направлявшими путь въ такъ называемые низовые украинные города; частью-же добровольными выходцами, которымъ почему-либо становилось тѣсно на мѣстахъ рожденія, — дуговой оставался во всей своей дѣвственной неприкосновенности: его топтали лишь дикій сайганъ да такой-же дикій калмыкъ или ногай. Ближайшее знакомство съ нимъ русскихъ относится къ первой половинѣ XVII столѣтія. Въ 1632 году Новоспасскій монастырь получилъ отъ Михаила Феодоровича жалованную грамоту, которой ему за ежегодный 20-рублевый оброкъ предоставлены были „Саратовскія Иргизскія рыбныя ловли отъ Канины Тубы внизъ по Волгѣ по нижнюю изголовь осяноваго куста“. Съ этого времени ловецкія ватаги начали пѣнить воды излучистаго Иргиза. Здѣшнія рыбныя ловли, должно быть, приносили монастырю хорошій доходъ, потому что 20 лѣтъ спустя, при Алексѣѣ Михайловичѣ, братія изъявила желаніе расширить въ этой мѣстности свой промыселъ и съ этой цѣлью выхлопотала новую грамоту (въ 1653 году), по которой, за прибавку къ старому оброку 17 руб. и 7 алтынъ, монастырю отдавалась, кромѣ обоихъ Иргизовъ, и рѣка Терса съ нагорной стороны Волги²⁾. Впрочемъ, эксплуатируя рыбныя ловли Заволжья, монастырь не находилъ нужнымъ, а быть можетъ и возможнымъ основать здѣсь постоянныя поселенія: послѣднія явились только къ концу XVII или въ самомъ началѣ XVIII вѣка. Его привлекала больше нагорная сторона и вотъ, въ девяностыхъ годахъ XVII столѣтія, монастырскія власти обращаются къ правительству съ ходатайствомъ объ отводѣ примыкающихъ къ ихъ водамъ земель „со всѣми угоды“ въ вотчину Новоспасскому монастырю „безъ мѣры, по старымъ урочищамъ“. Не дожидаясь формальнаго отвода просимыхъ земель, въ полной увѣренности, что ходатайство будетъ уважено, монастырь послѣдилъ перевезть сюда нѣкоторыхъ своихъ крестьянъ „въ разныхъ вотчинъ“ и такимъ образомъ къ 1699 году построилъ два села: Малыковку — на Волгѣ и Терсу — на рѣкѣ Терсѣ³⁾. Одновременно съ Новоспасскимъ монастыремъ получилъ громадныя земельныя угоды „въ Змѣевыхъ горахъ“, на

1) Ниж. сем. библ., № 3774, 209.

2) Перетятковичъ, Поволжье въ XVII и XVIII в., 241.

3) Ibidem, 242.

Волгѣ, и монастырь Воскресенскій. Этого тоже не замедлилъ заселить свой участокъ и возникшее еще въ половинѣ XVII столѣтія село Воскресенское теперь значительно увеличилось крестьянами, переведенными сюда изъ другихъ монастырскихъ вотчинъ, съ присоединеніемъ къ нимъ разныхъ сѣвглицевъ и гулящаго люда¹⁾. Такимъ образомъ ватаги рыболововъ постепенно стали сдѣлаться постоянными поселеніями въ предѣлахъ нынѣшняго вольскаго уѣзда. Къ концу XVII вѣка начала понемногу расширяться и колонизація теперешняго хвалынскаго уѣзда. Здѣсь усердно старался о заселеніи свободныхъ земель Чудовъ монастырь, особенно когда встѣдъ за добытымъ у царя Василія Шуйскаго въ 1606 году правомъ на рыбныя ловли „въ тихихъ Сосновыхъ водахъ, отъ Чернаго затону внизъ Волги рѣки на 45 верстѣ до устья Елань-Иргиза“, онъ исходатайствовалъ себѣ въ 1685 году у правительства и право на владѣніе пустопорожнимъ нагорнымъ берегомъ Волги, котораго „не снимаетъ водою“ во время разлива. Въ 1699 году монастырь разомъ перевелъ въ село Сосновый Островъ до трехъ-сотъ душъ крестьянъ изъ другихъ своихъ вотчинъ²⁾. Параллельно съ распространявшимися монастырскими поселками, очевидно, заводились здѣсь и поселенія частныхъ людей, ибо чудовскіе монахи въ своемъ прошеніи на имя великихъ государей заявляютъ, что въ это время „учали на Волгѣ новые города строить, и земли и угоды въ дачи давать“, а потому они и опасались, „чтобъ которые люди тѣхъ береговыхъ угодій (для монастыря нужныхъ) не заняли подъ пашни и сѣнокосы“ и чтобъ имъ, монахамъ, отъ поселенцевъ „тѣсноты не было“³⁾. О „тѣснотѣ“ монахи упоминаютъ, конечно, только для большей убѣдительности своей просьбы, но что переселенцы въ мѣстностяхъ хвалынскаго уѣзда въ началу 1700-хъ годовъ стали значительно умножаться, сравнительно съ предыдущей эпохой,—это не подлежитъ сомнѣнію. Къ обычнымъ мотивамъ переселенія прибавился теперь еще новый и весьма важный,—гоненіе за содержаніе древляго благочестія,—и число элементовъ бродячей Руси, естественно, должно было значительно увеличиться. Нижнее Поволжье представляло для сѣвглицевъ всѣ удобства,—и въ смыслѣ отдаленности края отъ административныхъ центровъ, и въ смыслѣ легкости

1) Перетятковичъ, Поволжье въ XVII и XVIII в., 244.

2) Сар. сем. библ., № 2663, 34.

3) Перетятковичъ, loc. cit., 239—241.

пробраться сюда по великому волжскому пути, и, наконецъ, въ смыслѣ природнѣхъ богатствъ его. Между тѣмъ, въ концѣ XVII столѣтія нашъ край былъ, несомнѣнно, очень хорошо извѣстенъ населенникамъ центральныхъ областей Московскаго государства: бунты самозванческіе, въ которыхъ не послѣднее участіе принимали волжскіе казаки, а особенно бунтъ Стеньки Разина, цѣлыхъ пять лѣтъ работавшаго по Волгѣ и Каспію, должны были познакомить ихъ съ этимъ своеобразнымъ краемъ. Благодаря такому знакомству, по волжскому берегу начинаютъ все чаще и чаще основываться хутора бѣглыхъ крестьянъ и стрѣльцовъ, явившихся по преимуществу изъ окрестностей Нижняго Новгорода¹⁾. Хутора эти были рядки и разбросанны, но тѣмъ не менѣе это были первыя начала водворенія гражданственности въ здѣшнихъ мѣстахъ.

Тревожное царствованіе Петра I, невыносимый гнетъ Бироновскаго самовластія, правленіе благочестивой „дщери“ великаго отца, рядъ внутреннихъ смуть и нестроений и тяжесть вѣнскихъ войнъ, въ связи съ постепеннымъ улучшеніемъ условій жизни въ Саратовскомъ край, съ увеличеніемъ гарантій имущественной и личной неприкосновенности переселенцевъ, усматривали въ значительной степени наплывъ новыхъ массъ. Все, что возмущалось противъ ненавистной русскому человѣку „нѣмецкимъ“, все, что было разорено поборами, что лишилось торга и промысловъ,—все находило на Волгѣ убѣжище отъ сысковъ и пошкоровъ, все могло отдохнуть здѣсь душой. Неоплатные должники, избѣгая вѣковѣчнаго холопства или страннаго правеха, спѣшили сюда-же,—сложилась на Руси даже особая пословица: „нечѣмъ платить долгу, такъ пойдѣ на Волгу“,—и темныя лѣса радушно принимали всякаго новаго поселенника и не выдавали его чужанину. О количествѣ бѣглецовъ, искавшихъ здѣсь убѣжища, можно судить по слѣдующему заявленію депутата Сергія Мясоѣдова, сдѣланному Екатерининской комиссіи для составленія новаго Уложенія: „Будучи въ сыскаго командѣ, въ 1742 и 1743 годахъ одинъ нашель въ Саратовѣ и въ его уѣздѣ, по рѣкѣ Волгѣ, на судахъ и хуторахъ, до 5000 бѣглыхъ, въ томъ числѣ солдатъ, драгунъ, матросовъ, рекрутъ“²⁾. Колонизаціонный процессъ сталъ совершаться интенсивнѣе и быстрѣе по

¹⁾ Саратов. Сборникъ, II, 177. Саратовъ, 1832.

²⁾ Сборн. Имп. рус. ист. Общ., IV, 117.

обонимъ указаннымъ выше направлениамъ: и со стороны приволжскихъ мѣстностей, и со стороны сѣверо-западной границы. Медленнѣе возникали селенія только въ южной части края, потому что тутъ почва была бѣднѣе, а нападенія разныхъ лихихъ людей—чаще. Попытка правительства искусственно вызвать приливъ сюда колонистовъ не удалась: на вызовъ въ 1731 году желающихъ поселиться близъ такъ называемой царицынской линіи, представлявшей собой укрѣпленный палисадомъ земляной валъ между Царицыномъ и Дономъ, откликнулись очень немногіе, хотя правительство давало на первоначальное обзаведеніе и денегъ и хлѣба. Въ виду такой неудачи, указомъ Анны Ивановны въ 1732 году между Царицыномъ и Камышиномъ велѣно было поселить 1057 семей донскихъ казаковъ, подъ начальствомъ атамана Макара Персидскаго, „ради прикрытія тамо селенія отъ набѣговъ калмыцкихъ и ногайскихъ татаръ и для содержанія царицынской линіи“, т. е. для несенія кордонной службы¹⁾. Эти переведенцы образовали новое казачье войско, получившее названіе Волжскаго; главнымъ пунктомъ его назначена Дубовка. Впрочемъ, казаки пробыли на отведенныхъ имъ мѣстахъ очень недолго: въ 1777 году большая часть ихъ за участіе въ пугачевскомъ бунтѣ была переведена отсюда на Терекъ. Далѣе, начиная съ 1737 года, въ теченіи ровно 40 лѣтъ, по распоряженію правительства, въ Антиповку, камышинскаго уѣзда, ссылались преступники, которые работали здѣсь подъ именемъ каторжниковъ въ каменоломняхъ: камень нуженъ былъ для постройки казенныхъ зданій въ Астрахани и для устройства валовъ и батарей въ Камышинѣ; но въ 1777 году ссылка прекратилась и каменоломни были заброшены²⁾.

Какъ въ существѣ дѣла незначительно еще было населеніе Саратовскаго края въ первой половинѣ XVIII столѣтія, лучше всего видно изъ слѣдующихъ цифръ. Къ началу царствованія Екатерины II въ Петровскѣ съ его уѣздомъ числилось 8669 душъ, въ Саратовѣ—6985, въ Дмитріевскѣ (нынѣ Камышинѣ)—1129 и въ Царицынѣ—679; при этомъ послѣдніе три города показаны безъ уѣздовъ³⁾. Правда, эти цифры, выведенныя на основаніи данныхъ

1) Ригельманъ. Исторія Донскихъ казаковъ, 103. Москва, 1846.

2) Сар. сем. библ., № 2662, 198.

3) Матеріалы для стат. Рос. Имп., отд. I, 56. Слб., 1839.

официальнаго характера, далеки от дѣйствительности,—такъ можно думать по сопоставленію съ ними числа открытыхъ съ 1700 до 1725 года церковныхъ приходо́въ: въ аткарскомъ уѣздѣ открылось ихъ 2, въ балашовскомъ—8, въ вольскомъ—6, въ камышинскомъ—3, въ саратовскомъ—2, въ кузнецкомъ—11, въ петровскомъ—3, въ сердобскомъ—11, въ хвалынскомъ и царицынскомъ—по 3¹⁾. Такимъ образомъ въ теченіи первой четверти XVIII столѣтія къ 26 приходамъ, возникшимъ къ началу этого столѣтія, прибавилось 52 новыхъ,—это убѣдительно говоритъ въ пользу нашей мысли относительно неточности приведенныхъ выше официальныхъ цифръ населенія въ четырехъ городахъ Саратовскаго края. Но если даже увеличить, хотя-бы въ десять разъ, эти официальные цифры народонаселенія, то и тогда окажется, что нашъ край къ началу царствованія Екатерины II былъ покрытъ очень рѣдкими и немногочисленными поселеніями.

Съ начала прошлаго столѣтія началось и заселеніе лѣваго берега Волги. Соблазнился выгодами жизни на привольныхъ земляхъ Заволжья, вдали отъ надзора правительственныхъ властей, многіе переселенцы въ мѣстностяхъ хвалынскаго и вольскаго уѣздовъ оставляли свои осѣлости здѣсь и перебирались на другую сторону рѣки, гдѣ и разбивали маленькіе хутора по теченію степныхъ рѣкъ²⁾. Царствованіе Екатерины II дало сильный толчекъ заселенію края. Екатерина указала раскольникамъ на Заволжье и отвела имъ тамъ болѣе 70.000 десятинъ хорошей земли; Екатерина щедро раздавала лежавшія въ саратовскихъ предѣлахъ пустопорожнія земли своимъ приближеннымъ сановникамъ и любимцамъ; Екатерина вызывала сюда изъ-за границы „людей всѣхъ націй, кромѣ жидовъ“; словомъ, Екатерина прилагала всѣ усилія, чтобы скорѣе заселить низовую окраину государства. И она старалась не напрасно: въ наказѣ, данномъ депутатамъ отъ города Саратова въ комиссію для составленія новаго Уложенія, чернососные крестьяне писали, что офицеры, дворяне, купцы и приказные служители завладѣли самыми удобными ихъ землями, самовольно перевели на нихъ своихъ крестьянъ и до того стѣснили коренныхъ жителей, что они принуждены у нихъ-же снимать дуга³⁾. Несмотря на

1) Имп. Публ. библ., № 527; уѣзды: вольскій, саратовскій, хвалынскій и царицынскій указаны по „Стат. очерку сар. епархіи“ игумена Іакова.

2) Имп. рус. геогр. Общ., папка Самар. губ., рук. Црота.

3) Сборн. Имп. рус. ист. Общ., IV, 113.

страшные дни пугачевщины, поволжская окраина заселялась такъ быстро, что, по указу 11 января 1780 года, въ видахъ лучшаго управленія обширной страной, образовано было самостоятельное Саратовское наместничество. Усиленный притокъ населенія не ослабѣлъ и въ послѣдующее время: въ 19-лѣтній промежутокъ между 7 и 8 ревизіями (въ саратовской губерніи первая происходила въ 1816, а вторая—въ 1835 г.¹⁾ общая численность всѣхъ податныхъ сословій увеличилась на 36%. Въ частности—мѣщанъ и цѣховыхъ прибавилось 18%, помѣщичьихъ крестьянъ—23%, свободныхъ хлѣбопашцевъ—46%, однодворцевъ—67%, колонистовъ—77% и купцовъ—90%; уменьшилось только число удѣльныхъ крестьянъ на 43% и государственныхъ—на 47%²⁾, очевидно, вслѣдствіе перевода ихъ отсюда въ другія удѣльныя и казенныя имѣнія. Отличіе колонизаціи новаго періода саратовской исторіи, начавшагося въ 1780 года, отъ предыдущаго состоитъ въ томъ, что теперь заселяются по преимуществу южныя части губерніи и степной, лѣвый берегъ Волги.

Такъ началась и такъ шла въ теченіи цѣлыхъ вѣковъ колонизація нашего края. Изъ какихъ именно мѣстъ обширной Россіи эмигрировали сюда переселенцы—трудно сказать съ положительной опредѣленностью, но смѣло можно предполагать, что не было ни одной области, которая не наполнила-бы избыткомъ своихъ жителей саратовское Поволжье. Тутъ можно встрѣтить уроженцевъ всѣхъ великорусскихъ и малорусскихъ губерній. Возьмемъ для примѣра нѣсколько селъ балашовскаго уѣзда: Ивановка населена выходцами изъ губерній тульской и орловской, Молоденки—изъ орловской и курской, Тростянка—изъ рязанской, Меликъ—изъ пензенской, Большая Грязнуха—изъ тамбовской, Малиновка—изъ калужской, Расказанъ—изъ воронежской. Тоже самое найдемъ и въ другихъ селахъ, и въ другихъ уѣздахъ, съ той лишь разницей, что къ перечисленнымъ губерніямъ придется прибавить еще губерніи: смоленскую, черниговскую, владимірскую, симбирскую, нижегородскую и другія³⁾. Переселенцы изъ центральныхъ областей Россіи занимали мѣста по преимуществу въ сѣверо-западной части края, ибо подвигались оттуда, а переселенцы изъ верховаго Поволжья спускались

¹⁾ Фадѣевъ, loc. cit., 77.

²⁾ Матер. для стат. Рос. Имп., отд. I, 149.

³⁾ Списки насел. мѣстъ. Саратов. губ., стр. XXXVII.

по Волгѣ, и осѣдали по ея берегамъ. Впрочемъ, и на прибрежьяхъ Волги, въ уѣздахъ хвалынскомъ и вольскомъ, можно найти не мало выходцевъ изъ центральныхъ губерній, особенно изъ-подъ Москвы и Егорьевска, яванской губерніи, переведенныхъ сюда Чудовымъ монастыремъ¹⁾, или изъ губерніи владимірской²⁾, по преобладанію по численности и древности поселенія остается все-таки за выходцами изъ верховаго Поволжья. Всего яснѣе показываетъ это языкъ: особенности говора у поволжскихъ простолюдиновъ здѣсь тѣже самыя, которыя господствуютъ и въ верховыхъ губерніяхъ³⁾. Еще разнообразіе составъ населенія въ Заволжьи. Стоитъ обратить вниманіе на названія селеній въ мѣстностяхъ нынѣшнихъ николаевского и новоузенскаго уѣздовъ, чтобы понять, какъ отовсюду стекались сюда русскіе колонисты. Вотъ Щигры, вотъ Ливенка, рядомъ двѣ Пензятки, дальше—двѣ Орловки, Калужское, Можайка, двѣ Козловки, Новокурское, Морша и Моршанка, двѣ Тамбовки, двѣ Новотулки, Ломовка, двѣ Полтавки, Борисоглѣбовка, Кирсановка, Смоленка, Валувка, Харьковка, Украина, двѣ Черниговки и даже Питерка⁴⁾. Исторія заселенія Саратовскаго края даетъ возможность составить предположеніе объ основныхъ элементахъ здѣшняго народонаселенія. Этими элементами были: бѣглецы холопы, служилые люди, ссыльные преступники, стрѣльцы, казаки, крестьяне и выходцы западной Европы. Все это были элементы неустойчивые, протестующіе, люди болѣе или менѣе недовольные своимъ общественнымъ положеніемъ и существующими порядками, люди темные и буйные, каждую минуту готовые стать въ оппозицію правительству. Каждый изъ нихъ, селясь на привольныхъ земляхъ дикаго края, переносилъ сюда вмѣстѣ съ собой и свое міровоззрѣніе, свой кругъ религиозныхъ и моральныхъ убѣжденій, и каждый оставлялъ здѣсь, по выраженію графа Стенбока, „частичку своей безнравственности, суевѣрія и безвѣрія и полагалъ начало тому хаосу, въ которомъ и донимѣ находится народонаселеніе края“⁵⁾. Такой составъ населенія какъ нельзя больше облегчалъ доступъ расколу въ предѣлы нашего края и едва-ли можно сомнѣваться, что ра-

1) Ниж. сем. библ., № 3774, 209.

2) Сар. Сборн., II, 176.

3) Рукоп. Гана, стр. 8.

4) Списки нас. мѣсть Самар. губ., 76--102.

5) Имв. Публ. библ., f., I, № 515.

сколь съ первыхъ-же дней его появленія въ русской церкви проникъ въ саратовскіе предѣлы: Уже въ 1661 году ловятъ въ Царицынѣ чернаго дьякона Сильвестра, вмѣстѣ съ чернецомъ Іосифомъ и дьячкомъ Алешкой, которые занимались списываніемъ для гулящихъ людей „богоотступныхъ раскольническихъ писемъ“¹⁾).

„Нельзя указать ни годъ появленія, ни лица, которое замесло сюда расколъ“,—говоритъ протоіерей Чернышевскій въ одномъ изъ своихъ рапортовъ Іакову (въ 1839 году); „несомнѣнно одно, что онъ явился здѣсь очень рано, почти одновременно съ другими городами Поволжья. Волга въ мутныхъ волнахъ своихъ принесла сюда первые зародыши и сѣмена раскола“. Это тѣмъ болѣе вѣроятно, что Нижегородскій край, въ которомъ расколъ появился еще прежде своего осужденія на московскомъ соборѣ, находился въ постоянныхъ торговыхъ сношеніяхъ съ Саратовомъ и другими низовыми приволжскими мѣстностями: „святаго патріарха приказные люди, и дѣти боярь, и работные люди, учужные промышленники“ вѣзди на стругахъ, паузкахъ и лодкахъ въ Астрахань и на тѣ суда наймовали всякихъ работныхъ людей, а изъ Астрахани на тѣхъ-же судахъ возвращались по Волгѣ назадъ въ Нижній, „со учугомъ, съ рыбою, и съ икрою и со всякими рыбными обиходы и съ солью“²⁾). Въ качествѣ „работныхъ людей“ нижегородскіе и вообще верховые раскольники свободно могли пробираться въ низовое Поволжье, а пробраться сюда имѣло для нихъ смыслъ: здѣсь имъ была обезпечена не только свобода дѣйствій и удобство пропаганды, но и открывался широкой просторъ для буйнаго разгула мятежныхъ стремленій. И тѣмъ и другимъ они, разумѣется, не замедлили воспользоваться: закинула пропаганда и скоро расколъ вступилъ здѣсь въ темную, негласную, но все-же довольно смѣлую борьбу съ государственною властью,—онъ примкнулъ къ движенію Стеньки Разина. Шаповъ, конечно, преувеличиваетъ размѣры участія раскольниковъ въ дѣлѣ возмущенія, говоря, что „въ бунтѣ Стеньки Разина расколъ явился уже объединяющей силой, душой движенія“, что „бунтъ Стеньки Разина былъ вмѣстѣ и бунтомъ раскола, первымъ явнымъ народнымъ движеніемъ его“³⁾). Центръ тяжести этого движенія лежалъ совсѣмъ не въ расколѣ; народными

¹⁾ Доп. къ Акт. истор., IV, № 99, стр. 243.

²⁾ Пол. собр. закон., I, № 93, стр. 286.

³⁾ Шаповъ. „Земство и расколъ“, 46—47. Спб. 1862.

массами руководилъ стимулъ не релігіознаго, а экономическаго характера, какъ это доказываетъ отписка въ Москву, отъ 17 декабря 1670 года, Андрея Унковскаго изъ Царицына: „изъ всѣхъ де донскихъ и хоперскихъ городковъ казаки, которые голутванные люди, и съ Волги гулящіе люди идутъ къ нему Стенькѣ многие... потому что на Дону стало гораздо много, а кормиться имъ нечѣмъ, никакихъ добычь не стало“¹⁾. Но то несомнѣнный фактъ, что содѣйствіе раскольничьяго элемента въ населеніи Поволжья значительно помогло успѣхамъ Разина. Возьмемъ на выдержку нѣсколько фактовъ. Весной 1670 года Разинъ подступилъ къ Царицыну. Стрѣльцы, наравнѣ съ казаками почти поголовно раскольники, измѣняютъ присягѣ и отворяютъ ворота города. Монахи Троицкаго монастыря располагаютъ жителей къ измѣнѣ, а казначей, старецъ Авронъ, даетъ даже Стенькѣ благословеніе на его дѣла... Стенька осаждаетъ Астрахань. Измѣна стрѣльцовъ и многихъ жителей, сбитыхъ съ толку мовахами, передала въ его руки этотъ важный городъ. Разинъ подходитъ къ Саратову—и безъ сопротивленія сдается ему Саратовъ²⁾. На мысль объ участіи раскольниковъ въ движеніи Разина еще больше наводитъ то обстоятельство, что въ шайкѣ мятежниковъ находился какой-то курскій попъ Никифоръ Ивановъ. Изъ отписки князя Григорія Ромодановскаго къ Алексѣю Михайловичу видно, что этотъ попъ выѣхалъ съ Дону и „какъ де Стенка Разинъ стрѣльцовъ на Волгѣ разбивалъ и тотъ де попъ былъ съ нимъ Стенкою на стругу и воровалъ и людей побивалъ вмѣстѣ“; изъ показаній самого попа явствуетъ, что „пошелъ онъ, попъ, для сбору милостыни на церковное строеніе изъ Курска на Донъ въ вышней въ Чирь городокъ“³⁾. Если вспомнить, что этотъ „вышней Чирь городокъ“ былъ однимъ изъ главныхъ центровъ раскола въ землѣ войска Донскаго, что, немного спустя послѣ Разинскаго возмущенія, именно сюда, „широко новымъ догматомъ раздающимъ и прещенію повсюду належащу“, пришелъ старецъ Іовъ, который построилъ „при Чирѣ рѣцѣ монастырь“ и въ немъ „поставилъ церковь и тоя поставленіе смертію своею запечатлѣ“⁴⁾,—то понятно станетъ, какой попъ могъ пойти сюда „за милостынею на церков-

¹⁾ Поповъ. Матеріалы для ист. возмущ. Ст. Разина, 49—50.

²⁾ Пам. кн. Сар. губ. на 1858 г. Ст. Н. И. Костомарова, 9—10.

³⁾ Поповъ. Мат. для ист. возм. Ст. Раз., 8, 13.

⁴⁾ Ал. Б. Опис. нѣк. сочин. I, 276. Сиб. 1861.

ное строение". Этого, кажется, поць писаль для Стеньки „обольстителныя письма“¹⁾.

Разинскій бунтъ означился неудачей. Эта неудача не убила, однако, энергiи саратовских раскольниковъ. Съ одной стороны—привычка къ вольности, съ другой—все большее и большее отдаленіе правительства отъ древляго благочестія, примѣръ и поученія разныхъ „свѣтильниковъ вѣры“, въ родѣ старца Іова, бывшаго келейника патріарха Филарета, или тихвинскаго игумена Досмеея, подвизавшихся въ 80-хъ годахъ XVII вѣка въ сосѣдствѣ съ саратовскими предѣлами, на Чирѣ рѣкѣ, гдѣ они устроили формальный скитъ и равноестно отстаивали интересы раскола,—все это до болѣзненности усиливало въ нихъ чувство негодованія противъ новыхъ порядковъ и побуждало многихъ изъ нихъ отъ времени до времени примыкать къ противосбщественнымъ и противоправительственнымъ движеніямъ народныхъ массъ въ низовомъ Поволжьи. Подобныя народныя движенія не имѣли уже тѣхъ грандіозныхъ размѣровъ, какъ бунтъ Разина, но самый фактъ замѣтнаго участія въ нихъ раскольниковъ весьма любопытенъ для характеристики историческаго момента, переживаемаго въ то время мѣстнымъ расколомъ: раскольники, очевидно, все еще не хотѣли, а пожалуй, и не могли помириться съ давившей на нихъ властью, вѣрили еще въ возможность успѣха и давали изъ своей среды не мало буйныхъ головъ, рѣшавшихся попытать счастья въ неравной борьбѣ съ правительствомъ. Рядъ попытокъ подобнаго рода тянулся съ значительными промежутками въ теченіи цѣлаго столѣтія и завершился дѣями Пугачева. Въ 1693 году по низовому Поволжью разнеслись тревожные слухи, что раскольники-казаки вмѣстѣ съ татарами собираются разбойничать по Волгѣ²⁾; слухи оказались не безосновательными: раскольники, сплотившись въ крупныя шайки, дѣйствительно, взялись за разбой. Правительству пришлось серьезно взглянуть на это и въ 1696 году удалось переловить не мало удалыхъ молодцовъ, которымъ дуперстіе не мѣшало производить въ широкихъ размѣрахъ убійства и грабежи по матушкѣ Волгѣ³⁾.

Если въ фактахъ подобнаго рода можно еще не видѣть идейной подкладки, если смотрѣть на нихъ только какъ на проявленіе

¹⁾ Акты Арх. экспед., IV, № 179, стр. 281.

²⁾ Акты Истор., № 221, стр. 377.

³⁾ Ibidem, V, № 254, стр. 465.

корыстныхъ стремленій, то этого нельзя уже будетъ сказать о камышинскомъ бунтѣ 1700 года: онъ ясно свидѣтельствуетъ, что недобольные преобразованиями Петра не даромъ искали себѣ отголоска въ поволжскомъ нивовьи. Объ этомъ бунтѣ и его мотивахъ подробно говорится въ отысканной и опубликованной г. Мордовцевымъ старинной рукописи, подъ названіемъ „*Дополнительная свѣдѣнія изъ исторіи города Камышина принадлежащая*“. Дѣло представляется въ такомъ видѣ. Весной 1700 года прѣхалъ изъ Москвы въ Камышинъ, — тогда еще Дмитріевскъ, — какой-то бояринъ съ указомъ отъ государя, чтобы воевода и наибольшіе служилые люди при немъ обрили бороды и надѣли нѣмецкое платье. Указъ былъ исполненъ и царскій посланникъ уѣхалъ обратно. Казаки-раскольники сосѣднихъ съ Дмитріевскомъ станицъ Вурлуцкой, Галюгаевской и Черногаевской были возмущены такой покорностью царской волѣ своихъ сосѣдей и, осадивъ городъ за бритье бороды и нѣкоторыя другія новины, принятыя воеводой Бушемъ вмѣстѣ съ подвѣдомственными ему чиновниками, хотѣли въ конецъ раззорить его, пожечь строенія и увести въ плѣнъ жителей. Послѣ недѣльной осады имъ удалось, благодаря измѣнѣ городскихъ воротниковъ, проникнуть въ городъ ночью порою. Воевода бѣжалъ на островъ. Поутру началась дикая расправа: „бритымъ людямъ головы рубили, а другимъ насыпали въ пазуху камни и бросали съ яру въ воду; иныхъ привязывали къ деревьямъ, пускали по водѣ и палили въ нихъ изъ ружьевъ. Таковыя буйственные поступки производили больше шести недѣль, съ тѣмъ намѣреніемъ, покуда живущіе не приведутъ къ нимъ воеводу. Когда-же воевода былъ сысканъ и привезенъ съ острова обросши уже бородою, то хотѣли его казнить, но отъ того упростили казаковъ всѣ жители. Такимъ образомъ поступивъ съ нами, поселенцами, казаки сказали: чтобъ впредь мы бородъ не брили, платья нѣмецкаго не носили, старой вѣры не перемѣняли и въ томъ государя не слушали, а были-бы съ ними, казаками, за-одно, въ чемъ и присягой насъ обязали всѣхъ“¹⁾. Мятежники оставили Дмитріевскъ не потому, конечно, что повѣрили присягѣ жителей: для усмиренія широко разливагося и по окрестнымъ городамъ бунта двинулся астраханскій воевода, князь Хованскій, съ калмыками, который и потушилъ во время это движеніе²⁾. Черезъ пять лѣтъ, въ 1705

¹⁾ „Сар. губ. Вѣд.“ 1857, № 15.

²⁾ „Пам. кн. Сар. губ. на 1858 г.“, 12.

году, тѣ-же раскольники, со стрѣльцами во главѣ, стѣлнулись въ Астрахани и распускали слухи, что царь хочетъ установить новую вѣру, велить кланяться иноземнымъ болванамъ, брить бороды, носить нѣмецкое платье и всѣхъ русскихъ дѣвокъ насильно выдавать за нѣмцевъ. Слухи эти скоро сдѣлали свое дѣло: для спасенія вѣры и отечества вспыхнулъ новый бунтъ, распространившійся до самаго Царицына. Для усмиренія его понадобился самъ фельдмаршалъ Б. П. Шереметевъ¹⁾.

Этихъ примѣровъ вполне достаточно. Они ясно доказываютъ, что къ самому началу XVIII столѣтія расколъ уже твердой ногой сталъ въ саратовскихъ предѣлахъ. Недостатка въ сторонникахъ—и при томъ сторонникахъ, активныхъ, богатыхъ энергіей, доходящей до дерзости и фанатизма—онъ не чувствовалъ. Въ какихъ именно частяхъ края ранѣе и прочіе всего обосновался онъ—сказать съ увѣренностью трудно: ни въ одномъ изъ извѣстныхъ мѣстъ памятниковъ стараны не встрѣчается на этотъ счетъ никакихъ указаній; но есть возможность представить нѣкоторыя догадки, имѣющія за собой большую долю вѣроятности. Несомнѣнно, расколъ распространился по тому-же направленію, по которому совершалась и колонизація края, ибо раскольники являлись вмѣстѣ и колонистами; но если такъ, то на основаніи сказаннаго выше о ходѣ колонизаціоннаго процесса приходится допустить, что расколъ двигался разомъ съ двухъ сторонъ: съ сѣвера—по Волгѣ и съ сѣверо-запада—черезъ кузнецкій и саратовскій уѣзды. Первый путь былъ удобнѣе второго, какъ по быстротѣ, такъ и по легкости передвиженія; по нему предпочтительно и проникали раскольники. По берегу Волги они впервые обосновались и прочно и надолго. Вообще расколъ, разъ захвативъ въ свою власть какую-нибудь мѣстность, держался въ ней крайне упорно, исчезая отсюда только послѣ продолжительной, энергической борьбы. Вездѣ, гдѣ онъ, такъ сказать, акклиматизировался съ древняго времени, мы встрѣчаемъ его и во времена новѣйшія; пункты его первоначальнаго появленія надолго оставались центрами, очагами, изъ которыхъ онъ распространялся во всѣ стороны. Такъ, занявъ около 1678—1688 годовъ Баранниковъ и Мячевъ-Буераки (близъ Саратова), раскольники устроили здѣсь свои скаты и, несмотря на всѣ притѣсненія саратовской администраціи, держа-

¹⁾ Памятн. кн. Сар. губ. на 1858 г., 18.

лись въ нихъ до 40-хъ годовъ текущаго столѣтїя,—до самой ревизїи сенатора Денфера¹⁾. Тоже было и въ другихъ мѣстахъ. Тамъ, очень рано появился расколъ въ селѣ Воскресенскомъ: въ концѣ XVII столѣтїя здѣсь былъ уже большой раскольническій скитъ или монастырь, тогда какъ православная церковь явилась только въ половинѣ XVIII вѣка²⁾, и село это до нашихъ дней представляетъ одинъ изъ крупнѣйшихъ центровъ раскола по вольскому уѣзду. Селеніе Сосновый Островъ, Самодуровка, Апалиха, Сосновая и Окатная Мазы были для хвалыискаго уѣзда тѣмъ-же, чѣмъ Воскресенское—для уѣзда вольскаго: сюда раньше всего былъ занесенъ расколъ,—первыми пропагандистами его были бѣжавшіе изъ Москвы стрѣльцы,—и здѣсь прочіе всего ослѣлся онъ, распространяясь отсюда по другимъ, позже основаннымъ селенїямъ³⁾,—значение центровъ раскола не утрачено этими селенїями до самаго послѣдняго времени. Тоже самое явленіе можно наблюдать и ниже по Волгѣ: „Отъ Саратова до Царицына,“—говоритъ протоіерей Иванъ Терновскій въ составленномъ имъ, по порученію преосв. Іакова, описанїи камышинскаго уѣзда,—„нѣтъ ни одного села, хутора, гдѣ-бы жители вмѣстѣ съ волжской водой не всосали въ себя и раскола“⁴⁾. Объясненіе этого явленїя даетъ тотъ-же Терновскій въ другихъ мѣстахъ своего „Описанїя“: оказывается, что большинство поволжскихъ селенїй или основано выходцами изъ раскольниковъ, или заселено ими въ очень древнія времена. Возьмемъ село Золотое, болѣе чѣмъ на половину состоящее изъ раскольниковъ: оно основано выходцами-раскольниками въ концѣ XVII вѣка. Возьмемъ деревню Ваулино: она возникла около 1700 года и расколъ занесенъ сюда при самомъ основанїи; взглянемъ на Сиененькіе, Мордовы, Ахмать, Баниное: во всѣхъ этихъ селенїяхъ расколъ составляетъ какъ-бы „наслѣдственную чахотку“,—онъ перешелъ по наслѣдству отъ первыхъ поселенцевъ⁵⁾. Это приложимо не къ одному нагорному, но и къ луговому берегу Волги: членъ совѣта министерства внутреннихъ дѣлъ, Арсенъевъ, изслѣдовавшій въ 1833 году, по порученію правительства, состояніе раскола въ заволжскихъ уѣз-

1) Дѣла Свѣр. Комит. vol. XIX, л. 1276.

2) „Сар. губ. Вѣд.“ 1879, № 231.

3) Ниж. сем. библ., № 3774, 209; Сборн. стат. свѣд. по Саратов. губ., V, 18. Саратовъ. 1838.

4) Сар. сем. библ., № 2662, л. 191.

5) Ibidem, 247, 251, 244.

дахъ Саратовской губерніи, писалъ въ своихъ донесеніяхъ министерству, что старожидаы Заволяжья—раскольники, удалившіеся сюда, по ихъ собственнымъ словамъ, для тихаго и безмолвнаго житія подъ сѣнію благодати и духа Господня. „Честь открытія, первоначальнаго населенія и устроенія сихъ странъ,“—говоритъ онъ, —, принадлежатъ старообрядцамъ, которые, чуждые всякаго на нихъ вліянія правительственныхъ властей, свободно насаждали здѣсь сѣмена своего ученія, нынѣ твердо и глубоко укоренившіяся“¹⁾. Это указаніе Арсеньева подтверждаетъ и Фадѣевъ въ своихъ „*Очеркахъ статистическаго описанія Саратовской губерніи*“: на основаніи манифеста 1763 года, раскольники заняли берега Иртыза, гдѣ еще съ древнихъ временъ существовали ихъ скиты²⁾. Нѣтъ никакихъ поводовъ замедозривать показанія Арсеньева и Фадѣева, смотрѣть на нихъ, какъ на голословныя и бездоказательныя, тѣмъ болѣе, что справедливость ихъ вполне подтверждается однимъ официальнымъ документомъ, донесеніемъ архіепископа казанскаго Сильвестра, слушаннымъ въ Святѣйшемъ Синодѣ 23 февраля 1727 года, въ которомъ, между прочимъ, говорится: „...Да по той-же его преосвященства енаркіи, по рѣкѣ Киргизѣ (Иртызу), изъ верховыхъ городовъ и уѣздовъ живутъ раскольники, убѣгая отъ изысканія, съ женами и дѣтьми многолюдно, и для слѣдствія въ оныя мѣста посылать и собою въѣзжать за малолѣтствомъ опасно, пожеже де отъ гражданскихъ правителей для вспоможенія солдатъ и нимаго его преосвященству не дають, отчего на Киргизѣ слѣдствію о раскольникахъ учинилась оstonовка; а напередъ де сего Тихонъ митрополитъ³⁾, для оныхъ нуждъ, отъ тамошнихъ губерній получалъ офицеровъ и солдатъ, сколько ему понадобится“. Синодъ согласился на просьбу и просилъ въ свою очередь сенатъ сдѣлать распоряженіе, „чтобъ, для вспоможенія и посылковъ, въ енаркіи онаго преосвященнаго Сильвестра архіепископа ко взысканію и слѣдствію выше упомянутыхъ раскольниковъ по требованію его преосвященства даваны были тамошняго (казанскаго) гарнизона офицеры и солдаты, надлежащее число, безъ удержанія“⁴⁾. И донесеніе Силь-

1) Дѣла Секр. Комит., vol. XIX, стр. 1102—1103.

2) Имп. рус. геогр. Общ.; папка Сар. губ., рук. Фадѣева, стр. 86.

3) Тихонъ былъ митрополитомъ казанскимъ и свияжскимъ съ 25 марта 1699 года до самой смерти своей, послѣдовавшей 23 марта 1724 года. См. Толстой, Списки архіереевъ и арх. кафедръ, 8; стр. 94. Спб. 1872.

4) „Пол. собр. пост. и расп. по вѣд. прав. исп. Рос. имп.“, V, 496. Спб. 1881.

вестра, съ его ссылкой на предшественника, и распоряженіе Синода такъ краснорѣчивы сами по себѣ, что не требуютъ никакихъ комментарій, и я добавлю лишь, что приведенное постановленіе подтверждено было Синодомъ и 13 марта того-же года¹⁾), „многочудное“, съ жваами и дѣтьми, житіе раскольниковъ по Иртызамъ представлялось, очевидно, фактомъ довольно крупнымъ и совсѣмъ не соответствующимъ видамъ духовныхъ властей. Къ чему привели всё это „изысканія и слѣдствія“—неизвѣстно; всего вѣроятнѣе—ни къ чему, ибо ни Сильвестръ, ни его преемники не стяжали славы Питирима нижегородскаго.

Далѣе вѣроятность соображенія о первоначальномъ появленіи раскола по берегамъ Волги подтверждается и тѣмъ наблюденіемъ, что приволжскіе раскольники гораздо постояннѣе и тверже въ своихъ убѣжденіяхъ сравнительно съ своими собратьями по вѣрѣ, живущими вдали отъ Волги. По замѣчанію одного сельскаго священника, который нѣтъ лѣтъ жаль въ 60-ти верстахъ отъ Волги, а десять лѣтъ—на самой Волгѣ, „въ приволжскихъ мѣстахъ чисто-православныхъ нѣтъ, но всё придерживаются старины, хотя-бы они постоянно ходили въ церковь, каждый годно исповѣдывались и причащались. Это преимущественно замѣтно въ сложениіи чертовъ для крестнаго знаменія и въ хожденіи по-солонь“... Изъ здѣшнихъ раскольниковъ каждый крутко держится своего толка, хорошо знаетъ его требованія и живетъ, по возможности, согласно съ ними. Рѣдко переходитъ окъ въ другую какую-либо секту, хотя-бы въ душѣ и признавалъ ее правильнѣе: „тому, кто переимѣнитъ вѣру, будетъ подъ адомъ адъ“. Напротивъ, живущіе дальше отъ Волги менѣе привязаны къ своей сектѣ и малосвѣдущи, къ вѣрѣ-же очень холодны. Если раскольнику нужно почему-либо показать себя православнымъ, то онъ не задумывается явиться въ церковь и объявить себя такимъ.... Подобное явленіе между приволжскими раскольниками невысказано: „тамъ осмѣютъ, а здѣсь—ничего“²⁾). Причину такого явленія трудно объяснить чѣмъ-либо другимъ, кромѣ предпочтительной древности раскола на волжскомъ побережьи; усиленное тяготѣніе здѣшняго населенія къ старому обряду есть, безъ сомнѣнія, результатъ прочно установленныхъ традицій, для выработки

¹⁾ Ibidem, 511.

²⁾ „Сар. Епарх. Вѣд.“ 1878, № I, 9—12.

которыхъ здѣсь было больше времени, чѣмъ въ отдаленныхъ отъ Волги мѣстностяхъ, куда расколъ проникъ позже. Не даромъ поволжскіе раскольники на вопросъ о причинѣ коснѣнія въ расколѣ любятъ отдѣливаться такимъ отвѣтомъ: „мы не по себѣ такъ, мы по отцамъ и дѣдамъ,“—для нихъ расколъ болѣе, чѣмъ для кого другого въ Саратовскомъ краѣ, освященъ авторитетомъ древности.

Одновременно или немного позже появился расколъ и въ сѣверо-западной части края. Въ нынѣшнемъ столѣтіи открыты въ кузнецкомъ уѣздѣ древнія пещеры, высѣченныя въ горѣ при впаденіи рѣки Каслея въ рѣку Кададу. Мѣсто это донынѣ окружено обширнымъ, вѣковымъ сосновымъ лѣсомъ и находится вдали отъ всякаго жилья. Пещеры представляютъ собой длинный, изогнутый рядъ высѣченныхъ въ горѣ отдѣльныхъ помѣщеній, соединяющихся одно съ другимъ узкими проходами. При открытіи въ нихъ найдено множество восковыхъ свѣчъ и старыя иконы. Несомнѣнно, это былъ одинъ изъ великаго множества раскольническихъ жилищъ, которые ютились по глухимъ лѣсамъ Поволжья въ эпоху наибольшаго гоненія на расколъ. Слѣды подобныхъ-же древнихъ жилищъ помѣщеній, иногда вырытыхъ въ землѣ и когда-то выложенныхъ внутри даже камнями, сохранились и по другимъ мѣстностямъ кузнецкаго уѣзда¹⁾. О нихъ не сохранилось въ народѣ никакого преданія; память о скитахъ и скитникахъ изгладилась, исчезла совершенно. Много времени должно было пройти, прежде чѣмъ народъ забылъ своихъ бывшихъ учителей.

Этимъ исчерпывается все, что можно сказать въ данную минуту о времени и мѣстѣ первоначальнаго появленія раскола въ нашемъ краѣ. Пока остается только надѣяться, что со временемъ, когда основательно будутъ изслѣдованы и разработаны мѣстные архивы, явится возможность сказать что-нибудь больше. Еще сложнѣе, еще неопредѣленнѣе вопросъ о формѣ, въ какой первоначально появился здѣсь расколъ. Г. Артемьевъ настойчиво утверждаетъ, что расколъ явился въ формѣ поповщины²⁾, но никакихъ положительныхъ данныхъ въ пользу этого утвержденія онъ не приводитъ. Правда, и численный перевѣсъ послѣдователей поповщины, и преимущественное распространеніе ея въ старѣйшихъ по времени за-

1) Сар. Сборн., II, 362.

2) Зап. Артемьева, 66.

селенія мѣстностей края, и сохранившіяся въ народѣ темныя преданія о старинныхъ бѣглыхъ понахъ,—все это заставляетъ склониться въ пользу его мысли, но все это нельзя назвать въ существѣ дѣла доказательствами. Въ самомъ дѣлѣ, пусть въ хвалынскомъ уѣздѣ, близъ Апалиха и Селитбы, рассказываютъ легенду о попѣ, бѣжавшемъ изъ арміи во времена Петра Великаго и основавшемъ въ тамошнихъ горахъ скитъ. Что-же изъ этого? Намъ съ несомнѣнностью извѣстно, что расколъ проникъ въ Саратовскій край гораздо раньше этого времени, до дней Петра. Пусть поповцевъ больше, чѣмъ безпоповцевъ; но вопросъ—когда? Наши цифровыя данныя не восходятъ раньше начала XIX столѣтія, а между тѣмъ къ концу прошлаго вѣка образовались Иргизскіе монастыри; ихъ явленіемъ легко объяснить численный перевѣсъ послѣдователей поповщины. Въ виду полного отсутствія положительныхъ, неоспоримыхъ данныхъ, которыя могли-бы служить надежной опорой для взгляда на поповщину, какъ на самую древнюю форму, въ которой распространялся расколъ по Саратовскому краю, лучше всего оставить этотъ вопросъ открытымъ, признавъ рѣшеніе его г. Артемьевымъ только за болѣе или менѣе вѣроятное, но никакъ не за безусловно-вѣрное.

Появившись въ саратовскихъ предѣлахъ въ концѣ XVII столѣтія, расколъ въ теченіи всей первой половины слѣдующаго вѣка росъ и развивался здѣсь почти безпрепятственно, благодаря и обширности края, и недостатку органовъ центральной власти, и отсутствію сколько-нибудь удовлетворительныхъ путей сообщенія. Расколъ не имѣлъ „возбраненія себѣ“ и свободно расширялъ сферу своей дѣятельности, охватывая крѣпкой сѣтью рампы бывшихъ здѣсь и постоянно приливавшихъ вновь колонистовъ. Исторія его жизни за это время, до самаго 1762 года, темна, неясна; сохранились извѣстія, представляющія собой что-то въ родѣ короткихъ отрывковъ, концы которыхъ трудно, а подчасъ и совсѣмъ невозможно связать другъ съ другомъ. Не подлежитъ сомнѣнію только одно, именно, что прогрессивному развитію его за это время, расширенію области его владѣній сильно содѣйствовала дѣятельность „равноапостольнаго“ Питирима въ Нижегородскомъ краѣ. Многочисленное раскольничье населеніе нижегородской губерніи, доходившее по переписи 1716 года до 40.000 однихъ оклад-

ных¹⁾, подъ давленіемъ желѣзной руки этого ревностнаго обратителя разбѣгалось во всѣ стороны и въ большомъ количествѣ укрывалось въ саратовскомъ Поволжьи. Лѣса керженскіе и чернораменскіе, быть можетъ, не столько выслали своихъ скитниковъ на Ветку, сколько сюда: и путь былъ знакомѣе, и связи короче, и сама природа, если можно такъ выразиться, роднѣе. При томъ-же и сенатскій указъ 1723 года, предписывавшій всѣмъ помѣщикамъ и вотчинникамъ смотрѣть и наблюдать, „чтобы въ лѣсахъ скитковъ и пустынекъ раскольщиками строено отнюдь не было“²⁾, едва-ли имѣлъ здѣсь большее значеніе, чѣмъ въ стародубскихъ и ветковскихъ предѣлахъ: хартія осталась хартіей, указъ былъ мертвой буквой. Любопытный фактъ, подтверждающій мнѣніе, что излюбленнымъ мѣстомъ, въ которое направлялись побѣги верховыхъ раскольниковъ, было именно низовое Поволжье, находится въ „Исторіи Россіи“ Соловьева: „Въ самомъ началѣ 1743 года сенату докладывано; что по челобитью казанскихъ землевладѣльцевъ для поимки бѣглыхъ крестьянъ и для искорененія воровъ по рѣкамъ Волгѣ, Медвѣдицѣ, Карамышу и въ Саратовской степи опредѣлено послать штабъ-офицера съ командой. Донской атаманъ донесъ, что всѣ казачьи хутора, въ которыхъ бѣглецамъ не безъ пристанища было, искоренены, а бѣглыхъ, скрывавшихся въ станицахъ и лѣсахъ, отправили въ крѣпость Святой Анны, Царицынъ и другія мѣста... Въ рядахъ этихъ воровъ и бѣглецовъ,—добавляетъ Соловьевъ,—не мало было раскольниковъ“³⁾.

Отпискѣ атамана по начальству о полномъ искорененіи хуторовъ, „въ которыхъ бѣглецамъ не безъ пристанища было“, вѣрить, разумѣется, нельзя: она слишкомъ хвастлива, чтобы быть правдивой. Какъ обследовалъ штабъ-офицеръ съ командой берега Медвѣдицы и Карамыша—неизвѣстно, но береговъ Волги, кромѣ саратовскаго уѣзда, его нашествіе едва-ли коснулось сколько-нибудь серьезно, хотя,—если въ этомъ штабъ-офицерѣ видѣть Сергія Мясоѣдова, съ которымъ мы знакомы раньше,—онъ и отыскалъ за время командировки до 5000 бѣглецовъ. По крайней мѣрѣ, существовавшій въ это время въ Оленьей Балкѣ, въ 15 верстахъ раз-

1) Полн. собр. зак., XV, стр. 908, № 11.435.

2) Собр. пост., по вѣд. Св. Снн., I, 89. Спб., 1860.

3) Соловьевъ, Ист. Рос., XXI, 252; св. 256. Москва, 1871.

стоянія отъ Дубовки, раскольничій скитъ, который основанъ былъ съ дозволенія, а можетъ быть и при содѣйствіи извѣстнаго атамана волжскихъ казаковъ, Макара Персидскаго, уцѣлѣлъ во всей своей неприкосновенности. Въ Оленьевскомъ скитѣ жили 12 старцевъ, во главѣ которыхъ стояли іеромонахъ Сергій и старецъ Александръ, явившіеся сюда съ Ветки. Въ 40-хъ годахъ прошлаго вѣка пришелъ въ этотъ скитъ и бѣглый попъ изъ Илавлинской станицы Донского войска, Тимоѣей, принявшій отъ Сергія постригъ и удалившійся потомъ на Ветку, откуда, въ 1757 году, посланъ былъ на Яикъ смѣнить старца Авраамія. Самъ Макарь Персидскій, несмотря на полное сочувствіе интересамъ раскола, велъ дѣло осторожно и только подъ рукою помогалъ скитникамъ деньгами и хлѣбомъ, стараясь, чтобы эта помощь не подучала огласки: для отвода глазъ властямъ или „искупующе время, яко дніе лукави быша“, онъ началъ даже постройку въ 1763 году въ Дубовкѣ православной церкви¹⁾. Но сынъ его Андрей дѣйствовалъ гораздо откровеннѣе: онъ часто посѣщалъ Олений скитъ и даже присутствовалъ при постриженіи Тимоѣея. Прямое и косвенное покровительство расколу со стороны Персидскихъ и большинства старшинъ Волжскаго казачьяго войска дало возможность возникнуть въ окрестностяхъ недавно устроенной Дубовки множеству большихъ и малыхъ скитовъ, которые скоро вступили въ самое тѣсное, непосредственное сношеніе съ Веткой, Стародубьемъ и разгромленнымъ Керженцомъ, откуда заимствовались попами и чернецами для совершенія требъ²⁾. Въ саду Макара Персидскаго устроился его зять, донской казакъ Минѣй Сергѣевъ, дававшій у себя пріютъ многимъ раскольникамъ. Близъ загороднаго дома Персидскаго, въ Дубовкѣ, на берегу Волги жили крупные расколоучители Никаноръ и Игнатій; близъ хутора войскаго старшины Захара Ситникова, на рѣкѣ Малой Бердеѣ, обосновался грамотный старецъ Феоданъ, усердно трудившійся на пользу раскола; при домѣ дубовскаго казака Алексія Медьникова устроенъ скитъ съ немалымъ числомъ бѣльцовъ изъ безпоповцевъ, какъ мужчинъ, такъ и женщинъ; у дубовчанина-же Ѳомы Спиридонова находили пріютъ и убѣжище бѣглецы съ Дона

¹⁾ Сар. сем. библ., № 2863, 40.

²⁾ Собр. пост., по вѣд. Св. Синода, I, 600.

и изъ другихъ странъ¹⁾. Всѣ эти скиты и пустыни, надо полагать, не безызвѣстны были мѣстнымъ властямъ предержавшимъ, ибо слава о нихъ шла до Яика, куда отправлялись изъ дубовскихъ странъ истовые попы, откуда испрашивалось у здѣшнихъ скитниковъ разъясненіе вопросовъ вѣры и церковнаго благочинія,—дубовскіе скиты приобрѣли значеніе промежуточной станціи между Веткой и Яикомъ. Но покровительство мѣстныхъ магнатовъ изъ казаковъ спасало ихъ отъ разгромленія и разграбленія.

Кромѣ скитовъ дубовскихъ не мало было ихъ въ первой половинѣ XVIII столѣтія и по другимъ мѣстамъ Саратовскаго края, причемъ иные пользовались довольно широкой извѣстностью и за егѣ предѣлами. Изъ допроса раскольника Григорія Сафонова въ сыскомъ приказѣ выяснилось, между прочимъ, слѣдующее: живя въ деревнѣ Яковлевской (московскаго уѣзда, захоцкой волости), онъ ѣздилъ въ 1747 году, предъ Рождествомъ, по просьбѣ хозяина и домашнихъ его, за причастіемъ къ раскольниковъ монаху Никону, въ скитъ, находящійся верстахъ въ 50-ти отъ Саратова, въ лѣсу. Въ скиту нашелъ онъ пять монаховъ и простыхъ человекъ съ пятнадцатью. Монахъ Никонъ положилъ ему въ стеклянку причастія и взялъ за это пять рублей. Въ скиту Сафоновъ жилъ съ недѣлю, а потомъ поѣхалъ обратно. Привезенными дарами приобрѣлъ послѣдшаго его хозяина вмѣстѣ съ женой и дѣтьми²⁾. Почему именно столь небольшой скитъ приобрѣлъ такую извѣстность, что въ него ѣхали изъ-подъ Москвы,—неизвѣстно, но фактъ на лицо...

Какъ-бы то ни было, но изъ этихъ многочисленныхъ, большихъ и малыхъ, скитовъ не имѣвшихъ себѣ возбраненія расколъ широкой волной разливался по всему краю. Ея всплески обращали на себя время отъ времени вниманіе властей, но власти чувствовали свое безсиліе, понимали бесплодность и, пожалуй, даже опасность активной борьбы съ расколомъ въ дикомъ, только-что начинавшемъ устраниваться и упорядочиваться, край и ограничивались палліативными мѣрами или даже просто одними угрозами. Съ первыми мы знакомы уже по отпискѣ донскаго атамана; образчикомъ послѣднихъ можетъ служить „промеморія“ саратовскаго воеводы, князя Мельхиседека Баратаева, отъ 11 января 1762 года, сара-

¹⁾ Витевскій, Раск. въ Урал. войскѣ, 11—13. Казань. 1878.

²⁾ „Чтенія въ Общ. ист. и древ.“ 1870, II, отд. V, 29,

товскому городскому магистрату. „По имяннымъ Е. И. В. указомъ,“ говорится въ этомъ любопытномъ документѣ, „велѣно купечеству бороды брить и платье носить противъ чужестранныхъ нѣмецкое; а понеже саратовской воеводской канцеляріей предусотрѣно, что здѣшнее купечество, пренебрегая оныя повелѣнія, ходять яко крестьянство въ бородахъ и не въ нѣмецкомъ платьѣ; а какъ видно въ томъ саратовскій магистратъ за ними смотрѣніе слабое имѣеть, того ради, по Е. И. В. указу и по резолюціи саратовской воеводской канцеляріи, велѣно въ саратовскій магистратъ сообщить промеморію, предписавъ въ оной, дабы оной вѣдомства своего купечеству подтвердилъ, чтобы они имянное повелѣніе исполняли, бороды брили и платье носили нѣмецкое. Буде-же кто изъ нихъ мимо онаго магистрата впредь саратовской воеводской канцеляріей усмотрѣнъ или кѣмъ во оную воеводскую канцелярію въ томъ приведенъ будетъ, съ тѣми неотмѣнно поступаемо будетъ по указамъ, а за слабое въ томъ за ними смотрѣніе и саратовской магистратъ безъ отвѣта оставленъ не будетъ; и саратовской магистратъ объ ономъ имѣеть вѣдать и чинить по Е. И. В. указомъ“¹⁾). Магистратъ, конечно, принялъ къ свѣдѣнію воеводскія внушенія и подтвердилъ купечеству о неуклонномъ исполненіи именныхъ Е. И. В. указовъ относительно бритья бородъ. Но этимъ дѣло и кончилось: обрить степенное саратовское купечество и одѣть его въ нѣмецкое платье теперь не удалось такъ-же, какъ не удавалось это и въ теченіи цѣлаго предшествовавшаго полустолѣтія. Баратаевская промеморія не привилась къ жизни, какъ не привились и „Е. И. В. имянные указы“, ибо не можетъ быть рабъ больше пославшаго его. Это была лебединая пѣснь отживавшихъ свой вѣкъ старыхъ порядковъ. Скоро вступила на императорскій престолъ Екатерина II и политика правительства по отношенію къ расколу круто перемѣнилась. Новыя вѣянія екатерининскаго царствованія сказались очень быстро; 1762 годъ явился началомъ новой эры въ исторіи саратовскаго раскола,—эры, во многихъ отношеніяхъ чрезвычайно замѣчательной и въ высшей степени богатой крупными результатами для мѣстнаго раскола. Ея разсмотрѣнію посвящается слѣдующая глава.

¹⁾ „Сар. Губ. Вѣд.“ 1860, стр. 421.

ГЛАВА II.

Привъзъ правительствомъ раскольниковъ на Иргиъ. — Основаніе мужскихъ Иргиаскихъ скитовъ. — Построеніе часовень. — Пугачевъ и связь его съ Иргизомъ. — Открытіе Маргаритина скита. — Прибытіе на Иргиъ Сергія Юршева. — Сближеніе чрезъ него Иргиа съ другими старообрядческими обществами. — Рогожскій перемазанскій соборъ. — Настоятельство Сергія. — Первая иргиаская церковь и открытіе явнаго богослуженія. — Борьба Сергія юршева на пріемъ бѣглыхъ поповъ. — Значеніе для Иргиа В. А. Зюбина. — Прибытіе на Иргиъ Прохора Калмыкова. — Основаніе Анфисина скита. — Быстрое распространеніе раскола по Саратовскому краю и предѣламъ этого явленія. — Полемическіе труды иргиаскихъ иноковъ.

Въ теченіи всей первой половины XVIII столѣтія судьба раскола представляетъ картину неравной борьбы слабого съ сильнымъ; болѣе 50-ти лѣтъ раскольники подвергались неутомимымъ преслѣдованіямъ и массами бѣжали за рубежъ, спасая то, что было имъ особенно дорого, — свою вѣру, завѣтъ и наслѣдіе отцовъ. Оставшимся въ Россіи приходилось или пить до дна чашу испытаній и гоненій, которымъ подвергало ихъ правительство за гласное исповѣданіе „старой вѣры“, или же скрывать свои убѣжденія, лгать и хитрить, искупать время по причинѣ лукавства дней. Смерть Елизаветы Петровны, при которой, по словамъ Дмитрія Сѣченова, „сіяло ведро благочестія“, измѣнила въ значительной степени такое положеніе дѣлъ: благочестіе нѣсколько омрачилось снисходительностью преемниковъ ея къ расколу. Петръ III почти тотчасъ-же по вступленіи на престолъ, именно 29 января 1762 года, препроводилъ чрезъ генераль-прокурора Глѣбова на разсмотрѣніе сената указъ, которымъ дозволялось всѣмъ зарубежнымъ раскольникамъ возвратиться въ Россію, съ тѣмъ, что имъ не будетъ чинимо „никакого вѣ содержаніи закона, по ихъ обыкновенію и старопечатнымъ книгамъ, возбраненія, ибо во Всероссійской Его Императорскаго Величества имперіи и иновѣрцы, яко магометане и идолопоклонники, состоятъ, а тѣ раскольники — христіане, тоцію во единомъ застарѣломъ суевѣрїи и упрямствѣ состоятъ, что отвращать должно не принужденіемъ и огорченіемъ ихъ, отъ которыхъ они, бѣгая за границу, въ томъ же состояніи множественнымъ числомъ проживаютъ бесполезно“ ¹⁾. Какъ зародилась въ головѣ

¹⁾ Полн. собр. зак., XV, № 11.420, стр. 894—895.

Петра III эта свѣтлая, высоко-гуманная мысль, — достоверно не извѣстно; можно только, основываясь на словахъ Г. Р. Державина, догадываться, что она явилась подъ вліяніемъ „подаваннаго экономическимъ крестьяниномъ малыковской волости, Иваномъ Серебряковымъ, проекта заселенія раскольниками, выходцами изъ Польши, пустопорожныхъ мѣстъ, лежащихъ по рѣкѣ Иргизу, впадающей въ рѣку Волгу“¹⁾). Серебряковскій проектъ далъ, такимъ образомъ, первый толчекъ къ намѣненію взгляда правительства на расколь.

Прежде чѣмъ именной указъ Петра былъ рассмотрѣнъ въ сенатѣ и сочинено по нему „обстоятельное учрежденіе“, государственная власть перешла въ руки Екатерины. Завладѣвшей престоломъ путемъ государственнаго переворота, при помощи солдатъ, Екатеринѣ нужны были симпатіи общества, сочувствіе народа. Оцѣнить всѣ выгоды предложеннаго Серебряковымъ ея мужу проекта — Екатеринѣ было не трудно; заручиться поддержкой старообрядцевъ — далеко не бесполезно; поскорѣе колонизовать юго-восточную окраину имперіи — весьма желательно. И вотъ, въ ряду первыхъ начинаній ея царствованія мы наталкиваемся на манифестъ 4 декабря 1762 года, которымъ вызывались въ Россію люди всѣхъ націй, „кромя жидовъ“, и поселившіеся за рубежомъ русскіе бѣглецы, по преимуществу раскольники: „Бѣжавшимъ изъ своего отечества подданнымъ возвращаться позволяемъ и обнадеживаемъ, что имъ хотя-бъ по законамъ и слѣдовало учинить наказаніе, но однакожь всѣ ихъ до сего преступленія прощаемъ, надѣясь, что они, восчувствовавъ къ нимъ сія нами оказываемыя матернія щедроты, потщатся, поселясь въ Россіи, пожить спокойно и въ благоденствіи, въ пользу свою и всего общества“²⁾). Сенатскій указъ 14 декабря того-же года разъясняетъ и точнѣе опредѣляетъ смыслъ манифеста по отношенію къ раскольникамъ. Вотъ выдержки изъ указа: „Правительствующій Сенатъ, усмотрѣвъ изъ дѣлъ, что между прочими до сего бѣжавшими изъ своего отечества въ Польшу и въ другихъ за границей мѣстахъ не малое число находится раскольниковъ, которые, не имѣя понятія о силѣ законовъ, страшась притѣсненія или истязанія, опасаются выходить; и потому имѣя съ Святѣйшимъ

¹⁾ Соч. Державина, VI, 442. Спб. 1876.

²⁾ Полн. собр. зак., XVI, № 11.720, стр. 126—127.

Правительствующимъ Синодомъ конференцію, за благо опредѣлить, всѣмъ живущимъ за границей Россійскимъ раскольникамъ объявить, что имъ позволяется выходить и селиться особливими свободами, не только въ Сибири на Барабинской степи, но и въ Воронежской, Бѣлгородской и Казанской губерніяхъ; на порожникъ-же и выгодныхъ земляхъ, гдѣ полезнѣе быть можетъ... Имъ и ихъ дѣтямъ никому ни отъ кого никакихъ притѣсненій чинимо не будетъ; а сверхъ того: 1) что они, въ разсужденіи добровольнаго ихъ выхода, не токмо за побѣги въ ванахъ ихъ, но и во всѣхъ до сего преступленіяхъ... прощаются и отнюдь ничѣмъ истязаны не будутъ; но еще 2) какъ въ бритьѣ бородъ, такъ и въ ношеніи указаго платья, никакого принужденія имъ чинимо не будетъ, но оное употреблятъ имѣютъ по ихъ обыкнованію безпрепятственно; а сверхъ того 3) дается каждому на волю, къ помѣщику-ли своему кто идти желаетъ, или въ государственные крестьяне и въ купечество, записаться... только должны они платить такой раскольничій окладъ, какой и прочіе адѣшніе раскольники платятъ. 4) Сначала выхода ихъ, раскольниковъ, при поселеніи каждому дается отъ всякихъ податей и работъ льготы на шесть лѣтъ, и 5) дается всевозможное удобство перехода изъ-за границы на желаемое мѣсто". Въ „реестрѣ опредѣленнымъ къ поселенію входящихъ изъ-за границы Россійскихъ раскольниковъ порожнимъ мѣстамъ“ указаны слѣдующія мѣстности въ саратовской губерніи: „Вверхъ отъ Саратова по рѣкѣ Волгѣ: въ урочищѣ Раздоры, гдѣ рѣка Караманъ въ теченіи имѣетъ раздѣленіе на двое, при рѣчкѣ Теляузикѣ, при довольной пахатной землѣ имѣется сѣнокоса 5.478 десятинъ, лѣса дровяного и къ строенію для дворовъ годнаго 4.467 десятинъ; при урочищѣ Зауморскомъ Рвойкѣ сѣнокоса 810, лѣса 1.131 десятина; при рѣчкѣ Тишанѣ сѣнокоса 469, лѣса 496 десятинъ; при рѣчкѣ Вертубани сѣнокоса 2.979, лѣса къ строенію годнаго 3.607 десятинъ; при рѣчкѣ Иргизѣ сѣнокоса 5.418, лѣса 2.575 дес.; при рѣчкѣ Санзалеѣ сѣнокоса 1.789, лѣса 1.711 дес.; при рѣчкѣ Березовкѣ сѣнокоса 1.325, лѣса 1.606 дес.; при рѣчкѣ Маломъ Иргизѣ сѣнокоса 731, лѣса 712 дес.; отъ Саратова-же внизъ по рѣкѣ Волгѣ, ниже рѣчки Мухарь-Тарлика, при довольной-же пахатной землѣ, для сѣнокосовъ 6.366, да лѣса дровяного и для строенія годнаго 943 десятины... Подлѣ рѣчки

Безымянной сѣнокоса 962, лѣса 609 десятинь; по рѣкѣ Меньшаго Тарлика сѣнокоса 8.509, лѣса 8.409 дес.; у рѣки Большого Тарлика сѣнокоса 4.122, лѣса 2.118 дес.; между рѣчек Большого Тарлика и Камышева Буярака сѣнокоса 3.483, лѣса 1.828 дес.; при рѣкѣ Камышева Буярака сѣнокоса 1.751, лѣса 2.254 дес.; по рѣкѣ Еруслану луговыхъ мѣсть 1.744, лѣса 523 дес.; при устьи рѣчки Нижняго Еруслана сѣнокоса 1.770, лѣса 1.104 дес.; при рѣкѣ Яблонномъ Буяракѣ сѣнокоса и лѣса 4.003 десятины. А всего такихъ способныхъ и удобныхъ къ поселенію мѣсть болѣе 70.000 десятинь простирается... Да ниже города Самары по рѣкѣ Волгѣ до устья рѣчки Иргиза и вверхъ по Иргизу, къ поселенію на нѣсколько тысячъ семей, весьма плодородныя и выгодныя земли имѣются, на которыхъ при устьи Большого Иргиза и по другимъ рѣчкамъ болѣе тысячи человекъ російскихъ подданныхъ уже и поселилось¹⁾. Эти „россійскіе подданные“ были, вѣроятно, потомками тѣхъ „расколщиковъ“, жившихъ по Иргизу съ женами и дѣтьми многолюдно, за которыми охотились посланные казанскаго митрополита Тихона и архіепископа Сильвестра: къ шестидесятымъ годамъ прошлаго вѣка они обосновались здѣсь прочной осѣдлостью, заведя слободы Балаково, Криволучье, Каменку и Мечетное. Выборъ мѣста для поселенія былъ сдѣланъ ими очень недурно: всѣ четыре слободы богаты водой, лѣсами, лугами и тучнымъ черноземомъ; видно, что выборъ дѣланъ не на слѣхъ, не сторонними пришельцами, а людьми, знающими окрестныя мѣстности. По красотѣ мѣстоположенія особенно замѣчательно Криволучье. Оно лежитъ на правой сторонѣ Иргиза, на ровной возвышенности, съ которой въ свѣтлые лѣтніе дни открывается прекрасная панорама: съ юго-востока синѣютъ лѣса и воды, съ запада—видны необозримые зеленые луга, съ сѣвера—высятся вдали вершины волжскихъ горъ.

Большой Иргизъ, такъ усиленно рекомендованный правительствомъ зарубежнымъ выходцамъ, представляетъ собою самую замѣчательную рѣку юго-восточной половины Саратовскаго края. Трудно встрѣтить столь излучпстое теченіе, какъ теченіе Иргиза, особенно въ средней и нижней его частяхъ. Онъ постоянно дѣлаегъ повороты то въ ту, то въ другую сторону и, обогнувъ пространство въ 10 или болѣе верстъ, подходитъ опять весьма близко, иногда не

1) Полн. собр. зак., XVI, № 11.725, стр. 129—132.

болѣ четверти или половины версты, къ прежней линіи теченія. Истокъ Иргиза отстоитъ отъ устья его по прямой линіи не болѣе 240 верстъ, а между тѣмъ, по словамъ здѣшнихъ жителей, хорошо знакомыхъ съ мѣстностью, длана его простирается до 1000 верстъ. Между Вольскомъ и Николаевскомъ по почтовой дорогѣ,—конечно, не вездѣ прямой,—считается около 100 верстъ, а по берегу Иргиза разстояніе это увеличивается до 600. Допуская даже значительную невѣрность этихъ цифръ, все-таки нельзя принимать длину Большого Иргиза менѣе 500—600 верстъ ¹⁾. Рѣка медленно, плавно, лѣниво катитъ свои воды по глубоко промытой въ степной поверхности рытвинѣ, отвѣсныя, крутыя стѣны которой возвышаются мѣстами надъ уровнемъ меженной воды на 7—10 саженой. Вслѣдствіе такого образованія ложа Иргизъ очень рѣдко выступаетъ изъ береговъ. Земли по Иргизу и его притокамъ весьма плодородны и удобны для посѣва пшеницы, тѣмъ болѣе, что съ засухой край этотъ познакомился только въ послѣднее время, прежде-же лѣса задерживали достаточное количество влаги и въ дождяхъ недостатка не было. Бассейнъ Иргиза богатъ былъ хорошей землей, воды его кишѣли рыбой, побережные лѣса—изобиловали пчелами и медомъ. Словомъ, мѣстность по Иргизу дѣйствительно „къ поселенію была выгодна“ и зарубежные раскольники, среди которыхъ, указомъ 20 января 1763 года, повелѣно было „разсѣять“ копіи съ указа 14 декабря, „какъ и предъ симъ о россійскихъ бѣглецахъ вызывательные манифесты“ ²⁾, не замедлили воспользоваться милостью государыни. Изъ-за польской границы, съ Ветки, потянулись цѣлыя вереницы добровольныхъ выходцевъ. Они объявляли на пограничномъ сторожевомъ форпостѣ свои имена,—очень часто подложныя,—и препровождались при рапортахъ или съ выданными имъ тутъ паспортами въ астраханскую губернскую и саратовскую воеводскую канцелярію ³⁾ для поселенія на отведенныхъ имъ въ Заволжьи земляхъ. Въ этихъ канцеляріяхъ съ нихъ брали подписку о несобращеніи въ расколъ православныхъ и затѣмъ выдавались „отверстые указы“ въ такой приблизительно формѣ: „Указъ Ея Императорскаго Величества, Самодержицы Всероссійской, изъ саратовской воеводской канцеляріи господамъ команду имѣющимъ, до кото сей ка-

¹⁾ Спис. нас. мѣст. Самар. губ., стр. XIII. Слб. 1864.

²⁾ Полн. собр. зак., XVI, № 11.738.

³⁾ Собр. постанов., по вѣд. Св. Сн., I, 631.

саться будетъ. Данъ сей отвѣстный указъ вышедшимъ изъ Польши разныхъ чиновъ людямъ, а именно: инокамъ Лаврентію, Іосифу, Марку, Сергію, Исаѣй, Гавріилу, Игнатію и Никандру, да разныхъ чиновъ людямъ: Петру Моисееву сыну Рукавишникову, Стефану Яковлеву сыну Капустану, Алексію Семенову, Михаилу Иванову сыну Дѣсникову, Θεодору Севастьянову сыну Зобову, Сидору Ипрасову, Карпу Захарову сыну Захарьеву, Семену Иванову сыну Клепикову, Петру Иванову, Θεодору Θεодорову, Василію Константианову, Сидору Иванову, Стефану Васильеву сыну Косову, Тихону Мельникову, Семену Савельеву сыну Жданову, Афанасію Иванову сыну Карабѣеву, Кондратію Стефанову, Алексію Петрову, Ивану Алексѣеву, Ивану Павлову сыну Шатову, для того, что они желаютъ поселиться въ астраханской губерніи, на дикопорожнихъ мѣстахъ, противъ села Малыковки, при рѣкѣ Большомъ Ирғизѣ.... Въ силу иманныхъ Е. И. В. указовъ господамъ команду имѣющимъ показаннымъ изъ-за границы раскольникамъ и инокамъ Лаврентію со товарищи, при поселеніи при рѣкѣ Ирғизѣ, противъ села Малыковки, съ женами и дѣтьми никакихъ примѣтовъ и утѣшеній не чинить. А чтобъ они при поселеніи, кромѣ вышедшихъ изъ-за границы, всякаго званія, какъ женска, такъ и мужска пола, людей въ свой расколъ не превращали и не селились бы слободой, обязаны въ саратовской воеводской канцеляріи подпискою и господамъ команду имѣющимъ, до кого сіе дѣло касаться будетъ, чинить о томъ по Е. И. В. указомъ. 1764 года мая 6. Князь Мельхиседекъ Баратаевъ¹⁾. Съ такимъ указомъ въ рукахъ партіи переселенцевъ направлялись дальше, къ избранному ими мѣсту будущей осѣлости; въ слободѣ Малыковкѣ, что нынѣ городъ Вольскъ, они выносили еще одну формальность,—предъявляли „отверстыя указы“ специальнымъ чиновникамъ, причислялись у нихъ платежомъ податей къ дворцовымъ крестьянамъ и получали билетъ на заселеніе извѣстнаго участка земли. Въ числѣ этихъ чиновниковъ нѣкоторое время стоялъ и самъ инициаторъ всего этого колонизаціоннаго предпріятія, Иванъ Серебряковъ; „но онъ и приставленные къ нему начальники“,—по словамъ Державина,—„тотъ проектъ и сдѣланную по оному имъ отъ правительства довѣренность употребили во зло, принимая всякаго рода и господскихъ людей вмѣсто польскихъ

¹⁾ Брат. Св. Кр., № 513, 109—114.

выходцев, и давал имъ для поселенія по Иргизу билеты¹⁾, а потому подпали подъ слѣдствіе и познакомились, въ чаяніи рѣшительнаго приговора, съ сыскнымъ приказомъ²⁾. Злоупотребленія начальства, предназначеннаго правительствомъ для урегулированія хода колонизаціи саратовскаго Заволжья, должны были быть очень крупными, чтобы о нихъ дошли свѣденія до Петербурга. Правительство, впрочемъ, относилось сначала къ этимъ злоупотребленіямъ очень мягко: указомъ 8 апрѣля 1763 года повелѣно было сенату всѣхъ бѣглыхъ, жившихъ по рѣкамъ Иргизамъ, переписать, но помѣщикамъ не возвращать, а приписать къ дворцовымъ крестьянамъ малыковской волости, зачесть ихъ въ число рекрутъ тѣмъ помѣщикамъ, отъ которыхъ они бѣжали, и изъ подушнаго оклада исключить³⁾. Очевидно, предоставленными выходцамъ изъ Польши льготами и выгодами поселенія по Иргизу желали воспользоваться многіе даже изъ числа кореннаго населенія Руси: гонимый доселѣ по всему пространству родной земли расколъ нашелъ, наконецъ, мѣсто, гдѣ могъ устроиться на законномъ основаніи. Упускать удобный случай не слѣдовало, тѣмъ болѣе, что Иргизь лежалъ въ среднѣхъ раскольничьихъ поселеніяхъ: на Уралѣ къ этому времени позаведено было по горамъ и дебрямъ не мало скитовъ; въ Сибири уже къ 1727 году „раскольщиковъ“ было много⁴⁾; въ нагорной части Саратовскаго края, какъ можно видѣть изъ предъидущей главы, въ раскольникахъ также недостатка не было. Сосѣди были, такимъ образомъ, свѣими людьми, собратьями по вѣрѣ и по судьбамъ. Кромѣ того, чрезъ рѣки Иргизь и Сакмыковку пролегаль отъ Вольска на Уралъ проселочный трактъ, носившій специальное названіе „сиротской дороги“, такъ какъ онъ протоптанъ былъ первоначально пробравшимся въ „Сырты“, (отроги уральскаго хребта, послѣдніе плоскіе увалы его) къ казакамъ, разнымъ гонимымъ и озлобленнымъ людемъ—бѣглыми крестьянами, преступниками, раскольниками и т. п. „сиротами“, по воззрѣнію нашего добродушнаго, мягкаго къ чужимъ несчастіямъ народа⁴⁾. Удобнымъ сообщеніемъ съ уральскими казаками и сибирскими раскольниками пренебрегать было нельзя, ибо вѣротѣрпимость Екатерины раздѣляли

1) Соч. Державина, VI, 442.

2) Архивъ Сената. Вмс. пов., кн. № 106, л. 121. См. у Дубровина, „Пугачъ и его сообщ.“ I, 360.

3) Полн. собр. зак., VI, № 4109, стр. 782.

4) Симскіи насел. мѣст. Самар. губ., стр. XVIII.

далеко не всё изъ ея большихъ и малыхъ помощниковъ, а законъ на Руси, по народному выраженію, тогда былъ „что хомуть“, который „куда хотять, туда и повернуть“. Люди, собственной спиною испытавшіе справедливость этой поговорки, естественно, должны были остерегаться и держать въ запасъ, на случай надобности, какое-нибудь крайнее средство. Въ данномъ случаѣ такимъ средствомъ было бѣгство на Уралъ или въ Сибирь: тамъ всегда съ удовольствіемъ укроютъ гонимаго единовѣрца, передержать бѣглеца, основываясь на извѣстномъ текстѣ: „грядущаго ко Миѣ не изжену вонь“¹⁾, тѣмъ болѣе, что и полицейская власть тамъ была несравненно слабѣе, чѣмъ въ центральныхъ областяхъ государства. Всѣ условія складывались такъ, что заселеніе раскольниковъ при иргизскаго края должно было идти впередъ быстрыми шагами: одни пошли сюда изъ-за благъ мірскихъ, прельщенные житейскими выгодами и удобствами, томимые желаніемъ увидѣть вновь родную землю; другіе—изъ-за благъ духовныхъ, „для тихаго и безмолвнаго житія подъ сѣнію благодати и духа Господня“. Первые занялись земледѣльческою культурой, внесли съ собою въ плодородныя степи иргизскія хлѣбопашество и превосходную пшеницу: между уральскими старожилами донынѣ сохранилось ничего неизмѣющее противъ себя преданіе, что казаки заимствовали и тѣмъ, и другимъ отъ здѣшнихъ раскольниковъ²⁾; вторые—раскинули здѣсь сѣти для уловленія душъ, сдѣлались ловцами челоувѣковъ. Одни понастроили деревень и хуторовъ, другіе завели скиты; одни собирали богатства тлѣнныя въ житницы свои, другіе искали „неувядаемаго вѣнца правды“ и, уподобляясь птицамъ небеснымъ, ни сѣяли, ни жали. Труженики духа поселились рядомъ съ тружениками плоти.... Изъ множества невѣдомыхъ міру скитовъ ихъ пять сохранились въ памяти потомства и приобрѣли даже историческое значеніе; это скиты—Аврааміевъ, Пахоміевъ и Филаретовъ, Исаакіевъ, Маргаритинъ и Анфисинъ. Три первые основаны въ 1762 году³⁾, два по-

¹⁾ Дѣла Секр. Ком., vol. III, стр. 665.

²⁾ „Урал. войск. Вѣд.“ 1872, № 40.

³⁾ Добротворскій, основываясь на „Сборникѣ“ пр. Іакова, относитъ основаніе Пахоміева скита къ 1764 году („Прав. Собесѣд.“ 1857, II, 384; см. Сбор. Ниж. сем. библ. т. 414); вслѣдъ за нимъ этотъ-же годъ указываетъ Поповъ („Сбор. для ист. стар.“, IV, 51) и Дубавинъ (Ирг. раск. мон., 7). Опираясь на слова Прохора иргизскаго, почти современника основателей иргизскихъ скитовъ, который въ представленномъ имъ, по требованію помощника управляющаго саратовской удѣльной конторой, Смирнова, 27 января 1815 года, „Статистическомъ описаніи монастырей“ указываетъ 1762 годъ (Врат. Св. Кр., № 513, т. 115), я считаю

слѣдніе—въ 1774 и 1783 годах¹⁾). На первый взглядъ представляется нѣсколько страннымъ возникновеніе трехъ скитовъ уже въ 1762 году; извѣстный указъ послѣдовалъ только 14 декабря этого года; спрашивается, когда-же успѣли явиться сюда польскіе выходцы и какъ заводили они скиты среди зимы? Но это возраженіе,— впервые поставленное, замѣчу кстатѣ, саратовскимъ губернаторомъ Бѣляковымъ въ письмѣ его, отъ 19 іюля 1804 года за № 3466, къ вольскому исправнику Безобразову по поводу доставленныхъ послѣднимъ свѣдѣній о времени основанія Иргизскихъ скитовъ²⁾),—устраняется тѣмъ соображеніемъ, что указъ Петра III данъ былъ еще въ январѣ, а вмѣстѣ съ нимъ, до „сочиненія по оному обстоятельнаго учрежденія“, могло быть дано зарубежнымъ бѣглецамъ негласное разрѣшеніе свободно переходить русскую границу. О самомъ указѣ послѣдніе могли получить свѣдѣнія чрезъ инициатора этого дѣла, Серебрякова, вѣроятно, раскольника и еще болѣе того вѣроятно—

дату Добротворскаго нѣсколько неточной, тѣмъ болѣе, что въ другомъ мѣстѣ тотъ же „Сборникъ“ пр. Іакова признаетъ, согласно съ Прохоромъ, годомъ основанія Пахоміева скита 1762 годъ. Кроме того и архимандритъ Платонъ, долгое время бывшій уставникомъ у Прохора, говоритъ, что „Филаретъ пришелъ въ Пахоміевъ скитъ въ 1762 году“ (Ниж. сем. библ., № 3774, 447); ясно, что позже этого года данный скитъ не могъ быть основанъ. Скитъ Исаакіевъ, по Добротворскому, основанъ въ 1762 году; Поповъ указываетъ 1764 годъ; Дубакинъ, въ видахъ примиренія, вѣроятно, останавливается на 1763—1764 годахъ. Но у Попова въ вопросѣ объ этомъ скитѣ и его основателѣ царитъ непроходимая путаница, о чемъ ниже придется сказать нѣсколько словъ, а Дубакину, который беретъ среднюю цифру единственно по незнанію, на словахъ котораго изъ своихъ руководителей останутся, вѣрнѣе, разумѣется, нельзя. Іаковъ и Прохоръ указываютъ 1762 годъ. (Сбор. Іакова, 8; см. № 513, 114.) Построеніе Аврааміева скита всѣми относится къ 1762 году.

1) Маргаритинъ скитъ основанъ, по Добротворскому, въ 1762 году; Поповъ относитъ основаніе его къ 1765 году; Дубакинъ слѣдуетъ послѣднему, ибо усмотрѣвъ въ этой датѣ „нѣкоторую связь“ съ Масловскимъ разгромомъ Ветки. Какъ ни любопытна сама по себѣ такая связь, но въ натурѣ ея, конечно, не было: Маргаритинъ скитъ не могъ быть основанъ въ 1765 году, когда самой основательницѣ было всего 14 лѣтъ,—по ревицкимъ сказкамъ 1816 года ей значилось 65 лѣтъ (Бр. Св. Кр., № 500, 33). Маргарита была еще жива въ 1827 году и съ ея словъ, конечно, Прохоръ указываетъ 1774 годъ, какъ годъ основанія скита (Ibidem, № 513, 116). Возникновеніе Анфисина скита Добротворскій совершенно справедливо относитъ къ 1783 году, хотя въ „Сборникѣ“ пр. Іакова, которымъ онъ, собственно говоря, вездѣ руководится, дважды названъ 1782, какъ годъ основанія этого скита (Нижел. сем. библ., № 3774, 9 и 412). Поповъ и Дубакинъ слѣдуютъ Добротворскому. Составитель описи Иргизскихъ монастырей въ 1827 году говоритъ, что Анфиса вышла съ нѣсколькими сестрами изъ Подъши по манифесту 1762 года; поселилась онѣ отдѣльными кельями на окраинѣ Мечетной слободы. Къ первоначальнымъ выходцамъ стали присоединяться другія и такимъ образомъ, несмотря на многократные погромы киргизъ-кайсаковъ, съ 1783 до 1786 года образовалась довольно многолюдная женская община (Бр. Св. Кр., № 500, 9). Согласно этому и Прохоръ утверждаетъ, что скитъ возникъ въ 1783 году (Ibidem, № 513, 116; Памят. книжка Сар. губ. на 1860 г., 30).

²⁾ Сар. Ист. Архивъ. Шк. I, пол. А, № 7, л. 86.

стоявшего въ близкихъ связяхъ съ своими заграничными единовѣрцами, въ интересахъ которыхъ и поданъ былъ имъ „проектъ“.

Первымъ завелъ скитъ инокъ Авраамій, уроженецъ казанской губерніи, села Садовки, что нынѣ въ вольскомъ уѣздѣ. Онъ бѣгалъ въ Польшу и, возвратясь на родину вмѣстѣ съ 12 товарищами, занялъ верстахъ въ 30 отъ Балакова и Волги такъ называемый „Медвѣжій гай“,—возвышенный полуостровъ, тянущійся на версту въ ширину и версту на пять въ длину, покрытый густымъ дубовымъ, вязовымъ и осокоревымъ лѣсомъ. Съ юго-востока Медвѣжій гай окруженъ Большимъ Иргизомъ, который сердито шумитъ здѣсь, сжатый крутыми берегами; съ сѣверо-запада омывается большимъ озеромъ, носящимъ названіе Монастырскаго. Озеро это охватываетъ большую половину окружности монастыря. Во время половодья Иргизъ сливается съ озеромъ и весь этотъ полуостровъ, заливаясь, кромѣ возвышенности по срединѣ его, представляетъ видъ кругообразной насыпи, саженой 150 въ поперечникѣ. Мѣсто, избранное Аврааміемъ, какъ нельзя больше соответствовало цѣлямъ обители: отдаленность отъ жилья, уединеніе, безмолвіе въ тѣни глухого лѣса—все это невольнo располагало къ иноческому житію, предоставляло скитникамъ всѣ удобства забыть грѣшный міръ съ его прелестями. Въѣшная обстановка жизни первыхъ скитниковъ выглядывала такъ же мрачно и холодно, какъ мрачно шумѣли надъ головами ихъ вѣковые дубы, какъ холодно катились мутныя волны излучистаго Иргиза: они жили въ землянкахъ, на скорую руку вырытыхъ въ лѣсной глуши. Устраиваться иначе было и некогда, и не на что, и не для чего: для людей, „вся вмѣнившихъ уметы“, не нужно чертоговъ; духовная борьба со страстями и слабостями человѣческой природы не требуетъ багряницы; истинное богомысліе не ищетъ „своихъ си“. А инокъ Авраамій, какъ и большинство другихъ основателей иргизскихъ скитовъ, несомнѣнно былъ человѣкомъ такого заката: всѣ они—суровые аскеты, фанатики идеи, люди не отъ міра сего.

Нѣсколько выше по Иргизу, противъ слободы Мечетной, обосновался самостоятельнымъ скитомъ другой выходецъ изъ-за польской границы, іеромонахъ Пахомій, явившійся сюда вмѣстѣ съ 17 неизвѣстными по имени иноками. Они разбили свои кельи на ровномъ, красивомъ плато, которое съ юго-запада омывается Иргизомъ, а съ сѣверо-востока—большимъ озеромъ, известнымъ подѣ

именем „Старичьяго“; съ сѣвера примыкалъ старинный, непроходимый лѣсъ. Во время половецкаго занятаго скитомъ площадь съ трехъ сторонъ окружалась водой выступающей изъ береговъ рѣки. По живописности мѣстоположенія этотъ скитъ уступить развѣ только Исаакіевскому: съ Аврааміевымъ онъ равенъ въ этомъ отношеніи. Немного спустя послѣ открытія этого скита, сюда пришелъ также изъ-за польской границы товарищъ Пахомія по изгнанію, инокъ Филаретъ. Неизвѣстно, одинъ ли онъ явился или привелъ съ собой и нѣсколько спутниковъ,—вѣроятно послѣднее,—но не ужасенъ долго подѣ начальствомъ у своего товарища и окружилъ себя нѣсколькими единоплеменниками. Составилась самостоятельная община и единый вначалѣ скитъ распадается теперь на два отдѣленія, изъ которыхъ въ одномъ настоятельство Пахомій, въ другомъ—Филаретъ; поэтому скитъ и называется въ сохранившихся памятникахъ и преданіяхъ того времени то Пахоміевымъ, то Филаретовымъ¹⁾. Эти два отдѣленія слились въ одно гораздо позже рассматриваемаго времени—въ концѣ 90-хъ годовъ. Въ одной рукописи, хранящейся въ Императорской Публичной библиотекѣ и относящейся къ 1782 году, находимъ между прочимъ слѣдующія любопытныя строки: „Иргизъ населенъ хотя и рѣдкими, но не малыми слободами выходцевъ изъ-за границы польской, между которыми находятся четыре монастыря мужскихъ и одинъ женскій, своей вѣрой служеніе отправляющихъ“²⁾. Очевидно, оба скита, о ко-

¹⁾ Поповъ считаетъ основателемъ этого скита какого-то Сергія, Филарету же приписываетъ основаніе третьяго изъ мужскихъ Иргизскихъ скитовъ, Исаакіева (IV, 52). Но скиты, какъ это справедливо замѣчаетъ и самъ Поповъ (ibidem, 155), всегда назывались по имени основателей, тѣмъ болѣе, что послѣдніе всегда были и первыми настоятелями ихъ. Если такъ, то непонятно, почему это скитъ Сергіевъ названъ былъ—„Пахоміевымъ“, а Филаретовъ—„Исаакіевымъ“? Это соображеніе, но вотъ и фактъ: Прохоръ называетъ основателями Пахомія и Филарета; преосв. Іаковъ повторяетъ тоже (Брат. Св. Кр., № 513, 115; Ниж. сем. библ., № 3774, 414). Между тѣмъ эти два лица,—особенно же первый,—спеціалисты и авторитеты въ вопросѣ о расколѣ на Иргизѣ. Ошибка Попова совершенно повсюду, особенно въ виду того, что онъ самъ же опубликовалъ письмо съ Иргиза въ Москву, по поводу дѣла Николая и Михаила Калмыка: въ этомъ письмѣ, относящемся къ 1779 году, скиты—Исаакіевъ, Пахоміевъ и Филаретовъ ясно разграничиваются одинъ отъ другого (I, 216). Дубакинъ избралъ выходъ изъ затрудненія остроумнѣе: взглядъ Попова ему кажется „едва-ли справедливымъ“ и потому онъ приписываетъ основаніе скита Пахомію, Филарету же дѣлаетъ настоятелемъ этого скита по смерти Пахомія (Ирг. раск. мон., 7—8); по остроумію этой гипотезы основывается на отсутствіи всякаго знакомства автора съ исторіей пугачевского бунта: Филаретъ сбѣжалъ съ Иргиза раньше Пахомія, настоятельствовавъ же они одновременно.

²⁾ „Пам. кн. Сар. губ. на 1860 г.“, 30.

торыхъ идетъ рѣчь, въ этомъ году не слились еще въ одинъ, — иначе ихъ было бы всего три, а не четыре. Ниже опредѣлено будетъ точнѣе и самое время слиянія въ одно цѣлое обоихъ скатовъ, и причины его.

Противъ селенія Каменки, 7-ю верстами выше Пахоміева скита, на „Старицкомъ Юру“, основатель свой скитъ выходецъ изъ Польши священно-инокъ Исаакій¹⁾. Этотъ привелъ съ собою изъ-за границы 11 иноковъ и 14 бѣльцовъ; съ ними вмѣстѣ приписался въ дворцовые крестьяне и съ дозволенія саратовскаго воеводы, князя Баратаева, занялъ полуостровъ, верстъ восемь въ окружности, со всѣхъ сторонъ обросшій дремучимъ, непрогляднымъ чернолѣсьемъ. Этотъ полуостровъ соединяется съ твердой землей только одной узенькой полоской на сѣверо-востокъ: съ сѣверо-запада протекаетъ Ирғизъ, а съ юго-востока $\frac{3}{4}$ полуострова окружаютъ воды озера Калачъ. Скитъ стоялъ гораздо ближе къ озеру, чѣмъ къ рѣкѣ: отъ послѣдней онъ отдаленъ приблизительно на версту. По условіямъ жизни и по обстановкѣ, оба послѣдніе скита ничѣмъ, вѣроятно, не отличались отъ скита Аврааміева; быть можетъ, только строже были морядки общежитія и требованія отъ новопоступавшихъ. Такъ заставляетъ думать сохранившееся доникѣ въ Исаакіевомъ скиту (теперь Верхній единовѣрческій монастырь) собственноручное завѣщаніе Исаакія, — по завѣщанію можно судить приблизительно о завѣщателѣ. Къ сожалѣнію, нельзя возстановить въ его первоначальномъ видѣ этотъ любопытный историческій документъ: чернила отъ времени и сырости побурѣли, а во многихъ мѣстахъ даже совершенно выцвѣли, превратившись въ грязныя пятна, отъ красиваго почерка уцѣлѣли одни слѣды. Но тѣ отдѣльныя слова и короткіе обрывки фразъ, которые можно еще съ трудомъ прочитать, даютъ понять, что Исаакій убѣждалъ свою братію и будущихъ насельниковъ этого скита безъ отгѣны и порока соблюдать древнюю вѣру, во всей строгости слѣдовать требованіямъ нравственности и украшаться добродѣтелями, ибо подъ этими только условіями воз-

¹⁾ Поповъ, на основаніи темной надписи на стѣнѣ Введенской церкви, построенной впоследствии въ этомъ скитѣ, называетъ основателемъ его инокъ Филарета, вышедшаго изъ Польши вмѣстѣ съ основателемъ Пахоміева скита (IV, 102). Къ сожалѣнію, я не могъ прочесть этой надписи. Поповъ-же не приводитъ ея дословно. Боже убѣдительно представляется свидѣтельство Прокора, подтверждаемое къ тому-же и преосв. Іаковомъ, что основанъ этотъ скитъ священно-инокъ Исаакіемъ (Бр. Св. Кр., № 518, 114; Ниж. сем. библ., № 3774, 8).

можно прочная и свѣтлая будущность его творенія. Завѣщатель, до извѣстной степени книжный и даже по тому времени довольно образованный, представляется человѣкомъ глубоко религіознымъ, строго нравственнымъ, искренно вѣровавшимъ въ правоту своихъ убѣжденій, старавшимся утвердить ихъ въ душѣ подчиненной ему брати и настаивавшимъ на неуклонномъ выполненіи ею суровыхъ завѣтовъ аскетизма, на смиренномъ, любовномъ несеніи добровольно принятаго креста: безъ сомнѣнія, онъ и при живни говорилъ тоже, что сказалъ изъ-за гроба.

Эти одновременно образовавшіеся по Иргизу скиты были тѣмъ зерномъ, изъ котораго расцвѣло потомъ пышное дерево; первыя бѣдныя, скромныя кельи ихъ послужили надежнымъ фундаментомъ будущаго величія. Вначалѣ они, естественно, не представляли собой сколько-нибудь виднаго центра мѣстнаго раскола: такихъ скитовъ и раньше не мало было разсѣяно по лѣсамъ и ущельямъ Саратовскаго края. Но условія мѣстности и времени скоро выдвинули ихъ далеко впередъ. Строгая аскетическая жизнь скитниковъ невольно привлекала къ нимъ окружное единовѣрное имъ населеніе: сюда шли за совѣтами, за разрѣшеніемъ разныхъ недоумѣнныхъ вопросовъ обрядоваго и вѣроисповѣднаго характера. Молва о святости отшельниковъ со дня на день ширилась и росла. Немало нервныхъ, экзальтированныхъ натуръ соблазнялись ихъ примѣромъ и шли въ новопостроенные скиты; въ тоже время съ Ветки постепенно приливали новыя партіи выходцевъ: по переписи 1762—1765 годовъ въ Аврааміевомъ скиту оказалось 17, въ Пахоміевомъ и Филаретовомъ—29, въ Исаакіевомъ—37 человѣкъ¹⁾. Но эти цифры, несомнѣнно, ниже дѣйствительности, такъ какъ не всѣ, конечно, жители скитовъ обладали документами, которые нужно было представить официальнымъ переписчикамъ: „слѣпыхъ“, т. е. безбилетныхъ, на Иргизѣ всегда было гораздо больше, чѣмъ „лицевыхъ“.

Все сильнѣе, настоятельнѣе начинала чувствоваться нужда въ устроеніи мѣстъ общественнаго богомоленья, въ созданіи молитвенныхъ домовъ или часовенъ. Собравшись съ силами, скитники принялись воздвигать часовни: это они считали вполне законнымъ, ибо манифестомъ 1762 года имъ предоставлялась свобода въ отправле-

¹⁾ Государ. Архивъ, VI, № 490. См. у Дубровина „Пугачевъ и его сообщники“, I, 151.

ни богослуженія. Неизвѣстно съ достовѣрностью, кто первый воздвигъ въ своемъ скиту часовню; но можно догадываться, что это былъ Исаакій: сохранилось извѣстіе, что онъ въ 1764 году построилъ часовню во имя Покрова Богородицы¹⁾. Его примѣру не замедлили, разумеется, послѣдовать и настоятели обоихъ остальныхъ скитовъ: срубилъ себѣ изъ прочныхъ дубовыхъ бревенъ часовенку Пахомій и освятилъ ее во имя Николая Чудотворца²⁾; завелъ такую же и Авраамій³⁾. Извѣстность скитовъ, благодаря часовнямъ, разнеслась далеко и дошла даже до Петербурга. Святѣйшій синодъ 21 іюля 1768 года писалъ сенату по поводу раскольниковыхъ часовенъ на Ирғизѣ и въ крѣпости Елизаветы: „Какъ въ манифестахъ 1762 и 1764 годовъ, равно и въ прочихъ о раскольникахъ состоявшихся узаконеніяхъ не упоминается того, чтобы имъ имѣть особенныя церкви и часовни, то онымъ церквамъ и часовнямъ быть не должно, дабы изъ того православнымъ развращенія послѣдовать не могло“⁴⁾. Какой результатъ имѣло это отношеніе синода—ни откуда не видно; возможно, что оно, какъ неблагоприятное, оставлено было безъ послѣдствій; но самый фактъ переписки двухъ высшихъ правительственныхъ учрежденій по вопросу о часовняхъ бросаетъ нѣсколько иное освѣщеніе на исторію первыхъ дней ирғизскихъ ски-

¹⁾ Брат. Св. Кр., № 500, 1. Преосв. Макарій относитъ построеніе первой ирғизской часовни,—по его словамъ, въ честь Введенія во храмъ, именно въ скитѣ Исаакиевомъ,—къ 1770 году и приписываетъ его черному попу Іакову, выискиному отъ Маханна Калмыка, изъ Стародубья (Ист. раскола, §15). Вслѣдъ за нимъ и Муравьевъ утверждаетъ то-же, но только въ еще болѣе рѣзкой и положительной формѣ, причемъ, подобно Макарію, ссылается на рукопись Сергія Юршева „О зачати ирғизскихъ скитовъ“ (Раск., облич. св. ист., §50—351). Добротворскій, Поповъ и Дубакинъ, разумеется, не отстаютъ отъ этихъ авторитетовъ, хотя почему-то, удерживая годъ, измѣняютъ мѣсто: Поповъ утверждаетъ, что Іаковъ построилъ часовню въ скитѣ Сергіевомъ (Филаретовомъ), а остальные двое стоятъ за скитъ Пахоміевъ. Но все дѣло въ томъ, что въ словахъ обоихъ авторитетовъ кроется какая-то ошибка: первая ирғизская часовня не могла возникнуть въ 1770 году, ибо о ней упоминается уже въ отношеніи Св. синода въ сенатѣ отъ 21 іюля 1768 года, и всего вѣроятнѣе возникла въ 1764 году; съ другой стороны и Сергій, явившійся на Ирғизѣ около 1776 года, не могъ такъ сильно ошибиться. Остается одно предположеніе: ни преосв. Макарій, ни Муравьевъ не вѣдали подлинной рукописи Сергія и пользовались или крайне искаженнымъ спискомъ ея, или прямо подложнымъ. Предположеніе весьма правдоподобное, особенно если принять въ соображеніе, что оба эти автора, опираясь на рукопись Сергія, и дальше допускаютъ не мало очевидныхъ ошибокъ (въ своемъ мѣстѣ онъ будетъ указанъ), хотя исторіи возникновенія скитовъ посвящаютъ всего нѣсколько тощихъ страницекъ: изъ спеціальнаго сочиненія объ этомъ предметѣ, писаннаго чуть не очевидно, конечно, можно было извлечь матеріала и побольше....

²⁾ Впоследствии, спустя болѣе полстолѣтія, она была иродана въ Каменку.

³⁾ Брат. Св. Кр., № 513, 115; № 500, 6, 54.

⁴⁾ Дѣла Секр. Комит., Vol. III, стр. 759.

товъ и заставляетъ отступить немного отъ установившагося въ литературѣ воззрѣнія, будто скиты эти приобрѣли извѣстность только благодаря дѣятельности Сергія Юршева, съ начала 80-хъ годовъ прошлаго вѣка. Жизнь и энергическая работа закипѣли на Ирғизѣ гораздо раньше появленія здѣсь Сергія. Исаакій, Пахомій и Авраамій неуспѣшно заботились о будущности своего созданія и не упускали ничего, сколько-нибудь соответствующаго его интересамъ. Они не могли не понимать всѣхъ выгодъ, общаемыхъ построениемъ часовенъ, и умно воспользовались обстоятельствами. Дѣятельность Сергія была только логическимъ продолженіемъ системы его предшественниковъ; но ему пришлось увѣнчать начатое ими зданіе и это обезсмертило его имя въ глазахъ потомства, отодвинувъ передъ нимъ на задній планъ имена истинныхъ создателей Ирғиза.

Десять лѣтъ продолжалось „тихое и безмолвное житіе“ ирғизскихъ иноковъ. Какъ сейчасъ было замѣчено, обратили было на нихъ вниманіе свыше изъ-за построенія часовенъ, но не надолго; это дѣло скоро заглохло. Гораздо больше надѣлало шуму появленіе въ одномъ изъ этихъ скитовъ Пугачева. Случайно или по предварительно-обдуманному плану попалъ Пугачевъ на Ирғизъ, искалъ ли онъ здѣсь только убѣжища, какъ гонимый, или и союзниковъ и покровителей, какъ будущій самозванецъ—это до самаго послѣдняго времени остается загадкой для изслѣдователей. Вопросъ объ участіи въ пугачевскомъ бунтѣ раскольниковъ вообще и раскольниковъ ирғизскихъ въ частности едва ли можно признать рѣшеннымъ окончательно нашей исторической литературой, несмотря даже на появленіе капитальнаго труда Н. Ѳ. Дубровина „*Пугачевъ и его сообщники*“ (Спб. 1884. 3 т.). Нѣкоторые, какъ напримѣръ, извѣстный историкъ-беллетристъ Мордовцевъ, рѣшаютъ данный вопросъ въ положительномъ смыслѣ, и притомъ рѣшаютъ самымъ непогрѣшимымъ тономъ: „Ирғизскіе скиты служили главнымъ рычагомъ, которымъ двигалась извѣстная смута бывшаго Яицкаго войска,—смута, предшествовавшая пугачевской и потомъ слившаяся съ нею. Рычагомъ эти скиты служили и во внутреннихъ смутахъ Донскаго войска, которое обнаружило попытку отложиться отъ правительства въ пользу Пугачева. Рычагомъ служили ирғизскіе скиты въ дѣлѣ измѣны бывшаго Волжскаго войска въ пользу самозванца. На Ирғизѣ-же старецъ Филаретъ далъ первое благословеніе Пугачеву и его по-

сконнымъ съ раскольниковымъ крестомъ знаменамъ, подъ которыми стала цѣлая половина населенія всей юго-восточной Россіи и которыя „глупственное дерзновеніе предъявляли развѣваться надъ самымъ императорскимъ всероссійскимъ тропомъ, яко то изрыгали скверныя уста самого злодѣя Емельки Пугачева...“¹⁾ „Въ одной принадлежащей намъ рукописи,“—утверждаетъ тотъ же авторъ,—„общенной саратовскимъ сторожиломъ Никитинымъ, положительно говорится, что Пугачевъ нашелъ сильную поддержку у раскольниковъ, обитавшихъ въ воронежскихъ лѣсахъ, гдѣ его принялъ какой-то раскольникъ Никита и предложилъ услуги своихъ единомышленниковъ“²⁾. Еще смѣльѣе выражается онъ въ другомъ мѣстѣ: „Кто первый подалъ мысль шатающемуся за польской границей казаку назваться Петромъ III?—раскольники... Кто помогалъ первому бѣгству и укрывательству Пугачева?—опять раскольники. Раскольникъ Коровка указалъ ему путь въ Польшу. Коровка далъ ему сына въ провожатые. Сынъ Коровки провелъ его къ раскольниковому старцу Вавилѣ, въ стародубскія слободы. Тайственная рука, направляемая раскольниками, водить Пугачева съ мѣста на мѣсто. Все раскольники! Кто далъ Пугачеву денегъ для приведенія своихъ планоу въ исполненіе?—Раскольники. Деньги давалъ Кожевниковъ, деньги давалъ и Андрей Кузнецовъ, тоже раскольники, жившіе на хуторахъ около Усть-Медвѣдицы, куда тайственная рука привела Пугачева... Вездѣ раскольники. Интрига создается и ведется раскольниками. Раскольники направляютъ любимца, свою надежду на Иргизъ, прямо къ тамошнему раскольниковому игумену Филарету. Пугачевъ на Иргизѣ между раскольниками. Открылся во всемъ Филарету. Филаретъ одобрилъ планы будущаго самозванца и послалъ его къ новому раскольникову, къ Денису Пьянову. Тутъ уже началъ дѣйствовать и самъ Пугачевъ, наученный раскольниками. Онъ началъ мутить казаковъ. Но его схватили и засадили въ казанскій острогъ... Опять являются раскольники. Нашелся купецъ Щолоковъ—раскольникъ, и губернаторъ облегчилъ заключеніе Пугачева. Содержавшійся съ нимъ въ острогѣ колодникъ (Дружининъ), изъ раскольниковъ же³⁾, помогъ Пугачеву бѣжать. Очувшись на

1) „Огеч. Записки“, 1874, № 11, 69.

2) Мордовцевъ, Самозв. и повиз. вольт., I, 146. Спб. 1867.

3) Дубровинъ говоритъ, что Дружининъ—не раскольникъ (I, 165).

валъ, онъ опять нашелъ пріютъ у раскольниковъ. Являются раскольники Кандалицевъ, Еремкина Курица.. Итакъ, вотъ гдѣ начало этой сложной, таинственной интриги. Это начало—раскольники. Они сплели ту таинственную, цѣпкую паутину, которая омотала всю Россію... Въ манифестѣ 19 декабря 1774 года и въ сеншенціи, составленныхъ изъ слѣдственнаго дѣла о Пугачевѣ и его сообщникахъ, участіе раскольниковъ въ пугачевской смутѣ совершенно не разслѣдовано и все это какъ бы игнорировано... Неужели и въ самую слѣдственную комиссію, и въ сенатъ, и въ синодъ, и въ кабинетъ императрицы проникла расколичья интрига?¹⁾

Взглядъ г. Мордовцева едва ли способенъ выдержать колючую, безпристрастную критику,—онъ слишкомъ уже дышетъ преувеличеніемъ и односторонностью. Прежде всего самъ Пугачевъ едвали былъ раскольниковъ. По показанію его жены, онъ вначалѣ „каждыхъ въ церковь Божію, исповѣдывался и приобщался Святыхъ Таинъ и только крестъ къ изображенію совокуплялъ большой съ двумя послѣдними пальцами“²⁾. Тоже самое видно и въ послѣднюю эпоху его жизни. По характерному выраженію атамана Уральскаго войска, Столыпина, это былъ „просто мошенникъ, который съ раскольниками былъ раскольникъ, а съ православными—православный“; въ городахъ и селахъ, имъ захваченныхъ, его обыкновенно встрѣчало духовенство съ образами, хоругвями и крестомъ, къ которому онъ прикладывался; на Устьянѣ вначалѣ его въ Уральскѣ православный священникъ Живетинъ³⁾. Раскольникъ по убѣжденіямъ и креатура раскольниковъ—никогда не позволилъ бы себѣ этого. Но на ряду съ этими соображеніями мы видимъ факты несомнѣннаго покровительства Пугачеву со стороны раскольниковъ. Кажущееся противорѣчіе удобно устраняется слѣдующимъ показаніемъ одного изъ сообщниковъ самозванца: „Пугачевъ, чтобы смаскать въ раскольникахъ знакомства, сказывался и самъ тако-

1) Мордовцевъ, Полит. движ. рус. нар., I, 253—259. Спб. 1871. Съ легкой руки г. Мордовцева, выдвинувшаго такимъ образомъ участіе раскольниковъ въ пугачевскомъ бунтѣ на очень видное мѣсто, теорія эта вошла въ моду. Особенно усмненно пропагандировать ее съ чужого голоса г. Ливановъ; безцеремонно перепечатавая г. Мордовцева, онъ тѣмъ не менѣе развязно заявлялъ, что „до сего времени еще никто не упоминалъ объ участіи раскольниковъ въ пугачевщинѣ“, и что онъ, Ливановъ, „раскрылъ это участіе“ (Раскол. и, острожн., III, 387—389. Спб. 1872).

2) Пушкинъ, Собр. сочин., томъ VI, 126. Спб. 1881.

3) Витевскій, Раск. въ Урал. войскѣ, 19.

вымъ-же, а потому во всѣхъ мѣстахъ страннопріимствомъ ихъ и пользовался; ибо у раскольниковъ принимать бѣдныхъ и давать кровительство имъ почитается за величайшую добродѣтель¹⁾. За-рубешный скиталецъ, наслышавшись на Веткѣ объ удобствахъ житья среди иргизскихъ раскольниковъ, двинулся въ обратный путь на родину; единовѣрцы дѣйствительно помогли ему пробраться къ мѣсту назначенія: они передавали его съ рукъ на руки; заботились и охраняли, но такъ относились не потому, что видѣли въ немъ свою „надежду“, а просто по чувству партійныхъ симпатій и по мотивамъ религіознаго характера, памятуя слова: „грядущаго не Мнѣ не наказу вонъ“ и „старого и младаго между стѣнами твоими сохрани“. Элементъ политическій здѣсь несомнѣнно отсутствовалъ. Тамъ, очевидно, взглянула на это и секретная коммисія; провинодившая слѣдствіе по пугачевскому дѣлу: въ докладѣ предсѣдателя ея; П. О. Истомкина, Кожениновъ, Худяковъ, Кузнецовъ, Корсака и Щелковерхъ совершенно устранены отъ обвиненія, ибо „всѣ оные были по первому допросу самозванца важны, но каждый изъ нихъ обвинялъ злѣдѣя во лжи“²⁾. Предположеніе, что и въ секретную слѣдственную коммисію проникла „раскольниковъ интрига“, слышимомъ нешроитно: пугачевское дѣло черезчуръ крупно для того, чтобы слѣдователямъ осмѣлились такъ рѣшительно кривить въ немъ душой.

Первымъ дѣятельнымъ помощникомъ и отчасти, пожалуй, кровителемъ Пугачева былъ дѣйствительно раскольникъ—старецъ Филаретъ; первоначальной ареной его дѣятельности—иргизскій Филаретовъ скитъ. Слѣдственная коммисія признала Филарета „первымъ наставникомъ Пугачева“³⁾. Самъ Пугачевъ въ опубликованныхъ „допросахъ“ ему объ этомъ положительнаго ничего не говорить, но относящееся сюда мѣсто его показаній косвенно подтверждаетъ другія дошедшія до насъ извѣстія: „Я.... поѣхалъ на Иргизъ, въ Филаретовъ монастырь, къ настоятелю Филарету, у котораго, яко выходецъ, жилъ три дня и вмѣстѣ съ онымъ поѣхалъ въ Малыковку попросить, чтобъ позволилъ не быть въ Симбирскѣ, прожить недѣли три, ибо лошадь у меня худа, такъ что не на чемъ скоро отправиться. Управитель хотя и понуждалъ, чтобъ поскорѣй

1) „Чтенія въ Общ. ист. и древ.“, 1858, 2, отд. II, 11.

2) Гроотъ, Мат. для ист. пуг. бунта, 130—131; Сиб. 1875.

3) Ibidem, 124.

лвѣтся, но, наконецъ, позволялъ безъ объявленія прожить недѣли три, почему я обратилъ съ тѣмъ Филаретомъ къ нему въ монастырь. прѣѣхалъ, а на другой день поѣхалъ въ Мечетную слободу для житья, ибо въ монастырѣ, хотя я и раскольникомъ уже назывался, жить было непристойно¹⁾). Архимандритъ Платонъ, со словъ „евангельскихъ дѣтей“ этого самаго Филарета, говоритъ, что замысли самозванца были сочувственно приняты Филаретомъ: онъ благоволилъ Пугачева и въ благодарность за это получилъ отъ него общинце патриаршаго престола; сколько имѣлъ у него Пугачевъ—неизвѣстно²⁾). Не отвергая сочувствія и содѣйствія Филарета, я думаю только, что ихъ не нужно расширять слишкомъ: Филаретъ лично могъ сочувствовать самозванцу, ибо вѣрилъ въ возможность успѣха, но обобщать его самизатія историкъ не имѣетъ права. Дѣло Пугачева не было общимъ дѣломъ раскола: несмотря на авторитетъ настоятеля скита, примкнувшаго къ Пугачеву, послѣдній былъ выданъ властямъ ревностнѣйшими раскольниками, отпавшими древляго престола, Злобинимъ и Расторгуевымъ: „Я имѣлъ счастье“, такъ писала 10 ноября 1789 года В. А. Злобинъ саратовскому генералъ-губернатору Черткову, „въ прошедшее неустройство, въ бытность на Иргизѣ, въ слободѣ Мечетной, съ бывшимъ смотрителемъ Ивановимъ Расторгуевымъ, хотя и въ юныя мои дѣла, обнаружить первое намѣреніе возмутителя, почему онъ и былъ пойманъ“³⁾). Еще интереснѣе представляется фактъ первой поимки самозванца у г. Дубровина, который утверждаетъ, будто въ числѣ лицъ, арестовавшихъ Пугачева, былъ и старецъ Филаретъ. „Въ промеморіи управительскихі дѣла отъ 19 декабря 1772 года записано: означенный вышедшій изъ Польши раскольникъ (Пугачевъ) чрезъ посланныхъ сыскиванъ былъ и отъ выборнаго Митрофана Федорова и Филаретова раскольникяго скита отъ инока Филарета и Мечетной слободы отъ крестьянина Степана Васильева съ товарищи приведенъ къ управительскимъ дѣламъ“⁴⁾). Въ виду всей послѣдующей исторіи Филарета можно думать, что имя его, если только здѣсь рѣчь идетъ о Филаретѣ-настоятелѣ, попало на страницы управительской промеморіи немного „случайно“, т. е. за деньги: Филарету гораздо вы-

1) „Чтенія въ Общ. ист. и древн.“ 1853, 2, отд. II, 6.

2) Иж. сем. библ., № 3774, 447.

3) Леопольдовъ, Біографія В. А. Злобина, 33. Саратовъ, 1871.

4) Дубровинъ, I, 159. См. Госуд. Арх., VI, № 413.

годнѣ было „записаться“, чѣмъ попасть въ сообщники и укрыватели. Послѣ удачнаго побѣга изъ Казани, Пугачевъ опять пришелъ на Иргиизъ, къ своему внакомцу, и опять неудачно: на этотъ разъ „удѣльный крестьянинъ ваволжской слободы Мечетной, Семенъ Филипповъ съ товарищами, явился въ Малыковку и объявилъ, что около слободы Мечетной, въ иргизскомъ раскольничьемъ монастырѣ, скрывается человекъ, который называетъ себя императоромъ Петромъ III“¹⁾. Но изловить Пугачева во второй разъ не удалось: Филаретъ сообразилъ опасность и, по словамъ Рунча, „тайнымъ образомъ переправилъ своего гостя за рѣку Иргиизъ въ степь“²⁾, а вслѣдъ за нимъ и самъ скрылся изъ своего скита, но былъ пойманъ потомъ въ Сызрани и отправленъ въ казанскую тюрьму, гдѣ сидѣлъ въ секретной экспедиціи до взятія Казани Пугачевымъ. Вместе съ другими колодниками онъ былъ вынужденъ самозванцемъ на свободу и богато награжденъ³⁾. Извѣстіе о поиманіи на Иргиизѣ самозванца дошло до Петербурга и тамъ, хотя и не скоро, рѣшились принять противъ укрывавшихся въ скитахъ разныхъ Обгленовъ энергичныя мѣры: журналомъ отъ 17. іюня 1773. года сенатъ предписалъ казанскому губернатору Бражку отправить туда команду и осмотрѣть всѣ скиты вдругъ, чтобы раскольники не могли укрѣпиться изъ одного скита въ другой. Этими способомъ въ чашѣ найдено обгленыхъ разнаго званія мужчинъ и женщинъ 44. человекъ⁴⁾, — цифра, замѣтитъ кстати, убѣдительно говорящая въ пользу мысли о быстромъ увеличеніи числа скитниковъ.

Обстоятельства начинаютъ складываться все болѣе и болѣе неблагоприятно для иргизскихъ раскольниковъ. По первому же полученному извѣстію объ успѣхахъ самозванца, отдано было распоряженіе „наблюдать осторожно иргизскія селенія, чтобы предъказанные влодѣи не расположились и не ушлили свои тамъ дистанціи“⁵⁾. И распоряженіе это не было результатомъ одного перепуга; ближайшія послѣдствія доказали, что въ мѣстахъ при иргизскихъ накопилось достаточно горючаго матеріала, для воспламе-

1) Леопольдовъ, loc. cit., 33. Свѣдѣніе замѣстовано Леопольдовымъ изъ архивнаго дѣла Вольскаго уезднаго суда.

2) „Рус. Стар.“, 1870, II, 124. Изд. I.

3) Соч. Державина, V, № 70. 147, 158.

4) Соловьевъ, Ист. Россіи, XXIX, 132.

5) Мордовцевъ, Полат. движ. рус. нар., I, 18.

ненія котораго не доставало только искры: въ Малыковѣ скоро вспыхнула бунтъ. Подъ предводительствомъ крестьянина Петра Сапожникова раскольники возстали противъ правительственныхъ властей и умертвили нѣсколько человекъ своихъ односельчанъ, вѣрныхъ церкви и престолу ¹⁾. Но и этотъ фактъ не даетъ особенно сильнаго подкрѣпленія взгляду Мордовцева: онъ самъ по себѣ свидѣтельствуеетъ только о томъ, что въ средѣ саратовскихъ раскольниковъ было не мало безшабашныхъ головъ, готовыхъ встать подъ знамена любого проходимца для борьбы съ правительствомъ. Всего проще и, вѣроятно, ближе къ истинѣ будетъ связать, что раскольники въ значительной мѣрѣ содѣйствовали пугачевскому движенію, которое было для нихъ возрожденіемъ движенія Разина и представляло нѣсколько лишнихъ шансовъ на счастливый исходъ ихъ безмолвной, но упорной борьбы съ господствующей властью; смотрѣть же на Пугачева, какъ на слѣдствіе „раскольничьей интриги“, приписывать расколу руководящее значеніе въ исторіи этой двухлѣтней междоусобной войны,—значитъ преувеличивать дѣйствительность въ пользу предвзятой теоріи, будто расколъ, по самой сущности своей, есть явленіе революціоннаго характера. Если бы дѣйствительно раскольники „создали“ Пугачева, какъ поляки—Лже-Дмитрія, тогда было бы совсѣмъ непонятно, почему это изъ четырехъ иргизскихъ скитовъ только одинъ, въ лицѣ своего настоятеля, рѣшительно примкнулъ къ самозванцу, да другой (Пахоміевъ) колебался и держалъ себя двусмысленно; между тѣмъ ни Аврааміевъ, ни Исаакіевъ скиты не присоединились къ самозванцу,—въ обществѣ дѣлѣ раскола они не задумались-бы, конечно, стать на его защиту²⁾. Сама Екатерина II одно время была настолько увѣрена въ близкихъ связяхъ самозванца съ иргизскими скитами, что дала Г. Р. Державину секретное порученіе ѣхать туда и попытаться изловить при помощи разныхъ ухищреній Пугачева, если онъ вздумаетъ опять показаться въ тамошнихъ мѣстахъ. Миссія Державина, несмотря на всѣ его старанія, не

¹⁾ Леопольдовъ, Біограф. В. А. Злобина, 33.

²⁾ Поповъ, на основаніи какихъ-то крайне темныхъ и спутанныхъ данныхъ, утверждаетъ, что Пугачевъ скрывался то въ кельѣ Филарета Заозерскаго, то въ самомъ Исакиевомъ скитѣ (IV, 103—104). Это утвержденіе ничѣмъ и никѣмъ однако не подтверждается. Поповъ, кажется, просто не сумѣлъ разобраться въ тѣхъ рассказахъ и преданіяхъ, которые были у него подъ рукою. Благодаря этому, онъ вынужденъ былъ создать какого-го Филарета Заозерскаго, когда и одного Филарета, со товарища Пахомія, вполне достаточно было для укрывательства Пугачева.

имѣла рѣшительно никакого успѣха, какъ не имѣла его и сдѣланная нѣсколько раньше казанскимъ губернаторомъ Брантомъ подобная же попытка. Брантъ, 5 іюня 1773 года, просилъ управителя малыковской дворцовой волости, Позднякова, принять мѣры къ поимкѣ Пугачева, причемъ обращалъ особенное вниманіе его на при-иргизскія поселенія: „Какъ живущіе на Иргизахъ раскольники безстрашно всякихъ бродягъ къ себѣ приѣмлютъ, каковыхъ посланными командами уже много переловлено, то и есть причина думать, что показанный Пугачевъ съ его товарищами первое прибѣжище имѣть будетъ въ тѣхъ раскольничьихъ селеніяхъ. И сего ради вамъ, управителю, секретнымъ образомъ самому тотчасъ слѣдовать на иргизскія селенія и всѣми образы стараться развѣдывать, не укрываются ли тамъ вышепоказанные бѣглецы колодники и солдаты, и ежели сыщутся, то, поймавъ, подъ крѣпкимъ карауломъ пришлите ко мнѣ“¹⁾). Ни Поздняковъ, ни Державинъ ничего, однако, не могли сдѣлать: Пугачевъ больше въ скиты не заглядывалъ и доказательствъ въ пользу прикосновенности къ его бунту всѣхъ иргизскихъ и вообще саратовскихъ раскольниковъ не нашлось никакихъ. Для историка саратовскаго раскола это, собственно говоря, весьма важный отрицательный выводъ; но въ „Запискахъ“ Державина, относящихся къ описываемому времени, сохранилось и нѣсколько данныхъ положительнаго характера, весьма любопытныхъ для разъясненія этой темной эпохи въ жизни Иргиза. Добренныя агенты Державина, Серебряковъ и Герасимовъ, 16 марта 1773 года доносили своему патрону: „Увѣдомились мы, что изъ Пахомьевскаго скита начальникъ черноецъ Пахомій, у коего извѣстный злодѣй укрывся, и бѣжалъ оный Пахомій, въ часовой ободъ съ иконъ окладъ и прочую забравъ часовенную утварь и все, что было общее, перевезъ въ квартиру къ племяннику своему, раскольнику же Ивану Наумову, кой, продавъ дворъ свой въ Кривоулицкой слободѣ, нынѣ жительствуетъ въ слободѣ Малыковѣ, на квартирѣ, почему видно, что какъ тотъ Пахомій, такъ и означенный племянникъ намѣреніе имѣютъ бѣжать, по которому извѣстію, возвратясь съ ставки караула, намѣрены мы, именованные, дабы оный и совершенно побѣгу не учинилъ и тѣмъ отъ принадлежащаго слѣдствія не

¹⁾ Дубровицъ, I, 170. См. Госуд. арх., VI, № 413.

отбылъ и всѣ свои и другихъ злодѣйскіе поступки тѣмъ своимъ побѣгомъ не прикрылъ, того Пахомія и съ племянникомъ Наушовымъ арестовать и содержать до резолюціи вашего благородія, о чемъ низжайше рапортуемъ и требуемъ резолюціи¹⁾. Арестъ Пахомія вовсе не соотвѣтствовалъ планамъ Державина, при томъ же Пахомій и не собирався бѣжать, а увезъ часовенную утварь для сокрытія только, каковая мѣра предосторожности, какъ сейчасъ увидимъ, была далеко не лишней. Державинъ не одобрилъ предложенія своихъ агентовъ и далъ резолюцію въ противоположномъ желаемому ими смыслѣ. Пахомій оставленъ былъ на свободѣ верховодить за отсутствіемъ своего соправителя обоими скитами,—своимъ и Филаретовымъ,—и 13 мая 1774 года, вмѣстѣ съ казначеемъ Филаретова скита Фадѣемъ, прислалъ на имя Державина „доношеніе“ съ жалобой на артиллерійскаго капитана Елчина, который, проходя по тракту мимо скитовъ „для разбитія злодѣйскихъ мятежниковъ—калмыкъ“, хотѣлъ мучить ихъ смертно плетью и билъ дворцовыхъ крестьянъ, вымогая 300 руб. Иноки, страха ради властелинска, дали ему 200 рублей,²⁾ но теперь просили Державина взыскать эти деньги съ Елчина, „дабы мы отъ таковыхъ напрасныхъ раззореній не пришли въ несостояніе государственныхъ податей“. Письмо это подписано такъ: „Настоятель инокъ Пахомій руку приложилъ къ сему доношенію. Филаретова скита казначей инокъ Фадей и вмѣсто братіи подѣ сямъ прошеніемъ руку приложилъ³⁾. Не желая раньше времени возбуждать неудовольствіе въ очень нужномъ для его плановъ человѣкѣ, Державинъ постарался взыскать эти деньги съ храбраго капитана²⁾. Это была послѣдняя любезность съ его стороны престарѣлому иноку: черезъ нѣсколько дней Пахомій покинулъ свой скитъ и, вѣроятно, болѣе никогда уже не видѣлъ его опять. Объ этой непріятной неожиданности Державину сообщали слѣдующія подробности: „Сего 1774 года мая 23 числа, прислана къ намъ изъ симбирской канцеляріи команда, которая, пріѣхавши и примкнувши штыки, обступя монастырь и собравши всѣхъ старцевъ въ едино мѣсто, и ничего не объявля, держали безъ выпуска и не дали келлій запереть и, пришедши ноци, всѣ келліи

1) Соч. Державина, V, № 84, примѣчаніе.

2) Ibidem, V, № 84.

3) Ibidem, №№ 100, 127.

ограбили, а прочихъ старцевъ смертно били, а невѣдомо за что; а которыхъ по присылкѣ спрашивали людей иноковъ, тѣхъ мы объявили за фуражемъ на Яикъ, по которыхъ мы хотѣли послать, а онъ не изволилъ, а съ насъ просить денегъ, а невѣдомо за что. И взявъ съ Пахоміева скита денегъ двадцать пять рублей да каряго мерина, съ Филаретова скита двадцать четыре рубли съ полтиною и взяли игумена инока Пахомія, подъ крѣпкимъ карауломъ повезли невѣдомо куда¹⁾. Потеря игумена, чрезъ посредство котораго предполагалось заманить въ разставленные сѣти страшнаго самозванца, взволновала поэта: онъ отправилъ запросъ въ казанскую секретную комиссію, по чьему приказанію взять сей инокъ²⁾, обратился съ жалобой къ главнокомандующему князю Щербатову³⁾, но, кажется, ничего не узналъ. Инокъ Пахомій какъ въ воду канулъ и только на основаніи нѣсколькихъ словъ изъ доклада предсѣдателя секретной комиссіи по пугачевскому дѣлу, П. С. Потемкина, — „Пахомій, яко суцій суетвръ, болѣе укрываетъ вины своей, нежели въ самомъ дѣлѣ, поелику онъ сообщникъ Филарету, первому наставнику Пугачева“⁴⁾, — можно догадываться о постигшей его участи.

Пахомій ускользнулъ изъ рукъ и Державину оставалось только одно: во чтобы то ни стало изловить хоть Филарета, „сего главнѣйшаго сообщника и руководителя самозванцева“, ибо „необходимо должно заключать, что оный старецъ будетъ новыя дѣлать плевелы“. Державинъ задумалъ устроить „оному старцу“ маленькую ловушку. Онъ отправилъ съ довѣреннымъ лицомъ слѣдующее письмо: „Отпу Филарету здравія желаю. Ежели ты по секретной комиссіи опасенъ и укрываешься, то, надѣясь на твое благочестіе, увѣряю тебя, что ежели ты поплатишься мнѣ двумя тысячами рублями, то и будь надеженъ, что тебѣ ничего не будетъ; только чтобъ ты ко мнѣ явился, или когда не увѣришься, то пришли письмецо, что у тебя вышесказанное готово и въ которомъ мѣстѣ отъ тебя взять: то и будетъ дѣло брошено; а всегобъ лучше переговорилъ со мною самъ. Доброжелатель твой, о котораго имени скажетъ тебѣ отецъ Ѡадей“⁵⁾. Поплатиться Филаретъ не изъявилъ желанія, — можетъ

¹⁾ Ibidem, № 104.

²⁾ Ibidem, № 119.

³⁾ Ibidem, № 123.

⁴⁾ Гротъ, Мат. для ист. пуг. бунта, 124.

⁵⁾ Соч. Державина, V, № 158.

быть, потому, что не имѣлъ требуемыхъ денегъ, а можетъ быть и потому, что подозревалъ обманъ. Напрасно Державинъ ждалъ отъ него письма, напрасно и секретная комиссія ждала утѣшительныхъ извѣстій по этому дѣлу отъ Державина; послѣдній и безъ комиссіи хорошо понималъ, что „извѣстный раскольникъ, Мечетнаго монастыря настоятель, Филаретъ“ весьма важенъ для слѣдователей, что для сыска его нужно употребить „всевозможное раченіе,“ но сыскать его не могъ, несмотря на строжайшія предписанія начальства¹⁾. Ни къ чему не привели тайные поиски Державина, ни къ чему не привели и поиски явные, чрезъ посредство посланныхъ въ иргизскій край графомъ Панинымъ военныхъ командъ²⁾: неубавилось у скитниковъ денегъ, оказался недочетъ въ нѣсколькихъ лишнихъ „карихъ мереняхъ“, разбѣжалось не мало народа по разнымъ мѣстамъ изъ страха „смертнаго боя и истязанія“,—но и только; Филаретъ найденъ не былъ. При первомъ же извѣстии о поискахъ за нимъ, онъ перемѣнилъ имя,—превратился изъ Филарета въ Афанасія,—собралъ своихъ евангельскихъ дѣтей и вмѣстѣ съ ними ушелъ въ костромскую губернію, гдѣ и умеръ спокойно, никому не вѣдомый, въ глухомъ скитѣ, близъ села Молвитина; такъ по крайней мѣрѣ, говоритъ архимандритъ Платонъ, самъ уроженецъ костромской губерніи, жившій и въ молвитинскомъ скитѣ, при чемъ добавляетъ: „все это я слышалъ отъ его евангельскихъ дѣтей“³⁾.

Пугачевскій бунтъ задержалъ на время правильный ростъ иргизскихъ раскольниковыхъ общинъ. Послѣ поимки самозванца Екаторина II писала Панину: „Хотя и усмотрѣно, что по рѣкѣ Иргизу нымѣ мало поселенцовъ осталось, но не мѣжѣ подлежить сіе мѣсто бдѣнію, ибо оно уже давно укрывательствомъ служить ворамъ и бѣглымъ, коимъ раскольники, тамо скиты и монастыри заведшіе, за добродѣтель почитаютъ давать пристанище“⁴⁾. Это „бдѣніе“ и выразилось въ томъ рядѣ открытыхъ гоненій на скиты, о которомъ сохранились воспоминанія не только въ мѣстныхъ преданіяхъ, но и въ официальныхъ документахъ⁵⁾. Но съ другой сто-

1) Ibidem, V, № 269.

2) Ibidem, VI, 501, 503.

3) Ник. сем. библ., № 8774. 447. Цодовъ „съ вѣроятностью“ предполагаетъ, что Филаретъ бѣжалъ на Уралъ и умеръ тамъ въ Сыртовскомъ (?) скитѣ (IV, 106), но на чемъ строится это предположеніе и почему именно оно „вѣроятно“,—онъ, по обыкновенію, не указываетъ.

4) „Чт. въ Общ. вст. и дрв.“, 1858, II, 56.

5) Дѣла Секр. Ком., Vol. XIV, стр. 1105.

роны этого же самый бунтъ содѣйствовалъ и послѣдующему ихъ быстрому возвышенію. Когда взволнованныя страсти массъ поулеглись немного и жизнь народная стала входить въ обычную колею, то вмѣстѣ съ этимъ, естественно, должна была съ особенной энергіей проявиться склонность къ иночеству. Это была неизбежная реакція бурному взрыву надеждъ и чаяній мірскаго характера, это одинъ изъ общихъ законовъ человѣческой исторіи. Не мало вчерашнихъ удалцовъ покрыли куколемъ буйныя головы; не мало вчерашнихъ „глупственно дерзновенныхъ“ сообщниковъ самовольца смѣнили мечъ на лѣстовку и въ тиши уединенія, въ убогой землянкѣ или такой же лачугѣ, стали замаливать жеданнія преступленія и грѣхи. Стремленіе къ иночеству отразилось теперь и на женщинѣ. Матери, лишившіяся во время смуты своихъ дѣтей, жены—мужей, дочери—братьевъ и жениховъ, словомъ обездоленный, скорбящій элементъ потянулся въ „пустыню“ для подвиговъ богоугодныхъ. Не мало отшельницъ начали было селиться отдѣльными кельями по берегамъ Иргиза, но нападенія ляхихъ людей, киргизкайсаковъ и остатковъ пугачевскихъ шаекъ, скоро заставили ихъ собраться въ одно мѣсто. Къ концу 1774 года они испросили нужное разрѣшеніе у начальника дворцовыхъ крестьянъ Шатарова¹⁾ и обосновались небольшимъ скиткомъ верстахъ въ пяти—шести отъ Исаакіева скита, за оверомъ Калачемъ. Инициалы принадлежала молодой, 23-лѣтней дѣвушкѣ, дочери сибирскаго 2-й гильдіи купца Матренѣ Матвѣевнѣ Ильиной. Она приняла постриженіе, съ именемъ Маргариты, въ Москвѣ; въ старобрадческой часовнѣ, и была избрана первой настоятельницей новообразованнаго скита, съ этихъ поръ получившаго ея имя²⁾.

Все шире и громче разносившаяся молва объ Иргизѣ привлекла сюда, спустя немного послѣ только что описанныхъ событій, зарубежнаго выходца инока Сергія, съ именемъ котораго связано представленіе о „строеніи“ иргизскихъ скитовъ. Время появленія его на Иргизѣ относятъ обыкновенно къ 1776 году³⁾;

1) Саратовскій губернаторъ Бѣляковъ, въ письмѣ отъ 19 іюля 1804 года къ вольскому исправнику Безобразову, говорить, что „Шатаровъ поступилъ въ управителя въ 1778 году“ и дѣлаетъ отсюда выводъ, что скитъ Маргаритинъ былъ основанъ позже 1774 года (Сарат. Истор. архивъ, I, А, № 7, л. 96). Но, принявъ въ соображеніе указанія Прохора и того же Безобразова, правдоподобнѣе допустить, что ошибка здѣсь не въ годѣ, а въ имени.

2) Бр. Св. Кр., № 500, 8—9, 70; № 518, 116.

3) „Прав., Собес.“ 1857, II, 391; Попель, IV, 106; Дубакинъ, 20.

это довольно правдоподобно, хотя поручиться за точность даты и нельзя, по неизвестности источника, изъ котораго она заимствуется. Біографическія свѣдѣнія относительно Сергія—темны и недостаточны; обстоятельства его появленія на Иргизѣ—совершенно невыяснены: преосв. Макарій и Муравьевъ сообщаютъ на этотъ счетъ нѣсколько подробностей, но подробности эти и голословны, и страдаютъ внутренними противорѣчіями, а потому и не вызываютъ къ себѣ довѣрія. Сергій, по словамъ преосв. Макарія, былъ старшимъ сыномъ московскаго купца Петра Юршева, одного изъ главныхъ виновниковъ смерти архіепископа Амвросія во время московскаго чумнаго бунта 1771 года, и въ міру назывался Симономъ. Опасаясь участи, постигшей отца, Симонъ скрылся въ дремучіе лѣса, принадлежавшіе въ московской губерніи Лопухиннымъ, гдѣ тайно привитало. тогда множество раскольниковъ и разныхъ бѣглецовъ, и въ одномъ изъ скитовъ принялъ постриженіе съ именемъ Сергія. Когда многочисленныя безпорядки этихъ скитниковъ обратили на себя вниманіе правительства, то во время произведенныхъ розысковъ схваченъ былъ въ числѣ другихъ и Сергій и посаженъ въ московскую тюрьму. Но оттуда онъ успѣлъ уйти и бѣжалъ за рубежъ, на Ветку. На чужбинѣ онъ пробылъ однако не долго, ибо нашелъ удобный способъ возвратиться на родину со всѣми правами, предоставленными выходцамъ манифестомъ 1762 года. Съ этою цѣлью Сергій при переходѣ чрезъ границу показалъ, что онъ русскій уроженецъ, но не помнитъ, гдѣ родился и кѣмъ завезенъ въ Польшу. Тутъ же употребилъ онъ и другую хитрость, которая впоследствии ему очень пригодилась: онъ заблаговременно купилъ и навилъ на палки много холста, который и несъ съ собой; на разпросы пограничныхъ стражей, что это такое, отвѣтилъ, что это походная полотняная церковь, и даже упросилъ ихъ упомянуть о ней въ его паспортѣ. Съ такимъ паспортомъ онъ отправился прямо на Иргизъ: возвращаться въ Москву послѣ недавняго побѣга изъ тюрьмы казалось ему рискованнымъ. Скитовъ на Иргизѣ было уже пять: Никольскій, Верхне-Никольскій, Преображенскій, Воскресенскій и Успенскій, неподалеку отъ города Вольска, хотя во всѣхъ нихъ обитателей, мужчинъ и женщинъ, не было и ста человѣкъ. Сергій избралъ для водворенія своего скитъ Успенскій. Вслѣдъ за нимъ явилась сюда вскорѣ и мать его, Марина, съ млад-

пиймъ сыномъ и дочерью и приняла иночество съ именемъ Макария¹⁾. Какъ уроженецъ Москвы и сынъ знаменитаго между раскольниками ревностью по старинѣ отца, какъ человекъ грамотный, начитанный, трезвый и ловкій, Сергій не замедлилъ приобрѣсть себѣ между грубыми поселенцами скита общее уваженіе²⁾.

Въ этомъ небольшомъ разсказѣ не мало пропусковъ, скачковъ и недомолвокъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ не мало и лишняго, переговореннаго, ошибочнаго. Прежде всего здѣсь оставленъ невыясненнымъ вопросъ о причинахъ, побудившихъ Симона Юршева бѣжать въ допухинскіе лѣса. Побѣгъ едва ли былъ результатомъ страха предъ карой закона: ни откуда не видно, чтобы Симонъ принималъ участіе въ убійствѣ Амвросія; скорѣе можно думать, что нервная, воспріимчивая натура юноши была глубоко потрясена неожиданнымъ сиротствомъ и подъ вліяніемъ этого потрясенія онъ рѣшилъ разорвать всякую связь съ внѣшнимъ міромъ, уединиться въ скитъ. Далѣе едва ли правильно объясненіе исторіи съ подотняной церковью. Естественный выводъ изъ этой исторіи, какъ она представляется въ разсказѣ преосв. Макарія, сдѣланъ Добротворскимъ: Сергій уже тогда создалъ планъ сдѣлаться главою иргизскаго общества, ибо сознавалъ, что съ своими способностями легко можетъ стать главнымъ лицомъ среди грубыхъ бѣглецовъ³⁾. Но для Сергія это слишкомъ уже дальновидно; такое представленіе о немъ трудно мирится съ послѣдующими событіями его жизни, въ которыхъ онъ нигдѣ не зарекомендовалъ себя со стороны особой дальнорозоркости, умѣнья анализировать людей, способности провидѣть будущее; наглядныя доказательства представлены будутъ при изложеніи его попытки ввести на Иргизѣ единовѣріе. Сергій, конечно, могъ нести съ собою изъ-за рубежа полотняную церковь, какъ дорогую для него святыню, но едва ли связывалъ съ ней какіе-нибудь планы. Нѣтъ положительно никакой возможности допустить,

¹⁾ Преосв. Макарій обходитъ молчаніемъ вопросъ о мѣстѣ, гдѣ поселилась мать Сергія; Муравьевъ же, на основаніи якобы рукописи Сергія, утверждаетъ, что она поселилась „поблизости отъ Успенскаго скита и около нея образовалась женская община“ (Раск., обл. св. ист., 353). Если слово „община“ понимать въ смыслѣ „скитъ“, то это неправда: никакого самостоятельнаго скита мать Сергія не основала на Иргизѣ. Но, благодаря вліятельности сына, она дѣйствительно могла сдѣлаться одной изъ соборныхъ инокинь Маргаритина скита, хотя никакихъ указаній на это не сохранилось.

²⁾ Макарій, Истор. раск., 315—316.

³⁾ „Прав. Собес.“, 1857, I, 390.

чтобы онъ шель на Иргизъ съ готовой программой дальнѣйшей дѣятельности... Что касается перечисленія скитовъ, существовавшихъ по Иргизу ко времени прибытія туда Сергія, то оно несомнѣнно ошибочно. Я не говорю уже о томъ, что существовавшіе скиты не могли еще носить въ то время указываемыхъ преосв. Макаріемъ наименованій, по немнѣнію храмовъ и престольныхъ праздниковъ; но никогда не было на Иргизѣ скита Верхне-Никольскаго: верхній скитъ назывался до 1783 года Исаакіевымъ, съ этого года — Успенскимъ, а съ 1804 года — Преображенскимъ. Возможно, что авторъ обозначилъ Исаакіевъ скитъ двумя послѣдовательно существовавшими наименованіями; но тогда непонятно, какой же изъ названныхъ имъ былъ женскимъ? Воскресенскимъ назывался съ 1786 года нижній скитъ — Аврааміевъ; Никольскимъ — съ 1788 года — средний, Пахоміевъ и Филаретовъ; но эти оба всегда были мужскими. Отказываясь понимать что-нибудь въ этой путаницѣ, я замѣчу только, что она очень характеристична для уясненія степени достовѣрности источниковъ, которыми пользовался преосв. Макарій подъ именемъ рукописей Сергія: „*О зачатъ Иргизскихъ скитовъ*“ и „*О поповщиской сектѣ на Иргизѣ*“.

Настоятель Исаакіева скита, онъ же и основатель его, священно-инокъ Исаакій ¹⁾, скоро понялъ, какого дорогого помощника послала ему судьба въ лицѣ новаго пришельца: въ гра-

¹⁾ Преосв. Макарій и Муравьевъ осторожно умалчиваютъ объ имени этого настоятеля. Но Добротворскій, со словъ іеромонаха Арсенія, казначея Нижняго иргизскаго монастыря по обращеніи его въ единовѣріе, называетъ его Матееемъ („Прав. Соб.“, 1867, I, 392). Къ сожалѣнію, онъ не приводитъ при этомъ подлинныхъ словъ Арсенія, которыми гораздо скорѣе выяснили бы дѣло, чѣмъ выдаваемый Добротворскимъ Арсенію аттестатъ человека „умнаго и наблюдательнаго“. Вотъ эти слова: „Первоначальный выходецъ изъ Польши, священно-инокъ Исаакій, управлялъ монастыремъ (скитомъ?) двѣнадцать лѣтъ; по смерти его (въ 1774 году?) братіей избранъ въ настоятели священно-инокъ Матеей, пришедшій изъ Польши въ 1779 году (!). За болѣзнію, по довольному времени, онъ уступилъ власть пришедшему вмѣстѣ съ нимъ иноку Сергію, который получилъ названіе строителя этого скита, при которомъ построены церкви“ (Ниж. сем. библ., № 3774, 410). Но 1) скитъ не могъ оставаться въ теченіи пяти лѣтъ (1774—1779) безъ настоятеля; 2) вмѣстѣ съ Матееемъ въ 1779 году прійти на Иргизъ Сергію не могъ, ибо онъ, — это признаетъ и Добротворскій, — въ 1777 году уже съ Иргиза ѣздилъ въ Москву; 3) Матеей не могъ уступить власть Сергію „по довольному времени“, ибо по этому счету Матеей долженъ былъ настоятельствовать всего около года, — Сергію избранъ былъ настоятелемъ, какъ это будетъ показано ниже, въ 1780 году. Между тѣмъ Арсеній имѣлъ въ данномъ случаѣ въ виду именно Сергія Юршева, такъ какъ упоминаетъ о построенной имъ церкви и о титулѣ строителя. Всего вѣроятнѣе, что здѣсь Арсеній смѣшалъ скитъ Исаакіевъ съ Пахоміевымъ, въ которомъ дѣйствительно настоятельствовалъ около этого времени инокъ Матеей.

мотныхъ людяхъ по скитамъ чувствовался большою недостатокъ. Такъ, одинъ старецъ Исаакіева скига говорилъ Оболяеву, который Пугачевымъ посланъ былъ искать въ средѣ иноковъ „письменныхъ“ людей: „таковыхъ въ монастырѣ нѣтъ; набралось было человекъ двадцать, да и тѣ отъ команды сыщиковъ разбѣжались“¹⁾,—по странной игрѣ случая, грамотные, очевидно, знали за собой слишкомъ много грѣшковъ, чтобы со спокойной совѣстью ждать, сидя въ скитѣ, появленія полиціи и сыщиковъ... Черезъ Сергія Исаакій рѣшилъ вступить въ болѣе близкія отношенія къ московскому старообрядческому обществу, которое могло оказать сильную поддержку и покровительство неокрѣпшимъ, молодымъ еще скитамъ. Съ этой, кажется, цѣлью онъ отправилъ Сергія въ 1777 году въ Москву, гдѣ послѣдній и присутствовалъ при извѣстномъ опытѣ рогожскаго мироваренія. Нѣсколько воспоминаній объ этой поѣздкѣ Сергія изложилъ въ своей книжкѣ „Зеркало для старообрядцевъ, не покоряющихся православной церкви“: въ ней онъ рассказываетъ о самой операціи мироваренія въ огромномъ самоварѣ, о своемъ столкновеніи съ производившимъ оное священникомъ Василиемъ Чебоксарскимъ и о способѣ, которымъ молва объ этой небывалой попыткѣ дошла до властей²⁾. Любопытенъ и до нѣкоторой степени важенъ для насъ только рассказъ Сергія о столкновеніи его съ Василиемъ. Дѣло въ томъ, что этотъ попъ вычитывалъ не всѣ молитвы, полагаемыя при совершеніи мироваренія. Сергія обратился къ нему съ вопросомъ о причинѣ такого пропуска и, получивъ въ отвѣтъ, что пропущенная молитва слишкомъ важна для простого іерея и чтеніе ея причлествуетъ только епископу, замѣтилъ довольно рѣзко Василію, что, собственно говоря, и все дѣйствіе мироваренія причлествуетъ исключительно епископу. Василій остался, конечно, недоволенъ такимъ замѣчаніемъ и обратился къ Сергію съ суровымъ укоромъ: „ты сталъ отдаляться отъ благочестія, отецъ Сергія“, скавалъ опъ; „прежде ты былъ ревностиѣ; прошу о семъ помолчать, чтобы простымъ людямъ не подать повода къ соблазну“. Но упрекъ въ отдаленіи отъ благочестія былъ напрасенъ, или, по крайней мѣрѣ, преждевремененъ. Сергія, хорошо понимавшій незаконность рогожскаго мироваренія,—такъ хорошо, что втихомолку даже про-

1) Дубровинъ, I, 193. См. Госуд. арх., VI, № 506.

2) Сергія, Зеркало для старообр., 76—80. Спб. 1799.

тествовалъ противъ него,—вслухъ другихъ призналъ его законнымъ: на Ирғизѣ не было мира и Сергій запасся имъ съ Рогожскаго кладбища; Сергій интересовала болѣе всего не идеальная, а матеріальная, практическая сторона дѣла,—ему нужно было миро, а какое оно—это было для него вопросомъ второстепеннымъ. Наравнѣ съ миромъ нужны были Ирғизу и требоотправители, такъ какъ присланныя на Ирғизъ, по нѣкоторымъ извѣстіямъ, Михаиломъ Калмыкомъ въ 1770 году чернаго пона Іакова въ это время тамъ уже не было; войманъ былъ малыковскими властями въ 1778 году и другой бѣглый покъ Тимофей Тимофеевъ, проживавшій, кажется, послѣ Іакова въ скитѣ Филаретовомъ¹⁾. Сергій не замедлилъ восполнить этотъ недостатокъ: онъ выпросилъ у Михаила Калмыка священно-инока Іеронима, котораго и отправилъ на Ирғизъ съ инокомъ Филаретомъ. Но до отъѣзда еще ихъ изъ Москвы случилось слѣдующее любопытное обстоятельство. Узнавъ, что Михаилъ принялъ Іеронима безъ исправы, Филареть не рѣшился везти его въ свой скитъ и совѣтовалъ ему принять исправу хоть въ Москвѣ: „послушай, батюшка, когда исправу ты себѣ не получилъ, то у насъ, на Ирғизѣ, исправлять тебя некому, понеже священника у насъ не имѣется. А когда неисправленный пріѣдешь, то никто къ тебѣ не пойдетъ и къ себѣ никто тебя не возьметъ“. Іеронимъ покорился и принялъ требуемую исправу на Рогожскомъ кладбищѣ²⁾. По возвращеніи изъ поѣздки въ Москву, Сергію не долго пришлось пожить спокойно въ уединеніи Исаакіева скита. Рогожское мировареніе надѣлало не мало соблазна въ старообрядческомъ мірѣ. Стародубье, бывшее въ это время метрополіей поповщины, рѣшительно отказалось принять московское новшество и скоро почувствовали на Рогожскомъ кладбищѣ настоятельную необходимость водворить во святой церкви „паче бури сладчайшую тишину.“ Въ концѣ 1779 года въ Москвѣ назначенъ былъ соборъ для рѣшенія этого сомнительнаго вопроса о новосваренномъ мірѣ и тѣсно связаннаго съ нимъ вопроса о чинѣ пріянія переходящихъ въ расколъ отъ никоніанской церкви поповъ и мірянъ. Престарѣлый настоятель Исаакій, по приглашенію отъ московскаго общества, послалъ на этотъ соборъ въ качествѣ представителя отъ своего скита Сергія;

¹⁾ Іоаннъ, Духъ мудр. нѣк. рас. толк., 89. Москва, 1841.

²⁾ Бр. Св. Кр., № 513, 84.

остальные скиты выбрали иноковъ Иосифа и Лавра. Этими депутатами вручено было письмо къ московскому обществу, подписанное отъ имени Исаакіева скита за настоятеля Исаакія Сергіемъ, отъ Филаретова скита—настоятелемъ Антоніемъ, отъ Пахоміева—настоятелемъ Матеемъ, отъ Аврааміева—настоятелемъ Адрианомъ¹⁾, въ которомъ „за имя Христово странствующіе“, поселившіеся по рѣкѣ Иртызу иноки, высказались въ пользу перемазанія и протестовали противъ „церковныхъ возмутителей“ Михаила Калмыка съ его единомышленниками: на Иртызѣ или не въ состояніи были понять тайную мысль Михаила съ Никодимомъ, мечтавшихъ о „своемъ“ архіереѣ, или же не считали полезнымъ расходиться съ московскимъ обществомъ.

О перемазанскомъ соборѣ наша литература знаетъ только по сочиненіямъ Никодима Стародубскаго, который оставилъ подробныя записки о дѣяніяхъ его. Эти записки напечатаны Андреемъ Іоанновымъ въ его „*Полномъ историческомъ извѣстіи*“. Судя по рассказамъ Никодима, участіе Сергія Иртызскаго на соборѣ было почти незамѣтно. О немъ упоминается только два раза,— въ изложеніи дѣяній шестого и седьмого засѣданій собора. На основаніи записокъ Никодима можно сдѣлать только одинъ выводъ,— что Сергій въ средѣ членовъ собора былъ на хорошемъ счету, какъ полемистъ, ибо иначе Никодимъ, признанный на соборѣ, по его же собственнымъ словамъ, за человѣка „въ доказательствахъ сильнаго и въ бесѣдахъ увертливаго“, едва ли сталъ бы просить, чтобы къ нему прислали для собесѣдованія Сергія, если не хотятъ пустить его самого на седьмое засѣданіе (29 декабря 1779 года, въ домѣ Никиты Павлова²⁾). Но кромѣ записокъ Никодима сохранилось еще другое рукописное извѣстіе о перемазанскомъ соборѣ, въ которомъ дѣло представляется совершенно въ иномъ свѣтѣ³⁾. Правда, подтвердить подлинность и безусловную справедливость этого извѣстія посторонними свидѣтельствами пока едва ли возможно, но оно заключаетъ въ себѣ не мало внутреннихъ признаковъ, говорящихъ въ его пользу. По этому извѣстію соборъ открылся 23 декабря 1779 года⁴⁾ въ

¹⁾ Поповъ, I, 213—216.

²⁾ Андрей Іоанновъ, Пол. ист. изв., кн. III, 78, 86, 91.

³⁾ Бр. Св. Кр., № 513, 80—109.

⁴⁾ Никодимъ относитъ открытіе засѣданія къ 1 ноября, но едва ли справедливо: два изъ напечатанныхъ въ „Сборникѣ“ Попова (I, 212, 230) писемъ—Кержаское къ Московскому старообрядческому обществу и Шуйское—къ Михаилу

домѣ московскаго купца Никиты Павлова. Въ разглагольствіе вступили: съ слободской стороны—отецъ Михайль, Никодимъ и Іоасафъ; съ московской стороны—священно-инокъ Матѳей, священно-іерей Василій Стефановъ и Алексѣй Феодоровъ, отецъ Іаковъ, Іона и Адрианъ съ Керженца; отецъ Илаверъ (Лавръ?) съ Иргиза, ... а особливо вступилъ въ разговоръ съ Никодимомъ отецъ Сергій. По многомъ отъ святого писанія разглагольствіи, началъ Никодимъ въ своемъ мудрованіи несправедливомъ признаваться, началъ въ крикъ, и въ здоры, и укоры нелѣпыя вступать. Въ чемъ много его всё просили, чтобы онъ по иночеству со смиреніемъ говорилъ, какъ и прежде зачалъ говорить съ отцомъ Сергіемъ. Онъ же, признавъ свою вину, не покорился, всталъ и изъ собранія насильно вышелъ, въ чемъ много его Егоръ Федоровъ за одежду хотѣлъ удержать, но не могъ; съ тѣмъ такъ и ушелъ, съ ипомомъ Михайломъ и съ прочими своими товарищи. А послѣ снхъ посовѣтовали всемъ собраніемъ, какъ быть и какое опредѣленіе положить, и, по согласію всего московскаго общества и прочихъ въшеозначенныхъ странъ, опредѣленіе письменное положили и руки подписали; и такъ тѣмъ собраніе и рѣшилося. И по окончаніи собранія съ опредѣленіемъ и съ прочими отъ разныхъ странъ съ списками отправили отца Сергія въ стародубскія слободы для всѣхъ христіанъ несумнѣннаго извѣстія. А Никодимъ, увѣдавъ такое свое посрамленіе, хотя себя защититъ, чтобы въ посрамленіе до конца не прийти, и написалъ своею рукою письмо отъ московскаго лица,—а московскіе про то никто и не знаютъ,—въ Покровскій монастырь и прочимъ въ слободахъ жителямъ ложно и коварно, что аки бы въ Москвѣ было десять сѣданій и аки бы онъ, Никодимъ, на всѣхъ сѣданіяхъ справедливое доказательство имѣлъ. Се-му никто не вѣръ, но все ложь и неправда, понеже онъ, Никодимъ, самъ сіе написалъ и далъ челоуѣку переписывать, а тутъ случилось

Казыку датированы 3 и 18 декабря; ни въ одномъ изъ нихъ не говорится о соборѣ, а послѣднее кромѣ того и не могло быть написано послѣ открытія васьданій собора, о дваніяхъ котораго въ Шуѣ,—если только онъ начался 1 ноября,—къ 18 декабря, разумѣется, отлично знали. Керженское письмо представляетъ собой вѣрительную грамоту скитниковъ своимъ депутатамъ и невѣроятно, чтобы за составленіе таковой взялись спустя цѣлый мѣсяцъ послѣ открытія собора, созваннаго для рѣшенія столь существенныхъ вопросовъ. Равнымъ образомъ и закрытіе собора не могло быть 7 января 1780 года: опредѣленія его посланы были въ Стародубье съ якокомъ Сергіемъ 31-го, а письмо о соборѣ въ Петербургъ—даже 24 декабря 1779 года (Половъ, loc. cit., 247, 242).

нашему человѣку быть, что и узнавъ, какіе онъ, Никодимъ, испу-
щаетъ козни на святую церковь, взявъ у того человѣка то письмо
его руки, которое и теперь въ сохраненіи лежитъ для его обличе-
нія въ Москвѣ, на кладбищѣ¹⁾. Заключительныя слова этого лю-
бопытнаго документа убѣдительно говорятъ за его историческую
достоверность; дальнѣйшій разсказъ также не возбуждаетъ никакого
сомнѣнія, тѣмъ болѣе, что отчасти находитъ себѣ подтвержденіе и
въ обнародованныхъ Поповымъ документахъ²⁾. Тотчасъ послѣ не-
удачнаго собора Сергій посланъ былъ изъ Москвы въ качествѣ доверен-
наго лица въ слободы Стародубскія „съ письмами для извѣстія и истин-
наго увѣдомленія“. Но тамъ ждалъ его дурной приемъ. Михаилъ
Калмыкъ и Никодимъ имѣли за своей спиной въ слободахъ сильную
партію. „Монастырскіе жители надъ нимъ горше невѣрныхъ сотво-
риша, такъ что едва могъ онъ изъ монастыря Покровскаго убѣжать
тайнымъ образомъ; и если бы не увезъ его климовскій слободской
житель, Иванъ Кузьминъ, покойнаго священника Іакова внучекъ,
то бы никакъ живого его не пустили. А когда онъ уѣхалъ, то
старцы, а особливо игуменскій товарищъ Іаковъ, да старецъ Симеонъ
портной съ прочими своими согласники, не стерпя своей на отца
Сергія каменной бѣсовской злобы, подали на него, Сергія, въ кон-
тору ложное объявленіе, что аки бы онъ, старецъ Сергій, будучи
въ монастырѣ, у церкви двери нахально отбилъ и въ набатъ билъ
и привезенныя письма изъ Москвы насильно члгаль. И если бы
о немъ, Сергіи, не постарался и не выпроводилъ его до Стародуба
климовскій и всѣхъ слободъ депутатъ, Иванъ Петровъ Щаповъ, съ
своимъ роднымъ сыномъ, то хотѣли на дорогѣ убить его до смерти,
дабы лже-основанному мудрованію никто противенъ не явился“³⁾.

Хлопоты климовскаго депутата сохранили жизнь энергичному
посланцу московскаго собора и онъ, по возвращеніи въ Москву,
скоро долженъ былъ взять на себя другое порученіе, не столь
опасное, но болѣе отвѣтственное и затруднительное,—на него возло-
жена была обязанность письменно полемизировать съ Михаиломъ
Калмыкомъ и Никодимомъ, еще до собора сочинившими книжицу,
въ которой, по словамъ рогожцевъ, оказалось „кривосказательное

1) Бр. Св. Кр., № 513, 107—108.

2) Поповъ, I, 243.

3) Бр. Св. Кр., № 513, 85—86.

мудрованіе, лжеразвратное и лжеоснованное сочиненіе на московское общественное кладбище и на страну Сибирскую, Керженскую, Поморскую, Иргизскую, Гуслицкую, Дуниловскую и Уральскую и на всю святую церковь“, и пустившими ее въ обращеніе въ старообрядческой средѣ¹⁾. Кладбище не хотѣло, а можетъ быть въ виду значительнаго числа сторонниковъ Михаила и Никодима, и не считало возможнымъ оставаться въ долгу. Самымъ подходящимъ человекомъ для литературной полемики представлялся въ данномъ случаѣ счастливый оппонентъ Никодима на соборѣ: онъ обнаружилъ тогда большую эрудицію, краснорѣчіе и умѣнье владѣть перомъ. Сергій не уклонился отъ почетнаго предложенія и „коснулся вкратцѣ сочинить на всю слободскую заручительную книжицу малое и краткое собраніе и чистосердечное правильное обыскательное разсужденіе“²⁾. По своему содержанію разсужденіе это не представляетъ ничего особеннаго и замѣчательно въ томъ только смыслѣ, что является первой попыткойъ поставить вопросъ о перемазаніи на каноническую почву. Но аргументація автора, при всемъ его остроуміи, мало убѣдительна для безпристрастныхъ читателей и можно бы, пожалуй, пожалѣть „о всемъ московскомъ обществѣ, всѣхъ города Вольска и Уральска жителяхъ и прочихъ христіанахъ, которые словесно и письменно просили Сергія послать ясное всѣмъ православнымъ христіанамъ во всѣ страны письменное извѣстіе и отъ св. писанія правильное показаніе,“ если бы въ этомъ разсужденіи не было рассказано исторіи перемазанскаго собора, какъ она передана мною выше, и не разоблачался подлогъ Никодима съ его записками о дѣяніяхъ этого собора. Изъ текста разсужденія не видно, когда именно написано оно, но нужно думать, что скоро послѣ собора, ибо не упоминается ни однимъ словомъ о хлопотахъ Никодима и Михаила Калмыка относительно единовѣрія; къ послѣднему авторъ обращается даже съ просьбой одуматься и вспомнить о томъ, какъ самъ онъ перемазывалъ въ недавнемъ прошломъ приходящихъ отъ великорусской церкви³⁾,—въ концѣ 1781 или въ началѣ 1782 года обращаться къ нему съ этой просьбой было бы уже немного поздно⁴⁾.

1) Ibidem, 80.

2) Ibidem, 81.

3) Ibidem, 89.

4) Мельниковъ, Ист. очер. поповщ., 276—277.

Въ то время какъ Сергій усердно хлопоталъ въ Москвѣ и ѣздилъ въ Стародубье, въ то время какъ онъ все крѣпче и крѣпче вытягивалъ узелъ соединенія Иргиза съ другими центрами старообрядчества и приобреталъ въ раскольничьемъ мѣрѣ почетную извѣстность непоколебимаго „адаманта“ благочестія, на Иргизѣ скончался въ преклонной старости настоятель Исаакій. Передъ смертю онъ съ любовью указалъ братіи своего скита на Сергія, какъ на достойнаго преемника. И это указаніе было сочувственно принято собравшимися иноками; воля умирающаго настоятеля, истиннаго отца скита, была свято выполнена: Сергій слишкомъ ярко выдѣлился на общемъ фонѣ иргивскаго иночества, онъ возбуждалъ слишкомъ много радужныхъ надеждъ и слишкомъ громко пронеслось имя его, чтобы не быть избраннымъ на осиротѣвшее мѣсто настоятеля. Сергій, повидному, не съ охотою принималъ предложеніе своихъ братій; не мало отговаривался онъ ссылками и на молодость и на неопытность свою; не мало противилась этому и мать его. Была ли это только маска, подъ которой скрывалась радость удовлетвореннаго самолюбія, или счастливое прозрѣніе будущности, опасеніе предстоящихъ неурядацъ и тяжелой борьбы—рѣшить трудно. Какъ бы то ни было, не только въ концѣ концовъ онъ уступилъ настояніямъ и 3-го мая 1780 года скитниками былъ составленъ слѣдующій приговоръ: „Благоволеніемъ и благостію Бога Отца Вседержителя... Собравшися мы вси, братія Верхне-Исаакіева скита, для избранія настоятеля во свою обитель, и по всему общему братскому нашему совѣту выбрали мы въ своемъ обществѣ въ строителя инока Сергія, на исправленіе всякихъ монастырскихъ нуждъ, какъ духовныхъ, такъ и земныхъ. А ему бы настоятелю, иноку Сергію, наипаче всего попеченіе имѣти объ общемъ молитвенномъ храмѣ.., чтобы не былъ онъ скуденъ церковною службою... И намъ бы всѣмъ братіемъ, иже подъ рукою его пребывающимъ, во всемъ богоугодномъ дѣлѣ безирекословное повиновеніе имѣти, а настоятелю бы съ нами правильно поступати и отечески насъ научати... Ему, настоятелю, отнюдь бы никакого дѣла, которое до всего монастыря слѣдующаго, собою не опредѣляти, но въ совѣтѣ съ собою имѣти казначел... А паче чаянія какое дѣло великое случится, до всего монастыря и до всей братіи касающееся, то всей бы братіи на избраніи дѣло то представляти и братски со смиреніемъ о случившем-

ся дѣлѣ совѣтовати“... Настоятель долженъ слѣдить за выполненіемъ устава Макарія, митрополита московскаго, чтобы „старцы у себя не имѣли и не пили хмѣльнаго и горячаго вина;.. дабы не завелось въ монастырѣ безчинство и отъ безчинства всякое худое дѣло производится, т. е. раззореніе и нарушеніе святоотеческому и иноческому житію“¹⁾. Заручившись такимъ приговоромъ, Сергій энергично принялся за дѣло. Направленіе его дѣятельности опредѣлялось словами самого приговора—имѣть попеченіе о молитвенномъ храмѣ и заботиться о нераззореніи и ненарушеніи святоотеческаго и иноческаго житія. Онъ составилъ для братіи уставъ общежитія, завелъ общую трапезу и сталъ изыскивать способы построить вмѣсто часовни церковь. Если первое ему удалось провести въ жизнь, благодаря неутомимой энергіи и желѣзной силѣ воли, то для второго имѣлась въ запасѣ и широкая извѣстность его имени и умѣнье ладить съ нужными людьми. Тѣсныя, дружескія отношенія къ богатѣйшимъ купцамъ Поволжья и Москвы должны были сослужить теперь хорошую службу: на друзьяхъ и покровителяхъ лежала теперь обязанность выхлопотать ему нужное разрѣшеніе администраціи. Долго ждать не пришлось: въ томъ же 1780 году, съ дозволенія саратовскихъ властей, къ построенной еще Исаакиемъ часовнѣ былъ пристроенъ алтарь и новая церковь освящена во имя Введенія во храмъ Богородицы. Открылось служеніе божественной литургіи и скитъ Исаакиевъ получилъ названіе Верхняго монастыря²⁾.

1) Имп. Публ. библ., Q, I, № 742, 62—65. Макарій (стр. 316) говоритъ, что старцевъ въ Исаакиевомъ скитѣ было въ это время не болѣе двадцати. Это едва ли справедливо, если судить по приложеннымъ къ цитированному акту подписямъ: „Священно-инокъ Геронимъ, схимникъ Тарасій за себя и дѣтей; за иноковъ Корнелія, Тарасія и прочихъ его дѣтей инокъ Гавриилъ; за инока Исаакія и прочихъ его евангельскихъ дѣтей сынъ его Илія; за Филарета и евангельскихъ дѣтей его инокъ Лазарь; за Антонія и евангельскихъ дѣтей его Гавриилъ; за Ефрема сынъ его Геннадій; за Θεодосія и дѣтей его Филарета и Θεодора инокъ Лазарь; инокъ Гавриилъ; инокъ Лазарь; за Корнелія инокъ Гавриилъ; за инока Германа братъ его евангельскій инокъ Гавриилъ“. Не нужно забывать, что подъ актами подобнаго рода на Иртызѣ подписывались обыкновенно только наиболѣе почтенныя и вліятельныя инокъ; подписей рядовыхъ старцевъ въ подобныхъ случаяхъ не требовалось.

2) Бр. Св. Кр., № 500, 1. Преосв. Макарій, на основаніи рукописи Сергія „О поповской сектѣ на Иртызѣ“, передаетъ, что вопросъ о пристройкѣ алтаря къ Исаакиевой часовнѣ поднятъ былъ по случаю пожара послѣдней. Сергій будто бы ходатайствовалъ у начальства о разрѣшеніи только починить часовню послѣ пожара; получивши же просимое, онъ злоупотребилъ довѣріемъ властей и выстроилъ новую „обширнѣйшую, великолѣпную (!!) часовню или точнѣе церковь съ пяти главахъ съ колокольной и въ тоже (?) время умѣлъ достать откуда-то іеромонаха и бѣлаго священника“. Успѣшно выполнивъ первую половину дѣла, онъ также успѣшно и закончилъ его: отъ лица всѣхъ скитниковъ сталъ онъ просить мѣстное

Вѣсть о формальномъ разрѣшеніи для Иргиза богослуженія по старому обряду быстро равнеслась по Россіи. Съ Урала, Дона, Волги, изъ отдаленной Сибири и съ гордой Невы—отовсюду потянулись сюда вереницы богомольцевъ. Одни шли на поклоненіе святынямъ, вѣря легендѣ, будто мѣста для построенія иргизскихъ скитовъ указаны были основателямъ ихъ самимъ Богомъ и будто на Иргизѣ, какъ и на Керженцѣ, почиваютъ негнѣимыя мощи подвижниковъ¹⁾; другіе шли сюда для полученія запасныхъ даровъ. Въ мѣрѣ раскола Ир-гизъ быстро поднимался на ту же степень значенія, какую имѣли для православія Кіевъ и Афонъ. Тѣсная Покровская часовня Исаакія, превратившаяся теперь во Вседенскую церковь, не могла болѣе вмѣстить богомольцевъ. Одинъ священно-инокъ Іеронимъ не успѣвалъ уже совершать всѣхъ нужныхъ требъ. Быстро росло скромно начатое дѣло и настоятельно вынуждало Сергія подумать надъ изысканіемъ средствъ къ приобрѣтенію новыхъ пошевъ. На Иргизѣ и раньше не признавали неисправленныхъ бѣглыхъ православныхъ священниковъ правоспособными къ отиравленію богослуженія; послѣ перемазанскаго собора объ этомъ нечего было и думать. Стародубье съ главою его Михаиломъ Калмыкомъ дискредитировало себя Никодимовымъ новшествомъ и послѣ 23 декабря 1779 года не могло уже больше снабжать старообрядческія общины понами. Необходимо было найти какой нибудь выходъ изъ этого затруднительнаго поло-

начальство о разрѣшеніи поставить на время въ этой часовнѣ полотняную церковь (которую будто бы принесъ съ собою изъ-за границы) и отслужить въ ней нѣсколько обѣдовъ для заготовленія запасныхъ даровъ. Опять дано было разрѣшеніе и опять злоупотребили имъ Сергіи: часовня обратилась въ церковь не временную, а постоянную (Макарій, 316—317). По стопамъ Макарія идутъ и *des sinogés*,—Муравьевъ (353—354) съ Дубакинымъ (23),—причемъ осторожное „откуда-то“ замѣняютъ неосторожнымъ „изъ Стародубской слободы, отъ Михаила Калмыка“: это справедливо только относительно священно-инока Іеронима; относительно же *sinogés* пола этого сказать нельзя: послѣ перемазанскаго собора брать поповъ у Михаила Калмыка Сергію было какъ будто зазорно и едва ли онъ пускался на это. Я не имѣю подъ рукой достаточно вѣскихъ данныхъ, чтобы отрицать всѣ эти подробности,—арх. Платонъ, жившій на Иргизѣ въ 1789—1799 годахъ, просто говоритъ, что на запросъ саратовскаго губернатора, по какому поводу въ монастыряхъ построены церкви, скитники отвѣчало: „ветковцы изъ-за границы вышли и церкви съ собою вывели, такъ же и здѣшніе выходцы изъ-за границы на этотъ же манеръ выстроили“ (Ниж. сем. библ., № 377а, 444),—но за то у меня нѣтъ никакихъ данныхъ, чтобы и вѣрить имъ, тѣмъ болѣе, что подлинность Сергіевой рукописи, какъ это было выше показано, невольно возбуждаетъ сомнѣніе.

¹⁾ Ан. Іоанновъ, III, 96. Никодимъ, слышавшій разсужденіе объ иргизскихъ мощахъ 3 февраля 1780 года (?) въ Москвѣ, въ домѣ Никиты Павлова, вѣроятно, отъ Сергія, повидимому, мало вѣрилъ этой легендѣ, ибо доказывалъ, что должно „такимъ глѣбъ негнѣимыя оставлять въ правосудіе Божіе.“

женія и Сергій скорѣ нашелъ его: привилегія Стародубья онъ рѣшить перенести на Иргизъ и мѣсто Михаила Калмыка въ расколѣ поповщины обезпечить за собой. „Обыскательное разсужденіе“, сочиненное имъ въ отвѣтъ на „кривосказаніе“ Михаила Калмыка съ Никодимомъ, было первымъ шагомъ для достиженія этой цѣли: это разсужденіе очень убѣдительно для старообрядцевъ доказываетъ необходимость перемазанія и невозможность принимать безъ него бѣглыхъ поповъ, такъ или иначе оскверненныхъ обливательнымъ крещеніемъ: это крещеніе—не есть истинное крещеніе и хиротонія обливанцевъ—не есть истинная хиротонія. Выводъ отсюда ясенъ самъ собою: приходящихъ отъ великорусскихъ церквей священниковъ принимать неочищенными отъ еретическія скверны, не исправленными—нельзя; исправлять же и очищать ихъ при помощи миропомазанія можно только тамъ, гдѣ есть истинная церковь и такое же миро. Церковь и миро, за отпаденіемъ отъ истины Стародубья, теперь существовали только на Иргизѣ, въ Верхнемъ монастырѣ. Таковъ смыслъ Сергіева рѣшенія перемазанскаго вопроса. Но это—скрытый смыслъ и потому не всякій и не сразу могъ добраться до него; это—личное мнѣніе Сергія,—хотя и подкрѣпленное ссылками на каноническія правила и свято-отеческія установленія,—и потому не обязательное для всѣхъ и cadaго. И дѣйствительно, мы видимъ, что изъ среды тогдашнихъ поповцевъ очень многіе не додумались, не выразумѣли истинный смыслъ Сергіевой апологіи перемазанія; другіе же—и это были интеллигенты и столпы старообрядчества—хотя и поняли его, но не сочли нужнымъ согласиться.

Слишкомъ уже прозрачное для умѣющихъ читать между строкъ стремленіе Сергія встрѣтило себѣ оппозицію здѣсь же, на Иргизѣ. Преемникъ Лавра по управленію Филаретовымъ скитомъ, инокъ Антоній, первый рѣшительно возсталъ противъ своего сосѣда и собрата во Христѣ, Сергія. Загорѣлась ожесточенная распря, иргизское царство распалось на ся: „вина же сему раздѣленію“, какъ это утвердительно говоритъ Сергій, „споръ о хиротоніи, отъ некрещенныхъ обливанцевъ происходящей, и о самѣхъ тѣхъ некрещенныхъ обливанцахъ... Два суть проявленія разности между настоящимъ Антоніемъ и святой церковью (т. е. Сергіемъ, какъ представителемъ иргизскаго раскольниковьяго общества; по словупотре-

бленію Сергія, церковь тоже, что Верхній монастырь; этотъ монастырь съ своимъ храмомъ является для него какъ бы олицетвореніемъ отвлеченнаго понятія о церкви, какъ обществѣ вѣрующихъ): первое, еже отъ еретикъ обливаемое крещеніе, второе, еже отъ нихъ же, обливанцовъ, происшедшая хиротонія“¹⁾). Вопреки Сергію, Антоній доказывалъ, что по нуждѣ можно принимать и обливательное крещеніе и хиротонію обливанцевъ. Свою мысль онъ не задумался подкрѣпить самымъ дѣломъ: безъ согласія Сергія и безъ совершенія миропомазанія онъ принялъ какого то обливанскаго попа Василія. Нужда въ требоотправителѣ или корыстныя соображенія играли въ этомъ преобладающую роль—неизвѣстно, но только этотъ шагъ былъ вызовомъ, смѣло брошеннымъ въ лицо Сергію. Вызовъ былъ принятъ: Сергій отвѣтилъ на него созывомъ собора, на 2 августа 1782 года, „при церкви честнаго и славнаго Введенія во храмъ Божіей Матери“. На этомъ соборѣ присутствовалъ и виновникъ его, Антоній. Усердно старался Сергій доказать своему противнику и всѣмъ присутствовавшимъ инокамъ, что на основаніи церковныхъ правилъ ни крещеніе, ни хиротонія обливанцевъ, какъ и единопогруженниковъ, не могутъ быть признаны истинными и дѣйствительными; но всѣ его доводы не могли сломить упорство Антонія. Августовскій соборъ не привелъ ни къ какимъ результатамъ; партійная равнь, обусловленная партійными интересами, не устранилась и даже не уменьшилась имъ, а потому чрезъ полгода, именно 5 марта 1783 года, въ Верхнемъ монастырѣ снова созвано было „полное общее собраніе“. Большинство и на этотъ разъ высказалось въ пользу Сергія, принявъ и утвердивъ рогожскія правила перемазанія, но не такая побѣда нужна была Сергію,—онъ хотѣлъ безусловной уступки со стороны Антонія, полнаго подчиненія его доктринѣ; но всего этого не давалъ одинъ голосъ большинства. Не видя пользы отъ словеснаго собесѣдованія съ Антоніемъ, Сергій рѣшился попытать письменное собесѣдованіе и съ этой цѣлью послалъ ему семь вопросовъ „отъ лица святой церкви“, на которые требовалъ немедленнаго отвѣта „отъ святаго писанія“. Вотъ эти вопросы: 1) Какъ церковь принимала еретиковъ, крестившихся не во святую Троицу? 2) Какъ разумѣла она обливательное крещеніе,—принимала ли за истинное или нѣтъ? 3) Признавала ли хиротонію обливанцевъ за

¹⁾ „Прав. Собес.“, 1857, II, 408.

истинную или сподобяда пришедших другою? 4) Принимала ли хиротонию священниковъ, рукоположенныхъ епископами-обливанцами? 5) Справедливо ли поступили нѣкоторые старообрядцы, а въ числѣ ихъ и самъ Антоній, принявъ обливанцевъ съ той же хиротоніей? 6 — 7) Согласно ли съ церковными правилами опредѣленіе патріарха Филарета о перекрещиваніи обращающихся въ православіе бѣлоруссовъ за то только, что они крещены посредствомъ обливанія?¹⁾

На эти непосредственно обращенные вопросы Антоній не замедлил отвѣтить, хотя не отъ святаго писанія, какъ это требовалось отъ него. Онъ безъ колебанія заявилъ, что еретиковъ, крещенныхъ не во святую Троицу, по церковнымъ правиламъ надлежитъ крестить вновь, а крещенныхъ во святую Троицу, хотя бы и обливательно, „за нужной случай“ можно принять и безъ повторительнаго крещенія, равно какъ и хиротонию также можно признать за истинную; что принятіемъ обливанцевъ съ той же хиротоніей, ни онъ, ни другіе старообрядцы не погрѣшаютъ противъ церкви, ибо она не принимаетъ священниковъ только отъ еретиковъ перваго чина, каковыми обливанцы признаны быть не могутъ, и что патр. Филаретъ опредѣлялъ перекрещивать бѣлоруссовъ не за обливанство, а за ихъ „согласіе къ римскому костелу“, обрядовая сторона котораго страдаетъ не маловажными винами, извращающими подчасъ самый смыслъ таинствъ.

Пересылая 12 апрѣля 1783 года Сергію эти отвѣты, Антоній присоединилъ къ нимъ одинъ вопросъ съ своей стороны: ему хотѣлось знать, какъ смотрѣть на священниковъ-обливанцевъ, — считать ли принятыхъ бѣглыхъ поповъ священниками или простыми мірянами? Сергій немедленно собралъ братію своей обители на совѣтъ и прочелъ ей полученные отвѣты. Братія поспѣшила заявить, что взглядъ Антонія не согласенъ съ церковными правилами, и поручила своему настоятелю написать на нихъ „соборное разсмотрѣніе“. Торопилась братія, не мѣшкалъ и Сергій: 15 апрѣля было уже готово его соборное разсмотрѣніе, а вслѣдъ за тѣмъ и разслано было имъ по всѣмъ главнымъ общинамъ поповщины. Желчно, ѣдко написано это разсмотрѣніе; но ему видно, какъ раздраженъ былъ авторъ продолжительной и доселѣ безуспѣшной борьбой и, съ другой стороны, какъ живо она интересова-

¹⁾ Ibidem, 410.

да его, какъ хотѣлось ему вырвать побѣду, сломить неподатливато и упрямого сосѣда. Не задумываясь, записываетъ Сергій своего противника въ разрядъ еретиковъ и довольно подробно обличаетъ его гордое и упорное нежеланіе покориться истинѣ. Не будь этого, онъ, Антоній, со всей ясностью видаль бы, что ни хиротонія ни крещеніе обливанцевъ не принимались церковью: отвергалъ его самъ Спаситель, пославшій своихъ учениковъ „крестить языцы“, а не обливать ихъ; отвергалъ апостоль Павелъ, ибо говорилъ— „елицы во Христа креститесь“, а не „обливайтесь“; отвергаютъ и церковныя правила, начиная съ апостольскихъ и продолжая соборными¹⁾. „Сему согласуя, и святѣйшій Филаретъ, патріархъ московскій, прямо и ясно написалъ въ соборномъ изложеніи объ обливаемомъ крещеніи, что повелѣлъ прямо всѣхъ таковыхъ, т. е. которые крещены обливаемымъ крещеніемъ, во-вторы крестити“²⁾. Составляя это постановленіе, патріархъ Филаретъ руководился, по мнѣнію Сергія, не тѣмъ соображеніемъ, что бѣлоруссы „согласны къ римскому костелу“, а именно тѣмъ, что они крещены обливательно, хотя и содержатъ православную вѣру.

Въ соборномъ разсмотрѣніи идетъ рѣчь только о крещеніи; о хиротоніи обливанцевъ Сергій умолчалъ, такъ какъ имѣлъ въ виду посвятить этому вопросу особое сочиненіе, каковое и явилось нѣсколько позже (въ іюль 1783 года³⁾) подъ такимъ заглавіемъ: „*О быстоующемъ священствѣ, съ разсужденіемъ святыхъ правилъ о непріятіи отъ обливанцевъ священства*“. Впрочемъ, обходя молчаніемъ этотъ пунктъ въ своемъ „разсмотрѣніи“, Сергій затрогиваетъ его вкороткъ въ своемъ отвѣтѣ на прямой запросъ Антонія. Приведа разныя церковныя правила по этому предмету, онъ говоритъ: „сего ради мы весьма сумнительны принять обливаемое крещеніе..., а когда отъ которыхъ еретиковъ крещеніе не пріято, то

¹⁾ Апост. прав. 46, 47, 50; 2 всел. соб., прав. 7.

²⁾ Рук. библ. арх. Агафангела. Ж 52, л. 75. См. „Пр. Соб.“, 1857, II, 413.

³⁾ Добровольскій указываетъ 1785 годъ, но это, вѣроятно, ошибка переписчика рукописи, которой онъ пользовался, такъ какъ въ своемъ соборномъ разсмотрѣніи отвѣтовъ Антонія Сергій прямо говоритъ: „завольте (о хиротоніи обливанцевъ) ниже, во второмъ сочиненіи о быстоующей святой церкви, свято-правильное положеніе смотрѣть“ (Ibidem, л. 79; стр. 414). Эти слова заставляютъ думать, что „второе сочиненіе“ было уже начато имъ и скоро предполагалось окончить его. При томъ же откладывать его составленіе на нѣсколько лѣтъ было и неудобно: чувствовалась тѣмъ болѣе настоятельная необходимость доказать недѣйствительность обливанской хиротоніи, что иные и прежде были склонны принять ее.

Прим. авт.

отъ тѣхъ еретиковъ и хиротонія не пріята“. Поставленныхъ во священство отъ еретиковъ-обливанцевъ можно, пожалуй, признавать священниками, но только еретическими. Этотъ довольно осторожный отвѣтъ не удовлетворилъ Антонія и онъ 16-го апрѣля этого же года снова обратился къ Сергію съ вопросомъ: можно ли обливанскихъ священниковъ „почитать за благочестивыхъ священниковъ съ тою хиротонією или другія сподобить повелѣвають правила?“ Сергій вынужденъ былъ высказаться точнѣе и онъ сдѣлалъ это 23-го апрѣля въ довольно-таки рѣшительной, хотя и не совсѣмъ правильной съ логической стороны, формѣ: „мы по христіанской вѣрѣ называемъ ихъ благочестивыми, но хиротонію ихъ такъ полагаемъ, что точію надобно отъ православнаго епископа во вторы хиротонисать“¹⁾. Эти же мысли, но только въ болѣе подробномъ видѣ, изложены Сергіемъ и въ трактатѣ „о бѣгствующемъ священствѣ“. Кромѣ каноническихъ основаній, онъ приводитъ здѣсь въ подкрѣпленіе своей тенденціи и основанія историческія, для чего излагаетъ послѣдовательный ходъ чинопріема приходящихъ отвѣвъ въ поповщину со дней Ветки и Стародубья. Подробно перечисляя всѣхъ принятыхъ „церковью“ обливанскихъ священниковъ, съ указаніемъ кто отъ кого и гдѣ былъ принять, Сергій приходитъ къ выводу, что ни ветковскіе, ни стародубскіе христіане, „по свидѣтельству той страны жителей и лѣтописей“, никогда не принимали приходящихъ отъ обливанцевъ безъ совершенія надъ ними таинства миропомазанія. Правда, Михаилъ Калмыкъ послѣ 1779 года утверждалъ, что онъ самъ принять безъ миропомазанія, но это тенденціозная ложь: и самъ онъ былъ принять чрезъ миропомазаніе, и другихъ „принималъ подъ миръ“. Иначе не могло и быть: истинная церковь, держащая старые обряды, не можетъ отступать отъ установленныхъ апостолами, соборами и святыми отцами правилъ, которыя „единако пишутъ, что отъ которыхъ еретиковъ крещенія не пріято, отъ тѣхъ и хиротонія не пріята“. Отступленія отъ уставовъ святыхъ отцовъ допущены были только за послѣднее десятилѣтіе, но эти отступленія, во первыхъ, не многочисленны, вовторыхъ—практикуются не церковью, которая непогрѣшима, а нѣкоторыми не свѣдущими въ писанія людьми. Опираясь на эти данныя, Сергій рѣшительно отвергаетъ обливанскую хиротонію: „мы отъ вышеозначенныхъ еретиковъ какъ кре-

¹⁾ Рук. библ. арх. Агаангела, № 52, л. 80—84. См. „Прав. Соб.“, 1857, II, 415.

щеніе, такъ и хиротонію не принимаемъ, но всѣхъ таковыхъ не крещеными, яко еллиновъ, почитаемъ и приходящихъ отъ таковыхъ еретиковъ ко святой церкви совершенно крещаемъ“¹⁾). Подъ крещеніемъ въ данномъ случаѣ разумѣется исправа. Убѣдился ли Антоній всѣми этими разсужденіями, объясненіями и обличеніями— неизвѣстно, но только онъ замолкъ на время и споръ будто заглохъ.

Ведя эту упорную борьбу съ своимъ противникомъ, разсылая по всѣмъ крупнымъ центрамъ поповщины свои письма и посланія, Сергій не оставлялъ безъ вниманія и текущихъ дѣлъ обители. Заботы о благоустроеніи и украшеніи скита шли своимъ чередомъ. Одной Введенской церкви ему казалось мало для монастыря и почти тотчасъ за освященіемъ ея онъ принялся за построеніе другой, еще болѣе обширной и красивой. Щедрія пожертвованія разныхъ христіанцевъ изъ числа богатыхъ поволжскихъ и московскихъ купцовъ дали ему возможность скоро окончить предпринятую постройку безъ всякихъ особенныхъ помѣхъ со стороны гражданскихъ властей. Къ зимѣ 1783 года новый храмъ былъ совсѣмъ готовъ и 19-го декабря этого же года торжественно освященъ во имя Успенія Божіей Матери; съ этого времени Исаакіевъ скитъ получилъ названіе Верхне-Успенскаго монастыря и подъ этимъ именемъ извѣстенъ былъ до 1804 года, когда переименованъ въ Преображенскій²⁾). На торжество освященія храма, столь рѣдкое въ мірѣ старообрядчества, собралось не мало саратовскихъ, вольскихъ и хвалынскихъ купцовъ, которые съ самаго возникновенія Иргиза приняли на себя роль патроновъ и благодѣтелей новыхъ обителей. Этимъ съѣздомъ Сергій не замедлил воспользоваться въ своихъ видахъ: въ день освященія храма онъ составилъ въ своемъ монастырѣ „всеобщественное собраніе“ и предложилъ всѣмъ присутствовавшимъ рѣшить такъ или иначе вопросъ о перемазаніи. Разсчетъ Сергія вполнѣ понятенъ: увѣренный въ благорасположеніи купцовъ, онъ зналъ, что они рѣшатъ споръ въ его пользу; а послѣ этого Антонію не останется ничего болѣе дѣлать, какъ покориться необходимости, ибо ссориться съ щедрыми „благодѣтелями“ для него крайне не выгодно. И Сергій не ошибся. Всеобщественное собраніе выработало слѣдующее „свято-правильное разсмотрѣніе и

¹⁾ Ibidem, л. 85—98. „Прав. Соб.“ 1857, II, 418—419.

²⁾ Брат. Св. Кр., № 500, 1.

объяснительное впредь святыи церкви и всему христіанству общее положеніе¹⁾: 1) чтобы имѣла въ себѣ святая христіанская церковь свято-закономное вслкое во всемъ опредѣленіе, по свято-апостольскимъ и свято-отеческимъ святымъ правиламъ обдержнымъ и смотрительнымъ; 2) чтобы употребляла ихъ каждое во свое время, а не такъ, какъ нѣкоторые отъ святой церкви заблудники не во свое время употребляли свято-апостольскія и свято-отеческія преданія, отъ чего и заблудиша, за что и пріяша на себя отъ святой церкви клятву, а не благословеніе; 3) чтобы не принимала обливаемыхъ мало-россійскимъ крещеніемъ и происшедшей отъ обливанцевъ хиротоніи и къ священнодѣйствию чтобы отнюдь такихъ не допускала, а которые священники отъ обливанцевъ приняты, то тѣ во своихъ мѣстахъ оставлены и молчанію преданы; 4) чтобы нигдѣ вновь не принимали пришедшихъ священниковъ, кромѣ святой церкви, для лучшаго законоправильнаго во всемъ разсмотрѣнія, и 5) когда хотя гдѣ по какой необходимой нуждѣ какого вновь пришедшаго священника и примуть, то о томъ бы въ скорости дать отъ того мѣста знать ко святой церкви, для союволюбиваго ко святой церкви покоренія ¹⁾.

Легко представить себѣ, что чувствовалъ гордый, неуступчивый Антоній, читая это „впредь всему христіанству общее положеніе“! Онъ чувствовалъ весь ядъ рассыпанныхъ тутъ по его адресу намековъ; отлично зналъ, что значить на языкѣ Сергія терминъ: „святая церковь“; со всей ясностью видѣлъ, что четвертая и пятая статьи этого соборнаго положенія упрочиваютъ на неопредѣленный срокъ за Верхнимъ монастыремъ привилегію принимать бѣглыхъ

¹⁾ Бр. Св. Кр., № 513, 31—33; сп. Поповъ, IV, 110—112. Текстъ положенія у Попова приведенъ полный и вполне согласенъ съ цитируемой рукописью; есть только нѣкоторое измѣненіе въ подписяхъ,—не существенное, впрочемъ,—и датированы соборныя постановленія 1734 годомъ; но можно съ увѣренностью сказать, что послѣдняя цифра года должна быть нѣсколько измѣнена: собирать соборъ на 19 декабря, т. е. предъ самымъ праздникомъ, безъ такого экстреннаго случая, какъ освященіе храма, едва ли было удобно; между тѣмъ Успенская церковь освящена несомнѣнно 19 декабря 1783 года. Далѣе, въ числѣ подписей соборнаго постановленія на первомъ планѣ стоятъ подписи Ивана Вавилова Расторгуева, въ этомъ году вольскаго городского головы; за ней слѣдуютъ — И. А. Злобина, старшаго бургомистра, и В. А. Злобинъ, тогда еще только ратмана; будь соборъ въ 1784 году—порядокъ подписей совершенно измѣнился бы, такъ какъ теперь городскимъ головою сдѣлался В. А. Злобинъ, помощниками же его являются И. А. Злобинъ, Т. А. и С. И. Расторгуевы; Иванъ Вавиловъ Расторгуевъ отошелъ теперь въ неизвѣстность. Безъ подписей Тихона и Семена Расторгуевыхъ акта бы не было (Сар. Сборн., I, 52).

никоніанскихъ священниковъ; хорошо понималъ всѣ матеріальныя и нравственныя выгоды такого рода монополіи, и все-таки долженъ былъ, въ концѣ концовъ, утвердить этотъ актъ своимъ согласіемъ: вслѣдъ за подписью Сергія мы находимъ и его подпись. Антоній былъ обиженъ результатами собора и, кажется, не скрывалъ этого: по крайней мѣрѣ, Сергій, говоря о послѣдствіяхъ соборнаго постановленія, прямо заявляетъ, что „настоятель Антоній святой церкви и всеобщественному ея собранію... съ неохотнымъ усердіемъ покорился“¹⁾. Кромѣ подписей двухъ виновниковъ собора, подъ этимъ церковнымъ положеніемъ есть еще подпись Адріана, настоятеля Аврааміева скита, одного священно-инока, семи священниковъ, одного іеродіакона, одного діакона, тридцати шести иноковъ, въ числѣ которыхъ было пять схимниковъ, и двадцати трехъ лицъ свѣтскаго званія, по преимуществу вольскихъ, саратовскихъ и хвалынскихъ купцовъ. Своеручно, кромѣ настоятелей, изъ братіи подписались только восемь человѣкъ; остальные двадцать восемь человѣкъ воспользовались чужимъ рукоприкладствомъ. Въ числѣ мірянъ были такіа свѣтила старообрядческаго міра, какъ Расторгуевъ, Злобинъ, Сапожниковъ, Волковойновъ, Курбатовъ, Матросовъ и другіе. Приглядѣвшись внимательно къ подписямъ, найдемъ, что со всѣмъ благолѣшіемъ отправлялось въ это время богослуженіе на Иргизѣ въ одномъ только Успенскомъ монастырѣ: у Сергія было четыре священника, одинъ іеромонахъ, одинъ іеродіаконъ и одинъ діаконъ; у Адріана—только три священника и ни одного діакона; у Антонія же—ни тѣхъ, ни другихъ. Тѣмъ обиднѣе было послѣднему подчиняться постановленіямъ собора, которыя ставили его въ прямую зависимость отъ Сергія своимъ требованіемъ „союзоловобнаго ко святой церкви покоренія“.

Сергій одержалъ рѣшительную побѣду. Отнынѣ онъ становится въ существѣ дѣла верховнымъ главой не только Иргиза, но и всей поповщины,—всеобщественное собраніе безусловно санкціонировало это. Оставалось лишь ввести въ практику проведенный въ соборномъ постановленіи принципъ и такъ или иначе сломить упорнаго противника, разъ таковой является. Правда, это была нелегкая задача, но отступать было уже поздно, да Сергій и не любилъ отступать. Представляя соборъ 19 декабря продолженіемъ и заверше-

¹⁾ Рук. библ. арх. Агавангела, № 52, л. 97; см. „Прав. Собес.“, II, 406.

нѣмъ московскаго собора 1779 года, онъ поспѣшилъ разослать копии съ его постановленій для свѣдѣнія и руководства по всѣмъ общинамъ поповскаго согласія. Къ свѣдѣнію „общее положенія“ принято было „всѣми христіанами“, но руководствоваться имъ пожелали далеко не всѣ: староорядцы „сибирскихъ странъ“, доселѣ собственной властью принимавшіе священниковъ, „пріѣвшихъ равное съ ними уединеніе“¹⁾; первые отказались подчиниться иргизскимъ постановленіямъ, которыя ставили ихъ вмѣстѣ съ другими поповцами въ значительной степени подъ контроль Иргиза. Свой отказъ они мотивировали тѣмъ, что принимаютъ не обливанцевъ, а трехъ-погруженцевъ, получившихъ хиротонію отъ архіереевъ грузинскихъ или отъ переяславскаго Алексѣя и астраханскаго Иларіона, о которыхъ достоверно извѣстно, что они и сами не обливанцы, и рукоположены не обливанцами, значить, „въ замѣшательствѣ“ съ еретическими архіереями не состоятъ. Отказъ сибирцевъ нашелъ себѣ откликъ на Иргизѣ: Антоній не замедлилъ воспользоваться удобнымъ случаемъ и снова принялся защищать обливательное крещеніе и обливанскую хиротонію, а въ заключеніе опять принялъ какого-то бѣглеца попа и депустилъ его къ отправленію богослуженія въ своей обители не только безъ согласія Сергія, но даже и безъ совершенія исправы. Этотъ рѣзкій шагъ былъ уже не простымъ отказомъ въ союзолобовномъ покореніи, а громкимъ скандаломъ, расколомъ въ расколѣ. Напрасно пытались усовестить Антонія; напрасно напоминали ему о соборныхъ постановленіяхъ, скрѣпленныхъ, между прочимъ, и его собственной подписью: „всему тому я не согласенъ и подписку свою ни во что почитаю“, отвѣчалъ онъ¹⁾).

Если раньше Сергія смущало и тревожило несогласіе съ нимъ одного Антонія, — протестовалъ ли еще кто нибудь, мы не знаемъ, — то тѣмъ болѣе смутило и встревожило его теперь несогласіе сибирцевъ. Противъ этихъ оппонентовъ нельзя было принять какихъ-либо рѣшительныхъ мѣръ, въ родѣ соборнаго осужденія и наложенія клятвы: и авторитетъ Иргиза не окрѣпъ еще достаточно, чтобы можно было разомъ ссориться съ цѣлой общиной, и при томъ общиной обширной, да и вообще не представлялось благовременнымъ раздуть рознь, поддерживать сѣмя раздора въ средѣ единомышленниковъ.

¹⁾ Ниж. сем. библ., № 3774, 300.

²⁾ Гук. библ. арх. Агаоангела, № 58, л. 98. См. „Прав. Соб.“, 1857, II, 417.

Разсчитывая на свои литературныя способности, Сергій рѣшилъ испытать противъ ослушниковъ болѣе мягкое средство—именно убѣжденіе. Съ этою цѣлью онъ написалъ: „*Бесѣдословіе съ сомнящимися о святой церкви и православномъ священствѣ*“ и въ апрѣлѣ 1786 года разослалъ его по старообрядцамъ. Этотъ трудъ Сергія стоитъ того, чтобы на немъ остановиться немного.

Исходный пунктъ „*Бесѣдословія*“ одинаковъ съ предъидущими литературными трудами Сергія по вопросу о перемазаніи: обливаемое крещеніе—это коренная язва русской церкви, капитальная ересь ея; нѣтъ на Руси ни одного православнаго епископа, такъ какъ одни сами крещены обливательно, другіе поставлены обливанцами, третьи находятся въ общеніи съ ними. Къ послѣдней категоріи принадлежатъ епископы грузинскіе, Алексѣй переяславскій и Илларионъ астраханскій: „они во всякомъ согласіи вси купно съ еретиками пребываютъ за одно и равно вси приѣмлютъ и почитаютъ, какъ обливательное крещеніе, такъ и погружательное... вмѣстѣ единогласно и жертву приносятъ, и все за одно почитаютъ“. По 46-му правилу апостольскому,—„крещеніе и жертву еретическую приѣмъ святитель не освящеть“,—эти епископы должны быть извержены священства; но если такъ, то и священники, приходящіе отъ нихъ къ сибирскимъ старообрядцамъ, не священники, а простецы: это священники еретическіе, чуждые дара хиротоніи за еретичество своихъ архипастырей. Разъ признавъ обливательное крещеніе еретическимъ, отъ такого вывода отказываться, разумѣется, нельзя; но выводъ этотъ самъ собою наталкиваетъ на вопросъ: откуда же людямъ древляго благочестія заимствовать священство? Отъ церкви, отвѣчаетъ Сергій, т. е. отъ иргизскаго Успенскаго монастыря: только въ немъ неизмѣнно сохранилось во всей неприкосновенности апостольское ученіе, правильное священноначаліе и такое же совершеніе таинствъ; только въ немъ „не имѣется разгласія, но всякой видъ благочестной и безъ всякихъ прилоговъ еретическихъ священнодѣйствуется и совершается всякая святыня“; а потому только онъ, только святая церковь, имѣетъ право „по нуждѣ или смотрительству времени допускать премѣненіе закону“. Это право не самовольно похищенное ею, но принадлежащее искони, отъ временъ древнихъ. Церковь всегда различала законъ „обдержный“, постоянно дѣйствующій, отъ закона „смотрительнаго“,

представляющаго исключеніе изъ общихъ правилъ. „Во обдержности“, въ видѣ общаго правила, церковь повелѣваетъ крестить только въ храмахъ, а „по смотрѣнію времени“, въ видѣ исключенія, дозволяетъ крестить и въ домахъ; по смыслу общихъ правилъ, крестить должны священники, но, по требованію необходимости, могутъ совершать это таинство и міряне; далѣе, крещеніе должно совершаться въ три погруженія, но по нуждѣ допускается и крещеніе обливательное или кропительное. Точно также общія правила запрещаютъ священникамъ дѣлать что-либо безъ благословенія епископа, за нужду же дозволяютъ и безъ такого благословенія вязать и рѣшить, равняютъ ихъ съ епископомъ; тѣже правила не позволяютъ строить церкви и монастыри безъ благословенія епископа, но по нуждѣ разрѣшаютъ это; литургію позволяютъ совершать только въ освященныхъ храмахъ, а нѣкоторые святые совершали ее и въ домахъ, даже безъ антиминса; исповѣдь принимаютъ только священники, но въ нужномъ случаѣ могутъ принимать и иноки; мірянамъ во обдержности запрещается пріобщать себя и другихъ, по смотрѣнію же—разрѣшается и т. п. Но „сіи вси вышепоказанныя свидѣтельства святая церковь не во обдержной себѣ законъ полагаетъ, но по нѣкоторому самонужнѣйшему смотрительству времени то пріемлетъ“.

Рядъ случаевъ, въ которыхъ церковь примѣняла законы какъ „обдержные“, такъ и „смотрительные“, не ограничивается только перечисленными,—онъ захватываетъ собой и много другихъ сторонъ церковной жизни. Вопросъ о хиротоніи еретической не разъ представлялся вниманію церкви и рѣшался ею двояко: вообще священство еретическое церковь отвергаетъ, какъ безблагодатное, но по нуждѣ времени иногда и принимаетъ его: „много матъ наша первенствующая святая церковь всякаго особеннаго милосерднаго снисхожденія имъ (еретикамъ) давала для обращенія, и примиренія, и соединенія къ православной вѣрѣ“. Такъ седьмой вселенскій соборъ принялъ съ тою же хиротоніей многихъ епископовъ, рукоположенныхъ иконоборцами, потребовавъ отъ нихъ одного только проклятія ереси. Принявъ хиротонію иконоборцевъ, церковь принимала потомъ и хиротонію латинянь: по отпаденіи Рима, въ 1088 году, когда папы на православномъ востокѣ исключены уже были изъ диптиховъ, папа вмѣстѣ съ греческимъ епископомъ освящалъ въ Барѣ

церковь во имя Николая Чудотворца и совершалъ переложение мощей его въ новую раку. Нѣсколько позже св. Савва сербскій многихъ изъ приходящихъ отъ латинства не перекрещивалъ, а только миропомазывалъ. Матѳеѣй Правильникъ и Севасть Арменопулъ „всесо-гласно пишутъ, что и латинь хиротонія пріята“. Но если въ древней церкви, по нужному времени, принимались священники даже отъ такихъ еретиковъ, какъ иконоборцы или католики, то не менѣе есть основанія для нея и теперь принимать священниковъ отъ великороссійской церкви,—нужда въ священникахъ большая, а ересей въ этой церкви все же меньше, чѣмъ у латинь или иконоборцевъ: „того ради и мы, находящіеся при святой церкви, соображая мысли свои съ первенствующею матерью нашею, со святой церковью, принимаемъ отъ великороссійской церкви отъ російскихъ архіереевъ хиротонисанныхъ священниковъ и безъ всякаго сомнѣнія за православныхъ почитаемъ“. Въ дѣлѣ пріема могутъ ошибаться и погрѣшать отдѣльные лица, тѣ или другіе члены церкви, а потому имъ нельзя предоставить права самостоятельнаго пріема приходящихъ отъ великороссійской церкви священниковъ, но святая церковь не погрѣшитъ никогда; поэтому „никто же да сумнится о святой церкви и о православиюмъ ея священствѣ... Она, мать наша, невѣста Христова, святая церковь... все по свято-апостольскимъ и свято-отеческимъ правиламъ всякое правленіе у себя содержитъ и обдержные и смотрительные законы во свое ихъ время употребляетъ“. Кромѣ церкви никому не можетъ быть предоставлено право опредѣленія, какіе изъ этихъ законовъ въ данную минуту благопотребны и благовременны. Поэтому всякому вѣрующему, если онъ не хочетъ восхищать недарованное, остается только одно: прибѣгнуть „къ матери своей святой церкви, яко къ тихому и невлаемому пристанищу, гдѣ и обрящеть покой душевный и спасеніе вѣчное“¹⁾.

Для безпристрастнаго читателя очевидно, какъ натянута, какъ искусственна и потому малоубѣдительна аргументація Сергія. Но иначе взглянули на нее поповцы: „*Бесѣдословіе*“ заставило ихъ склониться на сторону Сергія и признать неоспоримымъ, каноническимъ церковное положеніе всеобщественнаго собранія. Уступили сибирскіе старообрядцы, смолкли недовольные голоса и въ другихъ углахъ обширной Россіи. Право пріема бѣглыхъ священниковъ отнынѣ

Ц Бр. Св. Кр., № 513, 49.

безусловно обезпечилось за Иргизомъ, который вполнѣ вступилъ въ расколѣ мѣсто Стародубья, оскверненнаго еретичествомъ Никодима и Михаила Калмыка. Практическая сообразительность Сергія на этотъ разъ не обманула его: онъ зналъ, что расколу нуженъ авторитетъ, внѣшнее водительство и хотя бы видимая законность; видѣлъ, что доселѣ существовавшій руководитель поповской общины и носитель авторитета и законности самъ отрекся отъ этой роли и сдѣлалъ ее невозможной для своихъ преемниковъ; понималъ, какой опасностью грозило это обстоятельство всей „церкви“, и для блага, какъ ея, такъ и своего собственнаго, предложилъ на освобожденное такъ неожиданно мѣсто самого себя. Большинство согласилось сразу, меньшинство же сначала было запротестовало, но въ концѣ концовъ успокоилось и примкнуло къ большинству. Такъ заставляла поступить и потребность въ авторитетѣ, и смутное сознание какой-то незаконности пріема бѣглыхъ, еретическихъ поповъ, и желаніе упорядочить сколько-нибудь эту сторону церковной жизни. Сергіій угадалъ потребность времени, уловилъ нужную минуту и, въ видѣ пріза, получилъ общее союзулюбивое покореніе всего старообрядческаго міра, державшагося завѣтовъ поповщины. Лѣтъ шесть спустя, именно въ 1792 году, Прохоръ, кажется, рѣшился формальнымъ актомъ закрѣпить за Иргизомъ такое „покореніе“: онъ созвалъ новое всеобщественное собраніе, которое и санкціонировало проведенную въ „Бесѣдословіи“ тенденцію, установивъ при этомъ и все чинопослѣдованіе исправы бѣглыхъ священниковъ въ томъ видѣ, какъ мы знаемъ его въ послѣдующее время¹⁾. Въ этомъ неоспоримая заслуга Сергія для Иргиза, его преимущество сравнительно съ предшественниками, идеи которыхъ онъ унаслѣдовалъ и развивалъ. Если же ко всему сказанному прибавить еще, что онъ не мало поработалъ и надъ установленіемъ внутренняго распорядка иноческой жизни на Иргизѣ, то вполнѣ понятенъ станетъ данный ему современниками титулъ „строителя“, которымъ онъ такъ любилъ именовать себя.

Въ то время, какъ рѣшался на Иргизѣ перемазанскій вопросъ, внутренняя жизнь скитовъ шла своимъ порядкомъ. Подъ защитой крѣпкой руки равныхъ богатыхъ благодѣтелей изъ числа купече-

¹⁾ Дѣла Секр. Комит., Vol. XVI, стр. 1100; см. Имп. Публ. библ., Q, I, № 830, л. 173.

ства скиты наслаждались полнымъ спокойствіемъ. Высшая губернская администрація была далеко, въ Воронежѣ; средняя и низшая получала изрядную мзду и потому смотрѣла сквозь пальцы, а подчасъ открыто покровительствовала „трудникамъ о Христѣ“. Тихое и безмолвное житіе, оплачиваемое изъ чужихъ кармановъ, привлекало на Ирғизъ все новыя и новыя толпы отшельниковъ. Одни думали о спасеніи души, другіе берегли отъ батоговъ и Сибири брѣнное тѣло, а тѣ и другіе вмѣстѣ увеличивали собой число иночествующей братіи. Ширился и росъ Ирғизъ, ширилась и росла слава его.

Въ ряду рьяныхъ защитниковъ ирғизскихъ скитниковъ за это время быстро выдвинулся на первый планъ вольскій купецъ, впоследствии же именитый гражданинъ, Василій Алексѣевичъ Злобинъ. Здѣсь не мѣсто рассказывать біографію этого замѣчательнаго чело-вѣка, который на своемъ вѣку видѣлъ полный оборотъ колеса фор-туны,—сельскій пастухъ въ дѣтствѣ, сельскій писарь въ молодости, всемогущій милліонеръ въ зрѣломъ возрастѣ и нищій въ старости, онъ могъ сказать, что пережилъ все, что можно пережить чело-вѣку,—его біографія съ одной стороны слишкомъ извѣстна, съ дру-гой—слишкомъ темна. Для характеристики Злобина достаточно бу-детъ сказать, что это былъ сынъ крестьянина-раскольника изъ села Воскресенскаго, вольскаго уѣзда, мужъ раскольницы Волковойно-вой, чело-вѣкъ добрый по безхарактерности и щедрый изъ честолю-бія. Не будемъ доискиваться таинственной причины неизмовѣрно-быстраго обогащенія его, тѣмъ болѣе, что это едва ли возможно сдѣлать теперь; не станемъ и скрывать своего незнанія подъ ма-ской слишкомъ недвусмысленнаго намека, что „родина Злобина издавна отличалась своимъ расколомъ и фабрикаціей фальшивой мо-неты, а потому нельзя опредѣлить первоначальный источникъ бо-гатствъ Злобина“, какъ это дѣлаетъ графъ Стенбокъ¹⁾; но посмо-тримъ, какое значеніе имѣли для Ирғиза злобинскіе милліоны,—этотъ вопросъ гораздо существеннѣе перваго. Съ молокомъ матери всосалъ Злобинъ привязанность къ старообрядчеству. Вліяніе люби-мой жены, до фанатизма преданной расколу, и желаніе уваженія и любви народной увеличили эту привязанность. Дѣло раскола было своимъ дѣломъ для Злобина и всѣ свои богатства, всѣ свои связи съ высшими административными сферами Петербурга онъ беззавѣт-

¹⁾ Имп. Публ. библ., № 527.

но отдавалъ этому іѣду. Нимало не преувеличивалъ біографъ Злобина, г. Леопольдовъ, говоря, что „Злобину раскольники обязаны тѣмъ, что онъ всѣхъ ихъ на Иргизѣ соединилъ въ пять общинъ, три мужскихъ и двѣ женскихъ, съ надѣломъ земли, лѣса и разныхъ угодій*¹⁾). Безъ содѣйствія Злобина едва ли когда-нибудь иргизскіе скиты пріобрѣли бы для поповщины то огромное значеніе, какое мы видимъ на самомъ дѣлѣ, едва ли поднялись бы они выше скитовъ керженскихъ или даже уральскихъ. Подъ щитомъ этого щедрого богача потеряли здѣшніе иноки чувство страха предъ гражданскими властями; на его деньги, главнымъ образомъ, обзавелись они великолѣпными церквами; благодаря его связямъ, пріобрѣли себѣ высокопоставленныхъ заступниковъ и ходатаевъ, въ родѣ извѣстнаго Рунича.

Главныя заботы иргизскихъ настоятелей обращены были за разсматриваемое нами время на построеніе храмовъ въ своихъ обителяхъ и на расширеніе сферы своего вліянія среди отдѣльныхъ поповскихъ общинъ. Добившись оффиціального разрѣшенія со стороны мѣстныхъ властей на открытое, свободное совершеніе богослуженія, отцы настоятели соревновали другъ передъ другомъ въ стараніи обставить отправленіе богослуженія возможной торжественностью. За эпохой гоненія теперь промелькнулъ лучъ свободы; понимали пользовавшіеся этой свободой, что она не совсѣмъ законна, что это свобода купленная— и все же пользовались, спѣшили пользоваться ею. Примѣръ подалъ въ этомъ случаѣ строитель Сергій. Выше показано уже, съ какой быстротой возводилъ онъ одну церковь за другой; показано и то, какимъ штатомъ священно-служителей окружилъ онъ себя. Торжественность, благолѣпіе, эффектъ— вотъ что требовалось ему для привлеченія богомольцевъ въ свою обитель. Деньги и труды, потраченные для достиженія этой цѣли, были сѣменами, которыя въ самомъ недалекомъ будущемъ обѣщали принести богатый плодъ. Первымъ подражателемъ явился самарскій уроженецъ, схимонахъ Адріанъ, казакъ по происхожденію, изъ рода Ваулиныхъ, евангельскій сынъ и непосредственный преемникъ Авраамія по управленію его скитомъ. Въ 1786 году, собравъ отъ подаяній малую сумму денегъ, онъ заложилъ на 11 саженьяхъ длины и 4 саженьяхъ ширины деревянный храмъ во имя Воскресенія Христова. Съ этого вре-

¹⁾ Леопольдовъ, Біогр. В. А. Злобина, 6.

мени Аврааміевъ скитъ получилъ названіе монастыря. Дозволеніе соорудить этотъ храмъ было исходатайствовано В. А. Злобинымъ. Постройка началась на широкую ногу: иконопись для Воскресенской церкви поручена знаменитому въ то время тверскому художнику Пешехонову и представляла въ большинствѣ копій съ иконъ древне-греческой кисти. Но Адрианъ не успѣлъ довести до конца начатое дѣло: 15 августа 1787 года онъ скоропостижно умеръ во время всеобщаго бдѣнія на самой паперти воздвигнутаго храма¹⁾. Послѣ Адриана принялъ на себя продолженіе постройки самъ В. А. Злобинъ, избранный попечителемъ монастыря²⁾. Крупныя деньги затрачены были имъ на сооруженіе этого храма, но за то и храмъ вышелъ замѣчательный³⁾. Кто былъ настоятелемъ въ это время—сказать опредѣленно нельзя; возможно, что инокъ Левъ, на котораго указываетъ іеромонахъ Арсеній, ошибочно приписывающій ему освященіе Воскресенской церкви⁴⁾, но возможно и болѣе вѣроятно другое, именно, что въ теченіи 1—2 лѣтняго промежутка обитель оставалась безъ настоятеля и управлялась, подъ главнымъ надзоромъ Злобина, кѣмъ-либо изъ старшей братіи, можетъ быть, инокомъ Прохоромъ. Такое предположеніе тѣмъ болѣе заслуживаетъ вниманія, что въ 1789 году освятить эту церковь Прохоръ, избранный настоятелемъ только въ 1791 году,—въ настоятельство Льва это было бы восхищеніемъ недарованнаго, такъ какъ вышло бы, что простой, рядовой монахъ отнимаетъ у настоятеля его прерогативу⁵⁾. Притомъ же кромѣ Арсенія никто не упоминаетъ о настоятельствѣ Льва.

Послѣдовательный рассказъ о разныхъ событіяхъ въ жизни Иргиза приводитъ насъ къ исторіи Прохора. На этомъ сколько загадочномъ, столько же и замѣчательномъ для иргизскихъ старообрядцевъ человѣкѣ я позволю себѣ нѣсколько остановить вниманіе читателей. Прохоръ былъ прямымъ продолжателемъ Сергія, съ которымъ мы уже знакомы

¹⁾ Ниж. сем. библ., № 3774, 44.

²⁾ Брат. Св. Кр., № 500, 6.

³⁾ Брат. Св. Кр., № 513, 138. Ibid., № 500, 6. Поповъ (IV, 25—27) передаетъ, на основаніи устнаго преданія, что Воскресенскій монастырь построенъ на деньги Прохора Калмыкова. Баснословность этого преданія становится очевидной при сопоставленіи его со всей послѣдующей исторіей Прохора.

⁴⁾ Ниж. сем. библ., № 3774, 447. Инокъ Левъ, въ мѣрѣ Лука Михайловъ, умеръ въ 1796 году (Брат. Св. Кр., № 500, 29).

⁵⁾ Брат. Св. Кр., № 513, 137. Поповъ (IV, 28) относитъ освященіе Воскресенской церкви къ 1787 году, но никакихъ данныхъ въ пользу этой даты не представляетъ.

по предъидущему. Это второй стронтель иргизскихъ обителей, преемственно наслѣдовавшій отъ своего предшественника и его славу, и его значеніе въ мирѣ раскола, человекъ широкаго ума и страшной силы воли, одаренный необыкновеннымъ умѣньемъ прилаживаться къ людямъ и обстоятельствамъ, эксплуатировать въ свою пользу всякую бездѣлицу и, повидимому, смиренно подчиняясь другимъ, въ тоже самое время руководить ими по своему желанію. Сергій, послѣдовательно идя по стопамъ своихъ предшественниковъ, положилъ начало блеску и славѣ Иргиза; Прохоръ, благодаря своему замѣчательному организаторскому таланту, искусно довершилъ его дѣло и поставилъ иргизскіе монастыри на ту ступень величія, до которой они не доходили ни раньше, ни позже. Сравнительно съ Сергіемъ онъ является человекомъ болѣе убѣжденнымъ, болѣе послѣдовательнымъ, болѣе прямолинейнымъ въ своихъ возрѣніяхъ и дѣятельности; поэтому съ шумомъ погибла память перваго, громка и славна въ потомствѣ память послѣдняго. Уступая Сергію въ начитанности, чтобы не сказать образованности, онъ превосходилъ его практичностью, проницательностью, выдержанностью характера, знаніемъ людей. Незнающій колебаній, неспособный отказываться отъ разъ принятаго плана, онъ дѣйствительно былъ для Иргиза столпомъ несокрушимымъ и адамантомъ благочестія, какъ звали его современники-единовѣрцы.

Нѣтъ ничего удивительнаго, если при такихъ условіяхъ народная молва окружила могучую фигуру Прохора ореоломъ таинственности. Говорили, что онъ сынъ грузинскаго царя или даже самой Екатерины II; увѣрили, что у его отца были неслѣтныя богатства и близкія связи съ высшимъ правительствомъ. Все это легендарно, намаловано грубой кистью и неспособно, конечно, вызвать довѣріе, но все это говорилось такъ громко и увѣренно, что сбило съ толку многихъ, а въ томъ числѣ и двоихъ „спеціалистовъ“ иргизской исторіи, гг. Попова и Дубакина. Первый утверждаетъ, что отецъ Прохора, саратовскій купецъ Калмыковъ, выхлопоталъ по просьбѣ сына разрѣшеніе на сооруженіе Воскресенской церкви и далъ денегъ на производство работъ¹⁾. Второй, стараясь объяснить причину симпатій Павла I къ Иргизу, видитъ ее въ томъ, что Прохоръ, по своему происхожденію отъ богатаго вольскаго (?) купца, располагалъ значительными

• 1) Поповъ, IV, 26—28.

средствами и, какъ думаютъ (кто же это, кромѣ г. Дубакина?), давалъ замѣообразно крупныя суммы денегъ Павлу, когда тотъ былъ еще только наслѣдникомъ престола. Это замысловатое, вымученное объясненіе г. Дубакину кажется „очень простымъ“¹⁾, хотя въ существѣ дѣла оно ничѣмъ не проще народной легенды о грузинско-царскомъ происхожденіи Прохора.

Если отбросить весь легендарный элементъ въ разсказахъ о Прохорѣ, то дѣло представляется въ такомъ видѣ. Прохоръ, въ міру Петръ Тихоновъ Калмыковъ, былъ сынъ саратовскаго посадскаго; родился онъ около 1748 года, такъ какъ по официальнымъ документамъ 1828 года ему значилось 80 лѣтъ, имѣлъ въ Саратовѣ многихъ родныхъ и въ числѣ ихъ младшаго своего брата, Михаила, который поступилъ въ Нижній монастырь около 1818 года съ именемъ Мартирія; на Ирғизъ Прохоръ пришелъ около 1788 года, ибо по тѣмъ же документамъ показанъ пребывающимъ въ монастырѣ 40-ой годъ²⁾. До прибытія своего въ Нижній монастырь онъ жилъ съ нѣсколькими другими скитниками въ степяхъ Камышъ—Самарскихъ, лежащихъ въ мѣстности теченія Большого и Малаго Узеней и занимающихъ обширную полосу земли, которая съ востока прелегаетъ къ узкой Уральской долинѣ, а съ сѣвера—къ отрогамъ Общаго Сырта³⁾. Сохранилось преданіе, весьма рѣшительно подтверждаемое прот. Полянскимъ, саратовскимъ миссіонеромъ временъ Іакова, лично знавшимъ Прохора, что съ Узеней послѣдній былъ захваченъ въ плѣнъ хивинцами и не малое время жилъ въ неволѣ, въ Хивѣ, пока не удалось выкупиться или бѣжать обратно, на старое пепелище⁴⁾. Несмотря на уединенность мѣста, слухи объ его строгой постнической жизни быстро разнеслись и дошли до В. А. Злобина, который сильно заинтересовался молодымъ еще отшельникомъ. Ближайшее знакомство съ Прохоромъ привело Злобина къ мысли о необходимости перетянуть его на Ирғизъ, въ Нижній монастырь, осиротѣвшій по смерти своего настоятеля и находившійся подъ попечительствомъ этого магната. Саратовскій намѣстникъ, Ва-

¹⁾ Дубакинъ, 39—40.

²⁾ Бр. Св. Кр., № 500, 48, 129.

³⁾ Мат. для стат. Рос. Имп.; отд. II, 18. Спб. 1839.

⁴⁾ О. Пареевъ, Оправданіе церковное. Рукоп. in 4°, 149 стр. Написана въ 1841 году, по приказанію преосв. Іакова. Принадлежитъ священнику села Монастырскаго, аткарскаго уѣзда, І. Рахинскому. См. собственноручную замѣтку Полянскаго на поляхъ 189 стр.

силий Чертковъ, 18 сентября 1789 года, за № 1070, далъ слѣдующее предложеніе вольскому нижнему земскому суду: „находящемуся жительствомъ въ степи Камышь-Самары, саратовскому купцу Петру Калмыкову, а въ иночествѣ старообрядческому иноку Прохору, съ пребывающими съ нимъ десятью старцами предписываю суду не препятствовать перейти на житье Вольской округи въ Нижній кривоуцкій Воскресенскій монастырь, въ который, по объявленію помянутаго инока Прохора, тамошніе старообрядцы принять его съ братіей согласны, и наблюдать, чтобъ никакихъ притѣсненій чинимо имъ не было“¹⁾). Не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что это разрѣшеніе на переходъ дано было немного заднимъ числомъ: архим. Платонъ въ своей автобіографіи рассказываетъ, что онъ явился въ Нижній монастырь въ маѣ 1789 года и принять былъ „настоятелемъ Прохоромъ, изъ саратовскихъ мѣщанъ, человѣкомъ строгой монашеской жизни“, довольно ласково²⁾). Сомнѣваться въ точности даты не представляется основанія, ошибочное же наименованіе Прохора настоятелемъ, — въ это званіе онъ избранъ былъ братіей монастыря и вольскимъ старообрядческимъ обществомъ только въ 1791 году, какъ свидѣтельствуется объ этомъ и самъ онъ, въ письмѣ къ князю Голицыну³⁾, и актъ избранія, подписанный между прочимъ вольскимъ городскимъ головою Василиемъ Епифановымъ и утвержденный земскимъ исправникомъ фонъ-Зида⁴⁾, — объясняется весьма удобно тѣмъ предположеніемъ, что Прохоръ былъ уже въ это время фактически настоятелемъ монастыря, хотя юридическаго права на настоятельство не получилъ еще. Для креатуры всемогущаго В. А. Злобина было все возможно: Прохоръ свободно могъ числиться пребывающимъ въ Узеняхъ и столь же свободно въ это самое время, подъ рукой у своего патрона, негласно управлять обителью. Позволю себѣ напомнить, что только при помощи этой гипотезы и возможно удовлетворительное объясненіе исторіи освященія Воскресенской церкви.

За время междунастоятельства въ Аврааміевомъ скитѣ, т. е. въ промежутокъ 1787—1788 годовъ, дисциплина, и вообще не особенно крѣпкая въ средѣ иргизскаго монашества, распалась со-

1) Бр. Св. Кр., № 500, 12.

2) Ниж. сем. библ., № 3774, 436.

3) Арх. Воскрес. едн. мон., № 1, 155.

4) Бр. Св. Кр., № 500, 6.

вершению. Число монашествующихъ достигло огромной цифры въ 200 человекъ, но среди нихъ „ведущихъ невоздержную жизньъ было гораздо больше, чѣмъ кроткихъ и воздержныхъ“¹⁾. Нарушеніе обѣта нестяжательности, пьянство и тѣсно связанный съ нимъ развратъ были господствующими недостатками братіи. Щедрія подаянія христіанцевъ и близость селеній способствовали господству этихъ пороковъ, развитіе которыхъ грозило окончательнымъ распаденіемъ монашествующей общины. Самъ чуждый слабостей братіи, „мужъ смышленный“, по отзыву прот. Полянскаго, „опытный и способный“²⁾, Прохоръ хорошо понималъ всю опасность такого направленія монастырской жизни и рѣшилъ положить ей конецъ: тотчасъ же по официальной избрании своемъ въ званіе настоятеля, онъ потребовалъ отъ подчиненныхъ ему иноковъ клятвенное обязательство жить „по преданіямъ святыхъ отецъ и по иноческому общаію“. Привожу полный текстъ этого обязательства: „Во имя Отца и Сына и Святаго Духа, аминь. Благоволеніемъ и благодатию Господа Бога и Спаса нашего Ісуса Христа, честнаго и славнаго Его трехдневнаго воскресенія и молитвами пресвятыя чистыя и преблагословенныя владычицы нашея Богородицы и приснодѣвы Маріи, честнаго и славнаго ея явленія иконы Тихвинскія, и всѣхъ святыхъ, Нижняго монастыря убозія иконы, настоятеля инокъ Прохоръ и казначей инокъ Іосифъ, инокъ-схимникъ Варлаамъ, инокъ-схимникъ Исаія, инокъ Гедеонъ, инокъ Аѳанасій, инокъ Зосима, инокъ Іпатій, инокъ Феодоритъ, инокъ Савватій и прочая братія тоя обители, по самоизвольному согласію, призвавъ Господа Бога въ помощь, промежду себя во святѣй церкви предъ святымъ евангеліемъ и честнымъ крестомъ утвердили и дали се обѣщаніе въ томъ, чтобы жить намъ единокупно и общественно по преданію святыхъ отецъ и по иноческому нашему общаію. Какъ и прежде были общіе иноческіе монастыри и уставы, тако и мы отъ своего предложенія съ симъ настоятелемъ условились вначалѣ, какъ ему самому настоятелю, такъ и дѣтемъ его ни подѣ какимъ извѣтомъ тайно ничего не держать и съ своимъ какою-либо вещь ни словомъ именовать мое или твое или сего или инаго, а чтобы было Христово да братское. А что хотя у кого нынѣ въ келіи состоятъ,

1) Ниж. сем. библ., № 3774, 497.

2) Пареневъ, Оправданіе церковное, 139.

то все оное безъ всякаго нашего пристрастія и утайки чистосердечно объявить ему, нашему настоятелю, и вносить, что есть, въ общую нашу хранительницу или въ церковную ризницу съ росписаніемъ всякихъ вещей. А буде, паче чаянія, кто изъ насъ окажется противень и восхоцетъ своимъ непокореніемъ сей нашъ общій уставъ раззорити или покусится что данное свое во общество паки обратно себѣ возвратитъ, то такому отнюдь не дать дерзновенія, ниже во умъ сіе принять подѣ круѣжкамъ правильнымъ запрещеніемъ приметъ отъ Господа Бога гнѣвъ и осужденіе; а получать намъ каждому, что будетъ потребно, отъ общае нашей хранительницы безпрекословно его настоятеля. А ему, настоятелю, имѣтъ насъ въ любви, равнымъ образомъ и пещися, яко отцу о своихъ присныхъ чадѣхъ; напротивъ же того и намъ имѣтъ его, яко сущаго нашего доброжелателя и ко спасенію вождя нелицемѣрно. А буде кто изъ насъ или самъ онъ, настоятель, по положенному нашему общему уставу, восхоцетъ содѣлать нѣчто по коварству вражію, т. е. всего не восхоцетъ отдать и удержатъ тайно, не объявляя братству, то таковой братъ приметъ судъ равень, яко же при апостолѣ Петрѣ утаили отъ цѣны Ананія и Сапфира, за что напрасною смертію умрша. Въ чемъ подѣ симъ нашимъ единомышленнымъ сожительствомъ въ вѣрность и своими руками подписуемъ, настоящаго лѣта 7299, года 1791, февраля 1 дня¹⁾. Этотъ документъ, направленный собственно противъ стяжательности иноковъ, сдѣлался грознымъ оружіемъ въ рукахъ Прохора: онъ мастерски воспользовался нѣсколько темной, удобораствяжимой фразой „жить по иноческому нашему обѣщанію“ и желѣзной рукой принялся искоренять пороки братіи. По свидѣтельству арх. Платона и многихъ другихъ современниковъ, онъ, не взирая ни на санъ ни на возрастъ, подвергалъ провинившихся безпощадному тѣлесному наказанію: сажалъ въ оковы, приковывалъ на цѣпи, морилъ голодомъ, не остававливался предѣ побоями²⁾. Сильный поддержкой Злобина и близкой дружбой съ другими богатѣйшими вольскими купцами, въ особенности же съ Расторгуевымъ, онъ свободно могъ презирать глухой ропотъ своихъ иноковъ. Всѣ эти жестокія, съ упрямой прямолинейностью проводимыя въ жизнь, мѣры не могли, конечно, переродить основной духъ обителя, но онѣ сообщали ей видъ дисциплины, въ существѣ дѣла, разумѣется, только кажущей-

¹⁾ Бр. Св. Кр., № 518, 119—121.

²⁾ Арх. Воскрес. едн. мон., № 14, 115.

ся; не улучшивъ нравственности, онѣ улучшали внѣшнее поведеніе монашествующихъ. Было ли это нужно, имѣло ли смыслъ—вопросъ другой, но дѣятельность Прохора въ такомъ направленіи несомнѣнно дасть извѣстное освѣщеніе его нравственной фізіономіи, а потому я и считалъ не бесполезнымъ нѣсколько остановиться на этомъ пунктѣ.

Креатура и любимецъ Злобина, Прохоръ безотказно, полной рукой черпалъ средства изъ его кармана, торопился какъ можно быстрѣе обстроить и украсить свой монастырь, такъ чтобы онѣ ничѣмъ не уступалъ Верхнему. Едва успѣвъ освятить Воскресенскую церковь, онѣ принялся за построеніе новой, на этотъ разъ уже теплой, во имя Рождества Богоматери, съ предѣломъ во имя Іоанна Богослова. При этой церкви, построенной на разстояніи 16 сажень отъ Воскресенской, была и колокольня съ двѣнадцатью колоколами, изъ которыхъ одинъ былъ въ 200 пудовъ. Новый храмъ, какъ и Воскресенскій, по архитектурѣ ничѣмъ не отличался отъ древнихъ пятиглавыхъ церквей. Утварь и ризница для Рождественской церкви, приобретенныя на деньги опять-таки по преимуществу злобинскія, стоили болѣе 100.000 рублей. Куплено было и получено въ даръ множество цѣнныхъ иконъ старинной живописи, изъ которыхъ многія были съ мощами. Такъ въ одномъ крестѣ частицъ мощей разныхъ святителей считалось 86, въ другомъ—56¹⁾. Торжественное освященіе новосозданнаго храма совершилось только въ 1795 году, причемъ въ церемоніи освященія участвовали семь священниковъ съ діаконами подъ главнымъ руководствомъ священника Патермуфія, который вскорѣ послѣ этого былъ арестованъ и, по рѣшенію Св. Синода, разстриженъ за не совсѣмъ иноческую жизнь²⁾. Вслѣдъ за храмомъ началось построеніе новыхъ келій, число которыхъ скоро дошло до сорока шести. Кельи воздвигнуты на манеръ крестьянскихъ избъ, отличаясь отъ нихъ только большимъ размѣромъ оконъ, разукрашенными карнизами и мезонинами; всѣ онѣ, за исключеніемъ только одной, каменной, двухэтажной, въ которой хранилась церковная ризница и „маленькая монастырская бібліотека, состоящая изъ пятисотъ книгъ, при святыхъ патріархахъ печатанных“, были деревянные, крытыя тесомъ.

1) Брат. Св. Кр., № 513, 109.

2) Ниж. сем. библ., № 3774, 437; Брат. Св. Кр., № 500, 6.

Иждивеніемъ инока Никифора построено было особое зданіе для монастырской больницы. Монастырь, со всѣми своими строениями, занималъ теперь площадь земли окружностью въ 276 саженьей и обнесенъ былъ высокою деревянною оградой съ одними каменными воротами. Но не объ одномъ благоуукрашеніи обители заботился Прохоръ; онъ не забывалъ и хозяйственныхъ нуждъ ея и потому въ 1791 году устроилъ за Иргомъ, какъ разъ противъ монастыря, особый хуторъ и пчельникъ съ 40 ульями¹⁾.

Почти одновременно съ Воскресенскимъ монастыремъ началъ обстраиваться и Пахоміевъ скитъ: въ 1788 году настоятель Антоній въ замѣну старой, Пахоміевой, часовни заложилъ церковь во имя Николая Чудотворца. Иноки сосѣдняго Филаретова скита понимали, какой опасностью грозитъ ихъ обители воздвигаемый храмъ; но недостатокъ денежныхъ средствъ не позволялъ имъ заняться сооруженіемъ чего-нибудь подобнаго. Оставалось одно изъ двухъ: или влечь жалкое существованіе въ заброшенномъ, всѣми забытомъ скитѣ, который никакъ не можетъ конкурировать съ обзаведшимся святыней сосѣдомъ, или предложить ему союзъ, протянуть по-братски руку. Дилемма была рѣшена въ этомъ послѣднемъ смыслѣ: Антоній получилъ предложеніе забыть старую рознь и принять филаретовцевъ подъ свое отеческое покровительство. Такое предложеніе было очень выгодно для Антонія, помимо уже того, что льстило его самолюбію, и потому, разумѣется, было принято съ радостью. Правитель саратовскаго намѣстничества, Якоби, разрѣшилъ затѣянную унію и, спустя два года, постройка соединенными силами была окончена, а слившіеся скиты получили названіе Никольскаго монастыря. Архитектура церкви очень древняя; 19 главъ блестятъ на невысокомъ зданіи, внутри котораго цѣлый рядъ низенькихъ арокъ мѣшаетъ любоваться прекраснымъ иконостасомъ. Препятствій со стороны гражданскихъ властей освятить Никольскую церковь, конечно, не могло встрѣтиться, особенно послѣ того какъ освящено было уже нѣсколько такихъ же церквей, и новый храмъ въ 1790 году былъ торжественно освященъ²⁾. На Иргомѣ сохранилось преданіе, что сама императрица Екатерина II прислала для этой церкви на па-

¹⁾ Брат. Св. Кр., № 500, 6—7; № 513, 137.

²⁾ Сар. Истор. Архивъ. Карт. А, № XXVII. Скрѣпленная преосв. Іаковомъ копія съ „Краткой записки о раскольникахъ города Николаевска и уѣзда его“ прот. Элиидивскаго, составленной въ 1841 году. Сп. Бр. Св. Кр., № 500, 4; 65; Ниж. сем. библ., № 3774, 414.

Мять священническую парчевую ризу, на оплечья которой вышила битью свое имя. Объ этой ризѣ, какъ лучшемъ доказательствѣ милостей Екатерины II къ иргизскимъ старообрядцамъ, послѣдніе упоминали въ своемъ всеподданѣйшемъ прошеніи императору Николаю I, въ 1840 году. Вскорѣ послѣ освященія Никольской церкви настоятель Антоній удалился на покой, но онъ усиѣлъ еще устроить для своего монастыря хуторъ и пчельникъ въ 60 ульевъ. Все строеніе монастыря въ это время было деревянное и болѣе трехъ оконъ флигеля не имѣли; большинство келій, какъ и въ Воскресенскомъ монастырѣ, представляло собой простыя деревенскія избы, крытыя досками или дранью, расположенныя въ три улицы; 40 такихъ келій, съ сѣнями и чуланами, съ двориками и погребями, занимали пространство окружностью 486 саженей. Пяти-аршинная деревянная ограда съ четырьмя воротами окружала обитель съ трехъ сторонъ, съ четвертой же, по берегу Иргиза, вмѣсто забора разведенъ былъ частый палисадникъ¹⁾.

Въ заботахъ объ украшеніи своихъ обителей не уступали настоятелямъ мужскихъ и настоятельницамъ женскихъ монастырей: такъ Маргарита на собранныя отъ подавнія деньги уже въ 1782 году построила посреди своего скита деревянную часовню во имя Покрова Пресвятой Богородицы. Впрочемъ, окончательная отдѣлка и украшеніе Покровской часовни выпали на долю Маргаритиныхъ преемницъ по должности настоятельницы—инокини Евпраксіи и старицы Митродоры, въ міру Маріи Ильиной, близкой родственницы, чуть ли не младшей сестры Маргаритиной. Со времени построенія часовни скитъ сталъ называться, по своему престольному празднику, Покровскимъ монастыремъ. Прошло всего какихъ-нибудь восемь лѣтъ съ того времени, какъ группа отшельницъ, подъ начальствомъ Маргариты, обосновалась здѣсь отдѣльнымъ скитомъ, а внѣшній видъ скита сильно измѣнился. Вмѣсто плохонькихъ мазанокъ и глубоко врытыхъ въ землю хижинъ появился цѣлый рядъ маленькихъ, но чистенькихъ домиковъ съ тесовыми и соломенными крышами, охватывавшій съ трехъ сторонъ площадку съ выстроенной на ней часовней. Общій видъ монастырскихъ построекъ напоминалъ собою букву П, у нижней части которой разстиралось обширное, верстъ десять длиною, озеро Калачъ. Въ часовнѣ и на

¹⁾ Бр. Св. Кр., № 500, 5, 64; Ниж. сем. библ., № 3774, 414.

улицахъ царяла замѣчательная чистота¹⁾). Маргаритина обитель обстраивалась, пополнялась отшельницами, пріобрѣтала извѣстность. Въ это время изъ-за польской границы выпла инокиня Анфиса съ сестрами и направилась на Иргизъ. Всего проще было бы новопрішедшимъ присоединиться къ обосновавшимся раньше ихъ сподвижницамъ Маргариты, но совсѣмъ не монашескія мечты честолюбія, гордое нежеланіе подчиниться чужой волѣ, удержали ихъ отъ этого самаго естественнаго шага: онѣ предпочли поселиться отдѣльными кельями въ концѣ Мечетной слободы. Несмотря на частыя нападенія разнаго гулящаго люда, съ 1783 до 1786 года тутъ образовался довольно обширный скитъ, названный, по имени основательницы, Анфисинымъ. Выборъ мѣста оказался неудачнымъ: клочекъ земли, занятый обителью, при каждомъ сильномъ разливѣ Иргиза затоплялся почти весь. Это обстоятельство побудило инокинь ходатайствовать о разрѣшеніи переселиться на другое мѣсто; директоръ саратовской экономіи, Иванъ Ильичъ Огаревъ, не нашелъ препятствій къ удовлетворенію возбужденнаго ходатайства и въ 1786 году Анфисинъ скитъ перенесенъ былъ на такъ называемую Горшенину Луку,—небольшое, но очень красивое по мѣстоположенію урочище на берегу Иргиза, въ полутора верстахъ отъ Мечетной слободы. Своей постройкой Анфисинъ скитъ напоминаетъ скорѣе деревню, чѣмъ монастырь: это куча опрятныхъ деревянныхъ домиковъ, разбросанныхъ въ безпорядкѣ. Многіе изъ нихъ крыты тесомъ, другіе—соломой; нѣкоторые чуть не до половины вкопаны въ землю. Монастырскія постройки не были обнесены ни досчатымъ заборомъ, ни плетнемъ, ни даже землянымъ валомъ. Въ теченіи первыхъ 10 лѣтъ житія на Горшениной Лукѣ скитницы отправляли ежедневное богослуженіе въ такъ называемой „крестовой“ кельѣ настоятельницы; только къ 1796 году Анфиса собралась съ деньгами и построила часовню во имя Успенія Божіей Матери; съ этого времени и обитель ея получила названіе Успенскаго женскаго монастыря²⁾).

Сказаннымъ въ настоящей главѣ ограничивается почти все, что мы знаемъ о жизни Иргиза въ первыя тридцать лѣтъ его существованія. Правда, есть еще нѣсколько отрывочныхъ свѣдѣній, относящихся къ этому времени, но они такъ разрознены, такъ не-

¹⁾ Бр. Св. Кр., № 513, 116; № 500, 70, 9, 33.

²⁾ Бр. Св. Кр., № 500, 9; Ниж. сем. библ., № 3774, 9.

полны, что ихъ крайне трудно, если только не совсѣмъ невозможно; привести въ систему, уловить генетическую связь упоминаемыхъ въ нихъ событій. Возьмемъ нѣсколько примѣровъ. Извѣстно съ несомнѣнностью, что 6 іюля 1786 года въ Верхнемъ монастырѣ были выборы новаго настоятеля¹⁾. Но чѣмъ обусловливалась отставка Сергія, была ли она добровольная или вынужденная, кто избранъ на его мѣсто и какъ правилъ монастыремъ этотъ преемникъ?— отвѣта на всѣ эти вопросы у насъ нѣтъ. Далѣе съ меньшей несомнѣнностью извѣстно, что въ 1790 году Сергій опять былъ настоятелемъ (18 іюля этого года онъ подавалъ въ этомъ званіи свои „Вопросы“ Никифору Θεотоки), но не надолго: въ концѣ слѣдующаго, вѣроятно, года онъ былъ смѣненъ Кирилломъ. Можно догадываться, что эта смѣна стояла въ прямой связи съ его исканіемъ единовѣрія и совершилась, по полученіи имъ отвѣтовъ преосв. Никифора, главнымъ образомъ по желанію Ивана Вавилова Расторгуева, богатаго вольскаго купца. По крайней мѣрѣ, А. Я. въ своей біографіи Сергія приводитъ слѣдующій рассказъ: „...Ну, Сергій, прости! Намъ приказалъ Иванъ Вавиловъ посадить тебя въ желѣзные рога (?); и Платонъ, посадивъ его въ желѣзные рога, началъ руками за горло давить; племянника же строителя, Бориса, и послушника Василя въ это время вывели изъ кельи вонъ. Но въ эту самую минуту пріѣхалъ въ обитель исправникъ Θεодоръ фонъ-Зида и вошелъ прямо въ келью Сергія.“ Своего случайнаго избавителя Сергій „поблагодарилъ“ столовыми часами, а Расторгуевъ при помощи „500-рублевой молитвы“ ухитрился избавиться отъ наказаній своихъ послушныхъ не въ мѣру клеветовъ²⁾. Кириллъ былъ человекъ немощный и положительно неспособный къ должности настоятеля. При немъ начался открытый разгромъ обители: кто что хотѣлъ, то и тащилъ изъ монастыря, такъ что спустя какой нибудь годъ обитель представляла крайне жалкій видъ. Поэтому нѣкоторые изъ братіи снова обратились къ Сергію, прося его взять на себя настоятельство, на что онъ, послѣ долгихъ отказовъ, и согласился, „главнымъ образомъ по убѣжденію вольскихъ купцовъ“. На результатъ этихъ выборовъ, происходившихъ 28 января 1793 года, особенно сильное вліяніе имѣлъ В. А. Злобинъ, съ которымъ Сергій въ это время

¹⁾ Имп. Публ. библ., № 742, 65.

²⁾ Ibidem, 24. Первыхъ листовъ этого разсказа въ рукописи недостаетъ: онъ начинается прямо съ указанныхъ словъ.

былъ въ самыхъ хорошихъ отношеніяхъ, благодаря задуманному обоими ими плану введенія на Иргизѣ единовѣрія. Самый актъ избранія, подписанный 18-ю иноками и засвидѣтельствованный 2-го февраля 1793 года вольскимъ земскимъ исправникомъ, настолько любопытенъ, что я считаю не лишнимъ привести изъ него нѣсколько выдержекъ: „Будучи въ общемъ собраніи, паки избравъ, упростили мы всею братією быть надъ нами настоятелемъ бывшаго строителя Сергія, съ тѣмъ, чтобы всѣмъ намъ единодушно у него, настоятеля, быть во всякомъ послушаніи, какъ долгъ и чинъ повѣлываетъ инокамъ; и при всемъ его, настоятеля, обязуемся всѣ мы имѣть, яко первѣйшаго нашего пастыря во всякомъ отъ насъ почитеніи; и между себя всей братіи жить въ совершенномъ согласіи, безраздорно, и во всякихъ дурныхъ, а паче въ пьянственныхъ дѣлахъ отнюдь никому изъ насъ какъ старцамъ, такъ и бѣльцамъ, не обращаться и хмѣльныхъ напитковъ никому изъ насъ у себя въ кельяхъ... ни подъ какимъ видомъ не имѣть“¹⁾.

Итакъ Прохоръ въ Нижнемъ монастырѣ требовалъ отъ своей братіи соблюденія обѣта нестяжательности; Сергій, въ Верхнемъ монастырѣ, ставилъ условіемъ своего избранія единодушное послушаніе братіи и уклоненіе ея отъ „пьянственныхъ дѣлъ“. Этотъ мелкій самъ по себѣ фактъ ясно отразилъ разницу характеровъ обоихъ строителей иргизскихъ. Клятвой хотѣлъ удержать Прохоръ своихъ иноковъ отъ стяжательности, порока трудно уловимаго совѣтъ и крайне опаснаго для иноковъ по своимъ послѣдствіямъ; объ этихъ послѣдствіяхъ онъ ничего не говоритъ въ клятвенномъ обѣщаніи: силой шелеповъ, скукой „узной тѣсноты“ надѣялся онъ искоренить среди нихъ пьянство и добиться послушанія и почитенія. Болѣе мягкой, не столь рѣшительный Сергій менѣе вѣрить въ спасительную силу карательныхъ мѣръ,—ими онъ боится озлобить братію; онъ надѣялся возстановить порядокъ скорѣе средствами убѣжденія, требовалъ обѣщанія почитать его, повиноваться ему, уклоняться отъ всякихъ дурныхъ дѣлъ, словомъ, не силой собственной воли, а силой клятвы хотѣлъ онъ связать иночествующихъ.

До сихъ поръ рѣчь шла только объ Иргизѣ. Посмотримъ, чѣмъ ознаменовался этотъ 30-лѣтній періодъ въ жизни раскола по другимъ мѣстностямъ Саратовскаго края. Мы видѣли уже, что до вто-

¹⁾ Имп. Публ. библ., № 742, 65—68.

рой половины прошлаго столѣтія расколъ въ саратовскихъ предѣлахъ, по причинѣ малонаселенности края, былъ незначителенъ; знаемъ, что открытіе иргизскихъ скитовъ и усилившаяся одновременно съ этимъ колонизація края дали толчекъ болѣе быстрому росту его. Несправедливо было бы утверждать, какъ это дѣлаетъ прот. Чернышевскій, что „собственно съ 1762 года и начался расколъ въ саратовской губерніи“¹⁾, но то несомнѣнная правда, что съ этого именно времени онъ началъ шириться по всѣмъ направленіямъ, что манифестъ Екатерины подготовилъ почву, на которой ему предстояло разростись до внушительныхъ размѣровъ, такъ сильно поразившихъ правительство лѣтъ семьдесятъ спустя. Связь раскола съ екатерининскимъ манифестомъ настолько ясна, что на ней излишне было бы долго останавливаться: масса польскихъ выходцевъ и бѣглецовъ изъ внутреннихъ губерній спѣшила на новыя мѣста, поселеніе на которыхъ правительство обставило цѣлымъ рядомъ льготъ. Въ рядахъ этихъ выходцевъ раскольничій элементъ былъ очень осязателенъ. Судить о размѣрахъ иммиграціоннаго движенія послѣ 1762 года можно до извѣстной степени по слѣдующему факту: изъ дѣлъ золотовскаго волостного правленія видно, что въ промежутокъ времени съ 1779 до 1789 года явилось въ село Золотое до двухсотъ человекъ беспаспортныхъ бродягъ, которые обыкновенно селились въ лѣсахъ и горахъ, окружающихъ со всѣхъ сторонъ это селеніе, и тамъ выжидали какого-нибудь „милостиваго манифеста“, а дождавшись, являлись къ мѣстному начальству съ повинной и приписывались въ крестьяне. Одновременно съ приливомъ этихъ бродягъ расколъ въ Золотомъ быстро усиливался.

Далѣе, извѣстія о свободномъ богослуженіи на Иргизѣ соблазняли многихъ: не сотни, а тысячи раскольниковъ двинулись въ обѣтованную для нихъ страну, въ саратовское Заволжье, гдѣ „благочестіе процвѣтало купно съ благолѣпіемъ церковнымъ“. При этомъ крестьяне селились по близости монастырей, а горожане и купцы— въ Саратовѣ, Вольскѣ, Хвалынскѣ. Замѣчательно, что всѣ позднѣйшіе вожаки и двигатели саратовскаго раскола—выходцы изъ центральныхъ губерній, гдѣ расколу не было такой свободы: Песковский—вышелъ изъ Калуги, Масленниковъ—изъ Рязани, Канинъ—

¹⁾ Изв. сем. библ., № 3774, 24.

изъ Владимира, Никитинъ и Волковойновъ—изъ Нижняго Новгорода и т. д.¹⁾

Наибольшій контингентъ прозелитовъ дало расколу, разумѣется, Заволжье. Говорю: „разумѣется“, такъ какъ развигіе здѣсь раскола обусловливалось самой природой вещей. Православные переселенцы, обосновавшись въ сосѣдствѣ со старожилами Заволжья, естественно должны были подчиниться имъ: люди бѣдные, люди новые здѣсь, они нуждались въ помощи, совѣтахъ, содѣйствіи, а все это могло идти къ нимъ только отъ сторожиловъ, по преимуществу раскольниковъ, какъ болѣе опытныхъ, болѣе зажиточныхъ, болѣе акклиматизировавшихся. Далѣе, изъ рядовъ этихъ же старожиловъ выбирались и сельскія власти, при всякомъ удобномъ случаѣ содѣйствовавшія дѣлу раскола. Такимъ образомъ устанавливались извѣстныя обязательныя отношенія; такимъ образомъ борьба за существованіе приводила православныхъ въ соприкосновеніе съ элементомъ, фанатически преданнымъ идеямъ прозелитизма. Къ чему могло повести такое соприкосновеніе—угадать не трудно. Свобода убѣжденій связывалась самымъ вѣрнымъ и незамѣтнымъ способомъ; новые переселенцы быстро запутывались въ тонкую, но очень цѣнную паутину раскольниковыхъ предразсудковъ и предубѣжденій. Могло и должно было препятствовать этому запутыванью православное духовенство, но оно было крайне незначительно по численности и еще болѣе того—по своимъ нравственнымъ качествамъ. Не мало деревень отстояло отъ своихъ приходскихъ храмовъ на 50—70 верстъ; не мало заволжскихъ селеній отнесено было приходами къ нагорнымъ церквамъ²⁾. Не рѣдко приходилось умнрять безъ покаянія, ложиться въ землю безъ отпѣванія, сожигать стволы безъ вѣнчанія,—нѣтъ священниковъ и не достать священниковъ. Епархіальное начальство не только не заботилось объ увеличеніи числа штатовъ, но даже иногда какъ будто противодействовало выказываемымъ въ этомъ смыслѣ желаніямъ своей паствы: въ октябрѣ 1780 года крестьяне Широкаго и Водяного Буераковъ, въ количествѣ 217 душъ, въ трогательныхъ выраженіяхъ жаловались Антонію астраханскому на неимѣніе священника и просили опредѣлить такового къ построенной имъ часовнѣ; но преосв.

¹⁾ Ниж. сем. библ., № 8774, 225—226.

²⁾ „Прав. Собес.“, 1857, III, 575.

Антоній отказалъ въ этой просьбѣ на томъ основаніи, что у него нѣтъ синодальнаго распоряженія относительно опредѣленія священниковъ къ часовнямъ¹⁾. Послѣ священникъ и былъ опредѣленъ въ Широкой Буеракъ, но было уже поздно: его прихожане познакомились съ расколомъ; пришлось жаловаться, что они „на исповѣдь не ходятъ и св. таинъ не приобщаются,“ да и къ нему, священнику, уваженія никакого не чувствуютъ, — крестьянскій староста бьетъ его, напримѣръ, смертнымъ боемъ²⁾. Нѣсколько позже мы опять наталкиваемся на подобный случай. Въ 1790 году жители Большого Кущума, Суховки и Сармы слезно жалуются астраханской конспиторіи, что „по дальнему разстоянію отъ Перекопной Луки и Быкова Острога (отъ обонхъ въ 20 верстахъ), въ лѣтнее время за разливомъ водъ, а въ зимнее—за великими погодами, претерпѣваютъ великія нужды“: родильницы по недѣлѣ и по двѣ лежатъ безъ молитвы, младенцы умираютъ некрещенными, взрослые же—безъ исповѣди и св. причащенія кончаются, а тѣла остаются безъ погребенія. Между тѣмъ изъ раскольниковъ Аврааміева скита ихъ „часто навѣщаютъ бѣглые попы и прельщаютъ въ свой совѣтъ“³⁾. Приведенные факты не были примѣромъ единичнымъ... Итакъ, у православныхъ—священниковъ нѣтъ или очень мало, а рядомъ, въ сосѣдствѣ, у раскольниковъ—ихъ сколько хочешь; рядомъ все идетъ благообразно и по чину; рядомъ только пожелай—и всякую потребу отправляютъ безъ замедленія, съ полнѣйшей охотой. Какой соблазнъ, какое искушеніе для слабыхъ умовъ! И уступали люди соблазну, и шли по нуждѣ, подъ давленіемъ самой настоятельной необходимости, за исправленіемъ христіанскихъ требъ къ раскольничьимъ попамъ: что-нибудь казалось все-таки лучше, чѣмъ совсѣмъ ничего. Напрасно Шаповъ утверждаетъ, что православные иногда „насилъно“ были принуждаемы раскольниками обращаться съ требами къ бѣглымъ попамъ⁴⁾: насиліе едва ли было возможно и во всякомъ случаѣ въ немъ не ощущалось никакой надобности.

Отсутствіе храмовъ и недостатокъ священниковъ—вотъ два основныхъ условія, благоприятствовавшихъ росту раскола въ За-волжьи. Къ нимъ необходимо прибавить и третье—дурной составъ

1) Сар. Истор. Архивъ. Карт. А, № IV.

2) Указъ астрах. конс., 20 мар. 1783, № 154.

3) Указъ астр. конс., 31 мая 1791, № 427.

4) Шаповъ, Рус. раск. старообр., 376. Казань, 1859.

православнаго духовенства. Самостоятельной епархіи въ Саратовѣ не было. Приходы Саратовскаго края подчинены были въ церковно-административномъ отношеніи частью казанскимъ, частью же астраханскимъ и тамбовскимъ епископамъ. Распределение приходовъ было сдѣлано такъ неудовлетворительно, что не только консисторіи, но даже духовныя правленія не знали съ точностью, какой приходъ къ какой епархіи и къ какому округу принадлежить. Нерѣдко случалось, что въ одно и то же село одновременно рукополагались два священника: одинъ—въ Казани, другой—въ Астрахани, такъ какъ каждый изъ епископовъ этихъ городовъ считалъ спорное село входящимъ въ составъ своей епархіи¹⁾. Неопредѣленность епархіальныхъ границъ доходила до того, что въ одномъ селеніи двѣ приходскія церкви состояли не рѣдко въ вѣдѣніи разныхъ епархіи²⁾. При такихъ условіяхъ становится понятнымъ, что нѣкоторые причты не знали, въ вѣдомствѣ какого духовнаго правленія они находятся, и преосвящ. астраханскій Тихонъ напрасно наложилъ резолюцію: „отпустить грѣхи попамъ, поелику часто бываютъ глупы“ на одномъ изъ возникшихъ по такой путаницѣ дѣлъ³⁾,— суть была не въ поповской глупости... Итакъ архіерейскія каѳедры были далеко,—въ Казани, Тамбовѣ и Астрахани. Границы ихъ владѣній были дурно размежеваны. Изъ-за тысячъ верстъ трудно было смотрѣть, какъ слѣдуетъ, за переселенцами и духовенствомъ и епархіальныя власти мало смотрѣли за ними: онѣ только, по желанію прихожанъ, опредѣляли къ нимъ того или другаго священника. Каково же было саратовское духовенство при такой свободѣ отъ всякаго высшаго надзора? Отвѣтъ на этотъ вопросъ дають изысканія члена саратовской ученой архивной Комиссіи, свящ. В. Г. Еланскаго, пересмотрѣвшаго архивныя дѣла бывшаго вольскаго духовнаго правленія⁴⁾. Въ одной казанской епархіи въ 1786 году оказалось 381 человекъ священно и церковнослужителей въ чтеніи несправныхъ, а другихъ и совсѣмъ читать по книгѣ, пѣть и писать не умѣющихъ, коихъ, въ силу указа Св. Синода отъ 15 апрѣля 1784 года, слѣдовало бы, по исключеніи изъ церковнаго

1) Указъ казан. консист. 23 сент. 1772, N 2668.

2) Рапортъ сар. дух. правл. въ астрах. конс., 2 сент. 1799, № 785.

3) Указъ астрах. конс., 18 янв. 1793, № 50.

4) Описание архива бывшаго вольскаго духовнаго правленія печатается Ф. Еланскимъ въ „Запискахъ сар. уч. арх. Комиссіи“ за текущій годъ.

причта, отослать въ свѣтскія команды¹⁾. Преосвященный Антоній казанскій, обзирая въ 1783 году свою епархію, повсюду нашель вопіющіе безпорядки: „священники многіе въ воскресные дни литургій не служатъ,.. а при часовняхъ... отправляютъ одни молебны,.. кон покороче,.. оставивъ свою должность, во отдаленные города для промысловъ отъѣзжаютъ весьма на долгое время“²⁾. Борются съ такими безпорядками при помощи циркулярныхъ указовъ было бесполезно, положиться на закадииковъ—невозможно,—они и сами сплошь и рядомъ были не лучше подчиненнаго имъ духовенства и только безъ нужды „оказывали свое властелинство непомѣрное“, подвергая клириковъ тѣлеснымъ наказаніямъ и сажая священниковъ въ цѣпи, желѣзо и колодки“³⁾,—а потому архипастырямъ приходилось возлагать все упованіе на Божью волю. Отношенія духовенства къ прихожанамъ очень часто были самыя ненормальныя. Въ консисторскихъ указахъ этого времени постоянно можно встрѣтитъ указанія на вымогательство духовенствомъ „излишнихъ взятокъ“⁴⁾ и чиненіе озорническихъ поступковъ и огорченія пасомымъ⁵⁾, равно какъ жалобы послѣднихъ на неисполненіе духовенствомъ своихъ пастырскихъ обязанностей, на его беспросынное пьянство, развратъ и даже случаи богохульства⁶⁾. Неудовлетворительность состава клира, обусловливаемая невозможностью надзора за нимъ со стороны отдѣленной огромными пространствами епархіальной власти, еще болѣе увеличивалась присутствіемъ въ Саратовскомъ край массы запрещенныхъ лицъ духовнаго сана, отправленныхъ сюда по распоряженіямъ высшаго правительства въ видѣ ссылки. Это ссылное духовенство было коренной язвой Саратовскаго края и борьба съ нимъ тянулась въ теченіи цѣлаго столѣтія. Еще въ 1776 году митрополитъ казанскій Веніаминъ распорядился по своей епархіи, чтобы употребляющіе себя въ недозволенные упражненія и потому пришедшіе въ лѣнность и нерадѣніе священники не нанимали за себя для отправленія службъ церковныхъ и требъ поповъ-бродягъ, запрещенныхъ,

¹⁾ Указъ казан. конс., 31 іюля 1786, № 828.

²⁾ Тоже. 10 октября 1783, № 1770.

³⁾ Тоже. 25 сент. 1783, № 1538.

⁴⁾ Тоже. 15 сент. 1783, № 1453; 4 мая 1788, № 1188.

⁵⁾ Тоже. 1 мая 1778, № 81.

⁶⁾ Указъ астрах. конс., 8 нояб. 1778, № 1031; 28 нояб. 1783, № 969; 18 дек. 1795, № 2140; казан. конс., 11 февр. 1788; 30 іюня 1787; 30 мар. 1792, № 247 и т.п.

лишенных священства и самозванцев¹⁾. Подобные указы рассылались и преемниками высокопреосвященного Веніамина²⁾.

Какъ относилось все это духовенство, сплошь безграмотное и очень часто пьяное и развратное, къ своей многолюдной паствѣ,—легко понять: оно было наемникомъ, который не радить объ овцахъ. „Даже наиболѣе преданные православію“, говоритъ прот. Элпидинскій, „гнушаясь пороковъ своихъ пастырей, но въ тоже время пользуясь ихъ слабостью, спѣшили испросить у нихъ разрѣшеніе обращаться съ требами въ Иргизскіе монастыри и за деньги и вино разрѣшеніе выдавалось имъ безпрекословно“. Элпидинскій представилъ преосв. Іакову цѣлую коллекцію этихъ разрѣшеній за собственноручными подписями выдававшихъ ихъ священниковъ³⁾. Такими записками, продававшимися къ тому же по весьма недорогой цѣнѣ,—въ 1792 году священникъ с. Перекопной Луки, Филимонъ Никитинъ, за 2 рубля давалъ письменныя разрѣшенія своимъ прихожанамъ не только отправлять требы у бѣглыхъ поповъ, но и принимать постриженіе въ Иргизскихъ монастыряхъ⁴⁾),—заволжское духовенство не только дискредитировало само себя, но прямо толкало свою паству въ широко раскрытыя объятія раскола. И паства шла—одни съ полной индифферентностью, утѣшаясь мыслью, что де „кто ни попъ—тотъ батька“, другіе—съ глубокой душевной скорбью, съ тяжелой болью въ сердцѣ. Благонамѣренное меньшинство приходскаго духовенства ничего не могло противопоставить этому тяготѣнію къ расколу своихъ пасомыхъ: ни силы развитія, ибо „ученыхъ“, въ смыслѣ прошедшихъ хотя бы среднюю школу, священниковъ по селамъ не существовало, ни свѣта знанія, ни обаянія власти. Все это благонамѣренное меньшинство напоминало собой разбросанные по степи на огромномъ разстояніи одинъ отъ другого угольки, скромно мерцавшіе и тлѣвшіе подъ густымъ слоемъ пепла: ихъ свѣтомъ и тепломъ могли пользоваться только немногіе, стоявшіе около.

Прибавьте ко всему этому, что страшная разбросанность селеній, поселковъ и хуторовъ препятствовала съ одной стороны пра-

¹⁾ Указъ казан. конс., 30 іюня 1776, № 1064.

²⁾ Тоже. 30 сент. 1783, № 1626; 9 нояб. 1792, № 2733 и др.

³⁾ Сар. Истор. Архивъ, Карт. А, № XXVII; см. Ниж. сем. библ., № 3774, 394.

⁴⁾ Указъ астрах. конс., 14 янв. 1793, № 70.

вильному удовлетворенію духовно-религіозныхъ потребностей народа, съ другой—до невозможности затрудняла и надзоръ за нѣмъ со стороны гражданской администраціи; не забывайте, что хуже земской полиціи конца прошлаго вѣка ничего нельзя вообразить, такъ какъ ряды ея сплошь и рядомъ пополнялись людьми, нетерпимыми ни на какомъ другомъ поприщѣ службы,—высочайшей инструкціей саратовскому губернатору, отъ 28 августа 1803 г., прямо предписывалось обратить особое вниманіе на состояніе полиціи, какъ совсѣмъ не отвѣчающей своему назначенію¹⁾,—примите, наконецъ, въ соображеніе и то, что безграничная продажность была чуть ли не единственнымъ источникомъ существованія для всей этой полиціи, равно какъ и для большинства саратовской бюрократіи: „во всѣхъ присутственныхъ мѣстахъ,“ говоритъ графъ Стенбокъ, „начиная отъ полиціи до палаты, раскольники имѣли покровителей, не оставлявшихъ ихъ совѣтомъ и дѣломъ“²⁾,—и вы, если не представите себѣ со всей ясностью длиннаго ряда благопріятствовавшихъ дѣлу раскола въ Заволжьи причинъ, то во всякомъ случаѣ поймете, какъ легко было православнымъ переселенцамъ „находить себѣ за Волгой вѣру“³⁾.

Тѣ же самыя причины, хотя не въ такихъ размѣрахъ и не съ такой силой, дѣйствовали и въ нагорной части Саратовскаго края, а потому и здѣсь расколъ могъ распространяться довольно свободно. Разница только въ томъ, что здѣсь преобладало по численности православное населеніе, что здѣсь не было такой разбросанности селеній, было больше церквей и больше духовенства, но по своему составу оно ничѣмъ не уступало заволжскому: таже безграмотность, тотъ же недостатокъ нравственнаго чувства. Вотъ нѣсколько наудачу взятыхъ примѣровъ. „Въ бытность нашу въ Царицынѣ“,—писалъ 6 октября 1780 года епископъ астраханскій Антоній,—„при вопросахъ нашихъ о законѣ нѣкоторые священники и церковнослужители оказались незнающими, для того велѣть всѣмъ какъ символъ вѣры со изъясненіемъ изучить, такъ и заповѣди Господни по присланнымъ въ церкви катихизисамъ, пока мы будемъ въ Саратовѣ; по возвращеніи же изъ Саратова имѣемъ спрашивать всѣхъ и если кто окажется не знающимъ, то лишень будетъ мѣста или

1) Пол. собр. закон., XXVII, № 20.918.

2) Имп. Публ. библ., № 527.

3) Ниж. сем. библ., № 8774, 93.

отлученъ отъ священства. Всѣмъ сіе объявить съ подписками¹⁾. Собственноручныя росписки царицынскаго духовенства убѣждаютъ въ томъ, что послѣднее не только не знало символа вѣры и заповѣдей, но и не умѣло грамотно подписывать свои фамиліи. Девять лѣтъ спустя, духовенство, несмотря на угрозу отлученія отъ священства, также плохо знало символъ вѣры и заповѣди Господни и казанской консисторіи пришлось разсылать по епархіи предписанія объ изученіи катихизиса²⁾.

Но эта безграмотность, это непростительное въ священникахъ религиозное невѣжество не мѣшало однако имъ быть лукавыми „сынами вѣка“: іеромонахъ петровскаго Николаевскаго монастыря Теофілъ не только воруетъ, для воспособленія скудности монастырскаго содержанія, утокъ, сѣно и дрова у сосѣдей, но даже крадетъ „у пона Андрея штаны“ для собственной надобности, словомъ, безъ зазрѣнія совѣсти нарушаетъ восьмую заповѣдь, за что послѣ цѣлаго ряда продѣлокъ преосв. Антоніемъ, по резолюціи отъ 12 іюня 1780 года, вызывается въ Астрахань и опредѣляется на учугъ въ работу³⁾. Настоятель того же монастыря Іоасафъ живетъ блудно съ находящимися въ монастырѣ стряпухами, что и вызвало въ декабрь 1780 года циркулярное распоряженіе преосв. Антонія о томъ, чтобы въ „мужскихъ монастыряхъ женокъ отнюдь не имѣли“ даже строители, ибо „сіе не можетъ быть извинительно“⁴⁾. Петровскій священникъ Максимъ Ивановъ, по отзыву петровскаго духовнаго правленія, творитъ всякія „безобразія“ и въ заключеніе всего воруетъ у какого-то сызранскаго купца лѣсъ, привезенный послѣднимъ для постройки казеннаго моста⁵⁾. Священникъ села Мазы строитъ на рѣкѣ Терешкѣ свой хуторъ и принимаетъ въ него для жительства безпаспортныхъ и бѣглыхъ людей⁶⁾. Вольскій заикащикъ, протоіерей Кириловъ, растрачиваетъ вырученныя отъ продажи по церквамъ богослужебныхъ книгъ деньги⁷⁾. Священникъ села Терешки, Леонтій Андреевъ, даже по двенадцатымъ праздникамъ и въ великій постъ не совершаетъ съ своей церкви богослуженія и по

1) Сар. Истор. Архивъ. Карт. А, № III.

2) Указъ 30 апр. 1789, № 1181.

3) Сар. Истор. Архивъ. Карт. А, № II.

4) *Ibidem*, № V.

5) *Ibidem*, № V.

6) Указъ казан. конс., 10 нояб. 1776, № 1902.

7) Тоже, 16 окт. 1788, № 1850.

2—3 недѣли не отправляетъ никакихъ требъ по приходу, такъ какъ постоянно или пьянствуетъ, или шатается по степямъ, „изыскивая клады“¹⁾). Священникъ села Корбулака, Степанъ Васильевъ, „приличается въ приемъ краденыхъ лошадей, въ кражѣ холста и въ разореніи Божьяго храма“²⁾). До раскола ли было все́мъ этимъ пастырямъ и какъ правила они „слово истины“—представляю судить самимъ читателямъ; скажу только, что примѣровъ, подобныхъ только что приведеннымъ, можно указать сколько угодно.

Посмотримъ теперь, какъ воспользовался счастливо сложившимися обстоятельствами расколъ съ Иргизомъ во главѣ. Нужно отдать справедливость, онъ воспользовался ими очень ловко: съ замѣчательной находчивостью, съ поразительнымъ терпѣніемъ изыскалъ онъ самые разнообразныя и, по возможности, самые вѣрныя способы уловленія въ свои сѣти простыхъ душъ. Не упустилось изъ виду ничего такого, что могло соответствовать интересамъ раскола; здѣсь была объявлена рѣшительная война православію и объявившіе, очевидно, прекрасно сознавали всѣ выгоды побѣды. Вглядитесь на минуту въ подробности и вы ясно увидите, какъ умно, какъ слишкомъ умно для православія, велась эта война. Народъ скорбѣлъ о малочисленности церквей; расколъ, на каждомъ шагу соприкасавшійся съ этимъ народомъ, доказывалъ ему, что можно обойтись и безъ нихъ, что можно сдѣлать храмъ и домъ свой, только бы онъ дѣйствительно былъ домомъ молитвы, только бы въ немъ совершалось богослуженіе по уставамъ и преданіямъ отцовъ. Народъ ощущалъ недостатокъ въ требоотправителяхъ; расколъ цѣлыми массами отправлялъ къ нему этихъ требоотправителей, ибо самъ имѣлъ ихъ въ избыткѣ. Прошло то время, когда немногочисленные бѣглые поны проѣздомъ по разнымъ городамъ и селеніямъ, за неимѣніемъ запасныхъ даровъ, приобщали больныхъ раскольниковъ сушенымъ калачомъ. Теперь и запасныхъ даровъ на Иргизѣ можно было получать сколько угодно, и священниковъ тамъ было болѣе, чѣмъ достаточно: противъ соблазна раскола не устояли и духовные,—цѣлыми десятками являлись они на Иргизъ, принимали здѣсь исправу и разсылались всюду, гдѣ только была въ нихъ потребность³⁾). Измѣна православію со стороны пастырей его не представляетъ,

¹⁾ Указъ астрах. конс., 28 нояб. 1783, № 969.

²⁾ Донес. митр. казан. Веніамну дворцоваго старосты Кятова, 1775.

³⁾ Рук. П. И. Мельникова, въ библ. А. А. Титова (Ростовъ, яросл. губ.), № 2302.

впрочемъ, ничего особеннаго,—они пускались нерѣдко и на худшія дѣла: такъ въ послѣдней половинѣ XVIII столѣтія въ составѣ захваченной на Волгѣ разбойничьей шайки изъ 86 человекъ оказалось 3 священника, 1 діаконъ и 3 церковника¹⁾.

Разсылая съ Иргиза повсюду своихъ исправленныхъ поповъ, —въ началѣ 90-хъ годовъ они начали довольно часто появляться даже въ пермскихъ предѣлахъ²⁾),—расколъ этимъ не только удовлетворялъ, въ подрывъ православію, религиознымъ потребностямъ массы, но и усиливалъ дѣйствіе пропаганды, пускалъ въ дѣло живую рекламу себѣ: какъ и всякіе другіе ренегаты, бѣглые священники съ какой-то страстной ненавистью къ прошлому проповѣдывали идеи раскола и глумились надъ „великороссійской“ церковью. Проповѣдь о расколѣ въ устахъ бывшего врага этого самого раскола, хулы на никоніанскую церковь съ ея обрядами, провозносимая бывшимъ служителемъ этой церкви и совершителемъ ея обрядовъ,—все это должно было сильно импонировать слушателей, возбуждать въ нихъ вѣру къ словамъ говорящаго. Въ глазахъ мало-развитой толпы жалкій ренегатъ становился борцомъ за истину, своекорыстный рабъ и наемникъ раскола—самоотверженнымъ ревнителемъ древлаго благочестія и уставовъ св. отцовъ. Недоразумѣніе жалкое и прискорбное, но безусловно естественное и на каждомъ шагу повторявшееся!

Но какъ ни богатъ былъ Иргизъ попами, а все-таки ихъ оказывалось недостаточно, чтобы удовлетворить всемъ требованіямъ. Какъ суррогатъ, пущены были въ дѣло уставщики: народу настоятельно внушали, что постоянные священники—это, собственно говоря, роскошь, что ихъ очень часто могутъ замѣнять безъ всякаго ущерба для дѣла спасенія опытные люди, изучившіе въ монастыряхъ иргизскихъ древній чинъ службы. Эти уставщики могли совершать повседневныя службы, за исключеніемъ литургіи, крестить младенцевъ, исповѣдывать больныхъ по скитскому покаянію и даже приобщать ихъ. Последнее, впрочемъ, было больше правомъ, чѣмъ фактомъ, такъ какъ запасными дарами Иргизъ снабжалъ очень и очень немногихъ, находя, что мірянамъ неприлично хранить эту святиню. Все то, чего не могъ слѣлать уставщикъ самолично, какъ,

¹⁾ Щебальскій, Нач. и хар. пугач., 20. Москва, 1866.

²⁾ Паладій, Обзор. перм. раскола, 36.

Напримѣръ, миропомазывать младенцевъ, сдѣлаеть попъ, когда придетъ сюда, или сдѣлають заочно въ монастыряхъ: тамъ и отпоютъ умершаго, и прочтуть очистительную молитву роженицъ, и т. п. Простецы вѣрили такимъ внушеніямъ и шли на незатѣйливую прищанку облегченій и упрощеній въ дѣлѣ богослуженія и требоотправленія. Во всѣ селенія, гдѣ только былъ хоть десятокъ раскольничьихъ семей, монастырями назначался свой уставщикъ, по большей части изъ бывшихъ монастырскихъ бѣльцовъ, иногда монастырскихъ пѣвчихъ и очень нерѣдко изъ ловкихъ крестьянъ, изучившихъ въ монастыряхъ славянскую грамоту и богослужебно-обрядовую премудрость. За успѣшную дѣятельность по части пропаганды раскола такіе уставщики получали отъ монастырей награды деньгами, книгами, иконами¹⁾. Уставщики жили доходами отъ своихъ прихожанъ и потому интересы раскола, увеличеніе численности своей паствы—были для нихъ самыми жизненными интересами. Эгоизмъ побуждалъ ихъ ревностно работать на пользу раскола, ибо праздная жизнь казалась привлекательнѣе честнаго труда. Съ другой стороны уставщики эти безусловно зависѣли отъ монастырей: избраніе ихъ совершалось если не всегда по волѣ, то всегда по благословенію того или другого иргизскаго настоятеля. Введеніемъ въ жизнь этого элемента монастыри создали для себя могучее орудіе для воздѣйствія и вліянія на массу: уставщики были своими людьми для народа,—важное преимущество, котораго не доставало православному духовенству,—и, какъ люди сравнительно болѣе развитые, должны были оказывать замѣтное давленіе на складъ народныхъ вѣрованій. Кромѣ уставщиковъ, значительную роль въ дѣлѣ распространенія раскола играли и уставщицы, инокини и бѣльцы Иргизскихъ женскихъ обителей, отпралявшіяся въ путешествіе по всему краю для сбора пожертвованій и для чтенія заупокойныхъ каноновъ въ домахъ болѣе состоятельныхъ старообрядцевъ. Эти были едва ли не опаснѣе своихъ собратьевъ-иноковъ: извѣстно, что особенно фанатично преданы расколу женщины.

Далѣе, русскій народъ всегда питалъ особенное благоговѣйное уваженіе къ отшельникамъ и подвижникамъ. Расколъ сумѣлъ воспользоваться и этимъ. Не мало старцевъ и старицъ, принявшихъ на Иргизѣ постриженіе и научившихся здѣсь древлей вѣрѣ и древ-

¹⁾ „Прав. Собес.“, 1857, III, 583.

лему благочестію, съ благословенія настоятелей и настоятельницъ, удалились въ глухія мѣста края и проводили тамъ уединенную, отшельническую жизнь. Молва о нихъ разносилась быстро и широко, заживо складывались легенды, надѣлявшія ихъ даромъ прозрѣнія будущаго, иногда же и чудотворенія; толпы скорбящихъ и озлобленныхъ шли къ нимъ за совѣтами и утѣшеніемъ. И отшельники не чуждались пришельцевъ, не отказывали въ требуемомъ утѣшенія, охотно дѣлились своей старческой опытностью. Въ какомъ духѣ велись ими бесѣды, въ какую сторону клонили они симпатіи легковѣрнаго народа—понять не трудно. А въ числѣ приходящихъ сколько было чисто православныхъ и какъ глубоко западало имъ въ душу ядовитое сѣмя сомнѣнія въ истинности православія, заброшенное опытными въ „духовной жизни“ и фанатически преданными расколу старцами и старицами! Не сотнями, а тысячами нужно считать всѣхъ соvrащенныхъ ими по Саратовскому краю изъ православія въ расколъ; не даромъ же до настоящаго времени память о многихъ изъ нихъ не умерла еще въ народѣ и крѣпко связана съ мѣстомъ ихъ душеспасительныхъ подвиговъ. Всякому православному въ николаевскомъ уѣздѣ извѣстно Ионино озеро и Кузина грива¹⁾; всякій мальчикъ въ Хвалынскѣ укажетъ въ окружныхъ горахъ Катюшкино, Старушечье, Тумановское и Арбузовское ущелья и объяснитъ, что въ этомъ—спасалась Катюшка блаженная, въ томъ—благочестивый старецъ Тумановъ, и т. д.²⁾

Послѣ уставщиковъ и отшельниковъ сильнымъ средствомъ соvrащенія православныхъ въ расколъ было для монастырей обученіе дѣтей грамотности. Иргизскіе монастыри предлагали всѣмъ желающимъ раскольникамъ и православнымъ отдавать имъ дѣтей на выучку, причемъ съ православныхъ за это не брали даже никакого вознагражденія. Отчасти возраставшая потребность въ грамотности, отчасти же и желаніе сбыть съ рукъ на нѣсколько лѣтъ лишній ротъ, просившій хлѣба, побуждали многихъ принимать такія предложенія. Монастыри постоянно были переполнены дѣтьми, причемъ главный контингентъ давали ближайшіе сосѣди, жители Саратовскаго края, хотя встрѣчалось не мало мальчиковъ и изъ другихъ мѣстъ Россіи, даже изъ отдаленнаго Пермскаго края³⁾.

¹⁾ Ниж. сем. библ., № 3774, 66—68.

²⁾ Сар. Сборн., II, 201.

³⁾ Палладій, Обзор. перм. раск., 25.

Грамотѣ въ этихъ монастырскихъ школахъ обучали по старопечатнымъ книгамъ, воспитаніе вели въ раскольничьемъ духѣ. Едва vychивался ребенокъ читать, ему давали въ руки цвѣтники, наполненные хулами противъ никоніанъ съ ихъ іерархіей; едва начиналъ онъ входить въ разумъ—ему на каждомъ шагу приходилось слышать, что „въ великороссійской церкви царствуетъ антихристъ и потому въ ней нѣтъ спасенія;“ что въ этой церкви „крещеніе нѣтъ крещеніе, но паче оскверненіе;“ что „православные священники—не пастыри церкви, а слуги антихриста, хищные волки въ овечьей шкурѣ;“ что спастись можно только молясь двумя перстами, и т. д.; что же удивительнаго послѣ всего этого, если прошедшій полный курсъ монастырской науки вступалъ изъ этой школы въ жизнь злѣйшимъ врагомъ православія и самымъ ярлымъ поборникомъ и ревнителемъ воспитавшаго его раскола? Завѣты дѣтства, привычки юности неодолимо царятъ въ душѣ человѣка до самой его смерти. Изъ этихъ монастырскихъ воспитанниковъ выходили потомъ и уставщики, совершавшіе всѣ доступныя мірянамъ требы, отправлявшіе по мольбамъ въ селахъ и городахъ богослуженіе, безъ всякаго стѣсненія, открыто ведшіе пропаганду раскола. Дѣвушки, выросшія и обучившіяся въ женскихъ обителяхъ, выносили изъ нихъ не меньшую вражду къ православію. Изъ нихъ составлялись кадры тѣхъ до послѣдней капли крови преданныхъ расколу матерей, которыя передавали потомъ эту преданность послѣдующимъ поколѣніямъ, или ханжей и святошъ, извѣстныхъ подъ именемъ черницъ, которыя накрывали головы черными платками и, со злобой на весь міръ, записывались въ „невѣсты Христовы“ за не представившимся случаемъ выгодно посягнуть. Эти черныя невѣсты Христовы усердно пропагандировали расколъ всѣми подручными способами до разврата включительно: „блудъ—не грѣхъ, а только паденіе; падать же—и святыя отцы падали“¹⁾. И—замѣчательное дѣло!—въ народѣ онѣ пользовались не малымъ авторитетомъ, какъ удостовѣряютъ въ этомъ наблюденія почти всѣхъ изслѣдователей саратовскаго раскола.... Всѣ эти уставщики и уставщицы, научившись грамотности въ монастыряхъ, въ свою очередь заводили въ мѣстахъ своего жительства нѣчто похожее на школы: монастыри не только сами занимались педагогіей, но и своихъ питомцевъ выводили на эту же дорогу учитель-

¹⁾ Ниж. сем. библ., № 3774, 191—192; см. „Прав. Собес.“, 1857, III, 581, 584.

ства. Соображенія, которыми они руководились въ этомъ случаѣ, просты до нелзя.

Не ограничиваясь всѣми указанными средствами и способами пропаганды, монастыри учредили особыя миссіи. Изъ иргизскихъ общежитій въ безчисленномъ множествѣ выходили расколоучители и странствовали по городамъ, селамъ и деревнямъ не только Саратовскаго края, но и отдаленныхъ губерній Россіи съ проповѣдью о расколѣ. Эти миссіонеры, кромѣ открытой пропаганды раскола, раздавали интересовавшимся сочиненныя и переписанныя въ монастыряхъ тетради, въ которыхъ, на ряду съ хулами на православіе и съ апологіей раскола, сообщалось не мало самыхъ фантастическихъ исторій, измышленныхъ для поднятія авторитета Иргиза. Основная тенденція всѣхъ этихъ тетрадей, если откинуть всѣ случайные и побочные элементы, вездѣ одна и та же: только на Иргизѣ спасеніе и благочестіе. Въ великороссійской церкви настаетъ мерзость заустѣнія, предвозвѣщенная тайновидцемъ; нѣтъ ни царя, ни князя благочестиваго; повсюду колеблется вѣра древняя, повсюду испразднилось благочестіе. Единственное мирное, невлаемое пристанище—святыя церкви, на Иргизѣ рѣкѣ пребывающія. Только тамъ, въ прекрасной пустынѣ, можно укрыться отъ разженныхъ стрѣлъ лукаваго, непрестанно на ны движимыхъ; только оттуда можно получать утѣшеніе, отраду и подкрѣпленіе въ скорбяхъ и сомнѣніяхъ. Обители иргизскія основаны на мѣстахъ, указанныхъ особымъ дѣйствіемъ промысла Божія; построены онѣ святыми отцами, изъ которыхъ нѣкоторые,—чаще другихъ въ подобныхъ случаяхъ упоминаются иноки Исаакій и Іоасафъ,—прославлены отъ Бога нетлѣніемъ тѣлесъ и мощи ихъ, скрывающіяся подъ спудомъ, источаютъ притекающимъ съ вѣрой исцѣленія отъ недуговъ. Въ обителяхъ хранятся и чудотворныя иконы, принесенныя сюда подъ величайшимъ секретомъ основателями и основательницами скитовъ. Если бы власть находилась не въ рукахъ иноківанъ, всѣ эти святыни можно было бы объявить: но теперь, за страхомъ гонительства, ихъ приходится скрывать въ потайныхъ мѣстахъ. Образъ жизни иночествующихъ ничѣмъ не рознится отъ образа жизни древнихъ подвижниковъ христіанства: то же уединеніе отъ мірскаго шума и суеты, тѣ же моленія и духовные подвиги, тѣ же повсенощныя бдѣнія, необходимая для успѣшной борьбы съ всконнымъ врагомъ рода

человѣческаго, то же тщательное соблюденіе уставовъ и преданій святыхъ отцовъ: „мы законы церковные соблюдаемъ, мы предѣлы отеческіе хранимъ, мы прилагающихъ нѣчто или отъемлющихъ отъ церкви проклинаемъ“¹⁾). Таковы были тетради для людей простыхъ. Если бы оказалось, что слушатель не убѣждался этими доводами, то ему давалась болѣе серьезная апологія раскола, сочиненная въ тѣхъ же Иргизскихъ монастыряхъ. Въ концѣ этой главы я подробно разсмотрю три произведенія этого рода, изъ которыхъ второе и, кажется, первое написаны Сергіемъ Юршевымъ, третье же—инокомъ Феофилактомъ,—это довольно типичные образцы полемическихъ трудовъ иргизскаго иночества и донинѣ, не утратившіе своего значенія въ раскольничьей средѣ.

Вліяніе миссій на массу народа было тѣмъ болѣе сильное, что для миссіонерскихъ трудовъ выбирались люди болѣе или менѣе начитанные, ловкіе, умные, „оборотливые“. Благодаря чуть ли не исключительно ихъ вліянію, какъ это указано будетъ ниже, расколъ занесенъ былъ во многіе города и селенія, въ которыхъ раньше о немъ ничего не было слышно. Здѣсь отмѣчу только одинъ характерный фактъ: шире всего разрослся расколъ именно въ сферѣ ближайшаго воздѣйствія иргизскихъ монастырей съ ихъ миссіями. Такъ въ Вольскѣ, который отстоялъ отъ Иргиза всего на 60 верстъ и представлялъ собой первую сборную станцію миссій, съ особымъ монастырскимъ подворьемъ, откуда члены ея разъѣзжались во всѣ стороны, раскольниковъ, судя по составленной въ 1839 году запискѣ „*О силѣ и развитіи раскола въ Саратовской губерніи*“, было 5123 души; въ Саратовѣ (197 верстъ)—3183; въ Камышинѣ (376 верстъ)—261 и въ Царицынѣ (562 версты)—46²⁾. Что эти цифры далеко не соотвѣтствуютъ дѣйствительности—едва ли можно сомнѣваться; но нѣтъ никакого основанія отрицать ихъ относительное и—главное—пропорціональное несоотвѣтствіе: пусть невѣрно считаны раскольничьи души въ Царицынѣ, но почему же думать, что еще болѣе невѣрно считаны онѣ въ Вольскѣ или Саратовѣ? Такова была цѣпь счастливо сложившихся для раскола обстоя-

¹⁾ Ниж. сем. библ., № 3774, 192, 248; см. „Прав. Собес.“ 1857, III, 579.

²⁾ Библ. А. А. Татова, рук. П. И. Мельникова, № 2302; см. Шапова, Рус. раск. старообр., 271. Добротворскій, на основаніи „Сборника“ пресв. Іакова (л. 25), указываетъ другія, вѣскольکو меньшія цифры. („Пр. Сѣб.“, 1857, III, 571); вѣроятно, онѣ относятся къ болѣе раннему времени.

тельствъ и умно придуманныхъ способовъ пользоваться ими. Результатъ получился, какъ и должно быть, весьма прискорбный для православія. „Изъ числа старожиловъ Заволжья“,—говоритъ новозузенскій протоіерей Целебровскій,—„большинство раскольники, даже изъ числа малороссовъ и крещеной мордвы; уцѣлѣвшіе же въ православіи всѣ молятся двуперстно и склонны къ расколу“¹⁾. Открытіе въ монастыряхъ часовенъ, а потомъ и полныхъ церквей, подѣйствовало возбуждительно на заволжскихъ раскольниковъ; несмотря на близость иргизскихъ святынь, они торопливо начали обзаводиться часовнями и молитвенными домами. Къ концу XVIII столѣтія возникли часовни въ Криволучьи, Мечетной, Каменкѣ, Острой Лукѣ; въ 1790 году построена обширная часовня въ Теликовѣ; кромѣ того не мало крестьянскихъ избъ по другимъ селамъ Заволжья было обращено въ модельни²⁾. Замѣчательно то обстоятельство, что возникновеніе часовенъ въ перечисленныхъ селахъ, въ виду ихъ близости къ монастырямъ, нельзя приписывать необходимости: это была роскошь, недоступная для православныхъ сосѣдей и объясняемая или чрезвычайнымъ подъемомъ въ мѣстныхъ раскольникахъ религіознаго чувства, или слишкомъ уже легкимъ разрѣшеніемъ подобныхъ построекъ со стороны администраціи и дешевизной работъ. Какъ бы то ни было, но православныхъ церквей и молитвенныхъ домовъ за этотъ же промежутокъ времени возникло гораздо меньше.

Развиваясь въ Заволжья, расколъ дѣлалъ большіе успѣхи и въ уѣздахъ вольскомъ и хвалынскомъ. Вольскъ, названный этимъ именемъ въ 1782 году изъ Малыковки, населенъ былъ по преимуществу бѣглыми изъ разныхъ мѣстъ, частью же изъ ближайшихъ селеній—Воскресенскаго и другихъ. Въ числѣ такихъ бѣглецовъ еще до открытія города были раскольники Михаилъ Волковойновъ, Михаилъ Ананьевъ и вдова Балбашиха, явившіеся сюда изъ нижегородской губерніи. Съ нихъ собственно и начался въ Вольскѣ расколъ. На своихъ хуторахъ они принимали и укрывали бѣглыхъ раскольниковъ въ большомъ количествѣ,—случалось человекъ по 50 въ разъ. Эти бѣглые, разумѣется, тщательно скрывали свои настоящія имена и назывались обыкновенно Иванами, причемъ умершіе замѣнялись такими же „слѣпенькими“ скитальцами „за имя

¹⁾ Сар. сем. библ., № 2662, 301.

²⁾ Архивъ сар. консисторіи, 1836, № 697, 189—191.

Христово⁴. Выждавъ какой-нибудь „милостивый манифест“, всѣ эти бродяги являлись къ начальству въ Вольскъ и приписывались, подъ именемъ выходцевъ изъ-за границы, въ мѣщане или крестьяне. Мѣсто ихъ на хуторахъ занимали тотчасъ же другіе, также боявшіеся кары закона за разные грѣхи и грѣшки. Старая вѣра оказывалась въ подобныхъ случаяхъ дѣйствительно „спасительной“. Съ конца 80-хъ годовъ трое первоначальныхъ распространителей раскола по Вольску должны были уступить мѣсто П. М. Злобиной. Дочь Волковойнова и жена В. А. Злобина, звѣзда котораго въ это время все выше и выше всходила на горизонтѣ, она соединяла въ своемъ лицѣ всѣ необходимыя условія для того, чтобы сослужить расколу вѣрную службу. Въ добромъ желаніи у нея недостатка не было, возможность осуществить его—полная: это было время, когда можно было купить любого, не только провинціального, но даже и столичнаго администратора, а денегъ у Злобина было слишкомъ даже много. П. М. Злобина всей душой отдалась расколу, который въ ея представленіи тѣсно связывался съ Иргизомъ. Черезъ ея руки лились въ монастыри деньги, черезъ ея посредство и вліяніе получались тамъ всѣ нужныя административныя разрѣшенія, послабленія и льготы. Она благоговѣла предъ Иргизомъ, Иргизъ—благоговѣлъ предъ нею. Въ знакъ особаго уваженія, для нея на Иргизѣ сшили полотняную церковь и, назвавъ ее походной, привезли въ Вольскъ. Но на первый разъ эта походная церковь, въ ожиданіи лучшихъ дней, помѣщена была въ жалкой землянкѣ, гдѣ и отправлялась служба. Ждать, впрочемъ, пришлось не долго: Аваньевъ съ Иваномъ Вавиловымъ Расторгуевымъ построили деревянную церковь и въ нее, около 1793 года, перенесли изъ землянки полотняную походную. Священники изъ нижняго Воскресенскаго монастыря освятили новопостроенный храмъ и въ немъ открылось почти явное богослуженіе¹⁾. Изъ Вольска расколъ быстро распространился и по окрестностямъ. Иванъ Серебряковъ и Савва Матвѣевъ, бѣглые крестьяне изъ Сибири, вмѣстѣ съ выходцомъ изъ нижегородской губерніи, Герасимомъ Красновымъ, занесли его въ село Черкасское. Здѣсь расколъ привился легко и быстро: „Черкасское сдѣлалось главнымъ гнѣздилищемъ всѣхъ возможныхъ сектъ,

¹⁾ Наж. сем. библ., № 3774, 243, 191—193.

хотя первенство принадлежит поповщинѣ, и всѣхъ возможныхъ пороковъ“. Дѣла здѣшнія открыли для раскольниковъ свои пристанища, въ которыхъ селились разные начетчики и начетчицы; одна за другой возникали кельи, строились цѣлыя скиты разныхъ толковъ и согласій. И люди шли сюда. Въ уединенныхъ кельяхъ велись оживленныя бесѣды и споры о древнемъ благочестіи, искорченномъ и поруганномъ патріарховъ Никономъ; происходили многопоклонныя моленія; слышалось монотонное гнѣие; раздавались толки о духовномъ воцареніи антихриста во всемъ мірѣ. Въ промежутокъ между этими благочестивыми занятіями по кельямъ творилось много: работали фабриканты фальшивыхъ денегъ, какъ ассигнаціи, такъ и звонкую монету; трудились искусные переписчики и даже писатели, иконописцы, литейщики образовъ и переплетчики; укрывались бѣгле священники; принималось на сохраненіе краденое¹⁾. Черкасское скоро сдѣлалось прочнымъ базисомъ раскольниковей пропаганды въ вольскомъ уѣздѣ; отсюда расколъ перешелъ въ деревню Горячку и другія смежныя и даже довольно отдаленныя селенія.

Не менѣе соблазнительнымъ показалось открытіе часовенъ въ Иргизскихъ монастыряхъ и раскольниковъ хвалынскаго уѣзда: въ 1765 году они выстроили молельный домъ въ Сосновой Мазѣ; около 1780 года—въ Ершовкѣ и Апалихѣ; нѣсколько позже—въ Селитьбѣ и Елшанкѣ. Кромѣ этихъ официальныхъ молельныхъ домовъ, построеніе которыхъ производилось цѣлыми сельскими обществами, появилось не мало частныхъ молеленъ въ крестьянскихъ избахъ²⁾. Въ самый городъ, въ села Сосновую Мазу и Апалиху командированы были Иргизомъ исправные священники, которые отсюда разъѣзжали съ требами по всѣму уѣзду. Совращеніе въ расколъ трехъ православныхъ священниковъ—Афанасія Иванова и Теодора Михайлова въ Сосновой Мазѣ и Михаила Петрова въ Апалихѣ—дало сильный толчекъ развитію раскола; не мало православныхъ потянулось за своими пастырями въ лоно старообрядчества³⁾. Изъ наиболѣе крупныхъ пропагандистовъ, кромѣ безъ устали сновавшихъ вездѣ и впередъ по уѣзду иргизскихъ старцевъ и старицъ, можно указать за это время на разбогатѣвшихъ крестьянъ Сосновой Мазы, братьевъ

¹⁾ Имп. Публ. библ., № 515. (Отчетъ гр. Стеньбока).

²⁾ Арх. сар. консиств., 1886, № 697, 187.

³⁾ Ниж. сем. библ., № 8774, 210.

Кузьмичевыхъ или Михайловыхъ. Перейдя въ купцы, эти ревностные послѣдователи старообрядчества поселились въ Хвалынский и скоро стали во главѣ хвалынскаго раскольниковяго общества. Сфера вліянія братьевъ Кузьмичевыхъ, которые не щадили средствъ для поддержанія и распространенія раскола, охватывала не только хвалынской уѣздъ, но распространялась даже и на Заволжье¹⁾.

Иргизскія обитатели съ самого возникновенія своего стояли въ постоянномъ и дѣятельномъ сношеніи съ донскими казаками. Эти сношенія особенно усилились со времени развитія силы монастырей: иргизскіе миссіонеры очень часто путешествовали съ Иргиза на Донъ и обратно; промежуточными станціями, на которыхъ они останавливались для отдыха, были обыкновенно Камышинъ и Дубовка. Время остановокъ тратилось, разумѣется, не даромъ. Къ сожалѣнію, нельзя сказать ничего опредѣленнаго о развитіи раскола въ Камышинѣ, кромѣ того, что онъ сталъ распространяться съ этого именно времени²⁾. Отсутствіе свѣдѣній по этому предмету прот. Терновскій объясняетъ тѣмъ, что „камышинскіе раскольники недавно только (писано въ 1840 году) стали показываться въ вѣдомостяхъ о раскольникахъ, а раньше, по незлобію пастырей, писались православными“³⁾. Относительно Дубовки мы имѣемъ нѣсколько болѣе подробныя свѣдѣнія. За время съ 1800 по 1810 годъ, судя по исповѣднымъ вѣдомостямъ и метрическимъ книгамъ дубовскихъ церквей, раскольниковъ поповцевъ числилось до 627 душъ⁴⁾; самъ собою напрашивается выводъ отсюда, что ихъ и раньше 1800 года было въ Дубовкѣ не мало, особенно въ сравненіи съ общимъ количествомъ жителей посада, подтверждающійся и тѣмъ обстоятельствомъ, что уже въ 1787 году, съ дозволенія царицынскаго земскаго исправника, основаннаго на предписаніи правителя саратовскаго намѣстничества, Черткова, раскольниками была выстроена на дворовомъ мѣстѣ купца Афанасія Максимовича Рѣпникова, въ срединахъ 69 планнаго квартала, на косогорѣ, спускаясь къ рѣчкѣ Дубовкѣ, довольно обширная часовня. Не болѣе 50 шаговъ разстоянія отлѣляло ее отъ православнаго храма, водвигнутаго, какъ мы уже знаемъ, атаманомъ Персидскимъ⁵⁾.

1) Отчетъ гр. Стенбока.

2) Имв. Публ. библ., N 527.

3) Сар. сем. библ., № 2662, 192.

4) „Сар. епарх. Вѣдом.“ 1864, № 22.

5) Архивъ сар. губерн. правленія. Связ. 85, № 1097, 5; связ. 174, № 392, 24. Сар. сем. библ., № 2663, 40.

Промежуточной станціей на пути отъ Саратова къ Камышину было село Золотое: расколъ засѣлъ здѣсь довольно прочно, ибо почва для него подготовлена была самымъ заселеніемъ этой мѣстности разными выходцами изъ-за польской границы. Въ послѣднюю четверть прошлаго столѣтія въ окружающихъ Золотое лѣсныхъ грущобахъ и буеракахъ образовались одинъ за другимъ нѣсколько раскольничьихъ скитовъ, изъ которыхъ главныхъ было три: 1) Морозовскій, находившійся недалеко отъ деревни Морозовой, въ буеракѣ; 2) Прякинскій—около деревни Прякиной; 3) Миловскій—въ буеракѣ этого же названія. Первый былъ мужской; остальные—женскіе. Преданіе о скитахъ этихъ сохранилось довольно смутное. Что касается Морозовскаго, то помнятъ только объ огонькахъ, которые въ концѣ прошлаго вѣка мелькали изрѣдка, ночью порой, во дверяхъ одной келійки, устроенной трудолюбивымъ 3—4 обитавшихъ въ ней старцевъ подъ вѣтвистыми корнями огромнаго дерева. Отъ Прякинскаго осталось воспоминаніе объ одной Фимушкѣ блаженной, которая ежедневно выходила по ночамъ на одинъ курганъ, извѣстный теперь подъ именемъ Фимушкина, и пѣла немолчно своимъ прекраснымъ голосомъ разныя божественныя пѣсни до восхода солнца, скрываясь на день въ свое немногимъ извѣстное жилище. Гораздо большей извѣстностью пользовался Миловскій женскій скитъ. Не представляя собой ничего особеннаго по внѣшнему виду,—это было 17—20 вырытыхъ въ землѣ келій съ 40—50 обитательницами,—онъ тѣмъ не менѣе торжественностью не рѣдко отправлявшихся въ немъ бѣглыми попами службъ церковныхъ и внѣшней строгостью скитской жизни привлекалъ съ себѣ милости довольнаго числа ревнигелей и христіанцевъ. Эта извѣстность была, впрочемъ, и причиной скорой гибели скита: слухи о немъ дошли до властей, молва о богатствѣ соблазняла ютившійся по окрестностямъ Золотога гулящій людъ. Миловскій скитъ стали тѣснить разомъ съ двухъ сторонъ и монахини вынуждены были разбрестись по разнымъ мѣстамъ, отыскивая болѣе спокойнаго убѣжища¹⁾.

Такъ распространилась поповщина въ приволжскихъ мѣстностяхъ. Но не оставила безъ вниманія пропаганда и другихъ угол-

¹⁾ Лѣтопись золотовской церкви, л. 7. Составлена эта лѣтопись бывшимъ священникомъ села Золотога, В. Г. Еланскимъ.

ковъ Саратовскаго края,—тамъ шла также глухая подземная работа, туда также высылались расколомъ свои миссіонеры. Осязательный результатъ этой работы проглядываетъ въ открытіи часовни въ Беконѣ, сердобскаго уѣзда, состоявшемся въ 1790 году, и въ такомъ же устройствѣ около этого времени часовни въ Аничкинѣ, того же уѣзда¹⁾: часовни не возникали только тамъ, гдѣ насчитывался всего десятокъ—другой раскольниковъ. Къ сожалѣнію, ничего больше нельзя сказать о ходѣ развитія раскола по сердобскому уѣзду, такъ какъ свѣдѣній на этотъ счетъ положительно никакихъ не сохранилось ни въ одномъ изъ бывшихъ у меня подъ руками документовъ.

Нѣсколько больше въ этомъ случаѣ посчастливилось Кузнецку: о немъ извѣстно, что около 1786 года переселилась туда изъ Вольска какая-то старица Евдокія. Это была сухая, сгорбленная старуха, несмотря на упадокъ силъ, довольно трудолюбивая, живая, ласковая и вкрадчивая. Она стояла въ непосредственныхъ сношеніяхъ съ Иргизомъ и имѣла въ рукахъ не мало раскольничьихъ книгъ и рукописей. Была ли она въ Кузнецкѣ прежде и зачѣмъ прибыла теперь—неизвѣстно. Достоверно только то, что старица сначала бѣдствовала, не находя себѣ постояннаго приюта въ городѣ. Наконецъ, возбудила состраданіе къ себѣ въ кузнецкихъ богатыхъ купцахъ Щипановыхъ и поселилась у нихъ на огородѣ въ отдѣльной кельи, какъ разъ въ центрѣ тогдашняго Кузнецка. Эта келья, съ обстановкой вполнѣ раскольничьей, послужила первой закваской раскола въ городѣ. Въ небольшомъ, недавно еще преобразованномъ изъ села Нарышкина, городѣ замѣтно было всякое новое лицо, особенно если оно становилось подъ покровительство богатыхъ и вліятельныхъ людей, въ родѣ Щипановыхъ. Старица, проставая цѣлые часы на молитвѣ и отбивая по лѣстовкѣ сотни земныхъ поклоновъ, скоро прослыла праведной затворницей. Сами патроны ея Щипановы стали гордиться поселившейся у нихъ подвижницей, благоговѣли передъ нею и часто просили ея молить. Быстро разносилась ея слава; чаще и чаще стали приходять къ ней собесѣдницы; изъ ея кельи стали выходить раскольничьи книги и рукописи; по городу пошелъ глухой говоръ о „старой вѣрѣ.“ Почва такимъ образомъ постепенно подготовля-

¹⁾ Арх. сар. конвент., 1836, № 697, 183,

лась для воспринятія раскола. Около этого времени появились въ Кузнецкѣ старцы иргизскихъ монастырей. Какія цѣли вели ихъ сюда—понятно само собой: они, безъ сомнѣнія, знали о дѣятельности Евдокіи и пріѣзжали додѣлывать начатое ею дѣло. До 1800 года ихъ перебывало здѣсь множество; всѣ они встрѣчали радушный пріемъ и уѣзжали съ богатыми приношеніями въ пользу Иргиза. Расколъ крѣпъ и скоро обнаружился во-внѣ. Къ Евдокіи явилась, въ качествѣ ученицы, одна кузнецкая старая дѣва, Параскева Мыльникова, поселилась въ ея кельи и на правахъ „сестры“ стала жить. Вмѣстѣ онѣ сучили восковыя свѣчи, вмѣстѣ приманивали пряниками ребятишекъ и учили ихъ раскольниковымъ молитвамъ. По смерти Евдокіи и, вѣроятно, по ея завѣщанію, тѣло принесли въ храмъ и православный священникъ отпѣвалъ ее, но подъ именемъ Параскевы. Скоро сошла въ могилу и Мыльникова: ее отпѣвали тѣмъ же порядкомъ, только подъ именемъ Евдокіи. Переотпѣваніе обѣихъ, подъ собственными именами, произведено было потомъ, по раскольничьему обряду, заочно, въ Вольскѣ... Старшцы умерли, но дѣло ихъ не умерло. Иргизъ не спускалъ глазъ съ Кузнецка и работалъ изо всѣхъ силъ. Не говорю уже о томъ, что старцы постоянно посѣщали Кузнецкъ, гдѣ по большимъ праздникамъ безпрепятственно славили по домамъ и разносили святую воду и иконы, но многіе изъ города сами стали ѣздить къ нимъ на Иргизъ и, возвращаясь оттуда, рассказывали чудеса о „древнихъ православныхъ монастыряхъ“. У Кузнецка такимъ образомъ завязывались еще болѣе тѣсныя и живыя связи съ центромъ саратовскаго раскола поповщины. Многіе стали приглашать изъ другихъ мѣстъ бѣглыхъ раскольниковыхъ священниковъ и поручали имъ совершеніе духовныхъ требъ. Многіе, по примѣру Евдокіи и Параскевы, переотпѣвали своихъ покойниковъ въ Вольскѣ и ѣздили туда за другими требами¹⁾. Недоставало только одного—рѣшимости явно порвать связи съ церковью. Впослѣдствіи, какъ увидимъ, явилась и эта рѣшимость.

Быстро раздвигая по всѣмъ направленіямъ предѣлы своихъ владѣній, Иргизъ въ первыя 30 лѣтъ своего существованія нашелъ наибольшее по численности количество адептовъ въ Заволжьи, наибольшее по вліянію—въ Вольскѣ. Передъ Вольскомъ долженъ былъ

¹⁾ „Сар. епар. Вѣдом.“, 1870, № 10.

склониться и самъ Саратовъ, который, по мѣткому выраженію гр. Стенбока, „съ самаго начала своего получилъ значеніе Вавилона, сборища всѣхъ возможныхъ пороковъ, языковъ и вѣрованій“; а Саратовъ долго не хотѣлъ уступить никому другому первенствующее положеніе въ ряду поповщинскихъ общинъ края. Раньше, чѣмъ на Иргивѣ, появилась въ Саратовѣ, на дворѣ купца Горина, деревянная часовня,—прот. Чернышевскій относитъ ея возникновеніе къ 1762 году, но раскольники мѣстные утверждаютъ, что она открыта значительно раньше, и такое утвержденіе ничего не имѣетъ противъ себя, тѣмъ болѣе что въ Саратовѣ не было недостатка въ богатыхъ и сильныхъ покровителяхъ раскола,¹⁾—въ которой безпрепятственно отправляли богослуженіе стародубскіе попы. Мѣстные купцы, съ Барановымъ во главѣ, не жалѣли средствъ для поддержанія и распространенія старообрядчества въ самомъ Саратовѣ и въ окрестностяхъ его. Въ 1772 году Барановъ досталъ отъ подлежащихъ властей разрѣшеніе перестроить обветшавшую уже часовню и, въ замѣну ея, построилъ на своемъ дворцовомъ мѣстѣ обширную каменную, съ главами и крестомъ, имѣющую совершенное подобіе православнаго храма²⁾. Около часовни выстроены были деревянные кельи для причта церковнаго; впоследствии тутъ же возникла и богадѣльня для престарѣлыхъ и увѣчныхъ, а самое мѣсто перешло отъ Баранова къ саратовскому раскольничьему обществу. Постройка Барановской часовни, получившей послѣ названіе Покровской, тянулась много лѣтъ и съ большими перерывами, представляя для саратовскихъ властей что-то въ родѣ курицы съ золотыми янцами; возможно, что она затянулась бы и еще больше, если бы не еодѣйствіе В. А. Злобина, который пришелъ на помощь изнемогающимъ строителямъ и далъ имъ возможность безъ помѣхъ окончить дѣло къ 1797 году³⁾. Вліяніе Злобина отразилось на Саратовѣ не въ одномъ только дѣлѣ построенія Барановской часовни: не мало саратовскихъ купцовъ и мѣщанъ, искавшихъ его покровительства,—а кто не искалъ его у этого щедрого богача?—переходило въ расколъ изъ подражанія своему патрону. Его прикащики, впоследствии открывшіе самостоятельную торговлю, почти всѣ шли

¹⁾ Ниж. сем. библ., № 3774, 228.

²⁾ Дѣла Секр. Комит., vol. XVII, стр. 650.

³⁾ Имп. рус. геогр. Общ., рук. пресов. Лакова.

по его стоіагь и становились надежными столпами раскола. Въ Саратовѣ изъ нихъ должно назвать Ситникова, который, нарашигь съ Уфимцевымъ, потомкомъ пугачевского товарища, особенно усердно трудился на пользу раскола. При такихъ условіяхъ, находясь разомъ подъ прикрытіемъ двухъ щитовъ,—иѣстныхъ ревнителей и вольскаго магната,—расколъ естественно долженъ былъ быстро шагать впередъ: возбраненія ему не видно было ни откуда. Къ тому же и благолѣпія, какъ сильно дѣйствовавшаго на чувства толпы, теперь было достаточно: до Иргиза всего какихъ-нибудь двѣсти верстъ, а тамъ бери поповъ, сколько хочешь и когда хочешь. И дѣйствительно, старожилы говорятъ, что въ Варановской часовнѣ богослуженіе совершалось съ нарочитой торжественностью и даже въ средніе праздники—соборне. Было ли это дѣломъ требованія религіознаго чувства или ловко закидываемой удочкой—судить не берусь.

Выше упомянуто было о полемическихъ трудахъ иргизскаго пночества. Разсмотримъ ихъ подробно. Въ 1782 году появилось сочиненіе неизвѣстнаго по имени автора подъ заглавіемъ: *„Церковь, состоящая въ Астраханской епархіи, въ саратовскомъ наместничествѣ, на рѣкѣ Ирризѣ, которая еще находится и въ Стародубскихъ слободахъ, въ которыхъ священники со діаконы благоудную о всемъ мірѣ приносятъ безкровную жертву въ старопечатнымъ книгамъ, есть церковь Христовы православныя“*¹⁾. Копія съ этого сочиненія, написаннаго, судя по языку, чуть ли не Сергіемъ Юршевымъ, до настоящаго времени встрѣчаются нерѣдко у поповцевъ саратовской губерніи, хотя для большинства ихъ, съ появленіемъ австрійскаго священства, оно утратило всякій практическій интересъ и можетъ быть любопытно только съ чисто исторической стороны. Книжка начинается изложеніемъ слѣдующихъ 6-ти обвиненій, взводимыхъ великороссійской церковью на Иргизъ и Стародубье, по которымъ послѣдніе не могутъ быть признаны православными: 1) они не имѣютъ епископовъ;

1) Принадлежащая мнѣ рукопись, in 4°, на 35 л. Писана довольно мелкимъ почеркомъ, повидимому, конца прошлаго или самаго начала текущаго столѣтія. На заглавномъ листѣ помѣтка: „принадлежитъ сыну моему Филиппу Яковлевичу Мякишину съ 1826 года, іюня 5 дня. Саратовскій мѣщанинъ Яковъ Мякишинъ“. Экземпляръ болѣе исправный, сравнительно съ хранящимся въ Хлудовской библіотекѣ, № 294; но послѣднихъ листовъ недостаетъ.

2) построены без благословенія архіерейскаго; 3) не покоряются церкви грекороссійской; 4) принимаютъ бѣглыхъ поповъ; 5) отдѣляются безъ достаточныхъ причинъ отъ великороссійской церкви, и 6) хотятъ оправдать свое самоволіе мотивами, не имѣющими основанія ни въ св. писаніи, ни въ св. преданіи. Перечисливъ эти шесть пунктовъ обвиненія, авторъ начинаетъ опровергать ихъ одинъ за другимъ. Противъ перваго онъ возражаетъ, что апостольскія правила вовсе не требуютъ, чтобы при каждой церкви въ имперіи былъ свой епископъ; этого нѣтъ и въ церкви великороссійской. Правда, въ послѣдней всѣ церкви подчинены епископамъ, а потому имѣютъ на себѣ и дѣйствіе и благословеніе епископское, тогда какъ церкви на Ирғизѣ и въ Стародубьи не подчиняются ни одному епископу; но тутъ невольно возникаетъ вопросъ: во всемъ ли и всегда ли церкви и вѣрующіе должны подчиняться своимъ епископамъ? Для случая чрезвычайнаго, — при появленіи ересей, напр., среди этихъ высшихъ членовъ клира, — не должна ли быть исключена изъ этого налагаемая святыми правилами обязанность подчиняться имъ? Кроме утвердительнаго, другого отвѣта на этотъ вопросъ дать нельзя. Поэтому безусловно правъ былъ „начальникъ сего святаго раздѣленія, пресвященный и приснопамятный отецъ нашъ Павелъ, епископъ воломенскій“, когда „усмотрѣвъ начальника своего, невѣжду Никона патріарха, самонѣвіе и новшества вносящаго, правильное противленіе за отеческое св. преданіе учинилъ“. Получивъ отъ него, какъ отъ главы своего, благословеніе Божіе, благочестивые священно-иноки и священники удалились за предѣлы государства русскаго, приносили тамъ богоугодную о всемъ мірѣ жертву и, по даяной имъ отъ Бога и пастыря ихъ власти, принимали къ себѣ въ общеніе приходящихъ священниковъ и престолюдиновъ. Подобно сему и теперь истинная вѣра Христова состоитъ въ двухъ чинахъ, „каковая отъ лѣтъ апостольскихъ была“, и церковь епископская преимуществуетъ только честию, а не святостью, ибо священники имѣютъ священство совершенное и равное съ епископами, за исключеніемъ права хиротоніи, и приношеніе священническое не только не отличается ничѣмъ отъ епископскаго, но даже и отъ апостольскаго. Такимъ образомъ, очевидно, „и не имѣя въ себѣ лицемъ епископа, и ни одному изъ нынѣшнихъ не покоряясь, церковь можетъ оставаться церковью Христовой православною“.

Противъ второго обвиненія авторъ возражаетъ, что всё приводимыя въ подкрѣпленіе его церковныя правила имѣютъ не тотъ смыслъ, какой имъ приписываютъ: надзоръ за сооруженіемъ церквей и монастырей предоставляется епископамъ съ единственной цѣлью, — чтобы сооруженія подобнаго рода не предпринимались по нечистымъ расчетамъ корысти и честолюбія или по внушеніямъ суевѣрія, чтобы за дѣло брались только люди съ достаточными средствами, способные довести до конца разъ начатую постройку. Что исключительно въ этихъ видахъ созиданіе церквей и монастырей передается церковными правилами въ вѣдѣніе епископа, видно изъ правилъ перво-второго вселенскаго собора, которыми и самому епископу воспрещается сооружать особые монастыри на истощеніе и разореніе епархіи своей. Церковь же иргизская и стародубская свободна отъ такихъ пороковъ и соблазновъ: такъ, первая, „имѣя въ себѣ положеніе мученическихъ мощей, построена изрядно, украшена довольно, служители снабжена довольно, служба совершается по книгамъ, по нимъ же вся св. чудотворцы служивша и Богу угодиша.“ Кромѣ того она и освящена по уставу вселенской церкви: „благословеніемъ преосв. Павла епископа, которое его пастырское благословеніе и поныиѣ другопріемнѣ благочестивые священно-иноки и священники имѣютъ.“

Самымъ существеннымъ обвиненіемъ автору представляется третій пунктъ и потому на опроверженіе его онъ отводитъ гораздо больше мѣста, чѣмъ на оба предыдущіе. Принимая и „любязая“ слова Спасителя о преслушающемъ церковь, равно какъ и правило Антиохійскаго собора, по которому всякій отдѣляющійся отъ епископа своего и безъ воли его создавшій иную церковь, послѣ троекратнаго увѣщанія, извергается, — авторъ находитъ, что все это примѣнимо только къ тѣмъ, которые безъ всякихъ причинъ отступаютъ отъ своего епископа. При наличности же таковыхъ причинъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда епископъ не по преданію св. отецъ мудрствуетъ, по указанію тѣхъ же правилъ, подобаетъ всячески отлучаться отъ погрѣшающихъ „и даже до крови стати.“ О возвращеніи къ такому епископу, о восстановленіи общенія съ нимъ не можетъ быть и рѣчи, хотя бы онъ присылалъ не три, а больше увѣщаній; тѣмъ болѣе невозможно это въ отношеніи настырей великороссійской церкви, „увѣщаніе и позываніе которыхъ, еще и словесы,

и писаніемъ творимое, есть недовольно сихъ ради винъ: 1) понеже не духомъ евангельской кротости, но папскія гордости; 2) не аки сильныхъ и немощи немощныхъ носити могущихъ, но аки власть мучительства и мущихъ; 3) не яснымъ доказательствомъ и добродетельнымъ послѣдованіемъ, но силою, страхомъ и равами принуждающихъ; 4) нововнесенныя же вещи не закономъ и правиломъ, но властію утверждающихъ, и 5) вещи, которыя содержимъ по преданію св. отецъ, страшными клятвами и срамными словеса облагающихъ." Не перечисляю здѣсь всѣхъ приводимыхъ „срамныхъ словесъ“, заботливо выбираемыхъ авторомъ изъ „Соборнаго свѣтла“, „Розыска“, „Успѣта“, „Обличенія“ и т. п.: они съ давнихъ поръ обращены были въ укоръ православію и потому перечень ихъ новаго ничего не представляетъ. Перебравъ немалое количество „хуленій“ на послѣдователей старины, авторъ съ укоривной восклицаетъ: „сицевая ли благоразумныхъ пастырей желательная призыванія?!“. Онъ признаетъ, впрочемъ, что въ послѣднее время появились пастыри дѣйствительно благоразумные, имѣющіе духъ евангельской кротости, что доказывается „Успѣчаніемъ“ Платона, хотя то обстоятельство, что и въ „Успѣчаніи“ перечислены въ началѣ всѣ книги съ хулами, наводитъ на мысль, что и въ немъ „тотъ же скрытъ духъ“... Далѣе, обвиняя старообрядцевъ въ отдѣленіи отъ православной великороссійской церкви, говорятъ обыкновенно, что спасеніе возможно только въ этой послѣдней, ибо къ ней, какъ къ истинной церкви Христовой, относится во всей полнотѣ обѣтованіе Господне о неодоленіи ея всѣми силами ада. Въ отвѣтъ на это авторъ ядовито спрашиваетъ: къ какой собственно, къ греческой или русской, церкви относятся слова Спасителя? Изъ самыхъ словъ Его, какъ они приведены у евангелистовъ, ничего этого не видно и если кто относитъ ихъ къ греческой и русской вмѣстѣ, такъ того можно спросить только, зачѣмъ онъ забываетъ церковь римскую? Если лишать ее права на обѣтованіе Христово за учиненіе ересей, такъ не нужно забывать, что въ этомъ слишкомъ грѣшитъ и церковь греческая, въ которой также въ свое время не мало ересей „произращеніе и пристанище имѣло“. Перечисливъ очень подробно всѣ ереси грековъ, авторъ приходитъ къ тому выводу, что напрасно присвоивать обѣтованіе Христово какой-нибудь мѣстной церкви, — оно имѣетъ отношеніе только къ церкви вообще,

къ церкви истинной, повсемѣстной и дѣйствительно непобѣдимой.

Устранивши, какъ онъ полагаетъ, эти три основныя обвиненія противъ старообрядчества, авторъ уже нѣсколько легче относится къ другимъ тремъ и трактуетъ о нихъ значительно меньше, совершенно резонно ссылаясь на то, что косвенно о нихъ говорилъ раньше, въ первомъ и третьемъ пунктахъ. Въ частности, по вопросу о приемѣ бѣглыхъ поповъ, авторъ замѣчаетъ, что каноническія правила не дозволяютъ принимать только тѣхъ, которые находятся подъ законнымъ запрещеніемъ своего епископа; принимать же бѣжавшихъ для сохраненія вѣры въ чистотѣ и неповрежденности, бѣжавшихъ потому, что гонимы еретиками,—не только не возбраняется, но даже и предписывается. Такое бѣгство нельзя поставить священникамъ въ порокъ и осужденіе: „бѣгаютъ и расхищеніе имѣнія приемлютъ, да безъ отверженія въ себѣ имя Господне соблюдаютъ“. А только такихъ священниковъ и принимаютъ на Иргизѣ: „ежели который священникъ придетъ отъ града или отъ страны незнаема къ намъ, такового принявъ и давъ ему тѣлесную утробу (?), посланъ же бываетъ вѣрный человекъ въ тотъ градъ, идѣже онъ покажетъ прежнее свое пребываніе, да по-подробну испытаетъ по консисторіи, имѣтъ ли какового духовнаго порока за нимъ, не запрещенъ ли онъ отъ своего епископа, не причисленъ ли когда въ тѣлесныхъ поповыхъ недостаткахъ, т. е. въ воровствѣ и т. п. И аще отъ всѣхъ правильныхъ винъ свободенъ, таковой по свидѣтельству духовнаго отца, что онъ не по нуждѣ, не по дару, ниже кѣмъ оболещемъ, но добровольно, съ желаніемъ чистымъ пришелъ служить божественную службу по старопечатнымъ книгамъ, нами не отменяется“. Крещеніе и священство, получаемыя бѣглецами въ великороссійской церкви, признаются при этомъ за истинныя.

Что касается безпричиннаго удаленія старообрядцевъ отъ православной церкви, то авторъ не можетъ согласиться съ этимъ: причина была и притомъ безусловно уважительная. Церковь православная повелѣваетъ отдаляться „отъ всякаго новотворящаго, и измѣняющаго, и своя глаголющаго“, а новшества Никона патріарха и многочисленны, и великоважны...

Таковы возраженія иргизскихъ поповцевъ на доводы православныхъ,—они претенціозны, но далеко не убѣдительны. Гораздо внушительнѣе по объему, солиднѣе по доказательствамъ, изыщитѣе

но языку другое полемическое сочинение иргизскаго происхождения, принадлежащее опытному перу Сергія Юршева и известное подъ именемъ „Разлагольствія старообрядца съ новообрядцемъ“¹⁾). Любопытно предисловіе къ этому сочиненію, свидѣтельствующее о непомѣрномъ авторскомъ самомиѣніи Сергія: „О благочестивые читатели, видя я великія ко мнѣ ваши милости и благодѣянія, которыя праведно требуютъ отъ меня изъявленія величайшей моей вамъ благодарности. Но я, не имѣя столько силъ, чтобы за оныя соразмѣрно васъ возблагодарить, только за долгъ мой почитаю открыть вамъ внутреннюю сердца моего чувствительность съ глубочайшимъ почитаніемъ. Въ засвидѣтельствованіе оной вамъ моей преданности, принимаю смѣлость предложить всѣмъ вамъ сей посильный трудъ моихъ опытъ, который еще въ свѣтъ не видимъ былъ. Того ради принужденнымъ себя нахожу написать и предложить всѣмъ вамъ сіе краткое мое сочиненіе „Разлагольствіе или бесѣдованіе старообрядца съ новообрядцемъ“. Наконецъ, за надобное признаю предупредить васъ, любезные читатели, о томъ, что ежели кто изъ любопытства своего вздумаетъ что-либо въ семъ сочиненіи моемъ сомнѣніе или какую-либо несправедливость, то отдаю всякому на разсмотрѣніе и вѣрную со св. писаніемъ и прочими доказательствами выправку, дабы никто не остался сумнительнымъ. Въ такомъ случаѣ стремится мысль моя къ благому сему трудъ моихъ намѣренію, чтобы могъ я отдать честь за воспитаніе мое своему отечеству, и издаю во весь свѣтъ сіе мое сочиненіе, дабы могъ всякъ человѣкъ смотрѣть, какіе то есть старообрядцы и новообрядцы, и въ чемъ какое между собой имѣютъ разгласіе, и за что и за какія сомнительности старообрядцы отдѣляютъ себя отъ великороссійской церкви, то можетъ всякъ здѣсь видѣть происшедшій разговоръ съ обѣихъ сторонъ точными словами старообрядца и новообрядца“. Само „Разлагольствіе“ представляетъ собой діалогъ, въ которомъ новообрядецъ только подаетъ реплики, рѣчи же ведетъ старообрядецъ. Это не серьезный споръ двухъ равныхъ соперниковъ, а скорѣе бесѣда ученика съ учителемъ, который очень снисходительно и очень

¹⁾ Бр. Св. Кр., № 508. Написано это сочиненіе въ 1782 или 1783 году: по словамъ біографа Сергія, А. Я., на вольскомъ собраніи старообрядцевъ, Прохоръ Калмыковъ „громко началъ читать „Разлагольствіе старообрядца съ новообрядцемъ“, писанное строителемъ назадъ тому лѣтъ съ четырнадцать“ (И. П. 6., Q, I, № 742, л. 21). Собраніе вольское происходило 22 октября 1796 года, а цитируемая рукопись А. Я. составлена въ 1797 году. Прим. авт.

обстоятельно разъясняет ему недоумѣнія, поучаетъ его, дѣлая при этомъ видъ, будто спорить съ нимъ: до такой степени слабы возраженія новообрядца, такъ легко сдается онъ на убѣжденія собесѣдника. „Разглаголствіе“ начинается разъясненіемъ вопроса о томъ, что такое старообрядчество и новообрядчество: по опредѣленію Сергія, старообрядцами должно признать тѣхъ, которые безпорочно соблюдаютъ святую древне-греческую вѣру, всѣ чины, уставы и церковныя церемоніи, принятыя княземъ Владиміромъ отъ грековъ. На вопросъ собесѣдника объ имѣніяхъ, внесенныхъ російскою церковью, Сергій перечисляетъ ему разныя новшества ея, начиная съ имени Исусова и троеперстія и оканчивая хулой и порицаніемъ на отцовъ Стоглаваго собора. Новообрядцу всѣ эти имѣненія кажутся сомнительными; если же даже признать ихъ несомнѣнными, то они не важны и „ко спасенію не противны“, а потому и отдѣленіе старообрядцевъ является только напраснымъ раздираніемъ греко-россійской церкви; въ подтвержденіе онъ ссылается на „Соборный свитокъ“, „Розыскъ“, „Обличеніе“, „Скрижалъ“, „Увѣтъ“ и т. п. Сергій находитъ ссылки своего собесѣдника неумѣстными, ибо „невѣдомые и весьма сумнительные учителя“ не въ состояніи защищать, несмотря на все стараніе, ложь противъ истины, подтверждаемой такими достовѣрными свидѣтелями, каковы старопечатныя и харатейныя московскія, сербскія и валашскія книги, чудотворныя иконы русскою и греческою кисти и другіе памятники религіознаго искусства. Убѣжденный массою свидѣтельствъ подобнаго рода, — Сергій приводитъ ихъ 113, — собесѣдникъ соглашается, что старообрядцы содержатъ подлинно православную вѣру, но все же сомнѣвается въ ихъ правотѣ, въ виду того, что имъ недостаетъ епископовъ: „хотя ваша церковь и совсѣмъ права, да безглавна, понеже главы у себя не имѣетъ“, говоритъ онъ. Къ опроверженію этого возраженія Сергій идетъ кружнымъ путемъ: начинаетъ рѣчь не о безглавіи старообрядцевъ, а о погрѣшностяхъ великороссійской церкви. Главныхъ погрѣшностей онъ насчитываетъ въ ней 10; для знакомства же съ менѣе важными „омыслительностями“ отсылаетъ собесѣдника къ керженскимъ отвѣтамъ Питириму, изъ которыхъ и самъ черпаетъ безъ стѣсненія. Обличая великороссійскую церковь въ новшествахъ, Сергій не забываетъ намекнуть и о неправославіи грековъ послѣ Флорентійскаго собора: „съ того време-

ни мало по малу, а особливо нынѣ, и совсѣмъ едва правовѣріе всѣ греки имѣютъ, и то развѣ въ исповѣданіи устъ, только называютъ себя христіанами, по свидѣтельству старца Арсенія Суханова“. Пользуясь „*Проскинитаріемъ*“ Суханова, онъ подбираетъ не мало доказательствъ если не полнаго еретичества, то во всякомъ случаѣ не малой сомнительности грековъ въ религиозномъ отношеніи.

Разъ заговоривъ о новшествахъ, Сергій естественно долженъ былъ перейти и къ виновнику ихъ—Никону. Такъ онъ и сдѣлалъ, причемъ не поскупился въ выборѣ бранныхъ эпитетовъ: Никонъ—жалкій самолюбецъ, грубый невѣжда, мучитель, хищникъ, ругатель святыни и т. п. Но, осуждая Никона, авторъ не хвалитъ и судій его, восточныхъ патріарховъ: это торговцы убѣжденіями, нищіе, безпрестольные бродяги, сужденія и толкованія которыхъ нельзя охарактеризовать лучше Никона, обозвавшаго ихъ „басни, бляди и суета.“ И эти то люди, служащіе по еретическимъ книгамъ, печатаннымъ въ нѣмцахъ, въ Венеціи, зараженные папешской ересью, вздумали исправлять церковно-богослужебныя книги російскаго православія!... Обрисовавъ такими непривлекательными красками вводителѣй новшествъ въ Россіи, авторъ переходитъ къ разсмотрѣнію свидѣтельствъ, приводимыхъ православными въ оправданіе и подкрѣпленіе ихъ нововведеній. Всѣ эти свидѣтельства,—рука Андрея Первозваннаго, Θεогностовъ требникъ, Софроніевы листы, Дѣяніе на еретика Мартина и рука Камненосова,—онъ подробно опровергаетъ, опираясь исключительно на братьевъ Денисовыхъ, и считаетъ вымышленными послѣ Московскаго собора 1666 года. Самый соборъ этотъ представляется ему весьма „сомнительнымъ“, такъ какъ онъ безъ надлежащаго разсужденія утвердилъ вещи неподобныя, а отношеніе къ нему великороссійской церкви—подозрительнымъ, ибо она пренебрегаетъ его постановленіями, несмотря на утвержденіе ихъ страшной клятвой. Такъ отмѣнено однократное освященіе воды на богоявленіе, опять введенъ въ употребленіе бѣлый клубукъ, оставлена „волшебная“ молитва Трифона, введено зеркало въ алтарь и мн. т. под., вопреки утвержденнымъ клятвой опредѣленіямъ собора. Такое непостоянство великороссійской церкви ставитъ въ положительное недоумѣніе, чему вѣрить и чему слѣдовать. Самая неустойчивость нововведеній не внушаетъ къ нимъ довѣрія,—кромѣ старопечатныхъ книгъ ничего не остается:

„ониъ суть невазорны и вѣроятію безъ всякаго сомнѣнія достояни“, ибо оставлены намъ пастырями російскими, святыми по жизни и по ученію.

Итакъ, на Востоцѣ православіе испразднися со дней Флорентійскаго собора, въ Россіи—со дней Никона; ни тамъ, ни здѣсь нѣтъ православныхъ епископовъ. Старообрядцы искренно желаютъ и у Господа усердно просятъ, „да православные епископы будутъ до скончаія вѣка и иже отъ православія сведошася, да паки на оное направятся;“ но будетъ ли это когда—неизвѣстно. Правда, въ св. писаніи говорится о вѣчности іерархіи, но въ немъ же и многому другому предсказывается вѣчное существованіе, что послѣ судьбами Божиими было обращено въ небытіе; поэтому вопросъ о вѣчности епископства должно оставить на произволеніе Божіе, а не рѣшать его утвердительно въ ту или другую сторону.

Авторъ заставляеть своего собесѣдника быть довольнымъ этимъ „яснымъ (?) отъ св. писанія доказательствомъ“ и влагаетъ затѣмъ въ его уста вопросъ о бѣглыхъ полахъ: можно ли считать ихъ православными въ виду ихъ бѣгства отъ своихъ пастырей безъ благословенія? Отвѣтъ слѣдуетъ утвердительный: священники бѣгутъ отъ великоросійской церкви не грѣховнаго ради извѣта, но изъ-за новшествъ этой церкви, не сами собой, но по свято-апостольскимъ и свято-отеческимъ правиламъ,—не епископомъ, а лже-епископомъ и лже-учителемъ зазрѣша и не раздоромъ церковное соединеніе оскѣпша, но отъ раздиранія и раздѣленія церковнаго потщашеся избавити“. Такіе священники не только по церковнымъ правиламъ не подлежатъ запрещенію, но и сугубой чести достойны. Не разъ случалось, что въ гонительныя времена, во дни ересей, священники, въ послѣдствіи прославившіеся своей святостью, оставляли своихъ епископовъ, хотя и неосужденныхъ соборомъ, но зараженныхъ ядомъ самосмысленности еретической, и, поселившись на новыхъ мѣстахъ, строили новыя церкви и безъ благословенія епископа ихъ освящали. Но не то ли же самое повторяется теперъ со старообрядцами? А посему, въ виду соборныхъ постановленій и многочисленныхъ примѣровъ исторіи, правы и святы уклонившіеся отъ никоніанства священники, правы старообрядцы, отдѣлившіеся отъ господствующей церкви соблазна ради, святы храмы, воздвигнутые ими и освященные безъ благословенія епископа: они имѣютъ положеніе мучени-

ческихъ мощей, построены изрядно, украшены довольно... (дальнѣйшія похвалы старообрядческимъ храмамъ буквально сходны съ тѣмъ, что мы видѣли въ возраженіи иргизскихъ поповцевъ на доводы православныхъ), а „того ради и суть наша церковь святая, соборная и апостольская“.

Убѣжденный всѣми этими доказательствами, новообрядецъ соглашается, что, пожалуй, и дѣйствительно старообрядческая церковь есть церковь святая, соборная и апостольская, но его не перестаетъ смущать мысль о безглавіи ея. Послѣ Павла коломенскаго прошло болѣе ста лѣтъ; гдѣ же все это время была глава старообрядческой церкви, гдѣ было епископское управление? „Когда церковь безъ епископа, то и безглавная, а когда безглавная, то и спасеніе въ ней безызвѣстное“; вотъ почему онъ проситъ рѣшительнаго отвѣта на этотъ вопросъ, который—напоминаетъ онъ—ставится уже въ третій разъ. Отвѣтъ Сергія очень замысловатъ. О святости, истинности церкви—говорить онъ—нельзя судить на основаніи одного признака существованія въ ней главы: у католиковъ такая глава есть въ лицѣ папы, но отсюда не слѣдуетъ еще, что римская церковь—есть церковь истинная. Есть главы, въ смыслѣ епископовъ, и у другихъ еретиковъ, но отъ этого еретики не перестаютъ быть еретиками. Не имѣя главы видимой, церковь старообрядческая имѣетъ у себя главу невидимую, самого Иисуса Христа, который всѣхъ единый пастырь и единая глава, по слову св. апостола Павла. Эта глава, больше которой излишне искать, проявляетъ себя въ церкви „подъ видомъ хлѣба и вина“. Разъяснивъ такимъ образомъ вопросъ о главѣ церкви старообрядческой, авторъ разъясняетъ своему собесѣднику и другой „сумнительный вопросъ“ о томъ, какимъ образомъ „старообрядческіе священники отъ самого епископа Павла коломенскаго другопріемнѣ имѣютъ и доднесъ благословеніе:“ оно получено первыми ветковскими бѣглецами чрезъ священно-инока Θεодосія, котораго Павелъ благословилъ скрыться, „видѣже Богъ своими судьбами его наставить.“ Θεодосій принялъ Александра и Игнатія; Александръ же—Іова, который поставилъ на Веткѣ первую церковь и около нея монастырь, и т. д.

Третье изъ указанныхъ выше полемическихъ сочиненій иргизскаго происхожденія носить слѣдующее довольно длинное заглавіе: „Преддверіе православнымъ читателямъ и слышателямъ, при старо-

обрядчествъ нагодящимся, и прочим желающим о семъ отдасть; изданное отъ лица святой соборной и апостольской церкви, на-ходившися на Ирмъ, писанное въ 1792 году именовъ Феобилан-томъ, чего ради мы, старообрядцы, сыны Росогъ и церкви, въ ново-преданіяхъ ея не согласуемъ и каже ея такъ изъ епостольскимъ и соборнымъ правиламъ и свято-отеческому церковному преданію сопротивленіе¹⁾. Сочиненіе это, писанное, кажется, однимъ лицомъ съ авторомъ хлудовскаго жизнеописанія Сергія, содержитъ въ шести статьяхъ „правильныя доказательства съ обличеніемъ на глаголю-щихъ, яко нынѣ російская церковь правиламъ св. апостоловъ и св. отецъ повинуется, а не сопротивляется.“ Въ православной церкви авторъ видитъ слѣдующія погрѣшности: 1) символъ вѣры заповѣдуетъ едино крещеніе, — треногужательное, съ призваніемъ святой Троицы, — а російская церковь безъ всякой нужды приня-маетъ за равное съ нимъ крещеніе поливательное и кронительное. 2) Правила апостольскія (46, 47, 49, 50), 1-го вселенскаго собора (19), 2-го вселенскаго (7) и лаодикійскаго (8) повелѣваютъ прекре-щивать еретиковъ перваго чина; російская церковь не исполняетъ этихъ правилъ и не повторяетъ крещенія надъ лютеранами, кальвини-стами, католиками и армянами. 3) Апостольскія правила (10, 45, 65) и соборныя (лаодикійскаго—6, 10, 31, 33, карфагенскаго—30 и 6-го вселенскаго—72) запрещаютъ общеніе съ еретиками въ молитвѣ и бракѣ; російская церковь не исполняетъ и этого, допуская обще-ніе съ указанными еретиками. Апостольское правило (69) извергаетъ епископовъ и пресвитеровъ, не хранящихъ святыхъ постовъ; рос-сійская церковь не соблюдаетъ этого правила и даже допускаетъ безъ разсмотрѣнія ядущихъ по постамаъ мясо къ святому причащенію. 5) Апостольское правило (29) и 7-го вселенскаго собора (19) запрещаютъ поставлять епископовъ на мздѣ; въ російской же церкви едва ли можно найти хотя одного епископа, не на мздѣ поставленнаго. 6) Двоеперстіе, засвидѣтельствованное апостолами и св. учителями восточной церкви, безраздорно содержимое до лѣтъ Никона всею Россією и никѣмъ отъ святыхъ незазрѣнное, отмѣнено російской церковью, „поречено страшными клятвами и гажденіями“ и клятвы эти утверждены „быть крѣпче камня, огня и желѣза и ни отъ кого не разрѣшима“. Находя таковыя вины російской

1) Бр. Св. Кр., № 513, 51—80.

церкви „великоважными и омыслительными“, авторъ говоритъ: „не втуне мы или гордости ради невохвальныя отлучаемся россійской церкви сообщенія, но боящися запрещенія апостольскихъ и соборныхъ правилъ и за несохраненіе свято-отеческихъ преданій клятвы и отлученія“. Вслѣдъ за этимъ идетъ „уѣщаніе“ пребыть въ вѣрѣ отцовъ и блюстись нововводныхъ преданій, причемъ вспоминается „повѣсть страдальческая, кровью украшенная“, о первыхъ дняхъ раскола; перечислены страдавшіе за вѣру,—Павелъ коломенскій, Аввакумъ юрьевскій, Логинъ муромскій и многіе другіе,—и святыя, прославленные неглѣніемъ, въ родѣ священно-инока Софронія керженскаго. Далѣе авторъ обращается къ дьяконовцамъ и опровергаетъ ихъ взглядъ на чинъ принятія приходящихъ отъ великороссійской церкви. Кромѣ обычно приводимыхъ церковно-историческихъ примѣровъ и правилъ каноническихъ, онъ опирается на практику, установленную въ этомъ отношеніи въ расколѣ керженскимъ соборомъ подъ предсѣдательствомъ Діонисія Шуйскаго. „Преддверіе“ заканчивается слѣдующимъ обращеніемъ: „Возмите вси послѣдователи древле-православной церкви матери своей ученію и соблюдайте ее въ мыслѣхъ своихъ, а не послѣдуйте мрачно-сплетенному великороссійской церкви ученію и Никодимо-діаконскаго согласія киченію, да сподобитесь благодати и челоуѣколюбія въ день судный“.

ГЛАВА III.

Сергій задумываетъ ввести на Ирғизѣ единоовѣріе.—Роль В. А. Злобина въ этомъ дѣлѣ.—„Вопросы“ Сергія и „Отвѣты“ на нихъ преосв. Никифора.—Увольненіе Сергія отъ должности настоятеля и побѣда въ Астрахань.—Новое избраніе его въ настоятеля и новыя хлопоты объ единоовѣріи.—Вольское собраніе 1795 г.—Побѣдка Сергія въ Петербургъ для ходатайства о благословенномъ смященствѣ.—Замыслы московскихъ старообрядцевъ.—Освобожденіе Сергія изъ заключенія.—Пріѣздъ его въ Вольскъ и послышка послушника въ Верхній монастырь.—Новое собраніе старообрядцевъ въ Вольскѣ 22 октября 1796 г.—Отказъ большинства собранія принять единоовѣріе.—Побѣдка Сергія въ свою обитель.—Братія отказывается имѣть съ нимъ какое-либо дѣло.—Сергій увѣщаетъ обратно въ Вольскъ.—Злобинъ не допускаетъ его съ жалобой къ Руничу и совѣтуетъ ѣхать въ Москву.—Сергій ѣдетъ въ Москву и получаетъ тамъ изъ Тихвинскаго монастыря іеромонаха съ 2 іеродіаконами.—Злобинъ отказывается отъ своей мисіи объ единоовѣріи и противодѣйствуетъ Сергію.—Неудачная попытка губернатора Ланского уладить дѣло.—Удаленіе Сергія съ Ирғиза въ Стародубье.—Его анкетиріа.—„Зеркало для старообрядцевъ“.—Попытка Епифанова и Саложникова ввести единоовѣріе въ Вольскѣ.—Впечатлѣніе, произведенное на ирғизскихъ и вольскихъ поповцевъ стремленіемъ Сергія къ единоовѣрію.

Изъ предыдущихъ главъ читателямъ уже извѣстно, что въ концѣ 1791 года Сергій былъ смѣненъ съ настоятельства за исканіе сближенія съ православіемъ. Попытаемся опредѣлить теперь, въ силу какихъ соображеній онъ сталъ стремиться къ этому сближенію, и посмотримъ, чѣмъ окончится этотъ періодъ его дѣятельности на Ирғизѣ, стоящій въ такой рѣзкой противоположности съ его первоначальными стремленіями. Литературѣ этотъ эпизодъ изъ жизни Сергія извѣстенъ въ двухъ очень сходныхъ версіяхъ, которыя объ одинаково опираются на подлинную якобы рукопись Сергія и объ одинаково грѣшатъ противъ истины¹⁾. Преосв. Макарій и Муравьевъ полагаютъ, согласно съ преосв. Іаковомъ²⁾, что Сергій былъ обращенъ изъ раскола преосв. Никифоромъ Θεотоки, архіепископомъ астраханскимъ. Посредствующимъ обстоятельствомъ при этомъ было наблюденіе надъ бѣглыми попами: по мнѣнію преосв. Макарія, „ихъ позорная, соблазнительная жизнь и привела Сергія къ мысли просить у синода законныхъ пастырей“. Добротворскій, соглашаясь съ этимъ, указываетъ и случай, особенно сильно подѣйствовавшій на Сергія: однажды, 1 августа, въ Верхнемъ мо-

¹⁾ Макарій, Ист. руск. раск., 361—364; Муравьевъ, Раск., облич. св. ист., 409—411.

²⁾ Нах. сем. библ., № 3774, 9.

настырѣ совершался крестный ходъ на воду; едва успѣлъ выйти изъ церкви первенствующій священникъ, неся крестъ на головѣ, какъ къ ногамъ его бросилась женщина и громко начала укорять, что онъ клятвопреступникъ, обманщикъ, оставившій ее, законную жену свою, съ малолѣтними дѣтьми безъ куска хлѣба¹⁾. Отказываясь понять, почему этотъ случай могъ особенно сильно подѣйствовать на Сергія, который за бѣглыми попами своими знавалъ исторіи и покуже²⁾, я полагаю, что не бѣглымъ попамъ надо приписать поворотъ въ убѣжденіяхъ этого ревнителя раскола.

Въ ноябрѣ 1786 года въ Астрахань пріѣхалъ архіепископъ Никифоръ Θεотоки, ученый грекъ, раньше святительствовавшій въ Новороссійскомъ краѣ. Узнавъ, что въ числѣ его новой паствы есть не малое количество раскольниковъ, Никифоръ и здѣсь, какъ въ Тавридѣ, первымъ долгомъ своимъ счелъ разослать по епархіи окружное пастьрское посланіе, исполненное ревности и любви апостольской ко всѣмъ заблуждающимся и призывающее ихъ возвратиться въ нѣдра православной церкви. Посланіе дошло и до Иргиза, который въ это время „царскимъ и правымъ путемъ теченіе свое совершаше, правимъ же бѣ и защищаемъ настоятелемъ Сергіемъ не мало лѣтъ, кой былъ тогда апостольскихъ догматъ и святоотеческихъ преданій опасный ревнитель, а новшество искоренитель, якоже самыя списанія его о благочестіи являютъ; посему не точю въ иноцѣхъ, но даже и во всей Россіи находящимся христіанамъ Сергіево имя и ученіе сладостно бѣше, сопротивно мудрствующимъ же страшень бываше и яко обоудный мечъ словомъ православнаго ученія ихъ вешадно посѣкаше“³⁾. Счастливая звѣзда Сергія въ это время стояла въ самомъ зенитѣ блеска и могущества. Онъ былъ признаннымъ, полномочнымъ распорядителемъ судебъ раскола поповщины. Безконтрольно, безотчетно правилъ онъ иргизскими обителями. Было отъ чего вскружиться головѣ, разгорѣться и безъ того сильной въ немъ страсти властолюбія. Но на этомъ свѣтломъ горизонтѣ появились уже зловѣщія темныя тучки, которыя должны были встревожить и менѣе умнаго человѣка. Первой изъ нихъ было необыкновенно быстрое возвышеніе Прохора Калмыкова: въ этомъ выписномъ настоятелѣ Сергій не могъ не видѣть опаснаго соперни-

¹⁾ „Прав. Собес.“ 1837, II, 437.

²⁾ Сергій, „Зеркало для старообр.“, 78—79.

³⁾ Библ. А. И. Хлудова, № 293, 8.

ка, который скоро вырветъ, пожалуй, у него изъ рукъ правъ патроната надъ Иргизомъ. Предчувствіе тяжелое, мучительное для такого баловня судьбы, какъ Сергій. Оно вызывало невольно на размышленія, заставляло подумать надъ изобрѣтеніемъ средствъ удержать за собой разъ занятое положеніе. Это одна сторона дѣла. Другой была близость съ Злобинымъ. Нужно сказать, что Злобинъ не былъ фанатикомъ раскола; правда, онъ постоянно работалъ въ интересахъ его, но это отчасти подъ вліяніемъ жены, отчасти же изъ честолюбія и самолюбія, изъ желанія премиривать. Войдя въ силу, онъ совсѣмъ „обмірщился“: игралъ въ карты съ министрами, бывалъ на балахъ и раутахъ великосвѣтскаго общества, водилъ дружбу съ иностранцами, покупалъ дорогія картины и статуи, къ отеческому благочестію никакого соотношенія не имѣвшія, и т. п.¹⁾ Въ томъ кругѣ петербургской аристократіи, въ которомъ онъ вращался благодаря своимъ милліонамъ, ему совѣстно было признаваться въ своей принадлежности къ расколу; онъ давно уже подумывалъ о компромиссѣ съ православіемъ, въ родѣ Никодимова. Но выступать въ роли инициатора въ подобномъ щекотливомъ дѣлѣ онъ не желалъ и рѣшилъ воспользоваться для этой цѣли услугами Сергія. Горячо, убѣдительно повелъ онъ съ нимъ „соблазнительныя“ бесѣды такого рода; съ несомнѣнной искренностью показывалъ ему, что „намъ де нигдѣ глазъ нельзя показать со своимъ бездѣльниками попами“²⁾. Сергій слушалъ внимательно. Онъ отлично понималъ, что нужно Злобину, и желанія Злобина, какъ нельзя лучше, соответствовали его собственнымъ желаніямъ. Компромиссъ съ православіемъ—вотъ то средство, при помощи котораго можно удержать до конца первенствующее положеніе на Иргизѣ, и средство безусловно вѣрное, потому что до него додумался самъ В. А. Злобинъ, который сможетъ сдѣлать все, что захочетъ. Отнынѣ выходъ былъ найденъ, поворотъ въ дѣятельности Сергія совершился: изъ ревнителя раскола онъ дѣлается ревнителемъ единовѣрія.

Какъ ни сильна была вѣра Сергія въ всемогущество своего „перваго совѣтника и друга“, однако онъ не рѣшился слишкомъ круто начать дѣло, тѣмъ болѣе что и самъ Злобинъ совѣтовалъ ему не торопиться и дѣйствовать осторожно, хотя за осуществленіе дан-

¹⁾ „Сар. губ. Вѣдом.“ 1857, № 19; см. „Рус. Вѣст.“ 1866, № 9, 21—22.

²⁾ Имп. Публ. библ., Q, I, № 742, 44.

ной ему Злобинымъ мысли относительно единовѣрія взялся почти тотчасъ¹⁾. Какъ бы въ отвѣтъ на окружное посланіе Никифора Θεотоки, онъ написалъ 15 вопросовъ касательно нѣкоторыхъ пунктовъ разногласія раскольниковъ съ православными и прочиталъ ихъ въ полномъ собраніи иргизскихъ настоятелей и старшей братіи. Слушатели одобрили вопросы, находя ихъ согласными со старой вѣрой, и уполномочили Сергія отправить ихъ къ Никифору отъ лица всей общины, за подписями своею и уставщика обители, Прохора. Сергій, воспользовавшись пріѣздомъ преосв. Никифора въ саратовскую губернію для обозрѣнія церквей, явился вмѣстѣ съ Прохоромъ 18 іюля 1790 года къ преосвященному и подалъ ему свои вопросы вмѣстѣ съ прошеніемъ, въ которомъ между прочимъ говорить: „Видя мы вашу благосклонность и велеотеческую милость, осмѣливаемся припасть къ стопамъ вашего высокопреосвященства и просить на наше слѣдующее вамъ представленіе архипастырскаго вашего законоправильнаго отъ св. отецъ писанія разсужденія и рѣшительности. Просимъ вывести не только что насъ убогихъ изъ сомнѣнія, но и прочихъ нашего старообрядческаго единенія, дабы можно было всякому видѣть ваше архипастырское законное разсужденіе и рѣшительность, и могли бы не только мы, но и всякъ безъ сомнѣнія пріитить и присоединиться къ грекороссійской святѣй православной церкви, и ежели ваше высокопреосвященство дадите намъ на сіе желанное и просимое нами свято-церковное правильное и несомнительное рѣшеніе, мы, именуемъ всего нашего общества, обѣщаемся всѣ предъ всемогущимъ Богомъ, по рѣшенію, присоединиться ко грекороссійской православной церкви“²⁾. Трогательность этого прошенія и, главное, торжественное обѣщаніе просителей, данное отъ лица цѣлаго старообрядческаго общества, обратилась, въ случаѣ удовлетворительности отвѣтовъ на подаваемые вопросы, къ православію, побудили преосв. Никифора удовлетворить желанію

¹⁾ На основаніи словъ Сергія въ предисловіи къ изданной имъ въ 1799 году книжкѣ „Зеркало для старообрядцевъ“: „уже десять лѣтъ, какъ я отщеллся ихъ (старого) ученія“, можно думать, что внушенія Злобина были сдѣланы не раньше 1790 года. Дубакинъ утверждаетъ, что „сомнѣнія Сергія въ правотѣ раскола начались уже при самомъ выступленіи его въ качествѣ главы и руководителя Иргизскихъ монастырей“, т. е. по его счету, съ 1777 года („Обращ. Ирг. мон. въ един.“, 34); но во-первыхъ, въ это время „главой и руководителемъ“ Сергій еще не былъ, а во-вторыхъ—его сомнѣнія за это время ни откуда не видно.

²⁾ Отвѣты преосв. Никифора, 280, 394—395, Москва, 1834.

Сергія, хотя, по его собственному сознанию, „не въ одной уже книгѣ имѣются рѣшенія предлагаемыхъ здѣсь вопросовъ“.

Вопросы Сергія сами по себѣ не заслуживаютъ особеннаго вниманія; о нихъ можно сказать только, что сравнительно съ другими возраженіями этого рода—соловецкими, поморскими, керженскими—они гораздо умѣреннѣе, мягче, сдержаннѣе. При той обширной эрудиціи, которой нельзя не признать за этимъ прославленнымъ полемистомъ раскола, онъ, конечно, заранѣе зналъ, что отвѣтить ему преосв. Никифоръ. Не стремленіе познать истину, не желаніе перечитать лишній разъ давно извѣстныя вещи руководили имъ при составленіи вопросныхъ пунктовъ: нѣтъ, ему просто нуженъ былъ поводъ, удобный случай связать обязательствомъ по рукамъ и ногамъ своихъ собратій. Только этимъ и можно объяснить ту легкость, съ какой онъ отъ лица всего Ирмиза изъясняетъ преосв. Никифору готовность при удовлетворительномъ отвѣтѣ присоединиться къ православію. На соборномъ совѣщаніи, когда Сергій читалъ свои вопросы, присутствовавшіе, очевидно, обратили вниманіе на легкость и, такъ сказать, избитость ихъ, а потому усумнились въ искренности Сергія: вотъ—можно думать—причина, по которой они отказались своими подписями скрѣпить его прошеніе на имя владыки Никифора. Нѣсколько раньше и самъ Сергій сдѣлалъ бы тоже. Разсмотримъ, однако, въ связи вопросы Сергія и отвѣты на нихъ преосв. Никифора.

1) По крещеніи Владиміра всѣ ли церковныя чины и обряды взяты были отъ грековъ въ Россію?—Преосвященный отвѣчаетъ, что всѣ догматы и законы Божіи, ко спасенію вѣчному потребныя, были заимствованы у грековъ немедленно по крещеніи Руси; о чинахъ же и уставахъ этого сказать нельзя: для этого требовалось не мало времени, а главное вниманіе духовныхъ обращено было больше на распространеніе и умноженіе вѣры, чѣмъ на обученіе обрядомъ и чинамъ¹⁾.

2) Православная ли вѣра была въ Россіи отъ дней Владиміра до Алексѣя Михайловича?—У благоразумныхъ россіянь, которые создали вѣру свою на камени, была одна и та же вѣра отъ временъ Владиміра до Алексѣя Михайловича и даже до сего дня; на неблагоразумныхъ же сходилъ иногда дождь суевѣрія, рѣки ересей

¹⁾ Ibidem, 280—282.

и вѣтръ раскола: въ 1003 году является Адрианъ иконоборецъ, въ 1149 году—Мартинъ Армянинъ, въ 1660 году—Іосифъ Астомень, Яковъ Ленихинъ и Авраамъ венгерскій. Отличить православныхъ отъ еретиковъ не трудно: характернымъ признакомъ первыхъ является единство по вѣрѣ, догматамъ, таинствамъ и обрядамъ не только между собой, но и со всѣми православными христіанами. Гдѣ единство—тамъ истина; гдѣ раздѣленіе—тамъ ложь; ибо истина едина, ложь—многообразна¹⁾.

3) За указанныя первыя времена всѣ ли русскіе цари, князья и члены клира были православными?—Никифоръ внушаетъ совопроснику, что этотъ вопросъ содержится во второмъ и потому излишенъ; впрочемъ, о членахъ клира дѣлаетъ то замѣчаніе, что они всѣ, за исключеніемъ митрополита Исидора, подписавшаго Флорентійскую унію, и нѣкоторыхъ священниковъ, уклонившихся въ ереси, явили себя православными²⁾.

4) Стоглавымъ соборомъ какая вѣра утверждена: православная или нѣтъ—и всѣ ли постановленія его законны?—Никакой вѣры не утверждалъ онъ, ибо ни о догматахъ не писалъ, ни ересей не осуждалъ: его цѣлью было обсужденіе пороковъ общества и особенно духовенства, а также учрежденіе церковнаго суда для членовъ клира. Уклонившись въ сторону отъ своей прямой вѣдчи, соборъ этотъ допустилъ не мало противнаго преданія. Причина кроется въ глубокомъ невѣжествѣ отцовъ собора, которое изобличается „подлымъ образомъ рѣчи и слога, исполненнымъ погрѣшностей, расположеніемъ главъ отроческимъ, отвратительными повтореніями, скучнымъ многословіемъ; не дѣльнымъ приспособленіемъ и изъясненіемъ текста св. писанія, площадными мыслями, ошибками, прибавками и убавленіями въ приводимыхъ свидѣтельствахъ.“ И эти то люди,—продолжаетъ глубоко возмущенный Никифоръ,—не имѣвъ знанія ни трудомъ приобрѣтеннаго, ни съ небесе дарованнаго, дерзнули сдѣлать соборъ, полагать законы и поражать незаконной анаемой!“ Кромя того соборъ этотъ составленъ Макаріемъ безъ вѣдома и согласія константинопольскаго патріарха, власти котораго надъ русской церковью тотъ же Макарій не отрицалъ. Стоглавый соборъ запретилъ брадобритіе; но какое основаніе для

¹⁾ Ibidem, 288—288.

²⁾ Ibidem, 289.

этого запрещенія? Какое-то апокрифическое сказаніе о Константинѣ Ковалинѣ, какія-то никому невѣдомыя, мнимо-апостольскія и соборныя правила, да искаженные тексты св. писанія! „И почто о брадѣ и власахъ толикая ревность?“ съ ироніей спрашиваетъ преосв. Никифоръ. Соборъ ввелъ празднованіе субботы, основанное на постановленіяхъ апостольскихъ. Но постановленія эти испорчены еретиками и потомъ отвергнуты пято-шестымъ вселенскимъ соборомъ; кромѣ того празднованіе субботы отзывается іудействомъ. Соборъ установилъ двоеперстіе и наложилъ анаѣму на крестящихся въ три перста. Основанія, повидимому, солидныя: преданіе св. отцовъ, показанія самовидцевъ, св. апостоловъ, примѣръ самого Иисуса Христа. Но ни св. отцы не учили двоеперстію, ни о Христѣ мы ничего не знаемъ на этотъ счетъ, ни въ св. писаніи не отыщемъ ничего въ подкрѣпленіе. Далѣе, на основаніи указаній списателя житія Евфросина псковскаго, соборъ повелѣлъ двоить аллилуія. Но соборъ просмотрѣлъ, что въ житіи этомъ одни только „лжи и ереси“, клевета на Богоматерь и хула на Духа Святаго. Этихъ примѣровъ довольно, чтобы судить о законности постановленій стоглаваго собора. Правда, заблужденія отцовъ собора нельзя признать еретическими, ибо они не касались догматовъ вѣры, но нельзя не назвать раскольничьими. Однако еще больше раскольники тѣ, которые, опираясь на невѣжественныя постановленія собора, отдѣляются отъ матери своей—церкви¹⁾.

5) По какимъ книгамъ спасались русскіе святые: по старымъ или по новымъ?—Не книгами спасались они, а вѣрой, соединенной съ добрыми дѣлами. Если кто читаетъ древнѣйшія рукописныя или печатныя книги, православной же вѣры не имѣетъ или забываетъ законы Божіи и умираетъ безъ покаянія, то все равно осужденъ; напротивъ, читающій самыя новыя книги и въ то же время хранящій истинную вѣру и творящій добрыя дѣла, спасенъ будетъ. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что харатейныя и старопечатныя книги наши были полны важными погрѣшностями, но это не мѣшало спастись читавшимъ ихъ: испорченныя книги не отдѣляли ихъ отъ единой церкви, не ставили по отношенію къ послѣдней въ положеніи азычниковъ и мытарей, для которыхъ закрыты всѣ пути въ царствіе небесное²⁾.

1) Ibidem, 290—312.

2) Ibidem, 312—318.

6) Справедливо ли харатейныя и старопечатныя книги заподвѣдуютъ двоеперстіе для изображенія крестнаго знаменія и благословенія, а на не крестящихся такъ полагаютъ клятву, или нѣтъ?— Книги, содержащія ученіе о двоеперстіи, не истинныя книги первенствующей церкви: предъ Богомъ свидѣтельствую, говоритъ преосв. Никифоръ, что ни въ одной греческой книгѣ, сколько ни видывалъ я ихъ отъ древнихъ до новѣйшихъ, такого ученія нѣтъ; ни одного православнаго грека не видалъ я молящимся въ два перста, — такъ молятся только армяне. На православномъ Востокѣ никогда не поднимался и вопросъ о перстосложеніи. Заподозреть огубную порчу всѣхъ греческихъ книгъ, конечно, легко, но здравый смыслъ человѣческій не позволяетъ вѣрить такому подозрѣнію. Въ Россію ученіе о двоеперстіи занесено еретикомъ Мартиномъ Армяниномъ¹⁾.

7) Кромѣ книгъ первенствующей греко-россійской церкви, говорящихъ о двоеперстіи, такое сложеніе креста изображается и на древнихъ чудотворныхъ иконахъ; справедливо ли это или нѣтъ?— Иконописцы, по своему невѣжеству, часто допускали большія ошибки при своихъ работахъ: на иконахъ рожденія Христа они изображаютъ повивальную бабку, омывающую младенца, хотя такой бабки въ вертепѣ, гдѣ родился Христосъ, не было; Иоанна Крестителя, умершаго раньше распятія Спасителя, изображаютъ съ крестомъ въ рукахъ и благословляющаго; на иконахъ сошествія Св. Духа помѣщаютъ Павла, въ это время еще гонителя христіанства, рядомъ съ апостолами и т. п. Поэтому свидѣтельство иконъ нельзя принять за особенно вѣское доказательство. Кромѣ того ни на одной греческой иконѣ, даже изъ самыхъ древнѣйшихъ, двуперстнаго сложенія мнѣ видѣть не приходилось. Что же касается русскихъ иконъ, то преосв. Питиримъ и Теофилактъ свидѣлствуютъ, что на древнихъ изображено сложеніе троеперстное²⁾.

8) Справедливо ли пастыри первенствующей греко-россійской церкви въ старообрядческомъ перстосложеніи исповѣдаютъ тремя перстами—Троицу, а двумя—два естества въ Исусѣ Христѣ?—Та-

¹⁾ Ibidem, 318—323. Трудно понять пастойчивость, съ которой преосв. Никифоръ хочетъ вывести корни русскаго раскола отъ Мартина: всѣ ссылки на этого еретика, послѣ Денисовскаго разбора дѣяній кіевскаго собора, не могли быть особенно убѣдительны для раскольниковъ.

²⁾ Ibidem, 323—334.

кое толкованіе установлено Стоглавомъ; само по себѣ оно похвально, но образъ истолковываемаго перстосложенія непохваленъ, ибо представляетъ самовольное отступленіе отъ церковнаго преданія¹⁾.

9) Справедливы ли содержащіяся въ новопечатныхъ книгахъ хулы и порицанія на двоеперстіе?—Нѣтъ, не справедливы, ибо старообрядчество въ догматахъ вѣры согласно съ православіемъ; онѣ явились по недоразумѣнію и излишней подозрительности²⁾.

10) Справедливы ли отлученія и клятвы на всѣхъ крестящихся тремя перстами и позднѣйшія клятвы на крестящихся двумя перстами?—Первое не справедливо, ибо стоглавый соборъ вводилъ новость, противную преданіямъ церкви; это косвенно подтверждаютъ и сами раскольники, принимая бѣглыхъ поповъ, на которыхъ лежитъ эта клятва. Что касается клятвъ позднѣйшихъ на двоеперстіе, то эти истинны, ибо „произнесены проповѣдниками истины и защитниками всеобщаго преданія церкви на презирающихъ и противорѣчащихъ этому преданію“. Освободиться отъ нихъ можно только обращеніемъ къ православной церкви³⁾.

11) Можетъ ли православная церковь принимать еретиковъ безъ предварительнаго раскаянія ихъ и обращенія къ церкви?—Церковь не даетъ святыни псамъ и не мечетъ бисера предъ свиньями; она хорошо помнитъ, что нѣтъ ничего общаго между правдой и беззаконіемъ, между свѣтомъ и тьмой. Поэтому она безъ предварительнаго раскаянія не принимаетъ въ общество не только еретика, но и раскольника. Но, въ интересахъ пользы, она, по примѣру Моисея, пророка Елисея, апостоловъ Іакова и Павла, Василія Великаго, допускаетъ иногда для иномыслящихъ мѣккія снисхожденія. Такъ позволяетъ она бракъ православныхъ съ иновѣрцами, ибо „мужъ невѣренъ святится о женѣ вѣрнѣ и святится жена невѣрна о мужѣ вѣрнѣ“⁴⁾.

12) Не подлежитъ ли церковь какому сомнѣнію за принятіе еретиковъ и сподобленіе ихъ святыни?—Не подлежитъ; ибо дѣйствуетъ по слову Спасителя, который говоритъ: „грядущаго ко Мнѣ не измену вонъ“; не нужно забывать, что соприсчисляетъ къ своимъ чадамъ она только тѣхъ еретиковъ, которые оставляютъ свои за-

¹⁾ Ibidem, 334—337.

²⁾ Ibidem, 337—344.

³⁾ Ibidem, 344—350.

⁴⁾ Ibidem, 350—359.

блужденія. Не подлежитъ она сомнѣнію и за то, что сподобляетъ крупяныя благодатныхъ даровъ обращающихся къ ней иновѣрцевъ,— допускаетъ ихъ въ храмъ, даетъ цѣловать крестъ и т. п. Такъ дѣлала и первенствующая церковь, начиная съ самого Христа и апостоловъ Его. Соборныя правила, ограничивающія такія дѣйствія, должны быть принимаемы не по буквѣ, но по духу. Церковь говоритъ въ присутствіи иновѣрцевъ: „миръ всѣмъ“ и если будетъ кто изъ нихъ сынъ мира, почіетъ на немъ миръ, если же нѣтъ, то возвратится къ благословляющему¹⁾.

13) Справедливо ли новыя книги порицаютъ стоглавый соборъ и присутствовавшихъ на немъ учителей церкви, между тѣмъ какъ митр. Платонъ постановленіе его объ исправленіи церковныхъ книгъ называетъ справедливымъ?—Митр. Платонъ справедливо находитъ въ ряду ложныхъ, ошибочныхъ постановленій стоглаваго собора и нѣчто истинное, правильное: и въ евангеліи есть ложь, изреченная врагами Спасителя, но на этомъ основаніи нельзя отрицать все евангеліе. Стоглавый соборъ совершенно справедливо говоритъ о существовавшей въ его время порчѣ и необходимости исправленія церковныхъ книгъ; но участниковъ его не должно называть учителями церкви: это невѣжды, утверждавшіе суевѣріе, и противники церковнаго преданія православія; поэтому опорочили ихъ постановленія новыя книги законно и праведно²⁾.

14) Справедливо ли въ „Обличеніи“ опорочена Кириллова книга, названная угодной одному дьяволу?—Такъ называемая Кириллова книга не принадлежитъ св. Кириллу Іерусалимскому: только одно пятнадцатое огласительное поученіе его помѣщено въ ней, да и то въ неправильномъ переводѣ и съ ошибочнымъ толкованіемъ, все же остальное содержаніе, къ тому же наполненное ошибками, Кириллу не принадлежитъ. Авторъ „Обличенія“ заподозриваетъ злой умыселъ въ названіи этого сборника „Кирилловымъ“ для обмана простыхъ людей и потому высказываетъ свое жестокое сужденіе не о самой книгѣ, впрочемъ, а только о составителѣ ея³⁾.

15) Почему въ новыхъ книгахъ исключены двѣ службы мученикамъ Антонію, Іоанну и Евстафію (14 апрѣля) и Евфросину псковскому (15 мая)?—Служба Евфросину, составленная на основа-

¹⁾ Ibidem, 359—368.

²⁾ Ibidem, 368—374.

³⁾ Ibidem, 374—388.

ніи житія его, исполнена лжи, клеветы и ересей и заключаетъ въ себѣ нѣкоторыя заблужденія, а въ службѣ мученикамъ было нѣчто несходное съ ихъ страданіями; поэтому обѣ службы совершенно правильно въ новопечатныхъ минеяхъ исключены, чтобы въ молитвѣ не содержалось лжи и клеветы и чтобы чрезъ это и самая молитва не принимала вида Каиновой жертвы. Такое исключеніе не самовольно, но основано на правилахъ трульскаго собора, который повелѣваетъ сжигать подложныя книги подъ именемъ житій святыхъ¹⁾.

Покончивъ съ отвѣтами Сергію, преосв. Никифоръ обращается къ разсмотрѣнію вопроса о церкви Христовой и находитъ, что старообрядчество не можетъ быть признано истинной церковью, ибо ему недостаетъ для этого самыхъ существенныхъ условій—единства, іерархіи и таинствъ. Нѣтъ единства, ибо расколъ распадается на множество сектъ; нѣтъ іерархіи, ибо нѣтъ епископовъ, а священники—бѣглецы, изверженные или запрещенные православными епископами; нѣтъ таинствъ, ибо нѣтъ іерархіи. Истинной церковью Христовой можно признать только греко-россійскую, отъ которой не даромъ, конечно, и сами старообрядцы принимаютъ священство; но если эта церковь истинная, то она истинна во всемъ и нѣтъ въ ней порока. Поэтому преступны старообрядцы, изъ-за обрядности отдѣляющіеся отъ церкви: они „оцѣждаютъ пеньель, и мыло, и хомъденіе по-солонь, и пожирають вельблуды“, т. е. допускають тягчайшій грѣхъ—отдѣляются отъ тѣла Христова. Не вѣря всей церкви, они вѣрятъ стоглавному собору, хотя сами же признають не всѣ его постановленія правильными, какъ напр., постановленіе о празднованіи субботы; мало этого, зная изъ дѣяній этого собора, что церковныя книги того времени были попорчены, они тѣмъ не менѣе признають ихъ совершеннѣйшими. „Что это: упорство, предразсудокъ, невѣжество, глупость? или все вмѣстѣ?..“ Но что бы то ни было, а изъ-за этого духовное состояніе старообрядчества очень плачевно: они крещаются отъ рукъ недостойныхъ священниковъ, помазываются или подложнымъ или краденнымъ миромъ, принимаютъ разрѣшеніе грѣховъ отъ неимѣющихъ на то власти! „О слыхъ азъ плачу,“—заканчиваетъ свое писаніе преосвященный словами пророка Іереміа, —„и очи мои изливаютьъ воду, яко удалися

¹⁾ Ibidem, 383—394.

отъ мене угѣшалъ мя, возвращалъ души ваши: погибша сынове мои, яко возможно врагъ.“ Единственная надежда его на благость Божию, которая избираетъ немощное міра для осуществленія дѣйствій Промысла¹⁾).

Получивъ отвѣты ва подписью и скрѣпой владыки, Сергій немедленно разослалъ списки съ нихъ по всѣмъ иргизскимъ обителямъ и по важнѣйшимъ изъ поповскихъ общинъ въ Россіи. Эта разсудка довольно прозрачно обнаружила его тайную мысль и, какъ мы знаемъ уже, повлекла за собой отставку его отъ должности настоятеля. На годъ онъ ступался со всѣми своими планами, скрывшись въ скромную келью рядовой братіи. Въ этотъ промежутокъ времени онъ съѣздили между прочимъ въ Астрахань, гдѣ неоднократно лично бесѣдовалъ съ преосв. Никифоромъ. Неизвѣстный авторъ присланной къ преосв. Іакову въ 1833 году обер-прокуроромъ синода, Нечаевымъ, „*Записки о древней плащаницѣ, хранящейся въ Астрахани*“, говоритъ, что „Никифоръ, видя предъ собой главу и наставника старообрядчества, увлеченъ былъ духомъ евангельской ревности поборника заблужденій поборотъ истинною православія и спасенія. Сверхъ другихъ предметовъ пренія, важный составляло перстное сложеніе. Въ семь случаѣ ни глубокая ученость Никифора, ни его краснорѣчіе, ни самое рожденіе въ Греціи, долженствующее преклонять къ убѣжденію, потому что оно могло познакомить его ближе съ постановленіями древне-греческой церкви, нимаго не убѣждали Сергія. Истину надлежало рѣшить древними памятниками и для сего употреблена была плащаница; хранящаяся въ астраханскомъ соборѣ, построеніе которой относится къ 1466 году. На ней сложеніе перстовъ благословляющей руки Спасителя изображено по правиламъ православной церкви. Это такъ подѣйствовало на Сергія, что онъ не только обратилъ

¹⁾ Ibidem; 397—410. Отвѣтъ о св. мирѣ данъ былъ преосв. Никифоромъ не Сергію съ Прохоромъ, а новороссійскимъ старообрядцамъ въ 1786 г. (Лилеевъ, Опис. рук. Черниг. дух. сем., 113. Спб. 1880). „Отвѣты“ преосв. Никифора, по ходатайству предъ Синодомъ казанскаго архіерея Амвросія, были напечатаны въ первый разъ на средства частнаго лица — Бантышъ-Каменскаго. Любопытно, что Синодъ ²/₁₃ сентября 1796 года, „принявъ во вниманіе, что съ-одной стороны въ книгахъ сихъ (т. е. въ различныхъ главахъ этой книги) при разсмотрѣніи оныхъ, не оказалось ничего противнаго св. церкви, а съ другой — онѣ, по содержанію своему, представляютъ достаточно доказательствъ всѣхъ заблужденій старообрядцевъ, а потому и для правотѣрнаго общества могутъ быть полезны“, велѣлъ тѣмъ не менѣе отпечатать ее лишь въ такомъ количествѣ, какъ этого пожелаетъ Бантышъ-Каменскій, а себѣ оставилъ лишь „установленное количество подносныхъ экземпляровъ“ (Собр. постанов., по вѣд. св. Сын., 1, 749—750).

ся къ православной церкви нашей, но и запечатлѣлъ сіе своимъ увѣщаніемъ къ раскольникамъ въ книгѣ, имъ изданной, подъ названіемъ— „Зеркало для старообрядцевъ“. Достоверность сего происшествія засвидѣлствуютъ и современники, и очевидцы¹⁾. Что Сергій былъ у преосв. Никифора въ Астрахани, что онъ велъ съ нимъ пренія о вѣрѣ и осматривалъ плащаницу XV-го вѣка, о которой идетъ рѣчь здѣсь, все это, конечно, факты; но чтобы этотъ осмотръ обратилъ его въ православіе, это, кажется, только догадка автора „Записки“: съ православіемъ Сергій сблизился только на правахъ единовѣрія, значить, обрядовой стороны онъ ему не уступилъ.

Вернувшись въ началѣ 1793 года ко власти, онъ въ первое время твердой рукой повелъ дѣло упорядоченія монастыря; разграбленнаго при Кириллѣ, такъ что черезъ два года возстановилъ свою обитель въ ея прежнемъ видѣ. Монахамъ его ферула была тяжела и многіе изъ нихъ отлучились на Уралъ и на Донъ, покинувъ обитель. Возстановивъ къ 1795 году порядокъ внутри монастыря, Сергій опять принялся за пропаганду единовѣрія. На Иртызѣ вотъ какъ объяснили его упрямство въ этомъ дѣлѣ: „Огражденъ отовсюду благополучіемъ, отступникъ Сергій вознесся сердцемъ, якоже древній Фараонъ и Навуходоносоръ, оставя Божію помощь.... Возгордѣвся, нача приписывати себѣ славу человеческую, а не Богу, устрояющему и управляющему намъ въ полезное.... нача лишатися соборнаго съ братіями въ церкви пѣнія, а придежати новыхъ какъ духовныхъ, такъ и свѣтскихъ книгъ чтенію. И отъ первыхъ истребился отъ него благочестіе, а отъ вторыхъ насадился въ немъ растлѣнное житіе; и, забывъ страхъ Божій и будущее отъ Бога вѣчное мученіе, обратилъ себя на растлѣнное житіе пищею и нитіемъ и со иновѣрными безъ всякой нужды сообщеніемъ; также объять бысть не мало тѣлесными страстьми, о нихъ же стыдъ есть и писанію предати. И просто рещи, весь себе уготовалъ вмѣстѣлище и сосудъ самому діаволу, пусть благочестія и пометенъ отъ добрыхъ дѣлъ“²⁾. Это объясненіе, такъ сказать, психологическаго характера, но не обошлось, разумѣется, дѣло и безъ

1) Архивъ канц. сар. губери., связ. 16, № 65, 1—2. Преосвящ. Іаковъ передалъ Записку губернатору Черевверзеву для пересылки въ Иртызскіе монастыри копія съ нея.

2) Вѣст. А. И. Хлудова, № 293, 9—10.

метафизики,—въ видѣ наставника къ Сергію приставили... дьявола: „Искони же ненавидѣй добра діаволь... паки возстаеъ на св. церковь, паки воздвизаетъ на ню бурю смущенія и раздора, паки колебати тѣится отъ православія основанія ея, не терпя ей быти въ мирѣ и тишинѣ“¹⁾. Но, оставляя въ сторонѣ метафизику подобнаго сорта, нужно сказать, что Сергій вмѣстѣ съ Злобинымъ нашла теперь себѣ союзниковъ въ лицѣ вольскихъ купцовъ Василя Епифанова, Петра Сапожникова и Петра Волковойнова, брата Злобиной, хотя, по характерному замѣчанію А. Я., „сей Исакъ и такъ и снѣкъ“; прикнули къ нимъ и другіе менѣе значительные вольскіе граждане. Видя вокругъ себя союзниковъ, Сергій уже съ большей откровенностью сталъ выражать свои намѣренія. Это надѣлало много шума: „Видяще въ немъ отцы духовное разстройство, убоашася, да не како въ зрѣлую пшеницу его плевелы вмѣстятся и могутъ повредить препростыхъ душъ спасенію и отвести отъ праваго пути ко иному, его же не предаша отцы наши“. Особенно убоались Прохоръ и Сергій сыртовскій и вдвоемъ придумывали мѣры удалить Сергія отъ настоятельства. При помощи Ивана Расторгуева и Злобиной это имъ, наконецъ, удалось: въ 1795 году они устроили въ Вольскѣ, въ домѣ В. А. Злобина, „полное собраніе иночества и гражданства“, на которомъ въ числѣ другихъ былъ и Федоръ Михайловъ Дуниловскій, прозванный „мѣшалкой“ съ того времени, какъ на кладбищѣ Рогожскомъ миро варили въ самоварѣ, а онъ ее длинной сѣбкой мѣшалъ, нарядясь въ стихарь,—въ 1778 г., на страстной недѣлѣ. Хозяинъ дома, въ качествѣ предсѣдателя собранія, обратился къ присутствующимъ съ вопросомъ: „угодно ли вамъ, отцы государи, чтобы начальникомъ былъ отецъ Сергій строитель?“ По наученію Злобиной и Вавилова, всѣ закричали: „неудобенъ, неудобень!“ На вопросъ Злобина, почему такъ и въ чемъ его вина, Прохоръ съ Сергіемъ сыртовскимъ громко закричали: „на что больше сего порока, какъ то, что отцы почти всѣ о немъ сумнились, о его сочиненіи: „*Разговоръ православнаго съ противнымъ*“ и о „*Вопросы*“, признавая его по всему, что онъ совсѣмъ отъ насъ отступаетъ, а похваляетъ во всемъ великороссійскую церковь и за благодатную ее почитаетъ?... Сей порокъ важнѣе всякаго порока... Мы всѣ въ томъ ему несогласны“. Сергій пустился было разсуждать:

¹⁾ Ibidem, 10.

„когда такъ, что великороссійская церковь благодати въ себѣ не имѣеть, то наши попы, обѣжавшіе тайно отъ своихъ церквей, безъ воли своихъ архіереювъ, въ хиротоніи благодать и даръ Св. Духа гдѣ получили? У насъ ли или въ великороссійской церкви? И коею властью они вяжутъ и рѣшаютъ: нашимъ ли къ нимъ наставленіемъ или архіерейскимъ благословеніемъ?“ Всѣ смолкли въ недоумѣніи. Но обѣлецъ-дьяконъ Игнатій нашелся: „отцы, не для чего съ нимъ много въ разговорахъ связываться. Вы сами часто про него говорите, что онъ изъ кривой дуги прямую оглоблю сдѣлаеть, а изъ прямой оглобли кривую дугу согнетъ!“ Сергій сыртовскій поддержалъ: „правда такъ! и писаніе намъ запрещаетъ съ еретики прити, а онъ теперь становится горше всякаго еретика“¹⁾. Злобинъ сталъ уговаривать строителя: „отецъ Сергій, брось все, когда такая стала въ старцахъ молва и смущеніе!“ Сергій отвѣчалъ, что онъ хотѣлъ поработать надъ просвѣщеніемъ и соединеніемъ съ церковью собратіи, но если такъ, то умываетъ руки. Злобинъ остался доволенъ отвѣтомъ и положилъ ему отъ себя на годъ триста рублей пенсіи²⁾. Послѣднія слова этого разсказа Феофилактъ передаетъ въ иномъ нѣсколько видѣ: по отрѣшеніи отъ должности настоятеля, Сергій „вопрошенъ бысть отъ всего отечества и гражданства, согласенъ ли онъ съ св. отцами мудрствуетъ и учитъ, и во всемъ ли послѣдуетъ ученію и преданію св. церквей, на Ирғизѣ построенныхъ? На сіе онъ съ клятвой отвѣчалъ и рукоприкладствомъ утвердилъ, что при ученіи ирғизскихъ церквей спасеніе получить несомнѣнно вѣруеть, и животь свой скончати при нихъ обѣщаль“³⁾. Въ дѣйствительности оно такъ и должно быть: не видя поддержки со стороны Злобина, Сергію въ этотъ рѣшительный моментъ ничего больше не оставалось, какъ пуститься въ дипломатію; разомъ показать свои планы и не идти ни на какія уступки—это значило бы испортить все дѣло безтактнымъ упорствомъ: гораздо выгоднѣе и

1) Сергій сыртовскій—основатель Сергіевскаго скита на Уралѣ. Происходилъ изъ купеческаго званія, родился въ Москвѣ, въ 1739 году, назывался въ міру Семеновъ. Монашество принялъ съ именемъ Сергія въ Верхнемъ ирғизскомъ скитѣ, гдѣ и жилъ до 1793 года, а въ этомъ году ушелъ на Уралъ, въ холмистую мѣстность Общаго Сырта, гдѣ и основалъ особый скитъ, получившій свое названіе отъ имени основателя. Умеръ въ званіи настоятеля въ 1817 году. (Витевскій, Раск. Урал. войска, 23, 24, 29). Есть извѣстіе, что при уходѣ съ Ирғиза Сергій „взялъ на часть себѣ изъ монастырской казны денегъ“, при помощи которыхъ и завелъ потомъ скитъ (Сарат. Истор. Арх., Картонъ А, № LXI.

²⁾ Имп. Публ. библ., Q, I, № 742, 28—29; библ. А. И. Хлудова, № 293, 11.

³⁾ Библ.: А. И. Хлудова, № 293, 12.

удобнѣе было хлопотать объ единовѣрїи въ качествѣ настоятеля, чѣмъ рядового внока.

Но уступчивость Сергія не возвратила ему настоятельства: на его мѣсто избранъ былъ солдатъ астраханскаго батальона, по множеству Исаакій, человекъ совершенно безграмотный и притомъ глухой. Этимъ избраніемъ и закончилось собраніе. Сергій рѣшительно не понималъ, какую роль играетъ его патронъ Злобинъ во всей этой исторіи. На другой же день онъ отправился къ нему съ требованіемъ прямого отвѣта: „согласенъ ли ты принять благословенныхъ священниковъ или состоять при бѣглыхъ попахъ?“ Василій Алексѣевичъ отвѣчалъ крайне уклончиво, что объ этомъ излишне и спрашивать, такъ какъ неоднократно уже шли у нихъ на подобныя темы длинные разговоры; совѣтовалъ не торопиться, дѣйствовать осторожно и прежде всего ѣхать зимой въ Петербургъ и тамъ хлопотать о благословенномъ священствѣ, а самъ общалъ здѣсь подготовить къ тому времени почву. Сергій повѣрилъ и успокоился¹⁾. Память объ этомъ собраніи сохранилась въ одномъ стихотвореніи, изъ котораго привожу небольшую выдержку:

„...Восклицають Богу вси
Преусердныя отцы:
Насмѣялся врагъ-злодѣй,
Онъ игумена смутилъ,
Ему сѣти предложилъ,
И усердіе навелъ
Поставлятися въ поны.
Сожжался отцы,
Стали правдо читать,
Хиротонью отлагать,
Ни въ чемъ воли не давать,
Въ Москву стала нисать,
Во смиренье отдавать,
Его въ совѣсть приводить.
Сталъ прощенія просить:
„Вы простите мя, отцы,
Искушеніе пришло!“²⁾

Итакъ на вольскомъ собраніи „всего иночества и гражданства“ Сергій, дипломатин ради, отрекся отъ задуманнаго было имъ новшества, сваливъ всю вину на „врага-злодѣя.“ Но счастье какъ будто рѣшительно отвернулось теперь отъ своего многолѣтняго баловня и

¹⁾ Имп. Публ. библ., № 742, 90.

²⁾ „Рус. Арх.“ 1864, 99—100.

вся дипломатія Сергія распалась сама собою. „Не прошло и десяти дней послѣ собранія“—говорить Феофилакт—„какъ изобличилась несправедная клятва его, якоже Арія треклятаго“: въ Воскресенскомъ монастырѣ получена была случайно тетрадь, въ которой Сергій утверждалъ, что двуперстное сложеніе принято не отъ Христа, не отъ апостоловъ и не отъ св. отецъ, но гораздо позже, отъ еретиковъ моноелитовъ, тогда какъ троеперстіе предано церкви отъ начала, отъ самихъ апостоловъ. Въ видѣ доказательства онъ ссылается на знаменитаго учителя римской церкви, — „отступившей отъ православія“, ядовито замѣчаетъ Феофилактъ, — нѣкоего Лацья, бывшаго въ 1192 году. Эта тетрадь Сергія, по словамъ нашего автора, „и донныѣ хранится въ Воскресенскомъ монастырѣ у настоятеля Прохора“. Вѣсть о новомъ, безусловно еретическомъ произведеніи пера Сергіева быстро разнеслась по Иргазу: „увѣдавъ сіе его злокозненное коварство, отцы наиболѣе стаща о благочестіи крѣпцѣ и охрабришася ревностію зельною, и возблагодариша Бога за избавленіе ихъ отъ такого душепагубнаго волка, который обѣщался остаться въ православіи не иного чего ради, но побѣжденъ будучи любоначалія недугомъ, желая принять паки прежнюю свою настоятельскую власть“.

Видя, что предательская бумага попала въ руки Прохора, и замѣчая, что отцы „стали себя опасно отъ него предостерегать, въ подобіе репти, яко отъ льва рыкающаго и волка поядающаго и, единымъ словомъ сказать, аки пса бѣсноватаго бѣгаху и гнушахуся имъ“, Сергій рѣшился дѣйствовать прямѣе: онъ сталъ просить у отцовъ благословенія ѣхать въ Стародубскія слободы. Тѣ были, разумѣется, сильно смущены и удивлены такимъ намѣреніемъ. Два раза собирались они, въ среду и пятницу на первой недѣлѣ великаго поста, „и крѣпко и сильно истязоваху отъ него отвѣта“, по какой необходимости задумалъ онъ ѣхать въ слободы. Сергій же, „по обыкновенной своей привычкѣ сдѣлался отъ вина фряжскаго умевъ и пьянъ, отвѣчалъ жестоко: какая вамъ въ томъ надобность настоитъ? ѣду за своей нуждою“¹⁾. Такъ съ тѣмъ и уѣхалъ онъ, но не успѣлъ добраться до Вольска, какъ секретъ его поѣздки разоблачился. Вольскіе столпы благочестія сильно возмутились и встревожились его планомъ, который казался тѣмъ болѣе опаснымъ, что

¹⁾ Бябл. А. И. Хлудова, № 293, 12—16.

въ союзѣ съ Сергіемъ, по признанію самого Феофилакта, были первые вольскіе граждане. П. М. Злобина не скрывала своего недовольствія и когда Сергій явился къ ней на поклонъ, то публично, въ присутствіи вольскаго казначея, капитана Петра Кремлевскаго, землемѣра Дмитріева и расправнаго судьи Петра Есипова, сказала ему: „Слушай, отецъ Сергій! если ты поѣдешь въ Петербургъ для благословеннаго священства, такъ что во что ни станетъ, а я прикажу тебя доѣхать“...¹⁾. Сергій сильно смутился этой откровенностью, но все же тайкомъ уѣхалъ изъ Вольска въ Петербургъ. Пыталась ли Злобина привести въ исполненіе свою угрозу и дѣйствительно ли разставила на дорогѣ изъ Вольска своихъ караульныхъ, которые должны были перехватить и убить Сергія,—неизвѣстно, но всего вѣрнѣе, что нѣтъ: о такихъ страхахъ рассказываетъ одинъ только псевдо-Сергій²⁾, тогда какъ не только Феофилактъ, откровенность котораго можно, пожалуй, заподозрѣть, но и А. Я. не обмолвились на этотъ счетъ ни однимъ словомъ.

Въ Вольскѣ планы Сергія возмутили и заставили протестовать благочестивыхъ людей, на Иргизѣ—ими возмущались и люди и даже св. иконы: „при первомъ его, Сергія, заведеніи новшествъ многократно отъ очію иконы Тихвинской Божіей Матери и предвѣчнаго Младенца исходили слезы, которыя всѣми отцы видѣны быша“³⁾. Но не видѣлъ этихъ слезъ Сергій. Онъ благополучно доѣхалъ до Петербурга и тамъ подалъ архіерею казанскому Амвросію, засѣдавшему въ то время въ Синодѣ, прошеніе, въ которомъ, называя себя строителемъ Успенскаго иргизскаго монастыря, ходатайствовалъ отъ имени всей своей братіи о назначеніи въ эту обитель православнаго священника на тѣхъ же условіяхъ, какъ даны таврическимъ старообрядцамъ. Амвросій съ радостью согласился. Подана была соотвѣтствующая просьба въ Синодъ и, благодаря содѣйствію митрополита Гавріила и Ал. Ив. Мусина-Пушкина, послѣдовала на нее желаемая резолюція. За хлопотами время летѣло очень быстро. Наконецъ, все было сдѣлано въ Петербургѣ и Сергій отправился въ Москву, куда прибылъ 30 августа 1796 года⁴⁾

1) Имп. Публ. библ., № 742, 81.

2) Муравьевъ, Раск., обл. св. ист., 411; Макарий, Ист. раск., 362.

3) Библ. А. И. Хлудова, № 293, 17.

4) Имп. Публ. библ., № 742, 1. Ошибкой указанъ 1795 годъ, хотя всѣ безъ исключенія дальнѣйшія событія, слѣдовавшія непосредственно за даннымъ, помѣчены 1796 годомъ.

и остановился у своего стариннаго друга и благодѣтеля, купца Назара Степановича Голскова. Московскіе враги его рѣшили воспользоваться случаемъ и составили такого рода заговоръ: „лучше де намъ единаго такого отступника погубить, нежели многимъ отъ насъ погибнуть. Ибо онъ теперъ великій въ нашемъ обществѣ сдѣлаеть развратъ чрезъ то, что многіе, смотря на него, какъ на перваго церкви нашей учителя, и поборника, и строителя, отъ коего мы священниковъ и таинства и миръ получали, отъ насъ будутъ отступать; ибо мы его всѣ давно знаемъ, что онъ какъ прежде защищалъ нашу старообрядческую церковь отъ всѣхъ сектъ (о чемъ много его свидѣтельствуяютъ сочиненія), такъ точно и нынѣ не будетъ ночей спать, а будетъ все противъ насъ писать и церковь нашу порочить, да ему же и всѣ наши обстоятельства извѣстны. Такъ изъ того и выйдетъ, что кто будетъ читать его сочиненія, тотъ можетъ соблазниться, и прельстится и отъ вѣры отступить, какъ и онъ самъ отступилъ. Въ такомъ случаѣ лучше намъ его какъ-нибудь поумнѣй и понскуснѣй живота лишить одного, нежели многихъ отступничествомъ погубить“. Руководителемъ былъ дьячковскій сынъ Дмитрій Федоровъ, „по старообрядческому прозвищу, гудокъ и кабацкій сутяга“; къ нему примкнули: Иванъ Сидоровъ Вошкинъ, Александръ Андреевъ Емельяновъ, Архимъ Петровъ, Фаддей Михайловъ, Борисъ Назаровъ и рыбникъ Иванъ Кузьминъ. Заговорщики составили на всякій случай нѣсколько плановъ: 1) „какъ пріѣдетъ въ Москву отступникъ Сергій, то какъ можно стараться гдѣ-нибудь его захватить и въ ротъ ему платокъ положить и къ буткѣ привести, а бутюшнику на табакъ подарить рублей сто и вестъ вонъ изъ Москвы, то все по нашему будетъ; 2) а если сего не случится, такъ поставить по разнымъ дорогамъ, не попадетъ ли гдѣ онъ поздно, то опарашить его дубиною хорошенько или желѣзнымъ ломомъ, чтобъ поскорѣй небо увидѣлъ; 3) а всего бы лучше, чтобъ его какъ-нибудь заманить на кладбище; то въ разъ бы можно то же съ нимъ сдѣлать, что и съ Ильей попомъ.“ Съ этою цѣлью два раза посылали за нимъ Кузьмина; на другой день—старца Іосифа, а на третій пріѣзжалъ самъ Дмитрій Федоровъ съ товарищами, но Сергій поостерегся и не пошелъ. Видя неудачу, они приняли новую мѣру: „когда онъ будетъ выѣзжать изъ Москвы въ свое мѣсто, на Иртызъ, то на четырехъ дорогахъ поставить

картуль: на коломенской, владимірской, троицкой и тульской. А когда вече чаянія и по семь не удастся ничего съ нимъ сдѣлать, то подкупимъ кого надобно, чтобъ позволилъ взять его на съѣзжую, а въ съѣземъ домъ будетъ намъ свободнѣе свою волю исполнить и съ нимъ одинъ конецъ учинить“. 10-го сентлбря Сергій собрался уѣзжать и нанялъ себѣ до Саратова извозчика. Узнавъ объ этомъ, заговорщики отправились всѣ вмѣстѣ къ губернатору, Павлу Михайловичу Ковлову, и „поклонились ему по-старообрядчески низенько;“ а онъ „за ихъ поклонъ“ послалъ съ ними своего человѣка къ квартальному 17 части, Сергію Веніамінову, смотрителю старообрядческаго кладбища, которому словесно чрезъ посланнаго приказывалъ удовлетворить просителей. Дорогой отъ нихъ сбѣжалъ Ал. Емельяновъ, „смѣтивъ, какая каша заваривается.“ Остальные пріѣхали одна къ квартальному, „которому такъ же по-старинному поклонились низенько, какъ и губернатору.“ Вечеромъ того же 10 сентлбря квартальный арестовалъ Сергія и отправилъ его въ съѣзжій домъ „подъ строгую и жестокою стражу, гдѣ и находился онъ трое сутокъ съ половиною во всякой опасности и отчаянности живота: ибо не допускаемо было до него ни одного человѣка“. Выручалъ его одинъ пріятель только—Федоръ Пантелѣвъ: „каждый день, не жалѣя своего имущества, въ съѣземъ домъ навѣщалъ и потребное ему къ пищѣ и питію тайно доставлялъ.“

На Рогожскомъ вѣстѣ о поимкѣ Сергія произвела пріятное впечатлѣніе: „на другой день у старообрядцевъ было на кладбищѣ великое и долгое богомоліе съ радости, что строителя въ съѣзжій домъ посадили. Начальникъ же у нихъ на кладбищѣ, попъ попамъ, Алексѣй Федоровъ, всѣмъ къ нему приходящимъ говорилъ: молитесь, братцы, православные христіане! строитель Сергій отступникъ отъ насъ въ съѣземъ домѣ сидитъ; авось онъ лишится жизни. А если не лишится, то горе и стыдъ намъ будетъ затѣмъ, что, всѣ наши дѣла знавши, всѣмъ въ публику обнаружитъ.“ Оадей Михайловъ, напившись чуть живъ пьянъ, громко кричалъ въ своей лапотной лавкѣ: „взяли—взяли! побѣдили—побѣдили! Дай Богъ много лѣтъ здравствовать нашему кладбищенскому хозяину Дмитрію Федоровичу! Ахъ, какъ онъ славно съ нами вмѣстѣ отступника строителя Сергія въ аманатъ заключилъ, откуда уже не можетъ выйти, а развѣ туда отправится, гдѣ ему дорога припасена!“ Но, праздноя

побѣду, враги Сергія не забывали и дѣло дѣлать: во время трехдневнаго пребыванія на сѣзжей онъ неоднократно осматриванъ былъ „христіанами“, не имѣетъ ли при себѣ дѣйствительно высочайшаго повелѣнія относительно обращенія Иргиза въ единовѣрія. По словамъ Феофилакта, несмотря на всю тщательность обысковъ, такой бумаги при немъ найдено не было, а вмѣсто нея, на соблазнъ ревнителямъ благочестія, оказались „канты комедіантскіе, просто же сказать—цѣсны бѣсовскія, переписанныя имъ собственноручно“. На вопросъ, для какой цѣли держитъ онъ столь мало соответствующія его сану канты, Сергій, „улыкаяся лицомъ“, отвѣчалъ, что онъ ихъ скуки ради расцѣвываетъ¹⁾. Но шутки—шутками, а въ существѣ дѣла положеніе Сергія было совсѣмъ незавидное. Спасъ случай или, лучше, друзья. „Черезъ кого то узнавъ о семъ происшествіи, полиціймейстеръ Павелъ Никитичъ Коверинъ прислалъ 13 сентября къ квартальному записку, чтобъ строителя къ нему въ скорости представилъ“. Вещаминовъ, конечно, струсилъ не на шутку. Онъ взялъ съ собою Сергія и поздно ночью повезъ прямо къ Козлову, спрашивая разрѣшенія, что дальше дѣлать. Козловъ осмотрѣлъ паспортъ Сергія, полюбопытствовалъ, откуда узналъ полиціймейстеръ о плѣнникѣ, и велѣлъ исполнить требованіе Коверина: „возьми теперь съ собою строителя и скажи полиціймейстеру, что я въ это не вступаюсь, а отдаю на его разсмотрѣніе“. На требованіе полиціймейстеромъ объясненій, квартальный доложилъ, что арестовалъ Сергія по приказанію губернатора, которому какіе-то старообрядцы донесли, что онъ „имѣетъ у себя нѣкоторыя фальшивыя бумаги и паспортъ“. На другой день полиціймейстеръ вмѣстѣ съ квартальнымъ повезъ Сергія къ московскому главнокомандующему, Михаилу Михайловичу Измайлову. Тотъ принялъ ласково, узнавъ отъ полиціймейстера о приключеніи со строителемъ, и предложилъ ему подать жалобу. Сергій отказался: „я монахъ и долженъ во всемъ послѣдовать стопамъ Спасителя.. взять на себя крестъ Его..., а не въ бумажныя свѣтскія хлопоты входить“. Тогда Измайловъ предложилъ снабдить его для охраны во

¹⁾ Библ. А. Н. Жудова, № 293, 10. А. Я., напротивъ, совершенно справедливо утверждаетъ, что Сергій дѣйствительно имѣлъ въ рукахъ высочайшее повелѣніе, которое такъ старательно, но безуспѣшно отыскивали московскіе „христіане“: объ этомъ повелѣніи упоминается въ указѣ казанской консисторіи, отъ 16 сент. 1796 г. № 2.709, вольскому духовному правленію относительно обращенія къ единовѣрью Успенской обители. *Прим. авт.*

время пути командой. Тронутый такой милостью, Сергій просилъ дать ему провожатаго до Коломны или за Оку, гдѣ рассчитывалъ найти попутчиковъ. Измайловъ распорядился, чтобы была дана до Коломны команда изъ управы благочинія, а изъ Коломны до Оки чтобы проводилъ его тамошній городничій. Приказаніе было выполнено съ буквальной точностью: 16 сентября Сергій, подъ конвоемъ команды съ сержантомъ во главѣ, благополучно выѣхалъ изъ Москвы¹⁾, а 12 октября 1796 года пріѣхалъ въ Вольскъ и остановился тамъ на своемъ монастырскомъ подворьи, собираясь отправиться на Иргизъ. Передъ отъѣздомъ онъ зашелъ къ городскому головѣ Василию Епифанову, который поздравилъ его съ благополучнымъ пріѣздомъ и полученіемъ монаршей милости: „мы всѣ что ни лучшіе люди тому согласны, и тебя за сіе весьма благодаримъ; только надобно сіе такое богоугодное дѣло начинать какъ невозможно поскромнѣе“. Въ дальнѣйшемъ разговорѣ Епифановъ просилъ Сергія не ѣздить пока въ монастырь, такъ какъ старцы, особенно казначей Гавріиль и Мамонтъ, усердно просили предварительно увѣдомить ихъ о возвращеніи Сергія. Строитель согласился на это и голова послалъ въ монастырь съ письмомъ нарочнаго, Сергіева послушника Василя Петрова. Посланный 15 октября пріѣхалъ въ обитель и по пріѣздѣ отправился, по старой привычкѣ, къ священнику Андрею для того, чтобы очиститься, ибо въ пути и въ прочихъ мѣстахъ пивши и ѣвши осквернился, и взять у него прощеніе. Андрей разрѣшилъ его и благословилъ. Отъ него онъ пошелъ къ выбранному вновь, послѣ строителя, настоятелю Исаакію въ келью. Тотъ первымъ долгомъ обратился къ нему съ вопросомъ, взялъ ли онъ прощеніе у попа, и только послѣ утвердительнаго отвѣта поליковался съ нимъ. Послѣ такого же допроса поликовались съ нимъ казначей Гавріиль и Мамонтъ. Собравшись послѣ часовъ въ келарнѣ, братія узнала о пріѣздѣ послушника, о взятіи имъ у попа обычнаго прощенія за сообщеніе съ иновѣрны-

¹⁾ Имп. Публ. библ., № 742, 1—15. У пресв. Макарія и Муравьева вся эта исторія представлена нѣсколько иначе. Чтобы судить, гдѣ правда, не лишнимъ считаю привести слѣдующую справку: князь Прозоровскій уволенъ отъ должности московскаго главнокомандующаго въ апрѣлѣ 1795 года и 20 числа этого мѣсяца на его мѣсто пріѣхалъ Мих. Измайловъ („Моск. Вѣд.“, 1795 года, № 38, стр. 761). Далѣе, въ 1797 году московскимъ гражданскимъ губернаторомъ былъ Пав. Мих. Козловъ, а оберъ-полиціймейстеромъ—Пав. Ник. Коверинъ (Бочаровъ, Москва и москвичи, 70—90. Москва, 1881.

ми, о ликованіи съ настоятелемъ, казначеемъ и Мамонтою. Старшки („которые всё волочаги, а настоящіе молчали“, замѣчаетъ авторъ) закричали: „Охъ, какая бѣда! Осквернились, осквернились, да и попа то замаралъ и опоганилъ! Что намъ теперь дѣлать? И сами не знаемъ! Кто насъ нынѣ отъ сего очиститъ?“ Особоно ратовалъ схимникъ Іона. Собрались всё въ церковь, вывели попа на средину, поставили его на амвонъ противъ царскихъ дверей и стали кричать на него: „что ты, попь, съ собою и съ нами надѣлалъ? Зачѣмъ ты и для чего Василью прощеніе говорилъ и рукою его благословлялъ? И самъ ты теперь замарался и насъ всёхъ перемарашь!“ Попъ только кланялся всёмъ въ ноги и приговаривалъ: „простите меня, отцы святые и братія, что я это сдѣлалъ по своей глупости, ошибкою и по невнанію“. Его заставили для очищенія всёмъ старцамъ прощеніе читать, лежа на землѣ; также и старцы, поклонясь ему до земли, тоже читали. И старцы и попь почли это за очищеніе и освященіе. Петрова отлучили отъ собранія своего; не приказали съ нимъ ни ѣсть, ни пить, ни вкупѣ Богу молиться. Кормить стали особо, изъ „мирской“ посуды. Затѣмъ составили соборъ, на которомъ болѣе всёхъ ратовалъ противъ Сергія Прохора Калмыковъ, доказывая, что у Сергія нѣтъ именного повелѣнія государя и что онъ дѣйствуетъ своевольно. „Слушайте вы, старцы и бѣльцы,—говорилъ Прохоръ,—вотъ Сергій отступникъ ѣдетъ и кто ему будетъ согласенъ, или кто къ нему въ келью пойдетъ и его къ себѣ пуститъ, то какой бы тотъ человекъ ни былъ, старецъ или бѣблещъ, хотя бы и настоящій лицевой (приписанный къ монастырю и по пятой ревизіи значившійся на лицо), то мы всячески стараемся до послѣдней полушки его изгнать и мѣста лишить, а которые сироты (бѣглецы крестьяне, рекруты, ссыльные и т. п.), такъ всё тѣ останутся у насъ въ монастыряхъ при своихъ мѣстахъ“. Собраніе постановило: не допускать Сергія въ монастырь не только къ начальствованію, но даже и на жительство¹⁾.

Съ 12 октября Сергій ждалъ отвѣта съ Иргиза до 21 числа, но вмѣсто отвѣта явились оттуда „самые первѣйшіе старцы, въ томъ числѣ и настоятели: изъ Средняго монастыря—настоятель Матѳей и старцы Мануиль, Арсеній и Макарій; изъ Нижняго—настоятель Прохоръ, старецъ—Оеодоритъ; изъ Верхняго—казначей

¹⁾ Имя, Публ. библ., Q, I, № 742, 31+33.

Гавріиль, старцы—Мамонтъ, Веніаминъ и Миронъ.* Узнавъ объ этомъ, Сергій отправился къ головѣ, гдѣ встрѣтился съ Сапожниковымъ. Голова разсказалъ ему, что къ нему являлись пріѣхавшіе настоятели и старцы и просили на 22 октября сдѣлать собраніе, на которомъ желаютъ побесѣдовать съ Сергіемъ. Сергій согласился, по поставилъ условіемъ, чтобы „собраніе было порядочное“, т. е. 1) на аналой нужно положить крестъ и евангеліе; 2) поставить два стола для судей и собесѣдниковъ,—каждая сторона должна избрать судей; 3) заранее опредѣлить, кто, сколько человекъ и о чемъ будутъ говорить,—чтобы говорить не всѣмъ въ разъ, но по одишкѣ; 4) въ случаѣ какихъ-либо сумнительствъ, спорящіе должны относиться за разъясненіями къ судьямъ и что они скажутъ, то и должны принимать за святое. Кромѣ того пригласить магистратскаго писаря, который записывалъ бы всѣ пренія. Какъ судьи, такъ и собесѣдники должны быть приведены предварительно къ присягѣ, что будутъ судить праведно и безпристрастно и спорить отъ св. писанія и церкви учителей, безъ всякаго пристрастія и натягательности. Темами для собесѣдованія были избраны: 1) „гдѣ находится святая соборная апостольская церковь и въ ней ли мы пребываемъ или въ другой какой? 2) для чего мы отлучились единства великороссійской церкви? 3) можно ли нынѣ намъ, старообрядцамъ, заимствовать отъ великороссійской церкви священство, съ воли монаршей и съ благословенія преосвященнаго архіерея?“ Собраніе состоялось 22-го, по утру, послѣ часовъ въ часовнѣ; на немъ присутствовало до двухсотъ человекъ, кромѣ старцевъ и дѣвокъ, стоявшихъ на наперти и у оконъ „во множественномъ числѣ.“ Въ числѣ другихъ были и вольскіе старообрядческіе священники, Іаковъ Герасимовъ и Алексѣй Ѳедоровъ. Когда все было готово, голова послалъ экипажъ за Сергіемъ и Сергій не замедлил явиться. Но диспутъ „отъ божественнаго“ не состоялся. Прохоръ Калмыковъ съ прочими старцами заявилъ головѣ: „мы со отцомъ Сергіемъ отъ книгъ говорить не будемъ не только нынѣ, но никогда. Да нечего намъ съ нимъ и говорить! У насъ много и готоваго, имъ самимъ, Сергіемъ, написаннаго! мы болѣе ничего еще не требуемъ, а остаемся довольными на прежнемъ основаніи. Позвольте мнѣ, православные,—сказалъ Прохоръ,—прочестъ сочиненіе самого отца Сергія.“ Позволеніе было дано и Прохоръ громко началъ читать „Разговоръ старо-

обрядца съ новообрядцем“. Слушатели остались очень довольны сочиненіемъ; тогда старцы, слышавши, что нѣкоторые изъ хорошихъ купцовъ строителя за сочиненіе весьма хвалятъ, начали говорить Прохору: „не забудь спросить его о великороссійской церкви, како онъ о ней разумѣть?“ Прохоръ обратился къ строителю: „Отецъ Сергій! заклинаемъ мы тебя живымъ Богомъ и всею святою живонаначальною и нераздѣлимою Троицею, скажи намъ, какъ стать на страшное второе Христово пришествіе, какъ ты разумѣешь о великороссійской церкви и можно ли при ней спастись?“ Сергій отвѣчалъ, что онъ смотритъ на великороссійскую церковь такъ же, какъ въ свое время московскіе патріархи смотрѣли на греко-восточную: „кто при ней пребываетъ, живетъ добродѣтельно, исполняя словомъ и дѣломъ всѣ Христовы заповѣди съ прочими апостольскими и святоотеческими преданіи, о спасеніи такового, какъ святѣйшіе патріархи разумѣли и почитали несумнѣннымъ, такъ и я долженъ почитать.“ По просьбѣ старцевъ прочитаны были Сапожниковымъ присланныя съ Сергіемъ отъ архіерея бумаги: 1) копія съ отношенія преосвящ. Амвросія казанскаго къ саратовскому губернатору; 2) указъ казанской консисторіи, присланный Сергію съ братіей, и 3) печатная табель и форма¹⁾. Последняя особенно возмутила старцевъ: Прохоръ, поднявъ вверхъ правую руку, громко сталъ говорить: „слушайте, православные, слушайте и понимайте всѣ!... Сергій строитель совершенно отъ благочестія отступилъ, потому что согласенъ Бога молить за царицу и за всю царскую фамилію о здравіи и называетъ ихъ въ моленіи благочестивыми и благовѣрными; также и молиться за упокой душъ усопшихъ изъ всей царской фамиліи; еще и за св. синодъ и епархіальнаго архіерея; такъ кто хочеть ему быть согласенъ, пусть будетъ, а мы съ нимъ въ этомъ не согласны“. Расторгуевъ, тоже поднявъ правую руку, громко закричалъ: „мы сему, братцы, не согласны“; за нимъ и прочіе многіе кричали: „не согласны, не согласны“, а особенно кричали за стѣнами и въ часовнѣ стоящія старицы, дѣвки, бабы: „и мы всѣ не согласны, не согласны!“ Начался страшный шумъ и крикъ. Голова велѣлъ замолчать и Сергій взмохъ на амвонъ. Расторгуевъ еще разъ заявилъ ему: „не хотимъ мы всѣ и не

1) Засвидѣтельствованныя копіи съ этихъ бумагъ нѣются въ Сар. Ист. Архивѣ.
Прим. авт.

согласны благочестивой* и благовѣрной царицу въ молитвѣ называть, а державной, также и всю ихъ царскую фамилію. Эхъ, отецъ Сергій! Богъ тебѣ будетъ судья! Какъ ты всѣхъ возмutilъ, чего мы отъ тебя и не чаяли, и сколько ты слезъ проливаешь! У насъ были старики и прежде васъ, а особливо у меня былъ батюшка, не хуже тебя и не менѣе твоего зналъ, а такъ молиться за царей и за синодъ не голковалъ“. Сергій началъ исторически, на основаніи отеческихъ писаній, доказывать, что можно безъ всякаго сомнѣнія именовать въ моленіяхъ царицу благочестивой и благовѣрной.... Въ это время въ собраніе вошли: премьеръ-маіоръ Яковлевъ, капитанъ Кремлевскій, вольскій уѣздный казначей Деревягинъ, вольскій стряпчій и благочинный прот. Михаилъ Савинъ. Старцы стихли. Опасаясь, какъ бы спорящіе не стали и при этихъ свидѣтеляхъ „по прежнему завираться о царицѣ и царской фамиліи“, голова велѣлъ бургомистру Климову, другу и наушнику Злобиной, попросить нежданныхъ гостей о выходѣ. За ихъ выходомъ начался усиленный крикъ: „отступилъ, отступилъ отецъ Сергій; мы ему не согласны, не согласны!“ а всему крику и раздору виной былъ настоятель Прохоръ да Иванъ Расторгуевъ. Напрасно Сергій убѣждалъ ихъ „святую церковь не раздирать и утробу ея не терзать“. Прохоръ отвѣчалъ: „Ты самъ, отецъ Сергій, прежде сего много писывалъ, и говаривалъ, и насъ училъ, чтобъ великороссійской церкви удалаться и никакого общенія съ нею не имѣть: и мы все твое прежнее писаніе нынѣ приедемъ за законъ, и на немъ утверждаемся, и болѣе ничего не требуемъ“. Начался снова шумъ, окончившійся ссорой вожаковъ раскола: Расторгуева съ Сапожниковымъ и городскимъ головой. Собраніе кончилось ничѣмъ: „и разошася кійждо во свояси“. Феофилактъ прибавляетъ, что нѣкоторые изъ присутствовавшихъ на собраніи христіанъ, „зѣло возревновавше о благочестіи, тодикую подвигнешея Сергію честь воздати, изъ часовни еже бы за власы терзаніе и по тѣлу его метлами біеніе, аще бы не поддержала сильная рука согласниковъ его, купцовъ вольскихъ“¹⁾.

Два дня спустя послѣ этого собранія, 25 октября, Сергій явился въ вольскій нижній земскій судъ и обратился къ исправнику Петру Львовичу Безобразову съ просьбой дать ему провожатыхъ до

¹⁾ Библ. А. И. Хлудова, № 298, 20—21.

монастыря, кромѣ данныхъ губернаторомъ двоихъ казаковъ. Исправникъ не совѣтовалъ ему ѣхать на Иргизъ, въ виду того, что старцы (Средняго—настоятель Матѳей Калмыкъ, Нижняго—Прохоръ, Верхняго—казначей Гавріилъ Бѣловъ и Лавръ) подали въ судъ прошеніе, въ которомъ заявляли, что „всѣ старцы съ тобой ко благословенному священству не согласны“ и не желаютъ не только строителемъ имѣть, но и на жительствѣ въ монастырѣ видѣть. Сергій протестовалъ: „Самые лучшіе старцы и бѣльцы, которые лицевые, всѣ тому согласны; а не согласны только тѣ, которые бѣглецы и волочаги“. Исправникъ объявилъ старцамъ, что въ виду указа изъ намѣстническаго правленія и предложенія отъ губернатора, въ конхѣ предписывается дѣлать Сергію во всемъ вспоможеніе и покровительство, онъ не можетъ запретить ему ѣхать въ свою обитель. Впрочемъ, онъ запретилъ ему входить въ какія-либо дѣла по обители впредь до полученія распоряженій. Сергій просилъ разрѣшенія произвести опись монастырскаго имущества, такъ какъ, по слухамъ, оно подвергалось усиленному разграбленію, и получилъ на это согласіе: съ нимъ былъ посланъ дворянскій засѣдатель Андрей Никитичъ Никифоровъ и регистраторъ Семень Петровичъ Уфимцовъ, которые должны были подписать опись и представить копію съ нея въ судъ. Сергій 28 октября пріѣхалъ на Иргизъ. Вечеромъ приплы къ нему нѣсколько человекъ его сторонниковъ и рассказали, что творилось въ монастырѣ безъ него. Свѣдѣнія оказались неутѣшительными. Изъ церковныхъ вещей распродало мало, но изъ монастырскихъ—очень много: холста, сукна, юфти, овчинъ, желѣза и стали раскрадено было слишкомъ на 2.000 рублей. Вопреки прямому приказанію исправника, Никифоровъ съ Уфимцовымъ отказался дѣлать опись и, получивъ за это приличную мзду, уѣхали изъ монастыря. Сергій остался въ самомъ затруднительномъ положеніи: ни въ церковь ни въ келарню его не допускали, братской пищи не давали; пытала его родная сестра, инокиня Александра, которая и сама терпѣла всякія гоненія и притѣсненія. Такъ шло дѣло съ 28 октября до 23 декабря; когда пріѣхалъ въ монастырь исправникъ съ указомъ намѣстническаго правленія, который и былъ прочитанъ публично братіи. Указомъ запрещалось входить съ жалобами въ земскій судъ, намѣстническое или губернаторское правленіе; указывался одинъ путь—къ епархіальному архіерею. Исправ-

никъ разрѣшилъ Сергію ходить въ церковь, келарню и по келіямъ братіи. Но, по отъѣздѣ исправника, братія не пустила Сергія въ церковь: изъ обѣихъ церквей вынесли въ келарню книги, ризы, стихари, подсвѣчники, свѣчи, подручники и-т. п., а самыя церкви заперли; сами служить не пошли и строителя не допустили. Такимъ образомъ Сергій не могъ даже принять присягу Павлу I. Онъ отправился съ жалобой въ вольскій земскій судъ и къ губернатору. Но въ Вольскѣ встрѣтился съ мѣстнымъ купцомъ и бургомистромъ Климовымъ, которому и рассказалъ все положеніе дѣлъ, не скрывая и намѣренія подать жалобу губернатору. Климовъ, „яко лиса куря обманывая“, просилъ подождать пріѣзда изъ Астрахани Злобина, который скорѣе и проще уладитъ все дѣло. Сергій побавлялся, что Злобинъ не пойдетъ противъ жены, которая вслухъ говорила: „во что ни станеть, а я мужа своего перекобчаю и Сергіево дѣло уничтожимъ. Миѣ есть чѣмъ! Такъ не такъ, у меня и кокошникъ въ 40.000 полетитъ; я и его по боку задѣну“; но не рѣшился оказать Злобину явное невниманіе и ждалъ его съ 27 декабря до 12 февраля. Злобинъ принялъ его очень любезно и благодарилъ за выхлопотанное имъ дѣло, — „намъ нигдѣ глазъ нельзя было показать съ своими бездѣльниками попами“, говорилъ онъ, — обѣщался помочь и всю дрянъ изъ монастыря разогнать.

Между тѣмъ во вторникъ на первой недѣлѣ великаго поста, 16 февраля, пріѣхалъ изъ Петербурга по особому высочайшему повелѣнію владимірскій губернаторъ, Павелъ Степановичъ Руничъ, и остановился въ домѣ Злобина. Въ четвергъ, 18 числа, онъ отправился въ Нижній монастырь и прочелъ въ церкви старцамъ и бѣльцамъ данный ему государемъ рескриптъ, съ котораго копію, писанную имъ собственноручно, передалъ настоятелю Прохору. Инокіи воспользовались удобнымъ случаемъ и подали Руничу жалобу на Сергія, что онъ чинитъ имъ притѣсненіе въ духовныхъ дѣлахъ. Въ отвѣтъ они получили завѣреніе, что все пойдетъ по старому и Сергій ничего не сдѣлаеть. Затѣмъ Руничъ выдалъ на три мужскихъ и на два женскихъ иргизскихъ монастыря по 50 рублей, вольскимъ купцамъ на часовню, „по ихъ сиротству“, тоже 50 рублей ассигнаціями; да еще сто рублей золотомъ послалъ „на Узени, въ Камышъ—Самару трудникамъ, которые больше живали по землянкамъ“ и возвратился въ Вольскъ. Сергій 19 февраля хотѣлъ было побесѣдо-

вать съ Руничемъ, пожаловаться ему на противодѣйствіе, какъ онъ выражается, „сволочи монастырской“ высочайшему повелѣнію о присоединеніи къ единовѣрію, но Злобинъ отговорилъ его, опасаясь, будтобы, что, пожалуй, не останется отъ монастыря и камня на камнѣ, да и имъ „по сосѣдству“ достанется. По отъѣздѣ Рунича, Злобинъ совѣтовалъ Сергію ѣхать къ Пасхѣ въ Москву, гдѣ будетъ государь со всѣмъ сенатомъ и синодомъ: „Тамъ ты по духовнымъ дѣламъ, а я по свѣтскимъ хлопотать будемъ и, быть можетъ, все устроимъ“. Потомъ вскорѣ онъ призвалъ настоятелей изъ всѣхъ монастырей и казначея изъ Успенскаго, келейно побесѣдовалъ съ ними, приказалъ выдать Сергію на поѣздку сто рублей монастырскихъ денегъ и распустилъ всѣхъ по домамъ. По вріздѣ Сергія въ обитель; слишкомъ 20 человекъ старцовъ и бѣльцовъ дали ему письменную довѣренность просить у епархіальнаго архіерея къ себѣ въ обитель іеромонаховъ и іеродіаконовъ, сколько заблагорассудится его преосвященству. На второй недѣлѣ Сергій отправился въ путь. Въ Вольскѣ Епифановъ и Сапожниковъ съ „небольшимъ числомъ лучшихъ людей“ также дали ему просьбу къ Амвросію казанскому о благословенномъ священствѣ. Въ Саратовѣ онъ встрѣтился съ Злобинымъ и передалъ ему эту просьбу, а самъ отправился въ Москву и прибылъ туда десятью днями раньше Злобина. Этимъ временемъ онъ воспользовался, какъ нельзя лучше: подалъ въ синодъ надлежащее прошеніе и добился чрезъ содѣйствіе Амвросія казанскаго, чтобы Гавріиль петербургскій послалъ указъ въ тихвинскій монастырь къ архимандриту Герасиму съ требованіемъ отправить іеромонаха Сергія и іеродіаконовъ Иринея и Мельхиседека въ Верхне-Успенскій иргизскій монастырь, снабдивъ ихъ нужными паспортами и аттестатами. Злобину Сергій, разумѣется, рассказать все дѣло; тотъ благодарилъ его, а затѣмъ, увидясь съ Гавріиломъ и Амвросіемъ, обѣщался ввести Сергія съ благословенными священниками въ обитель „безъ всякаго съ обѣихъ сторонъ огорченія.“ Это была ложь. Еще за нѣсколько дней до этого Злобинъ пригласилъ къ себѣ московскихъ купцовъ А. А. Емельянова и Д. Ф. Гудка и съ ними вмѣстѣ рѣшилъ, что на Иргизѣ благословеннаго священства быть не должно. Въ виду такого постановленія эти купцы и явились затѣмъ къ Гавріилу въ Новоспасскій монастырь съ заявленіемъ, что отправленныхъ на Иргизъ, по просьбѣ строителя Сергія, поповъ не

примуть. Затѣмъ Злобинъ будто бы не успѣлъ подать Амвросію прошение о благословенномъ священствѣ для Вольска и отдалъ его Сергію, чтобы тотъ подалъ въ Казани, куда уѣхалъ Амвросій. Вмѣстѣ съ тихвинскими монахами Сергій отправился въ Казань и подалъ Амвросію переданную Злобинымъ просьбу. Амвросій былъ радъ и немедленно написалъ къ тамбовскому епископу Феофилу письмо о вольскихъ бѣглыхъ попахъ Іаковѣ и Алексѣѣ. Между тѣмъ Злобинъ, подъ влияніемъ жены, которая и слышать не хотѣла о благословенномъ священствѣ, отправилъ письмо къ Амвросію, сообщая, что по пріѣздѣ изъ Москвы „нашелъ Успенскую обитель всю разстроенною,“ строителя съ благословеннымъ священствомъ принимать многи не желаютъ и даже окружныя селенія озлоблены. Письмо рассчитано было на то, чтобы испугать Амвросія и заставить его временно удержать Сергія съ монахами; но оно опоздало: 23 іюня Сергій пріѣхалъ въ Вольскъ и явился къ Злобину, который опять таки сдѣлалъ видъ, что онъ очень доволенъ. Но въ то же время посланъ былъ въ монастырь нарочный съ приказомъ стоять крѣпко и ни подъ какимъ видомъ въ обитель благословенныхъ священниковъ со строителемъ не принимать. Нѣсколько позже уже официально былъ отправленъ туда вольскій купецъ Алексѣй Поповъ съ письменнымъ запросомъ: есть ли согласные со строителемъ? Онъ привезъ отвѣтъ, что такихъ нѣтъ (всѣхъ согласныхъ со строителемъ—чезовѣкъ до двадцати—изъ монастыря выгнали). Между тѣмъ въ Вольскѣ явились четверо выгнанныхъ старцевъ съ жалобой къ Злобину, котораго считали православнымъ. Онъ сбросилъ теперь личину и сказалъ Сергію: „дѣлайте, отецъ Сергій, что хотите; когда въ обители согласныхъ нѣтъ, то и намъ дѣла нѣтъ“. Строитель нашелся сказать только одно: „этого отвѣта я отъ васъ ждалъ уже слишкомъ десять лѣтъ“¹⁾. Теперь вся надежда была на губернатора, Василя Сергѣевича Ланского. Къ нему и обратился Сергій съ просьбой объ оказаніи содѣйствія, говоря, что многіе согласны на единовѣріе, но опасаются вышшняго монастырскаго начальства. Ланской ввалъ раньше уже всю исторію хлопотъ Сергія объ единовѣрїи и потому удовлетворилъ его просьбу, отправивъ въ монастырь вмѣстѣ съ

¹⁾ Этимъ выраженіемъ Сергій, кажется, хотѣлъ сказать только то, что онъ давно уже началъ сомнѣваться въ Злобинѣ; видѣтъ здѣсь точное обозначеніе времени, съ котораго Сергій началъ хлопотать объ единовѣрїи, конечно, нельзя: до 90-хъ годовъ Злобинъ ревностно стоялъ за расколъ.

нимъ совѣтника губернскаго правленія, полковника Александра Васильевича Иванчина, который и выѣхалъ 10-го іюля. Никакой пользы отъ Иванчина не вышло. Иноки устроили ему торжественную встрѣчу „съ хлѣбомъ, съ солью и съ лицедеинымъ поклоненіемъ“. Келья Сергія была заперта. Строитель Исаакій отказался отпереть ее и повелъ Иванчина въ особо приготовленное для него помѣщеніе. Переговоры шли долго; на убѣжденія губернаторскаго посланца братія отвѣчала ему: „мы ни указа, ни архіерея, ни всего синода не слушаемъ, ибо мы не старцы, а мужики: мы платимъ подушныя, дворцовыя, рекрутскія и прочія всѣ государственныя тягости, признавать великороссійскую церковь за православную и молиться за царскую фамилію, синодъ и епархіальнаго архіерея—не согласны, ибо всѣ они еретики“. Въ заключеніе всего Иванчинъ порекомендовалъ Сергію съ его попами уходить вонъ изъ монастыря. Такое „содѣйствіе“ объясняется очень просто: проѣздомъ чрезъ Вольскъ Иванчинъ побывалъ уже у Злобина и потому поддерживать Сергія былъ вовсе не расположенъ. Сергій съ привезенными изъ тихвинскаго монастыря иноками, пробывъ въ обители только 9¹/₂ часовъ, вынужденъ былъ выѣхать обратно въ Вольскъ, откуда 18 іюля монахи отправились въ Казань¹⁾). Раздосадованный неудачей, Сергій, по словамъ Феофилакта, задумалъ выместить зло свое на монастырь слѣдующимъ путемъ: онъ подалъ прошеніе въ саратовское губернское правленіе, прописывая, что монастырь долженъ ему деньгами триста рублей, да еще за кельи, построенныя на собственныя его деньги, слѣдуетъ получить 650 рублей. По наведеннымъ справкамъ оказалось, что за монастыремъ такого долга никогда не было. Опасаясь за ложное показаніе законнаго отвѣта, Сергій вынужденъ былъ просить братію все это предать забвенію и подалъ мирную челобитную въ вольскій нижній земскій судъ о

¹⁾ Имп. Публ. библ., Q, I, № 742, 16—59. Пресв. Макарій (Ист. раск., 384) рассказываетъ совсѣмъ иначе объ этомъ послѣднемъ пребываніи Сергія въ Успенскомъ монастырѣ. Неправдоподобность этого разсказа становится вполне очевидной, если хоть сколько-нибудь внимательно вникнуть въ обстоятельства дѣла. А. Я. опредѣленно говоритъ, что настоятель Исаакій не допустилъ Сергія въ настоятельскую келью и потому послѣдній вмѣстѣ съ своими іеромонахами пробылъ въ обители всего 9¹/₂ часовъ. Когда, въ теченіи такого короткаго времени, могъ думать Сергій келарь съ двумя монахами, какъ могъ допустить это Иванчинъ и зачѣмъ выбрали иноки „на мѣсто Сергія“ поваго настоятеля, когда это мѣсто гораздо раньше замѣщено уже было Исаакиемъ,—все это невѣдство. Кромѣ того нужно замѣтить, что въ Верхнемъ монастырѣ не было ни одного настоятеля съ именемъ Прохора. *Прим. авт.*

невзысканіи съ монастыря тѣхъ денегъ, обязуясь подпискою въ монастырь ни подѣ какимъ видомъ не входить, ни на жительство, ни на короткое время даже, и въ духовныя дѣла монастыря не вмѣшиваться¹⁾). Послѣ такого рода мировой сдѣлки Сергію нечего было дѣлать больше въ саратовскихъ предѣлахъ; оставалось одно только—уѣхать и уѣхать какъ можно скорѣе и какъ можно дальше отъ этихъ мѣстъ, гдѣ такъ неожиданно разразилась надъ нимъ гроза, гдѣ прахомъ разлетѣлось начатое при столь благопріятныхъ условіяхъ дѣло. Сергіи такъ и сдѣлалъ. Забравъ съ собою всѣхъ своихъ родственниковъ, онъ отправился въ Стародубье и тамъ, принявъ единовѣріе, поступилъ вмѣстѣ съ племянникомъ въ Никодимовъ монастырь, а сестру свою и жену убитаго брата своего, Евсевія, съ ея дочерью пристроилъ въ Новозыбковѣ къ единовѣрческой Преображенской церкви. Прошло немного времени и онъ посвященъ былъ въ санъ іеромонаха, а вслѣдъ затѣмъ сдѣлался настоятелемъ единовѣрческаго Успенскаго монастыря въ Бѣлоруссіи.

Удалившись съ Иргиза, Сергіи сочинилъ цитированную уже мною книжку подѣ заглавіемъ: „*Зеркало для старообрядцевъ, не покоряющихся православной церкви*“, которая и напечатана была имъ въ 1799 году. Добротворскій полагаетъ, что это сочиненіе имѣло цѣлью доказать раскольникамъ ихъ заблужденіе и такимъ путемъ сблизить ихъ съ единовѣріемъ, но правильнѣе, кажется, будетъ видѣть въ немъ апологію автора, попытку его оправдать въ глазахъ бывшихъ единовѣрцевъ свою измѣну прежнимъ убѣжденіямъ, желаніе съечь все то, чему онъ прежде поклонялся. Сергіи, при всемъ своемъ самолюбіи, былъ слишкомъ опытенъ для того, чтобы возлагать черезчуръ большія надежды на это произведеніе; по собственному опыту зналъ онъ, какъ трудно разубѣдить раскольника въ его вѣрованіи, и было бы дѣломъ непомѣрваго самолюбія надѣяться, что чрезъ эту книжку прольется на нихъ „тогъ истинный свѣтъ, который его осіялъ, и они обратятся на путь правды“. Такихъ книжекъ раскольники много видали, какъ видалъ ихъ раньше и самъ Сергіи, но пользы для православія изъ этого никакой не выходило. Не останавливаясь на передачѣ содержанія „*Зеркала*“, отмѣчу только одинъ любопытный пунктъ его—взглядъ Сергія на бѣглыхъ священниковъ. Принимая ихъ, старообрядцы, по мнѣнію

¹⁾ Рук. А. И. Хлудова, № 293, 37.

Сергія, „причиняли душѣ своей такую пагубу: 1) бѣглые поны, въ нравахъ непотребные, возмущаютъ ихъ и приводятъ въ непокореніе духовной и свѣтской власти; 2) по причинѣ недостатка въ священникахъ претерпѣваютъ скудость и недостатокъ въ священнодѣйствіи и часто не сподобляются спасительныхъ таинствъ; 3) имѣютъ весьма мало или даже совсѣмъ не имѣютъ священниковъ, просвѣщенныхъ ученіемъ; 4) испытываютъ совершенный недостатокъ въ рачительныхъ и добросовѣстныхъ, а особливо въ трезвенныхъ попахъ; 5) приходятъ въ конечную необузданность въ самовольничествѣ и безпутствахъ, отъ чего происходитъ и сомнительность толкованій, не согласныхъ съ св. писаніемъ“¹⁾. Имѣла ли книжка Сергія какой-нибудь успѣхъ въ старообрядческой средѣ—неизвѣстно, но мечты его объ единовѣрїи нашли себѣ благопріятную почву для дальнѣйшаго развитія въ средѣ „лучшихъ вольскихъ людей“. Епифановъ и Сапожниковъ съ кружкомъ прїятелей,—небольшимъ, впрочемъ, по численности,—рѣшили послѣ отъѣзда Сергія ввести въ Вольскѣ единовѣрїе. Въ концѣ 1797 года ими прїнятъ былъ законно поставленный священникъ, но противодѣйствіе попечителя старообрядческой часовни, Петра Волковойнова, за спиной котораго негласно работалъ Злобинъ съ женой, испортило все дѣло: Волковойновъ успѣлъ возмутить въ самомъ городѣ и по окрестностямъ простой народъ, который грозно поднялся на защиту старины. Новаторамъ противъ воли пришлось уступить желанію большинства и вольское единовѣрїе умерло, не успѣвъ родиться: Иргизъ отстоялъ свой наиболѣе укрѣпленный форпостъ въ нагорной части Саратовскаго края²⁾.

Сергій, какъ человѣкъ, послѣ 1797 года умеръ для раскола; но его идея надолго пережила его и цѣлый рядъ лѣтъ еще пугала истинныхъ ревнителей отцовскаго и дѣдовскаго благочестія. Отголосокъ ея звучитъ въ слѣдующихъ словахъ вольскаго старообрядца Ивана Петровича Фомина, писанныхъ имъ въ 1799 году къ прїятелю своему, московскому купцу Ив. Ив. Мухину, не послѣднему члену Рогожскаго кладбища: „Увы, брате, да не оскорблю васъ словомъ, уже бо кончина приближается наша; видно по всему писанію, что основаніе нашей вѣры на песцѣ, а не на твердомъ каме-

1) Сергій, Зерк. для старооб., 108—109.

2) Ниж. сем. библ., № 3774, 244.

ни. Не имѣемъ мы ни епископа, ни священника, благословеннаго отъ власти церковной, но ожидаемъ, по мнѣнію нашему, особеннаго епископа. Сохрани насъ Боже, чтобы и мы не такъ же ожидали себѣ епископа, какъ жидаы ожидаютъ пришествія Мессіи¹⁾. Двадцать лѣтъ спустя, въ этомъ же тонѣ писалъ на Рогожское кладбище одинъ неизвѣстный по имени иргизскій инокъ: „О новый Израилю! Уты, утолстѣ, уширѣ и забылъ еси Бога, создавшаго тя! Уты богатствами и мірскими почестями, уширѣ фабриками, капиталами и иными дѣлами торговыми, утолстѣ въ пространномъ житіи сластолюбіемъ, чревоугодіемъ, объяденіемъ же и пиянствомъ! Забылъ еси Бога и послужилъ проклятой маммонѣ и золотому тельцу прилѣпился всею душою твоєю и всѣмъ помышленіемъ твоимъ. Окрадая смущенную никоніанскую церковь, новшества пренесполненную и святыя догматы дерзостно поправшую, тщетно хвалишися, о новый Израилю, якобы священства чинъ въ тебѣ не изсякаетъ. Всю хвалишися! Гдѣ той неизсякаемый источникъ, гдѣ преемственная отъ рукъ апостольскихъ хиротонія? Имѣши ли епископскій чинъ, безъ него же церковь Божія стоять не можетъ? Имѣши ли священническое руковожденіе, миросовершенство, антиминовъ священіе, епископское благословеніе и разрѣшеніе, равно и судъ церковный? Кто можетъ въ тебѣ пресвитера и діакона поставляти, миро совершати, дѣвъ освящати и всѣ дѣла со разсужденіемъ творити?“²⁾ Объ этомъ броженіи умовъ, объ этихъ симпатіяхъ къ единовѣрью хорошо знали иргизскіе „столпы“: грозный призракъ благословеннаго священства постоянно былъ у нихъ передъ глазами и потому обвиненіе въ неправославіи, въ склонности къ никоніанству сдѣлалось самымъ страшнымъ обвиненіемъ. Его боялись даже такіе популярныя въ раскольническомъ мірѣ лица, какъ знаменитый Прохоръ: даже ихъ опытомъ доказанная искренность подвергалась сомнѣнію и подозрѣнію. Вотъ примѣръ. Духовный сынъ Прохора, инокъ Германъ, изъ-за чего-то рѣзко разошелся съ своимъ отцомъ и сбѣжалъ изъ Воскресенскаго монастыря въ Никольскій, гдѣ сталъ распространять слухъ, что Прохоръ „мудрствуетъ противъ православной церкви неправильное исповѣданіе“. Чтобы очистить себя отъ опаснаго подозрѣнія, Прохоръ вынужденъ былъ 17 сентября

1) Іоаннъ, Духъ мудр. нѣк. раск. толк., 85—86.

2) „Рус. Вѣст.“, 1864, № 5, 11.

1825 года послать въ Никольскій монастырь письменное удостовѣреніе въ своемъ православіи за подписью уславщика Никанора, казначея Веніамина и соборныхъ старцевъ Игнатія, Саввы и Адріана¹⁾.

¹⁾ Ниж. сем. библ., № 3774, 390—392.

ГЛАВА IV.

Павелъ I посылаетъ на Иргизъ Рунича.—Причиной этой командировки.—Освобожденіе Иргизскихъ монастырей отъ рекрутской повинности.—Новая командировка Рунича на Иргизъ.—Пожаръ въ Успенскомъ монастырѣ и пожалованіе Павломъ 12,000 р. на возобновленіе сгорѣвшихъ церквей.—Надѣлъ Иргизскихъ монастырей землей.—Разрѣшеніе раскольникамъ Городца брать священниковъ съ Иргиза.—Иргизскій соборъ 1805 года.—Иргизская „исправа“ и иргизское миро.—Легкое отношеніе Прохора къ приему бѣглыхъ священниковъ.—Подъемъ авторитета монастырей въ глазахъ старообрядцевъ.—Отказъ иргизскихъ настоятелей въ требованіи Панчулидзева.—Стѣсненіе въ выдачѣ паспортовъ инокамъ.—Пожертвованія монастырямъ.—Попытка пензенской консисторіи ознакомиться съ Иргизомъ.—Преданіе Прохора суду за приемъ въ монастырь бѣглыхъ.—Отказъ монастырей прекратить приемъ священниковъ.—Дѣло о священникѣ Добронравовѣ.—Распространеніе раскола по уѣзду вольскому, хвалынскому, аткарскому, петровскому, сердобскому, царичинскому, кузнецкому и саратовскому.—Начинающееся давленіе на расколъ со стороны саратовской администраціи.—Характеристика саратовскихъ архіереевъ первой четверти настоящаго столѣтія.

Неудача Сергія съ его единовѣріемъ послужила какъ бы поворотнымъ моментомъ въ жизни Иргиза: съ этого именно времени начинается 30-ти-лѣтній періодъ иргизской исторіи, время вѣшняго блеска и славы и вмѣстѣ внутренняго разложенія и упадка, пора расцвѣта, предшествовавшая и какъ будто предсказывавшая приближающееся паденіе и уничтоженіе монастырей. Три существенныя условія содѣйствовали расцвѣту Иргиза и вмѣстѣ съ тѣмъ расширяли и усиливали расколъ въ Саратовскомъ край: мягкая политика императоровъ Павла и Александра въ отношеніи старообрядцевъ, личныя свойства Прохора, заявшаго послѣ Сергія мѣсто верховнаго руководителя и главы Иргизскихъ монастырей, и деньги Злобина, съ особенной щедростью разбрасываемыя имъ теперь на поддержаніе раскола, какъ будто онъ хотѣлъ этимъ загладить свое замышлявшееся уклоненіе въ единовѣріе.

Екатерина II ознаменовала свое вступленіе на престолъ милостями къ раскольникамъ; такими же милостями, только не къ раскольникамъ вообще, а къ Иргизскимъ монастырямъ собственно, началъ свое царствованіе и преемникъ ея, обыкновенно съ нелюбовью относившійся ко всѣмъ начинаніямъ своей матери. Почти тотчасъ по восшествіи на престолъ, именно 16 января 1797 года, государь далъ слѣдующее собственноручное предписаніе дѣйст. ст.

сов. Руничу: „Вхатъ вамъ въ Узени и въ прилежащія мѣста, увѣрить начальствующихъ о моемъ къ нимъ благоволеніи и о желаніи моемъ видѣть ихъ всегда въ покоійствіи и удовольствіи“¹⁾. Чѣмъ было вызвано это необычайное посольство Рунича на Ирғизъ— съ достовѣрностью неизвѣстно, но преосв. Іаковъ, со словъ одного изъ старожиловъ Воскресенскаго монастыря, передаетъ слѣдующій разсказъ о случаѣ, обратившемъ на Ирғизъ особенное вниманіе императора. Воспитанникъ домскаго генерала Теодора Петровича Денисова, Ипатъ, а по иночеству Исаакій, отправился въ Ирғизскіе монастыри. Юноша этотъ, не имѣвшій нисѣмненнаго вида и къ тому же неуступчивый, при одной выемкѣ въ монастырѣ бѣглыхъ господскихъ людей, за которыхъ онъ вступился, былъ взятъ полиціей и посаженъ въ вольскій тюремный замокъ. Здѣсь ему пришлось сидѣть въ одной камерѣ съ какимъ-то чиновникомъ, который, выслушавъ исторію его поимки въ монастырѣ и узнавъ о родственникахъ въ Петербургѣ, близкихъ къ государю, предложилъ за полтинникъ выпустить его на свободу. Полтинникъ нашелся и чиновникъ-писакъ сочинилъ письмо къ Денисову, въ которомъ рѣзко, преувеличенно, но искусно изложилъ притѣсненія, какія терпятъ монахи ирғизскіе отъ мѣстнаго гражданскаго начальства, и въ доказательство приводилъ то, что Ипата, случайно посѣтившаго монастырь, невиннаго богомольца, посадили въ тюрьму и заковали въ кандалы. Денисовъ при удобномъ случаѣ, выждавъ благоприятную минуту, показалъ письмо государю, присоединивъ при этомъ и отзывъ свой въ пользу раскольниковъ. Немедленно посланъ былъ на Ирғизъ Руничъ²⁾. Не отставая безусловно справедливости такого объясненія, его тѣмъ не менѣе должно считать очень вѣроятнымъ: не даромъ же, конечно, въ началѣ нынѣшняго столѣтія ирғизскіе иноки, по словамъ посѣтившаго въ 1833 году эти монастыри члена совѣта министерства внутреннихъ дѣлъ, Арсеньева, „благоговѣли къ имени Денисова, который при жизни своей былъ ревностнѣйшимъ покровителемъ старообрядчества“³⁾; съ другой стороны, въ этомъ разсказѣ нѣтъ ничего, что противорѣчило бы представленію о нервной, порывистой натурѣ императора Павла. Кромѣ этого изъ

1) Труды Рязанской уч. Арх. Комиссіи. I, вып. I, 91. Рязань, 1885; см. Имп. Публ. библ., Q, I, № 742, 47; Ниж. сем. библ., № 3774, 17.

2) Ниж. сем. библ., № 3774, 23.

3) Дѣла Секр. Комит., Vol. XIV, стр. 1113.

автобіографіи архим. Платона пзвѣстно, что когда помѣщикъ Гнѣздинъ отыскивалъ своего бѣглаго человека, то исправникъ земскій сдѣлалъ въ Нижнемъ монастырѣ обыскъ и нашель 47 человекъ безпаспортныхъ бродягъ; Прохоръ попалъ подъ судъ за укрывательство бѣглыхъ, но, какъ показали 12 человекъ соборныхъ старцевъ Нижняго монастыря на допросѣ въ вольскомъ земскомъ судѣ 1 іюля 1818 года, „по особому высочайшему повелѣнію, всемилостивѣйше отъ суда и слѣдствія освобожденъ безъ наказанія“¹⁾. Если сопоставить эти данныя съ рассказомъ преосвящ. Іакова, то понятно станеть, откуда явилось „особое высочайшее повелѣніе.“ Впрочемъ, какъ бы то ни было, но посольство Рунича имѣло громадное значеніе для раскола вообще и для саратовскаго—въ особенности. Руничъ пріѣхалъ въ Вольскъ, какъ мы знаемъ уже, 16 февраля 1797 года и остановился у Злобина. Послѣдній разомъ понялъ, куда тянетъ новое вѣяніе, и съ этого, кажется, времени бросилъ рѣшительно свою мысль объ единовѣріи, хотя, по безхарактерности, и не рѣшился сознаться въ этомъ Сергію. На другой день Руничъ отправился на Ирғизъ. Въ Нижнемъ монастырѣ онъ прочиталъ братіи данное ему высочайшее повелѣніе, выслушалъ обѣдню и благодарственный молебенъ и сказалъ старцамъ слѣдующую рѣчь: „Отцы святыя! вижу я, что у васъ въ церкви Божіей священная служба совершается весьма порядочно и душеспасительно, въ которой какъ пѣніе и чтеніе, такъ и колѣнопреклоненіе и прочее т. п. исправляется чиномъ и уставомъ благопристойнымъ, и худого или какого сумнительства въ нашемъ упованіи дѣйствія не предвидится. Чего ради по всемилостивому монаршему сему благоволенію оставайтесь вы спокойны и ни отъ кого въ томъ притѣснены. Но только прошу вашихъ отеческихъ молитвъ, помолитесь о моемъ здравіи и спасеніи“²⁾. Собственноручно писанную копию съ высочайшаго повелѣнія онъ передалъ Прохору, прося его дать такія же копии и въ другіе Ирғизскіе монастыри. Осмотрѣвъ всѣ Ирғизскіе обители и оставшись доволенъ сдѣланными наблюденіями, Руничъ торжественно общалъ Прохору, съ которымъ особенно близко сошелся, ходатайствовать предъ государемъ за иноковъ во всѣхъ ихъ нуждахъ. Это обѣщаніе онъ сдержалъ во всей его полнотѣ,

1) Ниж. сем. библ., № 3774, 437; Дѣло вольск. магистрата, 1818, № 65, 24.

2) Библ. А. И. Хлудова, № 298, 27; Парестивъ, Оправданіе церковное, 139.

сдѣлавшись какъ бы полномочнымъ ходатаемъ и попечителемъ Иргиза. Исполнивъ возложенное на него порученіе, Руничъ отправился въ Петербургъ, куда велѣлъ вслѣдъ за нимъ ѣхать Прохору и старцу Іосифу изъ Верхняго монастыря. Тѣ, разумѣется, съ радостью поѣхали и, благодаря своему покровителю Руничу, неоднократно видѣли государя¹⁾. Результатомъ всѣхъ этихъ аудіенцій и предствательствъ Рунича явился именной указъ сенату отъ 31 августа 1797 года: „Саратовской губерніи, вольской округи, иргизской волости, пребывающихъ въ обителяхъ старообрядческихъ въ Верхне-Успенской, Средне-Никольской и Нижне-Воскресенской по приложенному при семъ реестру изъ числа дающихъ рекрутъ освобождать“²⁾. Этотъ указъ Павла, освобождавшій иргизскихъ иноковъ отъ рекрутской повинности, какъ освобождено отъ нея православное духовенство имперіи, былъ очень важенъ для Иргиза: онъ санкціонировалъ законность Иргизскихъ монастырей, утверждалъ ихъ самобытность.

Какъ ревностно хлопоталъ Руничъ объ Иргизѣ, лучше всего доказываетъ высочайшій рескриптъ отъ 30 іюля 1798 года: „Господинъ дѣйствительный статскій совѣтникъ и владимірскій гражданскій губернаторъ Руничъ! Съ крайнимъ негодованіемъ свѣдали мы, что въ Саратовской губерніи, въ Узеняхъ, въ Иргизскомъ старообрядческомъ монастырѣ произошли отъ начальства губернскаго жителямъ притѣсненія такіа, кои желаніямъ и сердцу нашимъ совершенно противны; какъ-то: гоненія всякаго рода, вопреки повелѣніямъ нашимъ, и даже церкви и монастыря сего раззореніе. И потому, имѣя всегда доброе мнѣніе о усердіи вашемъ и расторопности, вамъ поручаемъ мы, получа сіе повелѣніе наше, немедленно отправиться въ вышеозначенное мѣсто и войти во всѣ обстоятельства и подробности поступковъ саратовскаго начальства, клонящихся въ обиду и притѣсненіе старообрядцевъ; успокоить неусыпностью вашею востревоженныхъ и намъ о всемъ исправно доносить. Жителямъ же онаго монастыря, округи той и прочимъ внушить вы имѣете, что сіе о спокойствіи ихъ попеченіе наше должно уже важнымъ доказательствомъ служить для всѣхъ ихъ тому, сколь отдалены мы отъ того, чтобы ихъ тревожить во всемъ томъ, что

¹⁾ Библ. А. И. Хлудова, № 298, 28.

²⁾ Дѣла Секр. Комит., Vol. XVII, стр. 1185.

касается до ихъ обрядовъ и что власти нашей я найшему къ нимъ благоволенію не противно¹⁾). Какого рода разборъ производилъ въ Саратовѣ Руничъ—неизвѣстно; губернаторъ Ланской удержался на своемъ мѣстѣ, но такое внушительное доказательство высочайшаго благоволенія къ Иргизу, какъ вторичная присылка Рунича, должно было убѣдить его въ томъ, что гораздо выгоднѣе покровительство-вать монастырямъ, чѣмъ давить на нихъ.

Пожаръ 7 октября этого же года въ Верхнемъ монастырѣ, начавшійся отъ находившейся въ алтарѣ неугасимой лампы и истребившій объ церкви вмѣстѣ съ 47 кельями, послужилъ поводомъ къ новой, дѣйствительно необыкновенной высочайшей милости къ Иргизу. Преемникъ Исаакія по управленію обители, игуменъ Мамонтъ, немедленно чрезъ Прохора сообщилъ Руничу объ этомъ несчастіи, причинившемъ монастырю убытку до 100.000 рублей. Руничъ вошелъ съ надлежащимъ ходатайствомъ и 16 ноября получилъ слѣдующій рескриптъ: „Вслѣдствіе донесенія вашего, въ коемъ упоминаете вы о извѣстии, къ вамъ присланномъ, касательно погорѣнія церквей въ Верхне-Успенскомъ старообрядческомъ монастырѣ, сказать вамъ здѣсь я имѣю, что грамоты, о которой пишете вы, давать я приличія не вижу, а на построеніе всѣхъ оныхъ погорѣвшихъ церквей нужное число денегъ повелѣваю вамъ выдать изъ казны моей“²⁾).

Позднѣйшимъ рескриптомъ отъ 18 декабря „нужное число денегъ“ опредѣлено было въ 12.000 рублей, каковая сумма и была предоставлена въ полное распоряженіе Рунича, съ замѣчаніемъ что на ней и „ограничиться должно“³⁾). Объ этой милости къ Иргизу упоминается между прочимъ въ одномъ стихотвореніи:

„....Доложено императору
О вашемъ большомъ несчастіи;
Наказаніе пришло отъ Бога
Погорѣніемъ церкви вашей.
...Монастырь Верхній былъ жалованъ“⁴⁾).

Тотчасъ же по полученіи рескрипта, Руничъ увѣдомилъ сара-

¹⁾ Тр. Рязан. уч. арх. комиссія, I, вып. 1, 91; см. библ. А. И. Хлудова, № 349, 614.

²⁾ Труды Ряз. уч. арх. ком., I, вып. 1, 92; см. Дѣла секр. комит., vol. XIV, стр. 1106; Бр. Св. Кр., № 513, 114—121; № 500, 1; Леопольдовъ, Стат. опис. сар. губ., II, 121.

³⁾ Тр. Ряз. уч. арх. ком., loc. cit. 92.

⁴⁾ „Рус. Арх.“, 1864, 103.

товское начальство о дарованіи Иргизу царской милости. Закинѣла работа подѣ непосредственнымъ наблюдениемъ настоятеля и черезъ какой-нибудь мѣсяць возникла маленькая деревянная церковь во имя Введенія Пресвятой Богородицы, освященная 10 января 1799 года на сохраненномъ отъ пожара антиминосѣ. вмѣсто сторѣвшихъ келій построено было около 60-ти новыхъ; заложенъ былъ и другой храмъ, каменный, во имя Преображенія, по плану, всеподданнѣйше представленному иноками и удостоившемуся высочайшаго одобренія. По этому же плану отстроена была и деревянная колокольня, на которой поставлены были недѣльные часы работы известнаго русскаго механика Кулибина¹⁾. Изъ казны на послѣднія постройки взято было шесть тысячъ рублей,—очевидно, строители боялись обнаружить неумѣренность и строили очень экономно²⁾. Преображенская церковь отстроена была только въ 1803 году. Въ виду перемѣны на престолѣ, иноки не рѣшились освящать ее безъ разрѣшенія свѣше; Гавріилъ послалъ съ казначеемъ Веніаминомъ прошеніе къ Руничу, который въ это время былъ губернаторомъ въ Вяткѣ. Послѣдній въ свою очередь не замедлилъ чрезъ министра внутреннихъ дѣлъ Кочубея представить прошеніе старообрядцевъ государю императору и получить нужное разрѣшеніе. Увѣдомляя объ этомъ Гавріила, въ письмѣ отъ 20 октября 1803 года, Руничъ прибавляетъ: „По освященіи же церкви, какъ объ ономъ, такъ и о томъ, одного ли монастыря священникъ или и прочіихъ монастырей священники совершали обрядъ сей, не оставьте меня увѣдомленіемъ“³⁾. Въ перепискѣ по этому поводу любопытна слѣдующая черта, хорошо характеризующая отношенія Рунича къ Прохору: посылая только что цитированное письмо къ Гавріилу, Руничъ одновременно посылаетъ и копію съ него Прохору „для свѣдѣнія“⁴⁾. Нѣсколько позже, 21 ноября этого же года, вольскій земскій судъ увѣдомилъ Гавріила съ соборной братіей объ этой висо-

¹⁾ Бр. Св. Кр., № 500, 73.

²⁾ Въ „Сборникѣ“ преосв. Іакова есть замѣчаніе, что 6.000 (12.000) рублей предназначались императоромъ Павломъ на построеніе не раскольниковъ, а единовѣрческой церкви на Иргизѣ; но оно не выдерживаетъ никакой критики. Руничъ, другъ и покровитель Прохора, едва ли сталъ бы хлопотать о построеніи какой-то единовѣрческой церкви. Кромѣ того въ цитированныхъ рескриптахъ 16 ноября и 18 декабря 1798 года прямо говорится о старообрядческомъ монастырѣ и ни полслова—объ единовѣрціи.

³⁾ Ниж. сем. библ., № 3774, 22.

⁴⁾ Бр. Св. Кр., № 500, 14.

Прим. авт.

чайшей милости и отобралъ поднису въ слышаніи указа¹⁾. Освященіе церкви состоялось однако только 9 іюня 1804 года²⁾, можетъ быть потому, что, въ ожиданіи разныхъ задержекъ и зная медленность движенія подобнаго рода ходатайствъ, начали хлопотать слипкомъ заблаговременно, не закончивъ постройки, о разрѣшеніи освятить, а можетъ быть и потому, что не находили соответствующаго антиминса, которымъ можно было бы замѣнить сторѣвшій въ Успенской церкви. Преосв. Іаковъ объясняетъ дѣло въ смыслѣ послѣдняго предположенія и говоритъ, что послѣ долгихъ безуспѣшныхъ поисковъ антиминса въ честь Успенія, Прохору удалось, наконецъ, купить за 50 рублей у одного господскаго человѣка изъ села Иванова краденый антиминсъ въ честь Преображенія и на немъ освятить новопостроенный храмъ. Вообще на Иргизѣ, кажется, не часто попадались подлинныя, освященные архіеремъ антиминсы: по свидѣтельству архимандрита Платона, изъ 15 собранныхъ Прохоромъ антиминсовъ ни въ одномъ не оказалось, по тщательнымъ изслѣдованіямъ, въ воскомастикѣ частицъ мощей³⁾. Впрочемъ, это показаніе ослабляется въ значительной степени разсказомъ инока Арсенія,—тоже единовѣрца,—о ревизіи антиминсовъ въ Нижнемъ монастырѣ, по обращеніи его въ единовѣріе, 10 сентября 1829 года вольскимъ благочиннымъ прот. Павломъ Архангельскимъ. Съ одного изъ нихъ онъ снялъ копію, а остальные всѣ велѣлъ иноку Адріану доставить въ Саратовъ къ преосв. Моисею; тамъ они были разсмотрѣны и затѣмъ возвращены обратно съ тѣмъ же отцемъ Адріаномъ и положены на свои мѣста при колокольномъ звонѣ⁴⁾. Очевидно, антиминсы были настоящіе, иначе ихъ едва ли вернули бы въ монастырь.

Указомъ Павла, разрѣшающимъ построеніе на Иргизѣ церквей и келій, воспользовался и настоятель Средняго монастыря, Матеей Калмыкъ, соорудившій въ 1798—1799 годахъ теплую церковь во имя Покрова Богородицы, по размѣрамъ значительно уступающую Никольской: она имѣла въ длину всего пять, а въ ширину четыре сажени⁵⁾.

¹⁾ Арх. сар. губ. правл., I, 4, № 700, 4.

²⁾ Сар. Ист. Архивъ, I, А, № 7, 4. (Исходящій реестръ вольскаго исправника за 1804 годъ.

³⁾ Ниж. сем. библ., № 3774, 440.

⁴⁾ Арх. Ниж. мон., № 6, 1.

⁵⁾ Бр. Св. Кр., № 500, 4; Ниж. сем. библ., № 3774, 7.

Въ то время, какъ два сосѣднихъ монастыря обстраивались и украшались, Прохоръ, повидимому, бездѣйствовалъ: ни построекъ новаго, ни перестроекъ стараго онъ не предпринималъ. Это кажущееся бездѣйствіе обусловливалось двумя очень уважительными причинами: церковей въ Нижнемъ монастырѣ было достаточно и съ этой стороны понятна апатія Прохора, а въ тоже время на очередь выступать самый жгучій, самый больной для Иргиза вообще и его монастыря въ особенности вопросъ—о правѣ на владѣніе землей. Поясню въ двухъ словахъ суть дѣла. Извѣстнымъ манифестомъ Екатерины II раскольникамъ отведены были для поселенія въ саратовскомъ Заволжья земли дворцоваго вѣдомства, но правѣ на дѣйствительное владѣніе этими землями зарубежнымъ выходцамъ дано не было: существовало позволеніе селиться, но юридическаго акта, который обезпечивалъ бы занимающимъ отведенныя земли, не существовало. Отсюда естественно возникло слѣдующее: пока население Заволжья было рѣдко и немногочисленно, до тѣхъ поръ монастыри безпрепятственно могли владѣть однажды занятыми угодьями; но, по мѣрѣ увеличенія въ окрестностяхъ народонаселенія, все сильнѣе и сильнѣе должны были чувствовать переселенцы недостатокъ земли, „тѣсноту“, и все чаще и чаще должны были возникать у монастырей съ окрестными жителями случаи взаимныхъ недоразумѣній и столкновеній. Сергій Юршевъ сообразилъ это очень скоро и потому постарался отдѣлать монастырскія земли отъ земель удѣльныхъ крестьянъ слободы Мечетной: въ 1790 году саратовскій уѣздный землемѣръ Поповъ намежевалъ на лѣвой сторонѣ Иргиза для Верхняго монастыря достаточное количество земли и черезполосность владѣній исчезла. Этому благову примѣру не замедлилъ послѣдовать и Матѳей Калмыкъ: до 1795 года Средній монастырь владѣлъ землею обще съ мечетскими крестьянами, а въ этомъ году полюбовно, безъ споровъ и документовъ, выдѣлился. Точно также пріятно было бы отдѣлиться и Нижнему монастырю, которому земля была отведена общая съ крестьянами слободы Криволучья, но это не удавалось, такъ какъ трудно было достичь полюбовнаго соглашенія: и крестьяне, и монастырь, каждый хотѣлъ оторвать у другого кусокъ получше и пожирнѣе; взаимной уступки ждать было трудно, ибо население здѣсь гораздо гуще, чѣмъ въ окрестностяхъ Мечетной слободы, а потому и земля была дороже.

Рядъ споровъ и столкновений съ кривошукскими крестьянами изъ-за земли, а вмѣстѣ съ тѣмъ и начавшееся генеральное размежеваніе земель въ саратовской губерніи настоятельно вызывали Прохора на изысканіе способа обезпечить за своимъ монастыремъ захваченный его предшественниками кусокъ земли, такъ какъ иначе не только земельныя владѣнія, но и самое существованіе Нижняго монастыря каждую минуту стояли въ полной зависимости отъ случая, отъ того или другого взгляда правительственныхъ властей на расколъ. Способъ скоро былъ изысканъ, какъ доказываетъ это письмо Рунича на имя Прохора отъ 7 октября 1798 года, которое, въ виду его важности, привожу цѣликомъ: „Входя со всякою подробностію въ положеніе трехъ старообрядческихъ мужскихъ монастырей и двухъ женскихъ обителей, на Иргизѣ состоящихъ, и желая тѣмъ и другимъ доставить вѣчное неизблемое спокойствіе, въ разсужденіи владѣнія земель и прочихъ угодій, не оставилъ я всеподданнѣйше донести Е. И. В., что по случаю генеральнаго размежеванія земель саратовской губерніи, а равно по неимѣнію на владѣмыхъ нынѣ земли и угодья въ тѣхъ монастыряхъ и обителяхъ плановъ, писцовыхъ дачъ и крѣпостей, могутъ какъ монастыри, такъ и обители лишиться всѣхъ земель, понынѣ во владѣніи у нихъ состоящихъ: ибо сіи старообрядческіе монастыри и обители не входятъ въ штатъ великороссійской церкви монастырей, а притомъ и дозволеннаго государственнымъ узаконеніями права не имѣютъ на особенное владѣніе нынѣ къ монастырямъ и обителямъ принадлежащихъ земель. Е. И. В. принялъ съ благоугодною мое всеподданнѣйшее донесеніе и, милосердствуя отечески о жительствующихъ въ оныхъ монастыряхъ и обителяхъ, высочайше мнѣ указать соизволилъ, дабы я отправилъ одного землемѣра въ вышеозначенные монастыри и обители, чтобы онъ снялъ и положилъ на планъ всѣ земли и угодья, до сего времени во владѣніи у оныхъ состоящія, представилъ бы мнѣ съ описаніемъ тотъ планъ для всеподданнѣйшаго отъ меня Е. И. В. поднесенія онаго на высочайшую апробацію. Извѣщая васъ, господинъ настоятель, предварительно о такомъ высококомаршемъ соизволеніи, клонящемуся ко благу старообрядцевъ, долгомъ поставляю напомянуть вамъ, дабы вы употребили всю честность и благоразуміе и отнюдь не касались чужихъ земель и владѣнія, вамъ не принадлежащаго, но показали бы отряженному

землемѣру къ вамъ, яко вѣрноподаннѣйшіе дѣти своего монарха, тѣ токмо дачи и земли, коими нынѣ монастыри и обители дѣйствительно безспорное владѣніе имѣють, въ противномъ случаѣ всякое излишнее, несправедливое присвоеніе и притяженіе непринадлежащаго вамъ владѣнія можетъ лишитъ васъ высокомонаршихъ милостей, обильно на васъ во всѣхъ случаяхъ изливаемыхъ. Въ прочемъ съ истиннымъ усердіемъ и таковой же преданностью есмь и навсегда пребуду вѣрнымъ и доброжелательнымъ слугою. Павелъ Руничъ¹⁾. Легко представить себѣ радость, съ какою приняли на Ирگیзѣ это письмо Рунича, и нетерпѣніе, съ какимъ ждали присылаемаго отъ него землемѣра. Но ждать пришлось восемь мѣсяцевъ, — Руничъ только 7 іюня 1799 года послалъ на Ирگیзъ землемѣра Лаптева и съ нимъ письмо Прохору, въ которомъ авторъ его считаетъ нужнымъ „повторить прежнее свое предписаніе“ отъ 7 октября 1798 года, напоминая о необходимости, подъ опасеніемъ утратить монаршее благоволеніе, при снятіи плановъ монастырскихъ земель показать „всю честность и благоразуміе“ и не касаться чужихъ угодій²⁾. Лаптевъ, творя волю послышаго, щедрой рукой наръзалъ монастырямъ земли: Верхній монастырь получилъ—8.312, Средній—1.562 и Нижній—2.660 десятинъ. Составленные планы представлены были Руничу, но онъ почему-то усомнился въ ихъ правильности и въ маѣ 1800 года, съ высочайшаго соизволенія, самъ съѣздитъ въ Вольскъ „по дѣламъ иргизскимъ, узенскимъ и прочимъ такого рода“³⁾ и на мѣстѣ убѣдился въ „честности и благоразуміи“ отцовъ настоятелей. Во время этой поѣздки онъ по пути, такъ сказать, разрѣшилъ и другое дѣло: въ началѣ этого года⁴⁾, во время отлучки Прохора изъ монастыря, братія, недолюбливавшая настоятеля за его строгость и постоянно тяготившаяся имъ, возмутилась и объявила Прохора смѣненнымъ, а на его мѣсто избрала старца Θεодорита или, что одно и то же, Оому Михайлова, господскаго человѣка, проживавшаго въ монастырѣ по плакатному наспорту. Объ этомъ обстоятельствѣ Прохоръ увѣдомилъ немедленно Рунича и получилъ отъ него предписаніе никуда не отлучаться

¹⁾ Ниж. сем. библ., № 3774, 18.

²⁾ Ibidem, 19.

³⁾ Тр. Ряз. уч. арх. ком., loc. cit., 93.

⁴⁾ Въ мартѣ Прохоръ подписывается уже „соборнымъ старцемъ“ и Θεодоритъ именуется настоятелемъ. Саратов. Ист. Архивъ, I, А, № 5, 562.

изъ монастыря впредь до прїѣзда его въ Вольскъ и не сдѣвать Теодориту никакихъ бумагъ. За подробностями этого происшествія Руничъ обратился изъ Владимира къ В. А. Злобину; собравъ всѣ нужныя свѣдѣнія, онъ прїѣхалъ на Иргизъ и водворилъ Прохора въ его старой должности¹⁾.

Только послѣ личной провѣрки на мѣстѣ Руничъ рѣшился подвизать планы Лаптева и далъ ходъ дѣлу о монастырскихъ земляхъ. Но пока онъ выжидалъ удобную минуту поднести ихъ на высочайшую „апробацію“, на Иргизѣ соскучились ждать и Прохоръ задумалъ окончить дѣло поскорѣе: онъ послалъ своихъ повѣренныхъ въ симбирскую межевую контору ходатайствовать объ утвержденіи проведенной землемѣромъ Лаптевымъ межи. Оправданіемъ этой поспѣшности служить то обстоятельство, что неожиданная смерть императора Павла разбивала надежды на всемогущество Рунича. Ближайшія послѣдствія показали, впрочемъ, что отчаиваться относительно вліянія Рунича было пока еще рано,—11 апрѣля 1801 года на его имя послѣдовалъ такой рескриптъ: „Вѣренныя вамъ дѣла относительно старообрядческихъ обитателей по Иргизу, Уралу и Узеньямъ оставляю я въ вѣдѣніи и попечительствѣ вашемъ на прежнемъ основаніи. Мое желаніе и воля есть, дабы защищая ихъ отъ могущихъ имъ встрѣтиться притѣсненій, вы въ главномъ предметѣ своемъ имѣли тѣрпимость ихъ обрядовъ и свободу въ ихъ исповѣданіи вѣры, зная, что сіе есть единое средство успокоить умы, заблужденіемъ объятые, и что, напротивъ, излишнее вниманіе всегда укореняетъ только предразсудки сего рода“²⁾. Какъ бы то ни было, но Прохоръ, очевидно, своевременно не былъ увѣдомленъ объ этомъ обстоятельстве и потому не только началъ хлопотать о земляхъ помимо Рунича, но и не сообщалъ даже ему объ этихъ хлопотахъ, посылая одни только слезныя письма, полныя отчаянія за благополучный исходъ дѣла, въ виду вишатаательства симбирской межевой конторы, которая-де прислала землемѣра Дудина для провѣрки составленнаго Лаптевымъ плана. Введенный въ заблужденіе Руничъ, какъ могъ, утѣшалъ лукаваго корреспондента своего, просилъ его „во упованіи на милость Господню, не отчаиваться въ разсужденіи межеванія,“ совѣтовалъ „приложить стараніе, чтобы землемѣръ не спѣшилъ отсылкой плана

¹⁾ Изв. сем. библ., № 8774, 21.

²⁾ Тр. Ряз. уч. арх. Ком., loc. cit., 93.

въ симбирскую контору, но подержалъ бы оный при себѣ до нѣкотораго времени“ и т. п., а въ то же время усердно хлопоталъ въ Петербургѣ¹⁾). Объ этихъ хлопотахъ даетъ понятіе слѣдующій высочайшій рескриптъ 9 октября 1801 года: „Пріемля за благо представленіе ваше относительно земель, владѣмыхъ доселѣ старообрядческими монастырями, я согласенъ произвести въ дѣйство распоряженіе, любезнымъ родителемъ моимъ, въ Божѣ почивающимъ государемъ императоромъ Павломъ Петровичемъ предложенное. Не какъ плановъ отъ васъ въ свое время доставленныхъ я не имѣю, а у васъ остался генеральный, то я и буду ожидать присылки сего послѣдняго, на коемъ назначьте вы явственными чертами и сколько можно изясните описаніемъ истинныя предѣлы всѣхъ тѣхъ земель, коими старообрядческіе монастыри издревле и по сіе время владѣли безпрепятственно. По полученіи же онаго плана я не оставлю дать надлежащія по сей матеріи кому слѣдуетъ повелѣнія“²⁾). Планъ Руничемъ задержанъ не былъ и, мѣсяць спустя, именно 17 ноября, состоялся, наконецъ, именной указъ сенату, которымъ утверждалось предварительное распоряженіе Павла I относительно повсемѣльныхъ владѣній Иргизскихъ монастырей: „По препровождаемымъ при семъ спеціальнымъ планамъ на владѣмыя издревле иргизскими старообрядческими обществами земли, повелѣваемъ: не вводя въ общій раздѣлъ со смежными казенными селеніями, отмежевать особо и оставить неприкосновенными до распоряженія, какое объ оныхъ впредь отъ насъ назначено будетъ и, по отмежеваніи семъ, представить планы сихъ земель къ нашему усмотрѣнію“. Копія съ этого указа въ тотъ же день была препровождена государемъ императоромъ Руничу съ повелѣніемъ извѣстными ему средствами удостовѣрить старообрядческія общества, что это сдѣлано для того, чтобы земли, владѣмыя ими, оставались въ неприкосновенномъ ихъ пользованіи и чтобы обезпечить ихъ совершенно отъ всякаго распоряженія, противнаго сему, со стороны мѣстныхъ межевыхъ начальствъ³⁾). Не успѣлъ еще Руничъ поздравить Прохора съ этой милостью новаго правительства, какъ узналъ о сношеніяхъ своего любимца съ симбирской межевой конторой. „Въ обязанности нахожу себя сказать вамъ,—огорченный и раздраженный этимъ недо-

¹⁾ Ниж. сем. библ., № 8774, 19.

²⁾ Гр. Ряз. уч. арх. Ком., loc. cit., 94.

³⁾ Ibidem, 94.

пріемъ своего протеже писалъ онъ Прохору 5 декабря 1801 года,—что вы довольно поспѣшили и неосмотрительно послали своего повѣреннаго въ межевую симбирскую контору для ходатайствованія размежеванія монастырскихъ земель, ибо никакая контора сама собою, безъ высшаго начальства, утвердить на прочное время владѣнія земель монастырскихъ не имѣетъ права. Но еслику уже землемѣромъ Дудинимъ формальная межа безъ упущенія по межеванію землемѣра Лаптева монастырю вашему учинена, то чтобы онъ, Дудинъ, и не торопился отсылкой въ контору своего спеціального плана, сдѣланнаго имъ монастырю вашему; ибо у высшаго начальства причислятся тѣ самые спеціальныя планы, какъ на вашъ монастырь, такъ и на другіе два, которые сочинены землемѣромъ Лаптевинимъ и мною подписаны, по коимъ, безъ всякаго прикосновенія земель казенныхъ крестьянъ, отмежуютъ монастырскія земли формальными межами въ пользу монастырей, почему и обезпечатся оныя совершенно отъ всякаго распоряженія противнаго сему со стороны мѣстныхъ межевого и прочихъ начальствъ. Я возлагаю на васъ объявить въ Средне-Никольскомъ и Верхне-Успенскомъ монастыряхъ гг. настоятелямъ и переписной братіи, какъ въ оныхъ, такъ и въ вашемъ монастырѣ живущей, для вѣдѣнія о такомъ неизврѣченномъ милосердіи, распростертномъ на многія времена въ пользу Иргизскихъ монастырей, дабы общество ваше почувствовало высокомонаршую благодать, безъ всякихъ отличныхъ заслугъ вашихъ на общество ваше изливаемую; по объявленіи же всего выщеписаннаго въ монастыряхъ, не оставьте увѣдомить меня за общимъ подписаніемъ съ вами обоихъ монастырей гг. настоятелей и нѣкоторыхъ соборныхъ старцевъ, что объявлено о томъ собратіи вашей, дабы я могъ безсумнительно и впредь стараться, по возможности моей, о выгодахъ и пользахъ вашихъ общественныхъ¹⁾. Требуемая подписка была, конечно, дана и Руничъ успокоился. Въ апрѣлѣ слѣдующаго года онъ увѣдомлялъ Прохора о своемъ перемѣщеніи на должность губернатора въ Вятку, „съ ниспосланиемъ при этомъ отъ государя многихъ милостей и благоволенія“, и просилъ сообщить настоятелямъ другихъ монастырей, чтобы они, въ случаѣ нужды, обращались къ нему въ Вятку такъ же свободно, какъ прежде во Владимірѣ, добавляя при этомъ, что и оттуда не оставитъ „старать-

¹⁾ Ниж. сем. библ., № 3774, 19—20.

ся о пользах старообрядцевъ, ибо и долгъ и вѣра моя къ любви вашей и ко мнѣ отъ васъ нигдѣ охолодиться и прерваться не могутъ¹⁾). Мотивы этого письма уясняютъ слѣдующее высочайшее повелѣніе Руничу отъ 14 марта 1802 года: „Подтвердивъ рескриптомъ моимъ апрѣля 11 дня прошлаго 1801 года вѣренную вамъ отъ покойнаго государя, родителя моего, комиссію по дѣламъ старообрядцевъ, обитающихъ по Иргизу, Уралу и въ Уезняхъ, мое желаніе и воля есть, чтобы вы, и при переводѣ васъ въ Вятскую губернію начальникомъ, по роду дѣлъ сихъ старообрядцевъ имѣли объ нихъ на прежнемъ основаніи вѣдѣніе и попеченіе. Требую отъ усердія и ревности вашей, дабы вы о всемъ нужномъ по дѣламъ ихъ доносили собственно мнѣ; на случай же надобности отлучаться вамъ изъ губерніи въ означенныя мѣста, дозволяю вамъ, не переписываясь со мною, отъѣзжать; но, по возвращеніи вашемъ въ оную или изъ мѣста, гдѣ надобность востребуетъ вамъ быть, непременно мнѣ доносить со всѣми обстоятельствами о причинѣ, побудившей васъ къ отъѣзду въ тамошній край“²⁾... На Иргизъ объ этомъ высочайшемъ повелѣніи сообщено, вѣроятно, не было. Едва успѣли улечься закипѣвшія было въ душѣ Рунича досада и озлобленіе на неоднократно облагодѣтельствованнаго имъ Прохора, какъ очень незначительный въ существѣ дѣла случай поднялъ ихъ снова. Дѣло въ томъ, что симбирская межевая контора не хотѣла упустить удобнаго случая покорчиться на монастырскій счетъ и потому всѣчески тянула провѣрку земель монастырскихъ по планамъ Лаптева. На мѣсто Дудина, которому раньше поручила произвести провѣрку, она командировала другого землемѣра, нѣкоего Митрикова, который взялся за провѣрку очень основательно, въ смыслѣ проволочки времени. Этотъ Митриковъ посовѣтовалъ между прочимъ иргизскимъ настоятелямъ для ускоренія дѣла съѣздить въ симбирскую контору, похлопотать тамъ о скорѣйшей выдачѣ плановъ и межевыхъ книгъ на монастырскія земли и немедленно внести въ казну по указной цѣнѣ деньги, сколько будетъ причитаться. Эти совѣты, очень недвусмысленно намекавшіе, что нужно „подмазать“ контору, заставили расчетливаго и аккуратнаго въ денежныхъ дѣлахъ Прохора сильно призадуматься. Не зная, на что рѣшиться, и въ

1) Бр. Св. Кр., № 500, 13.

2) Тр. Ряз. арх. ком., loc. cit., 94.

то же время утомленный долголѣтнимъ ожиданіемъ окончанія земельныхъ дѣлъ, онъ склонился было къ мысли о необходимости послѣдовать совѣтамъ Митрикова, но предварительно рѣшилъ съестись по этому поводу съ своимъ покровителемъ и благодѣтелемъ, Руничемъ. Получивъ письмо Прохора съ запросомъ такого рода, послѣдній вышелъ изъ себя: обидной, невозможной казалась ему мысль, что дѣло, начатое по его инициативѣ, потребовавшее отъ него столько трудовъ и усилій, хотять окончить безъ него, при помощи одной взяжки въ пользу какой-то межевой конторы. Въ порывѣ негодованія онъ отправилъ на Иргизъ, въ качествѣ верховнаго понечителя его, слѣдующій ультиматумъ: „Я нахожу себя въ обязанности подтвердить и предостеречь васъ и прочихъ двухъ монастырей настоятелей, повѣренныхъ вашихъ и всю переписную монастырскую братію, чтобы вы собственно и всѣ означенныя лица не входили съ симбирской межевой и прочими конторами, по землямъ монастырскимъ, ни въ какое дѣло, а потому и не слушали-бъ совѣтовъ симбирской межевой конторы, землемѣра Митрикова и никого; ибо дѣла ваши ни до одной конторы не принадлежать, слѣдовательно, издержки и взносъ въ оныя по указанной цѣнѣ денегъ употреблять вы не должны. Въ противномъ случаѣ я найдусь принужденнымъ не только по землямъ вашимъ, которыя доставляются вамъ по высокомонаршему милосердію и безкорыстному моему старанію, но и по всѣмъ прочимъ дѣламъ вашимъ, которыя неутомимостью и долговременнымъ моимъ о монастыряхъ и обществѣ вашемъ стараніемъ и попеченіемъ съ пользою вашею соблюдались, отказаться отъ васъ и предоставить васъ собственной вашей участи. Я возлагаю на васъ объявить о семъ моемъ предписаніи во всѣхъ трехъ монастыряхъ и о послѣдующемъ меня увѣдомить“¹⁾). На этотъ грозный ультиматумъ могъ быть данъ только одинъ отвѣтъ—самый смиренный и увиженный: Иргизъ вовсе не расположенъ былъ ссориться съ своимъ заступникомъ такъ же ко времени. Руничъ простилъ опять. Между тѣмъ время шло, а дѣло оставалось все въ томъ же неопредѣленномъ положеніи. Ждать дальше становилось очень уже тяжело и отцы настоятели совокупными силами снарядили ходаковъ въ Петербургъ справиться о ходѣ дѣла въ межевомъ департаментѣ сената. Посольство это не имѣ-

¹⁾ Ниж. сем. библ., № 8774, 20.

ле, конечно, никакого успѣха, ибо дѣло стояло теперь не за межевой конторой и даже не за межевымъ департаментомъ, а за высочайшимъ утвержденіемъ. Добиться аудіенціи у императора Александра депутатамъ было, вѣроятно, не такъ легко, какъ раньше у его предшественника, и они вернулись на Ирғизъ ни съ чѣмъ. Болѣе опытный, болѣе знакомый съ порядками петербургскихъ канцелярій, Руничъ предвидѣлъ это и не даромъ предупреждалъ всѣхъ настоятелей иргизскихъ in concreto, что посылка уполномоченныхъ въ Петербургъ ни къ чему не поведетъ, кромѣ расходовъ для монастырскаго кармана, такъ какъ планы утвердить не межевой департаментъ, а самъ государь¹⁾. Но кредитъ Рунича, очевидно, пошатнулся въ глазахъ обохъ настоятелей и на Ирғизѣ ему теперь не вѣрили уже такъ безусловно, какъ нѣсколько лѣтъ назадъ.

Въ 1804 году провѣренныя и исправленныя планы монастырскихъ земель были, наконецъ, представлены на высочайшее усмотрѣніе и удостоились утвержденія. Новый указъ сенату подтверждалъ предварительное распоряженіе Павла и высочайшее повелѣніе 17 ноября 1801 года: за монастырями теперь формально было признано и окончательно укрѣплено право на владѣніе 12,534 десятинъ земли. Копія съ указа, немедленно по полученіи ея на Ирғизѣ, была переслана вмѣстѣ съ благодарственнымъ коллективнымъ письмомъ иргизскихъ настоятелей въ Вятку, къ Руничу, который въ отвѣтъ на это писалъ: „Милость, ниспосланная на Ирғизскіе монастыри, должна обязать васъ всеподданническою вѣрностью и совершенною сноровкою любовью къ премилосердному всемилостивѣйшему государю Александру Павловичу, яко виновнику сего вашего благоденствія и благополучія. Вознесите искреннія, сердечныя молитвы ваши къ Господу Богу о здравіи и долготѣи Е. И. В. и непрестанно молитесь! Вотъ вамъ добрый совѣтъ паче всѣхъ совѣтовъ“²⁾. Руничъ говорилъ правду и давалъ дѣйствительно добрый совѣтъ: укрѣпленіе за монастырями права на владѣніе обширными земельными имуществами было завершеніемъ самыхъ смѣлыхъ надеждъ всѣхъ инициаторовъ этого дѣла. И въ смыслѣ матеріальномъ, и въ смыслѣ нравственномъ это узаконеніе имѣло самое существенное значеніе для иргизскихъ обитателей: съ одной стороны имъ, въ видѣ

¹⁾ Ibidem, 21.

²⁾ Ibidem, 22.

дара, безъ всякаихъ заслугъ, давались обширные участки земли, съ другой—этимъ даромъ правительство признало за ними такое же право на существованіе, какое имѣли православные монастыри. Не говорю уже о томъ, какъ высоко подняли Иргизъ въ глазахъ старообрядцевъ всѣ эти щедро излитыя на него милости свыше.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что Руничъ и дальше оказалъ бы не мало услугъ своему излюбленному Иргизу, но онъ скоро остался не у дѣла, превратившись изъ крупнаго административнаго дѣятеля въ мирнаго гражданина, на покой дожившаго остатокъ дней своихъ. Со времени его выхода въ отставку, т. е. приблизительно съ 1805 года, прекратилась и его переписка съ Иргизомъ: послѣдній какъ будто забылъ о своемъ недавнемъ благодѣтелѣ и попечителѣ. Изъ всѣхъ иргизскихъ настоятелей одинъ только Прохоръ, сколько по честности и прямотѣ своей натуры, столько же и по глубокому сознанию заслугъ Рунича для монастырей, до самой смерти его поддерживалъ съ нимъ дружескія отношенія. Это подтверждается и однимъ изъ послѣднихъ писемъ Рунича, писаннымъ къ Прохору 8 января 1824 года: „Двадцати семи-лѣтній мой добрый пріятель, отецъ Прохоръ! Отъ 1 октября протекшаго года письмо ваше и осетра съ боченкомъ свѣжей икры я получилъ отъ инока Андрея. Благодарю васъ дружески за пріятное письмо ваше и присланный гостинецъ. Не подарокъ вашъ мнѣ дорогъ, но дорого мнѣ старческое ваше о мнѣ напоминаніе, ибо тѣмъ доказываете и онымъ подтверждаете, что отъ меня ни вамъ собственно, ни собратіи вашей ни въ какое время не сдѣлано зла, хотя имѣлъ я силу вредить многимъ. Я сожалею о прошедшихъ вашихъ страданіяхъ; пожалуйте и вы о моихъ, на 75 году жизни претерпѣваемыхъ; примите и отъ меня маленькой мой подарокъ, съ подателемъ сего къ вамъ посланный, и вѣрьте, что вамъ преданнѣйшій слуга—Павель Руничъ“¹⁾: Прежде чѣмъ окончательно проститься съ Руничемъ, необходимо отмѣтить еще одинъ, въ существѣ дѣла, весьма крупный, фактъ его содѣйствія благу Иргиза. Какъ извѣстно, соборными постановленіями 1783 и 1792 года Иргизъ монополизировалъ за собою право приѣма бѣглыхъ священниковъ. Эта монополія скоро сдѣлалась для него источникомъ неисчислимыхъ выгодъ. Дѣло въ томъ, что Иргизскіе монастыри не подражали ветковцамъ и стародубцамъ,—

¹⁾ Ibidem, 22—23.

они, подъ предлогомъ благочестія, не раздавали своихъ запасныхъ даровъ всякому желающему, а снабжали или только священниковъ и въ рѣдкихъ, почти исключительныхъ, случаяхъ—избранныхъ монаховъ или даже монахинь изъ другихъ старообрядческихъ центровъ. То же самое повторялось и съ древнимъ, будто бы до-никоновскимъ, миромъ, которое не присылалось даже уставщикамъ. Отсюда понятно, какъ нужны были старообрядцамъ священники: упростивъ и облегчивъ дѣло треботоуправленія, Иргизъ, однако, главныя, существенныя таинства оставилъ въ рукахъ священниковъ, приобретать которыхъ можно было только у него. Но приобретать безъ денегъ было нельзя, такъ какъ монастыри не даромъ же трудились надъ чиновничествомъ, не даромъ изъ негодныхъ, еретическихъ священниковъ дѣлали годныхъ и правоспособныхъ удовлетворять религиознымъ потребностямъ людей древляго благочестія. Такъ открылась торговля бѣглыми попами, принявшими исправу. И частныя лица, и цѣлыя старообрядческія общества неминуемо должны были исправивать себя на Иргизѣ духовныхъ пастырей и также неминуемо должны были уплачивать за нихъ въ пользу обителей, какъ бы въ видѣ выкупа, ту или другую сумму денегъ, вмѣстѣ съ известнымъ количествомъ подарковъ. Размѣръ контрибуціи опредѣлялся двумя условіями: временемъ, на которое отпускался требуемый священникъ, и его внутренними и внѣшними качествами,—сановитостью, благоповеденіемъ и т. п. Если попъ отпускался на годъ, то за него отпускающій монастырь получалъ отъ 200 до 500 рублей аренды; если же онъ отправлялся на постоянное жительство, то за него вносилось одновременно отъ 500 до 2000 рублей. Деньги эти вносило или общество, или священникъ, смотря по тому, какъ сторгуются. Заключивъ сдѣлку, игумень снабжалъ отправляемаго запасными тайными дарами для причащенія часовенныхъ старообрядцевъ, миромъ и елеемъ для крещенія младенцевъ и соборованія больных¹⁾. Среднюю цифру годового дохода монастырей отъ разсылки исправленныхъ священниковъ опредѣлить невозможно, такъ какъ ни Прохоръ въ своемъ статистическомъ описаніи иргизскихъ обителей, ни чиновникъ кн. Голицына, Полонскій, занимавшійся, по приказанію губернатора, статистическимъ изслѣдованіемъ этихъ монастырей, ничего не говорятъ объ этомъ; но приблизительно можно су-

¹⁾ Пареевъ, Оправд. церк., 18.

дить о ней по числу священниковъ, разосланныхъ Иргомъ по всѣмъ угламъ обширной Россіи. П. И. Мельниковъ утверждаетъ,— не приводя, впрочемъ, никакихъ документальныхъ доказательствъ,— что въ началѣ нынѣшняго столѣтія ихъ проживало по разнымъ мѣстамъ болѣе 200 человекъ. Сопоставляя эту цифру съ его же болѣе частными указаніями („въ Улангерскомъ скитѣ, на Керженцѣ,—говоритъ онъ,—ихъ было по 12 разомъ; въ Комаровскомъ—по 5; въ Екатеринбургѣ—тоже; у казаковъ на Дону, на Уралѣ, а особенно на Кавказской линіи еще болѣе“¹⁾).... приходится признать ее очень гадательной и несомнѣнно слишкомъ малой сравнительно съ дѣйствительной. Но допустимъ даже эту цифру и предположимъ, что каждый священникъ доставлялъ монастырю ежегодно только 300 рублей: на долю каждого изъ трехъ мужскихъ монастырей придется громадная цифра—20.000 рублей въ годъ! Разсылка этихъ поновъ въ послѣдніе годы царствованія Екатерины II, тѣмъ больше при Павлѣ и въ началѣ царствованія Александра I, была совершенно свободна; власти знали о ней, но молчали и показывали видъ, что ничего не знаютъ. Это придавало храбрости старообрядцамъ и въ началѣ 1803 года раскольники села Городца, нижегородской губерніи, вошли съ официальнымъ ходатайствомъ о дозволеніи имъ получать священниковъ съ Иргиза. Монастыри были, разумѣется, сильно заинтересованы исходомъ этой попытки и съ своей стороны негласно начали работать въ пользу ходатайства. Не безъ содѣйствія, кажется, Рунича, какъ негласнаго „министра“ по дѣламъ раскола, высочайшимъ повелѣніемъ дозволено было „для успокоенія старообрядцевъ села Городца“ имѣть имъ священниковъ съ Иргиза, съ тѣмъ единственно условіемъ, чтобы снисхожденіе это не было обращено во зло, т. е. чтобы священники вызывались по мѣрѣ надобности и съ вѣденія правительства и не распространяли раскола за предѣлами тѣхъ селеній, для которыхъ выписаны²⁾). Удовлетвореніе просьбы городецкихъ раскольниковъ было весьма важно для Иргизскихъ монастырей: верховная власть теперь официально признала за ними право снабжать раскольничьи общины своими священниками. То, что немного ранѣе было только терпимо, теперь сдѣлалось дозволено; это несомнѣнный шагъ впередъ и при томъ шагъ крупный.

¹⁾ „Рус. Вѣст.“, 1864, № 5, 17.

²⁾ Собр. пост. по части раск., по М. В. Д., 21.

Несмотря однако на такой благоприятный ходъ дѣлъ, духъ времени дѣлалъ свое дѣло: въ расколѣ поповщины все замѣтнѣе и сильнѣе становились внутреннія колебанія, настроенія и разладъ. Всѣ чаще и чаще проявлялась борьба личнаго разума съ традиціей, исторически сложившимся авторитетомъ, и результатомъ этой борьбы получались многочисленныя отпаденія членовъ поповщинскихъ общинъ. Отпаденія эти приняли столь значительныя размѣры, что въ апрѣлѣ 1805 года, по иниціативѣ настоятеля Верхняго монастыря Гавриила, собрался въ его обители соборъ для обсужденія тогдашнихъ „послѣдне-временныхъ обстоятельствъ.“ Члены этого собора,—очень торжественно обставленнаго, судя по количеству подписавшихся,—въ составленномъ ими актѣ прямо заявляютъ, что многіе отъ нихъ отщетились, перейдя въ другія секты, въ единовѣріе и въ великороссійскую церковь; иные же, не отдѣляясь вполне, тѣмъ не менѣе не соблюдаютъ со всей строгостью установленій св. отцовъ, ибо „имѣютъ совокупленіе въ ястіи, и питіи, и моленія со еретиками и со отлучившимися отъ нашей православной церкви.“ Подобнаго рода явленія приводятъ въ ужасъ членовъ собора, такъ что въ нихъ „всѣ чувства поколебашася“; для предотвращенія широко разливагося зла, въ видахъ противодѣйствія „плеведамъ еретическимъ и злоугрызательнымъ ядомъ ихъ,“ они и признали необходимымъ составить особое соборное уложеніе. Это говорили отцы собора вслухъ, но въ самомъ текстѣ соборнаго положенія есть одинъ намекъ, заставляющій думать, что были и другія, еще болѣе серьезныя причины для колебанія на Иргизѣ „чувствъ“: въ нѣкоторыхъ мѣстахъ старообрядцы „отъ небрежности или за слабостью“ отступали отъ иргизскихъ постановленій 1783 и 1792 годовъ въ дѣлѣ приема бѣглыхъ священниковъ. Это отступление для отцовъ собора было гораздо существеннѣе сообщенія съ еретиками въ ястіи и питіи, такъ какъ наносило монастырямъ матеріальный ущербъ, и для поправленія этой-то собственно стороны дѣла, нужно полагать, и собранъ былъ соборъ. Установивъ въ общихъ чертахъ характеръ отношеній православныхъ къ отступникамъ, напомнивъ, что послѣднихъ надлежитъ неоднократно поучать и увѣщевать отъ св. писанія, въ случаѣ же неисправленія—имѣть яко язычниковъ и мытарей, отцы собора тотчасъ же переходятъ къ интересующему ихъ вопросу о чинопріемѣ приходящихъ отъ нѣ мирянъ и клириковъ. Возстано-

вить однообразіе чинопріема представляется имъ тѣмъ болѣе необходимымъ, что „божіею благостью и неизслѣдованными его судьбами не малое количество душъ человѣческихъ разнаго исповѣданія вѣрь и разныхъ сектовъ приходятъ и нынѣ къ православной церкви съ немалымъ усердіемъ и вмѣсто испадшаго куколя наполняется многоплодною пшеницею, и церковь Христова всюду прославляется, и стадо православныхъ овецъ время отъ времени болѣе умножается, зане кромѣ церкви Божіей нигдѣ нѣсть спасенія“. Основная точка зрѣнія въ вопросѣ о чинопріемѣ переходящихъ изъ православія у отцовъ разсматриваемаго собора та же самая, что и у отцовъ двухъ предыдущихъ соборовъ 1783 и 1792 годовъ: принимать ихъ необходимо по второму чину, т. е. чрезъ миропомазаніе, если же кто крещенъ обливаніемъ или рукоположенъ отъ обливанскаго епископа, то простолудинъ перекрещивается, а священникъ миропомазывается, но благодати священства при этомъ обнажается. Гораздо важнѣе способа пріема было для иргизскихъ законодателей самое мѣсто этого пріема бѣглыхъ священниковъ, но этотъ пунктъ прямо и непосредственно не затрогивается въ постановленіяхъ собора: подчеркивать его значило навлекать подозрѣніе и давать пищу дурнымъ предположеніямъ. Но, вникая ближе въ самую сущность соборныхъ постановленій, найдемъ, что и этотъ вопросъ рѣшается на основаніи постановленій предыдущихъ соборовъ, создавшихъ монополію Иргиза: принимать чрезъ миропомазаніе можно только тамъ, гдѣ есть древнее, истинное миро, а такого нигдѣ, кромѣ Иргиза, не было. Такимъ образомъ и соборъ 1805 года настаиваетъ на монополіи Иргиза, хотя не такъ смѣло, какъ это дѣлали раньше,—времена были уже не тѣ. Стараніе замаскировать свои настоящія побужденія особенно проглядываетъ въ заключительныхъ словахъ соборнаго акта: „Сіе положеніе написахомъ и утвердихомъ не отъ своего умышленія или пристрастія, но отъ богопроповѣдниковъ св. апостоловъ.... и церковныхъ правилъ.... Не восхощемъ убо со грѣхи чужими погибнути, но убоявшеся тяжкаго суда и страшный день предъ очима имуще, съ таковыми погибнути не изволимъ; но засвидѣтельствовать день и ночь въ народѣ и особѣ должны есмы, соотвѣдтити жеся лукавствомъ и небреженіемъ ихъ не восхощемъ, прилежати же паче пріобрѣсти ихъ и изъяти лукаваго. Аще же се не возможемъ, по-

тщимся поне своя души отъ вѣчнаго осужденія спасти¹⁾. Въ этой тирадѣ слишкомъ много словъ, въ ней слишкомъ усердно отцы собора откровенно отъ „пристрастія и умышленія“, чтобы ее можно было признать искренной.

Вопросъ о чинопріемѣ переходящихъ въ расколъ самъ собою наводитъ на мысль рассказать о томъ, какъ совершался на Ирғизѣ этотъ обрядъ, извѣстный подъ именемъ „исправы“, и какимъ миромъ производилось миропомазаніе исправляемыхъ. Рѣшивъ принять пришедшаго изъ православія священника, настоятель монастыря созывалъ въ церковь всю старшую братію²⁾. Очередной священникъ или іеромонахъ исповѣдывалъ пришедшаго въ алтарѣ, потомъ, окончивъ исповѣдь, выходилъ на амвонъ и провозглашалъ, что его духовный сынъ „достоинъ священствовать“; на что настоятель и братія отвѣчали: „Богъ благословитъ ему священствовать.“ Вслѣдъ за этимъ новопришедшаго одѣвали въ полное священническое облаченіе, ставили его по срединѣ церкви предъ открытыми царскими дверьми, воалѣ наполненной водою купели, и давали ему громко, вслухъ всѣхъ присутствующихъ, читать формулу отреченія, которую архим. Платонъ приводитъ въ слѣдующемъ видѣ: „Азъ, священно-іерей (имя рекъ) отъ гнусныя никоніанскія ереси къ непорочной всею душею приступаю вѣрѣ; проклинаю вся отреченная св. отцы: аще кто не креститъ въ три погруженія съ приглашеніемъ во имя Отца и Сына и св. Духа, но обливаесть, да будетъ проклятъ; аще кто служитъ божественную литургію на пяти просфорахъ, а не на семи, да будетъ проклятъ; аще кто приглашаетъ божественную пѣснь аллилуіа, аллилуіа, аллилуіа, слава тебѣ Боже, да будетъ проклятъ; молящіеся въ три перста, а не двумя, да будутъ прокляты; брѣющіе брады и подстригающіе усы, да будутъ прокляты; аще кто благославляетъ пятію персты странно нѣкако, не по преданію св. отецъ, да будетъ проклятъ; знаменующіе на просфорахъ четвероконечные кресты, а не осми-

¹⁾ Поповъ, IV, 117—130.

²⁾ Дубакинъ (loc. cit., 60) утверждаетъ, будто иногда къ исправѣ священника собирались представители всѣхъ Ирғизскихъ монастырей; ни у Попова (IV, 174), которымъ онъ пользовался, ни у Добротворскаго („Прав. Соб.“, 1857, III, 536), которымъ пользовался Поповъ, нѣтъ на этотъ счетъ никакого намека. Нужно полагать, что такой важной торжественности монастыри никогда не видали, такъ какъ исправка совершалась очень часто и потому ничего выходящаго изъ ряда вонъ не представляла.

Прим. авт.

конечные, и на них служащие, да будут прокляты; еще кто чтесть молитву—Господи Ісусе Христе, Боже нашъ, помилуй насъ— съ приложіемъ литеры І, а не по древнему—Господи Ісусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ, да будетъ проклятъ; въ заключеніе, наконецъ, и всѣхъ нововведенныхъ преданій, отъ Никона патріарха содержимыхъ нынѣ грекороссійской церковью, отрицаюсь, и проклинаю, и анафемѣ предаю, и иже изволитъ имъ и послѣдуеть—анафема и да будетъ проклятъ¹⁾. Покончивъ съ анафематствованіемъ новшествъ, исправляемый, или отъ лица его другой, читаетъ по потребнику положенное для обращающихся отъ яковитской ереси. Во все время, пока читаются всѣ эти отреченія, совершающій обрядъ исправы священникъ стоитъ воалѣ исправляемаго, при чемъ вычитываетъ надъ нимъ все то, что въ потребникѣ положено читать при совершеніи крещенія. Затѣмъ беретъ губку и, омочивъ ее въ предстоящей купели, отираетъ мѣста помазанія, говоря: „крестился еси, просвѣтился еси, освятился еси, миромъ помазался еси во имя Отца и Сына и св. Духа“. Ризъ при совершеніи миропомазанія со священника не снимаютъ, „да не снимутъ купно и хиротонію и тѣмъ обнажать его священства“. По окончаніи обряда, новоисправленный священникъ кланяется до земли собравшейся въ церкви братіи монастырской и клирошанамъ и уходитъ изъ церкви правоспособнымъ совершать всѣ богослуженія и требы у старообрядцевъ. Исправа діаконовъ и мирянъ совершалась тѣмъ же порядкомъ, только съ меньшей торжественностью²⁾. Нѣсколько иначе описываетъ чинъ исправы оберъ-прокуроръ св. синода, на основаніи свѣдѣній, относящихся къ 1838 году. „Бѣжавшій священникъ, являясь въ раскольничій монастырь къ настоятелю, потомъ въ церковь, слушаетъ читаемое ему въ алтарѣ прощеніе, потомъ выѣстъ молится Богу, ѣсть и пьетъ, но къ престолу прикладываться, равно и подходить къ благословенному антидору, просфоры употреблять, ни къ разнымъ требамъ—крещенію, исповѣди, маслособорованію и бракосочетанію—его не допускаютъ. Черезъ недѣлю уставщикъ собираетъ соборъ предъ литургіей въ казенную (?!), на коемъ присутствуетъ настоятель, уставщикъ, казначей и десять че-

1) Ннж. сем. библ., № 3774, 157. У Добротворскаго почему-то выпущена изъ текста исправы анафема на „брюющихъ браду и подстригающихъ усы“ („Пр. Соб.“, 1807, III, 526).

2) Сар. Ист. Архивъ, Карт. А, № XXVII.

ловѣкъ старшихъ иноковъ, именуемыхъ соборными, куда приглашаютъ и бѣжавшаго священника. Настоятель предлагаетъ вышеупомянутымъ: „Его благословеніе такой-то, познавъ нашу истинную православную вѣру Христову, явился къ намъ и желаетъ быть у насъ и наши правила исполнять и желаетъ принять отъ нашихъ священниковъ миропомазаніе“. Тогда всѣ старцы встаютъ съ мѣстъ и благодарятъ бѣжавшаго священника и предлагаютъ ему, чтобы избралъ себѣ духовнаго отца, и бѣжавшій въ присутствіи всѣхъ избираетъ онаго. По окончаніи сего собора, ударяютъ къ обѣднѣ, къ которой собираются по чину старцы; бѣжавшій священникъ; распустя волосы, въ полукафтаны, безъ кушака и безъ рясы, стоитъ въ алтарѣ; уставщикъ даетъ ему большой потребникъ, чтобы просмотрѣть чинъ миропомазанія. Послѣ божественной литургіи всѣ расходятся по своимъ мѣстамъ и остаются два или три изъ собравшихся старцевъ и духовникъ съ клироснымъ и пономарь; дѣлаютъ по обряду всѣ вмѣстѣ и духовникъ исповѣдываетъ бѣжавшаго въ алтарѣ, облеченнаго въ ризы, поручи и эпитрахиль. По окончаніи исповѣди выходятъ на амвонъ лицомъ на западъ, къ аналою, поставленному пономаремъ съ требникомъ и крестильнымъ ящичкомъ; потомъ полагаетъ священникъ на бѣжавшаго чистое полотенце и даетъ зажженную свѣчу и говоритъ бѣжавшій священникъ: „Азъ священно-іерей (имя рекъ) отъ гнусныя іаковитскія и ханцыцарскія ереси къ непорочной правовѣрныхъ всею душою приступаю вѣрѣ“.... (чинъ по большому потребнику до-никоновскаго изданія, гл. 21). И по семъ вопрошаетъ духовникъ трижды: вѣруеша ли во святую единую Троицу? и отвѣчаетъ: „вѣрую во единаго Бога Отца“. Трижды. Потомъ „Господу помолимся“ и молитва „Боже Спасе нашъ, хотяй всѣмъ человѣкомъ спастися“. По окончаніи молитвы мажетъ, глаголя: „печать дара Духа Святаго“. Потомъ опять „Господу помолимся“, „Господи Ісусе Христе, Боже нашъ, сподобивый совершенная видѣти рабу Твоему“. Дьячекъ читаетъ псаломъ: „Блаженни, имже отпустятся беззаконія“ трижды; апостолъ и евангеліе по крещеніи; потомъ іерей новопросвѣщеннаго отираетъ губою, не касаяся, впрочемъ, тѣхъ мѣстъ, гдѣ мазано миромъ, и омываютъ оба священника руки и отираютъ платкомъ. Потомъ эктинья „Помилуй насъ, Боже“, и поминаетъ о здравіи священника и бываетъ отпускъ, и священникъ допускается къ богослуженію, но умываться восемь

дней не позволяют". Также совершается и исправка мирянина. Была ли когда-нибудь такая форма чинопослѣдованія исправы—неизвѣстно, но настоятель Верхняго монастыря Силуанъ, къ которому губернаторъ обратился съ запросомъ по этому поводу, удостовѣрялъ, что такой чинъ исправы въ его монастырѣ не употреблялся¹⁾.

Для исправы употреблялось миро, уцѣлѣвшее будто бы отъ дней первыхъ патріарховъ въ Россіи. Фальшь подобнаго утвержденія убѣдительно выясняетъ преосв. Никифоръ Θεотоки²⁾, но еще болѣе убѣдительно разъясняетъ дѣло архим. Платонъ въ своей „Автобіографіи“ и „Выпускъ о старобрядцахъ“: „Я благоговѣлъ,—говоритъ онъ,—къ св. миру, за древнее выдаваемому, какъ меня въ томъ увѣряли (на Иргизѣ), что миро у нихъ древле-освященное по старопечатнымъ книгамъ при патріархѣ Іосифѣ. Но когда я постригся въ иночество въ 1795 году (въ Нижнемъ монастырѣ, чрезъ іеромонаха Мееодія), тогда настоятель Прохоръ поручилъ мнѣ при церкви быть уставщикомъ и ризничимъ, вручилъ мнѣ въ храненіе и святое ими называемое миро, неполную полуосьмушную бутылку, и приказалъ раздавать попамъ для требъ. Когда я роздалъ оное до капли, спрашивалъ настоятеля Прохора, гдѣ взять мнѣ такового мира; онъ показалъ мнѣ въ церкви Воскресенской за правымъ клиросомъ большую бутылъ ведра въ два и приказалъ наливать изъ нея въ малую данную мнѣ бутылъ. Издержавъ и то, я опять спрашиваю, отколь брать миро; онъ, Прохоръ, подтвердилъ брать оное изъ той же большой бутылки. И когда я роздалъ попамъ и другую бутылку до капли и замѣтилъ, что изъ той же большой бутылки берутъ пономари и наливаютъ въ горящія лампады, называя то масломъ деревяннымъ простымъ, почему я третично спросилъ настоятеля Прохора, гдѣ взять мнѣ святое для поповъ миро, то онъ огорчился на меня, сказавъ: „тутъ бери, гдѣ тебѣ показано, не всякій разъ тебѣ указывать“. Я, узнавши точно, что въ большой бутылки простое деревянное масло, въ лампады наливаемое, началъ сомнѣваться и смущаться о мирѣ святомъ и любопытствовать отъ старцевъ, гдѣ настоящее древнее св. миро, но никто изъ нихъ тайны сей мнѣ не открылъ, а отвѣчали, что по вѣрѣ ихъ вся отъ Бога возможна суть, и маслу миромъ по нуждѣ быть. Но я не могъ сему по-

¹⁾ Арх. канц. сарат. губернатора, вѣз. 19, № 80, 86—87, 100.

²⁾ Отв. пр. Никифора, 411—421.

вѣрить и смущался о семъ мирѣ года четыре, любопытствовалъ и изыскивалъ, ходилъ нарочно для сего на Яикъ къ пустынножителямъ и тамъ, наслышавшись объ одномъ инокѣ Никанорѣ, коего всѣ пустытники называли мудрымъ и книжнымъ человѣкомъ, удостоился я бесѣды его и спросить о сомнѣніи моемъ и о мирѣ святомъ, который съ истиннымъ увѣреніемъ и твердостью духа сказалъ мнѣ: „Что на Ирғизѣ за святое миро? нѣтъ его древняго ни у кого и старцы иргизскіе выдаютъ простое масло за таковое миро фальшиво и тѣмъ приманиваютъ къ себѣ простодушныхъ“. Платонъ, уже старикъ, свидѣтельствуегь Богомъ въ истинности этого разсказа¹⁾. Вопросъ о мирѣ интересовалъ, конечно, не одного Платона и былъ для бѣглопоповщины однимъ изъ ея наиболѣе слабыхъ пунктовъ: „разныхъ вѣрь еретики и богоборцы“ усердно глумились надъ поповскимъ миромъ и многіе „малодушные и неутвержденные въ вѣрѣ“, подобно Платону, оставляли изъ-за мира завѣты поповщины. Послѣ Прохора, въ его старыхъ бумагахъ, найдено было письмо къ нему совмѣстно съ настоятелями двухъ другихъ Иргизскихъ монастырей, Гавриломъ и Тарасіемъ, иноковъ Улангерскаго скита, что на Керженцѣ, отъ 1 іюня 1827 года, въ которомъ авторы усердно, за имя Христова, просятъ пречестнѣйшихъ иргизскихъ отцовъ, „ревнителей благочестія, апостольскихъ наслѣдниковъ, крѣпкихъ и твердыхъ столпостоятелей, душевнаго корабля кормниковъ и правителей, чистителей человѣческихъ душъ, ключарей и вратниковъ царства небеснаго, вождей слѣпыхъ, наставниковъ заблудшихъ, словесныхъ овецъ пастырей и Христовыхъ воинъ полководцевъ“, разъяснить имъ, какъ и откуда берется на Ирғизѣ миро и на основаніи какихъ церковныхъ правилъ оно тамъ составляется. Не имѣя отвѣта на этотъ вопросъ, они не могутъ защищать истину и препятствовать еретикамъ „красти отъ вѣры отцовъ маловѣрныхъ словесныхъ овецъ“; свидѣтельство на счетъ мира въ извѣстныхъ имъ церковныхъ правилахъ темно, а другою они отыскать нигдѣ не могутъ „за скудостью св. книгъ“. Былъ ли отвѣтъ съ Ирғиза керженскимъ совопросникамъ—ни откуда не видно²⁾.

Свидѣтельствомъ Платона, искренность котораго въ данномъ случаѣ трудно заподозрить, вопросъ объ иргизскомъ мирѣ рѣшаетъ

¹⁾ Ниж. сем. библ., № 3774, 438—439; сн. 312.

²⁾ Бр. Св. Кр., № 513, 193—196.

ся очень просто. Нѣсколько труднѣе разрѣшить другой, близко соприкасающийся съ исправой, вопросъ—о бѣглыхъ священникахъ. Въ литературѣ установился взглядъ, что въ расколъ уходили только худшіе изъ православныхъ священниковъ, запрещенные въ священнодѣйствіи или опасавшіеся подпасть такому запрещенію, и что монастыри, принимая ихъ, не задавались и мыслью объ ихъ нравственныхъ качествахъ или о законности ихъ священства. Есть вѣскія основанія глядѣть на дѣло нѣсколько иначе: игумень Высоковского единовѣрческаго скита Герасимъ, по отзыву митр. Филарета московскаго, „человѣкъ заслуживающій довѣрія и свѣдущій въ дѣлахъ раскола“, въ своей запискѣ, читанной въ засѣданіи Секретнаго Комитета 13 марта 1828 года, говоритъ между прочимъ: „Раскольники тщательно развѣдываютъ, не запрещенъ ли бѣглець въ священнослуженіи или не лишенъ ли сана; такового никакъ для священнодѣйствія у нихъ не приѣмлютъ“¹⁾. Сергій Юршевъ, какъ мы видѣли, описываетъ процедуру, предшествовавшую принятію священниковъ-прозелитовъ, вполне согласно съ свидѣтельствомъ Герасима. Для примиренія противорѣчія необходимо допустить, что на Ирғизѣ въ различныя времена различно относились къ дѣлу приѣма бѣглыхъ поповъ и что большая или меньшая разборчивость въ оцѣнкѣ правоспособности и нравственныхъ качествъ пришедшаго зависѣла по преимуществу отъ личнаго взгляда того или другого настоятеля. Далѣе, во времена древнѣйшія, при Сергій Юршевѣ, напр., принимали съ большей осторожностью, чѣмъ во времена позднѣйшія. Въ разсмотрѣнныхъ выше доказательствахъ истинности иргизской церкви въ подробности выяснено, какъ тщательно на Ирғизѣ наводили справки относительно личности пришедшаго священника, какъ посылали своихъ агентовъ въ мѣсто его первоначальнаго служенія, и какъ только по полученіи отъ посланныхъ удовлетворительныхъ свѣдѣній допускали бѣглыхъ къ исправѣ. Благодаря этому приѣму, на Ирғизѣ нерѣдко встрѣчались священники очень хорошаго поведенія, никогда раньше не бывшіе „судимы и штрафованы“²⁾. Съ другой стороны извѣстны факты крайней неосторожности въ дѣлѣ приѣма. Особенной неразборчивостью отличался въ подобныхъ случаяхъ Прохоръ. Архим.

¹⁾ Дѣла Секр. Комит., Vol. VI, стр. 157.

²⁾ Собр. постанов., по вѣд. св. Сия., II, 195, 302—303.

Платонъ прямо говорить, что у Прохора не было препятствіемъ то, что многіе изъ бѣглыхъ поповъ и дьяконовъ были подѣ запрещеніемъ, а другіе—отлучены и лишены священства,—ему важнымъ казалось одно только, именно, чтобы они приняли исправу¹⁾. Эти слова подтверждаются и перепиской Прохора съ вожаками екатеринбургскихъ раскольниковъ, Акимомъ Рязановымъ и Фомой Казанцевымъ. „Отецъ Петръ Андреевъ,—писали эти послѣдніе 19 ноября 1823 года Прохору,—по надобностямъ и просьбамъ вблизи живущихъ христіанъ, отпущенъ не на долгое время и паки въ отлучку... Каковая же получена изъ тамбовской консисторіи о прежнихъ его походахъ справка, у сего прилагается списокъ. Желательно намъ знать, имѣлъ ли въ виду сіе монастырь при принятіи о. Петра или нѣтъ? А не въ судѣ говорится, нравственность его много попорчена“. Изъ приложеннаго къ письму списка видно, что за отцомъ Петромъ тамбовская консисторія имѣетъ 16 слѣдственныхъ дѣлъ, въ числѣ которыхъ есть и подлогъ, и пьянство, и кража, и вымогательство за требосправленія, и святотатство, и укрывательство краденныхъ вещей²⁾. Съ еще большей прямою и рѣзкостью писали они Прохору отъ 4 декабря того же года. Перечисливъ всѣ непріятности и огорченія, причиненныя имъ присланными съ Иргиза священниками,—Петромъ Андреевымъ, который скоро будетъ привлеченъ консисторіей къ суду, Гавриломъ Алексѣевымъ, который тоже будетъ какъ разъ отозванъ, ибо и о немъ по консисторіи есть дѣла, и особенно Иваномъ Максимовымъ, который по чрезмѣрной слабости къ вину и буйственнымъ порокамъ за послѣдніе два года никакими дѣлами заниматься былъ почти не въ состояніи, съвздыть же на Иргизъ „для исправленія“ не соглашался, а въ довершеніе всего привлеченъ казанской консисторіей къ суду,—авторы письма просятъ Прохора въ замѣну послѣдняго никуда негоднаго пастыря прислать къ нимъ вновь поступившаго въ Нижній монастырь священника Ивана Сергѣева и прибавляютъ при этомъ: „будемъ надѣяться, что вы, пречестнѣйшій отецъ, и прочіе монастыри, безъ сомнѣнія, принимать впредь таковыхъ порочныхъ священниковъ не будете, въ чемъ весьма будетъ нужно имѣть самую достовѣрнѣйшую выправку, какъ по приходу, такъ и по духовному правленію. А если принимать за-

1) Ниж. сем. библ., № 3774, 438.

2) Вр. Св. Кр., № 518, 154—188.

благоразсудите по прежнему, безъ всякой осмотрительности, или почему-либо не будетъ благоугодно удовлетворять общество здѣшнее достойнѣйшими священниками, въ такомъ случаѣ просимъ васъ, пречестнѣйшій отецъ, купно со всей братіей, благословить здѣшнее общество принимать при святѣй здѣшней церкви, къ чему однако же мы собственно собою, чувствуя достодолжное ко всѣмъ монастырямъ нашимъ уваженіе, никогда бы приступить не желали¹⁾). Какъ отнесся Прохоръ и его сотоварищи по должности настоятелей къ этому внушительному предостереженію представителей екатеринбургскаго старообрядческаго общества—неизвѣстно, да, пожалуй, и не нужно знать: для нашей цѣли важень только фактъ, что Прохоръ допускалъ къ исправѣ, безъ всякаго разбора, людей самаго невозможнаго поведенія и потомъ снабжалъ ими различныя старообрядческія общества. Ивана Сергѣева, раньше бывшаго священникомъ села Бѣгуча, петровскаго уѣзда, онъ екатеринбуржцамъ однако не далъ: продержавъ его у себя въ монастырѣ съ полгода, онъ отправилъ его затѣмъ въ Саратовъ, къ мѣстной часовнѣ. Этотъ Иванъ Сергѣевъ, бѣжавшій въ расколъ безъ всякаго преступленія и, по справкамъ въ консисторіи, оказавшійся „поведенія не худого“ и штрафамъ не подвергавшимся, впоследствии былъ захваченъ саратовскою полиціей и принесъ раскаяніе въ побѣгѣ, за который наказанъ былъ, по распоряженію преосв. Амвросія, годичнымъ заключеніемъ въ пензенскій Преображенскій монастырь на покаяніе²⁾).

Соборъ 1805 г. состоялся въ самую лучшую, самую благоприятную для саратовскаго раскола пору. Мѣстная духовная власть мало интересовалась вопросомъ о расколѣ и какъ будто игнорировала его жизнь и развитіе. Расколъ росъ на ея глазахъ, Иргизъ гремѣлъ по всей Россіи, а пензенско-саратовскіе епископы ничего этого не видѣли и не слышали. Гражданская администрація, напуганная ревностью увѣщаннаго регаліями Рунича, пораженная милостями къ мѣстному расколу съ высоты престола, ослѣпленная блескомъ золота старообрядческихъ магнатовъ, относилась къ раскольникамъ любовно и предупредительно до подобострастія. Губернаторъ Бѣляковъ выписываетъ чрезъ исправника настоятелей Иргизскихъ мона-

¹⁾ Ibidem, 191—192.

²⁾ Сар. Истор. Архивъ, Карт. А, № LXVIII.

стырей къ себѣ въ Саратовъ съ цѣлью „посоветоваться“ съ ними „для нѣкотораго мѣроположенія“¹⁾. Онъ защищаетъ ихъ отъ „нападкѣ“ со стороны удѣльнаго начальства, хотя самъ же признается, что это начальство покровительствуетъ монастырямъ и, такъ сказать, насаждаетъ расколъ²⁾; на каждомъ шагу рекомендуетъ вольскому исправнику быть „въ поступкахъ своихъ крайне осторожнымъ“, дабы не сдѣлать „какого-либо противнаго видамъ правительства вліянія на народъ, расколу преданный“³⁾, и многое т. под. Расколъ быстро уловилъ эту переѣвну административныхъ вліяній и смѣло подвѣлъ голову. Иргизскіе настоятели теперь уже не чуждаются губернаторовъ; напротивъ, они сами охотно вступаютъ съ ними въ переписку и сквозь обычную маску смиренія въ этихъ сношеніяхъ ихъ съ властями нерѣдко проглядываетъ тотъ рѣзкій тонъ, о которомъ ихъ предшественники не смѣли и мечтать. И этотъ тонъ вовсе не былъ результатомъ ошибки или самообольщенія: они просто хорошо понимали, съ кѣмъ имѣютъ дѣло, и по опыту знали, что всегда сумѣютъ поладить съ Петромъ Ульяновичемъ Бѣляковымъ или Алексѣемъ Давидовичемъ Панчулидзевымъ, правившими саратовской губерніей съ 1802 до 1827 года. Прот. Чернышевскій совершенно справедливо объясняетъ въ своей докладной запискѣ преосв. Іакову причины потворства расколу со стороны этихъ правителей саратовской губерніи: „Раскольники богатствомъ своимъ возвращаютъ чиновниковъ, склоняютъ ихъ на свою сторону и заставляютъ ихъ, мздоимствомъ увлеченныхъ, дѣлать то, что противно законамъ и цѣлямъ правительства. О меньшихъ чиновникахъ и говорить нечего, когда высшіе не могутъ устоять противъ обольщеній раскола“⁴⁾. При такихъ условіяхъ, съ одной стороны, естественно, поднимался авторитетъ Иргизскихъ монастырей въ раскольничьей массѣ Саратовскаго края, съ другой—облегчались расколу, верховными представителями котораго являлись эти монастыри, средства пропаганды своихъ заблужденій, а тѣмъ и другимъ вмѣстѣ—нанесенъ былъ православію большой и трудно поправимый вредъ; считаться съ послѣднимъ выпало на долю позднѣйшихъ поколѣній и сче-ты эти остались не сведенными до настоящей поры.

¹⁾ С. И. А., I, А, № 7, 306.

²⁾ Ibidem, Карт. А, № LXIII; см. № LXI.

³⁾ Ibidem, I, А., № 7, 99.

⁴⁾ Ниж. сем. библ., № 3774, 30.

Какъ смѣло и открыто велъ свои дѣла Иргивъ при Бѣляковѣ, какимъ властнымъ тономъ заговорилъ онъ въ расчетѣ на свой авторитетъ, это лучше всего покажетъ слѣдующая выдержка изъ собственноручнаго письма Прохора, отъ 5 марта 1807 года, на имя саратовскаго старообрядческаго общества: „Присланное отъ васъ общественное начертаніе отъ нарочно посланныхъ уставщика Григорія Михеева и отъ Ивана Васильевича Калмыкова, по благополучномъ ихъ прибытіи къ намъ во святую обитель на сборное воскресеніе, и при немъ пятьдесятъ рублей и прочія свидѣнія исправно получили... Просите отъ св. церкви на время постнаго теченія для исправленія духовныхъ потребностей искуснаго пастыря и то однако-жъ съ воли его превосходительства, господина гражданскаго губернатора, Петра Ульяновича. Мы, о семъ сдѣлавъ общее братское согласіе, дѣлаемъ вамъ въ общую душеспасительную пользу—отпустили отъ св. церкви искуснаго пастыря Федора Никитича. Мы въ немъ увѣрены, что сей едва ли безъ вины согласится явиться къ архіерею (разумѣется: съ повинною). Прошу его принять и содержать въ христіанской любви и во всякихъ нуждахъ не оставить и творить къ нему почтеніе и повиновеніе, какъ есть долгъ священническому чину, ибо я и его превосходительству объ этомъ священникъ писалъ. Постарайтесь обществомъ вашимъ г. губернатора поблагодарить... Мы наслышаны, что нашего православнаго исповѣданія многіе люди не наблюдаютъ христіанскаго благочестія и церковнаго благочинія, безъ всякой нужной вины съ поспѣшностью отправляютъ божественную службу. Попечителю (молитвеннаго дома) нужно имѣть крайнее наблюденіе и подтвердить уставщикамъ, чтобы ни подъ какимъ видомъ безъ благословной вины чтенія не оставляли.... Еще и такіе есть въ вашемъ обществѣ: самъ женныхъ старообрядецъ, невѣсту же беретъ россійской церкви, безъ всякаго ея раскаянія; волею своей вѣнчается въ той церкви, а потомъ паки приходятъ въ старообрядческій молитвенный храмъ безъ всякаго ихъ раскаянія. А другіе и отцы православнаго исповѣданія благословляютъ своимъ дѣтямъ брачиться совѣмъ не съ православнымъ лицомъ, т. е. съ покрещеванцами или безпоповщинами; и сіе есть не мало православному человѣку правилами не дозволяется у таковыхъ ругателей понимать, дондеже не общается быть въ православномъ исповѣданіи. А другіе во своихъ преступ-

леніяхъ не хотѣть принесть извиненія св. церкви, стараются коварно по своей волѣ найти іерея или іеромонаха и требуютъ отъ тѣхъ поповъ неправильнаго разрѣшенія, и сіе поставляютъ въ свое оправданіе; тщетно однако же, ибо св. церковь сего не приѣмлетъ, а должны вси взирать и подражать правильному раскаянію покойной Степана Дьяконова супруги, Дарьи Дьяконовой. Совѣтуемъ всѣмъ подражать ея правильному поканію и безъ труда отъ св. церкви обрящутъ прощеніе¹⁾).

Этотъ властный токъ, эта смѣлая рѣчь производили впечатлѣніе въ раскольничьей средѣ, ибо заставляли вѣрить въ силу говорящаго. Авторитетъ и слава иргизскихъ обитателей, благодаря косвенному содѣйствію предержавшихъ властей, росли и ширились, какъ въ предѣлахъ Саратовскаго края, такъ и внѣ ихъ. Не говорю уже о пермской губерніи, въ которую толпами посылались бѣглецы попы съ Иргиза, а постриженники иргизскіе заводили скиты и часовни²⁾, но даже и поповцы болѣе отдаленныхъ мѣстъ, соблазняясь примѣромъ своихъ иргизскихъ собратій, постоянно обращались къ правительству съ ходатайствомъ о формальномъ разрѣшеніи брать священниковъ съ Иргиза, если же вздумаетъ обратиться къ нимъ какой бѣглый духовнаго сана, то отправлять такого на Иргизъ „для обученія всѣмъ церковнымъ службамъ.“ Такое ходатайство возбуждалось въ 1811 году раскольниками ярославской губерніи³⁾; въ 1812 и 1816 годахъ—раскольниками владимірской губерніи⁴⁾; въ 1818 году—раскольниками пермской, оренбургской, тобольской и томской губерній⁵⁾; въ сентябрѣ этого же года и казаки Гребенскаго войска чрезъ генерала Ермолова испрашивали официальное разрѣшеніе заимствоваться иргизскими священниками⁶⁾. Этотъ потокъ ходатайствъ стоялъ, конечно, въ связи съ одной стороны съ поднятіемъ авторитета Иргиза, соборными постановленіями котораго раскольники послѣ 1805 года не хотѣли пренебрегать, съ другой—съ допущеніемъ саратовской администраціей послабленій по части разсылки изъ монастырей поповъ и сборщиковъ пожертвованій на монастырскія нужды. И какъ было не соблазниться, какъ не попытать счастья,

¹⁾ С. И. А., Карт. А., № VII.

²⁾ Палладій, Обзор. пермск. раск., 27, 34, 41.

³⁾ Собр. постанов., по вѣд. св. Синода, II, 87—89.

⁴⁾ Ibidem, II, 117—119; Варадиновъ, VIII, 74—75.

⁵⁾ Ниж. сем. библ., № 3774, 297.

⁶⁾ С. И. А. Карт. А., № CI.

въ ходатайствѣ, когда было извѣстно, что иргизскіе оо. настоятели предписываютъ губернатору свои условія, подаютъ ему не отзывы или объясненія, а „положенія“! Вотъ образчикъ этихъ „положеній“, вызванныхъ къ жизни минорнымъ тономъ саратовскихъ властей. 25 октября 1810 года настоятели всѣхъ Иргизскихъ монастырей коллективно писали Панчулидзеву, что они не согласны на его предложеніе, сдѣланное имъ при посѣщеніи Верхняго монастыря,— доводить до свѣдѣнія епархіальнаго архіерея о всѣхъ приходящихъ священникахъ и діаконахъ и ждать отъ него утвержденія ихъ въ должности, равно какъ и увѣдомлять преосвященнаго о построеніи или освященіи старообрядческихъ церквей. Подобное предложеніе они получили еще ранѣе, въ 1809 г., отъ преосв. Моисея, когда онъ проѣздомъ былъ въ Вольскѣ, и тогда же отвѣтили отказомъ, „по непривычкѣ своей быть съ духовными властями въ перепискѣ“. И теперь они повторяютъ то же и просятъ оставить ихъ по прежнему, при чемъ изъясняютъ нижеслѣдующее „положеніе“: „1) о всѣхъ приходящихъ къ намъ священникахъ и діаконахъ мы обязуемся доносить чрезъ земскаго исправника вашему превосходительству; 2) если нужда потребуеть отправить оныхъ по христіанскимъ надобностямъ въ разныя мѣста, просить у В. Пр. имъ билеты; 3) о построеніи церквей спрашивать В. Пр. станемъ, чтобъ сіе освященіе производимо было нашими священниками по старообрядческому обыкновенію и уставу на прежнихъ правилахъ; 4) весь распорядокъ въ монастыряхъ, чинъ и служеніе оставить при насъ неприкосновенными отъ всякой духовной власти... Представляемъ себя съ братіей въ полное В. Пр. повиновеніе и благоволите оставить насъ спокойными на прежнемъ нашемъ положеніи“¹⁾. И Панчулидзевъ согласился на предложенныя ему условія: въ 1811 году при Королевской моленной въ Петербургѣ захваченъ былъ раскольничій священникъ Василій Андреевъ; въ паспортѣ, подписанномъ Панчулидзевымъ, онъ именуется „отпущеннымъ въ Петербургъ священникомъ Нижне-Воскресенскаго, что на Иргизѣ, монастыря“²⁾. Подписывая подобныя бумаги, Панчулидзевъ, конечно, понималъ, что превышаетъ этимъ свои губернаторскія права, но подписывать ихъ было выгодно... При немъ бѣглецы священники разбѣзжались иногда

¹⁾ Бр. Св. Кр., № 513, 131.

²⁾ „Русск. Вѣст.“, 1866, № 9, 14.

на почтовыхъ лошадяхъ по подорожнымъ, въ которыхъ прописывалось званіе проѣзжающаго. Этотъ же Панчулидзевъ, по убѣдительному ходатайству П. М. Злобиной, переносятъ ежегодную ярмарку изъ сосѣдства съ Среднимъ монастыремъ въ ближайшее сосѣдство съ Верхнимъ, чтобы увеличить „скудные“ доходы послѣдняго, и разрѣшаетъ негласно настоятелю Гавріилу выставить 1 августа на церковной паперти икону Казанской Божіей Матери, какъ чудотворную¹⁾.

Саратовскіе губернаторы безъ разбора выдавали паспорта: бѣглымъ исправленнымъ священникамъ, а удѣльная контора, въ вѣдѣніе которой съ 1808 года поступили монастыри, также свободно выдавала паспорта въ разные города Россійской имперіи монахамъ, отправлявшимся въ странствованіе за сборомъ милостыни,—цѣль этихъ отлучекъ въ оффиціальныхъ бумагахъ маскировалась словомъ „заработки“. Только въ 1815 году вице-губернаторъ Заварицкій, правившій должность губернатора за отсутствіемъ Панчулидзева, обратилъ вниманіе на эти „заработки“, когда началось дѣло объ арестованномъ въ Перми съ паспортомъ отъ саратовской удѣльной конторы инокъ Верхняго монастыря Филаретъ. Заварицкій потребовалъ было отъ удѣльной конторы, чтобы она впредь подобныхъ увольненій и паспортовъ никому изъ монашествующихъ не давала²⁾, но дѣло затянулось и оканчивать его пришлось самому Панчулидзеву, который въ донесеніи своемъ по этому вопросу министру полиціи писалъ, что хотя монахамъ и слѣдовало бы прекратить постоянныя отлучки ихъ изъ монастырей, такъ какъ эти отлучки „единственной цѣлью имѣютъ только распространеніе ереси“, однако, принимая въ соображеніе „убѣдительныя“ просьбы настоятелей Иргизскихъ монастырей, онъ, губернаторъ, предложилъ удѣльной конторѣ снабжать означенныхъ монаховъ для отъѣзда въ другія губерніи письменными видами на четыре мѣсяца, съ тѣмъ однако же, чтобы въ видахъ этихъ означено было, для какихъ именно надобностей они отправляются, и дабы люди сіи нигдѣ ученія своего не распространяли и духовныхъ требъ не совершали подъ опасеніемъ строжайшаго взысканія. Министръ полиціи, гр. Вязмитиновъ, сообщилъ объ этомъ министру удѣловъ, который согласился

¹⁾ Поповъ, IV, 133.

²⁾ Бр. Св. Кр., № 513, 132.

съ мнѣніемъ саратовскаго губернатора „впредь до времени опредѣленности по предмету сему особыхъ правилъ, до старообрядцевъ относящихся“¹⁾). Но это осталось лишь на бумагѣ, дѣйствительно же монахи и попы развѣжали по прежнему и доставляли монастырямъ громадный доходъ. Пожертвованія лились рѣкой. Ничего уже не говорю о Злобиной, которая за страшныя деньги приобрѣтала для монастырей древнія утвари церковныя, дарила имъ свои осыпанные брилліантами кокошники, цѣною въ 40.000 рублей, и т. п.²⁾, но и нарождавшіяся свѣтила старообрядческаго міра, въ родѣ семьи Сапожниковыхъ, вносили на нужды обитателей крупныя лепты. Упомяну о нѣкоторыхъ наиболѣе замѣтныхъ жертвователяхъ. Петръ Сапожниковъ приносить въ даръ Среднему монастырю храмовой образъ Николая Чудотворца, цѣною въ 10.000 руб. слишкомъ. Онъ же, заботясь о благоукрашеніи этой обители, ставитъ противъ алтаря холодной церкви надъ могилой матери своей, инокини-схимницы Анисьи, которая въ 1803—1806 годахъ была настоятельницей Покровскаго женскаго монастыря³⁾, великолѣпный мраморный памятникъ, обошедшійся дороже 30.000 руб. Жена донскаго атамана, гр. Платова, даритъ Никольскому же монастырю 18 полныхъ священническихъ облаченій изъ лучшей заграничной парчи⁴⁾. Отъ другихъ источниковъ доходовъ оставалось достаточно свободныхъ суммъ, чтобы въ 1813 году Средній монастырь могъ купить у нѣкоего Товарова 1.000 десятинъ прекрасной земли на лѣвомъ берегу Малаго Иргиза⁵⁾, а настоятель Сергій, управлявшій монастыремъ этимъ не болѣе пяти лѣтъ,—съ половины 1819 до 1823 или 1824 года, потому что въ 1825 году настоятельствовавъ уже Іоаннъ⁶⁾,—успѣлъ за этотъ короткій промежутокъ времени приобрести церковной утвари, по скромной оцѣнкѣ Прохора, приблизительно на 50.000 руб.⁷⁾. Въ 1818—1819 годахъ изъ тѣхъ же остаточныхъ суммъ Нижній монастырь купилъ въ Вольскѣ у мѣщанской вдовы Расторгуевой и у мѣщанина Антицова два дворо-

1) „Рус. Вѣстн.“, 1864, № 5, 14.

2) Леопольдовъ, Віогр. В. А. Злобина, 41. Авторъ утверждаетъ, что этотъ кокошникъ, хранившійся въ библиотекѣ Средняго монастыря, впоследствии пропалъ безъ слѣда.

3) С. И. А., I, А, № 6, 754; № 7, 481.

4) Бр. Св. Кр., № 500, 41, 65—66, 69.

5) Ibidem, 67.

6) Арх. сар. губ. правл., I, 33, № 1596, 3.

7) Бр. Св. Кр., № 500, 4.

выхъ мѣста, изъ которыхъ первое было обстроено и представляло собой монастырское подворье¹⁾. Въ 1816 году Успенскій женскій монастырь со всѣми кельями и часовнями выгорѣлъ до-тла. Панчулидзевъ не нашелъ препятствій къ его возобновленію, монахи не стѣснились въ денежныхъ средствахъ и черезъ годъ, на землѣ Средняго монастыря, верстахъ въ двухъ отъ него, построенъ былъ новый женскій скитъ²⁾.

Такъ относилась къ Иргизу гражданская власть, принявъ на себя по „убѣдительнымъ просьбамъ“ разныхъ лицъ роль патроната и чуть ли не благодѣтелей его. Немногимъ лучше стояло дѣло въ отношеніи власти духовной. Въ любопытномъ отношеніи отъ 27 марта 1809 года пензенская духовная консисторія объявляетъ саратовскому губернскому правленію, что она „не имѣетъ никакихъ свѣдѣній объ иргизскихъ монастыряхъ и населяющихъ ихъ жителяхъ“ и потому проситъ для ознакомленія съ положеніемъ раскола на Иргизѣ: 1) „отобрать отъ настоятелей этихъ монастырей показанія, къ какому составу принадлежатъ монашествующіе—къ свободному ли или къ сорту людей, платящихъ государственныя повинности; 2) имѣютъ ли какое надъ собою духовное начальство, отъ повелѣній и распоряженій коего они бы зависѣли, и гдѣ оное именуется и изъ какихъ состоитъ лицъ; 3) предложить иргизскимъ обоего пола монастырямъ и всѣмъ старообрядцамъ, во саратовской губерніи живущимъ, не будутъ ли они согласны быть спокойны и довольны произведенными къ нимъ епархіальнымъ пресвященнымъ правильно священниками, мѣста коихъ занимаютъ нынѣ у нихъ бѣглецы отсюда утекшіе или лишенные священства; а при семъ отвращенъ бы былъ вовсе поводъ къ такому самовольству въ тѣ монастыри нѣкотораго буйственнаго побѣгу“. Въ заключеніе консисторія указываетъ на важность полученія требуемыхъ свѣдѣній: тогда она въ свою очередь въ состояніи будетъ отвѣчать на обращаемые къ ней запросы разныхъ присутственныхъ мѣстъ по этому предмету и скорѣе окончатъ начатыя дѣла, которыя стоятъ въ зависимости отъ этихъ свѣдѣній. Это отношеніе не повело ни къ чему: губернское правленіе не вышло просьбъ и мѣсяца черезъ два уведомило консисторію, что всѣми дѣлами, касающимися раскола,

¹⁾ С. И. А., I, А, № 11, 28.

²⁾ Ibidem, 9, 62.

завѣдуетъ губернаторъ, отъ котораго и можно получить затребован-
ныя данныя. Консисторія сносится съ губернаторомъ, кажется,
не пожелала и благая попытка ознакомленія съ Иргизомъ канула
въ вѣчность¹⁾.

За тридцати-лѣтній періодъ безпечальнаго существованія Ирги-
за (1797—1826) нѣсколько разъ собиралась было надъ нимъ гроза,
но такъ-таки не собралась разразиться и дѣло всякій разъ оканчи-
валось пустяками. Первый случай относится къ 1800 году, когда
астраханское губернскае правленіе потребовало поступленія по всей
строгости законовъ съ живущими на Иргизѣ, „на хуторѣ отцовскомъ,
въ Верхнемъ монастырѣ,“ людьми за держаніе ими завѣдомо бѣглою
преступника, наказаннаго кнутомъ по приговору курской палаты уго-
ловнаго суда, Евстифѣя Пѣгова. Въ виду показанія послѣдняго, что на
Иргизѣ всегда укрывается подобныхъ ему не малое число, астра-
ханское правленіе просило такое же саратовское „предпри-
нять законныя и дѣятельныя мѣры“ къ прекращенію монасты-
рами приѣма и укрывательства бѣглыхъ, „яко наносящихъ всѣмъ
присутственнымъ мѣстамъ отяготительную переписку“. Вольско-
му нижнему земскому сулу дано было въ этомъ смыслѣ строжайшее
предписаніе, но онъ ограничился одной посылкой за Волгу своего
засѣдателя Половинскаго и отобраніемъ отъ настоятелей иргизскихъ
соотвѣствующихъ подписокъ, причемъ настоятель Верхняго мона-
стыря Гавриилъ въ своей подпискѣ отрицалъ даже фактъ укрыва-
тельства на монастырскомъ хуторѣ Пѣгова и клялся, что такихъ
лицъ въ его монастырѣ не бываетъ да и быть не можетъ²⁾. И под-
писки и клятвы были забыты очень скоро и въ февралѣ 1806 года
губернатору Бѣлякову пришлось писать къ вольскому исправнику
Безобразову, что, по дошедшимъ до него, губернатора, свѣдѣніямъ,
на Иргизѣ „опять принимаются бѣглецы изъ разныхъ мѣстъ всяка-
го званія“ и что объ этомъ оренбургскій военный губернаторъ, кн.
Г. С. Волконскій, донесъ уже государю императору. Вслѣдствіе
этого онъ предписывалъ исправнику немедленно лично отправиться
въ монастыри, „обискать въ прямомъ видѣ все безъ закрытія и
и подробно обо всемъ въ строжайшей справедливости донести“. Най-
денныхъ бѣглыхъ тотчасъ же велѣно было выслать въ надлежащія

¹⁾ Бр. Св. Кр., № 518, 180—181.

²⁾ С. И. А., I, А., № 5, 557—565.

мѣста и всѣхъ настоятелей обязать подпиской о недержаніи впредь безпаспортныхъ бродягъ¹⁾. Чѣмъ увѣичались поиски исправника— неизвѣстно, но похоже на то, что Безобразовъ, состоявшій за все время своей службы въ неизмѣнной дружбѣ съ монастырями, уладилъ дѣло къ удовольствію оо. иноковъ.

Спустя полгода послѣ этой исторіи, въ Саратовѣ опять вспомнили объ Иргизѣ. Тамбовская удѣльная экспедиція не поладила почему-то съ Прохоромъ и, назначивъ надъ нимъ слѣдствіе по обвиненію его въ растратѣ монастырскаго имущества, просила губернатора удалить его отъ должности настоятеля, тѣмъ болѣе, что онъ, какъ жалуется инокъ Гедеонъ, до невозможности сурово обращается съ подвѣдомственными ему иноками: сажаетъ ихъ въ темный каменный подвалъ, привязываетъ тамъ къ столбу и вообще тиранитъ разными способами. Губернаторъ на половину исполнилъ эту просьбу: онъ послалъ въ монастырь Безобразова разузнать, насколько справедливы всѣ эти жалобы на Прохора, нѣтъ ли тутъ какихъ-либо сплетней и личныхъ интригъ со стороны экспедиціи и дѣйствительно ли монастырская братія желаетъ смѣнить Прохора²⁾. Оказалось, какъ этого и слѣдовало ожидать, что инокъ-схимникъ Прохоръ во всѣхъ изводимыхъ на него обвиненіяхъ неповиненъ: монастырское имущество имъ не расхищается, а приумножается, тиранства братія не чинится и т. п. Жалоба Гедеона должна быть названа клеветой: этого горькаго пьяницу дѣйствительно останавливали и старались образумить какъ настоятель, такъ и вся братія, но ни въ выходъ не запирали ни къ столбу не привязывали, да и столба такого въ монастырѣ не имѣется. Самъ Гедеонъ изъ монастыря изчезъ безслѣдно, опасаясь, конечно, наказанія за облыжную жалобу.... Въ концѣ концовъ выходило, что лучше Прохора монастырю настоятеля не дожидаться и потому смѣнять его не представляется основаній. И Прохоръ смѣненъ не былъ³⁾.

Въ 1818 году возникло дѣло объ укрывательствѣ Прохоромъ бѣглыхъ крестьянъ Шутовыхъ. По существу своему это дѣло не представляетъ ничего особеннаго: приемъ бѣглецовъ и бродягъ былъ обычнымъ явленіемъ на Иргизѣ; тотъ же Прохоръ неоднократно за-

¹⁾ Ibidem, N 7, 456—457.

²⁾ Ibidem, Карг. А, № LXIII.

³⁾ Ibidem, № LXIV. Черновой приговоръ братіи Нижняго монастыря по этому дѣлу съ поправками на поляхъ и въ текстѣ рукой Прохора.

мѣшанъ былъ въ дѣлахъ такого рода, но каждый разъ умѣлъ хоронить концы или, по крайней мѣрѣ, тушить начинающіяся дѣла во-время. Весьма вѣроятно, что и это дѣло было бы замято, если бы жадность слѣдователя не столкнулась съ упрямствомъ Прохора: люди не сошлись въ цѣнѣ и слѣдствіе поведено было настоящимъ порядкомъ, безъ обычнаго въ подобныхъ случаяхъ послабленія и умышленнаго затемненія. Въ 1814 году съ ижевскаго завода бѣжали два крестьянина Шутовыхъ въ лѣса екатеринбургскаго уѣзда и тамъ, верстахъ во 100 отъ самаго Екатеринбурга, скрывались въ уединенномъ скитѣ до начала 1815 года. Близость къ мѣсту побѣга сильно смущала ихъ и они направились на Иргиэзъ, гдѣ обратились прямо въ Нижній монастырь. Прохоръ встрѣтилъ гостей ласково, выслушалъ ихъ подробную исповѣдь и принялъ въ свою обитель. Одинъ изъ пришельцевъ сдѣлался у него пѣвчимъ, а другой скоро заболѣлъ и постригся въ иночество. Такъ прожили они тихо и смиренно, не беспокоимые никакимъ начальствомъ, до 1818 года; въ этомъ году Прохоръ переслалъ было ихъ въ Верхній монастырь, но тамъ отказали въ приемъ и имъ пришлось вернуться обратно въ Нижній, а вслѣдъ затѣмъ и попасть въ руки полиціи. Около двухъ лѣтъ таскался Прохоръ по разнымъ судебнымъ инстанціямъ, пока, наконецъ, 30 сентября 1820 года саратовская палата уголовного суда не вынесла по этому дѣлу такой резолюціи: „Такъ какъ и по прежде произведеннымъ дѣламъ Прохоръ оставленъ подозрительнымъ въ держаніи бѣглыхъ и былъ неоднократно штрафованъ, то взыскать съ него за этихъ двоихъ дезертировъ 4.000 руб.; если же окажется платить оныхъ не въ состояніи, то, удаливъ его изъ монастыря и лишивъ добраго имени, по негодности за старостью лѣтъ къ службѣ, сослать на поселеніе въ Сибирь, въ иркутскую губернію“¹⁾. Путешествовать въ Сибирь 70-лѣтній старецъ не пожелалъ и громадный штрафъ былъ уплаченъ монастыремъ сполна. Не только для монастыря, но даже и лично для Прохора эта исторія въ данную минуту никакихъ послѣдствій не имѣла: онъ даже

¹⁾ Дѣло вольскаго магистрата, 1818 года, № 65, 1—39. Эту самую исторію, кажется, имѣлъ въ виду Поповъ, когда рассказывалъ о приемѣ Прохоромъ какихъ-то двухъ политическихъ преступниковъ („Сборн.“, IV, 38—40). Сходство полное и разница вся въ томъ, что между 1827—1828 годами Прохоръ въ Сибири, а тѣмъ болѣе въ рудникахъ не былъ, да и не могъ быть сосланъ туда никакимъ судомъ по старости лѣтъ; изъ настоятелей окончателью вышелъ въ половинѣ 1827 года и скитникомъ былъ еще въ 1806 году. *Прим. авт.*

опять сдѣлался настоятелемъ, каковая должность за время его нахождения подъ судомъ возложена была братіей на инока Никанора. Последняго Прохоръ удалилъ отъ должности съ соблюденіемъ всѣхъ требованій приличія: въ „одобреніи“, выданномъ отставному настоятелю всѣми иноками и бѣльцами монастыря, значилось, что онъ уволенъ „по собственному его желанію, за болѣзнію“, что во все время бытности его настоятелемъ онъ велъ себя добропорядочно, братіи никакихъ соблазновъ не дѣлалъ, заботился объ увеличеніи средствъ обители, правильно велъ денежную отчетность и т. п.; въ виду этихъ заслугъ его предъ монастыремъ, братія обязывалась оказывать ему впредь, какъ почетному иноку“, всякое почтеніе, допускать въ совѣты, не дѣлать никакихъ притѣсненій и, буде пожелаетъ въ другой монастырь выйти, то не удерживать его“. Въ концѣ этого одобренія, подписаннаго настоятелемъ Прохоромъ, казначеемъ Тарасіемъ и соборными старцами, дѣлается замѣчаніе, что всѣ займы на монастырскія нужды, сдѣланные съ вѣдома братіи у частныхъ лицъ, обитель принимаетъ на себя и обязуется уплатить изъ текущихъ доходовъ¹⁾. Впрочемъ, вольскіе купцы не одобрили сдѣланнаго иноками выбора и обратились чрезъ вольскаго городскаго голову А. И. Расторгуева къ Панчулидзеву съ просьбой назначить „избираемаго ими на эту должность казначея Тарасія.“ Панчулидзевъ, разумѣется, „не нашель препятствій въ исполненіи сего прошенія“ и написалъ 19 іюля 1820 года управляющему саратовской удѣльной конторой, С. И. Киндякову, письмо, въ которомъ просилъ „приказать исполнить желаніе вольскаго старообрядческаго общества, такъ какъ ничего противнаго законамъ оно не желаетъ, а монастыри въ значительной степени зависятъ отъ подаяній вольскихъ купцовъ²⁾. Киндяковъ тоже „не нашель препятствій“ исполнить желаніе губернатора и Прохоръ былъ смѣненъ Тарасіемъ: оказалось, какъ ни дико это, что настоятеля монастырю избрали вольскіе граждане, а не иноки. Дикость этого факта понималъ и самъ Киндяковъ, постановившій правиломъ на будущее время, что избирать настоятеля могутъ только удѣльные крестьяне. И удѣльные крестьяне воспользовались этимъ правомъ: они скоро отрѣшили отъ настоятельства навязаннаго имъ Тарасія и опять замѣнили его

¹⁾ Арх. Нижняго един. монаст., № 2.

²⁾ С. И. А., Карт. А., №№ XVI, XVII.

Прохоромъ; по крайней мѣрѣ, въ сентябрѣ 1825 года Прохоръ занималъ уже это мѣсто¹⁾, но не на-долго.

Случай суда надъ Прохоромъ былъ, впрочемъ, явленіемъ исключительнымъ; обыкновенно же иргизскіе настоятели хорошо знали впередъ о каждомъ намѣреніи властей и заблаговременно принимали собственныя мѣры. Обширныя денежные средства обитателей позволяли имъ имѣть агентовъ повсюду, гдѣ только считалось нужнымъ имѣть ихъ; нерѣдко случалось, что губернаторскія предписанія въ копіяхъ раньше приходили на Иргизъ, чѣмъ въ Вольскъ къ исправнику или въ земскій судъ. Поэтому-то, умно и осторожно ведя свои дѣла, отцы настоятели очень рѣдко попадали подъ судъ за укрывательство бѣглыхъ или пріемъ безпаспортныхъ: при малѣйшемъ намекѣ на опасность, они немедленно спроваживали изъ своихъ монастырей подозрительныхъ лицъ и на спросы полиціи, являвшейся на поиски, съ спокойной совѣстью отвѣчали, что отыскиваемого въ монастырѣ никогда не было, или былъ, да уѣхалъ неизвѣстно куда. Такъ когда въ іюлѣ 1820 года стали искать въ Среднемъ монастырѣ бѣглаго священника Іосифа Ларіонова, подлежащаго преданію суду, то настоятель Сергій, не имѣя возможности отрицать дѣйствительность его пребыванія въ монастырѣ, такъ какъ въ свое время о поступленіи его въ монастырь доносилъ губернатору, отвѣчалъ, что онъ дня за два до этого неизвѣстно куда уѣхалъ и ставленную грамоту свою увезъ съ собой; въ случаѣ возвращенія его въ монастырь или полученія извѣстій о его мѣстопребываніи, онъ обязывался донести вольскому земскому суду и, конечно, не донесъ²⁾.

Не успѣло окончиться шутовское дѣло, какъ разыгралась съ Прохоромъ новая исторія, еще худшая первой. Въ августѣ 1818 года къ нему явились два священника: Иванъ Степановъ изъ села Паева, ивсарскаго уѣзда, и Илья Матвѣевъ—изъ села Соленого Ерика, царицынскаго уѣзда; оба они имѣли ставленныя грамоты и виды, выданныя изъ консисторіи для пріисканія мѣсть, и оба оказались въ послѣдствіи низведенными на причетническую должность. Но Прохоръ, очень легко относившійся къ дѣлу пріема бѣглыхъ священниковъ, не сталъ наводить справокъ о степени дѣйствитель-

¹⁾ Арх. Нижн. едн. мон., № 2.

²⁾ Архивъ сар. губ. правл., I, 24, № 391, 4.

ности ихъ правъ на священство и допустилъ ихъ къ исправѣ, удовольствовавшись предъявленными ему документами. Наскучивъ жизнью въ монастырѣ подь желѣзной ферулой Прохора, одинъ изъ этихъ священниковъ, именно Илья Матвѣевъ, задумалъ возвратиться въ православіе. Онъ явился къ преосв. Амвросію, когда тотъ въ октябрѣ 1820 года посѣтилъ монастыри старообрядческіе, съ повинной и, въ видахъ смягченія архіерейскаго гнѣва и наказанія, заявилъ ему, что ого силой заставляли совершать богослуженіе по старопечатнымъ книгамъ. Весьма возможно, что Амвросій не повѣрилъ этому дѣтски-наивному оправданію, но оно давало ему поводъ вмѣшаться въ дѣла Иргиза, о которомъ теперь въ Пензѣ знали гораздо больше, чѣмъ 11 лѣтъ тому назадъ, и онъ сообщилъ о заявленіи Матвѣева губернатору, прося воспретить иргизскимъ настоятелямъ принимать бѣглыхъ поповъ. Панчулидзевъ 13 ноябрю 1820 года предписать провзвестъ слѣдствіе по этому дѣлу и потребовалъ остановить приѣмъ бѣглыхъ поповъ. Въ мартѣ 1821 года настоятель Нижняго монастыря Тарасій, Средняго—Сергіій и Верхняго—Гавриилъ дали такой отзывъ на это предписаніе: 1) „Мы, настоятели Иргизскихъ монастырей, по высочайшему дозволенію съ давнихъ лѣтъ устроенныхъ, требуемой подписки безъ общаго всѣхъ старообрядческихъ обществъ, какъ-то: вольскаго, хвалынскаго, саратовскаго, казанскаго, ростовскаго, нижегородскаго, всего края Сибирскаго и въ другихъ разныхъ губерніяхъ пребывающихъ, и въ Иргизскимъ монастырямъ прилежащихъ, и взаимно другъ другу вспомошествоющихъ, и одно отъ другого зависящихъ, дать никакъ не въ состояніи“, гдѣмъ болѣе, что къ этому нѣтъ и повода. Попъ Илья добровольно явился въ монастырь, какъ объ этомъ своевременно заявлено было исправнику и какъ подтвердилъ это на допросѣ самъ Илья.... „Дать (подписку), по мнѣнію нашему, значитъ лишиться священства и съ тѣмъ вмѣстѣ св. древней греческой церкви, безъ которой и священства намъ... спастися невозможно.“ Стѣсненія въ дѣлѣ совѣсти будутъ приняты старообрядцами за гонительство. Кромѣ того затрудненія, по причинѣ недостатка священниковъ, въ отпращиваніи „тѣмочисленныхъ требъ христіанскихъ,—браковѣчанія, крещенія, приобщенія св. божественныхъ таинъ, исповѣди грѣховъ, погребенія и памяти творенія о усопшихъ,—удалять христіанъ не токмо въ расколь еедосѣвскаго согласія и другія разныя богопро-

тивныя и нами, старообрядцамъ, нетерпимыя сенты, но и за пределы границъ российской имперіи“. 2) „На слова предписанія „обязать поддической не принимать бѣглыхъ священниковъ“ отвѣствуемъ: мы принимаемъ ихъ по вѣрѣ отнюдь не за бѣглыхъ, а яко за приверженныхъ къ старообрядчеству и уволенныхъ отъ своихъ енархіальныхъ архіереовъ ради присканія себѣ мѣста со ставленными грамотами, дѣйствительно рукоположенныхъ; впрочемъ, не ручаемся и не отвѣчаемъ за то, если который изъ тѣхъ священниковъ и сокрылъ что-либо противъ сего изъясненія, то тогда уже онъ Богу отвѣчаетъ за то, а мы, принимая ихъ съ завѣреніемъ предъ св. даровью Божіей и отцомъ духовнымъ, что онъ отлучился, не бывъ подъ запрещеніемъ своего архіепископа, ни по винѣ какой-либо и худому поступку, если-бъ и погрѣшила въ принятіи, но погрѣшность сію также на судъ Всевидцу и Всесотворшему Господу Богу и прозорливому благоразсмотрѣнію и разсужденію просвѣщенныхъ правителей, что вынуждаемъ къ тому нечаяно намъ или по неувольненію гласно желающихъ поступить къ намъ священниковъ, по приверженности ихъ ко святѣй древней церкви, для богослуженія по древнимъ ея уставамъ, правиламъ и обрядамъ“.... Амвросій пензенскій, въ октябрѣ 1820 года посѣтившій монастыри, не только не нашель ничего богопротивнаго въ старообрядческомъ богослуженіи, но, напротивъ, весьма одобрялъ его. Далѣе отцы настоятели возстизали противъ наименованія старообрядцевъ сектантами и раскольниками и указывали на то, что Екатерина II, указомъ св. синоду отъ 29 декабря 1785 года, отиѣнила для нихъ названіе „раскольниковъ“. Затѣмъ сослалась на Павла I, „вѣчной славы и памяти достойнаго“, который чрезъ Рунича выдалъ изъ казны на построеніе церквей 6.000 рублей, и въ заключеніе еще разъ заявляли, что имъ „нельзя не принимать добровольно приходящихъ къ нимъ со ставленной грамотой дѣйствительно рукоположенныхъ и безъ вины отлучившихся священниковъ“ и рѣшительно отказывались отъ дачи подписки, обязываясь только доносить земскому суду о каждомъ являющемся вновь священникѣ и, въ случаѣ нахожденія такового подъ запрещеніемъ или замѣченнаго ими самими въ худомъ поведеніи, отсылать отъ себя. „Мѣра сія, кажется, довольно должна быть для правителей гражданскихъ и дуденныхъ удовлетворительна“. Свой отзывъ они просили губер-

натора представить министру внутреннихъ дѣлъ, у котораго „стоять въ секретариатѣ“¹⁾). Вскорѣ по полученіи извѣстія отъ Амвросія о перепискѣ его съ губернаторомъ по поводу священника Матвѣева, синодъ составилъ извѣстные пункты о видахъ на званіе, Постановленіемъ своимъ отъ 6 іюня—11 іюля 1821 года онъ написалъ всѣмъ епархіальнымъ архіереямъ, „отъ тѣхъ священниковъ и церковныхъ служителей, которые, находясь подъ судомъ, удалены отъ своихъ должностей, равно какъ и тѣхъ, которые низведены на причетническія должности, отбирать ставленныя грамоты и другіе виды на званіе и возвращать ихъ тогда, когда такіе священники вновь опредѣлены будутъ къ должностямъ своего сана и чина; билеты и письменные виды, если нужно будетъ снабдить ими кого-либо изъ священно-и церковно-служителей для присканія мѣста въ одной и той же епархіи, давать съ осмотрительностью, судя по нравственному состоянію каждаго лица, чтобы виды эти не послужили для неблагонамѣренныхъ поводомъ и средствомъ къ вредной праздности и другимъ какимъ-либо злоупотребленіямъ; виды эти должны быть непременно срочные, не болѣе какъ на одинъ мѣсяць, въ случаѣ же непрісканія мѣста, по прошествіи срока, давать новый видъ на такой же срокъ; но если кто мѣста не принцетъ въ продолженіи нѣсколькихъ сроковъ, а между тѣмъ навлечетъ сомнѣніе на свое поведеніе, то епархіальное начальство должно дѣлать опредѣленіе о помѣщеніи такихъ по начальственному разсмотрѣнію и распоряженію“²⁾). Кромѣ этого циркулярнаго распоряженія, онъ указомъ отъ 26 іюля 1821 года предписывалъ Амвросію сообщать отзывъ Панчулидзева на просьбу о воспрещеніи Иргизскимъ монастырямъ принимать бѣглыхъ священниковъ. Синодъ энергично вмѣшался въ начавшееся дѣло, но скоро охладѣлъ: получивъ увѣдомленіе объ отказѣ настоятелей дать требуемую подписку, онъ постановилъ 19 декабря 1821 года—16 февраля 1822 года, что и „не представляется надобности настоять въ требованіи съ нихъ таковой“³⁾). Другого постановленія онъ и не могъ составить при господствовавшей тогда въ средѣ высшей администраціи тенденціи. Для иллюстраціи этой послѣдней привожу маленькій примѣръ изъ исторіи все того же саратовскаго раскола. Въ 1809 году изъ села Чирикова,

¹⁾ Бр. Св. Кр., № 518, 182—183.

²⁾ Собр. постан., по вѣд. Св. Сян., II, 153—156; Варадиновъ, VIII, 107—108.

³⁾ Собр. постан., по вѣд. Св. Сян., II, 160—163.

балашовскаго уѣзда, ушелъ на Иргизъ, въ Средній монастырь, молодой, 27-лѣтній священникъ Алексѣй Васильевъ Добронравовъ. Такъ какъ никакихъ судебныхъ дѣлъ за нимъ по консисторіи не числилось, то онъ и не скрывалъ даже своего намѣренія перейти въ расколъ: архіерею заблаговременно подалъ прошеніе объ увольненіи за-штатъ, а мѣстному благочинному, Алексѣю Яковлевичу Троецкому, разъяснилъ въ подробности свое намѣреніе, прибавивъ, что дѣйствуетъ въ этомъ случаѣ по приказанію своего отца, который живетъ въ качествѣ старообрядческаго священника въ иргизскомъ Среднемъ монастырѣ. Благочинный не усмотрѣлъ ничего неблагочиннаго въ намѣреніи своего подчиненнаго и отпустилъ его съ миромъ. Въ 1814 году Добронравовъ отправленъ былъ въ Дубовку, а въ 1819 году—въ Петербургъ, въ Королевскую моленную, на смѣну умершаго священника Василія Андреева. Прожилъ онъ тамъ съ дозволенія оберъ-полиціймейстера цѣлыхъ три года, какъ вдругъ пензенская консисторія потребовала чрезъ петербургскую управу благочинія выслать его въ Пензу. Петербургское старообрядческое общество взволновалось,—Добронравовъ былъ человекъ трезвый и аккуратный,—и обратилось съ просьбой объ оставленіи его къ главнокомандующему Петербурга, гр. М. А. Милорадовичу. Тотъ навелъ нужныя справки и увѣдомилъ преосв. Амвросія, что требуемый имъ „священникъ Добронравовъ, какъ человекъ, которымъ не дорожатъ, остается въ Петербургѣ при нынѣшнемъ мѣстѣ“¹⁾. Нужно прибавить, что Милорадовичъ зналъ за Добронравовымъ кромѣ перехода въ расколъ и другія преступленія,—совершеніе имъ требъ у донскихъ раскольниковъ и бѣгство изъ-подъ стражи....

Итакъ грозовыя тучи, собиравшіяся надъ Иргизомъ, пронеслись мимо. Онѣ являлись какъ бы знаменіемъ грядущаго, первыми предвозвѣстниками приближающагося конца, и это уже вина самого Иргиза, что онъ не сумѣлъ понять ихъ предостерегающаго голоса и продолжалъ катиться по круто наклоненной плоскости. Поднявшись на необычайную въ исторіи раскола высоту, Иргизъ не могъ долго удержаться на ней,—періодъ разцвѣта слился у него съ періодомъ разложенія и упадка. Величественное зданіе, созданное трудами цѣлаго ряда умныхъ и дѣятельныхъ строителей и увѣчанное поражающей по широтѣ замысла и размаху работой Прохора,

¹⁾ С. И. А., Карт. А, № XV.

лѣтъ семь—восемь качалось на подгнившихъ устояхъ и затѣмъ рухнуло съ одного изъ своихъ трехъ угловъ. Исторію паденія Иргиза я передамъ въ слѣдующихъ главахъ, а пока посмотримъ, чѣмъ ознаменовалась первая четверть текущаго столѣтія для раскола по другимъ мѣстностямъ Саратовскаго края, кромѣ при-иргизской.

Блестящія страницы иргизской исторіи были такими же и для саратовской поповщины въ ея цѣломъ,—такъ велика была близость, такъ тѣсна связь Иргиза, какъ метрополи, съ остальными центрами саратовскаго раскола. Первые 25 лѣтъ настоящаго столѣтія были временемъ полнѣйшаго развитія саратовской поповщины и самаго дѣятельнаго прозелитизма. Въ эту эпоху усилилась до небывалыхъ размѣровъ раскольничья пропаганда въ здѣшнемъ краѣ, разсыпались повсюду наставники и начетчики, построены были моленные и часовни, организованы общины и Саратовъ, Вольскъ, Хвалыискъ и Дубовка сдѣлались вліятельными центрами. Результатъ получился столь благопріятный, что къ концу тридцатыхъ годовъ по всему Саратовскому краю не осталось, за исключеніемъ селеній магометанскихъ и нѣкоторыхъ мордовскихъ, села, деревушки или хутора, который не былъ бы зараженъ духомъ раскола. Крѣпче другихъ держались православные переселенцы изъ малороссовъ, но время и на нихъ имѣло вліяніе,—раскольники возмутили даже устойчивыхъ „хохловъ“ и они подъ конецъ также стали отклоняться отъ церкви. Случаевъ такого рода не мало можно насчитать, особенно въ селѣ Сокурѣ, саратовскаго уѣзда, а также въ Кормежкѣ, Большомъ Кущумѣ и др. селеніяхъ за Волгой. Не менѣе любопытенъ переходъ мордвы и чувашъ, не утвердившихся еще въ православіи, въ ядра раскола, какъ будто въ укоризну духовенству, не успѣвшему внушить имъ уваженія къ св. церкви и довѣрія къ своему сану. Не отпавшіе же отъ православія продолжали держаться языческихъ обычаевъ, вѣрили многобожію, не посѣщали церквей и при всемъ этомъ считались лучшими прихожанами. „Грустно подумать,—говорилъ впоследствии по этому поводу гр. Стенбокъ,—что полуязычники, которые, какъ всѣмъ извѣстно, недавно еще ходили въ церковь по наряду и нарядъ этотъ считался натуральной повинностью,—„за подводу,“—теперь выставяются духовенствомъ, какъ болѣе преданные православію, потому только, что не успѣли познакомиться съ заблужденіями раскольническими.“ И слова гр. Стенбока не

грѣшать противъ истины,—это горькая правда. Но, раздвинувъ во всѣ стороны предѣлы своихъ владѣній, поповщина прочнѣе всего утвердилась за разсматриваемое время въ мѣстахъ, отвоеванныхъ ею у православія раньше. Къ числу такихъ мѣстъ прежде всего должно причислить; разумѣется, Вольскъ съ его уѣздомъ. Не довольствуясь открытіемъ въ 1793 году церкви, которая оказалась вдругъ „непомѣстительной и ветхой,“ вольскіе раскольники задумали построить другую, на этотъ разъ для прочности каменную. Они представили планъ предполагаемаго зданія Бѣлякову и ходатайствовали о выдачѣ имъ разрѣшенія на постройку. Бѣляковъ, конечно, понималъ, что выдача разрѣшеній на сооруженіе церквей, хотя бы то и раскольничьихъ, не входитъ въ кругъ его компетенціи, однако счелъ нужнымъ удовлетворить ходатайство просителей и 23 мая 1806 года послалъ вольскому городничему Струкову слѣдующее предписаніе: „Милостивый государь мой, Никаноръ Никаноровичъ! Вольское старообрядческое общество просило меня о дозволѣніи имъ построить каменную церковь по ихъ обрядамъ въ приличномъ мѣстѣ. Позволяя имъ оное, предписываю къ построенію оной церкви ихъ допустить и освятить на основаніи ихъ правилъ и обрядовъ“¹⁾. Между раскольниками немедленно началась подписка, при чемъ одинъ В. А. Злобинъ далъ 10.000 рублей, и, годъ спустя, постройка началась; по крайней мѣрѣ, Бѣляковъ 9 іюля 1807 года послалъ тому же Струкову новое предписаніе: „Въ Вольскѣ граждане изъ старообрядцевъ имѣютъ въ будущее воскресенье приступить къ основанію новаго каменнаго храма. При семъ случаѣ не оставьте со стороны полиціи наблюсти благопристойность, чтобы отъ кого-либо не было причиняемо никакихъ обидъ“. Струковъ „наблюлъ“ и торжественная закладка церкви, занявшей пространство въ двѣсти квадратныхъ сажень, состоялась на соблазнъ всѣмъ православнымъ жителямъ Вольска. Главный надзоръ за построеніемъ принялъ на себя Злобинъ, а за отсутствіемъ его распоряжался работой братья его жены, П. М. Волковъ и М. М. Войновъ²⁾. Молчало вольское духовное правленіе, молчалъ и преосв. Гаій, вообще мало входившій въ дѣла епархіи и очень снисходительно относившійся къ расколу и раскольникамъ. Ободренные уда-

¹⁾ Архивъ канц. сар. губерніи., 2 вѣз., № 1, 4.

²⁾ Ibidem, 5.

чей, раскольники быстро создали другой планъ: Семень Расторгуевъ купилъ находящуюся на Безыменномъ ключѣ, недалеко отъ сада и мельницы, каменную солодовню Яковлева и отъ имени брата своего, Льва, началъ передѣлывать ее въ церковь, — надстроилъ главы и поставилъ крестъ. Объ этой работѣ вольскій благочинный, протоіерей Иванъ Дубовскій, донесъ въ 1809 году рапортомъ преземнику Гаія, преосв. Моисею, и тотъ распорядился: „Спросить купца, почему онъ самовольствуетъ и строить безъ позволенія архипастыря и противиться даже именнымъ высочайшимъ указамъ, тѣмъ паче, что ежели бы онъ отъ насъ потребовалъ сего на основаніи законовъ, мы бы, конечно, съ удовольствіемъ исполнили сію просьбу, и что онъ отвѣтствовать будетъ, протопопъ представить къ намъ, а между тѣмъ сообщить о семъ и въ губернское правленіе, дабы оно съ своей стороны непокоряющихся законамъ Е. В. отъ буйности удержало“¹⁾. Губернское правленіе въ отвѣтъ на это сообщеніе прислало копію съ разрѣшенія на постройку, выданнаго вольскимъ старообрядцамъ Бѣляковымъ. Преосвященный остался недоволенъ такимъ отвѣтомъ и положилъ на немъ резолюцію: „Объявить о семъ чрезъ благочиннаго городской полиціи, что ежели сіе дѣло не будетъ остановлено, то о семъ отъ насъ будетъ донесено чрезъ св. Синодъ къ Е. И. В.; притомъ же мы архипастырскимъ словомъ увѣряемъ всѣхъ такъ называемыхъ раскольниковъ, что они получаютъ отъ насъ позволеніе строить церковь, коль скоро отзовутся къ намъ о семъ, и для чего же послѣ сего имъ быть нарушителями церковныхъ и гражданскихъ законовъ“²⁾? Между тѣмъ, когда прот. Дубовскій обратился съ запросомъ къ строителю новаго храма, то получилъ въ отвѣтъ, что церкви никакой не строится, а устраивается только молитвенный домъ, что переправки производить собственно не онъ, а братъ его, Левъ, который за отъѣздомъ изъ Вольска поручилъ ему наблюсти за украшеніемъ моленной по надлежащему, и что поэтому онъ не можетъ ничего сказать, какъ это Левъ взялся за дѣло безъ архипастырскаго благословенія. Преосв. Моисей порадовался такому объясненію и на рапортъ по этому предмету написалъ: „Объявить купцу со смиренномудріемъ евангельскимъ чрезъ прот. Дубовскаго, дабы купецъ сей отозвался къ намъ о

¹⁾ С. И. А., Карт. А., № VIII.

²⁾ Ibidem, № CV.

семь письменно, испрашивая на сие позволение, и мы тотчас въ удовольствіе его утвердимъ строеніе молитвеннаго дома, не имѣя въ виду никакихъ притяженій власти, а единственно побуждаемъ къ сему соединеніемъ вѣры и любви христіанскія¹⁾. Расторгнуевъ, въ виду предшествовавшей угрозы чрезъ полицію, вѣроятно, согласился „отозваться письменно“, потому что въ концѣ 1809 года въ новой моленной открыто совершалось богослуженіе. Вслѣдъ за этимъ раскольники воспользовались пріѣздомъ въ Вольскъ преосвящ. Моисея, и подъ предлогомъ усердія къ православію испросили у него разрѣшеніе сломать старинную каменную православную церковь, съ обязательствомъ на мѣсто ея выстроить новую; но сломать—сло-мали, а новой не выстроили и, благодаря этому ловкому маневру, въ городѣ осталась только одна православная церковь—старая кладбищенская. Любопытно то, что Моисей похвалилъ вольскихъ старообрядцевъ „за усердіе и благочиніе во время служенія“. Та-кой же похвалы удостоилъ ихъ и преемникъ его, Леонасій, въ 1813 году²⁾, но этотъ скоро, очевидно, перемѣнилъ свое мнѣніе о раскольничьемъ усердіи и благочиніи, потому что 16 октября 1816 года, съ донесенія вольскаго духовнаго правленія, обратился къ губернатору съ просьбой воспретить продолжать постройку начатой по разрѣшенію Бѣлякова каменной церкви и въ то же время донесъ объ этомъ синоду. Оберъ-прокуроръ синода вошелъ по этому поводу въ сношеніе съ петербургскимъ генераль-губернаторомъ Вязмитиновымъ, который и предписалъ саратовскому губернатору приоста-новить постройку. Распоряженіе это было исполнено въ началѣ 1817 года; церковь къ этому времени вчернѣ была уже окончена; куполь обить бѣлымъ желѣзомъ, на немъ сіялъ крестъ, но внутри къ работамъ еще не приступали. Раскольникамъ ничего болѣе не оставалось, какъ покрыть зданіе снаружи дубьями и ждать наступ-ленія лучшихъ дней. Между тѣмъ синодъ повелъ дѣло о самоволь-ствѣ Бѣлякова дальше и въ ноябрѣ этого года состоялось положеніе комитета министровъ, которымъ воспрещалось губернаторамъ да-вать дозволенія по предметамъ, касающимся духовнаго вѣдомства³⁾. Упавшее какъ съ неба запрещеніе постройки на этотъ разъ почему-

1) Ibidem, № CVI.

2) Ниж. сем. библ., № 3774, 305.

3) Собр. постан., по М. В. Д., 87; Арх. канц. Сар. губерн., 2 вяз., № 1, 9; Арх. Нижн. мол., № 6, 15—16.

то не особенно смутило вольскихъ раскольниковъ; столь чуткіе обыкновенно къ малѣйшимъ измѣненіямъ административныхъ вѣяній, они теперь не обратили на эту крупную переи́ну никакого вниманія. Два бѣглые священника съ дьяконами по прежнему торжественно отправляли у нихъ богослуженіе въ старой Злобинской и новой Расторгуевской часовняхъ; по прежнему открыто совершались крестные ходы и другія духовныя процессіи; по прежнему гудѣлъ по городу колокольный звонъ съ раскольниковъ часовни; по прежнему чуть не публично шла пропаганда. Въ общемъ все это носило видъ какой-то демонстраціи, за которую раскольниковъ пришлось скоро поплатиться, такъ какъ мѣстное начальство, въ лицѣ правившаго должность городничаго, уѣзднаго судьи Мацнева, и членовъ духовнаго правленія, прот. Дубовскаго и свящ. Новикова, успѣшило воспользоваться ихъ оплошностью: въ половинѣ 1818 года арестовано было разомъ все вольское старообрядческое духовенство и началось слѣдствіе о противозаконныхъ дѣяніяхъ его, — „посмѣяніи обрядовъ господствующей православной церкви и преклоненіи отъ оной къ своимъ лжеученіямъ“. При производствѣ слѣдствія вольскіе раскольники представили отъ лица всего общества письменное объясненіе, „что часовни, которыя они называютъ церквами, существуютъ со времени возвращенія въ Россію изъ-за границы раскольниковъ и литургіи отправляются на антиминсахъ российскихъ патріарховъ. Исслѣдованіе о нихъ произведено уже было по высочайшему повелѣнію сенаторомъ Руничемъ; богослуженіе ихъ свидѣтельствовалъ лично преосвящ. Моисей, и какъ за всѣмъ тѣмъ оставлены они были до нынѣ при спокойномъ отправленіи обрядовъ своихъ, то и не считаютъ себя подлежащими новому изслѣдованію и не отвѣчаютъ за неприятыя послѣдствія, могущія произойти отъ многихъ тысячъ людей, принадлежащихъ къ ихъ обряду, въ случаѣ отнятія у нихъ звона, каковымъ доселѣ они безпрепятственно пользовались“. Далѣе они писали, что извѣтъ Мацнева и Дубовскаго съ Новиковымъ представляетъ сплошную ложь: они не только никогда не глумились надъ обрядами православія, но даже неоднократно способствовали денежными пожертвованіями построенію православныхъ церквей. Это можетъ засвидѣтельствовать много лѣтъ бывший въ Вольскѣ городничій Струковъ и саратовскій губернаторъ, которымъ извѣстно, что вольскіе старообрядцы единовременно дали

15.000 руб. на построение православной церкви во имя Иоанна Крестителя, тогда как сами православные совсѣмъ уже забросили было начатое сооруженіе. Равнымъ образомъ и духовенство господствующей церкви, приходящее по праздникамъ въ дома старообрядцевъ съ крестомъ и св. водой, всѣми и всегда принимается съ подобающей честью и уваженіемъ. Въ виду всего этого они просятъ прекратить преслѣдованіе ихъ священниковъ и оставить Вольскъ на прежнемъ положеніи въ покоѣ¹⁾). Губернаторъ не рѣшился удовлетворить эту просьбу собственной властью, тѣмъ болѣе, что духовное начальство слало одно за другимъ требованія о прекращеніи звона при часовнѣ, о скорѣйшемъ производствѣ слѣдствія и о высылкѣ изъ Вольска бѣглыхъ священниковъ. Цѣлыхъ два года тянулось это дѣло и наконецъ 16 августа 1820 года представилъ просьбу старообрядцевъ въ министерство съ приложеніемъ донесенія вольскаго городничаго, въ которомъ тотъ утѣдомляетъ, что колокола съ двухъ часовень, въ томъ числѣ и съ Расторгуевской, сняты имъ еще въ 1818 году. Дѣло о вольскихъ понахъ и колокольномъ звонѣ, послѣ долгихъ странствованій, попало въ Секретный комитетъ о раскольникахъ, гдѣ и было рассмотрѣно въ засѣданіи 7 декабря 1820 года. Строже всего отнесся къ этому дѣлу архіепископъ Филаретъ, впоследствии митрополитъ московскій. Онъ обратилъ вниманіе комитета на странное противорѣчіе: городничій донесъ губернатору о снятіи колоколовъ съ часовень, а раскольники послѣ этого угрожаютъ въ прошеніи своемъ „непріятными послѣдствіями“, въ случаѣ если приступлено будетъ къ уничтоженію звона, и потому полагають истребовать обстоятельное донесеніе, а между тѣмъ безпаспортныхъ поновъ отдать подѣ слѣдствіе и раскольникамъ объявить, что правительство при всей терпимости не можетъ позволить имъ звона. Комитетъ не согласился съ этимъ предложеніемъ и постановилъ: отвѣтить губернатору чрезъ управляющаго министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, что дѣло поведено совсѣмъ не тѣмъ порядкомъ, какъ слѣдовало бы: къ дѣлу о высылкѣ священниковъ напрасно примѣшано слѣдствіе о часовняхъ, издавна существующихъ; Струнова за потворство старообрядцамъ удалить отъ должности; объясненіе вольскихъ раскольниковъ, назвавшихъ себя „вольскимъ старообрядческимъ обществомъ“, какъ неправильно при-

¹⁾ Дѣла Св. Св. В. С. С. С., Vol. I, стр. 227—229; Бр. Св. Кр., № 518, 147—149.

нятое городничимъ, возвратитъ подателямъ, внушивъ губернатору, что нельзя всякому собранію людей произвольно именовать себя обществомъ. Въ то же время рѣшено было принять за общее правило относительно находящихся у раскольниковъ бѣглыхъ священниковъ: 1) если они не сдѣлали никакого уголовного преступленія, о чемъ губернаторы должны сами разыскивать и спрашивать у епархіальныхъ архіереевъ, то оставлять ихъ на мѣстѣ, какъ такихъ людей, коими не дорожатъ; 2) на требованія епархіальныхъ архіереевъ о высылкѣ таковыхъ священниковъ отвѣчать, что они находятся при своихъ мѣстахъ; 3) если бѣглый священникъ появится у раскольниковъ и о немъ откроется, что онъ учинилъ побѣгъ отъ своего мѣста, по причинѣ содѣяннаго имъ уголовного преступленія, то, по требованіямъ епархіальныхъ архіереевъ, ихъ высылать; 4) гдѣ у раскольниковъ нѣтъ молитвенныхъ домовъ, ни церквей, тамъ не держать ни подъ какимъ видомъ бѣглыхъ священниковъ; 5) священникамъ, оставленнымъ у раскольниковъ, приказать для порядка вести метрики и представлять о томъ вѣдомости ежегодно гражданскому начальству. Относительно расколичныхъ церквей приняты были слѣдующіе два пункта: 1) о тѣхъ, кои давно построены, не входить ни въ какое дальнѣйшее разсмотрѣніе и оставлять ихъ безъ разысканія; 2) строить вновь не позволять ни по какому случаю. Этотъ журналъ секретнаго комитета былъ разсмотрѣнъ государемъ только 22 марта 1826 года и всѣ постановленія удостоены утвержденія, кромѣ пункта о Струковѣ: по этому вопросу управляющему министерствомъ внутреннихъ дѣлъ приказано удостовѣриться прежде, дѣйствительно ли Струковъ не пригоденъ для занимаемой имъ должности или можно еще надѣяться на его исправленіе¹⁾. Пока тянулось это дѣло, пока журналъ секретнаго комитета лежалъ безъ движенія, вольскіе старообрядцы продолжали хлопотать въ Петербургѣ о разрѣшеніи докончить постройку каменнаго храма, освятить его и свободно отправлять въ немъ богослуженіе. Ходатаемъ на этотъ разъ выступилъ вольскій магнатъ Александръ Петровичъ Саможениковъ и добился желательнаго результата: управляющій министерствомъ внутреннихъ дѣлъ вошелъ по поводу его ходатайства съ особой запиской въ комитетъ министровъ, который журналомъ 20 мая 1824 года постановилъ: по примѣру Екатеринбургa, разрѣшить вольскимъ

¹⁾ Дѣла Секр. Комит., Vol. I, стр. 230—234; Собр. постанов., по вѣд. М. В. Д., 53.

старообрядцамъ докончить начатую ими постройку храма и перенести въ него богослуженіе. Въ этомъ же году, 19 августа, комитету министровъ было объявлено, что государь императоръ на изъясненное положеніе его милостиво соизволилъ¹⁾. Быстро закипѣла работа и въ 1826 году храмъ былъ совсѣмъ готовъ къ освященію: блестяли подъ ираморъ отдѣланныя стѣны, сверкалъ золотомъ богатый рѣзной иконостасъ; до ста тысячъ рублей убито было на это великолѣпное сооруженіе и убито напрасно, — освятить церковь не позволили. Какъ совершилось это вторичное запрещеніе — увидимъ дальше.

Столкновеніе раскола съ администраціей въ Вольскѣ не мѣшало распространенію его по уѣзду. Какъ и въ предыдущій періодъ, на хуторахъ вольскихъ богачей укрывались бродячіе раскольники, по селамъ взадъ и впередъ сновали иноки съ инокинями. Въ апрѣлѣ 1804 года до Бѣлякова дошли слухи, что въ окрестностяхъ Вольска, не больше какъ въ 15 верстахъ отъ города, по лѣсамъ, во врытыхъ въ землю кельяхъ, въ буеракахъ и садахъ живетъ не мало бѣглыхъ раскольниковъ. Они даже силой похищаютъ своихъ собратій у господъ: такъ изъ вотчины Татищева, симбирской губерніи, въ ночь съ 24 на 25 января этого года прямо съ улицы похищены неизвѣстнымъ человѣкомъ на парѣ лошадей четверо крестьянъ-раскольниковъ. Въ виду подобныхъ извѣстій Бѣляковъ предписывалъ вольскому исправнику, „не касаясь сихъ вредныхъ сектъ, которыя высочайшей властью предоставлены своевременному истребленію, и исключая догматовъ раскола,“ имѣть строгій надзоръ, чтобы раскольниками никакихъ насилій въ нарушеніи правъ гражданскихъ, въ родѣ симбирскаго случая, дѣлаемо не было²⁾. Какъ выполнялъ это предписаніе исправникъ — неизвѣстно, но другія власти по губерніи за это время открыто покровительствовали расколу. Такъ когда въ 1800 году саратовское губернское правленіе, на основаніи отношенія астраханской консисторіи, потребовало отъ вольскаго нижняго земскаго суда высылки изъ слободы Порубежки 21 человѣка совратившихся крестьянъ изъ малороссовъ этой слободы, то порубежскій голова, Андрющенко, предъявилъ присланному засѣдателю о невысылкѣ этихъ лицъ въ земскій судъ „насланный изъ соляной конторы указъ“. Дѣло оста-

¹⁾ Отнош. вольской гор. полиціи въ вол. дух. правл., 26 янв. 1826, № 158.

²⁾ Ibidem, А, I, № 7, 31—32.

новилась и началась неизвестно чѣмъ окончившаяся переписка земскаго суда съ губернскимъ правленіемъ, а этого послѣдняго—съ соляной конторой¹⁾. При такихъ порядкахъ вполне естественнымъ представляется открытіе за разсматриваемый періодъ новыхъ молитвенныхъ домовъ по вольскому уѣзду.

Раньше другихъ,—около 1810 года,—возникъ такой домъ въ Горячѣ, верстахъ въ 40 отъ города; въ заводской части уѣзда построена въ 1806 году часовня, съ словеснаго разрѣшенія губернатора Бѣлякова, въ Хворостянкѣ и въ 1823 году, безъ всякаго разрѣшенія, въ Богородскомъ²⁾. Главными двигателями раскола по Вольску съ уѣздомъ его явились за это время, послѣ П. М. Злобиной, окончившей дни свои въ одной изъ женскихъ пргизскихъ обитатель, и мужа ея, разворывшагося до гла и утратившаго всякое значеніе въ раскольниковѣй средѣ, Сапожниковъ, Расторгуевъ, Волковойновъ и Курсаковъ: эти удержали первенствующую роль въ дѣлахъ мѣстнаго раскола и въ послѣдующую эпоху.

Преусиѣвалъ расколъ и по сосѣдству съ Вольскомъ—въ Хвалынскѣ и его уѣздѣ. Въ самомъ городѣ въ 1814 году, по Винной улицѣ, на мѣстѣ, предназначенномъ по высочайше подтвержденному плану для православнаго храма, старообрядцы устроили свою часовню на подобіе церкви съ алтаремъ и трапезной. Часовня эта, длиною 10, а шириною 4 сажени, построена изъ цѣльныхъ сосновыхъ брусевъ и крыта тесомъ; на взглядъ она производитъ непріятное впечатлѣніе, такъ какъ не оштукатурена и не окрашена. Кругомъ ея сдѣланъ навѣсъ на столбахъ,—это паперть. Съ одной стороны она обнесена оградой съ флигелемъ и дворовыми строеніями; при ней крестильня, четыре кельи и сторожка,—тутъ жило до двадцати человекъ чтецовъ и нѣвцовъ съ женами и дѣтьми³⁾. По уѣзду хвалыинскому открылись въ промежутокъ между 1824—1825 годами двѣ моленныя—въ Окатной Мазѣ и Широкомъ Буеракѣ⁴⁾. Какъ быстро распространился по этому уѣзду расколъ, лучше всего показываютъ слѣдующіе краснорѣчивые факты: въ Сосновой Мазѣ въ 1822 году раскольниковъ числилось 254 души мужскаго пола, а

¹⁾ Ibidem, № 5, 59, 61.

²⁾ Арх. сар. консист., 1836, № 697, 190.

³⁾ Ibidem, 1841, № 535, 7; Арх. канц. сар. губери., 1838, № 258, 14; Ниж. сем. библ., № 3774, 211—212.

⁴⁾ Арх. сар. консист., 1836, № 697, 189.

два года спустя ихъ было уже 542 человекъ¹⁾; въ деревнѣ Натальевой двое раскольничьихъ инокъ успѣвають въ короткій срокъ со- вратить изъ православія 92 человекъ мужчинъ и 89 женщинъ²⁾). При такомъ быстромъ отпаденіи въ расколъ цѣлыми массами кажется неопытнымъ возникновеніе только двухъ моленныхъ. Но дѣло въ томъ, что и многіе православные храмы уѣзда съ успѣхомъ могли за это время замѣнить раскольникамъ моленныя: изъ указовъ пензенской кон- сторіи, относящихся къ первой четверти настоящаго столѣтія, видно, что многіе священники не только отправляли требы по раскол- ничьимъ обрядамъ,—напримѣръ, крещеніе и вѣнчаніе совершали по-солонь,—но и прямо позволяли раскольникамъ хоронить своихъ умершихъ родственниковъ безъ церковнаго отпѣванья и не на пра- вославныхъ кладбищахъ, а въ лѣсахъ, равно какъ не мѣшали имъ устраивать публично свои крестные ходы и другія церковныя про- цессіи. Такіе случаи извѣстны по Алексѣевкѣ, Сосновой Мазѣ и другимъ селеніямъ хвалынскаго уѣзда³⁾).

За время до 1800 года ничего не извѣстно о расколѣ въ ат- карскомъ и петровскомъ уѣздахъ и можно думать, что тамъ онъ имѣлъ адептовъ исключительно въ видѣ отдѣльныхъ семей. Теперь онъ окрѣпъ и тамъ. Около 1810 года появилась поповская семья въ Копенахъ, аткарскаго уѣзда. Крестьянинъ Григорій Борисовъ съ своимъ семействомъ первый сталъ ѣздить въ Саратовъ къ бѣглымъ попамъ. У него жила неизвѣстно откуда припешшая дѣвка, которая обучала по селу дѣтей грамотѣ и совѣтовала имъ не ходить въ „мірскую“, православную церковь. Для исповѣди раскольники ко- пенскіе стали ѣздить въ Песковатку, къ пріѣзжавшимъ туда бѣ- лымъ попамъ, а другія требы исправляемы были приходскими свя- щенниками съ хожденіемъ по-солонь⁴⁾). Года четыре спустя, откры- лась моленная въ деревнѣ Филатовкѣ, существовавшая приближи- тельно до 1848 года, когда закрыта была земскимъ исправникомъ фонъ-Бергеномъ⁵⁾; въ 1821 году возникла часовня въ селѣ Сласту- хѣ⁶⁾). Съ 1822 года появился расколъ въ Атаевкѣ, въ 1825—1826 годахъ—въ Большой Дмитріевкѣ⁷⁾).

1) Указъ пенз. конс., 11 сент. 1826, № 4971.

2) Тоже, 28 февр. 1828, № 1948; см. Указъ сарат. конс., 27 окт. 1832, № 6588.

3) Указъ пенз. конс., 11 сент. 1828, № 4971; 31 янв. 1828, № 1045.

4) Изв. сем. бѣлх., № 3775, 278.

5) Приложенія къ отчету гр. Стенбока.

6) Арх. сар. консист., 1836, № 697, 175.

7) Сарат. Сборн., I, отд. 2, 96, 98.

Что касается Петровска, то въ самомъ началѣ рассматриваемаго періода, именно 1 марта 1801 года, наталкиваемся на следующую любопытную исторію: петровскіе пахотные солдаты и чернососные крестьяне старообрядческаго исповѣданія даютъ дозвѣренность своему собрату, чернососному крестьянину Абраму Хомякову, хлопотать о причисленіи ихъ къ саратовскимъ старообрядцамъ и отыскать для исправленія нужныхъ христіанскихъ требъ кого-нибудь изъ числа наличныхъ петровскихъ священниковъ¹⁾. Хомяковъ выбралъ священника Богоявленской церкви Ивана Орлова и подалъ объ этомъ прошение къ преосв. Гаю, который возложилъ следующую резолюцію: „Снисходя просьбѣ просителей, предписываю священнику Орлову о исправленіи у нихъ всякихъ христіанскихъ требъ съ тѣмъ, чтобы онъ о тѣхъ, жон не въ его приходѣ, дивалъ знать приходскому ихъ священнику для занесяванія въ духовной росписи и метрической книгѣ непремѣнно“. Консисторія 27 марта 1803 года сообщила Орлову эту резолюцію особымъ указомъ и онъ вступилъ въ отправление требъ у старообрядцевъ, не оставляя въ тоже время и своего православнаго прихода. Такъ дѣло шло до 1821 года, когда отъ Орлова, къ это время уже протоіерея, пензенская консисторія потребовала объясненіе, зачѣмъ онъ исправляетъ требы у раскольниковъ. Началось слѣдствіе и выяснилось по нему, что въ перше время Орловъ дѣйствительно требы совершалъ по старообрядчески, потомъ же началъ совершать ихъ по православному, за что мѣстные поповцы въ 1818 году подавали на него жалобу къ преосв. Анастасію; но Анастасій относился къ расколу совсѣмъ иначе, сравнительно съ своими предшественниками—Гаюмъ и Моисеемъ, и потому оставилъ жадобу, безъ послѣдствія²⁾.

Успливался расколъ и въ смежномъ съ петровскимъ уѣздомъ—уѣздѣ сердобскомъ: въ 1816—1817 годахъ, открылась часовня въ селѣ Елшанкѣ (Рычи тоже), въ 1821 году—въ Большомъ Бакурѣ, въ 1825 году—въ Сѣверкѣ и Монастырщинѣ; эта послѣдняя имѣла важное значеніе для раскольниковъ всего сердобскаго уѣзда и сопредѣльных уѣздовъ тамбовской и пензенской губерній. Около этого же времени открылась моленная въ самомъ Сердобскѣ, но годъ ея открытія съ точностью неизвѣстенъ³⁾.

¹⁾ Бр. Св. Бр., № 564, 1.

²⁾ С. И. А., Карт. А., № LXVII.

³⁾ Арх. сар. конслст., 1836, № 697, 182; Записки Артемыева, 34—35.

О развитіи раскола въ южныхъ частяхъ Саратовскаго края свѣдѣній не имѣется, но относительно Дубовки можно сказать, что нигдѣ, вѣроятно, расколъ не пользовался такой свободой, какъ тамъ. Такъ можно думать на основаніи слѣдующаго крайне любопытнаго дознанія дубовскаго полиціймейстера Розенмейера саратовскому губернатору Бибикову, сдѣланнаго въ 1838 году: „Не позволяю себѣ объяснить причины, побуждавшія предѣлстника моего, капитана Бардовскаго, въ союзѣ съ благочиннымъ Волковскимъ начинать преслѣдованіе раскольниковъ за преступленія, слишкомъ 25 лѣтъ тому назадъ ими совершенныя. Но какъ мѣстный начальникъ, въ тайнства всѣхъ дѣйствій дѣлшняго духовенства и раскольниковъ посвященный, я вмѣняю себѣ въ обязанность не утаивать предъ вашимиъ превосходительствомъ ни самаго малѣйшаго обстоятельства. Дубовскихъ раскольниковъ, сочетавшихся бракомъ съ православными, совратившихъ женъ своихъ въ расколъ и воспитавшихъ дѣтей въ сей сектѣ, имѣется въ посадѣ слишкомъ много и всѣ они совершали подобныя беззаконія нѣсколько десятковъ лѣтъ, конечно, не подъ столь непроницаемой завѣсой; чтобы дѣлшнее духовенство въ то время не въ силахъ было проявить оныя и пресѣчь зло въ самомъ его началѣ. По крайней мѣрѣ, хранящаяся при личныхъ дѣлажъ моихъ копія съ условія, заключеннаго духовенствомъ съ раскольниками 1 іюля 1804 года, о полученіи съ нихъ по 100 рублей ежегодной платы за дозволеніе старообрядческимъ попамъ производить разныя требы, а сверхъ того и расписки духовенства въ полученіи тѣхъ денегъ, начиная съ 1804 по 1824 годъ, заставляютъ колебаться въ заключеніи: старообрядцы ли болѣе виновны въ совращеніи православныхъ женъ своихъ въ расколъ или само духовенство, заключившее съ ними подобное условіе, подъ защитой котораго совершались раскольниками безвозбранно, можетъ быть, и гораздо важнѣйшія преступленія?“¹⁾ Кто болѣе виновенъ,—это для насъ собственно вопросъ праздный, но фактъ существованія письменнаго условія и расписки дубовскаго духовенства въ полученіи взятокъ

¹⁾ Арх. канц. сар. губери., 1838, № 112, 16—17. По справкѣ въ документахъ дубовскаго Успенскаго собора, священниками въ 1804 году значились: Иванъ Козминъ, Иванъ Сергіевъ, Дмитрій Дубовскій. Въ 1808 году Сергіевъ замѣнился Иваномъ Александровымъ; въ 1813 году Козминъ—Иваномъ Дьяковымъ; въ 1816 году Александровъ—протоіереемъ Сергіемъ Львовымъ; въ 1821 г. Львовъ—прот. Петромъ Лугаревымъ. Значать, семь человекъ послѣдовательно смѣнявшихъ одинъ другого священниковъ не погнушались жалкой, дѣльной цѣннаго.“ *Прим. авт.*

съ раскольниковъ—это уже нѣчто такое, что превосходитъ всякое вѣроятіе; обобщите этотъ фактъ—и вы поймете многое въ поразительныхъ успѣхахъ развитія раскола по Саратовскому краю. Судя по даннымъ исповѣдныхъ вѣдомостей и метрическихъ книгъ, хотя эти данныя въ сущности не заслуживаютъ никакого довѣрія, въ десятилѣтіе съ 1800 до 1810 года въ Дубовкѣ было всѣхъ бѣглопоповцевъ обоаго пола 627 душъ; въ десятилѣтіе съ 1810 до 1820 года число это увеличилось до 742 душъ:¹⁾ для небольшого селенія, какимъ была въ это время Дубовка, это цифры очень почтенныя.

Въ Кузнецкѣ расколъ обосновался, какъ мы знаемъ уже, съ 1786 года; 24 года спустя онъ здѣсь официально отдѣлился отъ православія. Главнымъ дѣятелемъ въ этомъ случаѣ былъ кузнецкій мѣщанинъ Василій Серебряковъ. Въ началѣ 1810 года онъ явился въ Пенау, къ преосвящ. Моисею, въ качествѣ уполномоченнаго лица отъ „кузнецкаго общества старообрядцевъ“ съ ходатайствомъ объ отводѣ особаго кладбища для погребенія старообрядцевъ; въ маѣ мѣсяцѣ этого года пензенская консисторія, по резолюціи преосв. Моисея, удовлетворила это ходатайство. Успѣхъ придавъ бодрости мѣстнымъ раскольникамъ и они постановили построить часовню. Строителемъ былъ избранъ Серебряковъ и энергично, не отступая ни передъ какими препятствіями, раскольничій дѣятель со всѣмъ усердіемъ взялся за дѣло, выхлопотавъ предварительно разрѣшеніе у преосвящ. Моисея²⁾. Вмѣстѣ съ разрѣшеніемъ на постройку преосвященный 24 августа 1810 года далъ имъ и священника, о. Трифона Андреева, изъ села Гусиной Лапы, саратовскаго уѣзда. Въ половинѣ 1811 года часовня была готова; не встрѣчая ни откуда помѣхъ и препятствій, Серебряковъ при часовнѣ построилъ даже колокольню и повѣсилъ на ней восьми-цудовой колоколь. Преосв. Моисей, какъ это видно изъ журналовъ кузнецкаго духовнаго правленія, удовлетворяя всѣ ходатайства кузнецкихъ раскольниковъ, имѣлъ въ виду незамѣтно, исподволь упрочить въ Кузнецкѣ единовѣріе и потому не велѣлъ священнику Андрееву особенно поспѣшно вести дѣло. Но Андреевъ оказался человѣкомъ неблагонадежнымъ, скоро приобрѣлъ самую незавидную репутацію и сдѣлался послушнымъ орудіемъ въ рукахъ раскольниковъ. Серебряковъ ловко воспользовался неудач-

¹⁾ Сар. епарх. Вѣдом., 1884, № 22.

²⁾ Арх. канц. сар. губерни., 1836, № 96, 26.

най мечтой архипастыря о введеніи въ Кузнецкѣ единооврія: всё снисхожденіе епархіальной власти онъ объяснял своимъ единоовріемъ въ смыслѣ послабленій, дѣлаемыхъ по приказанію свыше. Ни о какомъ единоовріи не было и рѣчи. Результатъ этихъ лукавыхъ внушеній скоро обнаружился: Щипановы, за ними Недосовы, Серебряковы, Барминцовы и Маштаковы, т. е. всё почти богатія и влиятельныя семейства, объявили себя чистыми раскольниками бѣглопоповскаго толка. За собой они увлекли всѣхъ, кто только былъ такъ или иначе связанъ съ ними. Расколъ выросъ вдругъ и сотнями уже сталъ считать своихъ послѣдователей. Въ домѣ Недосова старая дѣва Марья Гаврилова гласно открыла раскольничью школу и принимала въ нее дѣтей православныхъ родителей. Единоовріе, выдуманное Серебряковымъ въ его сношеніяхъ съ преосвящ. Моисеемъ лишь какъ переходная ступень къ чистому расколу; исчезло разомъ. Духовныя власти не изыскивали никакихъ средствъ для поддержки его. Между тѣмъ Серебряковъ, избранный старостой при часовнѣ, украсилъ ее иконостасомъ; въ видѣ цѣлой стѣны иконъ, поставилъ при входѣ свѣчной ящикъ, откуда продавались восковыя свѣчи и ладонъ; выстроилъ по бокамъ часовни 18 келій и помѣстилъ въ нихъ достаточное количество мѣстныхъ и привезенныхъ бѣлицъ и черницъ. Сначала ощущался недостатокъ въ церковной утвари; такъ что брачующимся, напр., приходилось возлагать на головы вмѣсто вѣнцовъ иконы, но скоро и этотъ недостатокъ былъ устраненъ. По смерти Андреева, Серебряковъ обратился за попомъ не въ Певзу, къ преосвящ. Афанасію, а на Иртызъ, — церемониться съ духовной властью теперь уже не представлялось нужнымъ, — откуда и прислали Ивана Петрова, бывшаго раньше въ селѣ Рыбномъ, вольскаго уѣзда. Публично, на глазахъ всего города, стали устраиваться торжественныя процессіи. Вмѣстѣ со звономъ въ двухъ православныхъ церквяхъ раздавался звонъ и съ раскольничьей колокольни. Раскольники шли въ свою часовню толпами, приглашая съ собою и православныхъ. Скандаль принималъ широкіе размѣры. Кузнецкое духовное правленіе, доселѣ думавшее и бездѣйствовавшее, встрепенулось и начало придумывать средства къ уменьшенію явнаго соблава. Къ сожалѣнію, оно не надумало ничего лучшаго, какъ обратиться за содѣяніемъ къ полиціи: увѣдомивъ, отношеніемъ отъ 10 октября 1813

года, за № 258, кузнецкую полицію о беспорядках въ раскольничьей часовнѣ, — о которыхъ полиція и сама, разумѣется, отлично знала, — оно просило прислать для отвѣта Василя Серебрякова, какъ главнаго виновника. Полиція на это отвѣтила, что „не имѣетъ на себѣ предметъ предписанія отъ своего начальства и потому выслать въ правленіе для отвѣта мѣщанина Серебрякова не можетъ“. Неудача выдумки обрадовала раскольниковъ. Они повели дѣло еще откровеннѣе. Часовня день ото дня все больше и больше становилась центромъ религіозно-нравственной жизни мѣстнаго раскола. Множество колодъ вокругъ нея, за высокимъ глухимъ заборомъ съ улицы, все росло; они принимали видъ женской обители. Ворота обители широко растворялись для всякаго посетителя, богослуженіе началось повседневное и совершалось безусловно тихо, со звономъ уже въ четыре колокола.

Между тѣмъ духовное правленіе, раздосадованное отвѣтомъ полиціи, довело его до свидѣнія преосв. Анастасія, который обратился съ просьбой о прекращеніи соблазна къ губернатору. Но Панчулядзевъ отказался прекращать, отвѣтивъ архіерею, что въ виду предписанія министра внутреннихъ дѣлъ отъ 22 іюня 1803 года¹⁾ не считаетъ себя въ правѣ воспретить раскольниковъ отъ отправленія богослуженія и не можетъ ничего предпринять относительно священниковъ. Тогда преосвященный переиель дѣло въ Св. Синодъ, донося ему, что уже четвертая часть города состоитъ изъ раскольниковъ, количество которыхъ быстро увеличивается, благодаря влиянію Ирвискихъ монастырей и покровительству администраціи. Оберъ-прокуроръ Синода свесся по этому поводу 22 января 1815 года съ министромъ полиціи, гр. Вязмитиновымъ, и тотъ предложилъ Саратовскому губернатору обратить на распространеніе раскола въ Кузнецкѣ большее вниманіе и воспретить публичныя процессіи и колокольный звонъ²⁾. Панчулядзеву приходилось повиноваться и онъ замѣнилъ кузнецкаго городничаго Траушеля новымъ — Гладковымъ, которому и приказалъ „примать“ великое кузнецкое старообрядческое общество. Новый городничій пріѣхалъ въ Кузнецкъ. Молодая, но смѣлая обитель не сочла нужнымъ иривряться и думала жить по-прежнему. Тогда Гладковъ повернулъ дѣло очень круто. Но его

¹⁾ Собр. пост., по вѣд. М. В. Д., 21.

²⁾ Арх. губерн. правл., 1, 33, № 1428, 2—3.

Приказанію или даже, какъ говорятъ, при его личномъ участіи; восьми-пудовой колоколъ часовни первымъ снятъ былъ и попалъ на колокольню Покровскаго городского собора; иконостасъ разобранъ, старицы разогнаны; бѣглецы священники, бывало безопасно ходившіе вездѣ, исчезли. Часовня вдругъ опустѣла. Въ растворенныхъ кельяхъ старицы свободно гулялъ вѣтеръ. Смогло и сокрылось все. Иарѣдка только, въ глухую ночь, появлялся кто-нибудь изъ бывшихъ обитателей часовни, чтобы оплакать разрушеніе. Къ счастью для раскольниковъ, Глазковъ не долго былъ въ Кузнецкѣ. Какъ только онъ былъ смѣненъ, нацутанныя и разогнанныя старицы выглянули опять. Робко озираясь кругомъ, и на полицію, и на правленіе, онѣ понемногу начали сходиться на старое пещелище. Власти молчали. Дѣло закипѣло и скоро часовня оправилась отъ погрома. Въ Пензу отправлена была особая депутація съ ходатайствомъ о дозволеніи по прежнему имѣть при часовнѣ звонъ. Въ успѣхѣ были увѣрены вполнѣ, но ошиблись. Прочитавъ прошеніе, преосвящ. Амвросій сказалъ: „Если бы я не имѣлъ помѣхъ, то приказалъ бы раскидать самую вашу часовню по бревну, а не то что позволить вамъ имѣть при ней колоколъ“. Въ отказомъ Амвросія, дѣло обошлось и безъ разрѣшенія. Въмѣсто колокола повѣсили било и глухіе, отрывистые звуки его по прежнему собирали раскольниковъ на молитву со всѣхъ концовъ города. Все вошло въ свою колею; къ имѣющимся кельямъ были прибавлены еще нѣсколько; число старицъ дошло до двадцати. Бѣглый священникъ по прежнему жилъ гласно въ особо выстроенномъ для него флигелѣ, выходившемъ лицомъ на улицу. Иргизскіе монахи стали прѣбывать на нѣсколькихъ тройкахъ въ разъ и останавливались во дворѣ часовни. Гостепріимныя старицы встрѣчали ихъ какъ дорогихъ гостей; полиція—ничего не видѣла. Въ уютныхъ кельяхъ шли пиры. Интимныя, не-монашескія отношенія старицъ и старцевъ другъ къ другу, шумныя попойки были дѣломъ обычнымъ. Въ городѣ все это, конечно, знали и видѣли, но никому дѣла не было. Часовня постепенно превратилась въ пріютъ пьянства и разврата. Дѣло, какъ говорятъ, доходило до того, что во время каенізмъ на всенощномъ бдѣніи молодые люди обонхъ ноловъ выходили изъ часовни и совершали всякія непотребства. Бѣглые священники ничего не могли сдѣлать, ибо голоса ни въ чемъ не имѣли; да при томъ же и сами они жестоко пили: и времени

и денег для этого было достаточно. Изъ множества священниковъ преданіе не указываетъ ни одного трезваго. До этого раскольникамъ не было дѣла: поць для нихъ былъ товаромъ, который въ Пензѣ можно во всякое время и купить и смѣнять. И товаръ этотъ при часовнѣ, дѣйствительно, мѣнялся каждый годъ, а иногда и чаще: судя по рапорту преосв. Ириней въ Св. Синодъ, Серебряковъ съ сентября 1826 по 1827 годъ перемѣнилъ тропхъ¹⁾. Въ Пензѣ у раскольниковъ былъ въ лицѣ какого-то чиновника особый поставщикъ поповъ, у котораго всегда можно было присмотрѣть и приторговать „батюшку“ по душѣ. Все заштатное, отрѣшенное, спившееся съ кругу, брошенное на произволъ судьбы—готово было къ услугамъ раскольниковъ. А отъ Пензы до Иргиза—рукой подать; значить, свозить цопа для исправы было не долго. Въ виду распоряженія о непреслѣдованіи бѣглыхъ священниковъ, разъ за ними нѣтъ никакихъ другихъ преступленій, они свободно гуляли по улицамъ Кузнецка, были приняты въ домахъ, гласно отправляли богослуженіе, ходили по городу въ ризахъ при похоронахъ и молебствіяхъ и т. п. Душой общины, главными руководителями ея были особыя лица: попечители часовни, которымъ все подчинялось, которые вѣдали всѣ дѣла общества, сносились съ Иргизомъ и другими раскольничьими центрами. Такими лицами около 30-ти дѣтъ были Сергій Щипановъ и Ананій Комкодаевъ.

Усиливаясь въ Кузнецкѣ, расколъ не миновалъ и уѣзда. По официальнымъ даннымъ, расколъ появлялся въ уѣздѣ въ слѣдующемъ видѣ: въ 1813 году въ селѣ Новомъ Кряжимѣ было раскольниковъ 49 дупъ; въ 1815 году въ Поселкахъ—155; въ 1816 году въ Ульяповкѣ—186 и въ Траханіотовѣ—73; въ 1817 году въ Пенделкѣ—35; въ 1818 году въ Никольскомъ Труевѣ—15; въ 1824 году въ Аниевковѣ—21 и въ Камышкырѣ—55 душъ²⁾. Въ Поселкахъ и Траханіотовѣ въ 1825—1826 годахъ возникли моленныя³⁾. Кромѣ этихъ селеній расколъ несомнѣнно охватилъ и другія; по крайней мѣрѣ, въ консисторскихъ дѣлахъ есть косвенное указаніе на этотъ счетъ: такъ въ 1818 году, напр., священникъ Ал. Соловьевъ выведенъ изъ Камышлейки, кузнецкаго уѣзда, въ Улыбовку, воль-

1) Арх. канц. губерн., 1836, № 96, 1.

2) „Сар. опар. Вѣд.“ 1870, № 10; Ниж. сем. библ., № 3774, 220.

3) Арх. сар. консист., 1836, № 697, 177.

скаго уѣзда, „за потворство раскольникамъ“¹⁾). Но подобныя косвенныя указанія лишены всякой опредѣленности.

Хуже всѣхъ пришлось за рассматриваемый періодъ времени саратовскому старообрядческому обществу: оно было больше на виду у начальства и потому больше испытывало давленія, да и внутри его шли раздоры и несогласія, появились признаки внутренняго разложенія. Саратовъ гордился своей каменной, такъ называемой Барановской, часовней. Судя по цитированному уже письму Прохора къ саратовскому старообрядческому обществу, оказывается, что эта часовня построена была на чужомъ мѣстѣ: попечители саратовскаго общества Никифоръ Ивановичъ (Уфимцевъ?) и Петръ Илларионовичъ (Барановъ?) прихватили подъ часовню смежное съ барановскимъ мѣсто Шапошникова. Последний долго кланялся и упрашивалъ попечителей заплатить ему за самовольно захваченную усадьбу и Уфимцевъ, собираясь умирать, обѣщалъ заплатить ему 500 рублей, но какъ только выздоровѣлъ—отказался отъ всякой уплаты, говоря, что для добраго дѣла Шапошникову не грѣхъ и пожертвовать. Тогда Шапошниковъ, выведенный изъ терпѣнія, но все еще не желая заводить скандала въ видѣ судебного иска, обратился „ко святѣй церкви,“ т. е. къ Прохору, съ „жалостнымъ“ письмомъ, въ которомъ рассказывалъ, какъ „неправедно и усиленно“ взяли у него мѣсто. Прохоръ вступился за обиженнаго. Передавая попечителямъ взводимое на нихъ обвиненіе, онъ говоритъ: „Ежели и въ самомъ дѣлѣ такъ, то совѣтуемъ вамъ означеннаго Шапошникова удовлетворять, чтобы не оставался отъ васъ обиженный, ибо ни мало на христіанство не похоже, что святыи храмъ построенъ на мѣстѣ посторонняго и для того ближній скорбится безъ всякаго удовольствія, ко Всевышнему умиленную приносить жалобу. Покорно васъ именовемъ Божиимъ просимъ, постарайтесь всѣ совокупно молитвенный храмъ отъ долгу искупить и Шапошникову сдѣлать безобидное удовольствіе“. Обида Шапошникова, безъ сомнѣнія, вещь не хорошая, но это личный грѣхъ двоихъ попечителей, не грозившій существованію раскольничьей общины, и Прохоръ отнесся къ нимъ за него довольно легко. Но за ними былъ еще другой, болѣе существенный грѣхъ, имѣвшій отношеніе съ мѣстной поповщиной въ ея цѣломъ, и на него-то Прохоръ направилъ самый тяжелый

¹⁾ Ibidem, 1859, № 1600, 51.

ударь. Дѣло въ томъ, что тлетворный духъ времени коснулся и этихъ столповъ и ревнителей. Они стали рядить своихъ женъ и дочерей въ „нѣмецкія“ платья, познакомили ихъ съ шляпками и мантильями, начали учить музыкѣ и танцамъ: Раскольникья молодежь, хотя еще въ видѣ исключенія, облакалась въ пальто и французскія перчатки и если не осмѣливалась еще бриться, за то охотно и часто начала подстригать бороду. Къ довершенію такого скандала, въ средѣ членовъ старообрядческой семьи проявилась склонность къ посѣщенію театральныхъ спектаклей. Слухъ объ этихъ безпорядкахъ, свидѣтельствующихъ о паденіи духа отцовскаго благочестія, возмутилъ Прохора и онъ въ своемъ посланіи удивляется, что въ саратовскомъ старообрядческомъ обществѣ „люди есть таковыя, что, не убоясь Господа Бога и забывъ смертнѣйшій и страшное второе Христово пришествіе, ревнуютъ языческимъ сквернымъ обычаямъ, отнюдь чуждымъ старообрядцамъ“. Напомнивъ слова Спасителя о подающихъ поводъ къ соблазну малымъ симъ, онъ восклицаетъ: „А у васъ самое верховное начальство или попечители богопротивное бѣсовское позорище позоруютъ (посѣщаютъ театр)! Горе таковымъ! Аще не покаются, отъ общенія православныхъ да отлучатся, ибо не лѣпо есть православнымъ такимъ сквернымъ нещунствомъ позоровати,—отъ сего бываетъ многимъ душамъ поврежденіе“. Свое письмо онъ оканчиваетъ слѣдующими краснорѣчивыми словами: „Образъ нѣрна христіанина ищу и не могу обрѣсти челоувѣка и звѣря различіа, но звѣря едино отъ алыхъ имуть, ты же, вся собравъ, купно имати, горше паче оныхъ осудилася; молю же васъ прочее, никто же васъ въ звѣрномъ образѣ да пребываетъ“¹⁾. О роли въ раскольникьей средѣ попечителей, грѣхи которыхъ такъ встревожили Прохора, можно судить по слѣдующему приговору саратовскаго старообрядческаго общества, составленному въ іюлѣ 1819 года для новозбранныхъ попечителей Ивана Афанасьева Уфимцева и Петра Баранова и шести помощниковъ ихъ: 1) попечители обязаны провѣрить по описи все достояніе часовни и вносить въ опись всё новыя пожертвованія; 2) сличную и сборную кружку пересчитать и передать на отчет старостѣ, ревизуя итогъ его семейственно или какъ заблагоразсудится; 3) принимать въ свое заведываніе общественное мѣсто и слѣдить,

1) С. И. А., Карт. А, № VII (подлинное письмо Прохора).

чтобы на немъ не жили безнаспорные и развратные люди; 4) книгу для сбора подавній передать, кому найдутъ нужнымъ, и собрать недомки; 5) составить списокъ всѣхъ членовъ саратовскаго старообрядческаго общества, дѣлать ежегодную раскладку на содержаніе состоящихъ при часовнѣ и на разные „непредвидимые расходы“ и вести вѣрный счетъ приходу и расходу этой суммы; 6) ходатайствовать по разнымъ гражданскимъ дѣламъ, имѣть попеченіе о молитвенномъ храмѣ и производить поправки и пристройки къ нему; 7) наблюдать за священникомъ, чтобы онъ дѣйствовалъ по правиламъ св. апостоловъ и св. отецъ и по опредѣленію Иргизскихъ монастырей, въ противномъ же случаѣ попытаться „уваживать его духомъ кротости“, а если пребудетъ непреклоннымъ, немедленно смѣнить, отославъ въ монастырь, изъ котораго взятъ; частнымъ людямъ въ разбирательство подобнаго рода отнюдь не вмѣшиваться, иначе вмѣсто согласія произойдетъ одинъ раздоръ; впрочемъ, о всѣхъ замѣченныхъ ими отступленіяхъ они имѣютъ право доводить до свѣдѣнія попечителей; 8) уставщикъ церкви (Ив. Михайловъ) и головщикъ лѣваго клироса (Е. М. Молодцовъ) должны во всемъ подчиняться попечителямъ и „быть у нихъ въ полномъ послушаніи“; 9) попечители обязаны ежегодно представлять общій отчетъ о приходѣ и расходѣ суммъ по часовнѣ, при чемъ въ случаѣ дефицита общество должно немедленно пополнить его по подпискѣ, во избѣжаніе остановки и замѣшательства въ дѣлахъ; 10) въ важныхъ случаяхъ попечители дѣйствуютъ по соглашенію со своими помощниками, которымъ при отлучкѣ изъ города поручаютъ исправленіе своей должности, а въ экстренныхъ обстоятельствахъ собираютъ на совѣщаніе всѣхъ членовъ мѣстнаго старообрядческаго общества, обязующихся безотказно явиться по первому ихъ зову¹⁾.

Таковы свѣдѣнія касательно внутренней жизни саратовской общины. Относительно внѣшней жизни ея извѣстно только два факта. Въ концѣ 1815 года саратовскіе купцы Петръ Буркинъ и Петръ Барановъ со всѣмъ обществомъ подали губернатору прошеніе, что за смертью попа Θεодора они желаютъ имѣть при своей часовнѣ попа вольской старообрядческой церкви Григорія Иванова или вольской округи, села Чернавки, православнаго священника Ивана Петрова, для отправленія богослуженія по ихъ обрядамъ, и потому

¹⁾ Ibidem, № LXVI.

просить снестись по сему предмету съ архіереемъ. Но послѣдній отказался назначить кого бы то ни было. „Сердечно желалъ бы во удовлетвореніе желанію старообрядцевъ требованіе в. пр—ва исполнить,—писалъ 5 февраля 1816 года преосв. Аванасій Панчулидзеву, —но извините меня, покорнѣйше прошу, что въ исполненіе онаго возможности не имѣю... Поелику саратовскіе старообрядцы къ церкви святой не присоединены и присоединенія не ищутъ, то невозможно опредѣлить имъ священниковъ православныхъ: 1) для того, да обращаясь съ заблужденными не совратятся и сами съ праваго пути; 2) да не подадутъ народу причины думать, акибы раскольниковское собраніе и православная церковь были едино, и тѣмъ да не послужатъ, къ вѣщшему своему осужденію, православнымъ преткновеніемъ въ благочестіи, а раскольникамъ—утвержденіемъ въ заблужденіи; а бѣглецы, какъ потому, что они подъ вѣдѣніемъ архіерейскимъ не сосгоятъ и многому разысканію подлежать, такъ и въ силу пунктовъ (митр. Платона) мною опредѣляемы быть не могутъ. Что же касается до священника Григорія Иванова, находящагося нынѣ въ Вольскѣ при старообрядческой церкви, который прежде былъ хвалынской округи села Павловки, но по сгорѣніи церкви, какъ рапортомъ донесено, бѣжалъ съ антиминсомъ къ раскольникамъ, безъ сомнѣнія, съ тѣмъ намѣреніемъ, дабы на ономъ въ не освященныхъ и не благословенныхъ храмахъ въ явное поруганіе святыни священнодѣйствовать и тѣмъ бы большую ихъ къ себѣ привлечь благосклонность, хотя бы и слѣдовало вытребовать его, что не заключало бы въ себѣ ни притѣсненія старообрядцамъ, ни нарушенія законовъ о соблюденіи мира, спокойствія и тишины, но я, оставляя погибельнаго погибели его, въ сходство сего слова Божія: „скверный да сквернится“, еще покорнѣйше токмо в. пр. прошу повелѣть вольской полиціи съ прот. Дубовскимъ, въ прекращеніе нарутательства святыни, вытребовавъ отъ него святой антиминсъ, представить въ консисторію“¹⁾. Панчулидзевъ остался недоволенъ этимъ отвѣтомъ и дѣло перешло въ Св. Синодъ, который 11 мая—11 іюня 1817 года согласился съ архіереемъ и предложилъ просителямъ принять впрочемъ единовѣріе и затѣмъ уже хлопотать о дарованіи отдѣльнаго священника²⁾. Излишне добавлять, что дѣло обошлось и помимо архіерейскаго разрѣшенія.

¹⁾ Ibidem, № IX.

²⁾ Собр. постанов., по вѣд. Св. Слн., II, 122—124.

Гораздо больше неприятностей обрушилось на саратовских раскольниковъ въ 1825 году. Панчулидзевъ давно уже настаивалъ, чтобы Барановская часовня была обнесена каменнымъ заборомъ. Старообрядцы жалѣли средствъ и уклонялись отъ исполненія губернаторской воли. Въ маѣ 1825 года саратовскій полиціймейстеръ Ищекинъ, желая выслужиться передъ начальствомъ, приказалъ пожарной командѣ и арестантамъ сломать деревянный заборъ, окружавшій эту моленную. Теперь ничего больше не оставалось часовеннымъ попечителямъ, какъ начать строить вмѣсто сломаннаго новый заборъ по утвержденному Панчулиздевымъ плану. И они принялись за работу и въ два мѣсяца вывели заборъ на 37 саженьяхъ, при чемъ для большей крѣпости, въ виду покатоности мѣста, вмѣсто контръ-форсовъ со внутренней стороны забора возвели нѣсколько домашнихъ службъ, какъ для помѣщенія служащихъ при часовнѣ, такъ и для престарѣлыхъ бѣдняковъ. Чтобы эти пристройки не были видны съ улицы, пришлось ограду поднять на аршинъ выше утвержденного губернаторомъ плана. Въ это время Панчулидзевъ чувствовалъ себя въ очень затруднительномъ положеніи: слухи о многочисленныхъ беззаконіяхъ, взяткахъ и растратѣ собранныхъ на постройку кафедральнаго собора денегъ дошли, наконецъ, до Петербурга и оттуда со дня на день можно было ожидать сенаторской ревизіи. Замѣна контръ-форсовъ разрѣшенной имъ постройки строеніями для богадѣльни сильно смутила и взволновала его: это было новое звено въ длинной цѣпи тяготѣвшихъ надъ нимъ обвиненій. Онъ поспѣшилъ отдать распоряженіе силой уничтожить начатую постройку и 28 іюля, среди бѣлаго дня, Ищекинъ, не предупредивъ никого, явился на постройку съ пожарной командой, вооруженной баграми, крюками, карками и ломами, и приказалъ ломать заборъ со всѣми пристройками. На другой день онъ явился съ той же пожарной командой на старое раскольничье кладбище, бывшее около теперешняго Ильянскаго моста, и велѣлъ ломать крышу зданія маленькой часовенки, всего аршинъ 8 въ длину, 6—въ ширину и $5\frac{3}{4}$ —въ высоту, которая стояла здѣсь больше полстолѣтія и употреблялась для служенія въ ней панихидъ по усопшимъ. Команда выполнила приказаніе: крышу разобрали, крестъ съ часовни сломали и бросили на землю, лѣпившіяся около часовни кельи бѣдняковъ, поселившихся здѣсь съ дозволенія самого же Ищекина, всѣ были перековерканы.

Старообрядцы омутились этимъ внезапнымъ и ничѣмъ, повидимому, не мотивированнымъ походомъ на нихъ часовни со стороны Ищекина и Панчулидзева, — людей, которымъ исправно доставлялись ими „безобидныя удовольствія“ изъ суммъ на „непредвидимые расходы“. Они отправили къ Панчулидзеву за объясненіемъ особую депутацию съ Буркинымъ, Ситниковымъ и Медвѣдовымъ во главѣ. Депутаты удостоились чести лицезрѣть „высокую особу губернатора“, но пользы отъ этого никакой не вышло: онъ имъ не разрешилъ исправить ищекинскую работу и обошелся очень круто. Тогда они 10 августа подали въ губернское правленіе жалобу на самоуправство полиціи-мейстера, при чемъ исчисляли причиненный имъ этимъ самоуправствомъ убытокъ въ 2.000 рублей и совершенно справедливо замѣчали, что Ищекинъ, если только онъ находилъ постройку противозаконной, могъ остановить ее въ самомъ началѣ и тѣмъ избавить ихъ отъ напрасной траты денегъ. Панчулидзеву по содержанию этого прошенія пришлось дать объясненіе, въ которомъ онъ прописалъ, что никакого разрушенія ограды не было, а было только пониженіе ея, согласно плану, на одинъ аршинъ; что Ищекинъ дѣйствовалъ по его личному приказанію и что кладбищенская часовня уничтожена въ виду ея ветхости и нахождения въ среднѣй города. Въмѣстѣ съ этимъ, немного заднимъ числомъ, Панчулидзеву предлагалъ правленію полиціи-мейстера и пристава Скворцова, позволявшихъ раскольникамъ производить постройку келій, оштрафовать въ размѣрѣ получаемого ими мѣсячнаго жалованья. Отвѣтомъ на это объясненіе губернатора послужила новая жалоба раскольниковъ, подписанная М. Ф. Ситниковымъ, отъ 24 сентября, въ которой они объясняютъ, что губернаторъ скромничаетъ, говоря будто ограда „понижена“ до указанной планомъ высоты: она просто сломана безъ всякаго соображенія съ какимъ бы то ни было планомъ. Ищекинъ самъ отлично понималъ свою оплошность и провазволь; узнавъ о жалобѣ старообрядцевъ въ губернское правленіе, онъ посѣдѣшилъ собрать каменщиковъ отъ равныхъ подрядчиковъ и, за карауломъ полиціи, приказалъ имъ накладывать сломанную ограду. Работа бевостановочно шла съ 19-го по 22 сентября, не прекращаясь и въ воскресенье, но даже и при такихъ усидіяхъ стѣна къ 24 числу не была еще поднята до указанной планомъ высоты. Ситниковъ просилъ произвести осмотръ на мѣстѣ и назначить слѣд-

ствіе, но губернское правленіе молчало. Между тѣмъ полиціймейстеръ предъявилъ къ нему требованіе разломать совсѣмъ кладбищенскую часовню; Ситниковъ, человекъ не трусливаго десятка, отвѣтилъ на это требованіе довольно рѣзко, что въ виду поданной имъ жалобы, по которой рѣшенія еще не послѣдовало, онъ не можетъ исполнять желаніе полиціймейстера, а такъ какъ разламывать взялся 29 іюля самъ полиціймейстеръ, то пусть онъ и доканчиваетъ. Ищекинъ, кругомъ неправый во всей этой исторіи, обрадовался такому отвѣту и, сдѣлавъ обиженную мину, потребовалъ „сужденія по законамъ“,—запутать Ситникова въ „исторію“ представлялось очень политичнымъ при условіяхъ тогдашняго судопроизводства. Одновременно съ этимъ, по распоряженію Ищекина, прекращено было совершеніе въ часовнѣ богослуженія и отправленіе по городу старообрядческихъ требъ¹⁾). Раскольники рѣшились подать просьбу на высочайшее имя, такъ какъ ждали прибытія въ Саратовъ императора Александра I. Въ этой просьбѣ,—написанной, нужно признаться, мастерски,—они перечисляютъ всѣ гоненія со стороны Ищекина и просятъ повелѣть „разсмотрѣть дѣйствія саратовскаго гражданскаго губернатора и охранить жизнь просителей“ отъ новыхъ притѣсненій. „Всеавгустѣйшій монархъ!—писали они въ заключеніе своего прошенія,—оставь памятникъ справедливости и милосердія твоего намъ и потомству твоихъ вѣрнопопавшихъ“²⁾). Но государь не пріѣхалъ въ Саратовъ и снасно старообрядцевъ отъ притѣсненій прибытіе въ саратовскую губернію сенатора Огарева, назначеннаго по высочайшему повелѣнію обривозовать дѣятельность саратовской администраціи. Результатомъ этой ревизіи получило преданіе Пашчулидзева, по высочайшему повелѣнію, суду правительствующаго сената и увольненіе отъ должности подручныхъ ему дѣятелей, въ родѣ Ищекина, умѣвшихъ съ быстротой хамелеона перемѣняться изъ покровителей раскола въ его гонителей и наоборотъ, смотря по обстоятельствамъ³⁾... О распространеніи раскола по саратовскому уѣзду—свѣдѣній никакихъ не имѣется.

Кромѣ высказанныхъ нѣсколько выше какъ бы вскользь

¹⁾ Арх. сар. губ. правл., I, 33, № 1384, 5—37.

²⁾ С. И. А., Карт. А, № XXII.

³⁾ Дѣла Секр. Комит., Vol. XVII, стр. 652; Арх. сар. губ. правл., I, 63, № 2129, 1—121.

замѣчаній касательно отношеній къ расколу мѣстной духовной власти, считаю не лишнимъ сказать еще нѣсколько словъ относительно этого предмета. Изъ пяти епископовъ, правившихъ цензенско-саратовской каедрой въ теченіи первой четверти настоящато вѣка, первый по времени, Гаій Такаовъ, относился къ расколу крайне снисходительно, если только не покровительственно. Не желая набрасывать невыгодную тѣнь на его память, я тѣмъ не менѣе не далеко буду отъ истины, если скажу, что эта снисходительность была результатомъ денегъ, платимыхъ раскольниками его приближеннымъ. Самъ онъ мало входилъ въ дѣла управленія обширной епархіей; за него управляла тѣсно сплоченная клика любимцевъ. Правда, отъ времени до времени, когда доходили до него вопіющіе факты изъ жизни подвѣдомственнаго ему духовенства, онъ круто обходился съ виновниками, не останавливаясь даже передъ розгами, но эти вспышки и порывы не могли принести никакой пользы, тѣмъ болѣе, что послѣ нихъ онъ еще глубже погружался въ обычную апатію. Этой привычкой своего архипастыря глядѣть на дѣло чужими глазами, руководиться чужими совѣтами пользовались въ равной степени и духовенство и старообрядцы. Члены клира, стояшаго, судя по нѣкоторымъ даннымъ, на очень низкой ступени умственнаго развитія, благодаря такимъ порядкамъ, подвергались быстрой деморализаціи, слѣды которой мы найдемъ и гораздо позже, у слѣдующихъ поколѣній духовенства. О степени образованности духовенства можно судить по слѣдующимъ цифрамъ. Въ 1800 году въ Саратовѣ изъ 16-ти наличныхъ священниковъ только 3 были въ богословскомъ классѣ и 2—въ „риторикѣ“, остальные же получили домашнее образованіе; изъ 9-ти діаконовъ—1 обучался въ риторикѣ и 8—дома; изъ 22-хъ причетниковъ—1 побывалъ въ старшемъ отдѣленіи училища и 8—въ младшемъ, остальные 13 обучались дома; такимъ образомъ изъ 47 членовъ причта 32 не обучались нигдѣ¹⁾. Не забудьте, что такой составъ клира былъ въ губернскомъ городѣ; что же было по селамъ? Тамъ заурядъ попадались священники, не умѣвшіе ничего писать, за исключеніемъ своей фамиліи, дяконы и причетники—читавшіе по складамъ²⁾. При такомъ составѣ духовенства можно ли было думать о серьезной борь-

1) „Сар. Спр. Листокъ“, 1872, № 87.

2) „Сар. епарх., Вѣдом., 1866, № 30.

бѣ съ народными предрасудками и суевѣрїями, объ исправленіи народныхъ нравовъ и противодѣйствіи распространенію раскола?

Невозможность сдѣлать что-либо серьезное въ этомъ направленіи сознавалъ и преемникъ Гаїя—Моисей Близнецовъ. Этотъ, не надѣясь на свое духовенство, задумалъ противопоставить расколу единовѣріе. Съ этой цѣлью онъ удовлетворялъ всѣ просьбы раскольниковъ, какъ относительно уступки того или другого православнаго священника, такъ и относительно построенія часовенъ и молитвенныхъ домовъ. Къ чему повела эта уступчивость раскольничьимъ домогательствамъ—мы знаемъ уже изъ исторіи распространенія раскола въ Вольскѣ и Кузнецкѣ: преосв. Моисей, очевидно, забывалъ, что старообрядцы обращаются къ нему за разрѣшеніемъ не ради поддержанія церковнаго единства, но только страха ради властелинска. Кромѣ того и въ выборѣ лицъ, на которыхъ возлагалась тяжелая миссія проводить въ раскольничьей средѣ единовѣріе и тѣмъ постепенно сблизить ее съ православіемъ, преосвящ. Моисей не былъ счастливъ; вспомнимъ хотя бы о Трифона Андреева. Не больше успѣха имѣла и другая попытка его противодѣйствовать распространенію раскола—возстановленіе заброшеннаго и полуразрушеннаго Спасо-Преображенскаго мужскаго монастыря въ Саратовѣ. „Моисей, епископъ пензенскій и саратовскій,—писалъ въ 1811 году настоятель Спасо-Преображенскаго монастыря, Савва, въ докладной запискѣ на имя синодальнаго оберъ-прокурора,—по вступленіи своемъ на пензенскую епархію, узнавъ о крайней жалости достойномъ священномъ мѣстѣ, возскорбѣлъ душею и сердцемъ, тѣмъ паче, что оный край весьма зараженъ ересью раскола, раскольники же своимъ блескомъ, имѣющимъ въ ихъ монастыряхъ и часовняхъ, плѣняя простой народъ, тѣмъ болѣе и болѣе отдираютъ оный отъ православной нашей церкви. Возскорбѣвъ же, заблагодарасудилъ вызвать меня изъ московскаго Законоспасскаго училищнаго монастыря собственно для возстановленія сего весьма близкой къ разрушенію обители“¹⁾). Ни преосвящ. Моисею съ Саввой, ни ихъ преемникамъ не удалось поднять саратовскій монастырь до такого блеска, который превосходилъ бы блескъ иргизскихъ обителей и еще болѣе, чѣмъ онѣ, „плѣняя“ бы простой народъ: этотъ монастырь до самыхъ послѣднихъ дней остался мѣстомъ ссылки проповѣцъ и безобразни-

¹⁾ „Сар. епарх. Вѣдом.“ 1878, № 22.

ковъ духовнаго званія и не пользовался лестной извѣстностью даже въ средѣ жителей самого Саратова, не говоря уже объ уѣздахъ саратовской губерніи, гдѣ о немъ ничего не знаютъ. Впрочемъ, Моисей былъ епископомъ пензенско-саратовскимъ только три года (съ 1808 до 1811 года); быть можетъ, дальше онъ нашелъ бы еще какія-нибудь, болѣе дѣйствительныя, мѣры для борьбы со смущавшимъ его расколомъ.

Анастасій Корчановъ (5 сентября 1811—8 февраля 1819 года) только въ началѣ своего управленія епархіей относился къ старообрядцамъ такъ же мягко и снисходительно, какъ и его предшественникъ: посѣщалъ ихъ часовни, присутствовалъ при богослуженіи и даже высказывалъ свое одобреніе замѣчаемому въ отпращиваніи послѣдняго порядку. Въ послѣдствіи онъ рѣзко перемѣнилъ характеръ своихъ отношеній и первый изъ саратовскихъ епископовъ сталъ на путь активной борьбы съ расколомъ, не смущаясь ни богатствомъ раскольничьихъ покровителей, ни противодѣйствіемъ гражданской администраціи. Къ сожалѣнію, начиная эту борьбу, онъ забылъ прекрасныя слова блаженнаго Августина, который говоритъ: „Мое первое мнѣніе было таково, что никого не должно принуждать къ единенію со Христомъ, что должно дѣйствовать словомъ, опровергать разсужденіемъ, поражать силой убѣжденія, чтобы въ противномъ случаѣ открытыхъ еретиковъ не сдѣлать православными только по наружности“¹⁾. Напротивъ, онъ надѣялся задушить расколъ силой административнаго давленія, тяжестью полицейскихъ мѣръ. Такъ, представляя 24 апрѣля 1817 года требуемыя обер-прокуроромъ синода, кн. Голицынымъ, свѣдѣнія о числѣ раскольниковъ по саратовской губерніи, которыхъ по благотворительнымъ вѣдомостямъ за 1815 годъ оказалось 18,563 души поповцевъ и 554 души поморцевъ, кромѣ жителей Мечетнаго и Криволучья, гдѣ поповцевъ насчитывалось до 1,500 душъ, онъ проектировалъ для противодѣйствія дальнѣйшему развитію раскола „отсылать упорныхъ, по усмотрѣнію начальства, въ отдаленныя (?) мѣста“²⁾. Эта тенденція противопоставлять силѣ убѣжденія внѣшнюю, матеріальную силу, — тенденція, къ несчастью, усвоенная цѣлымъ рядомъ его преемни-

1) Op. S. Augustini, T. II, p. 180, epist. XCIII, cap. V, 17. Edit. Benedict. Antverpiae, 1700.

2) Дѣла Секр. Коммт., Vol. II, стр. 406—414.

ковъ по саратовской архіерейской каедрѣ,—лежитъ въ основаніи всей его дѣятельности противъ раскола. Только благодаря этой тенденціи онъ не понималъ, что въ интересахъ православія гораздо полезнѣе, прежде чѣмъ прибѣгать къ административной ссылкѣ упорныхъ раскольниковъ, очистить саратовскій клиръ отъ священниковъ, въ родѣ Фуфлыгина (изъ Малой Березовки, сердобскаго уѣзда), повинныхъ „въ чиненіи всегдашняго пьянства, въ служебной молебной въ пьяномъ образѣ, въ дѣланіи при оныхъ буйственныхъ и самыхъ соблазнительныхъ безчиніи, въ произношеніи при чтеніи евангелія скверноматерныхъ словъ и въ битвѣ нѣкоторыхъ изъ своихъ духовныхъ дѣтей“. Между тѣмъ преосв. Афанасій, воплотивъ сознавая, что подобныя поступки „навлекаютъ одинъ только позоръ церкви и духовенству“, ограничивался тѣмъ, что посылалъ такихъ священниковъ на исправленіе (!) въ монастырь и затѣмъ переводилъ ихъ въ видѣ наказанія въ другой, худшій приходъ, гдѣ они или безобразничали вдвое, или склонялись на побѣгъ къ раскольникамъ¹⁾. Отсюда безплодность его усилій: въ средѣ, которая прежде всего должна была ему содѣйствовать, онъ встрѣчалъ бессознательное, но сильное противодѣйствіе; то, что хотѣлъ сдѣлать онъ, разрушали тѣ, которые должны были быть его помощниками; даромъ тратились и силы и время, ибо пользы не получалось никакой.

Иннокентій Смирновъ, явившійся на епархію больнымъ и правившій ею всего полгода (съ 22 марта до 10 октября 1819 года), ничѣмъ не выказалъ себя по части отношеній къ расколу. Известно одно, что онъ принялся было уничтожить ту продажность, которая царяла въ духовной средѣ даже вокругъ самого архіерея. Вотъ любопытный отрывокъ изъ одного письма его въ Петербургъ, отъ 6 іюля 1819 года: „При моемъ предѣстникѣ много брали со ставленниковъ; именно, на лицо архіерея при выдачѣ ставленной грамоты со священника—6 рублей, діакона—3, дьячка—въ стихарь 1 руб. 50 коп.; съ того же ставленника на пѣвчихъ—со священника 10, съ діакона—5, съ дьячка—2 руб. 50 коп., да еще на крестовыхъ іеромонаха, іеродіакона и прочію архіерейскую свиту: со священника—10, съ діакона—5, съ дьячка—2 рубля. Мнѣ хочется прекратить сей поборъ: и отъ того все ползеть врозь. Пѣвчіе говорятъ:

¹⁾ Арх. губ. правл., I, 78, № 3271, 8—9.

одѣться нечѣмъ, изъ свиты прислужники просятъ вонъ. А самъ архіерей рѣшается распустить и изъ свиты часть и изъ пѣвчихъ часть, рѣшается также лучше ѣсть хлѣбъ съ водою, чѣмъ держаться такого побора¹⁾. Можно смѣло сказать, что дѣятельность его въ этомъ отношеніи, поживи онъ немного дольше, была бы несравненно полезнѣе воинственности его предшественниковъ.

О преемникѣ преосвящ. Иннокентія, Амвросія Орнатскомъ (1819—1825), сохранилось представленіе, какъ о человѣкѣ „страннаго, строптиваго и неуживчиваго характера“²⁾. Въ отношеніи раскола онъ слѣдовалъ принятому преосвящ. Аѳанасіемъ направленію и; по врожденной неуступчивости, доводилъ разъ начатое дѣло до рѣшенія его въ послѣдней, высшей инстанціи. Впрочемъ, вчинять много дѣлъ ему не пришлось, ибо на пути встрѣчалось не мало „помѣхъ“; какъ выразился онъ въ отвѣтѣ на известную просьбу кузнецкихъ старообрядцевъ. Бороться противъ этихъ помѣхъ, если только подъ ними онъ понималъ господствующее свисходительное къ расколу направленіе правящихъ сферъ его времени и прежде всего покровительство расколу со стороны Панчулидзева, онъ, конечно, былъ не въ состояніи и, послѣ нѣсколькихъ внушеній сверху, махнулъ рукой на всякую борьбу. Къ чести его нужно сказать, что онъ внимательнѣе другихъ относился къ своему духовенству и участвъ объѣзды епархіи, чѣмъ раньше страшно злоупотребляли: находились мѣстности въ Саратовскомъ краѣ, съ самаго заселенія своего, въ теченіи цѣлой сотни лѣтъ, до дней Амвросія не видѣвшія у себя ни одного архидіакона, не только астраханскаго или казанскаго, но даже и пензенскаго³⁾. Такимъ отсутствіемъ архіерейскаго надзора только и можно объяснить письменное условіе дубовскаго духовенства съ мѣстными старообрядцами, безразборное вѣнчаніе православными священниками смѣшанныхъ браковъ православныхъ съ раскольниками⁴⁾ и т. н. возмутительные факты епархіальной жизни. Противъ нихъ архіерейскіе объѣзды и ревизіи были дѣйствительнымъ средствомъ.

1) Имп. Публ. библ., Q, I, № 741. Томъ переписки преосвящ. Иннокентія съ кн. Мещерской.

2) „Рус. Стар.“, 1879, II, 729.

3) Сар. Сборн., I, 256.

4) Арх. сар. консиет., 1836, № 898, 7.

ГЛАВА V.

Бытовая сторона иргизской исторiи.—Составъ братiи.—Настоятель, соборныя старцы, казначей, уставщикъ.—Схимники, бѣнды, священники и диаконы.—Средства содержанiя монастырей.—Внутреннiй строй монастырской жизни.—Женскiе монастыри.

Прежде чѣмъ приступить къ изложенiю исторiи саратовскаго раскола за время царствованiя императора Николая I, копробую возстановить бытовую сторону жизни иргизскаго иночества. Первый вопросъ, на которомъ должно остановиться, касается состава братiи. Возникшiе до манифесту Екатерины II иргизскiе снеты наполнились въ первое время выходцами изъ-за польской границы, куда бѣжали фанатики-ревнители старины, а потомъ—сходцами изъ разныхъ мѣстъ Россiи. Всѣ сословія имѣли здѣсь своихъ представителей: въ числѣ иночествующихъ можно было встрѣтить и кунцовъ, и мѣщанъ, и крестьянъ, и военныхъ, и разночинцевъ, и даже дворянъ. Большинство приходило въ монастыри изъ саратовской же губернии, но не мало было людей съ Дона и Урала, изъ-подъ Москвы, Нижняго, Петербурга, Перми, Сибири и Молдавіи. Едва ли хотъ одинъ изъ православныхъ монастырей имѣлъ такой разнокалиберный составъ братiи. Для поступленiя въ число братiи ничего не требовалось въ первое время существованiя Иргиза, кромѣ добраго желанiя, и очень многое—въ послѣднее время его жизни: пока община жила исключительно трудами рукъ своихъ, увеличеніе числа ея членовъ было крайне желательно, такъ какъ совѣстная работа многихъ всегда плодотворнѣе такой же работы немногихъ, но когда община эта оперилась, разбогатѣла, изыскала другія средства къ жизни, кромѣ труда, приходъ всякаго лишняго человѣка становился далеко не желательнымъ, такъ какъ увеличивалъ число дольщиковъ безъ увеличенiя суммы подлежащаго раздѣлу капитала. За это время установлена была съ новопоступавшихъ извѣстная плата въ пользу монастыря: размѣръ ея точно опредѣленъ не былъ и зависѣлъ въ каждомъ данномъ случаѣ отъ усмотрѣнiя настоятеля и соборной братiи; низшій размѣръ вступительной платы равнялся стоимости кельи, отводимой приходящему

въ монастырь. До какихъ значительныхъ суммъ доходилъ размѣръ взноса отъ желающихъ вступить въ монастырь на Иртышѣ показываеъ слѣдующій примѣръ: шляхтичъ Ааронъ Софроновъ, при поступленіи въ Нижній монастырь около 1804—1806 года, внесъ въ братскую казну 1.470 руб.; которые и остались въ собственности монастыря, когда Софроновъ отъ вратѣшеній Прохора за объявленіе о держаніи бѣглыхъ вынужденъ былъ уйти съ Иртыша¹⁾. Безъ платы принималась въ число братіи только по рекомендаціи сильныхъ людей, въ надеждѣ будущихъ благъ; обычно же, развѣ пріемщику почему-либо нравился новопришедшій, его, въ случаѣ бѣдности, принимали бѣзъкомъ и онъ долженъ былъ нѣсколько лѣтъ прожить въ качествѣ монастырскаго „трудника“, прежде чѣмъ его удостоить постриженія: взносъ денегъ, очевидно, замѣняла тутъ плата натурой.

Ядро иртыскаго общества составляли люди, внесенные въ реестръ 1797 года, по которому они были освобождены императоромъ Павломъ отъ рекрутской повинности, равно какъ и приписанные къ монастырямъ во время позднѣйшихъ народныхъ ревизій; всѣ они были причислены къ удѣльному вѣдомству и считались удѣльными крестьянами, платя наравнѣ съ ними подати и неся повинности. Размѣръ послѣднихъ въ началѣ настоящаго столѣтія опредѣлялся слѣдующими цифрами: въ пользу удѣла съ души—8 руб., подушнаго сбора—3 руб., на земскую повинность—30 коп., на содержаніе удѣльнаго приказа и мирскіе по приказу расходы—69 коп., всего же—11 руб. 99 коп. съ каждой ревизской души. Кромѣ этого приходилось ежегодно вносить извѣстное количество хлѣба въ запасные магазины удѣльнаго вѣдомства²⁾. Кромѣ приписанныхъ къ монастырямъ въ нихъ не мало было лицъ, числящихся у помѣщиковъ и въ разныхъ крестьянскихъ, мѣщанскихъ и купеческихъ обществахъ; эти проживали здѣсь по отпускнымъ и увольнительнымъ свидѣтельствамъ и временнымъ паспортамъ отъ тѣхъ обществъ и лицъ, къ которымъ принадлежали лично или по состоянію; платежъ повинностей и податей они производили въ указанныхъ закономъ размѣрахъ по мѣсту увольненія. Такъ Прохоръ Калмыковъ до конца своей жизни числился саратовскимъ мѣщани-

¹⁾ С. И. А., I, А, № 10, 793—794.

²⁾ Бр. Св. Кр., № 513, 141.

номъ или посадскимъ и несъ денежные повинности, какъ житель Саратова хотя онъ полѣтка прожилъ въ монастырѣ въ качествѣ инока и схимника; тоже нужно сказать о настоятель Верхняго монастыря Силуанѣ, приписанномъ въ хвалышскіе мѣщане, и многихъ другихъ. Особенно много приходилось платитъ проживавшимъ въ монастыряхъ помѣщичьимъ крестьянамъ: такъ инокъ Верхняго монастыря Филаретъ показывалъ на допросѣ исправнику, что ежегоднаго оброка выплачиваетъ „отъ щедротъ монастыря“ своему помѣщику Зеленцову 100 рублей, несмотря на неспособность къ работѣ¹⁾.

Всѣ жившіе въ монастыряхъ по законнымъ видамъ назывались „лицевыми“; но кромѣ нихъ было еще не мало „слѣпанныхъ“ или „сиротъ“, т. е. всевозможныхъ бѣглыхъ, безпаспортныхъ бродягъ и людей съ просроченными видами. Число такихъ, особенно значительное въ первые годы иртышскихъ обществъ, постепенно уменьшалось, благодаря полицейскимъ преслѣдованіямъ, хотя никогда, даже въ самыя опасныя для Иртыза минуты, не сходило на нѣтъ. Обыкновенно „сиротъ“ настоятель записывалъ въ число братьевъ, давая имъ имена и документы умершихъ и выбывшихъ изъ монастыря. Для нихъ отводились кельи поближе къ монастырской оградѣ, чтобы въ случаѣ опасности можно было во время ускользнуть въ лѣсъ и тамъ скрыться отъ поисковъ полиціи въ какой-нибудь землянкѣ, на монастырскомъ пчельникѣ, мельницѣ, хуторѣ или скотномъ дворѣ. Ходили слухи, проникшіе и въ „Сборникъ“ преосвящ. Іакова, что подъ кельями устроены были подземныя помѣщенія, сообщающіяся при помощи такихъ же подземныхъ галлерей съ землянками и оврагами въ чащѣ окружающаго монастыря лѣса; но существованіе этихъ подземныхъ ходовъ и корридоровъ осталось не доказаннымъ, хотя по поводу ихъ и производилось довольно долго специальное разслѣдованіе²⁾. Всего вѣрнѣе, что это дѣйствительно были только слухи, измышленные чьей-либо досужей фантазіей: благодаря негласнымъ, но тѣснымъ связямъ съ полиціей, Иртызь всегда заблаговременно зналъ о каждомъ пріѣздѣ должностныхъ лицъ въ монастыря и могъ принимать соотвѣтствующія мѣры, сплавивъ въ укромные уголки всѣхъ подозрительныхъ

¹⁾ С. И. А., I, А., № 11, 165.

²⁾ Ibidem, 54--55.

монастырскихъ жителей. Никакіе подземные корридоры не могли такъ вѣрно избавить монастыри отъ риска попасться въ укриваніи бѣглыхъ, какъ любезность большихъ и маленькихъ чирозниковъ, присылавшихъ секретныя вѣсточка.

Во главѣ каждого монастырскаго общества стоялъ настоятель, выбираемый на безсрочное время, смотря по обстоятельствамъ, или братіей одного монастыря, или всѣхъ, съ участіемъ даже вольскихъ и хвалынскихъ купцовъ и окружныхъ крестьянъ. Примѣромъ избранія перваго рода могутъ служить выборы 28 января 1798 года, когда 18 человекъ братіи Верхняго монастыря избрали настоятелемъ Сергія Юршева; примѣромъ второго—вольскіе выборы 1795 года, когда Сергій смѣненъ былъ Исаакиемъ: тутъ избирателями явились иноки всѣхъ Иргизскихъ монастырей и масса свѣтскихъ лицъ. Съ 1820 года, по распоряженію удѣльной конторы, въ выборы настоятеля участвовали не всѣ иночествующіе, но только причисленные къ вѣдомству удѣла¹⁾. Актъ избранія утверждался сначала земскимъ исправникомъ, потомъ удѣльной конторой, а послѣ 1828 года—губернаторомъ. Основанія и мотивы избранія бывали крайне разнообразны. Иногда избраніе падало на лицо, указанное предшественникомъ его по должности настоятеля,—такъ избранъ Сергій 3-го мая 1780 года по указанію строителя Исаакія; иногда—на лицо, стоящее подъ покровительствомъ какого-либо крупнаго куца, благодѣтеля монастырскаго,—такъ избранъ Прохоръ въ 1791 году; иногда—на прославившагося строгой подвижнической жизнью,—такъ въ половинѣ 1819 года избранъ въ настоятели Средняго монастыря Сергій, жившій въ особой пустынкѣ на Маломъ Иртызѣ. Но всѣ избранія имѣли ту общую черту, что только въ исключительныхъ случаяхъ, когда разгорѣвшіяся страсти заступали мѣсто анализирующаго разума, падали они на людей неспособныхъ или недостойныхъ этого мѣста: если откинуть Кирилла и Исаакія съ Мамонтомъ, правившимъ послѣ Сергія Юршева Верхнимъ монастыремъ, то окажется, что всѣ остальные настоятели иргизскіе, какъ нельзя больше, были на своемъ мѣстѣ. Вотъ почему едва ли можно согласиться съ Леопольдовымъ, который говоритъ, что поводомъ къ избранію служили происки честолюбія и корыстные виды: „Чтобы сдѣлаться настоятелемъ, потребно было много вовсе не похвальныхъ качествъ:

¹⁾ Ibidem, 15—16.

прикрыть себя глубокимъ смиреніемъ и вооружиться тонкимъ лице-мѣріемъ; одѣваться въ рубище, наружно постничать, не утускать времени службы, выполнять по дѣстовкамъ положенное по какому-то уставу число поклоновъ, сопровождаемыхъ вздохами, брать въ православіе и его исповѣдниковъ, особенно табачниковъ; ласкать бѣльцовъ и глупыхъ старцевъ, чтобы изъ этой сволочи приготовить для себя партію, готовую подать въ пользу ихъ голосъ при выбо-рѣ; конвизному; заботиться о порядкахъ и хозяйствѣ въ мона-стырѣ¹⁾. Одного лицемѣрія и лукавства,—съ чѣмъ на Ирнзѣ каждый зниткомъ былъ съ жалолѣтства,—для избранія на высшую въ монастырѣ должность было, вѣроятно, маловато, иначе много охотниковъ нашлось бы „ласкать глупыхъ старцевъ“; подготавли-вая изъ нихъ для себя послушную партію....

Съ званіемъ настоятеля не соединялся, какъ переменное усло-віе, священническій санъ и потому, кромѣ первыхъ ирнзскихъ на-стоятелей и вмѣстѣ основателей этихъ снитовъ, въ настоятельской средѣ мы не встрѣтимъ іеромонаховъ, хотя были схимонахи. На-стоятель былъ ответственнымъ представителемъ всей монастырской братіи въ глазахъ гражданскаго начальства; для удѣльнаго началь-ства они замѣняли собой сельскихъ старостъ; чрезъ нихъ исключи-тельно производились все сношенія администраціи съ монастырями. Устранившись отъ всякихъ отношеній къ епархіальной власти, на-стоятели, равно какъ и подчиненные имъ монастыри, во всѣхъ внут-реннихъ и внѣшнихъ дѣлахъ зависѣли отъ гражданскаго начальства: отъ него получали они предписанія, у него и спрашивали разрѣ-шенія и т. и.

Въ помощь настоятелю избирались тоже на безсрочное время 12 соборныхъ старцевъ, изъ которыхъ одинъ мѣсь обязанности казна-чая, а другой—уставника. Соборные старцы по идеѣ были элемен-томъ контролирующимъ дѣятельность настоятеля: безъ нихъ онъ не имѣлъ права рѣшать никакихъ важныхъ дѣлъ; все, затрагивающее интересы цѣлаго общества, а не той или другой отдѣльной лично-сти, подлежало предварительному обсужденію „соборованію“ этихъ 12-ти избранниковъ. Въ кругу соборныхъ старцевъ настоятель быть только первымъ между равными, не больше. Но такъ было въ идеѣ и далеко не такъ на практикѣ. Обыкновенно настоятель

¹⁾ Леопольдовъ, Ист. зам. о Сам. краѣ, 76. Слб., 1860.

сходился съ ближайшимъ своимъ помощникомъ, казначеемъ, и вдвоемъ, какъ хотѣли, правили дѣлами обители, предоставляя остальнымъ соборнымъ старцамъ одно только преимущество чести, но не власти. Настоятели, болѣе сильные вліятельной поддержкой совѣтъ или энергіей воли, авторитетомъ и популярностью, обходились даже и безъ казначей и въ буквальномъ смыслѣ царили въ своихъ монастыряхъ. Такъ Прохоръ, по показанію иноковъ Никанора, Адриана и Саввы, очень часто дѣйствовалъ самолично, не приглашая никого на совѣтъ, даже въ принятіи бѣглыхъ поповъ и въ распоряженіи ими, хотя это принято было дѣлать совмѣстно съ соборной братіей¹⁾. На обязанности казначея лежалъ весь хозяйственный распорядокъ монастыря: онъ панималъ, по нуждѣ монастырей, рабочихъ; онъ дѣлалъ нужныя закупки и продавалъ продукты монастырскаго хозяйства; на немъ лежали всѣ письменныя и судебныя дѣла по монастырю, приемъ и убоготореніе пріѣзжающихъ въ обитель чиновниковъ и т. п. Для ходатайства по монастырскимъ дѣламъ казначей всегда имѣлъ въ городѣ постояннаго довѣреннаго или адвоката. Настоятели, на время отсутствія изъ монастырей, передавали исполненіе своей должности по большей части казначеямъ, которые въ этомъ случаѣ носили названіе „наказныхъ“ настоятелей²⁾; послѣдніе распоряжались часто и въ присутствіи настоятеля выдачей разрѣшенія на кратковременную отлучку изъ монастыря живущимъ въ немъ лицамъ; они же вмѣстѣ съ настоятелемъ наблюдали за нравственностью и благоприличнымъ поведеніемъ монастырскихъ обитателей, съ правомъ кары виновниковъ. Впрочемъ, право кары не простиралось на увольненіе виновныхъ изъ числа монастырскаго братія: это право принадлежало въ обителяхъ однимъ настоятелямъ.

Другимъ ближайшимъ помощникомъ настоятеля, послѣ казначея, былъ такъ называемый уставщикъ, въ завѣдываніи котораго находился весь церковный уставъ и церковная ризница. Этотъ выбирался изъ людей, хорошо знавшихъ всѣ порядки и тонкости старообрядческаго богослуженія и треботправленія, такъ какъ ему

¹⁾ Арх. губерн. правл., I, 58, № 45, 9. Настоятель Верхняго единоѣрческаго иргизскаго монастыря, Іоасафъ, лично знавшій Прохора, передавалъ мнѣ, что братія неоднократно покушались смѣнить Прохора, страшнаго для нея своимъ самовластіемъ и строгостью, но онъ каждый разъ восстанавливалъ свои права чрезъ содѣйствіе вольскаго исправника и разгонялъ изъ монастыря надсмотрщика.

Прим. авт.

²⁾ С. И. А., I, А, № 6, 810.

приходилось обучать исправленныхъ священниковъ и слѣдить за точнымъ соблюденіемъ при совершеніи богослуженія всѣхъ требованій церковнаго устава. Строгая консервативность старообрядцевъ въ обращеніи съ церковнымъ уставомъ и близкое знакомство съ нимъ очень многихъ изъ ихъ среды дѣлали то, что роль уставщика, — особенно на Ирگزѣ, бывшемъ въ глазахъ всѣхъ поповцевъ учидищемъ благочестія, — принадлежала къ числу очень отвѣтственныхъ и требующихъ большого навыка и еще большей ловкости: малѣйшій пропускъ, ошибка, неточность въ исполненіи того или другаго церковнаго чинослѣдованія могли произвести крупный соблазнъ и всею тяжестью падали на него. Уставщикъ долженъ былъ присутствовать непременно за каждымъ богослуженіемъ, за недостаткомъ священника и діакона отправлять самолично всѣ службы, кромѣ обѣдни, служить молебны, панихиды и даже совершать погребеніе¹⁾. Уставщикъ производилъ судъ и раздавалъ наказанія церковнымъ преступникамъ; онъ же составлялъ списки наградъ, подлежащихъ къ выдачѣ чрезъ каждую четверть года жителямъ монастыря. Должность казначея и уставщика была выборная, — соборные старцы избирали ихъ изъ своей среды; но бывали и въ этомъ случаѣ отступленія: такъ Прохоръ назначалъ ихъ иногда своей властью, безъ предварительнаго согласія старшей братіи, какъ это можно видѣть въ случаѣ съ Платономъ, котораго онъ единолично сдѣлалъ уставщикомъ; впрочемъ, въ послѣдніе годы своего настоятельства Прохоръ, быть можетъ, по старости лѣтъ, избѣгалъ такихъ единоличныхъ распоряженій. Въ тѣхъ случаяхъ, когда избраніе этихъ лицъ совершалось по общему согласію, составлялись въ удостовѣреніе особые приговоры, образцомъ которыхъ можетъ служить приговоръ отъ 20 сентября 1825 года, подписанный соборной братіей Нижняго монастыря вмѣстѣ съ Прохоромъ: „Настоятель, при собраніи соборныхъ старцевъ, по общему между себя любовному согласію, призвавъ Господа Бога въ помощь, упрося казначея инока Веніамина въ другую нужную монастырскую службу, безъ всякаго порока отмѣнили его отъ сей должности, а избрали на мѣсто его бывшаго во святой церкви уставщика, инока Никанора. По убѣдительной просьбѣ настоятеля и всей соборной братіи, оказалъ онъ безпрекословное послушаніе, согласился послужить святой оби-

¹⁾ Ниж. сем. библ., № 3774, 416.

тели, сколько ему Богъ поможетъ препробовать времени свою жизнь; а особливо съ настоятелемъ быть въ любовномъ союзѣ и во общемъ душеспасительномъ согласіи управлять и неусыпное стараніе имѣть, чтобы въ монастырѣ не было никакихъ блазнительныхъ и грѣховныхъ пороковъ.... Дабы никто изъ братіи самовольно изъ монастыря въ слободу или въ другія мѣста безъ благословенія настоятеля или казначея отнюдь не отлучался, а ежели таковыя окажутся безчинники, будутъ безъ воли настоятеля или казначея тайнымъ образомъ во дни или въ нощи братіи тревожить соблазнъ, таковаго, во-первыхъ, съ любовью увѣщивать и приводить къ душеспасительной пользѣ; но первымъ, и вторымъ, и третьемъ увѣщаніи, буде явится таковой ослушникъ поць или дьяконъ, инокъ или бѣлецъ, то я, настоятель, хотя въ небытность мою въ монастырѣ, позволяю вмѣсто себя оному казначею наказывать, какъ ему заблагоразсудится, чтобы и прочіе имѣли опасеніе. Во святой церкви вмѣсто уставщика Никанора избрали честнаго и восторженнаго инока-схимника Савву¹⁾. Должность уставщика и казначея очень часто служила переходной ступенью къ должности настоятеля. Кромѣ общихъ уставщикамъ всѣхъ монастырей обязанностей, уставщикъ Средняго монастыря подъ конецъ существованія Иргиза несъ еще особую: онъ былъ помощникомъ настоятеля по части письменной отчетности,—онъ вносилъ въ особо заведенную метрическую книгу всѣхъ сочетавшихся бракомъ старообрядцевъ, о которыхъ получались на имя настоятеля отношенія отъ подлежащихъ мѣстъ и учреждений, равно какъ и о крещеніи младенцевъ; списки съ этихъ книгъ ежегодно доставлялись вольскому земскому суду²⁾.

Каждый изъ соборникъ старцевъ, наравнѣ съ настоятелемъ, казначеемъ и уставщикомъ, имѣлъ право принимать къ себѣ въ духовное руководство и подчиненіе молодыхъ иноковъ и бѣльцовъ, которые назывались въ такомъ случаѣ ихъ „евангельскими дѣтьми“. Число евангельскихъ дѣтей для каждаго соборнаго старца ничѣмъ ограничено не было и зависѣло отъ степени популярности и авторитета каждаго инока. Больше всего евангельскихъ дѣтей бывало, конечно, у настоятеля. По отношенію къ евангельскимъ дѣтямъ ихъ

¹⁾ Арх. Нижн. мон., № 2.

²⁾ Ниж. сем. библ., № 3774, 420.

духовные отцы и руководители пользовались правом наказанія, которое носило характер келейной или публичной эпитимьи. Келейная эпитимья назначалась за мелкіе проступки, также за буйство и пьянство, и состояла въ увеличеніи числа поклоновъ, въ тѣлесныхъ наказаніяхъ розгами или шелепами или въ одиночномъ заключеніи въ какомъ-нибудь темномъ чуланѣ, при чемъ на виновника надѣвали цѣпь, однимъ концомъ запиравшуюся на шеѣ, а другимъ—прикованную къ чурбану,—это такъ называемая „столовая цѣпь“; въ случаѣ сопротивленія надѣвались ручные и ножные кандалы. Публичная эпитимья налагалась за болѣе важныя проступки и состояла въ состояніи на колѣнахъ въ церкви съ обязательствомъ положить извѣстное—и всегда очень крупное—количество поклоновъ. Отъ эпитимьи не освобождались и монастырскіе священники съ діаконами, но взысканіе на нихъ накладывалъ самъ настоятель, по жалобѣ уставщика или по личному усмотрѣнію. Число подвергавшихся эпитимьямъ всегда было значительное, благодаря принятому въ монастырѣ убѣжденію, что этими средствами можно исправить даже тѣхъ, которые давно уже утратили всякое понятіе о нравственности¹⁾; но особенно увеличилось оно въ послѣдніе дни существованія Иргиза, при настоятеляхъ Корниліи и Силуанѣ: тогда, по картинному выраженію одного современника, „за Волгой у кузнецовъ не доставало углей на ковку цѣпей, въ которыя заковывали негрезвыхъ и буйныхъ иноковъ и поповъ“²⁾. Кромѣ прямого монастырскаго начальства, наказанія щедро раздавали и разные „благодѣтели“ обителей изъ числа богатыхъ купцовъ; нерѣдко случалось, что настоятель, наскучивши исправлять того или другого старца, обращался за содѣйствіемъ къ „благодѣтелю“ и тотъ раздѣлялся съ виновникомъ быстро и строго. Особенно памятенъ остался въ этомъ отношеніи на Иргизѣ И. В. Расторгуевъ, очень часто наѣзжавшій въ монастыри и, по жалобѣ настоятелей на неводержанныхъ иноковъ, священниковъ и діаконовъ, жестоко наказывавшій ихъ шелепами: „этотъ не проѣзжалъ никогда, не наказавъ кого-нибудь,—говорить арх. Платонъ,—и страшень былъ по своей строгости“³⁾. Такое властное вмѣшательство мірянъ во внутреннюю жизнь

¹⁾ Бр. Св. Кр., № 500, 58.

²⁾ Поповъ, IV, 193.

³⁾ Ниж. сем. библ., № 3774, 440.

обителѣй не было, разумѣется, установлено правилами монастырскаго устава, но, по обстоятельствамъ, было терпимо, ибо никто не смѣлъ протестовать противъ богатыхъ и вліятельныхъ благодѣтелей, отъ щедротъ которыхъ монастыри получали не мало выгоды. Это вмѣшательство проявлялось иногда и въ худшей формѣ, не вызывая тѣмъ не менѣе общаго ропота и недовольства: въ монастырѣхъ хозяйничали, какъ дома, даже жены купцовъ. Такъ извѣстная „защитница православія“, П. М. Злобина, однажды въ праздничный день, войдя въ церковь за вечернюю службу, разсердилась за что-то на служившаго іеромонаха Іасона и, ставши въ сѣверныхъ алтарныхъ дверяхъ, съ гнѣвомъ топала ногами и кричала ему: „скинь, попишко, ризы, скинь!“ Тотъ долго слушалъ молча, но подъ конецъ не вытерпѣлъ, сорвалъ съ себя ихъ и бросилъ на полъ, а самъ ушелъ изъ церкви и, боясь строгаго наказанія, бѣжалъ затѣмъ совсѣмъ изъ монастыря¹⁾. Злобина вообще нерѣдко собственноручно раздѣлывалась съ виноватыми иноками и сдирала ризы съ недостойныхъ, по ея мнѣнію, священниковъ,—ради богатства и вліятельности все это ей дозволялось со стороны настоятеля и братіи безвозбранно.

Настоятель и соборные старцы составляли начальство монастыря; масса же монастырскаго населенія состояла изъ рядовыхъ иноковъ и сравнительно небольшого числа схимниковъ, такъ какъ послѣдніе входили обыкновенно въ составъ соборныхъ старцевъ. Всѣ иночествующіе, т. е. принявшіе постриженіе отъ старобрядческихъ іеромонаховъ, иногда же и просто бѣглыхъ священниковъ, носили, пока находились въ стѣнахъ монастырскихъ, особую одежду, по своему покрою и аксессуарамъ нѣсколько отличавшуюся отъ той, какую носятъ монашествующіе православной церкви. Иноческій костюмъ составляла весьма длинная, почти до пятъ, рубашка, поверхъ которой надѣвался черный шерстяной кафтанъ, ничѣмъ не опоясанный,—„чтобы духъ Божій свободнѣе могъ проходить всюду“ (sic!),—съ узкими рукавами и бархатнымъ, плисовымъ или той же матеріи обшлагомъ; вокругъ шеи, сверхъ кафтана, повязывалась круглая перелинка или длинный кругло-скроенный воротникъ, отдѣланный по борту какой-нибудь красной матеріей; на головѣ всегда носилась круглая, въ видѣ скуфы или

¹⁾ Ibidem, 441.

татарской ермолки, черная суконная шапочка съ шелковымъ или испанской черной овчинки околышемъ; на эту скуфейку надѣвался еще родъ чехла съ очень длиннымъ воротникомъ, отъ котораго идутъ длинныя четырехъ-угольныя полы, у нѣкоторыхъ доходящія до колѣнъ, съ отдѣлкой по краямъ изъ краснаго шнура. Это такъ называемый „кафтырь“, безъ котораго никто изъ иночествующихъ не долженъ идти ни въ церковь, ни къ начальству, ни въ общество¹⁾. Впрочемъ, по причинѣ гонительнаго времени, выходя за стѣны монастыря, иноки надѣвали обыкновенную мірскую одежду, такъ какъ иначе за иночество приходилось, по распоряженію гражданскихъ властей, путешествовать въ мѣста первоначальнаго жительства этапнымъ порядкомъ. Схимники носили одежду одинаковаго покроя съ простыми иноками; вся разница состояла въ томъ, что на камилавкѣ у нихъ со всѣхъ сторонъ вышивались или нашивались тесьмой восьмиконечные кресты, иногда же трость, копье и летящія херувимы, а по околышу слова: „Святый Боже, святый крѣпкій, святый безсмертный, помилуй насъ.“ Кромѣ этого они надѣвали еще „подсхимникъ“,—круглую шишоватую шапочку, на которой вышивались кресты съ обычными инициалами и по херувиму спереди и сзади,—и „схиму“—родъ священнической эпитрахили изъ грубой бѣлой или блѣдно-красной волосяной ткани, съ изображеніемъ вышитаго одного большого креста и множества маленькихъ; одинъ конецъ схимы накидывался на голову. Подсхимникъ и схима надѣвались только въ случаѣ приобщенія св. таинъ или передъ смерью²⁾. Для участія въ крестныхъ ходахъ и церковныхъ процессіяхъ схимникъ,—такъ же какъ и настоятель, казначей, уставщикъ и лучшіе соборные старцы,—надѣвалъ длинную безъ рукавовъ мантию съ многочисленными складками. Схимники представляли собой самый устойчивый и нравственный элементъ обители; ряды ихъ пополнялись людьми трезвыми и степенными, пришедшими сюда на жительство дѣйствительно по чистой вѣрѣ, по влеченію къ уединенію, изъ желанія нравственнаго успокоенія; поэтому они вели обыкновенно хорошую жизнь, заботились о благочестіи, проводили время въ молитвѣ, постѣ и чтеніи душеспасительныхъ книгъ³⁾. Нисшій классъ монастыр-

1) Бр. Св. Кр., № 500, 57.

2) Арх. канц. губерніи, 1888, № 236, 2—3.

3) Бр. Св. Кр., № 500, 58; Ниж. сем. библ., № 3774, 11.

скихъ жителей составляли такъ называемые „бѣльцы“,—лица, не принявшія еще, за молодостью лѣтъ и по другимъ какимъ-либо причинамъ, ангельскаго образа, но числившіяся кандидатами въ будущемъ на монашество. Эти бѣльцы частью были послушниками у престарѣлыхъ, опытныхъ въ духовной жизни иноковъ, частью же пѣли на клиросѣ; послѣдніе набирались обыкновенно изъ дѣтей, обучавшихся въ монастыряхъ грамотѣ. Въ послѣдніе годы существованія Иргизскихъ монастырей въ нихъ были замѣчательные хоры пѣвчихъ, славившіеся на всю Русь; особенно хорошо поставлено было это дѣло въ Верхнемъ монастырѣ въ настоятельство Силуана, который былъ эстетикомъ въ душѣ и не щадилъ для пѣвчихъ ни средствъ, ни льготъ. Хоры были многочисленны, но въ полномъ составѣ пѣли только по большимъ праздникамъ или по случаю пріѣзда богатыхъ гостей; въ обыкновенные же дни каждый клиросъ состоялъ изъ десяти человекъ пѣвчихъ суточныхъ, кромѣ пономарей, дежурившихъ по-недѣльно. Хорами завѣдывали такъ называемые „головщики“ или регенты, у которыхъ въ видѣ помощниковъ состояли „подголовщики“. На обязанности головщика лежало не одно только управленіе хоромъ, но и запѣвъ каждой пѣсни: хоръ только подтягивалъ ему; по этому головщикъ долженъ былъ обладать хорошимъ голосомъ. Церковное пѣніе шло протяжно, „двѣмѣстственно“, по крюковымъ нотамъ. Художники-головщики переложили на крюковыя ноты большую часть церковныхъ пѣснопѣній и очень много религиозныхъ и нравственно-назидательныхъ гимновъ или псалмъ. Такъ называемыя „пѣвчія книги“ или ноты писались большею частью въ самыхъ монастыряхъ,—это искусство было довольно сильно развито на Иргизѣ и въ кругъ монастырскаго обученія входили между прочимъ уроки писанья крюковъ для пѣвчихъ книгъ косымъ перомъ¹⁾. Настоятели очень дорожили своими головщиками и хоромъ пѣвчихъ и предоставляли имъ большую свободу и даже просторъ въ образѣ жизни, такъ какъ иначе, при первой же ссорѣ, они могли уйти въ сосѣдній монастырь²⁾. Изъ пѣвчихъ, носившихъ еще названіе клирошанъ, иные были людьми семейными и жены ихъ съ дѣтьми жили тутъ же, въ монастырѣ, въ однѣхъ кельяхъ съ мужьями,—отступленіе отъ общихъ правилъ,

¹⁾ Поповъ, IV, 194.

²⁾ Пареевъ, Оправд. церк., 137.

допускаемое только для нихъ и бѣглыхъ священниковъ съ діаконами. Бѣльцы не-пѣвчіе, а послушники, не несли по монастырю никакой обязательной службы, кромѣ исполненія „послушанія“, т. е. порученій и приказаній своихъ духовныхъ отцовъ. Всѣ они, наравнѣ съ иночествующими, должны были ежедневно присутствовать въ церкви при каждомъ общественномъ богослуженіи; исключеніе допускалось только для тѣхъ, которымъ не дозволяло исполнять это требованіе монастырскаго устава наложенное на нихъ евангельскими отцами послушаніе. Изъ всей монастырскаго братіи аккуратное посѣщеніе богослуженія, по принятому обычаю, считалось не обязательнымъ только для настоятелей, въ виду многосложности ихъ занятій; эти посѣщали службу смотря по досугу и доброму желанію. Иноки и бѣльцы, жившіе въ монастыряхъ, не были ничѣмъ съ ними связаны и въ любую минуту могли оставлять свое мѣсто-жительство и уходить куда угодно. Этимъ правомъ они пользовались въ широкихъ размѣрахъ: наскучить человѣку жизнь въ монастырѣ, разоидется онъ съ настоятелемъ или другимъ монастырскимъ начальствомъ—и бросаетъ принявшій его монастырь, и уходитъ въ другой, сосѣдній, или въ Сыртовскіе скиты, въ сибирскія лѣсныя обители и даже въ міръ, но послѣднее было въ существѣ дѣла скандаломъ, такъ какъ снимать иночество признавалось непозволительнымъ¹⁾.

Кромѣ постоянныхъ жителей, въ монастыряхъ всегда было достаточное количество временныхъ посѣтителей, пришлого люда. Этихъ можно раздѣлить на двѣ группы, далеко не равныя по численности, но почти равныя по своему значенію для монастырей: это такъ называемые монастырскіе гости и бѣглые члены православнаго клира, принимавшіе здѣсь исправу. Гостями назывались купцы, ремесленники и другіе старообрядцы, не принадлежащіе собственно къ монастырямъ, но живущіе въ нихъ временно по нѣсколько мѣсяцевъ и даже лѣтъ. Богатые купцы нерѣдко отдавали знакомымъ старцамъ въ науку своихъ дѣтей; въ этомъ случаѣ для жительства юныхъ воспитанниковъ строилась и обмѣлировывалась на средства родителей особая келья и заводился штатъ прислуги. Въ случаѣ пріѣзда родителей или родственниковъ, они останавливались въ такихъ кельяхъ и жили тутъ семействами иногда очень по-долгу. По

¹⁾ Ниж. сем. библ., № 3774, 419.

Окончаніи обученія келья подобнаго рода переходила въ собственность монастыря или инока-воспитателя; во всякомъ случаѣ не было примѣровъ, чтобы она продавалась на сносъ или уступалась монастырю за деньги. Гости, не имѣвшіе въ обители своихъ келій, помѣщались обыкновенно у знакомыхъ старцевъ, такъ какъ общей гостинной кельи не было. Приливъ гостей былъ особенно великъ во дни большихъ праздниковъ и въ посты: „Казацкіи чиновники и просто казаки,—говоритъ Витевскій,—съ женами и дѣтьми ежегодно цѣлыми обозами отправлялись изъ Уральска на богомолье въ Иргизскіе монастыри ко времени успенскаго поста, запасшись на дорогу, на случай безопасности, ружьями, порохомъ и свинцомъ. Здѣсь богомольцы во время поста говѣли, исповѣдывались и причащались у иргизскихъ іеромонаховъ и снова отправлялись домой, прилично наградивъ своихъ отцовъ духовныхъ. Эта религіозная потребность уральскихъ старообрядцевъ исполнялась и постѣ, когда въ самомъ Уральскѣ, по просьбѣ чиновниковъ, была устроена раскольничья часовня и когда у казаковъ явились свои излюбленные, истовые попы“¹⁾. Такіе обозы тянулись, разумѣется, не съ одного Урала: являлись поклониться на „святой Иргизъ“ и изъ другихъ, верѣдко очень отдаленныхъ, краевъ Россіи. Монастыри радушно принимали всѣхъ гостей, такъ какъ послѣдніе были желанными людьми во многихъ отношеніяхъ: отъ нихъ получались вклады и пожертвованія, изъ нихъ же, по естественному чувству благодарности, выходили потомъ борцы и ходатаи за интересы Иргиза.

Монастырскіе воспитанники въ большинствѣ случаевъ дѣлались по выходѣ изъ монастыря пропагандистами раскола; бѣднѣйшіе изъ нихъ становились уставщиками при разныхъ часовняхъ и моленныхъ, богатые—попечителями такихъ часовенъ. Положимъ, не каждый изъ посѣтителей окупалъ своимъ вкладомъ стоимость своего пребыванія въ монастырѣ, но это обстоятельство создавало потомъ изъ него восторженнаго панегириста Иргиза съ его святынями и порядками. Это тоже чего-нибудь стоило!... Въ общемъ же, по указанію самого Прохора, подаванія посѣтителей составляли главный ресурсъ монастырскихъ доходовъ²⁾. Другимъ не меньшимъ, если только не боль-

¹⁾ Витевскій, Раск. въ Урал. войскѣ, 14.

²⁾ Бр. Св. Кр., № 513, 141.

шимъ источникѣмъ доходовъ, хотя Прохоръ благоразумно умалчиваетъ о немъ въ своемъ предназначенномъ для кн. Голицына „Описаніи“ монастыря, были для Иргиза бѣглецы священники. Всѣ принимаемые извнѣ монастырями священники считались „монастырскими“, какъ бы принадлежащими къ этимъ монастырямъ, хотя бы отпущены были въ какую-нибудь старообрядческую общину временно или навсегда; всѣ они состояли въ распоряженіи настоятелей, но къ составу монастырской братіи въ собственномъ смыслѣ этого слова не принадлежали. Очень не рѣдко случалось, что бѣглецы священники и діакконы являлись въ монастырь вмѣстѣ съ женами и дѣтьми; тогда они помѣщались съ ихъ семействами въ отдѣльныхъ кельяхъ за предѣлами монастырской ограды. Но этотъ порядокъ не всегда соблюдался: случалось, что попу съ семействомъ отводилась келья и въ самомъ монастырѣ,—по крайней мѣрѣ, въ Нижнемъ, при Прохорѣ, въ числѣ 46 братскихъ келій было четыре флигеля для принятыхъ священниковъ и діаконѣвъ¹⁾. Всѣ бѣглецы-клирики содержались на счетѣ монастырей: отъ нихъ получали они, кромѣ квартиры, отопленіе, освѣщеніе, хлѣбъ и другіе предметы первой необходимости. Собственно при каждомъ монастырѣ состояло постоянно не больше 3—7 священниковъ²⁾; излишніе, сверхъ этой максимальной цифры, разсылались на условіяхъ, о которыхъ читатель уже знаетъ, по разнымъ старообрядческимъ обществамъ, при чемъ въ видахъ контроля въ спутники имъ давали обыкновенно благонадежныхъ иноковъ. Отправляемый священникъ получалъ отъ настоятеля своего рода увольнительное свидѣтельство вмѣстѣ съ наставленіемъ. Для образца привожу въ извлеченіи одно такое: „О имени Господа Ісуса Христа, Сына Божія. Средне-Никольскаго старообрядческаго монастыря приказаніе настоятеля съ братіей онаго же монастыря священно-іерею Іоанну Иванову, иноку Іоасафу и дьячку Евстафію Петровичу. По дошедшимъ къ намъ просьбамъ старообрядческихъ христіанскихъ обществъ, отправляемъ васъ во оныя общества и во окрестныя тѣхъ мѣста селенія для исправленія старообрядческихъ христіанскихъ нуждъ...

1) Ibidem, № 500, 54.

2) Добротворскій („Пр. Соб.“, 1857, III, 537) говоритъ, что иногда въ одномъ монастырѣ скоплялось до 50-ти бѣглыхъ поповъ. Это ошибка, основанная на неправильномъ толкованіи относящихся сюда словъ архим. Платова: „въ бытность мою въ одномъ монастырѣ у Прохора перебивало до 50-ти поповъ“ (Ниж. сем. библ., № 3774, 441). Добротворскій забылъ, вѣроятно, что „бытность“ Платова въ Нижнемъ монастырѣ продолжалась не одинъ годъ.

Будучи вы въ тѣхъ мѣстахъ, имѣйте себѣ въ добропорядочномъ поведеніи... съ приходскими къ вамъ со всякими духовными требамъ обращеніе имѣйте благосклонное... безъ общаго вашего согласія никакого дѣйствія не производите; а наиболѣе то зависить отъ васъ, честный отецъ священно-іерей, чтобъ имѣть между собою любовную склонность, т. е. ко иноку и дьячку, а имъ должно имѣть къ вамъ почитаніе, каковымъ благополучнымъ вашимъ пребываніемъ по-прежнему обвеселите насъ и всѣхъ къ вамъ приходящихъ. А наче чашія кто изъ васъ будетъ каковой-либо непристойностью выходить и непокорствовать начнетъ общему вашему благосклонному совѣту, священникъ, или инокъ, или дьячекъ, того при собраніи случившагося тамешняго общества пишите къ намъ о немъ по-подробну, каковое его непристойство и мы, въ разсужденіи его соблазнами безумій, можемъ въ скорости прислать другого вмѣсто того строитваго. А въ разсужденіи доходовъ не безъизвѣстно вамъ наше прежнее положеніе, т. е. двѣ части церкви, двѣ священнику, а одна, пятая, дьячку, какъ деньги, такъ же и холстъ равно, а свѣчи и воскъ безъ раздѣлу всѣ доставлять ко святой церкви, а что особое отъ кого будетъ подано въ церковь или на братію, то безъ раздѣленія записывать въ книгу шнуровую, корученную инокъ. И тако, поруча васъ Божію промыслу, просимъ васъ лицомъ святаго церкви за страхъ Божій наблюсти сіе наше приказаніе. Подписанъ этотъ приказъ настоятелемъ Амвросіемъ, уставщикомъ Діонисіемъ, казначеемъ Феодоритомъ; священникъ Ивановъ, отправляясь по предписанію монастырскаго начальства къ старообрядцамъ глазовскаго уѣзда, вятской губерніи, собственноручно „во исполненіе“ подписалъ 13 сѣнтября 1814 года подлинникъ приказа, къ которому приложена и церковная печать, а себѣ получилъ копію¹⁾. При монастыряхъ на собственную потребу, оставляемы бывали наиболѣе благонадежные, скромные и степенные священники. Они по очереди отправляли повседневную службу и исполняли требы, которыхъ было не мало: изъ отдаленныхъ и близкихъ мѣстъ обращались къ настоятелямъ устно и письменно съ просьбами приказать монастырскимъ понамъ дать молитву родильницѣ, прочесть сороковую молитву, отпѣть умершаго и т. п. Жители окрестныхъ селевій за очистительной молигвой посылали нарочнаго, которому ро-

¹⁾ Арх. губери. правл., I, 24, № 548, 3—4.

дильница давала новый платокъ или полотенцо; надъ этимъ пидо-
тошцомъ или платкомъ священникъ вычитывалъ положившая молит-
вы и затѣмъ, свернувъ его, отдавалъ посланному. Тотъ вѣвъ его
назадъ и, войдя въ домъ, гдѣ родился младенецъ, развѣтывалъ и
махалъ имъ по воздуху,—привезенной благодатью домъ очищался;
такое очищеніе совершалось иногда чрезъ полгода и болѣе по
рожденіи ребенка¹⁾. Заочныя погребенія также были въ модѣ у
старообрядцевъ, но особенно усилились они въ 30-хъ и 40-хъ го-
дахъ настоящаго столѣтія, когда началось „оскудѣніе священства“,
вслѣдствіе преслѣдованія бѣглыхъ поповъ. Заочнымъ погребеніемъ
отпѣвали однако не каждаго покойника по одиночкѣ,—это дѣла-
лось только для людей богатыхъ,—обыкновенно же набирали ихъ
человѣкъ 10—20 и разомъ, соборнѣ, пѣли погребеніе. Похороны
отуломъ удобны были для настоятелей въ томъ отношеніи, что по-
зволяли отпѣвать и такихъ лицъ, которыхъ въ одиночку нельзя бы-
ло удостоить этой чести. Привожу въ поясненіе случай подобнаго
рода, котъ онъ относится и къ нѣсколько позднѣйшему времени.
Въ 1834 году умеръ скоропостижно въ Уральскѣ богатый войсковою
чиновникъ Михаилъ Донсковъ; былъ онъ раскольникъ, но бороду
брилъ и потому, когда жена его обратилась въ Верхній монастырь
съ просьбой совершить заочное погребеніе, то среди братіи „до-
вольное было смятеніе“. Настоятель однако не смутился ни-
мало соблазномъ брадобритія и за хорошія деньги приказалъ
пѣть погребеніе соборнѣ, при чемъ на данной имъ запискѣ
въ ряду многихъ другихъ именъ помѣщено было имя и ново-
преставленнаго Михаила. Погребеніе совершилось безъ всякаго
соблазна²⁾. Количество заочныхъ отпѣваній особенно увеличивалось
въ годы моровыхъ повѣтрій: такъ въ холерный годъ (1830) отпѣ-
вали въ монастыряхъ умершихъ старообрядцевъ цѣлыми сотнямъ³⁾.
Кромѣ перечисленныхъ требъ приходилось чуть ли не ежедневно
служить молебны или панихиды, исповѣдывать и причащать боль-
ныхъ, вѣнчать браки, крестить дѣтей изъ сосѣднихъ старообрядче-
скихъ селеній. При этомъ исповѣдь и причащеніе исправлялись въ
церкви и только иногда исповѣдывали по кельямъ, браки же вѣн-
чались въ особыхъ кельяхъ, специально для этой цѣли приспосо-

¹⁾ Изв. сев. библ., № 8774, 417.

²⁾ Ibidem, 285.

³⁾ Витевскій, Раск. въ Урал. войскѣ, 68.

бленныхъ; тутъ же совершалось и крещеніе младенцевъ, — въ монастырской церкви совершатъ эти два таинства считалось не соответствующимъ требованіямъ свѣтскаго устава. Въ случаѣ неповиновенія или отступленія со стороны священника и дѣякона отъ принятаго въ монастырѣ богослужебнаго чина, ихъ штрафовали, какъ соблазнительей, удерживая часть подлежащаго вылачѣ доклада: это было сильнымъ средствомъ, такъ какъ было прямо по карману¹⁾.

Таковъ личный составъ иргизскихъ обителей. Посмотримъ, каковы были денежные средства ихъ и обычный порядокъ жизни. Выше, для наглядности, нечисленъ былъ приблизительный доходъ монастырей отъ разсылки бѣглымъ священникамъ. Но это, разумѣется, не все. Были и другія статьи прихода въ монастырскомъ бюджетѣ, изъ которыхъ на первомъ планѣ стояли доходы съ обширныхъ земельныхъ участковъ, пожалованныхъ монастырямъ отъ щедротъ Александра I. Земельныя угодья состояли изъ напень, луговъ и лѣса; почва глиниста и жѣстами солонцовата, но въ удобреніи для хлѣбопашества не нуждалась и хлѣбъ родился довольно сносно: при среднемъ урожаѣ озимого хлѣба собиралось съ десятины по 40 четвериковъ, ярового — по 50, проса — по 100—150. Но посѣвами въ обширныхъ размѣрахъ занимался одинъ только Нижній монастырь, которому даже не доставало своей земли и приходилось снимать у казеннаго вѣдомства; впрочемъ, обыкновенно снималъ участки у казны Сапожниковъ и бесплатно отъ себя передавалъ монастырямъ. Средній монастырь засѣвалъ ежегодно до 100 десятинъ, въ томъ числѣ десятинъ 20 ярового; своихъ пашень казалось монастырю мало и потому въ 1813 году онъ прикупилъ у Товарова до 1000 десятинъ къ 1562 десятинамъ, полученнымъ отъ казны. Самымъ обширнымъ участкомъ земли (8312 десятинъ) владѣлъ Верхній монастырь и потому могъ бы свободно превзойти двухъ своихъ сосѣдей размѣромъ запашекъ; но онъ почему-то мало обращалъ вниманія на хлѣбопашество и засѣвалъ не болѣе 40 десятинъ озимого и ярового хлѣба. Обработка земли производилась вольнонаемнымъ трудомъ, уборка хлѣба — помочами изъ околныхъ крестьянъ-раскольниковъ; иногда же приходилось и тутъ прибѣгать къ помощи наемныхъ рукъ. Собранный хлѣбъ обрабатывался на монастырскихъ хуторахъ и перемалывался на монастырскихъ мель-

¹⁾ Иоаннъ, Духъ мудр. нѣк. раск. толк., 56—57.

визахъ: у Нижняго монастыря ихъ было три,—одна вѣтрянка и двѣ водяныя; у Верхняго—столько же и у Средняго—одна. Последняя построена была очень рано: по крайней мѣрѣ, въ 1788—1789 годахъ она уже работала подь управленіемъ инока Θεодосія¹⁾. Мельницы, стоявшія на Ирғизѣ, были отдаваемы монастырями въ аренду. Удаленномъ въ хлѣбѣ могъ похвалиться одиъ Средній монастырь, кормившій своимъ хлѣбомъ даже инокинь Успенскаго скита, въ обмѣнъ за овощи и всякаго рода зелень съ обширныхъ огородахъ и бахчей, разведенныхъ иночниками. Обширныя степи благопріятствовали развитію скотоводства, но имъ занимались только Нижній и Верхній монастыри, Средній же находилъ, что „по дородовизнѣ сѣна и частымъ неурожаямъ“ оно приносить дохода не можетъ, и потому довольствовался штуками 50-ью лошадей и сотней годовъ рогатаго скота,—быковъ для полевыхъ работъ и коровъ для молочныхъ окоповъ. Между тѣмъ Нижній держалъ на своихъ поляхъ до тысячи головъ скота, считая въ этомъ числѣ половину овецъ; овцеводство давало возможность, по словамъ Прохора, не покупать братія ни сукна на платье, ни кожи на обувь; все же скотоводство не только удовлетворяло потребностямъ братіи, но и давало еще отъ двухъ до трехъ тысячъ рублей ежегоднаго дохода. Монастырскій скотъ былъ очень хорошихъ породъ, особенно рогатый. Немногомъ меньше было скота у Верхняго монастыря. На виму заготовлялось только луговое сѣно, такъ какъ степное вытравлялось за лѣто скотомъ; Верхній монастырь въ хорошей годъ накашивалъ до 300 стоговъ, въ плохой,—при маломъ разливѣ Ирғиза и засухѣ лѣтомъ,—до 100; Средній, при тѣхъ же условіяхъ, получалъ отъ 50 до 100 стоговъ; Нижній—отъ 100 до 200 стоговъ. Эти цифры были бы значительно крупнѣе, не будь у монастырей привычки нанимать для косьбы сѣна рабочихъ „исполу“, т. е. съ правомъ получать за трудъ половину сбора; эта система, благодаря постояннымъ обманамъ со стороны рабочихъ, за которыми надзоръ существовалъ больше фиктивный, была очень убыточна для монастырскаго кармана. Рыбныя ловли какъ въ Ирғизѣ, такъ и въ заливныхъ озерахъ, монастырями эксплуатировались очень небрежно или вѣрнѣе—неумѣло, хотя принадлежащія имъ воды были богаты рыбой, заходящей во время весенняго половодья изъ Волги. Чадѣ всего

¹⁾ С. И. А., I, А, № 6, 67.

воды сдавались въ аренду по очень низкой цѣнѣ, но иногда зелье производили монастыри своими силами: Нижній монастырь добывалъ ежегодно для домашняго обихода до 500 пудовъ сазана, судака, сомъ, леща, нарася, окуня, линя, щуки и ерша въ Большомъ Иргизѣ и монастырскихъ озерахъ; Верхній—тѣхъ же породъ рыбы—до 1000 пудовъ; Средній монастырь совсѣмъ забросилъ свои ловли въ виду буди бы тѣхъ неудобствъ, что Иргизъ засоренъ наводившимъ въ него лѣсомъ, а Безыменное озеро заросло чаканомъ и тростникомъ; владели вали рыбу сѣтями и небольшими неводами только любители изъ монаховъ. Понятно, что барыша отъ любительской ловли было немного. Едва ли больше пользы приносили монастырями и пчельники, потому-то бывшіе въ загонѣ, хотя монастыри нуждались въ воскѣ для сучки свѣчей, которыхъ при ежедневной службѣ и постоянныхъ требохъ въ годъ тратилось не мало количество. Прибыль была дѣсоводство, благодаря недостатку дѣса въ окрестной средней мѣстности и правительственному надзору. Дѣло въ томъ, что дѣса по Иргизу хотя и отмежеваны были во владѣніе обитателей, но состояли въ вѣдомствѣ дѣсвого департамента, такъ что участки дѣсрубъ на монастырскія нужды отводились ежегодно казенными дѣсничими. Подвѣдомственны были этимъ дѣсничимъ и опредѣляемые изъ числа монастырскихъ жителей дѣсные надзиратели, дѣйствовавшіе на основаніи полученныхъ отъ дѣсничихъ инструкцій. Такой порядокъ содѣйствовалъ сохраненію монастырскихъ дѣсовъ и мѣшалъ ихъ обезцѣненію; ежегодно вырубается дѣса съ запаскомъ хватало на отопленіе монастырей и необходимыя постройки; впрочемъ, для послѣдней цѣли монастырскій дѣсъ было мало пригоденъ, какъ по размѣрамъ,—деревья больше 4—5 вершковъ въ отрубѣ встрѣчались рѣдко,—такъ и по породѣ,—это былъ дубъ, вязъ и осина, изрѣдка—некленъ и чилимник¹⁾).

Не останавливаясь на болѣе мелкихъ статьяхъ дохода Иргизскихъ монастырей, въ родѣ сдачи въ аренду мельницъ и т. п., перейду прямо къ доходамъ отъ пожертвованій разныхъ христіанобцевъ. Нужно заранѣе оговориться, что опредѣлить хотя бы приблизительно размѣры этого источника доходовъ въ данную минуту положительно невозможно: въ свое время этого не знали даже сами

¹⁾ Бр. Св. Кр., № 513, 139—141; № 500, 3, 5, 60, 67, 73; Ниж. сем. библ., № 3774, 418.

интересующіе, кромѣ казначея съ настоятелемъ да нѣсколькихъ близо стоявшихъ къ нимъ лицъ. Но изъ этихъ свѣдущихъ людей никто не похвръгъ бумагъ своихъ свѣдѣній. Несомнѣнно,—такъ какъ это говоритъ самъ Прохоръ,—одно только, что этотъ источникъ по размѣру своему игралъ первенствующую роль въ монастырскомъ бюджетѣ и едва ли уступалъ доходамъ отъ бѣглыхъ священниковъ. Пожертвованія стечались въ монастыри двумя путями: передавались лично посѣщавшими монастыри богомольцами въ качествѣ какъ бы косвенной платы за радушный приемъ, поминовение за здравіе на проскомидіи, запись умершихъ родственниковъ въ синодикъ и тому подобныя любезности, и получались чрезъ специально посылаемыхъ по Россіи сборщиковъ. Изъ богатыхъ богомольцевъ рѣдкій оставлялъ въ монастырѣ меньше сотни—другой; многіе же, особенно чувствительные къ оказываемымъ имъ знакамъ уваженія со стороны настоятеля и братіи, дѣлали вклады на тѣ или другія нужды монастыря до тысячи рублей и болѣе. Запись въ синодикъ для вѣчнаго поминовенія также становилась не дешево: это стоило, смотря по количеству душъ, которыхъ желательно было вписать, отъ 25 до 300 рублей, а внести въ монастырскій синодикъ умершихъ родичей считалъ чуть ли не долгомъ всякій мало-мальски состоятельный и вѣрующій старообрядецъ. Поэтому синодики иргивскіе представляли собой огромные фоліанты. Въ Нижнемъ единовѣрческомъ монастырѣ мнѣ удалось отыскать одинъ изъ многочисленныхъ томовъ такого синодика, относящійся къ послѣднимъ годамъ настоятельства Прохора, съ массой именъ, разбитыхъ по семействамъ, и множествомъ кабалистическихъ отмѣтокъ на поляхъ, смыслъ которыхъ понять положительно невозможно. Любопытно было бы взглянуть на первый томъ его: кромѣ массы курьезовъ, о которыхъ упоминаетъ архим. Платонъ,—запись на вѣчное поминовение Адама и Евы, „его супруги“, всѣхъ святителей со всѣмъ ихъ родомъ, какъ напр., Николая Чудотворца, и т. п.¹⁾),—тамъ мы нашли бы и самый вѣрный списокъ всѣхъ иргивскихъ настоятелей и настоятельница съ точнымъ указаніемъ лѣтъ ихъ смерти, т. е. то, чего я нигдѣ не могъ отыскать.... Для увеличенія притока пожертвованій монастыри разсылали по всѣмъ концамъ Россіи особыхъ сборщиковъ, которыхъ выбирали изъ числа наиболѣе

¹⁾ Ниж. сем. библ., № 3774, 441.

достойныхъ, степенныхъ и честныхъ иноковъ. На сборъ имъ выдавалась шнуровая книга за подписью настоятеля и соборныхъ старцевъ, съ приложеніемъ церковной печати,—въ нее вносились всѣ пожертвованія, получаемыя сборщиками. Кромѣ книги имъ давалось и циркулярное просительное письмо, съ объясненіемъ цѣли производимаго сбора,—обыкновенно указывался какой-нибудь ремонтъ, украшеніе храма и т. п. Такъ какъ всѣ письма подобнаго сорта писались по одному и тому же шаблону, то понятіе о нихъ можно составить по слѣдующему: „(По молитвѣ) Милостивый государь и щедрый отецъ и благотворитель! Ежегодно отъ вашего благоудобнаго изволенія, отъ вашихъ христіанскихъ трудовъ, убогій обитель наша чрезъ посланныхъ денежную милостыню получаетъ и святое ваше имя въ незабвенную память написано во святѣй церкви на божественномъ жертвенникѣ и о вашемъ дражайшемъ здравіи и о чадѣхъ вашихъ Господу Богу св. просфора вынимается. Нынѣ васъ, милостиваго отца христолюбца, за любовь Христову, чрезъ сего подателя, посланнаго отъ нашего монастыря, честнаго житія инока NN, и вручивши ему простительную книгу для испрошенія отъ всѣхъ православныхъ денежных милостыни, (просимъ), елико вамъ Богъ вложитъ во благое ваше Христово изволеніе, помогите, отецъ щедрый, оказать возможное подаеніе на позлащеніе иконостаса въ церкви Рождества Пресвятой Богородицы и на другія монастырскія разныя потребности, за что и мы, убогіи иноцы, во святѣй церкви обязали о дражайшемъ вашемъ здравіи и о преставльшихся сродницѣхъ Господу Богу грѣшныя молитвы приносить. Въ надеждѣ на васъ, милостивый государь, и остаемся всеижайшимъ убогимъ поклоненіемъ всеусердные ваши доброжелатели, во святѣй церкви незабвенные богомольцы, Нижне-Воскресенскаго старобрядческаго монастыря убогіе иноцы“¹⁾. Рекомендую благодѣтелямъ своего сборщика, какъ инока „честнаго житія“, монастыри говорили въ подобныхъ случаяхъ правду: по сбору посылались, въ видѣ награды и поощренія, наиболѣе исправные и трезвые старцы, такъ какъ иначе сборщики не только могъ дискредитировать своимъ поведеніемъ отправившій его монастырь, но и причинить значительный матеріальный ущербъ, ибо пользовался правомъ издерживать во время путешествія на свои надобности, сколько позволятъ совѣсть. И тратилось ими обы-

1) Бр. Св. Кр., N 513, 157.

повенно не мало, въ виду полной невозможности какого бы то ни было контроля за ихъ дѣйствіями по сбору. При выборѣ сборщиковъ крупную роль играла конкуренція соборныхъ старцевъ, потому что каждый изъ нихъ хотѣлъ провести своего кандидата; въ благодарность, по принятому обыкновенію, сборщикъ часть полученныхъ пожертвованій отдѣлялъ въ пользу своего патрона, показывая при отчетѣ, что это передано жертвователями въ пользу не монастыря, но даннаго лица. На благоразумно сбереженные отъ командировки деньги сборщики впоследствии обзаводились въ монастыряхъ своими собственными кельями, заводили послушниковъ и жили въ монастырской средѣ большими барами, при чемъ подозрительная экономія, давшая средства для этой жизни, особенно строго въ вину имъ не ставилась, какъ вещь слишкомъ обыденная и потому всѣмъ достаточно приглядывшаяся. До 1815 года сборщикамъ выправлялись отъ надлежащихъ присутственныхъ мѣстъ паспорта, а послѣ стали выдавать четырех-мѣсячные билеты на бумагѣ шести-рублеваго достоинства. Въ послѣдніе дни существованія Иргиза странствія по сборамъ были совсѣмъ воспрещены и производились въ глубокой тайнѣ: сборщики путешествовали подъ видомъ купцовъ и мѣщанъ и являлись только по знакомымъ старообрядцамъ,—иначе легко было поплатиться не только всѣмъ сборомъ, но и собственной свободой. Подаянія дѣлались не одними деньгами, но и вещами, и разнаго рода припасами: Москва и Петербургъ давали церковную утварь и матеріи для облачений; Сибирь—желѣзо разныхъ сортовъ и мѣдь въ дѣлѣ, металлы, костюлы и т. п.; Вольскъ—муку высшихъ сортовъ; Донъ—вино и фрукты, Ураль—цѣлые транспорты всякой рыбы во всѣхъ видахъ,—вязиру, клей рыбій, балыки, паусную; а зимой и свѣжую икру; изъ Казани шли выдѣланные кожи, изъ Ярославля—полотно; словомъ, чуть ли всякій уголокъ Россіи дѣлился съ Иргизомъ избыткомъ своихъ богатствъ, получая какъ бы въ отдарье отъ монастырей иконки, книжки, крестики, просфоры и другіе пустячные по цѣнѣ, но дорогіе по значенію предметы, которыми получавшіе дорожили, какъ православные дорожатъ вещичками изъ Кіева, Іерусалима или съ Афона. Подаянія сборщики отсылали въ монастыри и почтой и чрезъ знакомыхъ, а чаще доставляли лично, особенно когда гражданская администрація начала косо поглядывать на

эту статью доходов¹⁾. О количествах дѣлаемыхъ послѣдними монастырей сборовъ можно до известной степени судить на основаніи слѣдующаго факта: въ 1835 году былъ пойманъ инокъ Средняго монастыря Никаноръ, пробиравшійся со сбора изъ донскихъ предѣловъ чрезъ камышинскій уѣздъ, и при немъ по обыску оказалось 700 рублей денегъ, нѣсколько раскольниковыхъ книгъ и множество домашнихъ вещей,—все это подано было въ милостыню²⁾. Въ общемъ годовой бюджетъ монастырей, судя по показаніямъ ихъ настоятелей, доходилъ отъ 10,000 до 15,000 рублей—въ Нижнемъ, отъ 5,000 до 9,000 рублей—въ Среднемъ и отъ 8,000 до 16,000 рублей—въ Верхнемъ монастырѣ³⁾. Въ дѣйствительности эти цифры были, несомнѣнно, значительно больше, такъ какъ отцы настоятели при выводѣ ихъ опустили доходъ отъ бѣглыхъ священниковъ и едва ли показали настоящія цифры по другимъ статьямъ, ибо всегда старались скрывать свои финансовыя средства отъ постороннихъ и тѣмъ болѣе официальныхъ наблюдателей. Разница дѣйствительно получаемого и официально показаннаго была довольно значительная: въ 1826 году Средній монастырь прожилъ 12,000 рублей, а исправнику показано только 7,000 рублей, т. е. чуть ни вдвое меньше⁴⁾. Въ случаѣ дефицита настоятель отъ имени монастыря дѣлалъ займы у частныхъ лицъ, которые покрывались потомъ изъ экономіи, такъ какъ никакихъ запасныхъ капиталовъ у монастырей не имѣлось⁵⁾.

На вопросъ, куда расходились такія крупныя суммы, Леопольдовъ отвѣчаетъ, что „самой крупной статьей расхода было вино, котораго изводилось въ годъ не одинъ десятокъ бочекъ для потребленія инокамъ и для угощенія посѣтителей всякаго рода, и взычки“⁶⁾. Въ поясненіе послѣдняго слова онъ говоритъ: „Пріѣдетъ ли мелкотравчатый чиновникъ изъ суда съ какой-нибудь невежливой бумагой,—его напоить, накормить, успокоить и кри отъѣздѣ дадутъ денегъ. За правило было: всякаго задобрить, ибо боялись всякаго. Волшебная сила денегъ притягивала въ монастыри навѣтчиковъ, секретарей, засѣдателей, исправниковъ, стряпчихъ, судей, чинов-

1) Бр. Св. Кр., № 500, 59; № 513, 141; Витевскій, Раск. въ Урал. войскъ, 66—67.

2) Ниж. сем. библ., № 3774, 23.

3) Бр. Св. Кр., № 500, 60, 68, 76.

4) С. И. А. I, А, № 11, 58.

5) Бр. Св. Кр., № 500, 8.

6) Леопольдовъ, Ист. замѣтки о Сам. краѣ, 78.

наковъ особнхъ порученій, совѣтниковъ и даже предѣдателей: прадлоги къ поспщенію монастырей выдумывались благовидные, хотя и незаконные. Всѣхъ принимали, всѣхъ угощали и всѣмъ давали денегъ. Но изъ всей этой стаи чиновниковъ, дѣлавшихъ набѣги на скиты, страшнѣйшемъ былъ исправникъ: ему давали чаще и больше всѣхъ, безъ счета. Чуть поскупятся—онъ собиралъ копятыхъ и, окруживъ ими монастырь, объявлялъ настоятелю или поварку всѣмъ проживавшимъ въ монастырѣ, или забродъ неведомъ въ Ирговѣ. Эта мѣра поражала настоятелей паническимъ страхомъ: въ первомъ случаѣ открылось бы много бѣглыхъ изъ разныхъ мѣстъ и даже изъ Сибири, во второмъ—много младенцевъ, рожденныхъ въ женонихъ скитахъ и бросаемихъ въ рѣку. Тутъ настоятели соглашались дать такой калымъ, какой требовалъ исправникъ. Бывали случаи, что промотавшееся начальство чрезъ исправника брало изъ монастырскихъ сундуковъ, какъ изъ своихъ, сколько хотѣло. Отказать было нельзя,—въ такомъ разѣ приходилось платить вдвое. Иначе грозилъ донять чѣмъ-нибудь и всѣ скиты стереть съ лица земли. Предлогомъ къ притязанію была бездна¹⁾. Брала съ монастырей не только деньгами, но и вещами: Леопольдовъ самъ видѣлъ двѣ массивныя золотыя доски, на которыхъ написаны были иконы, и эти иконы были подарены двумъ вліятельнымъ лицамъ²⁾. Не отрицаю второй половины объясненія: „искупленіе времени“ дѣйствительно стоило монастырямъ громаднхъ денегъ; не обкрадывалъ ихъ изъ чиновниковъ саратовской администраціи только лѣнивыи или „глушій“; мѣсто вольскаго исправника считалось самымъ доходнымъ въ губерніи и отдавалось—или лучше продавалось—съ боя; но въ первой нельзя не видѣть сильнаго преувеличенія: за счетъ церковныхъ суммъ монастыри не пошли виномъ своимъ обитателямъ,—на этотъ предметъ у послѣднихъ, какъ увидимъ нѣсколько ниже, было достаточно и своихъ личныхъ денегъ,—угощеніе же посѣтителей не могло стоить особенно дорого и потому, что не мало вина получали монастыри съ Дона и изъ другихъ мѣстъ даромъ, въ видѣ пожертвованій, и потому, что поманнъ съ большимъ разборомъ, не всегда и не каждого. Поэтому правльнѣе будетъ вмѣсто расхода на вино указать расходъ на содер-

¹⁾ Ibidem, 79—80.

²⁾ Леопольдовъ, Біогр. В. А. Злобина, 42.

жаніе обителей. Не говоря уже о массѣ вольно-наемныхъ рабочику; жившихъ на жалованьи, не дешево стоило монастырямъ прокормить всю массу иночествующихъ, бѣльцовъ, трудниковъ и постороннихъ посѣтителей, не мало выходило на церкви и т. п.

Иргизскіе монастыри были общежительными; все монастырское имѣніе составляло общую собственность и никто изъ постоянныхъ жителей монастыря, даже и самъ настоятель, не могъ имѣть ничего своего¹⁾. На выполненіи иноками принципа общежитія особенно сильно настаивалъ Прохоръ, вводя этотъ пунктъ въ клятвенное „общаніе“, полученное имъ отъ братіи; онъ понималъ, что только тщательнымъ соблюденіемъ общежительнаго устава можно удержать иргизское монашество отъ внутренняго разложенія и паденія; и старался во что бы то ни стало сохранять во внутреннемъ строѣ быта иргизскихъ общинъ завѣщанныя первыми строителями изъ традиціи. Но эта задача была не по силамъ одному человѣку, хотя бы онъ обладалъ такой желѣзной силой воли и неустанной энергіей; какъ Прохоръ. Богатство всегда оказываетъ на людей нравственно-разлагающее дѣйствіе и чѣмъ ниже умственный и нравственный уровень даннаго общества или общественной группы, тѣмъ сильнѣе это дѣйствіе. Иргизъ въ этомъ случаѣ можетъ служить убѣдительнымъ примѣромъ: чѣмъ больше богатѣли обители, чѣмъ дальше и громче разносилась слава и росла сила ихъ, тѣмъ глубже и шире проникала деморализація въ иноческую среду, тѣмъ дальше удалялись монастыри отъ цѣли своего назначенія, тѣмъ болѣе забывалъ иноки о духовномъ подвижничествѣ. Изъ борцовъ духа они постепенно вырождались въ сытыхъ рантьеровъ. Для людей дальновидныхъ и притомъ искренно любившихъ монастыри было ясно, къ чему можетъ повести это усиленіе деморализаціи, но всѣ ихъ старанія въ противоположномъ направленіи были напрасны: противъ нихъ была многоголовая толпа, видѣвшая въ иноческомъ куколѣ не цѣль, а только средство къ безпечальному существованію. И эта толпа взяла верхъ: уже въ первые годы настоящаго столѣтія принципъ общежитія сталъ нарушаться все чаще и чаще. За иноками было признано монастырскимъ начальствомъ право собственности; монастыри перестали выдавать братіи содержаніе и одежду; только престарѣлые бѣдняки и трудники монастырскіе продолжали по преж-

¹⁾ Бр. Св. Кр., № 513, 140.

нему получать и то и другое. Общая трапеза осталась, но существовала больше для вида: въ нее ходили только для отвода глазъ посѣтителѣмъ монастыря, кормились же постоянно очень немногіе, — одни бѣдняки да еще слишкомъ рьяные блюстители монастырскаго устава. Между тѣмъ обычная трапеза монастырская не страдала скудостью: въ праздничные дни давалась рыба, каша изъ пшена съ масломъ и молоко, въ будни — щи изъ сѣрой капусты и каша изъ обдирной пшеницы съ постнымъ масломъ; огурцовъ и кислѣй капусты всегда было вдоволь, хлѣба тоже¹⁾. Но по кельямъ у богѣе или менѣе состоятельныхъ иноковъ столъ готовился гораздо лучше; бѣльцы-послушники часто оказывались отличными поварами и тайкомъ угощали своихъ евангельскихъ отцовъ совсѣмъ не-монашескими блюдами изъ куръ, гусей, индѣекъ и говядины, — тщательно обѣгался одинъ лишь картофель. Скитскій уставъ о брашнѣ соблюдался только на общей трапезѣ, но по кельямъ оставался въ совершенномъ забвеніи, — постничали только при постороннихъ и для постороннихъ. „Нѣтъ излишества, которымъ не снабжены были монастыри, — говоритъ Арсеньевъ, — они имѣли все и для своего продовольствія, и для приема почетныхъ гостей, — чиновниковъ губернскихъ и другихъ прѣзжающихъ, отъ которыхъ или боятся чего, или надѣются“²⁾. Хорошій обѣдъ сопровождался хорошей выпивкой; впрочемъ, на вино было разрѣшеніе по вся дни, безъ заговѣнья, и пили его честные отцы-подвижники до обѣда и послѣ обѣда, утромъ и вечеромъ, въ будни и въ праздники, пили даже въ церкви, во время служенія³⁾. Въ этихъ грѣхахъ неповинны были соборные старцы, но ихъ келейники, клирошане, священники и діаконъ грѣшили каждый за десятерыхъ. Денежныхъ средствъ для этого было безусловно достаточно. Клирошане, кромѣ казенной одежды и обуви, каждые 3 мѣсяца, при дѣлежѣ церковной кружки, получали отъ 5 до 50 рублей каждый, смотря по заслугѣ; попы получали за каждую обѣдню по 2 рубля, діаконъ — по 1 рублю и изъ

¹⁾ Ниж. сем. библ., № 3774, 421. „Очевидецъ — старожилъ“ у Попова (IV, 193) жалуется на скудость монастырскаго стола: или онъ слишкомъ многого требовалъ, или въ послѣдніе годы Иргиза столъ дѣйствительно ухудшился влѣдствіе паденія принципа общежитія, — иноки обѣдали по кельямъ, а трудниковъ не считали нужнымъ кормить особенно сытно и вкусно.
Прим. авт.

²⁾ Дѣла Секр. Ком., Vol. XIV, стр. 1, 118.

³⁾ Леопольдовъ, Ист. зам. о Сам. край, 85.

кружки—по заслугѣ¹⁾); на человѣка приходилось никакъ не меньше 40 рублей, а соборные старцы получали даже значительно больше. Вмѣстѣ съ этимъ каждые три мѣсяца производилась раздача по кельямъ всей братіи, начиная съ настоятеля и оканчивая послушниками, денегъ, получаемыхъ за молебны, панихиды и т. п.,—цифры и здѣсь получались круглыя, такъ какъ требъ въ монастыряхъ совершалось очень много, какъ по личнымъ просьбамъ приходящихъ, такъ и по письмамъ со всѣхъ концовъ Россіи²⁾). Если прибавить къ этому еще частую раздачу богатыми гостями денегъ по рукамъ братіи и вспомнить, какъ дороги были деньги въ началѣ настоящаго вѣка, то нельзя не согласиться, что монастырскіе обитатели всегда имѣли въ своемъ распоряженіи достаточное количество свободныхъ денегъ на удовлетвореніе не только потребностей, но и прихотей.

Съ обиліемъ денегъ стоялъ до извѣстной степени въ связи, кромѣ пьянства, и другой господствующій порокъ монашествующей братіи—развратъ, развивавшійся, какъ и пьянство, параллельно развитію монастырей. Сергій Юршевъ, перейдя на Иргизъ, взялъ къ себѣ мать и сестру, которыхъ помѣстилъ въ женской обители; то же дѣлали и другіе монахи, при чемъ иные номѣщали въ женскія обители и своихъ женъ, называя ихъ духовными сестрами или—корооче—„посестриями“, но не прекращая съ ними прежнихъ связей. Примѣръ былъ заразителенъ и не мало людей холостыхъ или вдовыхъ постарались также обзавестись въ женскихъ монастыряхъ духовными сестрами, которымъ приходилось очень часто исполнять совсѣмъ не-духовные подвиги. Иеромонахъ Арсеній говоритъ, что монахи „гостидьбу между собой имѣли свободную и помогали имъ (монахинямъ) въ построении келій на счетъ монастырскій“; да и вообще, по его словамъ, „незаконныя связи монаховъ съ монахинями и всегдашнее ихъ вмѣстѣ пребываніе не поставлялось въ зазорную жизнь“³⁾). Это приложимо къ монастырямъ Верхнему и Среднему; но и въ Нижнемъ, благодаря близости селеній, дѣло шло не лучше: „и старцы и бѣльцы,—увѣряетъ арх. Платонъ,—всякъ по своей волѣ посѣщаль прихожанъ и приводилъ ихъ въ свою келью,

1) Ниж. сем. библ., № 3774, 422.

2) Поповъ, IV, 186.

3) Ниж. сем. библ., № 3774, 420.

кого хотѣлъ, беззазорно.... даже и женскій полъ допускали ночевать въ ихъ кельяхъ и для того всѣ изъ своихъ келій имѣли сквозь монастырскую ограду калитки и оними выходили безъ вѣдома начальства¹⁾). То же самое говорить обо всѣхъ иргизскихъ обителяхъ и Леопольдовъ, только въ еще болѣе рѣзкой формѣ: „Подлѣ двухъ мужскихъ скитовъ жило множество женщинъ, большая (?) часть коихъ была сомнительнаго поведенія; подлѣ третьяго была большая слобода поселянъ. Иноки ходили къ нимъ и днемъ и ночью; прогуливались съ ними въ лѣсахъ; равно во всякое время открытъ былъ женщинамъ входъ въ мужскіе скиты. Иногда женщины проводили цѣлыя ночи въ мужскихъ скитахъ, а иноки въ женскихъ, и это не считалось нарушеніемъ скитскихъ правилъ. Отъ такихъ связей рождались дѣти, которые тутъ же и воспитывались подъ именемъ сиротъ. Не мало дѣвицъ умерщвляли своихъ дѣтей и бросали въ Иргизъ“. Особенно много безобразій творилось по монастырямъ лѣтомъ, когда во время уборки хлѣба собирались на помощь съ обоихъ Иргизовъ раскольники: „по окончаніи работъ дѣлалось угощеніе и около монастырей шла гульба въ самыхъ обширныхъ размѣрахъ; составлялись хоробы съ пѣснями; въ хорободахъ участвовали и иноки, толпы коихъ гуляли съ дѣвками въ лѣсу“. Гульба справлялась очень основательно, такъ что молодая женщины и дѣвки иногда оставались гостить въ монастыряхъ на нѣсколько дней¹⁾). Нѣчто похожее случалось и по большимъ, особенно же храмовымъ, праздникамъ,—на Пасху, Рождество, Троицу, Преображеніе, Успеніе и т. п.: въ монастыри стекались изъ ближайшихъ деревень массы народа, всѣхъ званій, возрастовъ и половъ, и послѣ богослуженія эти посѣтители разсыпались по кельямъ знакомыхъ иноковъ и угощались самымъ шумнымъ образомъ. Конецъ и тутъ былъ тотъ же: не мало богомольныхъ посѣтительницъ заночевывало въ иноческихъ кельяхъ, не мало иноковъ и бѣльцовъ, уступая свои жилища гостямъ, отправлялись на ночлегъ къ знакомымъ инокинямъ и бѣличкамъ²⁾)... Пареевъ утверждаетъ даже, будто по такимъ праздникамъ часто случалось, что „за вечерней и каноны править некому,—всѣ гуляютъ или хвораютъ,“ но миссіонеръ Полянскій справедливо замѣчаетъ на

¹⁾ Ibidem, 442.

²⁾ Леопольдовъ, Ист. зам. о Сам. краѣ, 81—82.

³⁾ Пареевъ, О правой вѣрѣ, 108—109.

это, что поголовное гулянье и хворь подлежат сомнѣнію¹⁾),—благоприличіе, особенно на глазах у многочисленной публики, иноки всегда старались и умѣли соблюсти, выполнение же обряда ставили еще выше благоприличія.

Выше указано уже, что на всѣхъ наличныхъ жителяхъ монастырей лежала только одна обязанность,—неуклонно посѣщать церковное богослуженіе. Но это была не легкая обязанность, благодаря неомѣрной продолжительности церковныхъ службъ и обилію ихъ: одинъ юный монахъ не даромъ жаловался въ довольно-таки нескладномъ стихотвореніи на тяготы обительской жизни:

...Кто въ монахахъ не бывалъ,
Тотъ нужды, горя не видагъ...
По обѣдѣ—всѣ по кельямъ
И, какъ будто отъ бездѣлья,
Должны прямо нести.
Не успѣтъ я отдохнуть,
Меня въ церковь ужъ зовутъ,
Все къ вечернѣ и къ молебъ²⁾).

Кругъ богослуженія въ мужскихъ монастыряхъ обнималъ собой вечерню, правильные каноны и повечеріе—до ужина; отпустительныя молитвы на сонъ грядущій—послѣ ужина; утреню, часы и обѣдню—до обѣда; подъ праздники къ утренѣ присоединялось всенощное бдѣніе, тянувшееся часовъ по семи, такъ какъ на немъ читалось толковое евангеліе или сочиненія Ефрема и Исаака Сириновъ и другихъ церковныхъ учителей. Продолжительность службъ чувствовалась тѣмъ обременительнѣе, что при богатыхъ гостяхъ всѣ службы растягивались для вѣщаго благолѣпія дольше обыкновеннаго, а гости навѣщали Иртызь очень часто. Въ посты особенно долго тянулась обѣдня, по причинѣ массы причастниковъ: великимъ постомъ ихъ бывало до 700 въ одну обѣдню, такъ что приобщеніе шло въ два потира³⁾). Въ видахъ облегченія впоследствии вошло въ обычай во время всенощной выходить изъ церкви напиться чаю, при чемъ иноки приглашали съ собою и знакомыхъ богомольцевъ, но къ концу богослуженія считалось нужнымъ опять собираться въ церковь, особенно для выслушиванья „прощенія“, бывавшаго обыкновенно послѣ всенощной и утрени⁴⁾). Наблюдая за тщательнымъ выполненіемъ мельчайшихъ деталей

1) Пароньевъ, Оправд. церк., 136.

2) Поповъ, IV, 191.

3) Ниж. сем. библ., № 3774, 416.

4) Ibidem, 11.

церковнаго устава, монастыри наблюдали и за торжественностью и вънѣшней обстановки: такъ въ Нижнемъ монастырѣ въ праздничные дни въ огромномъ шести-ярусномъ паникадилѣ зажигались всѣ 62 свѣчи, вѣсомъ въ 4 пуда; на подсвѣчникахъ предъ иконами ставились 30-ти фунтовые свѣчи; вынимались изъ ризницы богатые сосуды, драгоценныя евангелія, блестящія золотомъ и серебромъ священныя облаченія¹⁾. Соборные иконы иногда отправляли службы у себя по кельямъ вмѣстѣ съ своими евангельскими дѣтьми и потому всегда имѣли у себя минои, октоихи, апостолы и евангелія въ простыхъ переплетяхъ, безъ украшеній. Неграмотные отираали правило поклонами и всегда въ ночную пору. Старообрядцы прѣзжіе не входили въ церковь, не выслушавъ предварительно „прощи“, — молитвы, прочитанной надъ ними священникомъ или іеромонахомъ. Монастырскіе жители и прихожане входили безъ прощи, но предварительно дѣлали троекратный поясной поклонъ съ крестнымъ знаменіемъ иконѣ, пристроенной надъ входной дверью церкви. Затѣмъ, войдя въ церковь, они брали „подручникъ“, — родъ тоненькой подушки или стеганнаго коврика для рукъ и головы при земныхъ поклонахъ, — и дѣлали „началь“, т. е. семь поклоновъ, въ будни земныхъ, а въ праздники и воскресенья полевныхъ, говоря про себя: при первомъ поклонѣ — „Боже, милостивъ буди мнѣ грѣшному“; при второмъ — „создавый мя, Господи, помилуй мя“; при третьемъ — „безъ числа согрѣшихъ, Господи, прости мя“; при четвертомъ — читають „Достойно есть“; при пятомъ говорятъ — „Слава Отцу и Сыну и св. Духу“; при шестомъ — „и нынѣ, и присно, и во вѣки вѣкомъ, аминь“; при седьмомъ — „Господи, помилуй; Господи, помилуй, Господи благослови“. Совершивъ семь поклоновъ, раскольники низко кланяются направо, налѣво и назадъ, говоря тихо предстоящему народу: „простите мя грѣшнаго“, и становятся мушны по правую сторону, а женщины по лѣвую, или мушны впереди, а женщины сзади. Во время богослуженія всѣ присутствующіе стоятъ въ безмолвіи, стройными рядами; поклоны творять въ положенное время и при томъ всѣ вмѣстѣ; впрочемъ, это соблюдалось не всегда строго. Молятся по четкамъ или „лѣстовкамъ“; каждая лѣстовка должна имѣть 100 узловъ или зеренъ, по которымъ и отсчитывались поклоны.

¹⁾ Бр. Св. Кр., № 513, 137.

Старцы, которые не въ состояніи класть земные поклоны, «сты-
вятъ предъ собой скамеечки, вышиной въ 2—3 четверти отъ полу,
и преклоняють головы до этихъ скамеечекъ. По окончаніи службы
опять дѣлають началъ и выслушиваютъ прощу или отпустительную
молитву¹⁾. Къ богослуженію въ первые дни Иргиза съзывали бото-
мольцевъ глухіе звуки „била“,—доска сухого ясеняваго дерева; под-
вѣшенная къ чему-нибудь за одинъ край,—или „кленала“;—такая
же доска чугунная, въ которую били особымъ молоткомъ; во дни
разцвѣта—эти допотопные инструменты были замѣнены колоколами,
а съ 1826 года, когда колокольный звонъ былъ запрещенъ, обители
опять обратились къ биламъ и клепаламъ.

Въ монастырской трапезѣ или келарнѣ, какъ только раздастся
звонъ къ „Достойно“, начинали приготовляться къ обѣду. Не успѣ-
вала окончиться обѣдня, едва начиналъ народъ выходить изъ церк-
ви, какъ келарь или его послушникъ нѣсколько разъ ударами въ
било или клепало, а въ заключеніе дѣлалъ три удара въ колоколъ,
въ обыкновенные дни въ полуденный, а въ торжественные—въ
большой: это громкое приглашеніе всѣмъ желающимъ пожаловать
къ трапезѣ. Всѣ, входящіе въ трапезу по этому зову, кладуть пер-
вымъ долгомъ три поклона; затѣмъ одинъ изъ старшихъ монаховъ
звонитъ въ ручной колокольчикъ, чтобы водворить тишину, подхо-
дитъ къ стоящему на срединѣ трапезы аналою и кладеть поклонъ
со словами: „за молитвъ св. отецъ нашихъ, Господи Исусе Христе,
Сыне Божій, помилуй насъ“; всѣ присутствующіе отвѣчаютъ въ
одинъ голосъ „аминь“ и читають молитвы „Отче нашъ“, „Слава и
нынѣ“, „Господи помилуй“. Потомъ монахъ опять произноситъ
„за молитвъ св. отецъ нашихъ“, присутствующіе опять отвѣчаютъ
„аминь“ и кладуть 3 поясныхъ поклона съ словами „Боже, милос-
тивъ буди мнѣ грѣшному, создавый мя, Господи, помилуй мя, безъ
числа согрѣшихъ, Господи, прости мя“, потомъ садятся и ѣдятъ.
Обѣдъ идетъ тихо, въ полномъ молчаніи; въ келарнѣ раздается
только внятное, неторонливое чтеніе однимъ изъ иноковъ четья-
миней или торжественника, если дѣло происходитъ въ праздникъ.
Послѣ обѣда читають тѣ же молитвы, только „Отче нашъ“ замѣ-
няется „Достойно есть“ и вмѣсто „Боже, милостивъ буди“—„за мо-
литвъ св. отецъ нашихъ“ съ 12-ю поясными поклонами за творя-

¹⁾ Нах. сем. библ., № 3774, 3.

шить милостыню. Ужинъ, послѣ вечерни, проходилъ, какъ и обѣдъ, но послѣ него въ келарнѣ вычитывались молитвы ко сну и зананивадся онъ въ отличіе отъ обѣда 17-ю поклонами¹⁾.

Убранство келій было самое бѣдное: по стѣнамъ стояли грубо сколоченныя скамейки и стулья, плетенные изъ тальника или сбитые изъ досокъ, собственной работы,—кожаные и крашеные были только у настоятелей; постели замѣнялись рогожками или наибольшими войлоками; единственнымъ украшеніемъ была божница, установленная множествомъ образовъ иконописной или литейной работы, и подъ ней—у грамотныхъ—книги духовнаго содержанія,—псалтырь, часословъ, цвѣтники и патерики, да нѣсколько картинъ религіознаго содержанія и множество четокъ и лѣстовокъ, развѣшанныхъ по стѣнамъ²⁾.

Въ монастырскихъ школахъ, очень многочисленныхъ по числу учениковъ и разнообразныхъ по ихъ составу, обученіе захватывало всѣ знанія, считавшіяся необходимыми для благочестиваго человѣка. Начинался курсъ ученія съ азбуки славянской, затѣмъ проходилъ часословъ и псалтырь, заучивались на память каноны и стихиры. За обученіемъ чтенію шло обученіе письму, при чемъ учили писать обыкновенной скорописью, церковными буквами и крюками для пѣвчихъ книгъ. Параллельно шло обученіе пѣнію по крюковымъ нотамъ; пѣли по октоиху, обиходу, проходили для практики ирмосы, стихиры, евангеліе и обѣдницу. По желанію обучали дѣмественичному древнему пѣнію съ азбуки; учебникомъ былъ „дѣмственникъ“, въ которомъ помѣщались задостойники, величанія великихъ праздниковъ и т. п. Кромѣ пѣнія давались уроки рисованія, въ очень скромныхъ, однако, размѣрахъ: показывались и копировались рисунки заставокъ, заглавныхъ словъ и другихъ украшеній, употребляемыхъ въ старинныхъ рукописяхъ. Классы шли утромъ и послѣ обѣда, начинались и оканчивались молитвой и крестнымъ знаменіемъ. За порядкомъ въ классѣ наблюдалъ старшій ученикъ, съ котораго взыскивали за всѣ недосмотры и упущенія; за равныя провинности учащихъ ставили въ классѣ на колѣна, съ обязательствомъ положить извѣстное число поклоновъ, отечески наказывали роггами и ременной плеткой-двухвосткой, а за серьезные проступки—сажали на цѣпь въ темные чуланы.

¹⁾ Ibidem, 4; Поповъ, IV, 186—188.

²⁾ Ниж. сем. библи., № 3774, 420; Леопольдовъ, Ист. зам., 82.

Устройство и жизнь монастырей женских сложились по одному типу съ мужскими монастырями, но начале общежителства игнорировалось гораздо больше. Каждый женскій монастырь состоялъ изъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ общинъ, связанныхъ только единствомъ иноческаго устава да подчиненіемъ одной настоятельницѣ, такъ что общежитія, собственно говоря, никакого не было. Личный составъ женскихъ обителей былъ тотъ же самый, что и въ мужскихъ: инокини и бѣлицы, при чемъ въ числѣ инокинь бывало не мало схимницъ. Болѣе состоятельныя инокини содержали при себѣ, въ качествѣ евангельскихъ дочерей, болѣе бѣдныхъ инокинь и бѣлицъ; каждая такая евангельская мать съ своими дочерями и составляла отдѣльную общину, члены которой зависѣли исключительно отъ нея одной и отъ главной настоятельницы монастыря, не состоя ни въ какомъ обязательномъ отношеніи къ евангельскимъ матерямъ другихъ соседнихъ общинъ. Общинныя матери за себя и за своихъ евангельскихъ дочерей и послушницъ въ нужныхъ случаяхъ относились къ главной настоятельницѣ, какъ къ начальницѣ обители. Всякая новопостриженная должна была избрать себѣ на первый разъ евангельскую мать и за постригъ внести известную сумму денегъ, не менѣе однако 100 рублей, въ пользу постригающей и общины. Если у евангельской матери не было свободнаго помѣщенія въ кельѣ, то строилась новая, на счетъ поступившей: обще-монастырской считалась только большая крестовая келья настоятельницы да часовня. При каждой кельѣ былъ особый дворикъ съ хозяйственными постройками, а при иныхъ и садики. Изъ числа общинныхъ матерей выбирались 12 соборныхъ старицъ, — изъ лицъ, по преимуществу, испытанной нравственности; обыкновенно въ соборныя старицы выбирались инокини, у которыхъ было больше евангельскихъ дочерей, — это служило какъ бы рекомендаціей ихъ достоинства; число евангельскихъ дочерей и послушницъ колебалось для каждой отдѣльной общинной матери отъ 2—3-хъ до 20-ти, при чемъ болѣе всего имѣла ихъ, разумѣется, настоятельница. Такъ въ Успенскомъ монастырѣ постѣ Анфисы, инокини-схимницы Анисіи Сапожниковой и инокини-схимницы Гавделы, у которыхъ неизвѣстно поскольку было послушницъ, настоятельствовали: инокиня Капитолина, имѣвшая 26 евангельскихъ дочерей, инокиня-схимница Алевтина донская — съ 25 евангельскими дочерями, инокиня-схимница Капитоли-

на донская и Феофанія уральская—каждая съ 30 дочерями. У соборныхъ старицъ въ томъ же Успенскомъ монастырѣ число евангельскихъ дочерей только изрѣдка доходило до такой цифры: въ 12 старицъ, перечисленныхъ іеромон. Арсеніемъ, только одна Александра уральская имѣла ихъ 25, да и то, впрочемъ, потому лишь, что жила безвыходно въ обители 25 лѣтъ; обычно же ихъ было 10 (Тарсила Сапожникова),—(15 Евпраксія донская, Анфиса черная) и (20 Достифея Гавдеина, Манефа донская, Елизавета уральская¹). Общинная мать пользовалась въ отношеніи своихъ евангельскихъ дочерей правомъ перваго наказанія,—могла ставить на помлоны и давать въ „послушаніе“ трудныя работы; за крупныя провинности она высылала по соглашенію съ настоятельницами виноватыхъ совѣмъ изъ монастыря. Такъ какъ общей трапезы въ женскихъ обителяхъ не было, то общиннымъ матерямъ приходилось самимъ заботиться о пропитаніи своихъ дочерей. Источникомъ средствъ къ существованію былъ для женскихъ обителей личный трудъ и сборъ подавій. Не имѣя своей земли, такъ какъ поселены были, съ разрѣшенія подлежащаго начальства, на земляхъ Верхняго и Средняго монастырей, скитницы не могли заниматься земледѣліемъ и потому обратились къ огородничеству, которое сумѣли поставить очень хорошо. Успенскій монастырь по контракту со Среднимъ, съ разрѣшенія департамента удѣловъ, получилъ подъ огородъ 17 десятинъ и на нихъ разводилъ цѣлую массу овощей, въ обмѣнъ за которые получалъ отъ Средняго монастыря хлѣбъ и лѣсъ на отопленіе и постройки²). Немнѣе земли не позволяло заниматься и скотоводствомъ, такъ что у каждой общины и у настоятельницы было всего по 1—2 лошади и по нѣскольку коровъ, впрочемъ, очень хорошей породы³). Большинство занималось рукодѣліемъ: шили бѣлье по заказамъ знакомыхъ старобрядцевъ, вязали чулки, пряли и ткали; въ Покровскомъ монастырѣ, по инициативѣ настоятельницы Надежды, въ 20-хъ годахъ развилось шитье золотомъ, серебромъ и шелкомъ плащаницъ и церковныхъ одеждъ, а также отдѣлка образовъ фольгой, камнями, жемчугомъ и бисеромъ. Кромѣ рукодѣлья, монахини ходили по сосѣднимъ селамъ на заработки,—на сѣнокосъ, полоть и жнитво,—и ловили рыбу въ Ирри-

¹) Ниж. сем. библ., № 3774, 418.

²) Бр. Св. Кр., № 500, 9, 63.

³) Ниж. сем. библ., № 3774, 419.

зѣ и озерахъ; послѣднее, впрочемъ, чаще всего поручалось бѣлицамъ, подъ бдительнымъ надзоромъ старицъ¹⁾. Но самыми доходными работами было ятєніе по домамъ у богатыхъ раскольниковъ заупокойныхъ канонѡвъ и псалтири, за что получалось отъ 50 до 300 рублей, смотря по продолжительности поминовеній, и сборъ „по міру“ подаваній, которыя принимались и деньгами и припасами. По сбору ходили по очереди, а чаще всего по желанію, съ благословенія настоятельницы. Въ крайнемъ случаѣ инокини чрезъ настоятельницу обращались за помощью къ мужскимъ монастырямъ и никогда не встрѣчали отказа; за эту помощь они оплачивали натурой: шли инокамъ бѣлье и платье, мыли передъ праздниками полы и стѣны въ церкви и настоятельскихъ кельяхъ; поливали монастырскіе сады и келейные палисадники. На всѣ эти работы назначались по очереди бѣлицы и молодыя монахини, при чемъ не обходилось, разумѣется, безъ злоупотребленій и нарушенія обѣтовъ монашеской жизни. Такъ бѣлицы и молоденькія монахини Покровской обители, пользуясь слабостью своей уставщицы Анфисы къ вину, умышленно спаивали ее, чтобы не въ очередь получить назначеніе идти въ мужской монастырь „для трудовъ“. Правда, Анфиса однѣхъ ихъ туда безъ себя не пускала, но и подъ ея надзоромъ было очень удобно мыть полы у молодыхъ монаховъ, такъ какъ она ходила обыкновенно въ мужской монастырь „мертвецки пьяная“ и даже нерѣдко „валялась безъ чувствъ“²⁾. Одежду инокини составлялъ сарафанъ, еверхъ котораго надѣвалось нѣчто похожее на халатъ съ маленькимъ стоячимъ воротникомъ изъ черной матеріи; у шеи повязывалась круглая переливка, какъ и у монаховъ, съ красной выпушкой по борту или одного цвѣта съ переливкой,— такъ называемая мантия. Кромѣ того надѣвалась тонкой черной матеріи круглая шапочка безъ околыша, которая сзади соединялась съ круглымъ, короче перваго, воротникомъ съ черной оторочкой; къ нему прикрѣпленъ нагрудникъ, въ видѣ свѣтской манишки безъ сборовъ, изъ той же матеріи. Всѣ эти три соединенныя вещи назывались „апостольникомъ“, безъ котораго ни за трудами, ни во время покоя никто быть не долженъ. Кромѣ того, какъ будто для отличія отъ иноковъ, на головахъ у нихъ были черныя платки,

1) Бр. Св. Кр., № 500, 71.

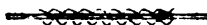
2) Ниж. сем. библ., № 3774, 284.

завязывающіеся подъ подбородкомъ; края платка, идущіе по плечамъ и кругомъ шеи, по круглому воротнику, должны быть распушены. Лица закрывались чернымъ покрываломъ, такъ называемой „наметкой“. Бѣлицы придерживались только одного цвѣта и покрывали головы черными или темными платками¹⁾).

Кругъ службъ церковныхъ отправлялся нѣсколько инымъ порядкомъ, чѣмъ въ мужскихъ монастыряхъ: только по большимъ праздникамъ богослуженіе совершали іеромонахи и священники, присылаемые изъ монастырей, въ обыкновенные же дни ихъ замѣняли уставщицы, отправлявшія службы при часовнѣ по очереди, по недѣлямъ или по суткамъ; евангеліе, впрочемъ, всегда читала сама настоятельница. Соборныя старицы, равно и всѣ общинныя матери, очень часто по буднямъ отправляли службы въ своихъ „крестовыхъ кельяхъ“. Литургій въ женскихъ обителяхъ не совершалось, потому что въ часовняхъ не было престоловъ. Панихиды и поминовенія усопшихъ совершали сами инокини, иногда же и погребали своихъ сестеръ безъ священниковъ, которымъ потомъ поручалось отиѣтъ заочно²⁾).

¹⁾ Бр. Св. Кр., № 500, 63.

²⁾ Ibidem, 62; Ниж. сем. библ., № 3774, 417.

ГЛАВА VI.

Смерть Александра I и перемены въ личномъ составѣ саратовскихъ властей.—Поѣздка кн. Голицына на Иргизъ.—Смѣта Прохора.—Вопросъ о вольскомъ старообрядческомъ храмѣ.—Письмо Иринея.—Постановленіе секретнаго комитета относительно вольскаго храма.—Старанія Голицына ознакомиться съ Иргизомъ.—Два доноса.—Вольскій компромиссъ.—Докладъ Голицына объ Иргизѣ.—Переписка Бахметьева съ Иринеємъ.—Командировка на Иргизъ Подонскаго.—Вольскіе переговоры.—Осмотръ монастырей Голицыннмъ.—Подписка Нижняго монастыря на принятіе единовѣрія.—Отказъ отъ нея.—Ходатайство Голицына о передачѣ монастырей въ вѣдѣніе губернскаго начальства.—Высылка изъ монастырей пѣсколькихъ лицъ.—Паника въ Нижнемъ монастырѣ.—Передача монастырей въ завѣдываніе губернскаго начальства.—Избраніе въ настоятели Нижняго монастыря Никанора.—Открытіе въ Саратовѣ епископской каѳедры.—Возвращеніе въ Саратовъ мѣока Іоасафа.—Отдача бѣльцовъ Нижняго монастыря въ рекруты.—Ходатайство Никанора за бѣльца Гавріила Филипова.—Согласіе на принятіе единовѣрія.—Волненіе, вызванное этимъ въ монастырѣ и въ его.—Поѣздка Никанора въ Саратовъ.—Просьбы и предложенія его.—Подача прошенія пр. Моисею.—Постановленіе консисторіи.—Письма къ Никанору Голицына и Моисея.—Письмо Голицына къ митр. Сарфиму.—Окончательный переходъ монастыря въ единовѣріе.—Завѣщаніе и смерть Никанора.—Итоги дѣятельности Голицына въ отношеніи раскола.

Къ началу 1827 года произошли одна за другой три перемены въ правящихъ сферахъ, въ большей или меньшей степени одинаково неблагопріятныя для саратовскаго раскола; вліяніе ихъ быстро отразилось на старообрядческихъ центрахъ—Иргизѣ и Вольскѣ. Вотъ эти перемены: въ ноябрѣ 1825 года императоръ Александръ I смѣнился императоромъ Николаемъ I; въ январѣ 1826 года на мѣсто Амвросія Орнатскаго пріѣхалъ въ Пензу преосв. Иринеѣ Нестеровичъ и въ томъ же году отданнаго подъ судъ Панчулидзева замѣстилъ новый губернаторъ, князь Александръ Борисовичъ Голицынъ. Съ именемъ Николая I въ представленіи каждаго старообрядца связано воспоминаніе о „тонительномъ“ для раскола времени. Такой взглядъ не вполне справедливъ. Въ первые годы царствованія Николая Павловича мы не найдемъ никакихъ рѣзкихъ мѣръ противъ раскола,—этотъ государь вначалѣ шелъ по стопамъ своего брата и отца. На первомъ рассмотрѣнномъ имъ журналѣ секретнаго комитета о раскольникахъ (29 января 1826) съ предложеніемъ довольно суровыхъ мѣръ противъ дальнѣйшаго развитія раскола онъ положилъ слѣдующую замѣчательную резолюцію: „Во всѣхъ вещахъ торопливость есть первый вредъ; тѣмъ недавно

въ важныхъ, особенно же когда наслѣдникъ долженъ идти въ противорѣчіе предшественнику; сверхъ того, я требую сперва доказательствъ, а потомъ приму мѣры, которыя признаю нужными, съ тѣмъ большей твердостью, чѣмъ больше убѣжденъ буду въ справедливости⁴¹⁾. Требованіе доказательствъ было выполнено не сразу и потому въ политикѣ первыхъ годовъ правленія императора Николая Павловича въ отношеніи раскола найдемъ не мало колебаній и въ ту и въ другую сторону. Примѣры увидимъ нѣсколько ниже. Пресвящ. Иринея едва ли больше своего предшественника по управленію епархіей былъ противъ раскола, но, какъ человѣкъ желѣзной воли, онъ гораздо настойчивѣе, упрямо его проводилъ свои взгляды. При томъ же, если Амвросій встрѣчалъ помѣхи, то для Иринея ихъ не было: кн. Голицынъ явился полной противоположностью Панчулидзеву и настроенъ былъ скорѣе содѣйствовать епархіальной власти въ борьбѣ ея съ разрастающимся зломъ, чѣмъ дѣлать затрудненія. Какого рода мотивы двигали княземъ—рѣшить трудно: можетъ быть, онъ искалъ случая заявить себя дѣятелемъ и обрушился на расколъ изъ карьерныхъ видовъ, но также можетъ быть, что дѣйствовалъ по убѣжденію, искренно желалъ принести посильную пользу православію. Пріятнѣе было бы допустить послѣднее предположеніе, но совсѣмъ не-княжеское занятіе Голицына откулами, усиленное насажденіе имъ въ сибирскихъ губерніяхъ кабаковъ неволью наводятъ на сомнѣніе въ искренности его благочестія и потому щекотливый вопросъ о мотивахъ лучше всего оставить открытымъ.

Вскорѣ по прибытіи въ Саратовъ, кн. Голицынъ предпринялъ объѣздъ губерніи и заѣхалъ по пути въ Нижній монастырь. Прохоръ, опять на короткое время сдѣлавшійся настоятелемъ, принялъ его, конечно, со всевозможнымъ почтеніемъ и, по отъѣздѣ, отправилъ ему въ Саратовъ статистическое описаніе своей обители, помѣщаемое въ неоднократно цитированной мною рукописи № 500 библіотеки саратовскаго „Братства Св. Креста“, вмѣстѣ съ письмомъ, переписаннымъ рукою инока Арсенія, въ мирѣ титулярнаго совѣтника Алексѣя Семеновича Пермькова, бывшаго чиновника горнаго вѣдомства, который завѣдывалъ въ монастырѣ письмоводствомъ. Судя по этому письму, Голицынъ въ первый пріѣздъ свой на Ир-

⁴¹⁾ Дѣла Секр. Комит., Vol. III, стр. 129.

гизъ не обнаружилъ никакихъ плановъ, опасныхъ для блага: обители; напротивъ, Прохоръ какъ будто рассчитывалъ даже имѣть въ немъ такого же покровителя, какимъ былъ Панчулидзевъ. По крайней мѣрѣ, вотъ что писалъ онъ въ препроводительномъ письмѣ: „Бывъ удостоенъ милостивымъ посѣщеніемъ вашего сіятельства и почитая оное неограниченнымъ счастіемъ, конемъ братія Нижне-Воскресенскаго старообрядческаго монастыря пользуется; я въ обязанность себя поставляю повергнуть въ милостивое разсмотрѣніе вашего сіятельства начало и настоящее существованіе монастыря съ высочайше дарованными ему правами и милостями..... Я при преклонныхъ своихъ лѣтахъ, конемъ имѣю уже 80, и находясь почти безпрерывно съ 1791 года настоятелемъ, почту себя съ братією неограничленно счастливымъ, если ваше сіятельство милостиво удостоите принять сіе свѣдѣніе и, разсмотря, не отринуть имѣть насъ подъ высокимъ вашимъ покровительствомъ“¹⁾. Но расчеты на этотъ разъ обманули многоопытнаго старца: Голицынъ получилъ и письмо и описаніе, но принять монастырь въ свое „вмѣное покровительство“ не пожелалъ, хотя ничего не предпринималъ пока и въ противоположномъ направленіи.

Прежде всего самъ Прохоръ не долго пробылъ настоятелемъ: въ 1820 году его смѣнило вольское купечество, въ 1827 году — удѣльная контора. Избравъ Прохора на мѣсто умершаго Тарасія, братія Нижняго монастыря обычнымъ путемъ, чрезъ балаковскій удѣльный приказъ, представила свой приговоръ на утвержденіе саратовской удѣльной конторѣ; но эта нашла, что „выборъ сужденнаго за разные поступки, находящагося въ мѣщанскомъ званіи инока-схимника Прохора, сколько противенъ существующимъ на предметъ сей законамъ, стелько и для самой братіи можетъ быть постыденъ“. Не удовольствовавшись этимъ отказомъ, иноки снова возбудили ходатайство объ утвержденіи своего избранника въ званіи настоятеля. Въ отвѣтъ на вторую просьбу контора предписала балаковскому приказу „вновь внятнымъ образомъ внушить жителямъ монастыря, что упомянутое желаніе ихъ никакъ уважено быть не можетъ“, а приказнаго голову и писаря предположила оштрафовать за то, что они, зная поступки Прохора и понимая невозможность избранія его въ настоятели, тѣмъ не менѣе засвидѣтельство-

¹⁾ Арх. Нижн. мон., № 1, 154—155.

дали приговоръ объ избраніи. Приказъ, очевидно не особенно торопился „внятно внушать“,—въ перепискѣ прошло все лѣто, конторѣ не разъ пришлось еще настаивать на новыхъ, правильныхъ выборахъ и только къ осени Прохоръ замѣненъ былъ Саввой¹⁾. Такимъ образомъ Иргизъ лишился самаго опытнаго и талантливаго своего дѣятеля и лишился какъ разъ въ то время, когда тучи надвигались все гуще и гуще.

Война Голицына съ расколомъ началась въ Вольскѣ. Въ январѣ 1826 года вольскій городничій получилъ отъ губернатора предписаніе снять со старообрядческаго храма крестъ и ни подъ какимъ предлогомъ не позволять переносить въ этотъ храмъ богослуженіе изъ старой часовни. Строители пришли въ ужасъ. Новое запрещеніе въ одну минуту уничтожило возможность насладиться плодомъ многолѣтнихъ трудовъ. Немедленно созвано было собраніе и составленъ приговоръ, которымъ поручалось попечителямъ вольскаго старообрядческаго общества войти съ жалобой на самовольное и противорѣчащее высочайше утвержденному 19 августа 1824 г. положенію комитета министровъ дѣйствіе губернатора. Попечители написали жалобу и подали ее на высочайшее имя²⁾. Началась переписка и Голицыну пришлось давать объясненія; онъ давалъ ихъ въ томъ сдѣланнаго распоряженія, хотя это распоряженіе принадлежало его предшественнику. Въ концѣ концовъ дѣло по всеподданнѣйшему прошенію перешло на разсмотрѣніе комитета министровъ и 10 мая 1827 года отмѣнено было положеніе того же комитета, сдѣланное три года тому назадъ: комитетъ нашелъ теперь, что „должно вновь построенный въ Вольскѣ старообрядческій храмъ, имѣющій наружный видъ православной церкви, какъ выстроенный въ противность постановленіямъ, запечатать и не позволять старообрядцамъ переносить въ оный богослуженіе.“ На этомъ положеніи государь надписалъ: „Что же съ новой церковью? Надо или пріобрѣсть оную для православнаго прихода, или, какъ предположено было, въ единобѣрческую“³⁾.

Не успѣло пройти всѣ инстанціи дѣло вольскихъ старообрядцевъ, какъ въ Саратовѣ захваченъ былъ полиціей бѣглый священникъ Кириллъ, совратившій не мало народа въ расколъ. Препровождая его ставленную грамоту къ преосв. Иринѣю, Голицынъ, въ отношеніи

¹⁾ Бр. Св. Кр., № 513, 172—173.

²⁾ С. И. А., Карт. А., № XXIII.

³⁾ Дѣла Секр. Ком., Vol. VI, стр. 237.

отъ 25 апрѣля, спрашивалъ мнѣніе его по вопросу о прекращеніи дальнѣйшаго распространенія раскола. Ириней отвѣтилъ цѣлой филиппикой. Быстрый ростъ раскола, по мнѣнію пензенскаго епископа, прежде всего обусловливался закономъ, допустившимъ свободу открытыхъ сношеній православнаго духовенства съ раскольниками. На Иргизъ двинулась такая масса бѣглыхъ духовнаго сана, что сами раскольники испугались этого наплыва народа со всѣхъ сторонъ Россіи и начали гнѣхъ изъ бѣглыхъ поповъ, „которые развратными поступками своими содѣлались и тамъ нетерпимы“, выгонять изъ своихъ монастырей, иногда же прямо выдавали ихъ въ руки полиціи. Цѣль неудачнаго закона не была достигнута: „зло воспріяло образованіе и приняло на себя отблескъ истины, не имѣя существа ея“; бѣглые священники, имѣвшіе быть по духу этого закона какъ бы соединяющимъ звеномъ между православіемъ и расколомъ, играли какъ разъ противоположную роль, были слѣпымъ орудіемъ для умноженія раскола. Раскольничьи коноводы, будучи „криво толками св. писанія, криво толкуютъ и законы“: они внушаютъ народу, что если бы старая вѣра не была права, то не существовало бы дозволенія священникамъ свободно уходить въ расколъ. На ряду съ этой причиной развитія раскола стоитъ и другая: снисходительное отношеніе властей къ построенію раскольниками церквей и часовенъ. Правительство, — полагаетъ преосвященный, — разрѣшаетъ сооружать только единовѣрческія церкви; таковъ смыслъ указовъ 12 марта 1798, 27 октября 1800 и 14 октября 1807 года. „Но сей снисходительный гласъ правительства не былъ услышанъ въ главномъ гнѣздилищѣ разврата раскольничьго—иргизскихъ скитахъ и городѣ Вольскѣ. Тамъ устроились церкви по своевольнымъ и прихотливымъ желаніямъ загрубѣлыхъ въ заблужденіи своемъ изувѣровъ; взирая же и другіе на нихъ, построили молельни и часовни на подобіе греко-россійскихъ церквей въ разныхъ городахъ, селахъ и деревняхъ“. Въ силу такихъ соображеній Ириней предлагалъ слѣдующія мѣры: 1) священниковъ, находящихся у раскольниковъ, обязать строжайшими подписками, чтобы они впредь ни подъ какими предлогами не присоединяли вновь къ расколу православныхъ, хотя бы послѣдніе объявляли, что обращаются по собственному желанію, а не по воздѣйствію совнѣ. 2) Строжайше воспретить имъ смѣшанные браки между раскольниками и православными и крещеніе дѣтей отъ такихъ браковъ.

3) Виновныхъ въ нарушеніи данной подписки отбирать у раскольниковъ и препровождать къ епархіальному начальству для сужденія по законамъ,—на первый разъ подлежить этому попь Кириллъ, сознавшійся въ неоднократномъ совращеніи въ расколъ православныхъ. 4) Слѣдить со стороны гражданской администраціи, чтобы священники бѣглые, помимо исполненія данной подписки, служили орудіемъ къ соединенію заблудшихъ съ православной церковью, а къ случаѣ уклоненія ихъ отъ сего—отправлять къ епархіальному начальству и такимъ образомъ снисхожденію правительства полагать мало по малу предѣль, а раскольниковъ возбуждать къ скорѣйшему принятію благословеннаго священства. 5) Подтвердить чрезъ полицію всей иргизской иночествующей братіи и сестрамъ, чтобы и они никого не совращали въ свою ересь подъ опасеніемъ преданія уголовному суду. 6) Въ дополненіе къ существующему запрещенію строить раскольничьи церкви и часовни—воспретить перестраивать и возобновлять построенныя раньше, иначе онѣ всегда будутъ въ одинаковомъ положеніи и высочайшее повелѣніе не достигнетъ своей цѣли. „Дабы пресѣчь раскольникамъ къ тому способы, то, исчисливъ секретно такія церкви, часовни и моельни и назначивъ нѣкоторыя къ немедленному, а другія къ постепенному уничтоженію, имѣть списки сіи въ виду какъ гражданскому, такъ и духовному начальству и затѣмъ поручить полиціи и благочиннымъ строго наблюдать и, при малѣйшемъ движеніи раскольниковъ къ возобновленію оныхъ, доносить каждому по своему начальству; своевольное же оканчиваніе раскольниками въ городѣ Вольскѣ каменной церкви воспретить, если они не согласятся имѣть оную на правилахъ единовѣрческой церкви¹⁾). Какъ бы въ дополненіе и подкрѣпленіе изложеннаго взгляда, преосв. Ириней вслѣдъ за первой бумагой въ томъ же маѣ мѣсяцѣ 1827 года отправилъ Голицыну другую съ жалобой, что настоятель Тарасій ежедневно почти посылаетъ въ Каменку своихъ бѣглыхъ поповъ и монаховъ для исправленія требъ и хожденія въ праздничные дни съ крестомъ. „При такомъ случаѣ увлекаютъ они прихожанъ села Каменки въ расколъ, увѣряя простодушныхъ крестьянъ, что они имѣютъ на то высочайшее повелѣніе... а чтобы они, какъ бѣглые, не были взяты кѣмъ-либо и представлены къ сужденію, для сего со-

¹⁾ „Дѣло“, 1872, № 1, 81—86.

проводятся изъ дома въ домъ 20—30 человѣками раскольниковъ“. Просьбы каменскаго приходскаго священника, Ивана Терентьева, обращенныя къ Тарасію, о прекращеніи этихъ нашествій и открытаго совращенія въ расколъ каменскихъ крестьянъ оставляются Тарасіемъ безъ всякаго вниманія... По этой жалобѣ губернское правленіе предписало вольскому земскому суду обязать строжайшими подписками всѣхъ настоятелей Иргизскихъ монастырей, чтобы они „отнюдь не допускали и не позволяли бѣглымъ попамъ и монахамъ отлучаться въ православныя селенія и приходы и никто бы не отваживался дѣлать вредныя ложныя о высочайшихъ повелѣніяхъ разглашенія, таскаться въ сопровожденіи раскольниковъ, бродить для сбора милостыни“. Православнымъ жителямъ сосѣднихъ съ монастырями сель отдано было строгое приказаніе съ подписками же, чтобы они хватали появляющихся у нихъ бѣглыхъ поповъ и доставляли въ земскій судъ. Независимо отъ этихъ распоряженій, вольскому исправнику предписывалось произвести слѣдствіе о Тарасіи и другихъ иргизскихъ настоятеляхъ, отпуская ихъ въ Каменку своихъ поповъ и монаховъ для совращенія въ расколъ православныхъ¹⁾.

Кн. Голицынъ во всемъ согласился съ мнѣніемъ преосв. Ириней. Мало этого: онъ поспѣшилъ сообщить своему начальству о раскольничьихъ безпорядкахъ по губерніи и предложилъ составить, по соглашенію съ епархіальнымъ архіереемъ, проектъ правилъ для устраненія ихъ. Министръ внутреннихъ дѣлъ, въ отзывѣ своемъ отъ 27 іюня 1827 года, изъявилъ согласіе на это предложеніе²⁾. Такимъ образомъ унія духовной и гражданской власти въ саратовскихъ предѣлахъ, о которой такъ много и такъ долго хлопотали предшественники Ириней, нынѣ благополучно состоялась. Извѣстное уже намъ положеніе комитета министровъ о вольскомъ храмѣ дало Голицыну толчекъ приступить къ указаннымъ архіереемъ мѣрамъ. Черезъ полицію онъ объявилъ вольскимъ раскольникамъ высочайшее повелѣніе 10 мая 1827 года и требовалъ отъ нихъ рѣшительнаго отвѣта, какимъ образомъ предполагаютъ они исполнить высочайшую волю: желаютъ ли обратить храмъ въ единовѣрческій или уступить для православнаго прихода? Ста-

¹⁾ Бр. Св. Кр., № 513, 171--172; Указъ венз. копс. 23 апр. 1827, № 3735. .

²⁾ С. И. А., А, I, № 11, 69.

рообрядцы представили два объясненія, уклоняясь от рѣшительнаго отвѣта. Въ первомъ они очень положительно заявляли, что противиться волѣ государя не смѣютъ, но если требуютъ ихъ согласія, то согласиться на эту перемену не могутъ; въ послѣднемъ же предоставляли сооруженную ими каменную церковь на волю государя, но сами высказывали желаніе остаться при своей старой деревянной церкви на прежнихъ основаніяхъ. Губернаторъ пояснялъ, что раскольники стараются только выиграть время и выхлопотать въ Петербургѣ разрѣшеніе оставить дѣло по прежнему, и въ подтвержденіе ссылался на Сапожникова, который будто бы сказалъ ему это. Представляя объ этомъ 24 декабря 1827 года въ министерство внутреннихъ дѣлъ, Голицынъ заявлялъ, что, по мнѣнію его, „рѣшительное дѣйствіе обратить вольскій молитвенный храмъ въ единовѣрческую церковь принесетъ много пользы“. Изъ министерства донесеніе Голицына перешло въ секретный комитетъ, который вполнѣ согласился съ княземъ и постановилъ: „Предоставить управляющему министерствомъ внутреннихъ дѣлъ секретно предписать саратовскому губернатору, дабы онъ предварительно внушилъ вольскимъ старообрядцамъ, что вновь сооруженный ими храмъ имѣетъ быть обращенъ въ единовѣрческую церковь, и когда нѣкоторые изъ нихъ открыто изъявятъ желаніе быть въ ней прихожанами, то наставилъ бы ихъ просить епархіальнаго архіерея объ освященіи той церкви и утвержденіи къ ней священника по ихъ избранію“. Комитетъ полагалъ, что безъ этой предосторожности простое наименованіе церкви единовѣрческой можетъ оставить ее безъ прихожанъ. Далѣе митрополиту Серафиму поручалось внушить пензенско-саратовскому епископу, что коль скоро къ нему войдутъ съ просьбой старообрядцы, то онъ немедленно долженъ удовлетворить ее, а губернатору въ тоже время предписано наблюсти, чтобы вновь не появлялись у старообрядцевъ бѣглые попы. Государь написалъ: „Церковь въ Вольскѣ посвятить единовѣрческому обряду на предлагаемомъ основаніи“¹⁾.

Одновременно съ нападеніемъ на Вольскъ Голицынъ задумалъ напасть и на Иргизъ, но предварительно счелъ нужнымъ прозондировать почву, застаться свѣдѣніями о монастыряхъ, поискать матеріаловъ, на основаніи которыхъ сдѣлалось бы возможнымъ настаивать на

¹⁾ Дѣла Секр. Ком., Vol. VI, стр. 119—133; Ниж. сем. библ., № 3774, 306.

немедленномъ разгромѣ этого „гнѣздилища разврата раскольниковъ“, по выраженію пр. Ириная. Онъ потребовалъ отъ вольскаго исправника свѣдѣній: въ какомъ употребленіи находятся принадлежащія монастырямъ земли, изъ какихъ угодій онѣ состоятъ и какой доходъ приносятъ; чѣмъ содержатся монастыри, въ чемъ ихъ имущество, какими средствами приобрѣтается оно, какъ велики годовою доходъ и расходъ монастырей, — „хотя примѣрно, но сколько можно ближе къ истинѣ“, — сколько проживаетъ въ монастыряхъ людей, кромѣ иноковъ и бѣльцовъ, изъ какого они званія и чѣмъ занимаются¹⁾. Исправникъ Канищевъ, сѣдѣвшій уѣхать въ отпускъ, представилъ очень неполныя и далеко не ясныя свѣдѣнія и въ донесеніи своемъ сообщилъ между прочимъ и о смѣнѣ Прохора изъ настоятелей. Голицынъ остался недоволенъ доставленными ему на скорую руку свѣдѣніями и, по поводу смѣны Прохора, потребовалъ 16 августа 1827 года отъ исправляющаго должность исправника, дворянскаго засѣдателя Николая Юрасова, узнать подъ рукою, въ какомъ отношеніи находятся Иргизскіе монастыри къ удѣльной конторѣ, какой доходъ даютъ ей, отъ кого зависитъ увольненіе настоятелей и какъ производится выборъ ихъ. Не надѣясь, повидимому, получить удовлетворительный отвѣтъ на этотъ запросъ отъ Юрасова, Голицынъ 18 августа обратился съ подобнымъ же, только нѣсколько расширеннымъ, запросомъ къ удѣльной конторѣ: 1) въ какомъ отношеніи состоятъ монастыри къ удѣльной конторѣ по всѣмъ предметамъ; 2) сколько состоятъ въ монастыряхъ собственно удѣльныхъ крестьянъ, какой они платятъ оброкъ и чрезъ кого онъ собирается; 3) какъ устроена въ нихъ хозяйственная часть, изъ кого состоитъ сельское начальство въ нихъ, кѣмъ производится выборъ настоятелей, кто утверждаетъ ихъ въ этомъ „духовномъ“ званіи, отъ кого зависитъ удаленіе ихъ отъ должности и на какихъ узаконеніяхъ основаны всѣ эти порядки²⁾. И удѣльная контора и Юрасовъ представили 21 и 26 августа короткія, отрывочныя свѣдѣнія, на основаніи которыхъ трудно было составить сколько-нибудь опредѣленное представленіе о монастыряхъ; при этомъ Юрасовъ хотя обѣщавъ въ непродолжительномъ будущемъ доставить полное статистическое описаніе монастырей, а контора не обѣщала и этого, намекая деликатно, что губернаторъ самъ

¹⁾ „Дѣло“, 1872, № 1, 87.

²⁾ С. И. А., I, А, № 11, 14—18.

долженъ знать все это, такъ какъ отправленіе, на примѣръ, монастырскими жителями богослуженія и прочихъ по ихъ сектѣ духовныхъ обрядовъ, равно приѣмъ въ монастыри священниковъ и діаконовъ и т. п., „по нахожденію старообрядцевъ въ непосредственномъ завѣдываніи и наблюденіи начальника губерніи, ни до какого мѣстнаго начальства не относится и контора, не имѣвъ на сіе отъ своего начальства никакого постановленія, въ предметъ сей не входитъ“¹⁾. Голицынъ опять остался недоволенъ и 1 сентября обратился къ удѣльной конторѣ съ новымъ запросомъ: въ чемъ состоятъ монастырскія сокровища и какимъ количествомъ земли владѣли монастыри до 1801 года со времени своего основанія. Въ то же время онъ затребовавъ изъ межевой конторы копію съ указа сената, по которому въ 1804 году окончательно укрѣплены за монастырями пожалованныя имъ земли, но въ межевой конторѣ никакого указа не оказалось. Не менѣе разочарованія доставила губернатору и удѣльная контора: ни о сокровищахъ, ни о землѣ она ничего не знала и потому поручила балаковскому и мечетному приказамъ разузнать объ этомъ на мѣстѣ; а губернаторъ торопилъ и торопилъ... Только въ концѣ ноября контора доставила Голицыну копіи съ реестровъ монастырскаго имущества, составленныхъ самими настоятелями и настоятельницами при удѣльномъ чиновникѣ. Повидимому, составители стговорились заранѣе, какъ писать реестры: въ одинъ голосъ заявляли они, что никакихъ сокровищъ у нихъ нѣтъ, кромѣ иконъ и книгъ, что до 1801 года земли у нихъ было гораздо больше, но сколько именно—сказать не могутъ, такъ какъ никто не мѣрилъ и т. п.²⁾

Не видя пользы отъ ознакомленія съ монастырями изъ официальныхъ донесеній разныхъ чиновниковъ, Голицынъ рѣшилъ испытать, не выплыветъ ли какое-нибудь компрометирующее монастыря обстоятельство изъ провѣрки ходившихъ въ обществѣ слуховъ о существованіи въ монастыряхъ подземныхъ ходовъ и помѣщеній, служащихъ для укрывательства бѣглыхъ, для секретнаго сообщенія мужскихъ обитателей съ женскими и для храненія несмѣтныхъ сокровищъ монастырскихъ, которыя не входятъ ни въ какія описи. Такъ какъ подобные слухи шли особенно относительно Средняго монастыря, то въ немъ 10 октября Канищевъ съ понятыми и про-

¹⁾ Ibidem, 20.

²⁾ Ibidem, 29—50.

изрель обыскъ. Не мало стараній было приложено исправникомъ, не мало половыхъ досокъ было поднято, но то, чего искали, найдено не было. Правда, въ среднихъ сѣняхъ настоятельской связи или „станъ“ подь поломъ отысканъ былъ выходъ или келья, но это оказался холодный чуланъ покойнаго настоятеля Амвросія, гдѣ ставилось имъ питье для монаховъ, и притомъ чуланъ лѣтъ восемь уже заброшенный и обвалившійся. Въ другой половинѣ той же связи найденъ подь сѣнями глубокой погребъ; въ кельяхъ бывшаго лѣтъ двадцать тому назадъ настоятеля Іакова найдено въ разныхъ комнатахъ и чуланахъ шесть твориль, подь которыми оказались то же небольшіе погреба, иные давно уже засыпанные. Ни въ одномъ изъ подкелейныхъ помѣщеній ничего подозрительнаго не встрѣтилось, сокровищъ не найдено, подземныхъ переходовъ изъ одной связи въ другую не замѣчено; настоятель Тарасій и другіе иноки удостовѣрили, что такихъ подземныхъ ходовъ ни въ ихъ, ни въ другомъ какомъ изъ Иргизскихъ монастырей не имѣется¹⁾. Результатъ обысковъ не оправдалъ ожиданій Голицына; нѣсколько погребовъ и выходовъ, найденныхъ подь кельями, не давали никакой почвы для обвиненія. Оставалось запастись терпѣніемъ и выжидать удобнаго случая, оповѣстивъ чрезъ исправника всю монастырскую братію, что каждый недовольный или обиженный житель монастыря можетъ свободно жаловаться губернатору. Долго ждать не пришлось. Черезъ два мѣсяца послѣ обысковъ, 8 декабря, губернаторъ получилъ разомъ два анонимныхъ доноса, судя по почерку, писанныхъ однимъ лицомъ. Привожу ихъ въ выдержкахъ. „Ваше сіятельство, проницательнѣйшій господинъ саратовскій губернаторъ! По дозволенію доносить вашему сіятельству на каждомъ шагу о законопротивныхъ поступкахъ, которые совершаются со всякой похабностью и необузданностью въ Средне-Нивольскомъ старообрядческомъ мужскомъ и дѣвичье-успенскомъ монастыряхъ, я за необходимое поставилъ по обязанности моей сдѣлать честь вашему сіятельству донести о разслабленномъ настоятелѣ, инокѣ-схимникѣ Тарасіи, и о надутой настоятельницѣ, инокиниѣ Теофаніи. Между сими двумя лица единственная есть неразрывность и отвѣрстыя къ противленію его царскаго величества указамъ врата.

¹⁾ Ibidem, 54—55.

Нужда, заставляющая их так поступать, есть сия: поелику что къ прихоти своей предприметь Теофанья настоятельница, то и Тарасій дѣлаеть въ угодность ей со всевозможнѣйшей поспѣшностью, бояся, дабы ее не прогнѣвать, отчего онъ можетъ [и не диво] лишиться благого ея правленія и распоряженія въ его монастырѣ. Къ исполненію же сему, имѣя подь собою подобныхъ себѣ похотонеслѣдователей, церкви-управителя инока Павла, у котораго рѣдкіе сутки не наполняема бываетъ голова горячими напитками, и подчиненный ему попь, Иванъ Петровичъ по прозванью, есть оныхъ вседѣйствующее орудіе указопротивнымъ дѣламъ, чрезъ которое могутъ исполнять все то, что кому требуется, не только въ полдень, но и въ полночь; причина сего есть та, что были бы ему даны деньги, а колыми паче и паче всего виномъ кто его напоить. 1) По-неже нынѣшній оный попь смѣло и безразборчиво приступилъ крестить, числомъ пять человекъ... Совершилось сіе тайнодѣйствіе октября 31 числа по утру, 1827 года, поелику въ тотъ день настоятель Тарасій съ согласія Теофаньи уволилъ попа отъ священныя литургии и дозволилъ ѣхать въ женскій монастырь, а настоятельница Теофанья изготовила на рѣкѣ Иргизѣ іордань для совершенія крестинъ, гдѣ и было величайшее позорище, на которое стеклось народу душъ сотъ до четырехъ. Тогда попь едва-едва на ногахъ стоялъ отъ одуренія горячими напитками, не взирая на указъ, воспреещающій опоеніе виномъ поповъ, существующій съ 1827 года да и навсегда. 2) Еще сей же Иванъ попь вновь исправилъ, т. е. миромъ помазывалъ, того же года, мѣсяца ноября 9 числа, ночью въ одиннадцатомъ часу, хвалынскаго уѣзда, деревни Грачей, двухъ господскихъ человекъ..... Итакъ просимъ ваше сіятельство исполнить свою должность и поддержать оныхъ монастырей своевольныхъ настоятелей съ ихъ послѣдователями, дабы они впредь болѣе не разразились о камень противленія и невоздержанія своего, и дать имъ знать, для чего они суть настоятели и къ чему приставленъ инокъ Павелъ, управитель церкви, и что суть законы, что—указы и что значить подписка, по которой обязались впредь нежели крестить крещенныхъ не по силѣ указа, но не пріимать и въ исправу... Я есмь правдолюбящій гражданинъ“

Донось „правдолюбящаго гражданина“ направлень, очевидно, противъ Тарасія, Теофаньи и Павла; но этихъ трехъ лицъ ему по-

казалось мало и онъ написалъ второй докладъ, въ которомъ набрасывалъ тѣнь и на казначея Ефрема. „Ваше сіятельство, господинъ губернаторъ! Не соблаговолите ли милостиво взойти въ расходъ бывшаго казначея, инока Ефрема, того же Средне-Никольскаго монастыря, и не благоугодно ли вамъ будетъ потребовать расходную его книгу на 1826 годъ... Оный казначей при собравшейся всей братіи оказалъ расходъ на одинъ годъ подлинно слишкомъ 7000 рублей, за что уже самое и смѣненъ изъ казначеевъ. Также убо нужно предозначается вытребовать расходъ сего года и отъ настоятеля Тарасія: ибо онъ объявилъ мелкомъ братіи расходу на одинъ годъ 12,000 рублей, а приходу братіи отырлы 11,000 рублей, но исправнику объявлено, кажется, 7000 рублей,—подлинно не знаю, право; буде семь исправнику объявлено, то всеподлинно ложь. Надѣмся, ваше сіятельство, что сами позволите узнать, по громкому вашему любопытству, все здѣсь совершающееся“¹⁾.

„Правдолюбивій гражданинъ“ оказалъ Голицыну услугу, которой онъ напрасно ждалъ отъ своего исправника и отъ удѣльной конторы: за доносы его князь поспѣшно ухватился и немедленно, въ самый день полученія ихъ, послалъ предписаніе вольскому исправнику „лично, самымъ аккуратнѣйшимъ образомъ“, произвести дознаніе, „основавъ оное на несомнѣнныхъ видахъ и доказательствахъ“. Въ этомъ предписаніи на каждомъ шагу проглядываетъ желаніе Голицына поскорѣе найти поводъ къ административному воздѣйствію на Иргизъ. Непровѣренныя и, быть можетъ, пристрастныя указанія анонимнаго доносчика онъ торопливо возводитъ на степень несомнѣнныхъ фактовъ и смѣло говоритъ, что въ Среднемъ мужскомъ и Успенскомъ женскомъ монастыряхъ „совершаются разныя непотребства съ похабностью и необузданностью“, что между схимникомъ Тарасіемъ и инокиней Теофаніей существуетъ „похотливая связь“, по причинѣ которой Тарасій „всѣ похотливыя предпріятія“ своей любовницы исполняетъ „съ точностью и подобострастіемъ“, такъ что послѣдняя, „такъ сказать, управляетъ всѣмъ монастыремъ его“, что этотъ Тарасій и Теофанія—„главнѣйшіе нарушители и противники воли правительства, по стремленію ихъ къ поддержанію раскола“; что послѣдователи ихъ „такіе же любодѣйцы“, особенно инокъ Павелъ и попъ Иванъ Петровъ, которые

¹⁾ Ibidem, 51—53.

повседневню почти пьяны“. Слѣдствіе началось, но окончилось только въ маѣ 1828 года и подтвердило изъ всѣхъ обвинительныхъ пунктовъ лишь одинъ—фактъ крещенія пяти человекъ¹⁾.

Въ промежутокъ съ декабря до мая Голицынъ занялся вольскими дѣлами. Распространивъ предварительно чрезъ полицію слухъ, что каменная вольская церковь неминуемо подлежитъ обращенію въ единовѣрческую или православную, онъ въ февралѣ 1828 года лично явился въ Вольскъ, собралъ къ себѣ до 300 самыхъ почетныхъ въ городѣ раскольниковъ и объявилъ имъ, что государь повелѣлъ обратить новую церковь въ единовѣрческую, а потому требовалъ принятія пунктовъ митр. Платона и грозилъ съ неповинующимися поступитъ какъ съ ослушниками монаршей воли. Спустя немного, онъ приказалъ объявить имъ, что въ случаѣ нежеланія освятить церковь на основаніи пунктовъ Платона онъ и безъ согласія обратить ее въ приходскую, деревянную же запечатаетъ и всѣхъ вольскихъ бѣглыхъ поповъ отдастъ подъ судъ²⁾. Раскольники призадумались. Съ одной стороны не хотѣлось переходить въ единовѣріе, съ другой—страшно было послушаться губернатора. У вольскихъ обывателей свѣжо еще было въ памяти скандальное дѣло дочери бѣлаго попа Петрова, наглядно свидѣтельствовавшее, чего можно ждать подвергающимся опалѣ людямъ. Передамъ въ двухъ словахъ сущность этого дѣла, краснорѣчиво обрисовывающаго нравы и порядки того времени. Какой-то „турченокъ“ Иванъ Деспотовичъ увезъ дочь бѣлаго священника Петрова, Пелагею, похитивъ вмѣстѣ съ тѣмъ и 4.000 рублей денегъ. Въ погоню посланъ былъ дворянскій засѣдатель Григорьевъ. Онъ догналъ Деспотовича, отобралъ Пелагею и повезъ ее въ Вольскъ, но дорогой воспользовался тѣмъ, что ѣхалъ съ ней въ закрытой повозкѣ и „два раза учинилъ надъ нею усильствомъ блудодѣяніе“. Съ цѣлью скрыть слѣды, онъ, по прибытіи въ Вольскъ, постарался засадить свою жертву въ тюрьму, какъ сообщницу Деспотовича въ кражѣ денегъ у матери. Но тюрьмой дѣло Пелагеи не кончилось: вольскій квартальный надзиратель Ивановъ отыскалъ ее и тамъ и, въ виду ея молодости и красоты, тоже „причинилъ ей блудодѣйствомъ насиліе“. Мать Пелагеи подала жалобу, давала взятки,—городничій Никифоровъ взялъ съ нея 50 рублей и

¹⁾ Ibidem, 56—58.

²⁾ Ниж. сѣм. библ., № 3774, 308.

квартирный Амантовъ—40 руб.,—хлопотала, довела дѣло до самаго Голицына и въ концѣ концовъ ничего не достигла: вольскій уѣздный судъ оставилъ обвиняемыхъ „въ сильномъ подозрѣніи“ и оштрафовалъ одного изъ нихъ,—иного постановленія нельзя было и ждать женѣ бѣглаго попа, осмѣлившейся жаловаться на полицію¹⁾. Перебирая въ памяти факты подобныхъ насилій и подобнаго правосудія, вольскіе старообрядцы рѣшили уступить губернаторскимъ настояніямъ, но предварительно предложили маленькій компромиссъ. Приговоромъ отъ 17 февраля они постановили „внять внушеніямъ“ губернатора и согласиться на обращеніе церкви въ единовѣрческую, но просить при этомъ объ одномъ,—чтобы мѣстный епископъ разрѣшилъ указнымъ предписаніемъ трехъ священниковъ и діаконъ при деревянной старообрядческой церкви и допустилъ ихъ священнодѣйствовать при открываемой церкви заочно, „не требуя къ себѣ на лицо“, равно и впредь опредѣлялъ священниковъ по желанію общества однимъ указнымъ предписаніемъ; священники эти должны стоять въ зависимости отъ попечителей старообрядческаго общества, а не отъ архіерейской власти, въ вѣдѣніе которой передаются только въ случаѣ совершенія преступленія, влекущаго за собой по церковнымъ правиламъ изверженіе изъ сана; вольское старообрядческое общество по всѣмъ дѣламъ должно зависѣть исключительно отъ гражданской власти; каменную церковь должны освятить три старообрядческихъ священника, по разрѣшенію ихъ епископомъ, на до-никоновскихъ антиминсахъ и обращающимся въ единовѣріе старообрядцамъ никакихъ разрѣшительныхъ молитвъ не читать. вмѣстѣ съ этимъ составлено было и прошеніе на высочайшее имя: въ немъ старообрядцы „безмолвно изъявляютъ желаніе на обращеніе молитвеннаго храма въ единовѣрческую церковь“, но предварительно „дерзаютъ повергнуть къ священнымъ стопамъ государя со всей откровенностью единое опасеніе“. Такъ какъ старообрядцамъ неоднократно приходилось „ощущать нѣблагорасположеніе епархіальнаго архіерея“, то они, опасаясь архіерейскихъ „притязаній и покушеній къ нарушенію нѣкоторыхъ предметовъ совѣсти“, умоляютъ подчинить ихъ по дѣламъ вѣры „не прямо епархіальному архіерею, но непосредственной власти гражданского начальства“, которое „обязается защищать ихъ отъ всего того, что имъ теперь пред-

¹⁾ Дѣло вол. гор. магистр., 1827, Ж 93; 27—151.

ставляется еще столь страшным¹⁾). Къ удивленію просителей, Голицынъ согласился на этотъ компромиссъ, взявъ подписку и прошеніе и уѣхалъ изъ Вольска. Отправившись затѣмъ по дѣламъ службы въ Петербургъ, онъ представилъ оба эти документа управляющему министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, В. С. Ланскому, который въ свою очередь передалъ ихъ на разсмотрѣніе секретнаго комитета. Въ засѣданіи 13-го марта комитетъ нашель, что „вольскіе старообрядцы вли раскольники въ данной ими подпискѣ изъявили согласіе только на то, чтобы построенная ими церковь *наименовалась* единовѣрческой; но сами они не поступаютъ въ единовѣрцы, поелику единовѣрцами называются тѣ изъ старообрядцевъ, которые присоединяются къ православной церкви на основаніи согласительныхъ пунктовъ митр. Платона“. Повтому рѣшено чрезъ управляющаго министерствомъ внутреннихъ дѣлъ предписать саратовскому губернатору привести въ исполненіе высочайшее повелѣніе объ обращеніи раскольничьяго вольскаго храма въ единовѣрческую церковь²⁾). Выѣстѣ съ докладомъ на счетъ вольскихъ старообрядцевъ Голицынъ 6 апрѣля представилъ въ министерство и докладъ объ Иргизѣ, очень рѣвкій по тому и оригинальный по проектируемымъ мѣрамъ. По мнѣнію князя, Иргизскіе монастыри суть убѣжища прайдности и разврата и расадники раскола, а потому необходимо уничтожить ихъ. По внимательномъ соображеніи дѣль объ этихъ монастыряхъ открывается слѣдующее: 1) Общество это сдѣлалось самостоятельнымъ съ того времени, какъ послѣдовали указы, освобождавшіе его отъ рекрутской повянности и утвердившіе за нимъ земли въ исключительное владѣніе посредствомъ межеваній. Но эти указы давали права только тѣмъ старообрядцамъ, которые вышли изъ-за границы; 2) состояніе иноковъ не есть наследственное: со смертію ихъ должны окончиться и преимущества ихъ; 3) распространять эти преимущества на Иргизскіе монастыри значило бы сравнять ихъ съ православными монастырями. Въ другомъ смыслѣ это было бы тоже, что правительство печется о распространеніи раскола; 4) по сему существованіе мужскихъ монастырей слѣдуетъ считать зависящимъ отъ тѣхъ старообрядцевъ, которые считались на лицо въ 1797 году и понынѣ остаются въ живыхъ, и еще отъ тѣхъ, которые въ послѣд-

1) Дѣла Секр. Ком., Vol. VI, стр. 141—143; С. И. А., Карт. А, № XXIV.

2) Дѣла Секр. Ком., Vol. VI, стр. 144—147.

нѣе время причислены къ монастырямъ окладомъ, хотя, впрочемъ, безъ всякаго законнаго основанія. По смерти ихъ церкви и другія строенія и земли должны обратиться въ ненаселенное имѣніе удѣла; 5) затѣмъ всѣ живущіе въ монастыряхъ мужскихъ своими домами и въ монастырскихъ зданіяхъ, равно и всѣ населяющія женскіе монастыри, принадлежа къ разнымъ сословіямъ, должны считаться самовольно поселившимися на земляхъ удѣльнаго вѣдомства. Никакая давность не можетъ давать имъ права осѣдлости, ибо они жили въ монастыряхъ по паспортамъ, т. е. въ видѣ временныхъ посѣтителей, и всѣ повинности за мужскимъ поломъ отправлялись по тѣмъ состояніямъ, къ которымъ они принадлежали. На этомъ основаніи, дабы съ одной стороны избавить край отъ вреда, наносимаго развратомъ и соблазномъ старообрядческихъ Иргизскихъ монастырей, а съ другой, сколько возможно, избѣжать рѣшительныхъ мѣръ къ уничтоженію этого общества, князь полагалъ постановить слѣдующія правила: 1) Иргизскіе монастыри считаются существующими только въ продолженіи жизни иноковъ, бывшихъ на лицо въ 1797 году и въ послѣдующее время формально причисленныхъ къ монастырямъ. По смерти ихъ монастыри уничтожаются, а земли, которыми они владѣли, передаются удѣлу; 2) монастырямъ строжайше воспретить вновь принимать въ монашество и для постояннаго жительства новыхъ лицъ; 3) равномерно воспретить имъ пріемъ бѣглыхъ поповъ и съ послѣдними, въ случаѣ поимки, поступать какъ съ отступившими отъ правилъ господствующей церкви; 4) проживающимъ своими домами въ монастыряхъ по паспортамъ дозволяется жить тамъ, доколѣ дома ихъ будутъ способны къ тому безъ возобновленія; 5) міряны и не причисленныхъ въ окладъ выслать въ мѣста ихъ жительства и впредь посѣщеніе ими монастырей ограничить не болѣе, какъ тремя мѣсяцами; 6) монастыри подчиняются болѣе строгому надзору полиціи, въ видахъ преслѣдованія разврата и пресѣченія соблазновъ; 7) утвержденіе избираемыхъ въ монастыряхъ настоятелей предоставить; вмѣсто удѣльной конторы, гражданскому губернатору, ибо лица эти, по существу своихъ обязанностей, должны подлежать болѣе полицейскому надзору, чѣмъ хозяйственному. Мѣры эти—находиль Голицынъ—не содержатъ въ себѣ никакихъ новыхъ узаконеній, но истекають изъ существующихъ законовъ о порядкѣ,

тишинѣ, спокойствіи, преслѣдованіи соблазновъ и пресѣченіи празднопшательства. Онѣ были бы не нужны, если бы обрацаемо было надлежащее вниманіе на поведеніе монашествующихъ, если бы число монашествующихъ старообрядцевъ было ограничено тѣмъ количествомъ, какое было въ 1797 году; тогда достаточно было бы однихъ обыкновенныхъ способовъ, предоставляемыхъ мѣстной полиціей, остановить стремленіе праздныхъ людей въ эти обители и удерживать ихъ въ положеніи, приличномъ скромнымъ убѣжищамъ отъ свѣта, не допуская иноковъ до привлеченія послѣдователей раскола. Мѣры эти можно осуществить и тогда монастыри сами собой уничтожатся. Ланской, противъ ожиданій Голицына, не принявъ предлагаемыхъ имъ мѣръ и докладъ долго пролежалъ въ министерскомъ портфельѣ, прежде чѣмъ дождался утвержденія¹⁾.

Почти одновременно съ поѣздкой Голицына въ Вольскъ пензенскій генераль-губернаторъ Бахметьевъ сообщилъ преосв. Иринею, что вслѣдствіе распространенія по управляемымъ имъ губерніямъ раскольниковъ сектъ онъ получилъ высочайшее повелѣніе обратить на это строгое вниманіе и принять дѣятельныя мѣры для искорененія ихъ, а потому и просилъ предписать духовенству раскольниковъ приходоѡ оказать содѣйствіе гражданской власти. Преосвященный рапортомъ отъ 8 февраля донесъ синоду о приказаніи Бахметьева отъ имени государя и сообщилъ, что онъ находитъ весьма полезнымъ учредить должность особыхъ священниковъ-миссіонеровъ, по одному и болѣе на уѣздъ, которые, получивъ предварительно отъ него нужное архипастырское наставленіе и не требуя на разъѣзды денегъ (?), могли бы при каждомъ удобномъ случаѣ дѣйствовать на раскольниковъ путемъ „зрѣлыхъ увѣщаній“. Синодъ согласился съ предложеннымъ проектомъ и потребовалъ только, чтобы требы и богослуженіе въ приходоѡхъ миссіонеровъ отпращивались неопустительно²⁾. Но не успѣлъ еще синодъ обсудить рапортъ преосвящ. Ирины и самъ Ириней едва успѣлъ отписать Бахметьеву, что „миссіонерскія увѣщанія болѣе имѣютъ силы тамъ, гдѣ есть содѣйствіе гражданского правительства“ и потому должно дать распоряженіе чинамъ полиціи о содѣйствіи предполагаемымъ мис-

¹⁾ Ниж. сем. библ., № 3774, 187—189. Св.: Леопольдовъ, Ист. зам. о Самар. краѣ, 87—90.

²⁾ Собр. пост., по вѣд. св. Свн., II, 209—211.

сионерамъ, какъ одно высочайшее повелѣніе было отмѣнено другимъ: 27 марта Ириней сообщалъ митрополиту Серафиму петербургскому, что Бахметьевъ извѣстилъ его о новомъ повелѣніи государя императора—прекратить дѣйствіе принятыхъ противъ раскольниковъ строгихъ мѣръ и ограничиться только исполненіемъ общихъ законовъ, съ такимъ добавленіемъ, что отъ раскольниковъ должна быть скрыта эта переимѣна въ распоряженіи правительства, дабы они, узнавши о ней, не сдѣлались слишкомъ дерзки, какъ прежде бывало¹⁾. Серафимъ, изумленный нѣсколько этой рѣзкой переимѣной и слишкомъ уже замѣтной неустойчивостью правительственной политики по части раскола, попытался было представить рапортъ Ириней секретному комитету, но и комитетъ ничего не придумалъ сдѣлать, въ виду категоричности названнаго высочайшаго повелѣнія, и постановилъ только: „принять къ надлежащему свѣдѣнію“²⁾.

Только что возвратился Голицынъ изъ Петербурга, какъ отъ Ланского пришла 3 мая бумага, указывавшая, что вверху на Иргизь обратили серьезное вниманіе. Ланской писалъ со словъ министра двора, князя Волконскаго, что по свѣдѣніямъ, полученнымъ отъ ревизовавшаго саратовское удѣльное имѣніе чиновника, жители Иргизскихъ монастырей, особенно женскихъ, „ведутъ жизнь крайне развратную и разнаго рода обманами переманиваютъ въ свое общество другихъ поселянъ, и что монастыри сіи, по удобству мѣстоположенія, нерѣдко служатъ пристанищамъ бѣглыхъ людей“. Кн. Волконскій, получивъ такія свѣдѣнія, полюбопытствовалъ узнать, существуетъ ли за монастырями этими какой-нибудь полицейскій надзоръ со стороны саратовскаго губернскаго начальства. Ланской остался недоволенъ этимъ запросомъ и предписалъ Голицыну немедленно сдѣлать зависящія распоряженія къ прекращенію „только предосудительныхъ и общему благоустройству противныхъ безпорядковъ“³⁾. Голицынъ замедлилъ отвѣтомъ: онъ не придумалъ никакихъ мѣръ къ предотвращенію „толькокихъ безпорядковъ“, кромѣ изложенныхъ въ докладѣ его 6 апрѣля, который не получилъ утвержденія со стороны управляющаго министерствомъ внутреннихъ дѣлъ. Князь остановился въ недоумѣніи: онъ не зналъ, съ чего начать. Между

¹⁾ Дѣла Секр. Ком., Vol. XIII, л: 408—409.

²⁾ Ibidem, Vol. VI, стр. 230.

³⁾ С. И. А., I, А, № 11, 59.

тѣмъ въ Петербургѣ вспомнили его обѣщаніе составить проектъ мѣръ по упорядоченію дѣлъ на Иргизѣ и 18 мая сообщили, что ждутъ, въ замѣну лежащаго подъ сукномъ апрѣльскаго проекта его, другого, который „въ настоящихъ обстоятельствахъ могъ бы быть весьма полезенъ“. Голицынъ рѣшился приступить къ дѣлу и 28 мая приказалъ своему чиновнику особыхъ порученій, Л. А. Полонскому, ѣхать въ монастыри и составить подробное историко-статистическое описаніе ихъ,—составленное ранѣе исправникомъ и удѣльной конторой, очевидно, не удовлетворяло его,—затѣмъ разслѣдовать, дѣйствительно ли съ священника Петрова, окрестившаго пять человекъ, не взята была подписка о несобращеніи въ расколъ, и попытаться склонить иноковъ Нижняго монастыря къ принятію единовѣрія. Въ помощь ему онъ командировалъ новаго вольскаго исправника Христіана Шенне, а должность послѣдняго временно передалъ извѣстному уже намъ засѣдателю Юрасову. Полонскій собрался въ дорогу не сразу,—предварительно онъ поторговался съ казенной палатой, которая отпустила ему прогоновъ 75 р., и вытребовалъ у нея чрезъ губернатора еще 125 р.¹⁾ и на Иргизъ прибылъ вмѣстѣ съ Шенне только 4 іюня. Тамъ, по словамъ очевидца, іеромонаха Арсенія, они до 6 числа трудились надъ составленіемъ описанія монастырей,—и при этомъ, замѣчу кстати, ничего новаго сравнительно съ описаніемъ Прохора не сказали,—а въ этотъ день Полонскій объявилъ настоятелю Адріану и четыремъ соборнымъ старцамъ, каждому порознь, волю правительства, чтобы Иргизскимъ монастырямъ бѣглыхъ поповъ болѣе не имѣть, пояснивъ, что находящіеся въ нихъ теперь будутъ отобраны, а вмѣсто нихъ монастыри могутъ получить новыхъ или непосредственно отъ епархіальнаго архіерея, или чрезъ губернатора. Полонскій не зналъ еще, что государь не согласился на ходатайство Голицына о разрѣшеніи раскольникамъ сноситься съ епархіальной властью чрезъ губернатора, находя, что это „и неудобно и неприлично для православной церкви“, такъ какъ при такомъ порядкѣ старообрядцы будутъ представлять собою „одну изъ договаривающихся сторонъ и тѣмъ дѣйствовать на простодушныхъ“,—этотъ отвѣтъ на докладную записку князя былъ полученъ въ Саратовѣ только 11 іюля²⁾. За дальнѣй-

¹⁾ Ibidem, 60—68. Мордовцевъ („Дѣло“, 1872, № 1, 100) путаетъ хронологию и передаетъ событія въ томъ порядкѣ, въ какомъ подняты бумаги дѣла губернаторской канцеляріи, послужившаго для него источникомъ.

²⁾ С. И. А., I, А, № 11, 103.

ними распоряженіями Полонскій велѣлъ явиться четыремъ главнымъ старцамъ къ губернатору въ Вольскъ. Адрианъ съ тремя старцами въ силу этого приказанія отправился 13 числа въ путь, но не доѣзжая до Вольска верстъ 15-ти встрѣтилъ посланнаго отъ исправника нарочнаго, который велѣлъ ему возвратиться назадъ, такъ какъ губернаторъ самъ скоро посѣтитъ монастыри¹⁾.

Пока Полонскій работалъ въ монастыряхъ, Голицынъ принималъ въ Вольскѣ рекрутъ 92 рекрутскаго набора и безуспѣшно убѣждалъ мѣстныхъ старообрядцевъ принять единовѣріе. „Я нашелъ вольскихъ старообрядцевъ уже не въ той готовности, съ какой они дали подписки свои на обращеніе выстроеннаго ими храма въ единовѣрческую церковь“, — писалъ онъ министру внутреннихъ дѣлъ Закревскому въ отчетѣ объ этой поѣздкѣ. „Они впродолженіи столь значительнаго времени, сбитые съ пути истины разувѣреніями Иргизскихъ монастырей, — симъ гнѣздилищемъ безразсудныхъ толковъ, мнимой набожности и избытка въ порокахъ, — уже отклонили прежде объявленную ими готовность на то согласіе, какое объявлено будетъ мнѣ въ отношеніи къ сему предмету со стороны тѣхъ старообрядческихъ монастырей. Поставивъ такимъ образомъ себѣ за правило дѣйствовать во всякомъ случаѣ съ сими монастырями единодушно, они приняли оное въ томъ упованіи, что монастыри изъ единаго опасенія своего быть обращенными, подобно всякому молитвенному храму, въ единовѣрческіе, останутся непоколебимыми въ измѣненіи древнихъ своихъ обрядовъ и тѣмъ отвергнувъ предлагаемое единовѣріе, дадутъ чрезъ то и имъ способъ остаться въ одинаковой съ ними степени. Вмѣстѣ съ симъ узналъ я, что Иргизскіе монастыри, нарядивъ отъ себя депутацію, изъ 12 (?) иноковъ состоящую, отправили оную ко мнѣ. Не постигая, для какой цѣли составляется сія депутація, я однако-жъ имѣю въ предметѣ моемъ, что обращеніе монастырей въ единовѣрческія обители не столько трудно, какъ присоединеніе вольскихъ старообрядцевъ къ единовѣрческой церкви. По симъ причинамъ, опасаясь, дабы съ прибытіемъ въ Вольскъ сказанныхъ иноковъ не могъ составиться изъ нихъ, такъ сказать, новый соборъ защитниковъ ереси, который могъ бы содѣлаться гласнымъ и тѣмъ послужить вреднымъ примѣромъ для вольскихъ старообрядцевъ, сего только ожидавшихъ, я при-

¹⁾ Ниж. сем. библ., № 3774, 407.

казаль предварить тѣхъ иноковъ, чтобы они, не переправляясь черезъ Волгу, возвратились въ свои обители¹⁾. Въ Вольскѣ князю ничего не удалось сдѣлать: „молитвенный храмъ тотъ остается донынѣ въ прежнемъ его положеніи“, говорится далѣе въ донесеніи Закревскому. „Обратить оный въ православную церковь нашу на точномъ основаніи высочайшей воли, значило бы, по мнѣнію моему, дать способъ вольскимъ старообрядцамъ остаться при терпимомъ отреченіи ихъ отъ прежняго даннаго ими согласія на обращеніе храма сего въ единовѣрческую церковь,—согласія, имѣющаго, впрочемъ, нѣкоторые исключенія изъ правилъ преосв. Платона, отвергнутыя министромъ внутреннихъ дѣлъ; но отверженіе сіе, какъ объясняютъ старообрядцы, не имѣетъ себѣ основаніемъ высочайшаго повелѣнія. Оно только сильно заставитъ ихъ обратиться въ единовѣрцевъ и сіе тѣмъ необходимѣе, что они уже близки къ сему соединенію. Примѣру ихъ послѣдуютъ, конечно, и монастыри иргизскіе²⁾. Оставимъ на время княжескія предположенія и перейдемъ къ фактамъ. Къ вечеру 14 іюня онъ пріѣхалъ въ Нижній монастырь и приступилъ къ „обращенію“. Есть два разсказа о томъ, какъ велъ онъ это дѣло: цитированный уже рапортъ самого Голицына Закревскому и „Описаніе“ обращенія Нижняго монастыря въ единовѣріе, составленное по приказанію преосвящ. Іакова іеромонахомъ Арсеніемъ, свидѣтелемъ-очевидцемъ передаваемыхъ событій. Эти два разсказа далеко не вездѣ совпадаютъ; факты передаются одни и тѣже, но озвѣщеніе, детали—совсѣмъ разныя; маленькій примѣръ этого уже видѣнъ въ исторіи съ иргизской депутаціей,—Арсеній говоритъ, что поѣхали въ Вольскъ 4 старца, по распоряженію Полонскаго; Голицынъ насчитываетъ ихъ 12 человекъ и не постигаетъ, съ какой стати ѣхали они. Но это мелочь; гораздо больше неточностей и даже умышеннаго извращенія дѣйствительности найдемъ далѣе. Кто изъ двоихъ ближе къ правдѣ—рѣшить не трудно: не говоря уже о томъ, что разсказъ Арсенія,—не раскольника, а единовѣрца,—подтверждается и разсказомъ независимаго автора, помѣщеннымъ въ рукописи „Брат. Св. Креста“, № 513, необходимо принять въ соображеніе, что полезно было кое о чемъ умолчать и кое-что передать въ другомъ видѣ одному толь-

¹⁾ С. И. А., I, А. № 11, 118—119.

²⁾ Ibidem, 128—129.

ко Голицыну, писавшему по начальству; посторонніе свидѣтели несомнѣнно должны были изложить дѣло гораздо объективнѣе, чѣмъ участникъ и дѣятель, вынужденный къ тому же представить себя передъ Закревскимъ въ ореолѣ прозорливости, исполнительности и законности. Вотъ почему канвой для разсказа о посѣщеніи Голицынымъ Иргиза я возьму „Описаніе“ Арсенія и сходное съ нимъ „Описаніе“ неизвѣстнаго автора, а не рапортъ Закревскому, какъ это дѣлаетъ Мордовцевъ.

По пріѣздѣ въ монастырь, Голицынъ собралъ всѣхъ иноковъ, числомъ 62 человека, и „вычиталъ имъ секретно положеніе вышшаго правительства, утвержденное государемъ императоромъ, о томъ, чтобы всѣ монастыри старообрядческіе, по Иргизу состоящіе, уничтожить и закрыть; имущество монастырское отдать въ казну удѣла и землю причислить къ землѣ удѣла; иноковъ посторонняго вѣдомства разослать въ свои ихъ мѣста, а удѣльныхъ размѣстить по слободамъ и селамъ обще съ удѣльными крестьянами; но ежели жители монастырей будутъ просить оставить монастыри съ ихъ имуществомъ и землею за ними, съ тѣмъ, что они желаютъ имѣть церковь единовѣрческую, въ такомъ случаѣ отдать имъ монастыри и все ихъ имущество и сдѣлать тогда по согласію мѣстнаго архіерея и по ихъ желанію освященіе церквей въ единовѣрческія и составить всему штату, на каковой конецъ предложилъ настоятелю и соборнымъ старцамъ пріѣхать къ нему въ Саратовъ“¹⁾. Иноки отвѣтили на это, что монастырь принять единовѣріе не желаетъ да и не можетъ, тѣмъ болѣе что одинъ монастырь, безъ согласія двухъ другихъ, не имѣетъ и права рѣшиться на такой шагъ. Голицынъ, боявшійся новаго собора „защитниковъ ереси“, не согласился дать время для совмѣстнаго обсужденія вопроса о принятіи единовѣрія всѣми тремя монастырями и какъ вечеромъ 14-го, такъ и утромъ 15-го „настоятельно требовалъ на согласіе принятія церкви единовѣрческой подписки“. Монастырь отказался. Князь началъ убѣждать, что „подписка потребна не ради каковаго утвержденія со стороны жителей Нижне-Воскресенскаго монастыря самаго дѣла, но проформы ради и убѣжденія другихъ къ тому же монастырей“.

¹⁾ Ниж. сем. библ., № 3774, 407. Поповъ (IV, 40) ошибочно полагаетъ, что Голицынъ явился въ монастырь для исполненія указа о передачѣ Иргизскихъ монастырей исключительному надзору губернскаго начальства: этотъ указъ, какъ увидимъ дальше, дошелъ до Голицына только 20 сентября.

Не дѣйствовало и такое объясненіе. Тогда князь объявилъ, что, въ случаѣ несогласія обоихъ другихъ монастырей на дачу такой же подписки, онъ безъ замедленія возвратитъ жителямъ Нижняго монастыря данную ими. Повѣривъ словамъ Голицына, настоятель Адрианъ, схимники Прохоръ и Савва, иноки Никаноръ, Феодоритъ, Мардарій, Игнатій и Арсеній дали требуемую подписку, но только на послѣднемъ условіи, „сколько по причинѣ упованія, что благородная душа не поклеплетъ и не солжетъ, какъ и въ законѣ написано, а болѣе потому, что его сѣятельство одного престарѣлаго инока, по имени Иоасафа, не хотящаго подписать, при всей братіи лишилъ иноческаго чина, снявъ камилавку, и отправилъ его въ Саратовъ, причтя ему въ вину, якобы таковою неподпискою ослушается выполнить высочайшую государя волю“¹⁾. Самъ Голицынъ передаетъ дѣло иначе: „Отправясь въ иргизскіе монастыри,—говоритъ онъ,—я въ ближайшемъ изъ нихъ къ Вольску, такъ называемомъ Нижне-Воскресенскомъ, нашель помянутую депутацію, неизвѣстно для чего тамъ остановившуюся, тогда какъ сіи монахи знали, что я осматривать буду всѣ монастыри ихъ“²⁾. Окруженъ будучи ими, я услышалъ отъ нихъ первый вопросъ: „а что будетъ съ нашей вольской церковью“. Итакъ, мнѣ надлежало разрѣшить оный не изустнымъ объявленіемъ высочайшей о ней воли, но непременно дозволеніемъ моимъ прочесть имъ то высочайшее о вольскомъ молитвенномъ храмѣ повелѣніе, которымъ велѣно обратитъ оный въ единовѣрческую церковь на точномъ основаніи мнѣнія митр. Платона. Къ исполненію сего я подвигнуть былъ тѣмъ болѣе обстоятельствомъ, что не токмо живущіе въ монастырѣ иноки, но даже многіе и изъ вольскихъ старообрядцевъ относили высочайшее о молитвенномъ храмѣ ихъ повелѣніе къ собственному распоряженію министерства внутреннихъ дѣлъ, безъ всякаго вліянія на оное государя императора, и что схимникъ Прохоръ увѣрялъ меня неоднократно, что если воспослѣдуетъ высочайшая Е. И. В. воля объ обращеніи Иргизскихъ монастырей въ единовѣрческіе, то оны надѣется, что къ исполненію ея не встрѣтится никакихъ пре-

¹⁾ Ниж. сем. библ., № 8774, 406; Бр. Св. Кр., № 513, 181; „Сынъ Отеч.“, 1862, № 38.

²⁾ Голицынъ долженъ былъ знать, зачѣмъ ѣздилъ къ нему въ Вольскъ депутатъ, такъ какъ до пріѣзда еще въ монастырь видѣлся съ Полонскимъ, который не могъ, конечно, не сообщить ему о своемъ распоряженіи, если даже сдѣлалъ его помимо вѣдѣнія Голицына.

Прим. авт.

пятствій и что самъ онъ будетъ примѣромъ въ томъ для своей братіи. Но когда дозволилъ я симъ собравшимся инокамъ прочесть предписаніе ко мнѣ по сему предмету управлявшаго министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, то весьма немногіе изъ нихъ могли понять оное, прочіе же затѣмъ или по простотѣ своей, или по совершенному упрямству, или по безразсудку своему, не видя въ томъ предписаніи, чтобы помѣщенное въ немъ высочайшее о молитвенномъ храмѣ повелѣніе объявлялось мнѣ высочайшимъ именемъ Е. И. В., т. е. подобно тому, какъ объявляются правительствующимъ сенатомъ именныя его величества повелѣнія,—остались при томъ заблужденіи, что дѣйствіе сіе происходитъ по единственному направленію управлявшаго министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, въ какомъ заблужденіи, сверхъ чаянія моего, остался и извѣстный перво-статейный вольскій кунецъ Петръ Сапожниковъ¹⁾. Такимъ образомъ Голицынъ умалчиваетъ о „секретномъ вычитываніи“ несуществующаго положенія правительства касательно закрытія всѣхъ Иргицкихъ монастырей и утверждаетъ, что давалъ инокамъ читать министерское предписаніе о вольскомъ храмѣ. Но если Голицыну позволительно было скрыть отъ Закревскаго свою попытку подѣйствовать на инокъ посредствомъ прочтенія имъ подложнаго высочайшаго повелѣнія, то намъ еще болѣе позволительно спросить, зачѣмъ понадобилось читать въ монастырѣ бумаги о вольскомъ храмѣ? Какое отношеніе имѣли онѣ къ Иргицу и чего могъ достичь Голицынъ чрезъ ознакомленіе съ ними иночествующей братіи? Вѣдь болѣе чѣмъ странно было бы думать, что „сіи невѣжды“ убѣдятся какой бы то ни было бумагой и стануть помогать Голицыну въ склоненіи вольскихъ старообрядцевъ къ единовѣрью. Обращать въ единовѣрце жителей Вольска... на Иргицъ—это даже не оригинально, а просто нелѣпно, и нельзя предположить, чтобы Голицынъ не понималъ этого, а потому приходится признавать, что онъ описывалъ Закревскому далеко не то, что было на дѣлѣ. Но послушаемъ дальше его рассказы. „Оставшись въ монастырѣ съ одними только живущими тамъ иноками, я, при благоразуміи схимника Прохора, убѣдилъ ихъ изъявить полную готовность и усердіе на присоединеніе ихъ къ единовѣрческой церкви *съ принятіемъ оныхъ правилъ митр. Платона*. Сей схимникъ Прохоръ первый вызвался дать мнѣ въ томъ подписку, а съ

¹⁾ С. И. А., I, А, № 11, 120—122.

нимъ вмѣстѣ подписались и нынѣшній настоятель онаго монастыря Адрианъ, уставщикъ Никаноръ, иноки: Савва, Феодоритъ, Мардарій, Игнатій и Арсеній. Но при семь разѣ, при семь усердномъ (sic) присоединеніи сихъ иноковъ къ единовѣрію,—ибо они уже знали, что такимъ дѣйствіемъ исполняется всеавгустѣйшая воля государя императора,—одинъ изъ нихъ, Іоасафъ, сущій невѣжда, заколебавшій въ грубыхъ своихъ предразсудкахъ и суевѣріи, остался къ тому непреклоненъ. Онъ въ то время, какъ расположился я въ монастырѣ до другого дня, не токмо бѣгалъ во всю ночь изъ одной кельи въ другую, устранивалъ гнѣвомъ Божиимъ изъясвившихъ желаніе принять единовѣріе, убѣждалъ и настаивалъ отвергнуть сіе, во мнѣнію его, пагубное для нихъ намѣреніе, но даже дозволилъ себѣ возмущать подобнымъ образомъ и живущихъ близъ монастыря старообрядцевъ, удѣльныхъ крестьянъ селенія Криволучья. Сей дерзновенный поступокъ Іоасафа тотчасъ доведенъ былъ на другой день до свѣдѣнія моего самимъ настоятелемъ и иноками. Они, являсь ко мнѣ, убѣждали или дать имъ дозволеніе разстричь сего негодяя, или исторгнуть его навсегда изъ ихъ обители, присовокупляя къ тому, что по буйному духу его онъ уже не одинъ разъ находился въ подобныхъ сему дѣлахъ, ссорахъ, враждахъ и всякихъ неистовствахъ. Обурываемый такимъ духомъ примѣрной дерзости, онъ даже рѣшился объявить и мнѣ, что „къ единовѣрческой церкви онъ не присоединится и тогда, если бы послѣдовало на то высочайшее государя императора повелѣніе, хотя, впрочемъ, знаетъ, что оное должно быть священно“. По симъ причинамъ, дабы съ одной стороны удовлетворить убѣжденіямъ настоятеля и иноковъ, а съ другой—чтобы сіе противозаконное дѣйствіе Іоасафа не могло имѣть на другихъ пагубнаго вліянія, я приказалъ тотчасъ отправить его ко мнѣ въ Саратовъ¹⁾.

Заручившись подпиской, Голицынъ отправился въ Средній и Верхній монастыри, но ни эти два, ни находящіеся около нихъ женскіе не соблазнились примѣромъ Нижняго и не согласились дать подобныхъ подписокъ. Губернатору по необходимости пришлось ограничиться собираніемъ въ десятый разъ свѣдѣній о порядкѣ управленія монастырями, осмотромъ церквей и келій, снятіемъ копій съ семи антимисовъ и снятіемъ колоколовъ съ часовенъ, да предположеніями, кого изъ

1) Ibidem, 122—123.

иночествующихъ нужно немедленно удалить изъ монастыря. Самымъ важнымъ результатомъ этого объезда было взятіе съ настоятелей подписки о прекращеніи постриженія въ монашество приходившихъ въ монастыри и о недержаніи въ обители лицъ съ просроченными паспортами¹⁾. Въ донесеніи Закревскому Голицынъ постыдился сообщить о безуспѣшности своихъ миссіонерскихъ трудовъ и увѣрялъ, что ни въ одной изъ иргизскихъ обителей, кромѣ Воскресенской, „не дѣлалъ уже убѣжденій о присоединенію къ единовѣрью“, ибо довольно ясно видѣлъ, „сколь далеки живущіе тамъ отъ онаго и сколь трудно отклонить ихъ отъ упорныхъ заблужденій.“ Причину упорства онъ видѣлъ „въ нелѣпомъ предубѣжденіи ихъ о какой-то пагубѣ, которая будто бы неразлучна съ обращеніемъ ихъ къ единовѣрью, какъ съ слѣдствіемъ расторженія сохраняемыхъ ими древнихъ уставовъ церкви“. Озлобленный неудачей, онъ допускаетъ дальше логическій кругъ въ своемъ разсужденіи, — объясняетъ упорство иноковъ вліяніемъ вольскихъ старообрядцевъ, тогда какъ раньше упорство вольскихъ старообрядцевъ объяснялъ вліяніемъ иноковъ, — и не останавливается предъ инсинуаціей на счетъ удѣльной конторы: удѣльные чиновники, — пишетъ онъ, — распоряжаясь старообрядческими монастырями непосредственно, по праву принадлежности ихъ къ удѣлу, стараются подъ рукою тайными внушеніями своими направлять по своему преднамѣренію, обезсиливая въ понятіяхъ ихъ всѣ распоряженія правительства и тѣмъ удерживая ихъ въ твердыхъ границахъ упорнаго отреченія отъ соединенія съ православною церковью нашей, имѣя, конечно, въ предметѣ своемъ то обстоятельство, что въ противномъ сему случаѣ монастыри Иргизскіе должны будутъ перейти уже въ зависимость духовнаго начальства и слѣдовательно отторгнутся отъ учета въ доходахъ ихъ и распоряженія ими удѣльной конторы“²⁾.

Оффиціальная работа въ монастыряхъ окончилась 16 іюня: внушенія выслушаны, колокола сняты, обязательства, какія можно, даны, губернаторъ съ его свитой выпровожены и напутствованы благожеланіями. Теперь началась работа неоффиціальная. Извѣстіе о намѣреніи Нижняго монастыря примкнуть къ единовѣрью, какъ громомъ, поразило Иргизь. Ужасъ объялъ всѣхъ ревнителей стари-

¹⁾ Ibidem, 181; Нум. сем библи., № 3774, 408.

²⁾ С. И. А., № 11, 124.

ны, когда они увидѣли подъ согласіемъ на единовѣріе характерную подпись Прохора. Въ Верхнемъ монастырѣ немедленно составилъ соборъ, во главѣ котораго сталъ доселѣ малоизвѣстный инокъ Силуанъ, въ міру Семень Никифоровъ, сынъ крестьянина конюшеннаго вѣдомства, бывшій маркеръ московскихъ трактировъ и бѣглый рекрут¹⁾. Соборъ этотъ отлучилъ отъ общенія жителей Нижняго монастыря и постановилъ увѣдомить объ этомъ событіи особыми извѣстительными письмами иногороднія старообрядческія общества. Силуанъ вмѣстѣ съ своимъ послушникомъ, Аеономъ Кочуевымъ, недавно еще прибывшимъ въ Верхній монастырь, разослали письма въ Петербургъ—Королевской общинѣ, въ Москву—на Рогожское, въ Екатеринбургъ—Рязанову, на Керженецъ, въ Казань, Пермь, на Уралъ, на Донъ, на Кавказскую линію, словомъ, повсюду, гдѣ были сколько-нибудь крупные центры поповщины. Увѣдомляя о событіяхъ дня, они въ то же время сообщали своимъ единомышленникамъ, что, несмотря на всѣ настоянія верховной власти принять единовѣріе, иноки рѣшились лучше пострадать и умереть, чѣмъ согласиться на измѣну завѣтамъ отцовъ; къ тому же убѣждали и всѣхъ остальныхъ старообрядцевъ, опасаясь, что гоненіе на расколъ приметъ характеръ повсемѣстнаго явленія²⁾. Прохору было послано особое увѣщаніе. Въ старообрядческомъ мірѣ поднялась буря. Въ Нижній монастырь полетѣли письма. На голову Прохора посыпались упреки въ отступничествѣ. Присылка подааній монастырю прекратилась, многіе изъ иноковъ и бѣльцовъ громко протестовали и осуждали поспѣшность своихъ заправиль, другіе бросали монастырь и расходились по разнымъ сторонамъ. Въ заключеніе всего чело-вѣкъ 50 изъ жителей Криволучья собрались въ монастырь и настоятельно, съ угрозами, требовали отъ восьми старцевъ, чтобы они немедленно отказались отъ своего намѣренія. Подъ этимъ градомъ упрековъ, угрозъ, увѣщаній, подъ этимъ моральнымъ гнетомъ стоять было трудно и 21 іюня Адрианъ созвалъ на соборное разсужденіе „братію иноковъ и бѣльцовъ удѣльнаго вѣдомства и всѣхъ иноковъ изъ людей посторонняго вѣдомства при монастыряхъ проживавшихъ по увольненію и паспортамъ“ и всѣмъ соборнѣ изложилъ ходъ дѣла. Объясненіе Адриана удовлетворило собравшихся на совѣщаніе и они

¹⁾ Рус. Вѣст., 1866, № 5, 74.

²⁾ Паладій, Обзор. перм. раск., 12.

единогласно приняли слѣдующую резолюцію: „Просимъ настоятеля объяснить его сіятельству, сар. гражд. губернатору, что такъ какъ монастырь нашъ имѣетъ святую и апостольскую церковь... безъ всякихъ измѣненій, или прибавленій, или убавленій по старопечатнымъ книгамъ единую вѣру, принятую равноапостольнымъ княземъ Владиміромъ и до лѣтъ Никона, патріарха московскаго, 650 лѣтъ всею Россіей свято чтимую и св. отцы россійскіе чудотворцы и соборомъ московскимъ, рекомымъ стоглавымъ,... подтверждаемую,... то и не можемъ оставить ее ни по какому случаю; церкви же единовѣрческой на пунктахъ Платона митрополита никто изъ насъ не только не просить и не желаетъ, но даже о принятіи оной и помыслить не можемъ, хотя бы то страхомъ, угрозами, раззореніемъ и самымъ истязаніемъ принуждаемо было, тѣмъ паче, что предки наши и мы около 170 лѣтъ не состоимъ въ паствѣ архіереевъ церкви велико-россійской. Волѣ Е. И. В. никакъ не противимся и съ вѣрноподданнѣйшей любовью приедемъ утѣшеніе священства, при насъ находящагося, уничтоженіе монастыря, лишеніе насъ его имущества, нами собраннаго отъ добротныхъ дателей-старообрядцевъ, жирущихъ во всей Россіи и Сибири, лишеніе земли, собственно монастырю высочайше дарованной, и расточеніе насъ самихъ вонъ изъ монастыря. Сколько бы для насъ ни прискорбно было, но все то изъ повинненія правительству готовы перенести, только церковь единовѣрческую принять совѣсть намъ не допускаетъ. А потому, какъ поспѣшно данная безъ общаго согласія всѣхъ монастырей его сіятельству подписка положила многимъ, ревнующимъ весьма усердно ко древней св. церкви и ея обрядамъ, соблазнъ и претыканіе, то, во исцѣленіе такового соблазна, просимъ настоятеля нашего, когда получить онъ отъ его сіятельства обратно ту подписку, тогда явить намъ оную соборнѣ, такожде явить вообще съ симъ приговоромъ въ Средне-Никольскомъ и Верхне-Спасопретображенскомъ монастыряхъ, дабы они таковою нашею непредусмотрительностью, что могла подписки, *проформы* ради данная, подѣйствовать, были успокоены и увѣрены, что настоятель и вся братія отнюдь не имѣли сердечнаго чувства отступать отъ святаго церкви, нами всѣми чтимой, и принять вмѣсто оной церковь единовѣрческую, выше объясненную, и никого къ тому и никто по совѣсти не имѣетъ изъ насъ желанія и согласія“. Это постановленіе, подписанное 29 ию-

ками и бѣльцами, въ числѣ которыхъ были и 8 человекъ давшихъ подписку Голицыну, на другой же день отослано было Адрианомъ къ губернатору вмѣстѣ съ такимъ письмомъ: „Всепокорнѣйше просимъ ваше сіятельство простить нашей неусмотрительности великодушно; мы сами никакъ не предвидѣли того, какое дѣйствіе возымѣетъ подписка в. с., не ради какого утвержденія со стороны нашей самага дѣла, но проформы ради давая и на условіи самимъ в. с. предложенномъ, т. е. ежели оба другіе монастыря на такую не согласятся, то и нашу подписку возвратитъ намъ обратно; но коль скоро узнали оба монастыря и самые жители здѣшняго монастыря о дачѣ нами таковой подписки, то и отринули насъ отъ себя, а служащіе при монастырѣ нашемъ иноки и бѣльцы посторонняго вѣдомства всѣ разошлись и оставили всѣ нужныя монастырскія работы и потребности, и ничѣмъ ихъ успокоить и пригласить на службу въ монастырь нѣтъ возможности, какъ только увѣрить тою подпискою, когда изволите ее намъ возвратитъ. Всепокорнѣйше и убѣдительнѣйше просимъ в. с. возвратитъ намъ оную нашу подписку, по честному и вѣрному в. с. слову, и въ надеждѣ полученія таковой милости остаемся в. с., милостивѣйшаго государя, всепокорнѣйшіе слуги и бсгомольцы“¹⁾.... Если раньше губернаторъ могъ разсчитывать сдѣлать что-нибудь съ помощью отобранной подписки, то теперь долженъ былъ бросить всякую надежду: откровенное письмо Адриана очень рѣзко противорѣчило его донесенію въ министерство, — тамъ онъ ни о какихъ „проформахъ“ не сообщалъ, — и дать оффиціальныи ходъ дѣлу, круто настаивать на выполненіи выманеннаго обязательства представлялось совсѣмъ неудобнымъ. Голицынъ уступилъ, хотя и не въ томъ видѣ, какъ желала братія Нижняго монастыря: вопреки „честному и вѣрному“ слову своему, онъ подписки не возвратилъ, письменно предписавъ Полонскому объявить просителямъ, что возвратитъ нельзя, ибо она уничтожена уже“²⁾).

Въ то время, какъ въ монастыряхъ шли волненія, измышлялись средства противодѣйствія надвигавшейся грозѣ, Голицынъ въ Саратовѣ подводилъ итоги своей поѣздкѣ. Прежде всего онъ занялся составленіемъ отчета въ министерство. Описывая поѣздку въ

¹⁾ Бр. Св. Кр., № 513, 181—183. См.: „Сынъ Отеч.“, 1862, № 38.

²⁾ Бр. Св. Кр., № 513, 183.

монастыри и подвиги свои въ Вольскѣ, о чемъ мы уже знаемъ изъ предыдущаго, онъ въ этомъ отчетѣ излагалъ дальше произведенное на него обзоромъ монастырей впечатлѣніе и снова проектировалъ разныя мѣры для прекращенія раскола. Впечатлѣніе, какъ и слѣдовало ожидать, онъ вынесъ далеко не благопріятное: монастыри эти, по отзыву князя, „кромѣ истиннаго пріюта бѣглецамъ, разврата, тунеядства, мнимои набожности и всѣхъ вообще пороковъ, ничего въ себѣ не заключаютъ“. Мужскіе еще представляютъ собой „нѣкоторый образъ смиреннаго обитанія, усвоеннаго монастырями велико-россійскими“, но женскіе ничего не имѣютъ походяго на монастыри; повсюду „видимо совершенное безобразіе“. Между тѣмъ въ Успенскомъ монастырѣ насчитывается 128 инокинь и 174 бѣлицы, а въ Покровскомъ—20 схимницъ, 300 инокинь и 200 бѣлицъ. Это многочисленіе женскаго населенія въ связи съ безпрепятственнымъ доступомъ ко всѣмъ вообще келіямъ, по мнѣнію князя, „ясно (?) образуеть, до какой степени допущенъ развратъ въ сихъ обиталищахъ,—развратъ, толико нетерпимый въ гражданскомъ состояніи и влекущій за собою пагубныя послѣдствія“. Въ виду этого онъ находитъ, что дальнѣйшее существованіе монастырей въ настоящемъ ихъ положеніи „не можетъ быть допущено ни подъ какимъ предлогомъ“. Средство для уничтоженія монастырей Голицынъ видитъ въ прекращеніи доступа въ нихъ постороннимъ лицамъ, хотя бы они являлись съ законными паспортами: „тогда живущіе въ монастыряхъ иноки и прислужники, умалаясь мало по малу, наконецъ, съ прекращеніемъ бытія своего, прекратятъ и самыя правила своихъ обитателей. Если такая мѣра уничтоженія монастырей признается мѣрой благовидной, то существованіе ихъ продолжится не надолго. Сему служить доказательствомъ то, что изъ числа написанныхъ въ тѣхъ монастыряхъ по нынѣшней седьмой ревизіи 203 мужскаго пола душъ умерло со дня той ревизіи 139, да и остающіеся затѣмъ 64 человѣка уже большей частью самыхъ преклонныхъ лѣтъ“. До времени окончательнаго уничтоженія монастырей, въ ожиданіи, пока вымрутъ остающіеся монастырскіе жители, Голицынъ считаетъ необходимымъ подчинить монастыри непосредственному надзору мѣстной полиціи „въ большей степени, нежели сколько такового имѣть можетъ она на удѣльныхъ крестьянъ по общимъ положеніямъ, дабы средствомъ симъ удобнѣе

было преслѣдовать развратъ въ монастырскихъ жителяхъ и разсѣ-
ваемые отъ нихъ соблазны“. Эта мѣра, равно какъ и слѣдующія,
составляютъ повтореніе предложенныхъ имъ 6 апрѣля: Ланской
смѣнился Закревскимъ и Голицынъ основательно рассчитывалъ, что
неодобренное однимъ можетъ быть одобрено другимъ. Требуя пере-
дачи губернатору принадлежавшаго доселѣ удѣльной конторѣ права
утверждать настоятелей въ должности, Голицынъ обусловливаетъ это
тѣмъ, что иначе раскольники „всегда будутъ находить способы укло-
няться отъ исполненія требованій мѣстной полиціи, считая власть
сію до себя не принадлежащей, и по тайному внушенію чиновни-
ковъ конторы, разувѣряющихъ о неподчиненности ихъ оной власти
и о противныхъ будто бы дѣйствіяхъ губернскаго начальства, при-
носить, подъ предлогомъ стѣсненія ихъ, жалобы свои на мѣстную
полицію“, такъ что губернаторъ всегда будетъ встрѣчать препоны
въ точномъ исполненіи высочайшей воли и распоряженій вышаго
правительства, ибо тамъ, гдѣ раздѣленія властей и дѣйствія ихъ од-
но другому противоположны, нельзя имѣть желаемого успѣха и
монастыри всегда будутъ при тѣхъ же правилахъ своихъ и при
тѣхъ закоренѣлыхъ предразсудкахъ, въ коихъ подтверждаемы они
нынѣшнимъ ихъ образомъ управленія“. Въ заключеніе донесенія
князь проситъ принять въ соображеніе „закосяблыя отъ невѣжства
понятія старообрядцевъ“ и впредь всѣ касающіяся ихъ министер-
скія распоряженія, основанныя на высочайшей волѣ, начинать „са-
мыми разительными для нихъ словами—именемъ Е. И. В.“, чрезъ
что избѣгнуты будутъ разные безразсудные толки о самоволіи ми-
нистерства¹⁾. Вслѣдъ за донесеніемъ Закревскому Голицынъ отпра-
вилъ къ нему съ жандармомъ Трутневымъ арестованнаго 15 іюня
янока Іоасафа, прося сослать его куда-нибудь подальше отъ сара-
товской губерніи, ибо съ одной стороны на этомъ „наставалъ и
самъ монастырь (?), а съ другой—средствомъ симъ сколько нака-
жется онъ за содѣянное имъ преступленіе, столько не менѣе того
послужить оное примѣромъ и для другихъ“. Предать Іоасафа „стро-
жайшему суду по законамъ“ на мѣстѣ, въ Саратовѣ или Вольскѣ,
Голицынъ не считалъ удобнымъ, такъ какъ „янокъ сей есть самый
дерзновенный и способный на всѣ роды неистовства“ и потому во
время суда надъ нимъ могли огласиться его „неистовства, а съ ни-

¹⁾ С. И. А., № 11, 125—135.

ми и самое проясшество". Трутову приказано было, въ предупреденіе побѣга, имѣть за Іоасафомъ бдительный надзоръ, но въ прецщалося особенно торониться прибытіемъ въ Петербургъ въ виду престарѣлыхъ лѣтъ инока¹⁾.

Повидимому, Голицынъ очень мало разсчитывалъ на успѣхъ своего ходатайства о передачѣ Иргиза въ вѣдѣніе губернатора и о достооджномъ наказаніи Іоасафа. Чтобы увеличить свои шансы на успѣхъ, онъ послалъ копію съ донесенія своего въ министерство митрополиту Серафиму и просилъ оказать непосредственное содѣйствіе какъ въ утвержденіи предположенныхъ мѣръ, такъ и въ удаленіи Іоасафа подальше отъ предѣловъ Саратовскаго края²⁾. Подобная же копія отправлена была преосв. Иринею, съ замѣчаніемъ, что „если правительство уважить его настояніямъ дозволеніемъ ему непосредственнаго вліянія на распорядокъ семи монастырями, съ устраненіемъ власти на оныѣ удѣльнаго начальства, то можно рунаться, что сей корень раскола самъ собою истребится“. Иринею, конечно, цонялъ, что этимъ намекомъ требовалось его содѣйствіе въ ходатайствѣ объ уваженіи губернаторскаго настоянія, но въ отвѣтѣ своемъ не показалъ на этотъ счетъ никакого вида и только разсмыслился въ комплиментахъ, утверждая, что „подвиги его сіятельства, ко славію св. церкви предприемлимые, безъ сомнѣнія, увѣнчаются вождельнымъ успѣхомъ“, о чемъ онъ непрестанно возносятся моленія къ Господу³⁾.

Вслѣдъ за Іоасафомъ, которому суждено было для внушенія сниссительнаго страха прочимъ испытать на себѣ тяжесть губернаторскаго гнѣва, Голицынъ взялся за тронхъ другихъ иноковъ, показавшихся ему наиболѣе опасными борцами за расколъ. Вольскому исправнику 3-юля предписано было арестовать иноковъ Средняго монастыря Антонія и Филарета „за дерзостные отвѣты и закоснѣлость ихъ“ и представить въ Саратовъ „подъ крѣпкимъ присмотромъ“. Тотъ и другой были, разумѣется, высланы, но далеко не поды крѣпкимъ присмотромъ, потому что Антоній до явки къ губернатору успѣлъ побродить по Саратову, распространяя не мало толковъ объ иргизскихъ дѣлахъ, за что исправнику было объявлено приличное случаю внушеніе. Послѣ бесѣды съ губернаторомъ оба инока были высла-

¹⁾ Ibidem, 113.

²⁾ Ibidem, 136—137.

³⁾ Ibidem, 140—141.

ны стабыми манерами въ мѣста первоначальнаго жительства: Антоній—на Кавказъ, а Филаретъ—въ пермскую губернію, съ отмѣткою въ препроводительныхъ бумагахъ, что высылаются „за дерзкія мнѣнія о вѣрѣ,“ и съ просьбой назначить за ними строгій надзоръ. Пермскій губернаторъ полюбопытствовалъ было узнать, въ чемъ состоятъ эти дерзкія мнѣнія, но Голицынъ велѣлъ оставить его запросъ безъ отвѣта¹⁾. Нѣсколько позже этихъ двоихъ вытребованъ былъ изъ Нижняго монастыря „на лицо губернатора“ инокъ Фирсъ, вышедшій изъ-за границы по манифесту въ 1816 году и приписавшійся къ число казенныхъ крестьянъ сосѣдней съ монастыремъ деревни Пузанихи. Этотъ оказался виноватъ „въ буйствѣ и нарушеніи спокойствія велѣными толкованіями о принятіи единовѣрческой церкви“ 18 іюня, по отъѣздѣ Голицына съ Иргиза, когда отъ Адріана требовала отказа отъ данной подписки. Послѣ бесѣды съ княземъ онъ былъ отправленъ обратно въ Вольскъ, причемъ исправнику предписано произвести „строжайшее изслѣдованіе о дѣйствіяхъ его и, обнаружа оныя въ полной мѣрѣ“, отдать подъ судъ безъ очереди²⁾.

Не удовольствовавшись этими тремя арестантами, Голицынъ 8 іюля потребовалъ препроводить къ нему изъ Нижняго монастыря священно-инока Мамонта, явившагося въ монастырь 15 мая этого года изъ московскаго Воскресенскаго монастыря, Новаго Іерусалима; исправнику на этотъ разъ не было объявлено даже и причины ареста. Этотъ арестъ сильно смутялъ монастырскую братію: Мамонтъ былъ единственный священно-инокъ во всемъ монастырѣ и безъ него, по справедливому замѣчанію настоятеля Адріана, „никакъ обойтись нельзя“, ибо некому остается совершать требы по монастырю. Поэтому 10 іюля Адріанъ написалъ къ Голицыну письмо, подписанное также Никаноромъ, Прохоромъ, Саввой и Арсеніемъ, въ которомъ просилъ возвратитъ имъ Мамонта, въ монастырь добровольно пришедшаго и раньше не совершившаго никакого преступленія, навлекающаго на него уголовную отвѣтственность. „Если же почему-либо необходимой сей нашей просьбѣ удовлетворить не будетъ возможно,—писалъ

¹⁾ Ibidem, 143, 157, 166.

²⁾ Ibidem, 173—176. Мордовцевъ увѣряетъ („Дѣло“, 1872, № 2, 117), что Фирсъ „намѣченъ былъ Голицынымъ въ бытность его на Иргизѣ“, тогда какъ буйство учинено только 18 іюня и самъ исправникъ сообщалъ, что Фирсъ ни въ чемъ самъ не сознался, но „настоятелемъ и лучшими соборными старцами обличается“,—для очевидца излишни были бы свидѣтели и обличители.

далѣе Адрианъ,—то причину такую не оставятъ отъ насъ въ неизвѣстности, но объявите намъ по принадлежности для руководства на будущее время“. Въ отвѣтъ на это письмо Голицынъ 17 июля преписалъ Шенне: „Когда будете по дѣламъ службы въ Иргизскихъ монастыряхъ, то объявите настоятелю Нижне-Воскресенскаго монастыря Адриану съ братіей, что просьба ихъ, ко мнѣ присланная, объ оставленіи у нихъ священно-инока Мамонта удовлетворена быть не можетъ, ибо въ правилахъ о попахъ-бѣглецахъ, на коихъ они основываютъ свою просьбу, ничего не сказано объ іеромонахахъ и діаконахъ, да и самыя правила сіи за послѣднее время измѣнились“¹⁾. Мамонтъ былъ такъ нуженъ монастырю, что братія рѣшилась въ полной мѣрѣ выполнить данное при его пріемѣ въ монастырь обязательство,—въ случаѣ какой-либо напасти со стороны начальства, ему помогать и не отговариваться никому“²⁾,—и, не надѣясь на успѣхъ ходатайства предъ губернаторомъ, подала почти одновременно съ просьбой Голицыну прошеніе въ удѣльную контору, въ которомъ умоляла вступить за нихъ, возвратитъ Мамонта и увѣдомитъ Средній и Верхній монастыри, что подписка, нынѣ уничтоженная, имѣла чисто фиктивный характеръ. Иначе, грозилъ просители, если въ этихъ двухъ монастыряхъ насъ будутъ считать отступниками, то мы скоро не будемъ въ состояніи даже платить подати въ казну удѣла“³⁾. Удѣльная контора, встревоженная всѣми этими арестами, совершенными въ монастырѣ помимо ея вѣдѣнія, не прочь была оказать просителямъ всякое содѣйствіе, но это было не такъ-то легко: Голицынъ, жаловавшійся своему начальству на противодѣйствіе со стороны удѣла его предназначеніямъ, вовсе не расположенъ былъ уступить. Управляющій удѣльной конторой, Манасеинъ, обратившійся за справками объ арестахъ къ губернатору, не получилъ отъ него никакого отвѣта; исправникъ, вступившій было въ переписку по этому поводу съ удѣльными властями, получилъ отъ Голицына строжайшій выговоръ“⁴⁾.

Крутая мѣра Голицына нагнала страхъ на жителей Нижняго монастыря: наиболѣе фанатическіе и осторожные изъ нихъ успѣли заблаговременно оставить излюбленное мѣсто житель-

¹⁾ Бр. Св. Кр., № 513, 174—175.

²⁾ Ibidem, 173.

³⁾ Ibidem, 184. См.: „Сынъ Отеч.“, 1862, № 38; Ниж. сем. библ., № 3774, 408.

⁴⁾ С. И. А., № 11, 142—143.

ства; очевидно, на просьбы и жалобы слишком много надежд не возлагалось. Инокі Филиппъ, Діонисій, Пахомій, Савватій, Іаковъ, Ефремъ, Германъ, Іоиль, Серапіонъ и схимникъ Григорій вмѣстѣ съ бѣльцами Артамоновымъ, Яковлевымъ, Федоровымъ, Степановымъ и неизвѣстнымъ по имени пятымъ скрылись въ половинѣ іюля изъ монастыря неизвѣстно куда. Настоятель Нижняго монастыря на запросъ исправника о бѣглецахъ объяснилъ, что они ушли съ его разрѣшенія, по нежеланію оставаться въ обители, давшей подписку на принятіе единовѣрія. Голицынъ понялъ, что 15 человекъ бѣглецовъ, рассыпавшихся по всѣмъ концамъ Россіи, представляютъ гораздо больше опасности для порядка, чѣмъ удвоенное число тѣхъ же фанатиковъ, сконцентрированныхъ въ монастырѣ, гдѣ за ними возможенъ полицейскій надзоръ. Поэтому немедленно начались розыски по саратовской и смежнымъ съ ней губерніямъ. Голицынъ просилъ тамбовскаго, пензенскаго, астраханскаго, оренбургскаго и другихъ губернаторовъ „такихъ самозванцевъ всюду преслѣдовать“, какъ разсѣвающихъ ересь въ умахъ простодушныхъ людей¹⁾. Эти-то 15 человекъ бѣглецовъ и дали, кажется, поводъ къ выдаваемымъ за истину предположеніямъ, будто бы въ 1828 году Иргизскіе монастыри отправили въ Пермскій край для противо-дѣйствія новооткрытой тамъ православной миссіи своихъ миссіонеровъ²⁾: въ половинѣ и концѣ этого года Иргизу было не до заботъ о поддержаніи раскола въ Пермскомъ или другомъ какомъ край, приходилось дрожать за свое собственное существованіе. На ряду съ жителями Нижняго монастыря перепугались и женскія обители, хотя главное вниманіе и давленіе Голицына обращено было до сихъ поръ по преимуществу на первый: инокини потихоньку начали вывозить изъ монастырей свое имущество. Извѣстіе объ этомъ встревожило губернатора не менѣе побѣга иноковъ; 27 іюля онъ отправилъ къ Шенне законическое предписаніе, какъ можно скорѣе, прекратить силой вывозъ вещей изъ монастырей, такъ какъ всему монастырскому имуществу составлены описи, переданныя на разсмотрѣніе высшаго правительсва. Вмѣстѣ съ этимъ онъ уведомилъ и удѣльную контору, требуя сдѣлать надлежащее распоряженіе. Шенне 10 августа успокоилъ Голицына, сообщивъ, что изъ

¹⁾ Бр. Св. Кр., № 513, 176; С. И. А., № 11, 188—190.

²⁾ Варадиновъ, VIII, 224, 284; Собр. пост., по вѣд. Св. Сн., II, 215.

мужскаго монастыря ничего не вывезено да и наѣренія такого ни у кого не было, вывезена же кое-какая частная собственность изъ женскаго Успенскаго монастыря; впрочемъ, теперь взята подписка съ настоятельницы о прекращеніи вывоза на будущее время¹⁾.

Въ то время какъ на мѣстѣ шла эта усиленная дѣятельность, въ Петербургѣ донесеніе Голицына отъ 1 іюля передвигалось изъ одной инстанціи въ другую, пока 23 августа не состоялось высочайшее повелѣніе о передачѣ Иргизскихъ монастырей въ вѣдомство губернскаго начальства съ замѣной ихъ удѣльному вѣдомству изъ другихъ экономическихъ имѣній; при этомъ велѣно 19 человекъ монастырскихъ бѣльцовъ—годныхъ отдать въ рекруты въ зачетъ будущихъ наборовъ, негодныхъ—сослать на поселеніе, а дѣтей зачислить въ кантонисты²⁾. Сентября 20 Голицынъ получилъ объ этомъ предписаніе отъ Закревскаго, а 22—предложилъ казенной палатѣ, впредь до полученія надлежащаго распоряженія отъ министра финансовъ: „а) всѣхъ живущихъ въ Иргизскихъ монастыряхъ оставить въ настоящемъ ихъ положеніи безъ всякаго перечисленія въ другія казенныя имѣнія; б) не дѣлать никакихъ измѣненій въ управленіи семи монастырями, ибо о семъ предметѣ должны послѣдовать особыя правила; в) по всѣмъ случаямъ, до сихъ монастырей относящимся, отъ нихъ ли самихъ возникшимъ или другимъ какимъ образомъ, не приступать безъ вѣдома губернатора ни къ какому распоряженію“. Независимо отъ этого посланъ былъ на Иргизъ чиновникъ особыхъ порученій Полонскій объявить всѣмъ монастырскимъ жителямъ въ присутствіи исправника и удѣльнаго чиновника объ изыятіи монастырей изъ удѣльнаго вѣдомства и провѣрить по описямъ все монастырское имущество, чтобы „при семъ переворотѣ не могли послѣдовать тому имуществу какія-либо утраты“³⁾. О своемъ распоряженіи князь немедленно сообщилъ особымъ рапортомъ государю императору, а копію съ этого рапорта представилъ министру внутреннихъ дѣлъ, при чемъ предложилъ и проектъ правилъ полицейскаго надзора за монастырями. Проектъ заключался въ слѣдующемъ: 1) живущіе въ монастыряхъ бѣглые священники лишаются

1) С. И. А., № 11, 226—227.

2) Ibidem, 239. Мордовцевъ, неизвѣстно почему, относить это высочайшее повелѣніе къ началу сентября, хотя въ бывшихъ у него документахъ ясно указано время—23 августа.

3) Ibidem, 242—243.

права отлучки изъ монастыря. 2) Новые въ монастыри не принимаются, но тотчас послѣ явки въ монастырь передаются въ вѣдѣніе исправника, который долженъ снять допросъ, отобрать ставленную грамоту и препроводить къ губернатору. 3) Иноки и бѣльцы не имѣютъ права удалиться изъ монастыря безъ предварительнаго разрѣшенія на то со стороны губернатора. 4) Постриженіе въ монахи и приѣмъ на жительство въ монастыри строжайше воспрещается. 5) Приписанные къ монастырю крестьяне отлучаются изъ мѣста жительства единственно съ дозволенія монастырскаго начальства, которое непремѣнно должно знать, по какимъ надобностямъ удалился тотъ или другой. 6) Неприписанные къ монастырямъ, но живущіе въ нихъ собственными домами, должны имѣть узаконенные виды, безъ которыхъ не могутъ жить въ монастыряхъ и временные посѣтители. 7) Никто не имѣетъ права прибывать или выбывать изъ монастыря безъ вѣдома монастырскаго начальства. 8) Всякаго рода распутство, особенно же пьянство и блудъ, должны быть всячески предотвращаемы предупредительными мѣрами, ибо пороки эти совсѣмъ неприличны монашествующимъ; повтому доступъ постороннимъ лицамъ, разъ они навлекаютъ на себя чѣмъ-нибудь подозрѣніе, долженъ быть воспрещаемъ, а посѣщеніе иноковъ инокинями и наоборотъ ограничиваемо крайнею необходимостью. 9) Настоятелей остается трое, въ видѣ сельскихъ старостъ, при чемъ одинъ считается главнымъ, въ родѣ волостного головы; главный настоятель имѣетъ общій надзоръ за всѣми монастырями, не исключая и женскихъ, а потому его распоряженію подчинены всѣ настоятели и настоятельницы; каждый мѣсяцъ онъ доноситъ губернатору чрезъ исправника о состояніи подвѣдомственныхъ ему обителей. 10) Выборъ, утвержденіе и смѣна монастырскаго начальства зависитъ непосредственно отъ губернатора¹⁾. Впослѣдствіи, впрочемъ, Голицынъ отказался отъ всѣхъ этихъ мѣръ, найдя, что и указываемыхъ въ законѣ достаточно для предотвращенія безпорядков²⁾.

Получивъ предложеніе Закревскаго принять монастыри въ свое вѣдѣніе, Голицынъ почувствовалъ, что у него развязаны руки для сведенія счетовъ съ удѣльнымъ начальствомъ, а потому, прежде чѣмъ приступить къ распоряженіямъ по приѣму монастырей, напи-

¹⁾ Ibidem, 258—263.

²⁾ Ibidem, 373.

салъ Манасеину крайне рѣзкую и оскорбительную бумагу, въ которой, по поводу нѣсколькихъ мѣсяцевъ тому назадъ полученнаго отъ него запроса объ арестахъ въ монастырѣ, внушаетъ, что всѣ дѣла о вѣрѣ принадлежать непосредственному вѣдѣнію губернатора и въ силу этого всякое вмѣшательство удѣльной конторы „вовсе уже неумѣстно“, что онъ имѣетъ для руководства въ своихъ дѣйствіяхъ секретныя высочайшія повелѣнія, съ которыми и сообразуется, и проситъ Манасеина все это принять къ свѣдѣнію и „надлежащему исполненію“¹⁾. Манасеинъ прочиталъ это внушеніе, но скоро выискалъ случай отомстить: онъ донесъ министру двора, кн. Волконскому, о самовластіи Голицына, который вмѣшивается въ дѣла посторонняго вѣдомства и даетъ предписанія лицамъ, ему не подчиненнымъ; Голицыну въ свою очередь пришлось выслушать внушеніе отъ За-кревскаго, къ которому обратился съ жалобой Волконскій²⁾.

Въ октябрѣ приемъ монастырей окончился. Иночествующая братія отлично понимала, что теперь некому больше вступаться за нее передъ губернаторомъ. Гроза единовѣрія надвигалась все ближе. Адрианъ не чувствовалъ въ себѣ достаточно способностей и силъ устоять въ неравной борьбѣ, которая должна была, судя по всѣмъ признакамъ, открыться не нынѣ, такъ завтра. Но онъ не хотѣлъ брать на себя и нравственной отвѣтственности за недостатокъ характера, а потому поспѣшилъ, —оффициально за слабостью и разстройствомъ здоровья, —отказаться отъ должности настоятеля. На его мѣсто былъ избранъ Никаноръ, какъ человекъ, но словамъ приговора объ избраніи, отличнаго поведенія и раньше съ похвалою исправлявшій должность настоятеля въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, а затѣмъ почти безсмѣнно несшій на себѣ обязанности уставщика. Въ первый еще разъ за все время существованія монастырей оставлено было избраніе настоятеля такими ограниченіями, какъ теперь; каждый сколько-нибудь важный шагъ настоятеля обусловливался согласіемъ и совѣтомъ съ братіей: монастырское имущество Никаноръ долженъ принять отъ Адриана по описи и хранить его, какъ свою собственность, ничего не тратя изъ него безъ совѣта иноковъ; распоряженія по монастырю, приемъ приходящихъ на жительство съ законными видами не производить помимо братіи; за

¹⁾ Ibidem, 146.

²⁾ Ibidem, 235.

вѣсь замѣченный шагъ противъ уставовъ церкви дѣлнія наивысшій въ общаго согласія¹⁾. Это избраніе, утвержденное Голицынымъ, оказалось роковымъ для монастыря; событія теперь быстро показались къ разрыву и чрезъ полгода Нижній монастырь превратился въ единоувѣрческій.

Возвратимся немного назадъ. Закревскій призналъ донесеніе Голицына отъ 1 іюля существенно важнымъ и, независимо отъ вышележащаго разрѣшенія на передачу монастырей въ вѣдѣніе губернскаго начальства, ввѣсь его на разсмотрѣніе секретнаго комитета. Последний обдумалъ дѣло въ засѣданіи 6 сентября 1828 года и предположилъ принять противъ расколу по Саратовскому краю нѣсколько мѣръ, позаимствованныхъ изъ проекта сенатора Баранова для олушечкой губерніи. Вотъ эти мѣры въ короткомъ изъясненіи изъ протокола засѣданія: а) учредить въ Саратовѣ епископскую канцелію, что давно уже признавалось необходимымъ, и поручить епископу имѣть специальный надзоръ за Иртышскими монастырями; б) въ Польскій для старообрядческихъ дѣтей открыть духовное училище; в) воспретить старообрядческимъ монастырямъ принимать на воспитаніе малолѣтнихъ дѣтей; г) никому не приписывать и не переносить къ раскольничьимъ монастырямъ и селеніямъ; д) бродягъ, называющихъ себя старообрядческими понами, какъ явныхъ развратителей и соблаздателей, по открытіи ихъ, брать подъ охрану и предать суду; е) погребеніе старообрядцевъ производить не иначе, какъ съ вѣдома сельскаго начальства, которое обязано уведомлять о томъ мѣстныхъ священниковъ. Государь утвердилъ первую мѣру, остальные же отклонилъ, находя, что и одно строгое соблюденіе существующихъ постановленій о раскольникахъ отвратитъ многія неудобства²⁾. Постановленіе комитета объ открытіи епархіи было очень быстро приведено въ исполненіе: 21 октября Пенза отдѣлена отъ Саратова³⁾, а мѣсяць спустя для послѣдняго назначенъ былъ епископомъ Моисей Богдановъ, бывший ректоръ кіевской духовной академіи, человѣкъ „поведенія пречестнѣйшаго, въ должности своей преисправный и благонадежный, энергичный, но вмѣстѣ и привѣтливый начальникъ и дружелюбный сослуживецъ“⁴⁾.

¹⁾ Ibidem, 277.

²⁾ Дѣла Секр. Комит., Vol. VI, стр. 246—248, 257—259.

³⁾ Пол. собр. зак., III, № 2361, 1828 г.

⁴⁾ „Рус. Стар.“, 1878, I, 198.

Такимъ образомъ многословное донесеніе или, вѣрнѣе сказать, кѣлосе „разсужденіе“ Голицына до известной степени достигло цѣли и не его, во всякомъ случаѣ, была вина, что колебавшійся въ это время въ своихъ взглядахъ на расколъ императоръ Николай Павловичъ не рѣшился обогатить оборотникъ постановленій по части раскола предложенными княземъ мѣрами. Гораздо менѣе успѣха имѣло ходатайство князя объ административной ссылкѣ Іоасафа: За-вревскій въ этомъ вѣтхомъ старикѣ не усмотрѣлъ ничего похожаго на упорнаго и опаснаго агитатора, въ рѣчахъ его—никакого намека на колебаніе „основъ“ или оскорбленіе величества, и потому при всемъ, быть можетъ, желаніи не рѣшился исполнить просьбу князя; такая игра съ человѣческой личностью и свободой дающею, далеко не отличающемуся мягкостью характера, показалаея возмутительною. Онъ продержалъ опальнаго инока въ Петербургѣ два мѣсяца, а 5 октября выслалъ его обратно въ Саратовъ; предписавъ Голицыну, буде Іоасафъ не обратится въ приказавшіе, предать общему суду, какъ нарушителя общественнаго спокойствія и благоустройства, но приговоръ, до приведенія въ исполненіе, сообщить въ Петербургъ. Голицынъ привалъ Іоасафа и „съ личнымъ гражданскою властью принужденіемъ“ обвинилъ его въ оскорбленіи правительства; но принужденіе не подѣйствовало и тогда, императоръ державъ его въ тюрьмѣ полгода, князь попросилъ пресвщ. Мейселъ назначить кого-нибудь изъ „духовныхъ особъ“ для укашанія. Пресвященныи назначилъ ключаря кафедральнаго собора, Федора Вязовскаго, который, разумѣется, чрезъ мѣсяць увѣдомилъ, что, не смотря на „всемѣрныя старанія“ его доказать истинность православія, Іоасафъ, „по закоснѣнню и непреклонности“, не влилъ имъ. Дѣло перешло въ саратовскій уѣздный судъ, но чѣмъ кончилось—не знаю; могу сказать только, что попытка князя сослать его чрезъ распоряженіе министра внутреннихъ дѣлъ обошлась казначейству по-княжески дорого: перевозъ Іоасафа въ оба конца стоилъ ровно 900 руб. 36 коп.¹⁾

Въ январѣ 1829 года Щенне началъ по одному вызванивать изъ Нижняго монастыря бѣльцовъ, предназначенныхъ къ отдачѣ въ рекруты. Въ числѣ другихъ подлежалъ этой участи и любимецъ Никанора, Гавріилъ Филиновъ, племянникъ, если только не лю-

¹⁾ С. И. А., № 11, 289—295; 110; 154.

бочный сынъ его. Никаноръ страшно былъ перемуганъ, томился, тосковалъ и недоумѣвалъ, какъ освободить его. Волненіе старика было слишкомъ замѣтно для такого опытнаго сыщика, какъ Шенне. Не поэксплуатировать его исправнику показалось грѣшно и Гавріиль Филиповъ, показанный въ описи Поломскаго, при переходѣ монастырей отъ удѣла въ казну, человекомъ здоровымъ, превратился чрезъ двѣ недѣли, — не безъ приличной мады, конечно, — по описи Шенне въ калѣку, у котораго „правая рука съ малолѣтства не поднимается“, хотя это, замѣтить кстати, не мѣшало ему заниматься въ монастырѣ письмоводствомъ¹⁾. Но и эта остроумная выдумка опытнаго на обходы закона исправника не спасла Никанора отъ разлуки съ любимцемъ; напротивъ, она даже ухудшила дѣло, такъ какъ, по позднѣйшему разъясненію высочайшаго повелѣнія, калѣки подлежали ссылкѣ въ Сибирь, что представлялось еще хуже рекрутчины. Хитроумный Шенне, попользовавшійся уже на свою долю, задумалъ услужить и Голицыну и построилъ на любви Никанора къ Гавріилу Филипову чисто мефистофельскій планъ: онъ сталъ внушать обезумѣвшему отъ горя старику, что дѣло можно поправить принятіемъ единовѣрія. Никаноръ сначала задумался, но потомъ рѣшился попытать счастья, какъ свидѣтельствуемъ письмо его къ губернатору отъ 1 марта: „Если по данной нами вашему сіятельству подпискѣ возстановится полная при трехъ чинахъ единовѣрческая церковь и дадутся законные попы, которые обрядовъ нашихъ и пѣнія не слышали, а у насъ коренныхъ пѣвцовъ не остается и церковнаго чиноположенія содержать на будущее время некому, а мой несчастный Гавріиль Филиповъ читать, пѣть и писать достаточно и мальчиковъ всему этому научить можетъ; того ради прошу слезно, по вашему неограниченному великодушію и для установленія церковнаго порядка, оставить его быть при оной на пунктахъ митр. Платона“. Освобожденіе „несчастнаго сироты“ представляется Никанору тѣмъ болѣе возможнымъ и справедливымъ, что онъ законно уволенъ обществомъ отъ своего жительства, села Кормежка; къ монастырю по седьмой ревизіи (1815 года) приписанъ; рекрутская очередь отправлена, ибо имѣетъ рекрутскую квитанцію, и повинностей за нимъ никакихъ нѣтъ. Никаноръ пугаетъ даже Голицына, что, въ случаѣ неисполненія его просьбы, можетъ

¹⁾ Ibidem, 251; см. 316.

„съ такой непереносной печали лишиться жизни или здравого разсудка“, а кто тогда, спрашивается, возстановитъ порядокъ въ монастырѣ, если ему дана будетъ единовѣрческая церковь? Съ цѣлью задобрить князя онъ напоминаетъ, что никогда не противился ему въ своемъ монастырѣ, и пишетъ дальше легонькій доносъ на Прохора, что тотъ входитъ въ сношенія съ сосѣдними крестьянами, давая имъ списывать разныя бумаги и указы, и по прежнему ставится на настоятельскомъ мѣстѣ. Въ заключеніе проситъ „осчастливить его отеческими словами, хотя чрезъ Крестьянъ Крестьяныча“ (Шенне), и общааетъ нетерпѣливо ожидать отвѣта¹⁾. И Голицынъ осчастливилъ: онъ чрезъ Крестьянъ Крестьяныча объявилъ Никанору, что ходатайство его объ оставленіи Гавріила Филипова можетъ быть удовлетворено на единственномъ условіи, — если всѣ жители монастырскіе единодушно изъявятъ желаніе быть единовѣрцами: Одновременно съ этимъ объявлено было и Прохору, что до губернатора дошли слухи объ его „непокойной“ жизни и дѣланіи по монастырю безпорядковъ, за что онъ можетъ подвергнуться переводу въ другой монастырь или даже совершенному удаленію съ Иргиза²⁾. Никаноръ не нашелъ иного выхода, какъ подчиниться, и 17 марта иноки Адрианъ, Савва, Феодоритъ, Тимофей, Діонисій и Мардарій, бѣльцы Гавріилъ Филиповъ и Андрей Петровъ и церковный служитель Самуилъ Аникѣевъ дали ему слѣдующую довѣренность: „По многомъ совѣщаніи нашемъ купно съ вами, мы рѣшились, наконецъ, удовлетворить внушенію начальства о принятіи единовѣрія на точномъ основаніи правилъ митр. Платона. Вслѣдствіе чего просимъ васъ, согласно собственному вашему расположенію, подать, куда слѣдуетъ, прошеніе на тотъ конецъ, чтобы соблаговолено было церкви монастыря нашего переименовать единовѣрческими и снабдить рукоположенными священниками по избранію нашему... Сверхъ сего также просимъ употребить ходатайство ваше у начальства объ оставленіи всѣхъ при монастырѣ нашемъ удаляемыхъ нынѣ жителей, если то возможно: ибо безъ нихъ мы, престарѣлые иноки, не можемъ содержать монастырь нашъ и оплачивать лежація на насъ государственныя подати и повинности“³⁾. Эта довѣренность вызвала страшный шумъ:

¹⁾ С. И. А., Карт. А., № СХІІІ.

²⁾ Ibidem. № 11, 366.

³⁾ Арх. Нижн. едик. мон., № 6, 6.

несогласные, во главѣ которыхъ стали Прохоръ съ Игнатіемъ, а потомъ примкнули Тимофей и Мардарій, рѣшились на крайнюю мѣру, — составили приговоръ о непріятіи единовѣрія и постановили вѣкъ принимающихъ выгнать вонъ изъ монастыря. Никаноръ немедленно дошелъ объ этомъ приговорѣ Голицыну, который велѣлъ замской полиціи охранять монастырь и защищать пріемлющихъ благословенное священство. Упорствующіе, числомъ до 60 человекъ, должны были отказаться отъ своего намѣренія и постепенно были удалены подъ разными предлогами, а иногда и безъ всякихъ предлоговъ, изъ монастыря¹⁾. Но начавшіеся въ обители безпорядки вышли скоро и за предѣлы ея: 31 марта Голицынъ, сильно не любившій удѣльной конторы, вынужденъ былъ обратиться по поводу вознѣній сосѣднихъ съ монастыремъ крестьянъ къ Манасеину. Сообщая, что иноки Нижняго монастыря принимаютъ единовѣріе, онъ замѣчаетъ, что намѣреніе это извѣстно удѣльнымъ крестьянамъ Мечетной слободы и Криволучья, которые „ненависть свою къ иконамъ довали до высшей степени“. Поэтому онъ проситъ Манасеина принять мѣры, чтобы ненависть эта не выразилась въ осязательной формѣ, и внушить крестьянамъ, что они никакой связи съ монастыремъ не имѣютъ и потому дѣйствія послѣдняго „не могутъ подлежать ихъ сужденію“. Изъ дальнѣйшихъ словъ письма Голицына можно заключить, что въ Криволучьи у нѣкоторыхъ крестьянъ составлялись сходки, на которыхъ произносились зажигательныя рѣчи съ цѣлью возмутить старообрядцевъ и подвинуть ихъ къ активному противодѣйствію намѣреніямъ Никанора съ братіей²⁾.

Волновались несогласные, волновались крестьяне, волновался и самъ Никаноръ. Глубокій, 64-лѣтній старикъ, полжизни прожившій въ монастырѣ, не могъ равнодушно отнестись къ мысли объ единовѣрїи. Онъ сумѣлъ склонить къ принятію единовѣрія нѣсколько человекъ изъ монастырской братіи, заручился нужнымъ документомъ, но не могъ не сознавать, что идетъ вопреки своимъ убѣжденіямъ, допускаетъ предательство, покупая свободу своего любимца непомерно дорогой цѣной, — измѣной завѣтамъ старины, уступкой свободы и самостоятельности цѣлой обители. Долго тянулась тяжелая борьба привычки, убѣжденій, долга съ личнымъ чувствомъ. Никаноръ томился сомнѣніями, изнывалъ въ нерѣшитель-

¹⁾ Ниж. сем. библ., № 3774, 409.

²⁾ С. И. А., № 11, 363.

ности, молился, вздыхалъ и... хитрилъ. Пронеслась слухи, что Голицынъ уходитъ изъ Саратова. Никаноръ схватился за эти слухи, какъ за послѣдній якорь спасенія: а что, если выждать время, если ограничиться одними обѣщаніями? Быть можетъ, преемникъ будетъ глѣдѣть на расколъ совѣтъ другими глазами и тогда всѣ обѣщанія, данныя теперь, останутся безъ результата, тогда все пойдетъ по старому. Только бы выгадать время!... Въ концѣ марта Никаноръ отправился въ Саратовъ. Посѣтивъ губернатора, онъ наговорилъ ему не мало о готовности братіи принять благословенное священство; по его словамъ, все дѣло стояло теперь только за тѣмъ, чтобы нанебовать побольше согласниковъ. Голицынъ повѣрилъ, — въ представленіи министру внутреннихъ дѣлъ, отъ 31 марта, онъ говорить, что „старобрядцы явили самыя несопѣваемые знаки къ принятію единовѣрія“¹⁾, — и поручилъ Никанору дѣлательнѣе убѣждать своихъ иноковъ и заручиться отъ нихъ поименной довѣренностью. Обманъ удался: довѣренность лежала уже въ карманѣ у Никанора, а Голицынъ ничего этого не зналъ, Голицынъ согласился ждать, пока онъ будетъ склонять братію къ тому, къ чему она уже склонена! Было чему радоваться и на радостяхъ Никаноръ отправился даже къ преосвящ. Моисею и повторилъ свои рассказы. Остался доволенъ и преосвящ. Моисей²⁾. Обрадованный успѣхомъ выдумки, Никаноръ повелъ дѣло дальше. По возвращеніи въ монастырь изъ Саратова, онъ писалъ Голицыну отъ 4 апрѣля, что братія „всепокорнѣйше и обще“ просить „исполнить волю вышняго правительства“, ибо душевно желаетъ „принять хриstopреданную и утвержденную на камени единовѣрческую церковь съ ея обрядами въ непродолжительномъ времени, несмотря на невѣжествующихъ и незнающихъ закона“; немедленному осуществленію этого желанія мѣшаетъ только распутица, — переѣздъ чрезъ Волгу сдѣлался крайне опасенъ и самъ Никаноръ на возвратномъ пути изъ Саратова едва не утонулъ вмѣстѣ съ повозкой и лошадьми. Жалуясь на то, что монастырь съ его

1) Ibidem, 374.

2) Это свиданіе Никанора съ Моисеемъ послужило поводомъ Попову утверждать, что формальная просьба о дарованіи Нижнему монастырю единовѣрческихъ священниковъ подава была въ мартѣ (IV, 44). Дубянинъ („Обр. яз. расколовъ въ единѣ“, 60) могъ бы не дѣлать этой ошибки, ибо она исправлена Мордовцевымъ („Дѣло“, 1872, № 4, 275); но онъ, дословно пользуясь мордовцевскими статьями, надумалъ, на основаніи непостижимыхъ соображеній, корректировать ихъ и, конечно, перепуталъ даты, смѣшавъ мартъ съ маемъ. *Прим. авт.*

„убогими обитателями“ всѣми покинуть и забыть, Никаноръ увѣряетъ, что у иноковъ теперь единственная надежда—,на отеческое покровительство“ губернатора и снова просить употребить „всѣ средства“ къ переименованію монастыря и церквей въ единовѣрческія, по примѣру Высоковской пустыни. Скрытая мысль этого немощнаго усердія, не спѣшившаго однако подачей формальнаго прошенія, выясняется дальнѣйшими словами письма: „всеусерднѣйше и слезно“ Никаноръ просить „обрадовать на первый случай“, отпустить 8 человекъ „несчастливыхъ жителей, обритухъ и въ острогѣ державшихся“. Кромѣ „перваго случая“ указываются и другіе мотивы этой просьбы,—приближеніе праздника Пасхи и нужда въ рабочихъ рукахъ для завѣдыванія монастырскимъ скотоводствомъ и хлѣбопашествомъ. Чтобы просьба эта не бросилась особенно непріятно въ глаза губернатору, Никаноръ въ концѣ письма снова сводитъ рѣчь на тему объ единовѣрчіи: „не позволите ли,—говорить онъ,—писать о духовныхъ нуждахъ пастырю, его преосвященству?.. Пожалуйте, научите, какъ писать титулъ ему, а матерію можемъ знать сами“¹⁾). Титулу Голицынъ, вѣроятно, обучилъ Никанора, но обритухъ иноковъ въ монастырь не пустил,—какъ негодныхъ въ рекруты, онъ отправилъ ихъ въ Тюмень, тобольской губерніи.

Никаноръ замолчалъ. Прошелъ пѣлый мѣсяцъ, а надежда на уходъ губернатора не оправдывалась, Шенне снабженный секретными инструкціями, торопилъ подачей прошенія. Волга давно прошла, въ Саратовъ съѣздить было не долго. Оттягивать время становилось трудно, за немощіемъ сколько-нибудь уважительныхъ причинъ. Нужно было на что-нибудь рѣшиться. Никаноръ 24 апрѣля обратился съ письмомъ къ настоятелю Высоковскаго единовѣрческаго монастыря, архимандриту Герасиму. Всѣ Иргизскіе монастыри, писалъ онъ, по распоряженію высшаго правительства, подлежатъ уничтоженію, въ случаѣ отказа ихъ отъ единовѣрчія; „я съ малой братіей въ Нижнемъ Воскресенскомъ монастырѣ согласенъ выполнить требованіе правительства, дабы не раззорился въ конецъ нашъ монастырь“. Принимая въ соображеніе, что Высоковская обитель издавна перешла въ единовѣрчіе, Никаноръ проситъ позволенія прислать инока

¹⁾ Сар. Ист. Арх., Карт. А, № СХІV. Подлинникъ письма Никанора къ Голицыну, писанный рукой Гавріила Филипова; только нѣсколько заключительныхъ строкъ переписаны Никаноромъ собственноручно.

Савву поучиться уставу и порядку богослуженія. Вмѣстѣ съ этимъ онъ проситъ Герасима увѣдомить его, по возможности скорѣе, о всемъ порядкѣ внутренняго управленія обители и объ отношеніи ея къ высшей духовной власти. „Не оставьте насъ, ваше высокопреподобіе, — заканчивалъ письмо Никаноръ, — напитать своими душе-спасительными совѣтами и наставленіями, яко млеко младенцевъ, какъ намъ должно, при введеніи новаго сего образованія, управлять и поступать“¹⁾). Новая выдумка была не дурна: переписка съ Герасимомъ, посылка Саввы и обученіе его заняли бы не мало времени. Но Голицыну надобно ждать. Онъ слишкомъ далеко зашелъ въ сообщеніяхъ по начальству о результатахъ своей миссіонерской дѣятельности, чтобы можно было идти назадъ или даже только стоять на одномъ мѣстѣ. Ему, кажется, и самому становилось совѣстно за безконечныя слова и слова; требовалось какъ можно скорѣе подкрѣпить ихъ фактами. И вотъ, въ первыхъ числахъ мая, онъ отправилъ Шенне слѣдующее полуоффиціальное письмо: „Напоминаю вамъ объ окончаніи дѣла на счетъ обращенія къ единовѣрью Нижне-Воскресенскаго старообрядческаго монастыря, чего я давно уже ожидаю, ибо весьма достаточно было времени на изъясненіе ими формальнаго согласія, вмѣсто словеснаго, давмо даннаго настоятелемъ Никаноромъ отъ лица всѣхъ тамъ живущихъ. Впрочемъ, ежели бы встрѣтилось какое-либо неожиданное по сему предмету препятствіе, то и тогда вы обязаны были поставить меня о нихъ въ свѣдѣніе“²⁾). Шенне такъ горячо принялъ къ сердцу это „напоминаніе“, что Никаноръ 10 мая, скрѣпя сердце, отправился въ Саратовъ хлопотать о ненавистномъ единовѣрїи. Голицынъ не принялъ представленнаго имъ прошенія съ приложенной довѣренностью отъ братіи и велѣлъ обратиться съ ними къ преосвящ. Моисею. Объ этомъ распоряженіи онъ 14 мая увѣдомилъ преосвященнаго очень обстоятельнымъ письмомъ, въ которомъ съ самаго начала рассказалъ всю исторію обращенія Нижняго монастыря, подчеркивая и отдѣляя свои старанія и заслуги въ этомъ дѣлѣ. Въ рассказѣ Голицына обходятся молчаніемъ два существенно важныхъ пункта: „проформы ради“ данная въ 1828 году Нижнимъ монастыремъ подписка и торговля изъ-за Гавріила Филипова, т. е.

¹⁾ Арх. Нижн. еднв. мон., № 6, 7.

²⁾ С. И. А., № 11, 338.

выпускается вся суть, вся закулисная механика совершающагося факта. Легко представить, какъ правдоподобна вышнѣ рассказанная исторія: болѣе, чѣмъ объ истинѣ, разсказчикъ заботился о выгодномъ освѣщеніи своей личности, своей предусмотрительности и административнаго такта. Въ концѣ письма Голицынъ проситъ преосвященнаго уведомить его для всеподданнѣйшаго доносанія государю о всѣхъ распоряженіяхъ по духовной части, какія были и будутъ имъ сдѣланы, и высказываетъ свое мнѣніе, что все имущество монастырское должно остаться за монастыремъ и кромѣ того иночествующіе должны быть избавлены отъ платежа повинностей, отъ правляемыхъ ими донынѣ наравнѣ съ удѣльными крестьянами. Къ письму Голицынъ приложилъ и конію составленной Половскимъ описи монастырскаго имущества¹⁾.

Никаноръ и послѣ явки къ губернатору нѣсколько дней еще колебался идти къ архіерею и только 14 мая подать ему прошеніе²⁾. При этомъ была сдѣлана послѣдняя попытка: вернуть монастырю восемь изъятыхъ изъ него иноческихъ душъ: со словъ Никанора, преосвящ. Моисей ходатайствовалъ за нихъ предъ Голицынымъ, какъ за людей существенно необходимыхъ монастырю, — они знаютъ вполне уставъ церковный, существовавшій до временъ Никона патріарха, и одни только могутъ поддерживать бытіе престарѣлыхъ иноковъ работою хозяйственною³⁾. До извѣстной степени указываемый мотивъ заслуживалъ вниманія: изъ девяти принимавшихъ единовѣріе иноковъ ни одному, кажется, не было менѣе 50 лѣтъ и шестерымъ — больше 60 лѣтъ, а изъ пяти бѣльцовъ двое были совсѣмъ мальчики, — Самуилу Савельеву всего 15 лѣтъ, а Андрею Петрову даже только 13 лѣтъ⁴⁾. Это, повидимому, понималъ и Голицынъ, обѣщая преосвященному ходатайствовать предъ правительствомъ о возвращеніи монастырю восьми удаленныхъ изъ него иноковъ,⁵⁾ но такъ какъ удалены они были по высочайшему повелѣнію, то и возвратитъ ихъ можно было только при помощи новаго высочайшаго повелѣнія. Получить такое повелѣніе было не легко и Голицынъ не сталъ хлопотать.

Консисторія, на разсмотрѣніе которой преосвящ. Моисей пере-

1) Ibidem, 392—394.

2) Ibidem, 395.

3) Арх. Нижн. един. мон., № 6, 6.

4) С. И. А., № 11, 398.

5) Ibidem, 397.

даль: прошение Никанора съ братіей; постановила: 1) монастырь долженъ быть общежительнымъ; называться будетъ не раскопничнымъ или старообрядческимъ, по единобѣрескимъ; „дабы отличить и повысить оный предъ прочими Ирчискими монастырями и тѣмъ возбуди въ сихъ послѣднихъ такое же сорекоменованіе къ единобѣрью, учредить его класснымъ“ и оставить за нимъ всѣ земли и угодья; 2) настоятеля Никанора оставить въ этомъ званіи и, буде пожелаетъ, рукоположить въ іеромонахи во старопечатнымъ кнѣгамъ; 3) наравнѣ съ нимъ постричъ и тѣмъ обличцовъ, которые будутъ освобождены изъ вѣдатнаго сословія и желаютъ принять монашество; 4) священниковъ и діакониковъ опредѣлить или посвятить къ монастырю въ достаточномъ для удовлетворенія нуждъ его количествѣ, находящихъ же въ монастырѣ теперь отслать къ ихъ епархіальному архіерею для поступленія съ нимъ по законамъ; 5) церкви монастырскія освятить по старопечатнымъ кнѣгамъ; 6) во всемъ, касающемся монастыря и жителей его, руководствоваться пунктами мѣтрополита Платона, свидѣвъ кѣпшей съ нихъ и настоятеля новопредсоединяемаго монастыря; 7) наблюденіе за выполненіемъ братіей монастыря всѣхъ существующихъ на счетъ единобѣрія законовъ возлагается на благочиннаго, въ округѣ котораго находится монастырь. Этого, съ обязательствомъ доносить архіерею о состояніи монастыря по жагудодіямъ, и въ экстренныхъ случаяхъ—немедленно¹⁾. Сообщая синоду это постановленіе, преосвященный вмѣстѣ съ тѣмъ ходатайствовалъ: о восстановленіи, въ видахъ противодѣйствія расколу, закрытаго въ 1794 году саратовскаго женскаго Крестовоздвиженскаго монастыря. Ходатайство это было уважено и монастырь, именнымъ указомъ 30 ноября 1829 года, вновь востановленъ²⁾. Получивъ 19 мая увѣдомленіе преосвященнаго о консисторскомъ постановленіи, Голицынъ вздохнулъ свободно и въ тотъ же день представилъ управляющему министерствомъ внутреннихъ дѣлъ о результатѣ своихъ хлопотъ съ Ирчисомъ, при чемъ называлъ событие это „дожельно важнымъ“, испрашивалъ „начальственное разрѣшеніе“, что дѣлать съ несогласными на: единобѣріе, и: провила дозволенія возмощезваться раньше даннымъ ему отпущенію, такъ какъ дѣла по отпущенію настоятельно требуютъ его присутствія въ сибирскихъ губерніяхъ³⁾:

¹⁾ Ibidem, 404—405.

²⁾ „Сар. епар. Вѣдом.“, 1822, № 33, 223.

³⁾ С. И. А., № 11, 406—407.

То обстоятельство, что епархіальный архіерей собственной властью не рѣшилъ присоединить монастырь и обратился съ запросомъ въ синодъ, смутило нѣсколько „согласниковъ“ и Никаноръ отъ лица братіи спрашивалъ Голицына, дѣйствительно ли монастырь ихъ будетъ обращенъ или нужно ждать какой-либо перемѣны. Отвѣтомъ на это недоумѣніе являлось коротенькое письмо Голицына къ Никанору отъ 8 іюля: „Поручаю тебѣ объявить братіи Нижне-Воскресенскаго монастыря, что изъявленное ими богоугодное желаніе обратить сказанный монастырь въ единобѣрческій доведено мною до свѣдѣнія высшаго правительства, что дѣло о семъ предметѣ въ надлежащемъ ходу и что никакихъ перемѣнъ противу сдѣланныхъ отсюда представленій послѣдовать не можетъ, т. е. обращеніе ихъ монастыря въ единобѣрческій совершится такъ, какъ они того желаютъ“¹⁾. Не менѣе успокоительное извѣстіе прислалъ Никанору 28 іюля и преосвящ. Моисей, письмо котораго любопытно во многихъ отношеніяхъ. „Касающіяся васъ отъ вашихъ братій петиціи, — писалъ преосвященный, — доводить васъ до самыхъ мрачныхъ мыслей; вы теперь опасаетесь, чтобы обитель ваша по навітамъ многихъ не дошла до разоренія и уничтоженія потому единственно, что вы теперь рѣшились на столь благое дѣло. Но кто создаетъ и уничтожаетъ обители? начальство, которое пріемлетъ васъ въ особенное покровительство, имѣя всегда копченіе о внутреннемъ и вѣншнемъ вашемъ благосостояніи“. Да и кромѣ того мрачныя мысли слишкомъ преждевременны: „вѣчными временными выгодами, — читаемъ далѣе, — вы пользуетесь, кажется мнѣ, вполне; во всемъ вы изобилуете, способы къ содержанію себя имѣете достаточныя, вклады получаете богатые, молитвенныя храмы украшены до возможнаго совершенства; утварь церковная драгоценна; ни въ чемъ у васъ нѣтъ недостатка“²⁾. Преосв. Моисей, конечно, отлично понималъ, что всѣ эти „мрачныя мысли“ существуютъ только на бумагѣ, что это не больше, какъ видъ попрошайничества.

Одной изъ послѣднихъ бумагъ Голицына, имѣющей отношеніе къ раскалу, было письмо его митрополиту Серафиму отъ 20 мая. Принеся благодарность за архипастырское благословеніе и на-

¹⁾ Бр. Св. Кр., № 513, 177.

²⁾ Ibidem, 176—177.

помнивъ о своихъ двухъ-лѣтнихъ трудахъ по уменьшенію раскола въ Саратовскомъ краѣ, Голицынъ высказываетъ очень опредѣленно свой взглядъ на мѣры къ подавленію раскола: „Если правительство желаетъ видѣть расколъ пресѣкаемымъ, то необходимо наблюдать такое поведеніе, которое бы могло разувѣрить раскольниковъ въ продолженіи безпредѣльнаго снисхожденія къ нимъ“. Въ видѣ примѣра онъ ссылается на дѣло съ вольскимъ старообрядческимъ молитвеннымъ домомъ: „Раскольники, свободно построивъ его, никакъ не хотятъ отступить отъ мнѣнія, что имъ позволено будетъ перенести туда богослуженіе, и нынѣ утруждаютъ о томъ государя императора, несмотря на объявленное имъ высочайшее повелѣніе объ обращеніи сего дома въ церковь единовѣрческую или православную. Такимъ образомъ для успѣха въ дѣлѣ обращенія нужно особенное вниманіе къ представленіямъ губернскаго начальства и даже согласіе на заключенія его, хотя бы они въ нѣкоторомъ отношеніи казались не вполне соответственными общимъ правиламъ терпимости“. Передавъ всѣ эти разсужденія на благоусмотрѣніе митрополита, Голицынъ выражаетъ полную надежду, что „благое содѣйствіе“ владыки „упрочитъ ему свободу располагать дальнѣйшими дѣйствіями относительно раскольниковъ сообразно мѣстнымъ обстоятельствамъ“¹⁾. Неизвѣстно, рѣшился ли митр. Серафимъ помогать полученію согласія свыше на „не вполне соответствующія общимъ правиламъ терпимости“ заключенія Голицына; но Голицыну во всякомъ случаѣ не пришлось воспользоваться этой помощью, ибо онъ скоро уѣхалъ въ отпускъ, а затѣмъ и совсѣмъ оставилъ службу въ саратовской губерніи. Между тѣмъ 27 іюля, по высочайше одобренному докладу св. синода, Воскресенскій монастырь утвержденъ третьекласснымъ; штатъ иноковъ, со включеніемъ настоятеля, опредѣленъ въ 12 человекъ²⁾. Трудно было надѣяться, чтобы число желающихъ поступить въ новооткрытый монастырь превысило этотъ миниатюрный штатъ: на это не рассчитывалъ и самъ Никаноръ, 24 іюля просившій Герасима отпустить къ нему изъ Высоковскаго скита одного священно-инока съ іеродіакономъ, — „мы, по малому братству, — писалъ онъ, — даже затрудняемся въ выборѣ въ священство изъ среды насъ, а постороннихъ избрать опасаемся,

¹⁾ С. И. А., № 11, 408—409.

²⁾ Пол. собр. зак., IV, № 3042. 1829 г.

чтобы обрядъ противъ древности въ чемъ-либо не измѣнять¹⁾. Въ октябрѣ того же 1829 года обѣ церкви Нижняго монастыря были освящены на выданныхъ архіереемъ древнихъ антиминосакъ. Торжественное освященіе, больше напоминавшее собою погребеніе 66-лѣтняго старца-скита, прошло тихо и грустно; всѣ молча подчинились факту, но никто не радовался ему. Никакихъ безпорядковъ со стороны старообрядцевъ при этомъ не было, благодаря „содѣйствію и наблюденію исправника“, какъ замѣчаетъ іеромонахъ Арсемій²⁾. Никаноръ не долго правилъ обителью: 16 марта 1830 года онъ умеръ чуть ли ни водянкой. По духовному завѣщанію свою келію со всѣмъ хранящимся въ ней имуществомъ онъ отказалъ бѣльцу Гавріилу Филишову Грязнову, „ибо онъ мнѣ,—говоритъ завѣщатель,—служилъ со всею вѣрностію и усердіемъ 18 лѣтъ. И за таковую его вѣрную службу прошу и молю всю братію монастыря и будущаго по мнѣ настоятеля не допустить его, Гавріила, никому и ничѣмъ обидѣть“. Особымъ письмомъ къ преосвященному Никаноръ извѣстилъ о своемъ завѣщаніи и просилъ не допускать земскую полицію къ распоряженію остающимся имѣніемъ³⁾. Братія монастыря, донося преосвящ. Моисею о смерти своего настоятеля, просила ходатайствовать о назначеніи на его мѣсто священно-инока Платона изъ Высоковской пустыни, который прежде былъ здѣсь инокомъ и доброе поведеніе котораго поэтому хорошо извѣстно. вмѣстѣ съ этимъ выражалось желаніе, чтобы присланъ былъ еще іеромонахъ и іеродіаконъ съ 4—6 иноками: „въ братіи нашей крайній въ томъ недостатокъ и едва иночествующими можемъ изъ среды своей замѣщать пономарскія должности, ибо нѣкоторые неграмотны, а другіе совершенно престарѣлы“⁴⁾.

Итакъ къ 1830 году кн. Голицынъ сошелъ со сцены. Къ чему же привели его трех-лѣтніе труды по управленію Саратовскимъ краемъ? Почти ни къ чему, или къ очень малому: „при орлиныхъ очахъ князю не доставало орлиныхъ когтей, „сказалъ впоследствии о немъ преосв. Іаковъ и, нужно сознаться, сказалъ совершенно справедливо. Голицынъ понималъ, что для борьбы съ расколомъ совершенно достаточно точнаго соблюденія существующихъ на этотъ предметъ общихъ узаконеній и сепаратныхъ распоряженій, но онъ

¹⁾ Арх. Нижн. мон., № 6, 8.

²⁾ № 8774, 410.

³⁾ Арх. Нижн. мон., № 13, 50, 51.

⁴⁾ Ibidem, 52.

не въ состояніи былъ выдержать роль холоднаго, безпристрастнаго блюстителя закона,—онъ волновался, горячился, дѣлался пристрастнымъ и одностороннимъ. Путемъ далеко не чистымъ ему удалось отнять у раскола Нижній монастырь, но никакого практическаго результата это отнятіе само по себѣ не имѣло. Храбрый на бумагѣхъ и трусливый на дѣлѣ, онъ не сумѣлъ не только уничтожить остальные иргизскія обители, но даже и вольскій старообрядческій храмъ оставилъ въ рукахъ старообрядцевъ, хотя имѣлъ въ своемъ распоряженіи высочайшее повелѣніе относительно обращенія его въ единоувѣрческій или православный. Страхъ предъ волненіемъ умовъ—вотъ что связывало его по рукамъ и ногамъ, вотъ что заставляло по временамъ забывать о престижѣ власти. Этимъ страхомъ и обусловливалась двойственность и недостатокъ послѣдовательности въ его дѣйствіяхъ. Онъ шумѣлъ, кричалъ, грозилъ,—это была его обычная манера „дѣйствовать“; но разъ встрѣчалъ отпоръ, хотя бы только пассивный, онъ тушевался, прятался на задній планъ. Это мы видѣли на Иргизѣ въ его іюньскую поѣздку туда, это же можемъ видѣть и въ Вольскѣ. Даже преосв. Моисей, человекъ безусловно мягкій и добрый, былъ недоволенъ его нерѣшительностью и 14 мая 1829 года убѣдительно просилъ Голицына „почтить увѣдомленіемъ“, что думаетъ онъ дѣлать съ вольскимъ храмомъ, напомнивъ при этомъ, что въ силу предписанія св. синода отъ 24 октября 1827 года онъ, Моисей, собственнолично не можетъ приступить ни къ какимъ дѣйствіямъ по обращенію храма этого въ единоувѣрческій или православный и обязанъ дожидаться распоряженій гражданскаго начальства. Голицынъ не „почтилъ“, ибо никакихъ распоряженій по этому вопросу не сдѣлалъ¹⁾. На запросъ министерства по этому же предмету Голицынъ отписывалъ обыкновенно, что онъ „усиленно дѣйствуетъ“ и надѣется скоро „увидѣть достойные усилія своихъ плоды“; когда же плоды эти черезчуръ замедлялись, то онъ начиналъ кивать на Петра, жаловаться на жандармскаго полковника Юренева, который будто бы однимъ вопросомъ своимъ, обращеннымъ къ вольскимъ старообрядцамъ,—„не чувствуютъ ли они отъ мѣстнаго начальства стѣсненія“,—разрушилъ все дѣло²⁾. Будь кн. Голицынъ немного поправдивѣе, относись онъ нѣсколько серьезнѣе къ официальнымъ бумагамъ,—онъ никогда не

¹⁾ С. И. А., № 11, 403.

²⁾ Ibidem, 374.

написахъ бы этихъ строкъ, ибо долженъ же былъ понимать, что никакой Юренивъ ничего не могъ разрушить въ Вольскѣ, такъ какъ и „дѣла“ никакого тамъ не было: въ теченіи трехъ лѣтъ, при самомъ безобразномъ административно-полицейскомъ гнетѣ, ему удалось отыскать изъ вольскихъ обывателей только 72 человѣка, согласныхъ на единовѣріе, да и то согласныхъ съ оговорками, которыхъ не принялъ государь. Но оставимъ Вольскъ съ Иргизомъ; быть можетъ, по другимъ мѣстностямъ Саратовскаго края княземъ сдѣлано больше? Увы, нѣтъ! Правда, Голицынъ не давалъ разрѣшенія на постройку новыхъ старообрядческихъ часовенъ и молитвенныхъ домовъ, но въ существующихъ богослуженіе отправлялось, какъ и раньше, безъ всякихъ затрудненій и стѣсненій. Даже въ Саратовѣ, на глазахъ начальства, въ Барановской часовнѣ служили бѣглые священники, хотя и не такъ явно, какъ прежде. На базарѣ въ томъ же Саратовѣ открыто продавались иконы стараго письма; одинъ изъ торговцевъ этимъ товаромъ разсылалъ съ ними прикащиковъ по всѣмъ ярмаркамъ Саратовскаго края и возбраненія нигдѣ не встрѣчалось¹⁾. Самымъ крупнымъ распоряженіемъ за все время его управленія губерніей нужно признать предписаніе губернскаго правленія отъ 27 февраля 1828 года вольскому земскому суду о наблюденіи за прекращеніемъ разсылки съ Иргиза священниковъ и монаховъ и одновременное съ этимъ предписаніе кузнецкому городничему наблюсти за неприемомъ пришлыхъ „бабъ и дѣвокъ“ въ кельи на дворѣ Серебряковской часовни и за необученіемъ раскольниковъ грамотѣ дѣтей православныхъ родителей²⁾. Отказъ въ прошеніи 554 старообрядцамъ Кормежки, Сухого Отрога, Большого Кушума и Криволучья, хлопотавшимъ чрезъ департаментъ удѣловъ предъ министромъ двора, кн. Волконскимъ, о занесеніи ихъ въ списки раскольниковъ 1811 года, куда они не записались своевременно изъ опасенія „дабы не могло имъ послѣдовать откуда-либо стѣсненія“, послѣдовалъ, благодаря хлопотамъ не Голицына, а преосв. Моисея³⁾. Жестоко ошибался преосв. Ириней, когда въ прощальномъ письмѣ своемъ изъ Пензы, отъ 25 ноября 1828 года, писалъ Голицыну: „Во все время управленія моего церквами саратовской губерніи я имѣлъ душевную радость видѣть, сколько ваше

¹⁾ Арх. сар. губ. правл., I, 131, № 1122, 4.

²⁾ Арх. канц. сар. губерп., 1836, № 96, 3—4.

³⁾ С. И. А., № 11, 230—235.

святельство озабочивались *умирить* святую церковь съ отпадшими, и безъ сомнѣнія сіе святое предназначеніе ваше вскорѣ, при благодатной помощи свыше, достигнетъ своей цѣли“¹⁾). Голицынъ не „умирить“ церковь съ отпадшими; не миръ, а мечъ принесъ онъ съ собою въ Саратовскій край и,—какъ знать,—быть можетъ, это-то и повредило въ значительной степени благимъ начинаніямъ послѣдующаго времени. Во всякомъ случаѣ отъ зла не рождается добро; ложь и обманъ не могутъ служить на пользу церкви и планъ, построенный исключительно на нихъ, не долженъ быть называемъ „святымъ предназначеніемъ“.

¹⁾ Ibidem, 320.

ГЛАВА VII.

Губернаторство Рославца.—Пожаръ и перестройка Верхняго монастыря.— Открытіе новыхъ моленныхъ и поправка старыхъ.—Переверзевъ.—Уничтоженіе креста на вольскомъ старообрядческомъ храмѣ.—Возстановленіе Иргиза.—Петербургскія распоряженія по этому поводу.—Иakovъ Вечерковъ.—Общество „благочестивыхъ“.—Изученіе Иakovомъ саратовскаго раскола.— Учрежденіе миссіи.—Попытка воздѣйствовать на Иргизъ.—Желаніе подчинить монастыри иргизскіе епархіальной власти.—Осмотръ монастырей Арсеньевымъ.—Его проектъ мѣръ для борьбы съ расколомъ и постановленіе по этому поводу секретнаго комитета.—Безпорядки въ раскольниковыхъ общинахъ.—Столкновеніе Икова съ Переверзевымъ.—Попытка Икова ввести единовѣріе въ Вольскъ и Саратовъ.—Увеличеніе состава миссіи.—Запрещеніе иргизской исправы.—Озлобленіе поповцевъ.—Смѣна Переверзевъ Степановымъ.—Открытіе въ Заволжьи новыхъ городовъ.—Постановленіе о закрытіи Средняго монастыря.—Пріѣздъ архимандрита Зосимы.—Затрудненіе въ исполненіи высочайшаго повелѣнія о присоединеніи монастыря.—Переполохъ въ Саратовѣ.—Командировка на Иргизъ Зѣвакина.—Пріѣздъ Быкова.—Бунтъ 21-го февраля.—Прощеніе иноковъ шефу жандармовъ.—Донесеніе Степанова въ Петербургъ.—Попытка дѣйствовать чрезъ А. П. Сапожникова.—Посылка на Иргизъ Горохова.—„Воззваніе“ Степанова.—Высочайшее повелѣніе.—Посылка въ монастырь Дельвига.—Взятіе монастыря и разгромъ его.—Увольненіе Степанова и пріѣздъ на его мѣсто Бибикова.—Прощеніе старообрядцевъ.—Судъ надъ защитниками монастыря.—Пожары на Иргизѣ.—Гоненіе на бѣглыхъ священниковъ.—Результаты этой мѣры.—Подложные указы.—Стѣсненіе Покровскаго монастыря.—Постановленіе секретнаго комитета объ уничтоженіи мужскаго и женскаго Верхнихъ монастырей.—Исполненіе этого постановленія Фадѣевымъ.—Поѣздка Икова на Иргизъ.

Въ 1830 году саратовскимъ губернаторомъ назначенъ былъ Викторъ Яковлевичъ Рославецъ. Съ вопросомъ о расколѣ ему пришлось встрѣтиться съ первыхъ же дней своего управленія губерніей. Еще при Голицынѣ, 10 мая 1829 года, въ Верхнемъ монастырѣ случился пожаръ. Послѣ часовъ, когда братія собралась въ трапезу обѣдать, въ деревянной церкви загорѣлась отъ неугасимой лампы предъ образомъ Николая Чудотворца стѣна алтаря. Никѣмъ во-время не замѣченный, пожаръ быстро распространился и когда иноки бросились тушить его—было уже поздно: вся деревянная церковь, крыша и осмерикъ каменный, болѣе половины монастырскихъ келій, часть деревянной ограды и множество иконъ и церковной утвари сдѣлалось добычей пламени. По оцѣнкѣ монаховъ, сгорѣвшая церковь стоила 50.000 руб., иконостасъ въ ней—10.000 руб., колокола—7.340 руб. и разныя строенія—16.000 руб.; церковную утварь и особенно иконы монахи отказались оцѣ-

нить, такъ какъ записей стоимости ихъ не было, и замѣчаютъ только, что большая часть иконъ была въ жемчужныхъ ризахъ съ драгоценными камнями¹⁾. Рославецъ, къ которому раскольники обратились съ просьбой о разрѣшеніи замѣнить истребленныя огнемъ постройки новыми, возбудить въ этомъ смыслѣ ходатайство и комитетъ министровъ 10 іюня 1830 года удовлетворилъ его. Верхній монастырь въ самомъ непродолжительномъ времени обстроился гораздо лучше прежняго; церковь сооружена громадная каменная и снабжена всей утварью и украшеніями съ еще большимъ изяществомъ и богатствомъ, чѣмъ прежде; число келій по счету нѣсколько уменьшилось, но за то вновь устроенныя гораздо помѣстительнѣе²⁾. Этимъ снисхожденіемъ новаго губернатора раскольники не замедлили воспользоваться: въ томъ же 1830 году открыты двѣ моленныя въ Мещеряковкѣ, одна—въ Полухинѣ и одна—въ Натальинѣ, балаповскаго уѣзда³⁾. Въ Криволучьѣ, въ часовнѣ, имѣвшей, по словамъ благочиннаго Тимофея Иргизова, „всякую церковную благовидность“, т. е. главы и кресты на крышѣ, богослуженіе начали отправлять публично, даже съ колокольнымъ звономъ. Въ виду этого духовное начальство велѣло было причислить значившихся по спискамъ православными жителей слободы приходомъ къ селу Суховкѣ, но они, „по своей закоснѣлости въ старообрядчествѣ, отреклись отъ этого и убѣжденій никакихъ не слушали“. Консисторія обратилась за „содѣйствіемъ“ къ губернатору, а тотъ перенесъ дѣло въ комитетъ министровъ, который и запретилъ колокольный звонъ, но уставщиковъ преслѣдовать не велѣлъ⁴⁾. Благодушіе новаго губернатора соблазнительно подѣйствовало и на низшихъ чиновниковъ: 12 августа 1830 года благочинный Іоаннъ Іерихонскій донесъ преосвящ. Монсею, что въ Сосновой Мазѣ, хвалынскаго уѣзда, раскольниками перекрыта часовня съ дозволенія исправника Сумарокова. Назначено было слѣдствіе и по нему открылось, что раскольники начали перекрывать съ вѣдѣнія мѣстнаго священника Колоярскаго и самого Іерихонскаго, которому дано за это 60 руб. п пудъ рыбы. Вольское духовное правленіе признало обвиненіе Іерихонскаго лживымъ, ибо „обвиняемый признанія не учинилъ, а уличается толь-

¹⁾ С. И. А., № 11, 410—412.

²⁾ Дѣла Секр. Ком., Vol. XIV, стр. 1108.

³⁾ Арх. консист., 1836, № 697.

⁴⁾ Арх. губери. правл., I, 59, № 4201, 2—17.

ко раскольниками¹⁾). По жалобѣ раскольниковъ дѣло дошло до комитета министровъ, который постановилъ: „оставить часовню въ прежнемъ положеніи“. Государь утвердилъ это постановленіе слѣдующей резолюціей: „Старообрядческую часовню села Сосновой Мазы оставить въ настоящемъ ея положеніи, подтвердивъ строго старообрядцамъ того села, чтобы они впредь отнюдь не осмѣливались сдѣлать въ своей молебнѣ какихъ-либо починокъ и поправокъ, подъ опасеніемъ взысканія по законамъ и уничтоженія самой молебни. Но вмѣстѣ съ тѣмъ поставить на видъ губернскому начальству допущенныя безъ вѣдома его противозаконныя въ сей часовнѣ починокъ, которыя при строгомъ съ его стороны наблюденіи, конечно, не могли бы быть произведены тѣми старообрядцами самовольно“²⁾).

Рославецъ не долго губернаторствовалъ. Въ 1831 году его смѣнилъ Федоръ Лукичъ Переверзевъ, управлявшій Саратовскимъ краемъ въ теченіи пяти лѣтъ. Переверзевъ напомнилъ раскольникамъ Панчулидзева: если даже не совсѣмъ справедливо утвержденіе, будто онъ „разрѣшилъ всѣмъ желающимъ подавать ему прошенія о зачисленіи въ какую угодно секту“³⁾, то во всякомъ случаѣ его благоволеніе къ старообрядцамъ не можетъ подлежать никакому сомнѣнію,—онъ скрывалъ и защищалъ даже скопцовъ, съ которыхъ саратовская полиція не безъ вѣдома, быть можетъ, его получала ежегоднаго оброка по 1000 рублей⁴⁾). Если онъ въ этомъ отношеніи не превзошелъ Бѣлякова съ Панчулидзевымъ, то тутъ виноваты съ одной стороны условія времени, при которыхъ ему пришлось дѣйствовать, съ другой—оппозиція преосв. Іакова Вечеркова, который 27 марта 1832 года назначенъ былъ на мѣсто Моисея Богданова: не будь этихъ двухъ условій, 1831—1835 годы явились бы для мѣстнаго раскола вторымъ „исправленнымъ и улучшеннымъ“ изданіемъ 1802—1826 годовъ. Начать управленіе Переверзеву пришлось мѣрой противораскольничьяго характера: онъ долженъ былъ исполнить постановленіе комитета министровъ, состоявшееся 20 фев-

1) Эгогъ Іерихонскій, въ 1828 году сдѣлавшійся миссіонеромъ, усленно обрабатывалъ раскольниковъ въ православіе при преосв. Іаковѣ и получившій за это даже скифю, десять лѣтъ спустя блестяще оправдалъ довѣріе вольскаго духовнаго правленія: онъ бѣжалъ къ раскольникамъ на Донъ, ибо оказался прикосновеннымъ къ дѣлу объ убійствѣ одного татарина (Арх. сар. консист., 1841, № 894).

2) Арх. губ. правл., I, 81, № 4640, 10—31.

3) № 3774, 394.

4) „Чт. въ общ. вѣст. и др.“, 1873, I, отд. 5, 127.

раля 1830 года по всеподданнѣйшему прошенію вольскихъ старообрядцевъ, которые въ августѣ 1829 года на отрѣзъ отказывались отъ единовѣрія, какъ протпвнаго „ихъ совѣсти, истекающей отъ самого Бога“, и просили подтвердить разрѣшеніе императора Александра I окончить храмъ и открыть въ немъ богослуженіе: пначе чѣмъ же особенно могли заслужить гнѣвъ государя одни только вольскіе старообрядцы, когда московскіе и другіе свободно молятся въ своихъ храмахъ. Комитетъ министровъ на это прошеніе отвѣтилъ слѣдующей резолюціей: „Не требуя сломки купола и перестройки корпуса новаго ихъ храма, поставить только въ непремѣнную обязанность снять съ онаго главу и крестъ и не имѣть колоколовъ; дозволивъ имъ на семь основаній докончить постройку храма и отправлять въ ономъ богослуженіе, не принимать затѣмъ съ ихъ стороны никакихъ дальнѣйшихъ возраженій“¹⁾. Это постановленіе комитета министровъ, помимо своей непослѣдовательности и даже противорѣчія предыдущимъ распоряженіямъ правительства, было крупной ошибкой: операція снятія креста произвела сильное впечатлѣніе на вольскихъ старообрядцевъ, но далеко не въ пользу православія. Вотъ какъ описываетъ очевидецъ это событіе: „Тысячи народа наполнили улицы, окна и крыши домовъ и даже на горныхъ лачугахъ виднѣлись человѣческія фигуры. Тутъ были и православные и старообрядцы, почти весь городъ на лицо, даже нарочно пріѣхали изъ ближайшихъ деревень и съ Иргиза. Вотъ Семень Кровельщиковъ взбирается по куполу ко кресту. Я боялся и того, что онъ сорвется, и какъ будто желалъ, чтобы это случилось. Я чувствовалъ, какъ сердце мое замирало и мнѣ казалось, что и многотысячная толпа испытывала тоже... Поднялся Семень, держась за цѣпь, ко кресту, засучилъ рукава и остановился на минуту безъ движенія; его рука съ пилою безпомощно опустилась. Толпа замерла. О чемъ думалъ Кровельщиковъ въ ту минуту? Двѣ—три секунды и я читаю на всѣхъ лицахъ пониманіе причины бездѣйствія: вѣдь все-жъ таки это крестъ, все-жъ таки это церковь, а Богъ одинъ для всѣхъ... Колебаніе прошло. Пила поднялась и стала подъ угломъ къ главѣ, на которой утверждёнъ былъ крестъ. Вижу будто сейчасъ, какъ сотни и тысячи рукъ благоговѣнно слагались, глаза наполнялись слезами и колѣна сами собой

¹⁾ Арх. канц. губери., вѣз. 5, № 3, 10—11; Нав. сем. библ., № 3774, 308.

подгибались; и теперь еще вижу я, какъ на изстрадавшихся лицахъ пожилыхъ людей, на грустныхъ физиономіяхъ молодыхъ дѣвушекъ бѣгутъ или кажутся слеза за слезой и капаютъ на землю, на которой нѣсколько тысячъ народа стояло на колѣнахъ и благоговѣнно, вѣрующе устремляло свои руки къ спиливавшемуся кресту. А въ ушахъ у каждаго раздавалось холодное жжигъ, жжигъ, жжигъ, какъ будто души присутствовавшихъ разомъ распиливались той же пилой. Я въ жизнь мою не видалъ картины болѣе глубоко грустной, болѣе многодумной... Крестъ спилень, подвѣзанъ на веревку и помощью блока начали спускать его на землю. Тутъ я совсѣмъ растерялся. Общій стонъ и плачь, обмороки съ женщинами, своя гнетущая скорбь измучили меня нравственно и физически до полнѣйшаго отупѣнія. Я смотрѣлъ и ничего не видѣлъ, старался понять происходящее вокругъ меня что-то ужасное и не могъ. Я сталъ человѣкомъ, который отъ тяжести переживаемаго имъ момента потерялъ способность къ дальнѣйшему воспріятію впечатлѣній. Мнѣ кажется, что живи я сотни лѣтъ, а видѣнная картина никогда не исчезнетъ изъ моихъ глазъ¹⁾. Люди, пережившіе эту горькую для вѣрующей души минуту,—а такихъ были тысячи,—конечно, на весь свой вѣкъ затаили въ душѣ ненависть къ никоніанству, такъ наругавшемуся надъ ихъ святыней. Уничтоженіе креста на вольскомъ храмѣ—это одна изъ тѣхъ побѣдъ православія, которыя по своимъ послѣдствіямъ стоили ему дороже пораженія.

Преувеличенные, искаженные слухи о принятіи единовѣрія Нижнимъ монастыремъ быстро облетѣли всю Русь: такъ поселенецъ Головановъ письмомъ изъ Усть-Каменогорска, отъ 20 марта 1830 года, спрашивалъ настоятеля Средняго монастыря, Корнилія, дѣйствительно ли на Иргизѣ, за исключеніемъ Нижняго монастыря, все осталось по старому? „Нынѣшній годъ,—писалъ онъ,—весь народъ въ великомъ обуреваніи и совсѣмъ повѣрили, что всѣ Иргизскіе монастыри приняли благословенное священство и отступили отъ своего правила“. Благодаря этимъ слухамъ, собранная въ тамошней мѣстности милостыня на монастырскія нужды, до 2000 рублей, была задержана отправкой на Иргизъ до выясненія обстоятельствъ²⁾. Въ отвѣтъ на такія недоумительныя письма изъ монастырей летѣли разъясненія и увѣренія, что благочестіе хранится во всѣхъ четырехъ

¹⁾ Сар. Сборн., I, отд. I, 62—63.

²⁾ Арх. канц. губерні., влз. 12, № 3, 1.

обителяхъ свято и ненарушимо, что голицынская гроза пронеслась мимо и настала ослаба послѣ тяжелаго гнета. Разсылать эти увѣдомленія было тѣмъ необходимѣе, что недоумѣніе, вызванное превратными слухами, наносило, какъ показано сейчасъ, матеріальный ущербъ монастырямъ. И радовались старообрядцы за иргизскихъ ревнителей благочестія, трудивковъ о Христвѣ, не послѣдовавшихъ примѣру Никанора съ его 13 едипномышленниками, радовались и ослабѣ административнаго ярма, слали на Иргизъ пожертвованія, слали и новыхъ подвижниковъ. Иргизъ быстро ожилъ. Если при Голицынѣ оттуда десятками уходили иноки и бѣльцы, то теперь еще большими толпами приливали новые насельники. Монастырскія кельи, особенно въ женскихъ монастыряхъ, скоро были переполнены пришельцами. Ничего не видѣлъ и молчалъ вольскій исправникъ, ничего не видѣло и молчало губернское начальство. Однако шумъ пестрой толпы иргизскихъ иноковъ и помимо губернскаго начальства дошелъ до Петербурга и въ секретномъ комитетѣ вопросъ объ Иргизѣ опять выступилъ на первый планъ. Тамъ вспомнили представленіе кн. Голицына въ министерство съ предложеніемъ считать Иргизскіе монастыри существующими только въ продолженіи жизни иноковъ, указанныхъ въ реестрѣ, приложенномъ при указѣ 1797 года объ избавленіи ихъ отъ рекрутской повинности, а по смерти ихъ всѣ земли и имущество монастырское ваять въ казну. Въ засѣданіи 15 января 1832 года члены секретнаго комитета нашли „мѣру сію полезною и могущею содѣйствовать къ искорененію раскола, но, для приведенія ея въ исполненіе сколь можно съ большей осторожностью, нашли нужнымъ предварительно получить секретно, чрезъ министерство внутреннихъ дѣлъ, отъ саратовскаго губернатора свѣдѣніе: сколько теперь состоитъ на лицо при означенныхъ монастыряхъ иноковъ, съ показаніемъ ихъ лѣтъ, и собственно тѣхъ, которые были поименованы въ реестрѣ, обративъ вниманіе губернатора, нѣтъ ли между наличными и такихъ, кои приняли имена умершихъ иноковъ, въ реестрѣ означенныхъ, и потомъ уже постановить заключеніе о тѣхъ монастыряхъ, которые могутъ остаться пустыми“¹⁾. Пѣреверзевъ представилъ требуемые списки наличныхъ жителей монастыря. Разсмотрѣвъ эти списки, секретный комитетъ 2 мая 1833 года нашель, что по пра-

¹⁾ Дѣла Секр. Ком., Vol. VI, стр. 568—569.

ву находятся въ монастырѣ только три инока, числящіеся въ реестрѣ 1797 года, но что насильственное удаленіе изъ монастырей остальныхъ жителей можетъ быть принято за гоненіе на монастыри; поэтому рѣшили чрезъ министра внутреннихъ дѣлъ предложить саратовскому губернатору со всей строгостью соблюдать существующія постановленія по части раскола, а саратовскому архіерею внушить секретно, чрезъ митр. Серафима, чтобы онъ обратилъ особенное вниманіе на Иргизъ и сообразилъ на мѣстѣ, нельзя ли Средне-Никольскій монастырь, въ которомъ не осталось ни одного инока 1797 года, присоединить къ обращенному уже въ единовѣріе Воскресенскому? Государь утвердилъ это постановленіе¹⁾.

Министръ внутреннихъ дѣлъ, какъ будто не надѣясь на точность доставленныхъ Переверзевымъ свѣдѣній, командировалъ для осмотра Иргиза члена совѣта министерства, статскаго совѣтника Арсеньева. Кромѣ этого 21 мая министерство предложило Переверзеву составить тщательную перепись всѣхъ жителей монастыря, съ описаніемъ точныхъ примѣтъ cadaго лица, такъ чтобы нельзя было одно лицо прикрыть другимъ и подъ однимъ ангельскимъ именемъ прятать нѣсколько именъ мірскихъ. Вновь селиться въ монастыряхъ запрещалось безусловно, за женскими обителями предписывалось слѣдить внимательно и женщинъ, „кои изобличены будутъ въ распутствѣ“, немедленно отсылать на фабрики или въ Сибирь на поселеніе. Къ довершенію всего сообщалась воля государя императора „войти въ разсмотрѣніе, не удобнѣе ли будетъ для надзора за монастырями опредѣлить туда постоянного полицейскаго чиновника съ нѣсколькимъ числомъ служителей подобно тому, какъ сдѣлано уже для обузданія раскольниковъ въ Судиславлѣ и посадѣ Сольцахъ“. Губернаторъ затребовалъ свѣдѣнія о штатѣ полицейскихъ чиновниковъ, назначенныхъ для наблюденія за судиславльскими раскольниками, отъ костромскаго губернатора. Тотъ далъ свѣдѣнія, но о высочайше утвержденныхъ правилахъ для судиславльской богадѣльни, въ виду того что они объявлены ему секретно, отказался сообщать что-либо. Переверзевъ нашель, что послѣдовать примѣру Судиславля дѣйствительно будетъ „удобнѣе“, и предложилъ завести особаго чиновника, при которомъ должны сослужать трое разсыльныхъ и письмоводитель, съ тѣмъ чтобы онъ жилъ въ Среднемъ

¹⁾ Ibidem, стр. 794, 796, 806.

монастырь, какъ наиболѣе центральномъ, и оттуда слѣдить за всеми обителями. Расходъ на этотъ предметъ исчислялся въ 1550 рублей (750 руб. чиновнику, 300 руб. письмоводителю, по 120 руб. троемъ разсылнымъ и 140 руб. на канцелярскіе расходы), при чемъ квартира должна быть отъ монастырей¹⁾. Этотъ проектъ не прошелъ въ министерствѣ, такъ какъ тамъ приняты были предложенія Арсеньева. Но еще прежде полученія изложеннаго предложенія министерства Переверзевъ отправилъ въ Петербургъ 19 апрѣля 1833 года дополнительное донесеніе къ представленному нѣсколько раньше со спискомъ иргизскихъ жителей. Въ этомъ донесеніи онъ писалъ, что въ началѣ августа предыдущаго года „лично былъ въ Иргизскихъ монастыряхъ и, разсмотрѣвъ всѣ виды проживавшихъ тамъ иноковъ, не нашелъ ни одного подставнаго лица въ подмѣну первыхъ, водворившихся тамъ старообрядцевъ. Не довѣряя однимъ симъ доказательствамъ и видя, что всѣ иноки происходятъ изъ купечества, мѣщанъ, казенныхъ и удѣльныхъ крестьянъ или изъ отставныхъ казаковъ, вступалъ нарочито въ разговоры съ ними о мѣстѣ рожденія первыхъ и о походахъ послѣднихъ. Изъ отвѣтовъ ихъ удостовѣрился въ правильности представленныхъ видовъ и въ количествѣ объявленныхъ каждымъ лѣтъ. О недопущеніи же безпаспортныхъ людей къ жительству въ монастыряхъ и о несовращеніи изъ православія въ старообрядческую ересь сдѣланы мною строгія приказанія какъ настоятелямъ монастырей и инокамъ, такъ и земскому исправнику, который всякій разъ въ проѣздѣ въ монастыри и таволжанскую волость обязанъ провѣрять въ монастыряхъ сихъ заведенныя для записи всѣхъ живущихъ и временно пріѣзжающихъ въ монастыри сіи книги“. Далѣе прибавляетъ, что „нашелъ тамъ весьма многихъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ донскаго и уральскаго казачьяго войска, по старообрядству своему прибывающихъ туда цѣлыми семействами для говѣнья и пріобщенія св. таинъ“²⁾. Къ чему привела вся эта переписка—увидимъ немного дальше, а пока посмотримъ, къ какимъ выводамъ относительно саратовскаго раскола пришелъ саратовскій епископъ и Арсеньевъ. Начну съ перваго.

Въ ряду духовныхъ дѣятелей противъ раскола саратовскому

¹⁾ Арх. канц. губерн., вѣз. 15, № 7, 239—241, 378, 381.

²⁾ Ibidem, 21—22.

епископу тридцатыхъ годовъ, преосвящ. Іакову, принадлежитъ одно изъ наиболѣе видныхъ мѣстъ. Для знакомства съ нимъ въ нашей литературѣ есть двѣ книжки: „*Преосвящ. Іаковъ, архіепископъ Нижегородскій и Арзамасскій*“, іеромонаха Макарія (Москва, 1858) и „*Разсказъ очевидца о дѣйствіяхъ преосв. Іакова по обращенію раскольниковъ Саратовской губерніи съ 1832 до 1839 года*“, неизвѣстнаго автора (Спб., 1862); но ни одно изъ этихъ сочиненій не даетъ полнаго представленія ни о личности, ни о дѣятельности этого достопамятнаго архипастыря за время управленія имъ саратовской епархіей. Причину, вѣроятно, нужно искать въ томъ, что „Очевидецъ“ разсматриваетъ его дѣятельность эпизодически, сообщая факты изъ нея, насколько они оказались доступны его пониманію, безъ всякой связи съ послѣдующимъ временемъ, а іеромонахъ Макарій описывалъ эту дѣятельность заглазно, по разсказамъ келейниковъ и послушниковъ, и потому наговорилъ въ общемъ выводѣ большіе теплыхъ, сочувственныхъ словъ, чѣмъ дѣла. Правда, у обоихъ авторовъ фигура Іакова выходитъ и внушительна и симпатична, но этихъ качествъ не лишится она и при болѣе строгой, болѣе согласной съ требованіями исторической правды, оцѣнкѣ. Въ настоящей, равно какъ и въ слѣдующей, главѣ я дамъ матеріалы, представлю факты для надлежащаго пониманія личности и дѣятельности преосв. Іакова, а затѣмъ сдѣлаю общій выводъ изъ этихъ фактовъ, произведу оцѣнку его противораскольничьихъ трудовъ.

Къ 1832 году, ко времени пріѣзда въ Саратовъ преосв. Іакова, здѣсь образовалось „общество благочестивыхъ“, поставившее цѣлью борьбу съ расколомъ. Во главѣ общества стоялъ мѣстный портной Пономаревъ; въ составъ входили: мѣщанинъ С. Я. Чекеневъ, купецъ Л. И. Залетновъ, купцы В. И. Крюковъ, Ф. И. Курбатовъ, Усовъ, обращенный ими же изъ раскола, Бакуровъ, мѣщанинъ П. А. Солоховъ и нѣкоторые другіе, всего до 30 человекъ. Далѣе къ обществу или „братству“ примкнули: членъ консисторіи прот. И. С. Крыловъ, священникъ М. С. Чердынскій, священникъ И. Родіоновъ и учителя духовнаго училища, іеромонахи Іоаннъ и Гурій. Стояли въ сношеніяхъ съ „благочестивыми“ и нѣкоторые изъ семинаристовъ старшаго отдѣленія. Преосв. Іаковъ скоро познакомился съ членами братства, принималъ ихъ безъ всякихъ формальностей во всякое время; неоднократно и самъ применялъ того

или другого изъ нихъ къ себѣ для полученія различныхъ свидѣній, а иногда давалъ имъ и порученія по дѣламъ раскола. Сойдясь съ братствомъ, Иаковъ занялся подготовленіемъ и самого себя къ миссіонерской дѣятельности. Съ этой цѣлью онъ завелъ у себя ежедневныя вечернія собранія, на которыхъ присутствовали обыкновенно двое изъ членовъ братства, Іоаннъ и Гурій, и протоіерей Матеей Муртовскій. Здѣсь шли собесѣдованія и цѣлыя ученые диспуты относительно спорныхъ съ раскольничьей точки зрѣнія вопросов¹⁾. П. И. Мельниковъ въ своихъ „*Материалахъ для исторіи хлыстовской и скопческой ереси*“ передаетъ, что близкія сношенія Іакова съ „благочестивыми“, которыхъ въ Саратовѣ многіе принимали за особаго рода сектантовъ, смущали нѣкоторыхъ и заставляли дивиться, „какъ это такой строгій ко всѣмъ вообще сектантамъ преосв. Іаковъ втайнѣ бесѣдуетъ съ послѣдователями мнимой секты и вообще оказываетъ имъ знаки особаго милостиваго расположенія“. Особенно возставалъ противъ нихъ соборный протоіерей Гавріиль Чернышевскій. Онъ былъ человекъ обширнаго ума, хитрый и чрезвычайно честолюбивый. Долгое время присутствовалъ онъ въ саратовской консисторіи и нажилъ большое состояніе при прежнемъ епископѣ, пользовался его благорасположеніемъ, но довѣріемъ преосв. Іакова не пользовался. Чернышевскій послалъ доносъ о мнимой сектѣ, прибавивъ, что ей покровительствуетъ преосв. Іаковъ. Потребовано было отъ епископа объясненіе и онъ оградилъ братство, объяснивъ св. синоду цѣль его и образъ дѣйствій. Епископу предоставлено было сдѣлать взыскаіііе съ Чернышевскаго за ложный доносъ, но преосв. Іаковъ, по кротости и смиренномудрію, не хотѣлъ дѣлать неприяііности доносчику, такъ что тотъ едва ли и зналъ о послѣдствіяхъ своего доноса. Въ безсильной злобѣ прот. Чернышевскій сталъ противодѣйствовать членамъ братства въ дѣлѣ обращенія раскольниковъ, сблизившись съ полиціймейстеромъ Евреиновымъ и, при его помощи, а также и при содѣйствіи губернатора Переверзева, дѣлалъ миссіонерамъ разныя неприяііности, разумѣется, втайнѣ отъ преосвященнаго²⁾. Оставляя этотъ разсказъ на отвѣтственности автора, считаю долгомъ замѣтить, что едва ли сколько-нибудь заслуживаетъ довѣрія отзывъ его о Чернышевскомъ: въ Саратовѣ живы еще люди, которые лично знали

¹⁾ „Разск. очевидца“, 30—37, 47, 50.

²⁾ „Чтенія въ общ. ист. и др.“, 1873, I, отд. 5, 147.

Чернышевскаго, и всѣ они въ одинъ голосъ говорятъ, что это былъ человѣкъ не только замѣчательнаго ума, но и замѣчательной честности; пробывъ десятки лѣтъ членомъ консисторіи и цѣлую четверть вѣка городскимъ благочиннымъ, онъ не нажилъ никакого состоянія, кромѣ плохонькаго домишка, хотя жилъ очень скромно. Если даже не вѣрить этимъ показаніямъ, то необходимо обратить вниманіе на то обстоятельство, что преосвящ. Іаковъ, очень ревниво относившійся къ своей власти и по натурѣ неспособный поощрять донощиковъ, всегда высоко цѣнилъ прот. Чернышевскаго и въ теченіи всѣхъ 15 лѣтъ своего управленія саратовской епархіей держалъ его около себя.

Благодаря сближенію съ братствомъ, Іаковъ очень быстро ознакомился съ состояніемъ раскола по епархіи; чрезъ посредство тайныхъ агентовъ братства въ архіерейской келіи было извѣстно все, что творилось по самымъ отдаленнымъ уголкамъ раскольниковъ міра въ Саратовскомъ краѣ¹⁾: никакой буеракъ или трущоба съ подземными кельями и потайными выходами не могли скрыть отъ него разыскиваемаго бѣглаго попа; никакими деньгами не могъ откупиться тотъ или другой расколоучитель, когда нужно было предать его суду²⁾. Но еще быстрѣе ознакомленія съ расколомъ столкнулся онъ съ администраціей, безъ содѣйствія которой всѣ его „благочестивые“, не исключая и дамъ [въ числѣ агентовъ у него были между прочимъ: камышинская мѣщанка Елена Серебрякова, занимавшаяся отыскиваніемъ и устраниваніемъ ловушекъ для разныхъ раскольниковъ ихъ старицъ³⁾], и болтуновскій крестьянинъ Суконцевъ, которому особой резолюціей преосвященнаго рекомендовалось „бесѣдовать съ раскольниками для обращенія ихъ въ нѣдра православныя церкви“⁴⁾, не могли и шага ступить: для миссіонерскаго въ полномъ смыслѣ этого слова труда они въ большинствѣ случаевъ не были приспособлены и обра-

¹⁾ Какъ скоро и какъ издали до пр. Іакова новости изъ міра раскола—лучше всего свидѣтельствуетъ слѣдующій случай, передаваемый Мельниковымъ: изъ журнала московскаго совѣщательнаго о раскольникахъ комитета, 28 іюня 1837 года, видно, что Іаковъ увѣдомилъ московскаго викарія, управлявшаго епархіей за отсутствіемъ митр. Филарета, жившаго тогда въ Петербургѣ для присутствованія въ св. синодѣ, о „великомъ рогожскомъ соборѣ и о приведеніи рогожскимъ попомъ Иваномъ Матвѣевымъ Лястребовымъ къ присягѣ московскихъ старообрядцевъ на вѣрность расколу“ („Рус. Вѣст.“, 1866, № 5, 53).

²⁾ „Разск. очевидца“, 53.

³⁾ Арх. конст., 1638, № 2549, 6; см.: Собр. пост., по вѣд. св. синод., II, 328.

⁴⁾ С. И. А., Карт. А, № СХХІХ, л. 110.

щать въ православіе безъ полиціи совсѣмъ не умѣли. „Гдѣ не могъ дѣйствовать онъ самъ,—говоритъ іеромонахъ Макарій,—тамъ дѣйствовали миссіонеры, имъ ободряемые; гдѣ не могла имѣть вліянія власть духовная, тамъ прибѣгалъ онъ къ покровительству власти гражданской“¹⁾, и если,—продолжу словами „Очевидца“,—„въ губернаторѣ Переверзевѣ встрѣтилъ значительныя препятствія и затрудненія въ исполненіи своего намѣренія“²⁾, за то правой рукой и дѣятельнымъ помощникомъ былъ для него жандармскій подполковникъ П. И. Быковъ, объ оставленіи котораго въ Саратовѣ, когда его „по нѣкоторымъ, весьма уважительнымъ, обстоятельствамъ службы“ хотѣли перевести въ Могилевъ, онъ даже весьма успешно ходатайствовалъ предъ гр. Бенкендорфомъ³⁾. Въ 1835—1836 годахъ Іаковъ встрѣтилъ сочувствіе и помощь въ лицѣ полиціймейстера Демостико, который, ревнуя о православной церкви и „употребляя всѣ мѣры“, обращалъ въ православіе разныхъ солдатокъ⁴⁾.

Однимъ изъ первыхъ самостоятельныхъ шаговъ Іакова было разрѣшеніе дмитріевскимъ священникамъ, по призывамъ двоенскихъ раскольниковъ, аткарскаго уѣзда, совершать крещеніе младенцевъ и браки, приобщать больныхъ, отпѣвать умершихъ и провожать тѣла ихъ на кладбище съ пѣніемъ „Святый Боже“. Исторія этой мѣры такова. Въ 1827—1828 гг. изъ числа двоенскихъ крестьянъ 338 человекъ совратились въ расколъ. Для увѣщанія ихъ командированы были протоіерей Василій Турковскій и священникъ Савва Трофимовъ, но они не имѣли никакого успѣха и пропаганда раскола шла своимъ путемъ. Преосвященный Іаковъ, по вступленіи въ управленіе епархіей, поручилъ увѣщевать совратившихся прот. Матвеею Миртовскому и обратился въ то же время къ управлявшему губерніей съ просьбой о возбужденіи противъ нихъ уголовнаго преслѣдованія. Послѣдній 20 ноября 1832 года увѣдомилъ архіерея, что расколъ въ Двоенкахъ существуетъ съ давнихъ поръ и что приходское духовенство этой деревни, види упорство раскольниковъ, отказывается совершать у нихъ всякія христіанскія требы. Въ виду этого управлявшій губерніей полагалъ необходимымъ приказать духовенству не прекращать требоотправленія въ Двоенкахъ. Пре-

1) Макарій, „Іаковъ, архіеп. Нижегородскій“, 37.

2) „Разск. очевидца“, 54.

3) № 3774, 401.

4) Арх. консиств., 1836, № 1068.

освященный согласился съ этимъ мнѣніемъ, находя, что предлагаемое средство способно постепенно сблизить раскольниковъ съ православіемъ и отклонить ихъ отъ обращенія за требоисправленіями къ бѣглымъ попамъ, и предположилъ распространить эту мѣру и на прочіе приходы епархіи. Св. синодъ, разсмотрѣвъ ходатайство его въ этомъ смыслѣ, 23 февраля—17 марта 1833 года постановилъ: распоряженія архіерея о крещеніи младенцевъ православными священниками у раскольниковъ не отмѣнять, но съ условіемъ, чтобы крещенія эти были занесены въ метрическія книги; „что же касается до таинствъ, совершаемыхъ надъ взрослыми, и наипаче до св. причащенія, то предписать прѣосвященному, что допускать къ оному раскольниковъ можно только по присоединеніи ихъ къ церкви установленнымъ образомъ¹⁾. Видя неудачу этого плана, прѣосвященный задумалъ учредить въ саратовскихъ предѣлахъ противораскольничью миссію. Онъ совершенно основательно нашель, что официальная миссія можетъ дѣйствовать несравненно вѣрнѣе и прѣмѣе, чѣмъ негласное „общество благочестивыхъ“, и возбудилъ въ синодѣ соотвѣтственное ходатайство. Оберъ-прокуроръ Нечаевъ сочувственно отнесся къ этому ходатайству и доложилъ государю, что въ виду успѣшныхъ дѣйствій пермской миссии полезно учредить такую же и въ саратовской губерніи, „какъ въ такомъ краѣ, гдѣ, по бывшей отдаленности архіерейской кафедръ, расколы преимущественно умножались“. Центральнымъ пунктомъ миссии онъ предложилъ избрать единовѣрческій иргизскій монастырь, такъ какъ „съ сей твердой точки представляется большая удобность дѣйствовать на всю обширную окрестность“, или Вольскъ, гдѣ „начинается нѣкоторое колебаніе въ умахъ раскольниковъ“. На этотъ докладъ Нечаева 19 августа 1833 года послѣдовала высочайшая резолюція: „Согласенъ, но быть какъ въ дѣйствіяхъ, такъ и въ выборѣ миссіонеровъ крайне осторожнымъ“²⁾. Начальникомъ миссии, по словамъ „Очевидца“, Іаковъ назначилъ Миртовскаго, который принялъ монашество съ именемъ Моисея, а помощниками ему—бывшаго протоіерея пензенскаго кафедральнаго собора, Павла Архангельскаго, теперь іеромонаха Палладія, и священника Петропавловской церкви въ Саратовѣ, Исидора Родіонова (Атаевскаго).

¹⁾ Собр. пост., по вѣд. св. син., II, 251—254; см.: Указъ св. синода 24 мая 1833, № 3561.

²⁾ Собр. пост., по вѣд. св. син., II, 256—257.

Моисей и Палладій скоро сдѣлались главными двигателями миссіи¹⁾, — впрочемъ, вѣроятно, не гласными, потому что въ послужномъ спискѣ Палладія объ этомъ ни полслова не упоминается, хотя онъ несомнѣнно былъ въ числѣ официальныхъ миссіонеровъ, по крайней мѣрѣ, въ 1836 году²⁾. По рапорту Іакова синодъ 20 декабря 1833—23 февраля 1834 г. утвердилъ въ должности миссіонеровъ изъ предложенныхъ кандидатовъ двоихъ—священника саратовской Срѣтенской церкви, Исидора Атаевского, и вольской Покровской церкви—Евфимія Дьяконова, предоставивъ преосвященному командировать ихъ, куда будетъ признано наиболѣе полезнымъ. Сверхъ прогоновъ до мѣста назначенія и обратно, велѣно выдать миссіонерамъ по 500 рублей на каждый въ единовременное пособіе и для большаго успѣха миссіонерской дѣятельности—дать право миссіонерства архимандриту Воскресенскаго едноровчскаго монастыря Платону, насколько позволяеть ему прямыя обязанности по управленію обителемъ. Затѣмъ предписывалось Іанову „всемирно побуждать“ саратовскихъ и вольскихъ городскихъ священниковъ къ тщательному исполненію своихъ обязанностей въ обращеніи раскольниковъ, а предъ министромъ внутреннихъ дѣлъ рѣшено хлопотать о содѣйствіи гражданской власти³⁾. Статсъ-секретарь Блудовъ, управлявшій въ это время министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, согласился исполнить желаніе синода и поручилъ Переверзеву вѣдѣть въ непремѣнную обязанность полиціямъ, чтобы по прибытіи миссіонеровъ въ какую-либо мѣстность немедленно объявляемо было раскольникамъ объ этомъ прибытіи и чтобы полиціи имѣла внимательное наблюденіе относительно ведѣнія вліятельными раскольниками препятствій миссіонерамъ⁴⁾. Саратовская консисторія, журнальнымъ постановленіемъ: своимъ отъ 28 марта 1834 года по поводу синодальнаго указа объ открытіи въ Саратовскомъ краѣ миссіи, разрѣшила Дьяконову и Атаевскому крестить раскольничьихъ младенцевъ, „по желанію родителей, безъ всякихъ другихъ разбирательствъ, поелику младенецъ до крещенія такъ же не принадлежитъ къ расколу, какъ и къ церкви“. Къ прочимъ таинствамъ дозволялось принимать раскольниковъ не иначе, какъ по присоединеніи къ православной церкви безусловно или, по

1) Разск. очевидца“, 52.

2) С. И. А., Карт. А, № СХХІХ, л. 111.

3) Собр. пост., по вѣд. Св. Снн., II, 265—266.

4) „Дѣло“, 1872, № 4, 296.

крайней мѣрѣ, на правилахъ единовѣрія. Миссіонеры снабжены были книгами, писанными въ обличіе раскола (консисторія предпологала дать имъ „Розыскъ“, „Наставленія, какъ правильно составляются съ раскольниками“, „Отчеты“ преосвященнаго Никифора и другія, какія только „отыскать можно будетъ въ книжной лавкѣ или церковныхъ библіотекахъ“), и нѣкоторыми старопечатными; — эти послѣднія заимствовались изъ библіотеки единовѣрческаго монастыря. Кроме того преосв. Іаковъ пожертвовалъ миссіонерамъ и дѣсколко книгъ этого рода изъ собственной — довольно богатой — библіотеки. О дѣйствіяхъ своихъ и встрѣчающихся затрудненіяхъ миссіонеры обязывались ежедѣльно рапортовать преосвященному. То же самое предписано и архимандриту Платону для дѣйствій по миссіи въ Водскѣ, Хвалынскѣ, въ раскольничьихъ монастыряхъ и окружающихъ Воскресенскій монастырь селеніяхъ, особенно же въ Кривовуцѣ. „Для перваго опыта“ Атаевскій былъ откомандированъ въ концѣ марта этого года съ миссіонерскими цѣлями въ Дмитріевку, Монастырское и Шереметевку аткарскаго уѣзда, а Дьяконовъ — въ Мечетную, Широкое, Каменку, Давыдовку и Пузановку вольскаго уѣзда и Селятбу хвалынскаго уѣзда, съ обязательствомъ, впрочемъ, заглянуть и въ другія селенія вѣихъ уѣздовъ, гдѣ есть раскольники и гдѣ миссіонеры признають нужнымъ быть. Срокъ командировки назначался полугодичный¹⁾.

Съ разрѣшенія синода, Іаковъ вошелъ въ сношенія по дѣламъ миссіи съ Аркадіемъ пермскимъ, прося его сообщить свѣдѣнія о составѣ миссіи въ предѣлахъ пермской епархіи и о способахъ ея дѣятельности²⁾. Преосв. Іаковомъ дана была слѣдующая инструкція св. миссіонерамъ: „1) Въ дѣлѣ обращенія раскольниковъ всю надежду возлагать на Господа Бога и Его непрестанно призывать въ помощь; 2) дѣйствовать осторожно, не торопясь, кротко и съ любовью; 3) имѣть между собой согласіе, любить и помогать другъ другу совѣтами и молитвой; 4) въ проѣздѣ по епархіи не быть никому въ тягость; 5) не унывать при неуспѣхѣхъ отъ первой проповѣди, но продолжать оную съ терпѣніемъ; 6) отъ мѣста къ мѣсту, гдѣ имѣются раскольники, не спѣшить слишкомъ, но стараться

¹⁾ Журн. сар. конс. 23 мар. 1884, № 5. (Засвидѣтельствованная копія имѣется въ Сар. Ист. Архивѣ).

²⁾ „Сар. епарх. Вѣд.“, 1880, № 1.

посѣщать и укоренить слово истины въ одномъ мѣстѣ, а потомъ отправляться въ другое; 7) бесѣдовать со старообрядцами и въ частности и вообще, смотря по обстоятельствамъ, но всячески избѣгать случаевъ, могущихъ беспокоить или затруднить полицію, и не обнаруживать нагдѣ своего влстительства; 8) ежемѣсячно рапортовать о своихъ дѣйствіяхъ, а въ случаяхъ нужныхъ немедленно увѣдомлять". Позже эта инструкция была дополнена еще двумя пунктами: 1) чтобы миссіонеры доводили до свѣдѣнія архіерея о лицахъ, споспѣшествующихъ дѣлу миссіи и неблагопріятствующихъ, и 2) не позволяли бы себѣ брать ни отъ кого и никакихъ подарковъ въ провадѣ по епархіи¹⁾.

Независимо отъ миссіонеровъ, Іаковъ въ первые годы управленія саратовской епархіей и самъ очень часто посѣщалъ мѣстности съ густымъ старообрядческимъ населеніемъ, бесѣдовалъ съ раскольниками, убѣждалъ и склонялъ ихъ лично и чрезъ другихъ лицъ къ переходу въ православіе или единовѣріе. Такъ въ іюлѣ 1838 года онъ былъ въ Вольскѣ, судя по письмамъ его къ митрополиту Серафиму петербургскому, съ исключительной цѣлью „болѣе ознакомиться съ раскольниками и поговорить съ ними о присоединеніи къ церкви“²⁾. Въ началѣ этого года, какъ видно изъ того же письма, онъ посылалъ въ Иргизскіе монастыри „на благословеніе иконы греческаго письма и жизнеописаніе святителя Митрофана. По сему случаю въ Иргизскихъ монастыряхъ былъ соборъ и вслѣдствіе оного Верхній мужской монастырь принялъ книгу „Жизнеописаніе святителя Митрофана“, Верхній женскій—принялъ икону, а Средніе монастыри, мужскій и женскій, принять иконъ не согласились и говорили настоятелю иноки, что они оставляютъ монастырь, если будетъ принята икона“. Тогда Іаковъ поручилъ ближайшему къ монастырямъ благочинному, „человѣку любимому раскольничьими монахами“, предложить настоятелю Верхняго монастыря принять единовѣріе съ обѣщаніемъ оставить его начальникомъ и сохранить монастырю всѣ угодья. Интересенъ конецъ этого письма къ митр. Серафиму: „Не столько опасаясь раскольническаго фанатизма, сколько раскольническихъ денегъ. Не ученіе раскольничье умножаетъ и утверждаетъ расколь, а деньги“³⁾. Получивъ отъ митрополита Сера-

¹⁾ Указы сар. конс. 18 сент. и 1 окт. 1835, №№ 6117, 6427.

²⁾ Дѣла Секр. Ком., Vol. XIV, стр. 1059.

³⁾ Ibidem, 1057—1058.

фима запросъ о Среднемъ монастырѣ, Іаковъ отправился на Ир-
гизъ лично. Въ селеніяхъ, окруженныхъ раскольниками, онъ освя-
тилъ между прочимъ двѣ церкви и отправлялъ въ нихъ архіерейское
служеніе, а затѣмъ заглянулъ и въ самые монастыри. Въ Среднемъ
его не приняли, но въ Верхнемъ оставили даже переночевать. На-
стоятель Сидуанъ принялъ его лично съ большимъ уваженіемъ, но
на вторичное, теперь уже устное, предложеніе перейти въ едино-
вѣріе отвѣчалъ отказомъ: „еще не время говорить объ этомъ, ибо
братія ни за что не согласится“, возразилъ онъ преосвященному.
По возвращеніи изъ-за Волги, Іаковъ попросилъ Переверзева, 25
октября 1833 года, переслать Сидуану въ Верхній и Корнилію въ
Средній монастыри „Записку“ объ астраханской плащаницѣ¹⁾, съ
содержаніемъ которой читатели уже знакомы, и отписалъ въ Пе-
тербургъ, что обращеніе Средняго монастыря въ единовѣріе или
православіе очень полезно и удобно²⁾. Вслѣдъ за тѣмъ, въ виду
благоволенія къ расколу со стороны администраціи, въ письмѣ къ
митрополиту Серафиму отъ 12 ноября 1833 года, Іаковъ испрашивалъ
частнымъ образомъ его согласія на подачу представленія въ синодъ о
подчиненіи Иргизскихъ раскольничьихъ монастырей епархіальной вла-
сти. „Соображая мѣстныя обстоятельства, я считаю сіе дѣло неизлѣ-
чимъ, при помощи правительства удобнымъ, по причинѣ монашества
приличнымъ, для обращенія въ нѣдра церкви раскольниковъ-мона-
ховъ надежнымъ и къ искорененію раскольничьихъ гнѣздъ по Ирги-
зу несомнѣннымъ. Взятіе раскольническихъ монастырей, богатыхъ
деньгами, изъ рукъ полиціи сдѣлаетъ самую полицію безпристрастнѣе
къ расколу, да сверхъ сего и хлопоты ея уменьшатся... Теперь
же въ раскольничьихъ монастыряхъ нѣтъ людей, славящихся или
умомъ, или святой жизнью, или начитанностью. Самые міряне-
раскольники не отзываются съ уваженіемъ о нынѣшнемъ состояніи
монастырей, а особенно о Среднемъ. Верхній считается лучшимъ,
но и тамъ нѣтъ такихъ людей, какіе прежде, по отзыву раскольни-
ковъ, бывали“. Митр. Серафимъ внесъ это письмо подлинникомъ въ
секретный комитетъ, но согласія не послѣдовало³⁾.

Гораздо богаче результатами оказалась командировка на Ир-
гизъ Арсеньева. Осмотръ монастырей произвелъ на него неблаго-

¹⁾ Арх. канц. губерня. вѣд. 16, № 65, 3.

²⁾ Дѣла Секр. Ком., Vol. VI, стр. 890—891.

³⁾ Ibidem, Vol. XIV, стр. 1066—1067.

приятное въ интересахъ раскола впечатлѣніе. Здѣсь ему все не понравилось, начиная съ многочисленности раскольниковъ въ иргизскомъ краѣ (ихъ считали тамъ въ это время до 30.000 душъ; но показаніе это ему представлялось значительно ниже дѣйствительности¹⁾ и въ самыхъ монастыряхъ (въ Верхнемъ ихъ было 99, въ женскомъ Успенскомъ—253 и въ Покровскомъ—292²⁾); въ числѣ иноковъ онъ не мало нашелъ безпаспортныхъ. Его крайне удивила легкость, съ какой губернское начальство выдаетъ разрѣшенія на производство въ монастыряхъ разныхъ построекъ и поправокъ, и недостатокъ полицейскаго надзора за жизнью обитателей. Въ доказательство фанатизма иргизскихъ раскольниковъ онъ приволитъ слѣдующій фактъ, случившійся не задолго до его пріѣзда, лѣтомъ этого года: „Настоятель Нижняго единовѣрческаго монастыря, Платонъ, едва не погибъ жертвою злобы враговъ своихъ; нѣсколько человѣкъ неизвѣстныхъ убійцъ вломилась въ его келью и одно только бѣгство могло спасти его отъ ударовъ; этотъ случай вызвалъ установленіе въ монастырѣ ночныхъ карауловъ“³⁾. Предубѣжденіе Арсеньева противъ раскольниковъ доходитъ до того, что даже фizioноміи у всѣхъ иноковъ кажутся ему „противными“, ибо „глупое ханжество и ожесточенность, прикрываемая наружнымъ смиреніемъ, выражаются явственно на лицахъ ихъ“. Инокъ онъ призналъ „грубыми невѣждами“: въ Среднемъ монастырѣ нѣтъ ни одного, съ которымъ можно бы вести обыкновенный разговоръ, а въ Верхнемъ, по его словамъ, только двое отличаются отъ прочихъ,—Силуанъ, настоятель, „смышленный и бойкій, мягкій и вѣстѣ хитрый, имѣющій великій вѣсъ и уваженіе отъ всѣхъ, и 24-лѣтній инокъ Платонъ (Вандышевъ), также уклончивый и разумный, будущая надежда братіи“⁴⁾. Въ Верхнемъ монастырѣ его особенно удивили сообщеніемъ цифры всѣхъ раскольниковъ въ Россіи,—ихъ считали тамъ до семи милліоновъ, въ томъ числѣ поповцевъ четыре милліона; и эту цифру „сказали мнѣ не за новость, а мимоходомъ, какъ дѣло всѣмъ положительно извѣстное“, удивляется Арсеньевъ⁵⁾. При такомъ количествѣ сторонни-

¹⁾ Ibidem, 1104.

²⁾ Ibidem, 1109, 1122, 1125.

³⁾ Ibidem, 1120. На основаніи устныхъ разсказовъ, слышанныхъ мною въ Нижнемъ единовѣрческомъ монастырѣ, я думаю, что Арсеньевъ допускаетъ маленькую ошибку: въ келью Платона лопились не враги его, а воры, знавшіе, что монастырскія деньги онъ постоянно держитъ при себѣ. *Прим. авт.*

⁴⁾ Ibidem, 1117.

⁵⁾ Ibidem, 1127.

кавъ, на Иргизѣ, естественно, и думать не хотѣли объ единовѣрїи. Въ концѣ концовъ для борьбы съ расколомъ по Иргизу Арсеньевъ предлагалъ слѣдующія мѣры: 1) открыть новые уѣздные города въ Заволжьи; 2) новыхъ переселенцевъ размѣщать отдѣльными селами, вдали отъ раскольниковъ; 3) открыть во всѣхъ новыхъ уѣздныхъ городахъ школы и запретить мѣстнымъ жителямъ отдавать дѣтей въ учебы по частнымъ домамъ; 4) всѣхъ иноковъ и бѣльцовъ, живущихъ въ раскольниковыхъ монастыряхъ, но не приписанныхъ къ нимъ, выслать въ мѣста первоначальнаго жительства; 5) остальныхъ помѣстить въ Преображенскій монастырь, а Никольскій обратить въ православную приходскую церковь; 6) женскіе монастыри упразднить¹⁾.

Разнорѣчіе показаній Арсеньева съ показаніями Переверзева по вопросу о безпаспортныхъ инокахъ вызвало выговоръ послѣднему изъ министерства: сообщая ему 22 ноября 1833 года этотъ пунктъ разнорѣчія, Блудовъ проситъ обратить на это „особое вниманіе“. Переверзевъ однако не нашелъ нужнымъ обращать и отвѣтилъ, что онъ категорически отрицаетъ указанія Арсеньева на пребываніе въ монастыряхъ безпаспортныхъ лицъ²⁾. Преосвященный Іаковъ своими сообщеніями въ синодъ косвенно поддерживалъ Арсеньева и не давалъ тамъ забыть вопросъ объ Иргизѣ. Такъ онъ, кажется, донесъ, что оттуда отправлено въ пермскую губернію 14 человекъ монастырскихъ жителей „для препятствованія всемірно успѣхамъ миссіи“. Это сообщеніе дошло до свѣдѣнія государя, который и приказалъ узнать, кто именно отправился? Переверзевъ поручилъ вольскому исправнику Савельеву слѣдить секретныя справки и тотъ донесъ, что въ теченіи 1832—1833 года изъ Иргизскихъ монастырей дѣйствительно удалалось 13 человекъ,—3 инока и 10 бѣльцовъ,—и одинъ изъ нихъ показанъ ушедшимъ на прежнее мѣсто жительства, двое—въ Сыртовскіе скиты на богомолье, а остальные десять человекъ—неизвѣстно куда. Пермскому губернатору сообщенъ былъ именной списокъ отправившихся, но онъ, послѣ долгихъ поисковъ, увѣдомилъ, что таковыхъ въ пермской губерніи не значится³⁾. Такимъ образомъ почва для сочувственнаго принятія арсеньевскаго проекта подготавливалась самими обстоятельствами и нѣтъ ничего удивительнаго, что секретный комитетъ въ засѣданіи

¹⁾ Ibidem, 1134—1137.

²⁾ Арх. канц. губерніи, вѣд. 15, № 7, 257—379.

³⁾ Ibidem, вѣд. 16, № 54, 6; Дѣла Секр. Ком., Vol. XV, стр. 165, 167, 771.

28 ноября 1834 года напелъ предполагаемыя Арсеньевымъ мѣры заслуживающими полнаго вниманія; но цифры раскольниковъ по Иртызу и во всей Россіи, приведенныя въ докладной запискѣ этого изслѣдователя, сильно смутили большинство комитета. Изъ опасенія вызвать волненіе умовъ комитетъ необходимымъ нашелъ ограничиться на первый разъ однимъ открытіемъ на прострaмствѣ луговой стороны саратовской губерніи новыхъ уѣздныхъ городовъ съ мѣстами городского и уѣзднаго управленія и просилъ министра внутреннихъ дѣлъ войти по этому вопросу съ нужнымъ представленіемъ; остальные мѣры рѣшено было приводить въ исполненіе постепенно, безъ излишней поспѣшности. Государь утвердилъ это постановленіе комитета слѣдующей резолюціей: „Совершенно согласенъ; не медля приступить, но дѣйствовать съ особой осторожностью“. Министръ внутреннихъ дѣлъ нашелъ указанныя комитетомъ мѣста для новыхъ городовъ вполне соответствующими цѣлямъ и спеціальнаго своего и общаго назначенія¹⁾. Такимъ образомъ за Волгой возникли скоро три новыхъ города съ уѣздами при нихъ: Николаевскъ, преобразованный изъ слободы Мечетной, Новоузенскъ и Царевъ.

Второй разъ гроза все ближе и ближе надвигалась на саратовскую поповщину, а между тѣмъ ни губернаторъ, ни старообрядцы какъ будто не замѣчали этого: губернаторъ попрежнему не скрывалъ своихъ симпатій къ расколу и, отписывая одной рукой въ Петербургъ о принятіи надлежащихъ мѣръ къ уменьшенію раскола, другой въ то же время подписывалъ желательныя старообрядцамъ резолюціи; въ раскольничьей средѣ все шире разгоралась внутренняя рознь, рельефнѣе выступали на первый планъ личные интересы и страсти въ ущербъ интересамъ общаго дѣла. Существованіе поповщинскихъ общинъ *in statu quo* висѣло на волоскѣ, а члены ихъ какъ будто махнули на все рукой и все чаще и чаще свою внутреннюю грязь, свои домашнія неурядицы, накопившіяся годами соръ выносили изъ избы на показъ властямъ. Могутъ быть только два объясненія этого страннаго явленія: или ихъ сбивало съ толку губернаторское покровительство и увѣренность въ безнаказанности, или внутреннее разложеніе общинъ зашло такъ

¹⁾ Дѣла Секр. Комит., Vol. V, 108—109, 115.

дано, что остановить его, скрыть от посторонних и даже официальных глаз стало невозможным. Что впрочем и решить трудно.

В началѣ 1832 года Переверзевъ распорядился сломать деревянную постройку на дворѣ Барановской часовни въ Саратовѣ, „въ виду ихъ ветхости, угрожающей опасностью живущимъ въ нихъ и безобразящей мѣстность“. Раскольники немедленно обратились къ нему съ просьбой о разрѣшеніи на мѣсто сломанныхъ ветхихъ дачугъ построить каменный флигель и нѣсколько покоевъ для помѣщенія богадѣльни. Переверзевъ, имѣя въ виду, что цѣль постройки—богадѣльня—соотвѣтствуетъ цѣлямъ правительства, заботящагося о призрѣніи бѣдныхъ и безпомощныхъ, и что зданіе совершенно согласно съ высочайше подтвержденнымъ для Саратова планомъ, далъ разрѣшеніе¹⁾. Во вновь построенныхъ зданіяхъ помѣстилось 14 челоуѣкъ мужчинъ и 76 женщинъ, болышею частью преклонныхъ лѣтъ, съ имѣющимися у нѣкихъ дѣтьми 9—16 лѣтняго возраста; тутъ же устроились и 3 уставщика съ своими семьями. Правиль въ этой богадѣльнѣ, по отзыву самого Переверзева въ представленіи министру внутреннихъ дѣлъ отъ 16 декабря 1835 года, „никакихъ особенныхъ нѣтъ“, кромѣ того, что призрѣваемые должны присутствовать при каждомъ отправленіи богослуженія. Богадѣльщики или вѣрнѣе скитники, какъ люди преклонныхъ лѣтъ и при томъ ни въ чемъ предосудительномъ не замѣченные, пользовались полной свободой, безъ всякаго надзора. При богадѣльнѣ открылась и школа съ 24 дѣтьми, въ которой обученіемъ занимались уставщики. Кромѣ уставщиковъ имѣлся при часовнѣ и священникъ, отправлявшій богослуженіе и требы довольно открыто. Часовня и богадѣльня, по объясненію попечителей, содержатся на суммы свѣчной выручки и кошелековаго сбора, т. е. на 1100—1500 руб. (?) въ годъ, при чемъ изъ этихъ же денегъ уплачивалось жалованье сторожамъ и уставщикамъ и исправлялись „полицейскія повинности“²⁾. Если такъ велось дѣло въ Саратовѣ, на глазахъ всей администраціи, какъ гражданской, такъ и духовной, то легко представить себѣ, что творилось въ глуши уѣздовъ. Въ сердобскомъ уѣздѣ въ одинъ годъ открываются три часовни—въ Голяевкѣ, Камзолкѣ и Миткирѣ; въ аткарскомъ тоже—въ Двоенкахѣ, Шереметев-

¹⁾ Ibidem, Vol. XVII, стр. 653—654.

²⁾ Ibidem, стр. 668—672.

кѣ и Кваториновѣ¹⁾). Въ хвалынскомъ уѣздѣ, въ деревнѣ Натальиной, причисленной къ завожской церкви села Балакова, расколъ усиливался изо дня въ день, благодаря живущимъ тамъ двумъ раскольничьимъ старцамъ, Зосимѣ и Александру. Въ существѣ дѣла вся деревня, въ которой числится до 640 ревизскихъ душъ, стала раскольничьей: ни погребенія, ни исповѣданія и причащенія священнику совершенно тамъ не приходилось дѣлать и въ церковь не только добровольно, но и насильно никто почти не ходитъ. Такъ въ теченіи великаго поста никто изъ этой деревни не говѣлъ. Консисторія нашла нужнымъ просить губернское правленіе удержать старцевъ отъ распространенія раскола и снестись съ владѣльцами деревни, не желаютъ ли они въ ней построить особую церковь или, во крайней мѣрѣ, молитвенный домъ²⁾. Что сдѣлало губернское правленіе со старцами—неизвѣстно, но владѣльцы церкви строить не пожелали... Въ Кувнецкѣ въ 1834 году, по смерти бѣглаго священника Іакова, старообрядческое общество просило у Переверзева разрѣшенія принять другого какого-нибудь бѣглеца. На прошеніе послѣдовалъ отказъ, съ предложеніемъ предварительно обратиться въ единовѣріе и тогда уже просить себѣ пона. Старообрядцы подали второе прошеніе, съ объясненіемъ, что на единовѣріе согласиться не могутъ и потому настаиваютъ на дозволеніи пріобрѣтать новыхъ священниковъ, въ виду многолюдства прихожанъ (до 2500 душъ). Губернаторъ опять отказалъ и тогда они самовольно приняли бѣглаго священника изъ села Поима, пензенской губерніи, Игнатія Захарова; запрещенія не послѣдовало³⁾.

Въ Дубовкѣ мѣстное раскольничье общество поручило своему попечителю, купцу Петру Макарову, хлопотать о выдачѣ на его имя плана на уступленное обществу В. Н. Рѣпниковымъ мѣсто, занятое часовней. Макаровъ получилъ планъ и собирался строить на мѣстѣ обветшалой часовни новую⁴⁾. За Волгой, гдѣ, при усиливавшейся колонизаціи, не мало деревень оставалось не причисленными къ православнымъ приходамъ⁵⁾, православные цѣлыми сотнями переходили въ расколъ, соблазняемые примѣромъ каменскихъ раскольниковъ, которые, съ разрѣшенія гражданскаго начальства, въ

¹⁾ Арх. консист., 1836, № 697.

²⁾ Указъ сар. конс. 27 окт. 1832, № 6588.

³⁾ Арх. канц. губерніи, вѣз. 19, № 80.

⁴⁾ Арх. губерніи. правл., I, 174, № 392, 8.

⁵⁾ Указъ сар. конс. 14 апр. 1833, № 2672.

1833 году формально отписались въ расколъ. Къ губернатору ежедневно поступали массами прошенія объ отпискѣ. Преосвященный, въ видахъ борьбы съ этимъ движеніемъ, предписалъ приходскимъ священникамъ не признавать такихъ отчисленій въ расколъ и дѣйствовать среди отписавшихся по прежнему¹⁾, но такая мѣра едва ли могла имѣть какіе-нибудь практическіе результаты. Около Березоваго Яра, николаевскаго уѣзда, крестьянинъ Тимофей Ануфриевъ, въ иночествѣ Трифилій, высланный изъ Средняго монастыря за безпокойный нравъ, осенью 1833 года дѣлаетъ попытку завести маленькій скитъ; власти потребовали отъ него подписку о неносеніи монашескаго платья, но онъ отказался дать ее и остался на прежнемъ положеніи²⁾. Верхній монастырь обносится новой оградой на каменныхъ столбахъ, внутри ограды строится высокая башня въ югическомъ вкусѣ будто бы для постановки на ней боевыхъ часовъ, на самомъ же дѣлѣ для помѣщенія колоколовъ. Платье этой башни составлялся, по приказанію Переверзева, губернскимъ архитекторомъ Петровымъ. Въ Среднемъ монастырѣ устраивается каменная кладовая и ризница, на крышѣ которой воздвигается даже крестъ³⁾. Женскій Успенскій монастырь обносится, съ разрѣшенія начальства, досчатымъ заборомъ⁴⁾. Иеромонахъ Иларій, бывшій кунгурскій мѣщанинъ Иванъ Васильевъ Нестеровъ, носгупившій въ 1817 году въ Спасо-Преображенскій монастырь казанской епархіи, а оттуда въ 1827 году бѣжавшій въ Средній иргизскій монастырь, скрылся было съ Иргиза во дни кн. Голицына въ Екатеринбургъ, но теперь, узнавъ объ ослабѣ, опять началъ навѣщать иргизскихъ иноковъ⁵⁾. Правда, бывалъ онъ теперь довольно осторожно, прятаясь даже отъ жившихъ въ монастырѣ бѣдныхъ поповъ, но постригалъ въ иночество очень многихъ: въ Среднемъ монастырѣ изъ 39 иноковъ было 16 его постриженниковъ; зимой 1834 года, скрываясь въ келіи уставщика Верхняго монастыря, Аванасія, онъ разомъ постригъ 5 человекъ; въ эту же зиму въ Покровскомъ женскомъ монастырѣ постригъ 6 женщинъ. Былъ онъ на Иргизѣ и въ слѣдующемъ году, скрываясь то въ кельяхъ сестеръ Кузьмичевыхъ, то у инокини Маргариты и жившихъ съ нею

¹⁾ Указъ вол. дух. правл. 11 янв. 1835, № 1.

²⁾ Арх. канц. губерня., вѣд. 19, № 58, 4—8.

³⁾ Ibidem, вѣд. 20, № 66, 1, 11, 58.

⁴⁾ № 3774, 9.

⁵⁾ Дѣла Секр. Ком., Vol. VII, стр. 622—624.

вятскихъ инокинь¹⁾). Кромѣ постриженія, и исправленіе бѣглыхъ священниковъ совершалось безвозбранно: такъ въ февралѣ 1834 года Пареевъвымъ исправленъ бѣглый священникъ Іоаннъ, въ декабрѣ—Александръ; въ маѣ 1835 года Канардовъ исправилъ Алексѣя²⁾). Объ этихъ наѣздахъ и постриженіяхъ знали въ Саратовѣ всѣ, кромѣ гражданской администраціи. Далѣе въ Среднемъ монастырѣ совершалось иногда что-то похожее на уголовныя преступленія. Изрѣдка, стороной, свѣдѣнія объ этомъ доходили до начальства, но обыкновенно игнорировались имъ. Инокъ Мельхиседекъ въ 1834. году доносилъ Переверзеву, что исправникъ Безобразовъ стоитъ въ очень неблаговидныхъ сношеніяхъ съ настоятелемъ Корнилемъ, что иннокъ Юлій (въ подлинникѣ Іодій), человекъ пьяный, въ августѣ мѣсяцѣ подозрительно скоропостижно умеръ въ квасномъ выходѣ и былъ похороненъ безъ всякаго слѣдствія. Правда, послѣ исправникъ, по личному заявленію Мельхиседека, произвелъ слѣдствіе и вырывать трупъ изъ могилы, но опредѣлить причину смерти, конечно, не могъ, ибо трупъ совсѣмъ уже разложился, и рѣшилъ неудачу, со словъ Корнилія, что иннокъ умеръ отъ апоплексическаго удара. Тотъ же Мельхиседекъ сообщилъ, что загадочно исчезъ изъ монастыря долгое время проживавшій въ немъ иннокъ Варсонофій³⁾). Всѣ эти донесенія остались не повѣренными; они только вызвали коллективную жалобу на Мельхиседека отъ всѣхъ жителей Средняго монастыря и просьбу избавить обитель отъ этого не спокойнаго и буйнаго старца. Переверзевъ внялъ жалобѣ и отдалъ Мельхиседека подъ судъ⁴⁾.

На ряду съ этими безпорядками, въ монастыряхъ страшно участились случаи нарушенія иночествующими седьмой заповѣди. Приведу нѣсколько фактовъ, заимствуя ихъ изъ докладной записки преосв. Іакова въ синодъ. 1) Инокъ Прохоръ, уставшикъ Никольскаго монастыря, состоялъ въ связи съ удѣльной дѣвкой Агафьей Ивановой, болѣе извѣстной подъ именемъ „Прохоровой Агашки“; ей онъ выстроилъ въ Николаевскѣ особую келью и очень часто путешествовалъ туда. Съ ней онъ на масляницѣ 1834 года публично катался по слободѣ Мечетной на иноходцѣ, распѣвая скверныя пѣсни, съ ней же постоянно пьянствуетъ по базарамъ. Живя очень часто въ

1) № 3774, 283—284, 290.

2) Собр. постап., по М. В. Д., стр. 136—137.

3) Арх. губери. прав., I, 3, № 553, 3.

4) „Дѣло“, 1872, № 4, 289.

кели у Прохора, Агашка распоряжается клирошанами и пономарями, приказывая, когда и въ какой колоколъ звонить и какую вѣчерню,—большую или малую,—служить. 2) Инокъ Ефремъ въ связи съ инокиней Успенскаго монастыря Глафирой, которая и живетъ у него, въ мужскомъ монастырѣ; это—„Глашка Ефремова“. 3) Настоятель Корнилій живетъ съ инокиней Гавделой, отъ которой имѣлъ сына Николая, женатаго на бѣлицѣ Степанидѣ, которая воспитывалась у настоятельницы Покровскаго женскаго монастыря, Надежды. Вмѣстѣ съ женой Николай живетъ въ Среднемъ монастырѣ въ одной келии съ Корниліемъ. Сама Гавдела живетъ въ Успенскомъ монастырѣ, гдѣ Корнилій построилъ ей особую келью, называющуюся по этому „игуменской“. У этой Гавделы въ келии жили двѣ молодыя родственницы Корнилія, которыя обѣ подозрѣвались съ 1830 года въ связи съ Корниліемъ. Одну изъ нихъ онъ отдалъ замужъ. По большимъ праздникамъ духовенство прежде всего являлось съ крестомъ въ келью Гавделы. Корнилій принималъ ихъ здѣсь, какъ хозяинъ, и распоряжался, какъ у себя дома. Отсюда причтъ церковный шелъ къ Глафирѣ Евфремовой, гдѣ угощеніе тянулось иногда до самаго вечера, а потомъ старцы отправлялись къ старицамъ, а клирошане—къ бѣлицамъ и въ кельяхъ у нихъ оставались на ночь. 4) Инокъ Филаретъ въ связи съ мѣщанкой Анной Егоровой, известной подъ именемъ „Саратовки“, которая живетъ въ женскомъ монастырѣ. Эти прижили дочь, которую и выдали замужъ за балаковскаго голову, П. М. Шикина. 5) Инокъ Игнатій въ связи съ дѣвкой Настасей Матвѣевой, известной подъ именемъ „Настьки Мартиріевой“,—потому что мать ея была въ связи съ инокомъ Мартиріемъ,—или „Игнатъевой“; она живетъ у родной матери, въ женскомъ монастырѣ. 6) Инокъ Іоасафъ въ связи съ инокиней Севастьяной, которая живетъ въ Успенскомъ монастырѣ, въ келии старой игуменьи Алевтины; впрочемъ, она постоянно пребываетъ въ келии своего любовника, почему и называется „Сонькой Асафовой“. 7) Инокъ Никаноръ живетъ съ инокиней Манефой. Они не разставались даже во время поѣздокъ послѣдней за сборомъ милостыни: тогда Никаноръ ѣздилъ съ ней подъ видомъ извозчика. 8) Инокъ Амвросій живетъ съ инокиней Калесфиніей. Съ ней вмѣстѣ, а равно и съ другой инокиней Ирнаркой, не разъ ѣздилъ онъ въ Сибирь для сбора милостыни. 9) Инокъ Іона живетъ съ вдовой сво-

его брата, которая помещается въ построенной имъ для нея келіи въ слободѣ Мечетной. 10) Инокъ Антоній въ связи съ инокиней Анафрасіей, дочерью хвалынскаго купца Огурцова. Раньше онъ жилъ въ Среднемъ монастырѣ, но потомъ переѣхалъ въ Хвалынскъ, чтобы не разставаться съ любовницей, и они вмѣстѣ отправляли богослуженіе въ домѣ отца ея и по другимъ купцамъ. 11) Настоятель Силуанъ въ связи съ дѣвкой Александрой, живущей въ Покровскомъ монастырѣ, въ келіи старицы Олимпіады московской. Она известна подъ именемъ „Силуановой Алексашки“. Силуанъ часто ѣздилъ къ ней, а она къ нему въ монастырь. Въ 1832 году, когда разъ Силуанъ ночью пріѣхалъ къ Александрѣ, у его лошадей неизвестно кѣмъ были обрѣзаны хвосты. 12) Инокъ Іоасафъ состоитъ въ связи съ инокиней Павлиной Лавинской, которая имѣетъ свою келью въ Покровскомъ монастырѣ. Іоасафъ въ мужскомъ монастырѣ почему-то не живетъ и все время проводитъ у любовницы, пьянствуя безъ зазору. 12) Бѣлецъ Никита Никитинъ въ связи съ инокиней Назаретой, называемой „Солдатомъ“, которая живетъ въ монастырѣ у старицы Аванасіи Брюковой. 14) Инокъ Платонъ Вандышевъ въ связи съ симбирской купеческой дочерью Натальей Ивановой, которая каждое воскресенье пріѣзжаетъ въ его келью, а въ остальное время Платонъ живетъ у нея. Въ случаѣ пріѣзда Натальи, у Платона бываетъ сборище старцевъ и старицъ развратнаго поведенія. У Платона своя келья, на створчатыхъ дверяхъ которой изображены два человѣка, изъ которыхъ одинъ, съ бревномъ въ глазу, указываетъ на другого, съ сучкомъ; внизу подпись; „о бревнѣ и сучкѣ“. Этимъ онъ какъ бы напоминалъ о неосужденіи его зазорнаго поведенія. Въ 1834 году онъ нанялъ одну молодую симбирскую вдову для услуженія и, выдавая ее за двоюродную сестру, открыто жилъ съ ней, какъ съ женой, ведя одновременно двѣ другія интриги съ инокиней Павлиной и бѣлицей Просковьей Кузьминой. Изъ Петербурга, гдѣ былъ для сбора подаяній, онъ привезъ съ собой музыкальный ящикъ, подъ звуки котораго пьянствовалъ, и камеръ-обскуру съ 50 картинками (какого содержанія?). 15) Священникъ Евдокимъ Пареевъ въ связи съ инокиней Измарагдой, которая въ его келіи жила по цѣлымъ недѣлямъ. Съ нимъ 9 мая 1834 года случился слѣдующій скандалъ. Наканунѣ этого дня, запершись съ Измарагдой въ келіи, онъ пилъ цѣлую

ночь. По случаю престольнаго праздника нужно было соборное служеніе. Поэтому настоятель съ братіей приходилъ къ нему и стучался въ келью, приглашая служить, но онъ въ пьяномъ видѣ учинилъ буйство и съ двернымъ засовомъ гнался за игуменомъ. На утро Евдокимъ послѣ литургіи явился въ церковь и задумалъ принять участіе въ крестномъ ходѣ. Но монахи не дали ему ризъ. Въ это время монастырскіе служители отбили бревномъ дверь у его кельи и, вытащивъ пьяную до безобразія Измарагду, положили ее на телѣгу, чтобы отвезти къ женскій монастырь къ настоятельницѣ Теофаніи. Уставщикъ Прохоръ, ссорившійся съ Евдокимомъ въ алтарѣ изъ-за недопущенія къ участию въ церемоніи, сказалъ ему: „поди лучше, отецъ домой; Измарагду твою, кажется, вонъ уже везутъ изъ монастыря“. Евдокимъ, бросивъ споръ, выбѣжалъ изъ церкви и, нагнавъ везущихъ Измарагду, отбилъ ее и вернулъ въ монастырь. У этого же Евдокима однажды ночью найдено въ келии въ разъ четыре женщины развратнаго поведенія. 16) Священникъ Петръ Канардовъ въ связи со старицей Евсеіей Коаловой, къ которой нерѣдко ходилъ въ женскій монастырь днемъ и ночью. За похощенія по женской части монастырскіе служители вызвали его однажды ночью и жестоко избили плетью и за волосы¹⁾. Какой бога мый выборъ случаевъ представлялся Переверзеву для примѣненія министерскаго предписанія отъ 21 мая 1833 года относительно ссылки на фабрика или въ Сибирь изоблеченныхъ въ распутствѣ жителей иргизскихъ обителей! Но онъ забылъ объ этомъ предписаніи и какъ будто ничего не зналъ обо всѣхъ этихъ Алексахкахъ, Агашкахъ, Сонькахъ, Глашкахъ и т. п.

Съ безпорядками на Иргизѣ могли стать рядомъ развѣ только однѣ неурядицы въ Вольскѣ. Едва успѣли старообрядцы перенести богослуженіе въ новый храмъ, какъ въ средѣ ихъ начались крупныя раздоры. Въ первыхъ числахъ мая 1831 года вольскій городской голова, Егоръ Курсаковъ, собравъ къ себѣ въ домъ большое число вольскихъ старообрядцевъ, объявилъ имъ, что по храму происходятъ большіе безпорядки и расхищеніе церковныхъ суммъ, что попечитель Лука Волковойновъ, несмотря на многократныя просьбы лучшихъ вольскихъ гражданъ, не даетъ отчета въ церковныхъ доходахъ; поэто-

¹⁾ Арх. канц. губерніи. 1837, № 307. Копія съ доклада преосв. Іакова, передавая оберъ-прокуроромъ министру внутренняго дѣла и отъ послѣдняго пере-
сланная для свѣдѣнія саратовскому губернатору. *Прим. авт.*

му онъ и вставалъ на смѣнѣ его. Спустя нѣсколько времени, Курсаковъ вновь собралъ раскольниковъ и прямо уже называлъ при нихъ Волковойнова „церковнымъ татемъ“, говоря, что онъ расходуетъ церковныя деньги безъ отчета и записи въ книги и даже безъ вѣдома своего товарища по званію попечителя, купца Гавриила Расторгуева. Далѣе онъ обвинялъ его въ противленіи высочайшей волѣ, ибо онъ не сноситъ назначенный къ уничтоженію старый раскольниковій храмъ, а къ новому дѣлаетъ незаконныя пристройки. Присутствующіе согласились смѣнить попечителя и послали за нимъ, но онъ отказался явиться для учета, но въ предлогахъ болѣзни, хотя всѣмъ извѣстно было, что онъ вполне здоровъ. Въ виду этого Курсаковъ снова послалъ за нимъ и велѣлъ передать, что собраніе желаетъ повѣрить его въ церковныхъ суммахъ, прося, въ случаѣ невозможности явиться лично, прислать ключи отъ денежныхъ ящичковъ. Волковойновъ отказался и тогда Курсаковъ со всѣмъ собраніемъ отправился въ церковь и запечаталъ всѣ ящики, положивъ не признавать болѣе Волковойнова попечителемъ. Спустя нѣсколько времени послѣ этого, Курсаковъ въ третій разъ собралъ къ себѣ старообрядцевъ и предложилъ избрать вмѣсто Волковойнова другого попечителя. Собраніе, оставивъ Расторгуева, избрало товарищемъ къ нему Лутухина, о чемъ и былъ составленъ актъ за общимъ подписомъ, оставшійся въ рукахъ у Курсакова. Волковойновъ ничего этого признавать не хотѣлъ и продолжалъ тратить деньги на разныя пристройки къ церкви, медля въ то же время разборкой стараго храма, вопреки высочайшему повелѣнію. Все это весьма беспокоило и страшило старообрядцевъ. Наконецъ, 2 ноября 1832 года, послѣ правдничной обѣдни, прислужникъ при храмѣ, Василій Поповъ, объявилъ прихожанамъ, что онъ будто бы поймалъ около церковнаго ящика родственника Волковойнова, Лаврова, у котораго нашелъ одинъ рубль съ копѣйками и ключи, спрятанные въ сапогѣ. Объ этомъ было сообщено, по ихъ приказанію, Курсакову. Видя, что безпорядки не уменьшаются, а даже увеличиваются, избранные попечителя хотѣли вступить въ должность и послали къ Курсакову за общественнымъ приговоромъ, но тотъ приговора не отдалъ. Тогда они вмѣстѣ съ купцами Дмитріемъ Матросовымъ, Васиціемъ Мясниковымъ и Сергѣемъ Мельниковымъ 9 ноября собрались въ храмъ и послали за Курсаковымъ; тотъ отказался явиться. Они пригласили священ-

ника Гавриила Калугина и при немъ потребовали отъ Попова ключи, но этотъ отвѣчалъ, что у него ихъ нѣтъ. Для вскрытія ящичковъ были принесены клещи и они высыпали деньги изъ ранѣе запечатанныхъ Курсаковымъ ящичковъ, сосчитали ихъ, записали въ особо заведенную шнутовую книгу и положили въ новый сундукъ, который запечатали и поручили хранить благонаимѣреннымъ людямъ. Поповъ, видя себя устраненнымъ отъ церкви, подалъ заявленіе въ полицію и началось формальное дѣло о разбитіи Матросовымъ, Мельниковымъ и Мясниковымъ церковныхъ ящичковъ и сундуковъ. Для устраненія соблазна и безпорядковъ обвиняемые просили у исправлявшаго тогда должность саратовскаго губернатора, Муромцева, разрѣшенія произвести новые выборы попечителя, что Муромцевъ и дозволилъ имъ 10 марта 1833 года. Волковойновъ послалъ своего прикащика Мельникова по окружающимъ Вольскъ селамъ записаться приговорами объ избраніи въ попечителя опять его, а не другого кого. Мельниковъ набралъ ему до 200 подписей. Вступился за него теперь и Курсаковъ: породившись и помирившись съ Волковойновымъ, онъ не желалъ уже болѣе смѣны его и умышленно оттягивалъ избраніе новаго попечителя, что заставило недовольныхъ снова жаловаться губернатору, который вторичнымъ предписаніемъ, отъ 28 марта, сдѣлалъ ему строгое замѣчаніе и подтвердилъ приказаніе произвести выборы немедленно и тотчасъ же ввести вновь избраннаго попечителя въ должность. Наблюдать за исполненіемъ этого предписанія поручено было чиновнику особыхъ порученій Полонскому; въ присутствіи его 31 марта были произведены выборы и Курсаковъ, введя въ храмъ избраннаго ими Мельникова, приказалъ всѣмъ признавать его попечителемъ. Черезъ мѣсяць Мельниковъ, по обыкновенію, вздумалъ счесть собранную сумму и занести въ шнутовую книгу, но Поповъ объявилъ ему, что Курсаковъ, при отъѣздѣ въ Саратовъ, запретилъ допускать его, Мельникова, до денежныхъ ящичковъ. Общество оскорбилось и обратилось къ губернатору съ жалобой, прося объ утвержденіи Мельникова. Губернаторъ утвердилъ попечителями избранныхъ купцовъ Расторгуева и Мельникова и мѣщанина Угольникова¹⁾. Изъ всѣхъ попечителей хуже всѣхъ было положеніе Мельникова, такъ

¹⁾ Арх. губерн. правл., I, 93, № 3984, 14, 62—65; Ниж. сем. библ., № 3774, 244.

какъ и послѣ губернаторскаго утвержденія въ званіи почетнаго ему пришлось на каждомъ шагѣ вести упорную борьбу съ Курсаковымъ, поддерживаемымъ и руководимымъ Волковойновымъ и Суетинымъ. Тѣснимый этими сильными противниками, онъ задумалъ вмѣстѣ съ бѣглымъ священникомъ Калугинымъ обратить вольскій старообрядческій храмъ въ единовѣрческій и съ этой цѣлью въ іюль этого года, въ бытность Іакова въ Вольскѣ, обратился къ преосвященному съ просьбой о дозволеніи войти съ ходатайствомъ о разрѣшеніи имѣть церковь на основаніи пунктовъ митр. Платона. Іаковъ, разумѣется, съ радостью согласился и предложилъ принять подобнаго рода прошеніе хоть сейчасъ, но Мельниковъ отклонилъ подачу до возвращенія съ макарьевской ярмарки вольскихъ купцовъ. Такою уступчивость Мельникова преосв. Іаковъ объяснилъ потомъ митр. Серафиму слѣдующимъ образомъ: „до раскольниковъ долнае свидѣніе, что отъ нихъ возьмутъ бѣглыхъ священниковъ. Это много расположило ихъ къ исканію единовѣрія“. Но онъ ошибся и въ объясненіи и въ расчетѣ на Мельникова: тотъ и до возвращенія купцовъ съ ярмарки не подалъ прошенія, такъ какъ согласныхъ не нашель. По крайней мѣрѣ, въ половинѣ ноября преосв. Іаковъ писалъ тому же митрополиту Серафиму: „вольскій купецъ, хотѣвшій подать прошеніе, до сихъ поръ не собрался съ силами“¹⁾. Не если Мельниковъ удержался пока отъ искушенія, то не успелъ противъ него бѣглый діаконъ вольскихъ старообрядцевъ, Тихонъ, раскаявшійся въ побѣгѣ и побѣжавшій вмѣстѣ съ вольскими протоіереемъ Бибиковымъ въ Саратовъ къ архіерею съ повинной. Обращеніе въ православіе діакона сильно поразило раскольниковъ; одинъ изъ нихъ, инокъ Лука, писалъ по этому поводу на Иргизъ: „каки дьяволь Іуду на хвостѣ въ адъ стащилъ, такъ и онъ съ протоіереемъ въ Саратовъ полетѣлъ“. По случаю этой дьяковской пивѣны, 27 апрѣля 1834 года, состоялась въ Вольскѣ сходка, на которой Волковойновъ и Курсаковъ уговаривали гнаться за дьякономъ и отбить его на пути у протопопа, но болѣе осторожные остановили чернь. Недовольные такимъ исходомъ, Волковойновъ съ Курсаковымъ вызвали на сходку своихъ поповъ, изъ которыхъ Калугинъ отказался явиться, а Прохоръ Любимовъ явился и убѣждалъ раскольниковъ быть твердыми въ вѣрѣ, обѣщаль и самъ въ нѣтъ

¹⁾ Дѣла Сѣвр. Ком., Vol. XIV, стр. 1061, 1070.

голову положить и прибавилъ къ этому съ крикомъ: „или петля на-двое, или шелъ прочь, а я нимало не поколеблюсь, какъ дьяконъ Тиховъ“¹⁾.

При видѣ всей этой неурядицы, этой массы безпорядковъ всякаго рода, преосв. Іаковъ первоначально обращался съ просьбами объ устраненіи ихъ къ губернскому начальству. Такъ 31 мая 1834 г. онъ увѣдомилъ Переверзева о построеніи башни въ Верхнемъ и каменнаго дома въ Среднемъ монастырѣ. Переверзевъ на отношеніи написалъ: „не вѣдать, что творять“, и отложилъ отношеніе въ сторону. Іаковъ 10 января 1835 года сообщилъ Переверзеву, что вокругъ Верхняго монастыря строится ограда. Переверзевъ написалъ на сообщеніи этомъ: „какая ограда строится и какое дѣло до оной архіерею?“ Въ томъ же 1835 году Іаковъ вторично сообщилъ, что въ Среднемъ монастырѣ строится домъ, который, по свѣдѣніямъ прот. Элпидинскаго, имѣетъ быть обращенъ въ церковь. Переверзевъ ничего даже не написалъ и бросилъ бумагу архіерейскую подъ сукно. Такое не въ мѣру уже легкое отношеніе губернатора къ архіерею оскорбило послѣдняго и онъ принялся дѣйствовать самолично, за собственный свой счетъ и страхъ: вмѣсто переписки съ губернскимъ начальствомъ, онъ сталъ сообщать о всѣхъ сколько-нибудь крупныхъ безпорядкахъ въ Петербургъ, гдѣ синодальный оберъ-прокуроръ и митрополиты Серафимъ и Филаретъ умѣли при случаѣ доводить эти сообщенія до свѣдѣнія государя. Такъ по поводу постройки въ Среднемъ монастырѣ дома, на запросъ о которомъ Переверзевъ ничего не считалъ нужнымъ отвѣчать Іакову, изъ министерства внутреннихъ дѣлъ пришла въ томъ же 1835 году бумага, начинающаяся словами: „Дошло до свѣдѣнія государя императора, что въ Среднемъ монастырѣ построенъ каменный домъ... Государь повелѣлъ секретно разузнать, зачѣмъ онъ построенъ и дѣйствительно ли предполагаютъ превратить его въ церковь?“ Объясненія, которыхъ губернаторъ не далъ архіерею, пришлось теперь давать министру: „... Прочитавъ предписаніе вашего высокопревосходительства,... я съ совершеннымъ прискорбіемъ увидѣлъ дерзновенную смѣлость доводить до высочайшей особы государя императора несправедливыя свѣдѣнія, служащія собственно къ омраченію мѣстнаго гражданскаго начальства, какъ бы въ послабленіи старообрядцамъ, преслѣдуемымъ со

¹⁾ Арх. канц. губори., 1836, № 95, 6—16; Ниж. сем. библ., № 3774, 244.

стороны мѣстнаго духовенства всѣми изыскиваемыми онымъ средствами“, писалъ Переверзевъ 21 декабря 1835 года Блудову. Далѣе онъ доказываетъ, что домъ строится не для церкви, а для ризницы, и при томъ въ значительно меньшихъ противъ указанныхъ размѣрахъ¹⁾. Это одинъ опытъ самостоятельности и первая по времени попытка преосв. Іакова заставить администрацію дѣйствовать въ томъ направленіи, какъ хотѣла того епархіальная власть. Но гораздо рельефнѣе самостоятельность Іакова проглядывала въ его распоряженіяхъ по духовному вѣдомству. По вопросу объ единовѣрія въ Вольскѣ его предшественники обращались обыкновенно за содѣйствіемъ къ губернатору; Іаковъ рѣшился обойтись безъ этого содѣйствія: будучи 2 января въ Вольскѣ, онъ приказалъ прот. Бибикову подъ секретомъ предложить А. П. Сапожникову чрезъ родственника его Г. С. Расторгуева, не согласится ли онъ уступить выстроенный имъ въ 1832 году въ видѣ часовни памятникъ надъ могилой отца подъ единовѣрческую церковь? Расторгуевъ отказался говорить объ этомъ съ Сапожниковымъ. Тогда преосвященный отъ своего имени послалъ письмо къ Сапожникову съ просьбой объ уступкѣ памятника, который въ силу закона не можетъ иначе удовлетворить своему назначенію. Вмѣстѣ съ этимъ Іаковъ предлагалъ ему оставить расколъ и быть „основателемъ въ Вольскѣ единовѣрія“, говоря, что отъ него больше чѣмъ отъ кого-либо зависитъ успѣхъ воссоединенія раскольниковъ съ церковью. Сапожниковъ ничего не отвѣтилъ. Между тѣмъ въ концѣ февраля Бибиковъ рапортовалъ, что въ Вольскѣ есть желающіе принять единовѣріе, но, какъ люди бѣдные, не рѣшаются на это. Даже 40 человѣкъ принявшихъ уже единовѣріе въ Воскресенскомъ монастырѣ опасаются обнаружить это и не рѣшаются подать прошеніе объ устройствѣ для нихъ единовѣрческой церкви. Іаковъ велѣлъ Бибикову прискивать въ Вольскѣ домъ, въ которомъ можно было бы открыть храмъ для этихъ 40 душъ, опасаясь, чтобы и онѣ, не имѣя храма, не охладѣли къ церкви, а въ синодъ донесъ, что приобрести каменный домъ подъ церковь епархіальное начальство беретъ на себя. Наиболѣе дешевый способъ открытія въ Вольскѣ единовѣрія предложилъ настоятель Воскресенскаго единовѣрческаго монастыря Платонъ: онъ проектировалъ обратить въ единовѣрческую вольскую кладбищенскую церковь,

¹⁾ Арх. канц. губери., вѣз. 20, № 66, 1, 8, 11—12, 17.

съ передачей ея въ завѣдываніе его монастыря. Но противъ этого проекта возстало вольское духовное правленіе, находившее, что обращеніе православной церкви въ единовѣрческую можетъ произвести соблазнъ среди населенія города, что, въ виду увеличенія числа жителей города, эта церковь необходима православнымъ и что она, наконецъ, устроена частнымъ лицомъ—женой К. В. Злобина¹⁾: Предложеніе Платона было отвергнуто епархіальнымъ начальствомъ. Въ видахъ сближенія вольскихъ раскольниковъ съ православными Іаковъ просилъ у синода разрѣшенія дать единовѣрцамъ находящихся нынѣ въ расколѣ бѣглыхъ поповъ, если за ними нѣтъ преступленій, разрѣшивъ ихъ въ священнослуженіи и подчинивъ епархіальной власти²⁾. Особенно хлопоталъ онъ за бѣглаго попа Ананьева и дьякона Иванова, испрашивая имъ у синода въ пособіе на первоначальное обузаведеніе 200 р. первому и 150 р.—второму. Синодъ нашелъ, что хотя на поведеніе Ананьева, судя по приложеннымъ къ рапорту преосвященнаго бумагамъ, „падаетъ не малое сомнѣніе, но, приѣмля во уваженіе, что онъ нынѣ по поведенію одобряется, добровольно обратился къ православію и содѣйствовалъ къ тому же двоимъ дьяконамъ“, разрѣшилъ ему священнослуженіе, въ испрашиваемомъ же пособіи отказалъ, такъ какъ „и настоящее о немъ положеніе дѣлается по крайнему снисхожденію“. Дьякона же Иванова, впредь до рѣшенія неоконченнаго за побѣгомъ его дѣла о любодѣянніи съ крестьянской дѣвкой Анной Ивановой, синодъ разрѣшить въ священнослуженіи призналъ невозможнымъ³⁾. Такой строгости преосвященный, очевидно, не ожидалъ, такъ какъ до полученія еще синодальнаго отвѣта на свое ходатайство объ этихъ лицахъ разрѣшилъ ихъ собственной властью въ священнослуженіи⁴⁾.

Для борьбы съ иргизскими старообрядцами Іаковъ велѣлъ настоятелю Нижняго монастыря, архимандриту Платону, сочинить особую книжку. 12 февраля 1835 года книжка, подъ заглавіемъ „*Воззваніе настоятелямъ и всей братіи Верхняго и Средняго монастырей*“, была сочинена и немедленно отправлена адресатамъ.

¹⁾ С. И. А., карт. А, № СХХХ. (Рапортъ Платона вол. дух. прав., 11 мар. 1835, № 25, и копія съ журнал. постанов. этого правленія 15 мар. того же года за № 262).

²⁾ Арх. сар. конс., 1835, № 6, 1—6, 9—10, 23.

³⁾ Указъ сар. конс., 27 февр. 1836, № 1236.

⁴⁾ Тоже, 29 ноября 1835, № 6225.

Иаковъ велѣлъ руководствоваться ею всѣмъ миссіонерамъ и въ копіи отослалъ пермскому епископу; сверхъ того ключарю саратовскаго кафедральнаго собора предписано было разсмотрѣть это произведеніе и приготовить его къ печати¹⁾. Но для печати оно оказалось негодно. Въ своемъ „Воззваніи“ Платонъ повторялъ давно извѣстныя вещи о незаконности отдѣленія старообрядцевъ отъ церкви, объ отсутствіи у нихъ истовыхъ священниковъ, о замѣнѣ мира простымъ деревяннымъ масломъ и т. п.²⁾ Корнилій и Сидуанъ съ братіей все это знали и понимали, вѣроятно, не хуже самого автора и „Воззваніе“ осталось гласомъ вопіющаго въ пустынь: ни одной души не призвалъ имъ Платонъ въ ограду церкви. Не богаче результатами была и другая мѣра преосвященнаго: воспользовавшись указаніемъ архим. Платона о немѣнни въ Иргизскихъ монастыряхъ св. мира, онъ приказалъ всѣмъ приходскимъ священникамъ объявить объ этомъ раскольникамъ и при всякомъ удобномъ случаѣ внушать имъ, что „они, раскольники, поэтому не принадлежать къ святому стаду Христову, яко не запечатлѣнные печатью св. Духа, и не имѣютъ права на полученіе части со святыми въ царствѣ небесномъ“³⁾. Гораздо успѣшнѣе были старанія Иакова насадить единовѣріе въ Саратовѣ: здѣсь онъ „путемъ усиленныхъ убѣжденій“ склонилъ къ принятію благословеннаго священства купца Никанора Горбунова, которому хотѣлось попасть въ городскіе головы, и съ нимъ нѣсколько десятковъ мѣщанъ и мелкихъ купцовъ. Въ домѣ самого Горбунова, впослѣдствіи, по высочайшему повелѣнію, освобожденномъ отъ казеннаго постоя⁴⁾, устроенъ былъ и молитвенный храмъ. Съ помощью „горбуновцевъ“ Иаковъ „исторгнулъ“ изъ иргизскаго монастыря бѣглаго священника Виноградова, о чемъ довелъ до свѣдѣнія императора Николая Павловича. Государь, считая справедливымъ и полезнымъ простить Виноградова, высочайше повелѣтъ соизволилъ: сообщить о томъ всѣмъ начальникамъ губерній, дабы они сдѣлали сіе извѣстнымъ находящимся у раскольниковъ попамъ не формальнымъ порядкомъ, но по ихъ усмотрѣнію, чрезъ посредство довѣренныхъ лицъ, и буде сіи попы изъявятъ наклонность предстать къ своему начальству съ искреннимъ раскаяніемъ

¹⁾ Имп. Публ. библ., I, № 830, 195.

²⁾ Ibidem, 183—184.

³⁾ Указъ сар. конс., 4 мая 1835, № 2412.

⁴⁾ Собр. постанов., по вѣд. М. В. Д., 151.

въ ихъ поступкѣ, то таковымъ оказывать всевозможное пособіе къ исполненію ихъ намѣренія¹⁾).

Противораскольничья миссія дѣйствовала очень усердно, хотя результатовъ этой дѣятельности было и немного. Миссіонеръ Атаевскій доносилъ преосвященному, что раскольники аткарскаго уѣзда отказались принять единовѣріе или православіе, говоря, что „живутъ за людьми“ и что если бы въ Москвѣ, Петербургѣ, Стародуби, на Иргизѣ и при саратовской часовнѣ приняли единовѣріе, то, можетъ быть, и они на это согласились бы. Впрочемъ, они изъявляли согласіе принять православнаго священника, если бы такой отлучился къ нимъ съ благословенія архіерея, но не въ резолюціи или указномъ предписаніи консисторіи, а только словесно выраженнаго. Въ какихъ именно селеніяхъ Атаевскому изъявлено было такого рода согласіе—неизвѣстно, но въ селѣ Монастырщинѣ съ нимъ былъ слѣдующій случай: на предложеніе вызваннымъ къ нему раскольникамъ изъ разныхъ деревень монастырскаго прихода принять единовѣріе они отвѣчали, что не желаютъ, такъ какъ „нужды ни въ покаяніи, ни въ причащеніи св. тайнами или въ благословенномъ священникѣ не имѣютъ, потому что дважды въ годъ бываютъ снабжены для христіанскаго исправленія требъ священниками отъ игумена иргизскаго раскольничьяго монастыря, имѣющими и сборныя прошнурованныя книги за печатью монастырскою и подписомъ того игумена“. По донесенію объ этомъ Атаевскаго, Іаковъ распорядился просить губернатора о воспрещеніи бѣглымъ священникамъ разѣзжаться по селеніямъ, а иргизскимъ настоятелямъ — выдавать ими книги и проѣздныя виды; благочиннымъ предписалъ ловить бѣглыхъ священниковъ и представлять ихъ въ духовныя правленія или прямо въ консисторію²⁾. Нѣсколько позже это распоряженіе было немного смягчено и съ благочинныхъ снята обязанность производить аресты: оберъ-прокуроръ Нечаевъ входилъ со всеподданѣйшимъ ходатайствомъ о разрѣшеніи епархіальнымъ архіереямъ, помимо гражданскаго начальства, наблюдать чрезъ благочинныхъ за появленіемъ у раскольниковъ бѣглыхъ поповъ и немедленно увѣдомлять объ открывающихся мѣстнаго губернатора и св. синодѣ; ходатайство было государемъ уважено³⁾.

¹⁾ Ibidem, 120.

²⁾ С. И. А., карт. А, № СХХХ (Указъ вол. дух. правл. прог. Бликову, 11 сент. 1834, № 28).

³⁾ Указъ сар. конс., 5 авг. 1835, № 4702.

Въ виду обнаруженнаго членами саратовской миссіи усердія и въ некоторой успѣшности ихъ трудовъ, миссія оставлена была и на слѣдующій годъ, но до государя дошли, очевидно, свѣдѣнія о чрезвычайномъ подчасъ рвеніи миссіонеровъ, такъ какъ онъ 20 мая 1835 года изъявилъ волю, чтобы дѣйствія миссіи продолжать не торопясь и болѣе посредствомъ примѣровъ и убѣжденій, и отнюдь не показывать намѣренія къ насильственному дѣйствию¹⁾. Синодъ за „успѣшную“ дѣятельность назначилъ въ 1835 году Дьяконову и Атаевскому постоянный окладъ жалованья по 500 руб. на каждого и кромѣ того, для усиленія дѣйствій миссіи, утвердилъ изъ представленныхъ Іаковомъ кандидатовъ еще двоихъ: по городу Вольску— прот. Бибикова, а по вольскому и хвалынскому уѣздамъ— прот. Ремезова, на томъ же основаніи, на какомъ были и первые два миссіонера. Изъ нихъ Ремезову, Дьяконову и Атаевскому велѣно выдавать на разъѣзды прогоныя деньги. Постоянное жалованіе Бибикову и Ремезову обѣщано „по оказаніи ими хорошихъ успѣховъ“²⁾. Преосвященному очень желательно было открыть въ Хвалынскѣ и Кузнецкѣ единовѣрческія церкви, съ назначеніемъ на жалованье духовенству при каждой изъ нихъ по 500 руб., впредь до образованія самостоятельныхъ приходовъ. Въ этомъ смыслѣ 16 ноября 1835 года онъ и входилъ съ рапортомъ (№ 7755) въ св. синодъ. Но послѣдній нашель, что въ этихъ городахъ „единовѣрія еще никакого нѣтъ и на вступленіе въ единовѣріе никто изъ раскольниковъ прямой рѣшительности не изъявилъ“, а потому „открытіе тамъ единовѣрческихъ церквей и представляется дѣломъ преждевременнымъ и сомнительнымъ“. Съ цѣлью убѣдиться, можно ли ждать успѣха въ обращеніи хвалынскихъ и кузнецкихъ раскольниковъ къ единовѣрію, велѣно было Іакову командировать въ эти города по священнику, который, по желанію тамошнихъ жителей, отправлялъ бы у нихъ богослуженіе и требы по старопечатнымъ книгамъ. Въ случаѣ успѣха Іакову предлагалось вторично войти съ ходатайствомъ о формальномъ открытіи единовѣрія въ этихъ городахъ³⁾.

Не имѣя возможности разомъ сжать заволжскій расколъ, преосв. Іаковъ велъ съ нимъ упорную, непрерывную войну по мелочамъ, по тѣмъ или другимъ частнымъ случаямъ. Ему давно уже казался

¹⁾ „Сар. епар. Вѣд.“, 1830, № 1.

²⁾ Собр. постанов., по вѣд. Св. Сн., II, 272—273.

³⁾ Указъ сар. конс., 14 мар. 1836, № 1641.

и неприличнымъ и соблазнительнымъ иргизскій чинъ исправы. Уничтожить исправу чрезъ вліяніе губернскаго начальства онъ не могъ, ибо не ладилъ съ этимъ начальствомъ; поэтому онъ обратился съ особымъ доносеніемъ въ синодъ, откуда оно перешло въ секретный комитетъ. Этотъ послѣдній, въ засѣданіи 20 декабря 1835 года, напелъ, въ виду оскорбительности чина исправы для православія, необходимымъ обявлять подниской настоятелей Иргизскихъ монастырей впредь не принимать на исправу бѣглыхъ поповъ; фёдунаръ императоръ 17 января слѣдующаго года утвердилъ такое постановленіе комитета¹⁾. Затѣмъ въ началѣ 1836 года Іаковъ предпринялъ разслѣдованіе о хранившихся будто бы въ Верхнемъ монастырѣ мощахъ умершаго въ иноческомъ санѣ бѣглого священника Іоасафа. Протоіерей Бибиковъ, производившій дознаніе по этому поводу, сообщилъ потомъ, что въ народѣ держится упорный слухъ объ иргизскихъ мощахъ, но одни говорятъ объ Іоасафѣ, другіе—объ Исаакіи, третьи—о Филаретѣ. Мощи, какъ утверждаютъ, хранятся подъ спудомъ изъ опасенія, чтобы не были взяты въ велико-россійскую церковь. Отъ этихъ мощей имѣются будто бы въ ризницѣ Верхняго монастыря и части одежды. Впрочемъ, единобѣрческій священникъ Ананьевъ, 2 года бывшій въ томъ монастырѣ, полагалъ, что эти слухи распускались для соблазна простодушныхъ людей и не имѣли никакой реальной подкладки, такъ какъ ему, Ананьеву, ни мощей ни одежды съ нихъ не показывали, уклоняясь отъ его просьбъ въ этомъ смыслѣ подъ разными предлогами²⁾.

Параллельно съ развѣтвіемъ этой войны развивалась на Иргизѣ и ненависть старообрядцевъ противъ господствующей церкви и правительства. Ненависть это проглядывала на каждомъ шагѣ, во всѣхъ мелочахъ ежедневнаго обихода, и нашла даже себѣ выраженіе въ составленіи подложныхъ манифестовъ и особыхъ тетрадокъ, наполненныхъ хулами на никоніанъ-гонителей. Первые стали появляться въ старообрядческой средѣ съ 1835 года и А. К. Кочуевъ едва ли не былъ основателемъ этого рода литературы. Они

¹⁾ Дѣла Сакр. Ком., Vol. VII, стр. 1075—1086; Собр. пост., по вѣд. М. В. Д., 136—137.

²⁾ Указъ гар. комис., 29 февр. 1836, № 1276. Считаю необходимымъ сказать здѣсь, что среди поповцевъ саратовской губерніи доселѣ держится преданіе, будто по распоряженію Іакова мощи изъ Верхняго монастыря были увезены благочиннымъ Державнымъ съ полиціей и съ того времени пропали безслѣдно.

Прим. авт.

приурочивались обыкновенно къ 28 января 1831 года и содержали въ себѣ разрѣшеніе раскольничьихъ часовенъ, безпрепятственное отиравленіе въ нихъ богослуженія и свободу имѣть бѣглыхъ священниковъ¹⁾. Вторыя, тетрадки, появились нѣсколько раньше; въ Саратовскомъ краѣ онѣ фабриковались преимущественно на Иртышѣ. Въ 1836 году ту-рецкій выходецъ, урженецъ герцогства Варшавскаго, Мельхиседекъ Якубовскій, по официальному званію — единовѣрческій дячокъ, по негласному занятію — духовныхъ дѣлъ сыщикъ и шпионъ при Іаковѣ, представилъ своему патрону три рукописныхъ книжки, которыми раздобылся въ Среднемъ монастырѣ: 1) *О антихристе*; 2) *Сказаніе о картахъ и зѣриномъ образѣ*; и 3) *Библию пророка Ездры*. Двѣ послѣднія, по словамъ дописа, содѣланы инокиней Успенскаго монастыря, Александрой Ураловой, въ это время большой уже старухой. Работала она совмѣстно съ уставщикомъ Средняго монастыря, Іоной, и нѣкоторые свои труды, какъ напр. „Библию“, до выпуска въ свѣтъ давала на просмотръ разнымъ скитскимъ грамотникамъ и даже посылала въ уральскіе скиты²⁾. Съ ея „Библией“ я незнакомъ, но о характерѣ этого произведенія можно до извѣстной степени судить по ея же „Сказанію о картахъ“: это рядъ подчасъ бессмысленныхъ, но всегда крайне рѣзкихъ, а иногда даже и остроумныхъ нападокъ на правительственную власть, напоминающихъ такіе же нападки раскольничьихъ сочиненій безпоповскаго направленія: Александра рассказываетъ извѣстную легенду о подмиѣнъ настоящаго Петра I въ Швеціи (въ „Стекольномъ царствѣ“) какимъ-то жидовиномъ изъ колѣна Данова, въ нецензурномъ видѣ изображаетъ его преемницъ, толкуетъ о воцареніи антихриста, зѣриный образъ котораго уже видѣнъ въ лицѣ достоинства царскаго и архіерейскаго, проповѣдуетъ отрицаніе паспортовъ (картъ), снабженныхъ печатью антихриста, и т. п.³⁾, Александра, конечно, была предана суду за свои „бредни“, но бредни эти ходили по рукамъ въ сотняхъ списковъ и, конечно, гораздо больше тормозили дѣло единовѣрія, чѣмъ сколько содѣйствовали ему всѣ труды официальныхъ и неофициальныхъ миссіонеровъ и обратителей. Эта сторона дѣла, къ сожалѣнію, была упущена изъ вида преосв. Іаковомъ въ его апостольскихъ трудахъ.

¹⁾ № 3774, 247; см.: „Рус. Вѣст.“, 1866. № 9, 16.

²⁾ Дѣла Секр. Ком., Vol. XIX, л. 511—519.

³⁾ Копія съ этого „Сказанія“ есть въ сборникѣ Ниж. сам. библ., № 3774.

Въ концѣ 1835 года Переверзевъ, подь давленіемъ все чаще и сильнѣе бросаемыхъ въ него „съ дерзновенной смѣлостью“ доносовъ епархіальной власти, имѣвшихъ цѣлью „собственно омраченіе гражданскаго начальства“, долженъ былъ оставить саратовскую губернію. На его мѣсто назначенъ былъ адъютантъ Суворова, Алексѣй Петровичъ Степановъ, человекъ въ достаточной мѣрѣ всесторонній и извѣстный начальству, какъ прямой и крутой администраторъ, авторъ нѣсколькихъ ученыхъ изслѣдованій о Сибири и даже романистъ. Сынъ Степанова передаетъ, что когда новый губернаторъ, по случаю назначенія, явился къ государю, тотъ указалъ ему на обиліе раскольниковъ въ саратовской губерніи и въ особенности на гвѣзду ихъ—иргизскіе скиты. „Ваше величество, я ихъ приведу къ одному знаменателю“, отвѣчалъ Степановъ. Государь улыбнулся и сказалъ: „безъ сильныхъ мѣръ; надо дѣйствовать осторожно и не раздражать“¹⁾. Министръ внутреннихъ дѣлъ, сообразуясь съ этими словами государя и съ его резолюціей на журналѣ секретнаго комитета 28 ноября 1834 года, далъ Степанову соотвѣтственную инструкцію. Затѣмъ предложеніемъ отъ 26 января 1836 года онъ поручилъ ему тщательно ознакомиться съ положеніемъ Иргизскихъ монастырей и представить свои соображенія, когда именно и какимъ образомъ онъ полагалъ бы приступить къ выполненію высочайшей воли, имѣя въ виду, что выполнить ее необходимо съ крайней осторожностью и непремѣнно лично²⁾. Степановъ, явившись въ губернію, сначала ревностно принялся преслѣдовать раскольниковъ и прежде всего натолкнулся на поправку въ Хвалынскѣ крыши у моленной. Городничій, майоръ Антоновскій, немедленно попалъ подь слѣдствіе; попечитель часовни, купецъ Назаръ Лопуховъ, былъ посаженъ въ тюрьму. Іаковъ остался очень доволенъ такими распоряженіями; вотъ что писалъ онъ по этому поводу къ губернатору 28 февраля 1836 года: „...Не одобряю сего незаконнаго возобновленія крыши и съ благодарностью усматриваю въ отсылкѣ подь стражу виновниковъ сего преступленія благонамѣренность (sic!) начальства; но, зная Лопухова лично съ хорошей стороны, покорнѣйше прошу ваше превосходительство, если можно, повелѣть освободить сего почтеннаго гражда-

¹⁾ Рус. Стар., 1879, I, 552.

²⁾ С. И. А., № 12, 117.

нина изъ тюремнаго замка и отдать его на поруки, а дѣлу дать законный ходъ. Я твердо увѣренъ, что Лопуховъ не употребитъ во зло освобожденіе его изъ-подъ стражи¹⁾. То же довольство Степановымъ, та же радость „благонамѣренности“ начальства проглядываютъ и въ другомъ, нѣсколько позднѣйшемъ, письмѣ Іакова отъ 2 мая: „Посылаю орлиный, безпристрастный взглядъ на раскольниковъ Иргазскіе монастыри. У г. Голицына при орлиныхъ очахъ не доставало, повидимому, орлиныхъ когтей. А силы души вашего превосходительства восхищаютъ меня. Можно надѣяться, что при содѣйствіи Всевышняго мало останется цыплятъ въ главныхъ гнѣздахъ суевѣрія и разврата. Perge, eminentissime, quo coepesti! Sic itur ad astra! [Продолжайте, в. пр., что начали! Такъ идутъ къ звѣздамъ!] Истребивъ означенныя гнѣзда, вы истребите исходища заразы, опасной для церкви и полиціи. Богъ да поможетъ вамъ сокрушить зло, допущенное и возлелѣянное ко вреду общественныхъ порядковъ. Tuae eminentiae servus humillimus Iacobus, E. S.“ [В. пр. покорнѣйшій слуга Іаковъ, епископъ саратовскій]²⁾. Но эти добрыя отношенія скоро испортились въ конецъ, благодаря старой привычкѣ преосв. Іакова жаловаться,—теперь уже даже безъ надобности,—на все, что казалось ему послабленіемъ расколу, непосредственно въ синодъ, синодальному оберъ-прокурору и митрополитамъ Серафиму петербургскому и Филарету московскому. Изъ за этихъ жалобъ 29 іюня 1836 года Степановъ писалъ Іакову: „Дошло до свѣдѣнія государя императора, что къ вашему преосвященству нерѣдко поступаютъ донесенія отъ благочинныхъ, что раскольничьи молебни во многихъ мѣстностяхъ возобновляются и вновь строятся и что дѣйствіи сіи производятся подъ прикрытіемъ сельскаго начальства... Хотя, по настоянію вашего преосвященства, таковыя молебни назначаются иногда къ уничтоженію, но рѣдко сіе приводится въ исполненіе, а уничтоженныя вскорѣ возобновляются... Его величество высочайше повелѣтъ соизволилъ г. министру внутреннихъ дѣлъ, поставя въ виду моемъ таковыя противозаконныя дѣйствія раскольниковъ, предписать строго наблюдать существующія на сей предметъ постановленія“. Въ виду этого губернаторъ просилъ преосвященнаго увѣдомить его, гдѣ именно, по донесенію благочинныхъ, возобновляются и вновь строятся молебни и какая

¹⁾ Арх. канц. губерніи, вѣд. 17, № 74, 94.

²⁾ № 3774, 113.

полиція потворствуетъ раскольникамъ. Последній указал¹⁾. И такъ, факты подобнаго рода существовали въ дѣйствительности. Но для насъ сейчасъ важны не самые факты, а отношенія двухъ властей, возникшія изъ-за этихъ фактовъ. Степановъ, ничѣмъ не заявившій себя по части потворства раскольникамъ, напротивъ, вооружившійся противъ нихъ всѣми бывшими въ его распоряженіи средствами, имѣлъ законное, нравственное право негодовать на Іакова, который обходилъ его своими сообщеніями и навлекалъ выговоры еще изъ-за потворства полиціи на самого губернатора. И онъ негодовалъ, тѣмъ болѣе, что преосвященный какъ будто не понималъ, что такимъ образомъ дѣйствій онъ ставитъ губернатора въ крайне затруднительное и неловкое положеніе, и продолжалъ дальше поступать также. Въ концѣ этого года ему, на примѣръ, донесли, что въ Верхній монастырь прибылъ бѣглый священникъ Стефанъ. Вместо предварительнаго сношенія съ губернаторомъ, Іаковъ распорядился немедленно донести объ этомъ синоду. Для историка этотъ рапортъ въ синодъ очень интересенъ, — въ немъ преосвященный усмеленно проситъ оберъ-прокурора исходатайствовать запрещеніе раскольникамъ принимать бѣглыхъ поповъ: „въ противномъ случаѣ, — говоритъ онъ, — расколъ долженъ сильно умножаться, церкви Божіи — приходять въ запустѣніе, духовенство — клониться къ разслабленію отъ мысли о возможности бѣжать къ раскольникамъ на вольную жизнь, пастырская ревность къ истребленію раскола — остывать, а между начальствомъ гражданскимъ и епархіальнымъ — возникать неудовольствія къ соблазну народа“²⁾, — но для Степанова, конечно, было бы гораздо интереснѣе и пріятнѣе ознакомиться съ этими соображеніями Іакова и съ вызвавшимъ ихъ случаемъ чрезъ самого же преосвященнаго, а не чрезъ министра внутреннихъ дѣлъ, до свѣдѣнія котораго подобные факты доводились оберъ-прокуроромъ синода. Іаковъ игнорировалъ все это и неудовольствія между начальствомъ гражданскимъ и епархіальнымъ „возникали къ соблазну народа“ и къ несчастію для церкви.

Несмотря на возникновеніе непріятностей съ епархіальной властью, отбивавшихъ всякую охоту содѣйствовать ей въ обращеніи раскольниковъ, Степановъ хорошо помнилъ данную ему инструк-

¹⁾ Арх. консист., 1836, № 697, 1—3.

²⁾ Ibidem, 1836, № 2074, 4.

цію и слова Іакова: „sic itur ad astra“ [такъ идуть къ звѣздамъ]. Открывая городъ Николаевскъ на мѣстѣ Мечетной слободы, онъ заглянулъ въ Никольскій и Успенскій монастыри съ цѣлью позордировать почву. Результатъ развѣдокъ онъ такъ изложилъ въ конфиденціальному письмѣ Блудову: жители Средняго мужскаго и женскаго монастырей „отозвались упорно, что не хотять сопричиеляться къ единовѣрцамъ, но засимъ высочайшая воля должна быть исполнена по всѣмъ пунктамъ въ точности и не требуетъ, по сдѣланнымъ соображеніямъ, никакого отлагательства“. Степановъ находилъ, что „если истребленіе раскола на Ирғизѣ необходимо, то и необходимо поспѣшить приведеніемъ въ исполненіе высочайшей воли, ибо иначе медленность повредитъ успѣху и откинетъ на нѣсколько десятковъ лѣтъ расколъ въ прежнее его положеніе“. Особенно торопился Степановъ потому, что до его свѣдѣнія дошло, будто раскольники отправили уже ходоковъ въ столицу съ цѣлью противодѣйствовать обращенію въ единовѣріе. Зная существовавшее тогда опасеніе, какъ бы обращеніе въ единовѣріе монастырей не заставило поповцевъ превратиться въ безпоповцевъ, Степановъ увѣрялъ Блудова, что это опасеніе не имѣетъ подъ собою почвы, потому что старообрядцы придерживающихся безпоповщины „почитають истинными отступниками“; по его мнѣнію, напротивъ, обращеніе монастыря „неминуемо повлечетъ ихъ къ православію“¹⁾.

Въ ожиданіи распоряженій сверху, Степановъ принималъ мѣры и къ уменьшенію численности иночествующихъ: приказалъ Николаевскому исправнику и городничему внимательно слѣдить, чтобы въ монастыряхъ не жили съ просроченными паспортами. Такихъ оказалось не мало въ Успенскомъ монастырѣ и городничій велѣлъ имъ выѣхать изъ монастыря въ теченіи семи дней. Настоятельница Теофанія не исполнила этого приказа, заявивъ, что заставить нежелающихъ удалиться она не можетъ. Городничій въ іюнѣ 1836 года удалилъ ихъ силой, что и вызвало отказъ Теофаніи отъ званія настоятельницы „за болѣзнію“. Губернаторъ велѣлъ было избрать на ея мѣсто другую; инокини выбрали Александру Уральскую, но эта не пожелала и онѣ стали упрашивать Теофанію. Дѣло уладилось къ общему удовольствію, — Теофанія осталась настоятельницей²⁾.

¹⁾ Дѣла Секр. Комит., Vol. VIII, л. 146—148.

²⁾ С. И. А., № 12, 250—251, 256—257; Арх. канц. губерв.; 1836, № 181, 1—10.

Основываясь на отзывѣ Степанова, что дальше медлить нечего, секретный комитетъ составилъ постановленіе о присоединеніи Средняго монастыря къ единовѣрію на слѣдующихъ основаніяхъ: 1) оставить за монастыремъ всѣ земли и угодья, которыя къ нему отмежеваны и издавна считаются въ его владѣніи; 2) желающихъ принять единовѣріе оставить въ монастырѣ, а упорствующихъ перевести въ Верхній; 3) именовать впредь этотъ монастырь Никольскимъ и считать на собственномъ содержаніи отъ оставленныхъ при немъ земель и угодій, а чтобы дать богослуженію болѣе благолѣпный видъ, то позволить настоятеля монастыря произвести въ санъ архимандрита; 4) для первоначальнаго устройства поручить монастырь во временное управленіе извѣстному опытностью архимандриту единовѣрческаго Высоковскаго монастыря, Зосимѣ; 5) епархіальному архіерею и гражданскому губернатору негласно и съ должной осторожностью распорядиться, чтобы архим. Зосима могъ принять монастырь при помощи полиціи въ свое вѣдѣніе со всѣмъ церковнымъ имуществомъ, землей и угодьями; 6) число монашествующихъ въ немъ опредѣлить до 25, уполномочивъ архимандрита принимать согласно съ существующими правилами преимущественно обращенныхъ изъ раскола; 7) епархіальному архіерею предоставить приготовить надежнаго архимандрита, который могъ бы замѣнить нынѣ временно туда опредѣленнаго; 8) женщинъ, произвольно поселившихся на землѣ Средняго монастыря и называвшихъ жилища свои женскимъ монастыремъ, перевести въ Покровскій монастырь, предоставивъ имъ свезти и продать дома въ теченіи 1837 года; 9) за остающимися монастырями Преображенскимъ и Покровскимъ учредить ближайшій надзоръ полиціи; 10) все это привести къ исполненію одновременно и секретно по гражданской и духовной части¹⁾. Государь утвердилъ это постановленіе.

Имѣя въ рукахъ высочайшее повелѣніе относительно обращенія Средняго монастыря въ единовѣріе, Блудовъ однако изъ осторожности не пустилъ его тотчасъ въ дѣло, а предварительно запросилъ Степанова, все ли готово къ обращенію монастыря и нѣтъ ли какихъ особенныхъ затрудненій. Въ исходѣ 1836 года, — рассказываетъ сынъ Степанова, — явился къ губернатору богатый, вліятельный въ южномъ Поволжьи негоціантъ, старовѣръ С(апожниковъ?),

¹⁾ Дѣла Секр. Комит., Vol. VIII, л. 149—153.

и объявилъ по секрету, что на дняхъ получится изъ Петербурга запросъ о томъ, подготовленъ ли иргизскій монастырь къ передачѣ единовѣрческой церкви? Потомъ С(апожниковъ) всею силою своего краснорѣчія доказывалъ несостоятельность этой мѣры, которая нисколько не приведетъ къ цѣли, предполагаемой правительствомъ; расколъ не уменьшится, а напротивъ—ожесточится и преисполнится ненавистью, которой по сіе время не было. Много говорилъ онъ и въ заключеніе употребилъ всѣ имѣющіяся у него убѣжденія для того, чтобы склонить губернатора къ отвѣту, что иргизскіе скиты еще не готовы. „Тогда,—добавилъ онъ,—дѣло затянется и все будетъ по прежнему тихо и спокойно“... Черезъ нѣсколько дней, дѣйствительно, запросъ былъ полученъ и Степановъ отвѣтилъ, что у него все готово¹⁾. Дѣло восприняло законный ходъ, казенная машина со скрипомъ завертѣлась.

Блудовъ увѣдомилъ 14 января 1837 года Степанова о высочайшемъ повелѣніи относительно обращенія Средняго монастыря. Смысль этого замедленія въ увѣдомленіи губернатора о высочайшемъ повелѣніи Блудовъ такъ объясняетъ въ своемъ всеподданнѣйшемъ докладѣ отъ 26 февраля 1837 года: „Согласно съ особымъ словесно даннымъ мнѣ вами приказаніемъ я далъ надлежащее предписаніе саратовскому губернатору, но не раньше 14 января, дабы выждавъ бывшіе въ концѣ декабря и въ началѣ января праздники, тѣмъ съ большею благонадежностью можно было приступить къ передачѣ монастыря“²⁾. Іакову такое же увѣдомленіе 15 января послалъ оберъ-прокуроръ синода, графъ Протасовъ. 27 января явился въ Саратовъ архимандритъ Зосима, 28 получено увѣдомленіе Іаковымъ и 29—Степановымъ. Іаковъ немедленно, въ день полученія, увѣдомилъ Степанова о полученномъ распоряженіи и просилъ назначить „благонадежнаго чиновника“ для сдачи монастыря архимандриту Зосимѣ. Затѣмъ, не получая еще отвѣта на это отношеніе, онъ отправилъ ему второе, съ просьбою прислать составленную при кн. Голицынѣ опись монастырскаго имущества. Степановъ не отвѣчалъ и на это отношеніе³⁾. По порученію Іакова, Зосима неоднократно

¹⁾ Рус. Стар., 1879, I, 553.

²⁾ Дѣла Секр. Комит., Vol. V, стр. 231—232.

³⁾ Арх. канц. самар. епископа, № 1, 1—4. Дѣло о присоединеніи къ единовѣрью Средняго монастыря, по образованіи самостоятельной самарской каедры, было передано въ Самару.
Прим. авт.

Являлся къ губернатору съ напоминаніемъ о дѣлѣ, но каждый разъ уходилъ ни съ тѣмъ, потому что или не получили еще соотвѣтственнаго предписанія отъ министра внутреннихъ дѣлъ, или никакъ не доишутся описи въ дѣлахъ канцеляріи, или не выберутъ годнаго къ исполненію такого порученія чиновника²⁾). Время шло. Наконецъ, опись была отыскана и 5 февраля отправлена къ архіерею; вслѣдъ за описью, въ этотъ же день, отправленъ былъ къ нему пакетъ на имя николаевского городничаго, два бланка подорожной и увѣдомленіе о назначеніи, на время обращенія монастыря, пристава Константиновскаго въ помощь николаевскому городничему, съ тѣмъ, чтобы они руководствовались наставленіями о. архимандрита Зосимы. Въ предписаніи Константиновскому и городничему Степановъ не объясняетъ существа дѣла, въ которомъ они должны помогать Зосимѣ,—послѣдній предъявить имъ на мѣстѣ высочайшее повелѣніе,—и только на первый разъ приказываетъ удалить изъ мужскаго и женскаго Среднихъ монастырей всѣхъ живущихъ по паспортамъ, хотя бы имъ и не вышелъ срокъ, „къ ихъ собратьямъ,—иноковъ въ Преображенскій, а инскинь—въ Покровскій“, оставивъ въ монастыряхъ только приписанныхъ къ нимъ по ревизіи⁴⁾). Иakovъ приказалъ передать полученную отъ губернатора опись Зосимѣ и предписалъ консисторіи распорядиться выдачей ему также двухъ древнихъ антиминовъ, съ тѣмъ, чтобы архимандритъ, по пріемѣ монастыря, освятилъ находящіяся въ немъ двѣ церкви, равно выдачей мира и достаточной суммы денегъ на непредвидѣнныя потребности. На увѣдомленіи о назначеніи Константиновскаго преосв. Иakovъ сдѣлалъ такую надпись: „предписать о. архимандриту указомъ, что ему не идетъ распорядительная часть по дѣламъ, касающимся гражданской власти, а только до духовной“. Это была предосторожность, оказавшая вполнѣдствіи Зосимѣ большую услугу; и предосторожность эта ясно говоритъ, что разладъ между союзниками въ дѣлѣ обращенія еще до начала самаго дѣла былъ очень силенъ, послѣдующія же событія раздули его еще больше.

Архимандритъ вмѣстѣ съ саратовскимъ благочиннымъ Чернышевскимъ и приставомъ Константиновскимъ выѣхали изъ Саратова на Иргизъ 6 февраля, въ 5 часовъ вечера; на слѣдую-

¹⁾ „Историч. описаніе“, въ рук. Ниж. сам. библ., № 8774.

²⁾ С. И. А., № 12, 1—6.

щій день, къ 9 часамъ вечера, они прибыли въ село Каменку и остановились тутъ на ночлегъ. Въ 2 часа утра 8 февраля они послали въ Николаевскъ Константиновскаго, чтобы онъ вмѣстѣ съ исправляющимъ должность тамошняго городничаго, Дмитриевымъ, сдѣлать нужныя предварительныя распоряженія, а чрезъ два часа послѣ него выѣхали и сами. Въ 6 часовъ утра всѣ командированныя для обращенія лица собрались въ домъ Дмитриева и, послѣ короткаго совѣщанія, найдя „все, что нужнымъ тогда признавалось, въ готовности“, отправились въ мужскій монастырь, при чемъ взяли съ собой „для предосторожности“ двоихъ унтеръ-офицеровъ и десять рядовыхъ мѣстной инвалидной команды¹⁾. Въ монастырѣ они явились къ настоятелю Корнилю, попросили его собрать всю братію и прочли всѣмъ собраннымъ высочайшее повелѣніе о монастырѣ ихъ. Затѣмъ архимандритъ обратился къ настоятелю и братіи съ увѣщаніемъ принять единовѣріе, но согласія на этотъ призывъ ни отъ кого не послѣдовало. И Корнилій и братія рѣшительно отказались сдавать имущество или только дать ключи отъ кладовыхъ и церкви, объяснивъ, что для этого нужно согласіе окрестныхъ старообрядцевъ, такъ какъ и монастырь и церковь построены на деньги усердствующихъ, а они, иноки, „только стражи сего мѣста“. Пока шли всѣ эти переговоры, въ монастырскую ограду началъ быстро стекаться народъ. Въ нѣсколько минутъ собралась толпа человекъ въ сотню, потомъ увеличившаяся до 300 или даже больше. Иноки, ободренные появленіемъ этихъ людей, „вѣроятно, оповѣщавшихъ ими нарочито“, стали оказывать еще большее упорство. Между тѣмъ толпа, подбиваемая монашествующими, особенно же инокомъ Ефремомъ и монастырскимъ казначеемъ Серапіономъ, настоятельно требовала объявленія ей высочайшаго повелѣнія. Архимандритъ видѣлъ, что нужно исполнить это требованіе и, по соглашенію съ своими товарищами, вызвалъ изъ толпы нѣсколько десятковъ человекъ и прочелъ имъ текстъ высочайшаго повелѣнія. Чтеніе произвело совсѣмъ не то дѣйствіе, какое ожидалось: народъ рѣшительно объявилъ, что не допуститъ архимандрита съ товарищами въ церковь, „хотя бы то стоило даже пролитія крови“. Ни увѣщанія о. Зосимы, ни убѣжденія Дмитриева и Константиновскаго не въ состояніи бы-

1) Поповъ (IV, 68), на основаніи невѣдомыхъ „документовъ“, утверждаетъ, будто вмѣстѣ съ ними былъ въ монастырѣ и губернаторъ. Что это неправда—увидимъ дальше.

Прим. авт.

ли подѣйствовать на старообрядцевъ: и монахи и народъ шумѣли и волновались, отказываясь отъ всякаго повиновенія. „Въ азартѣ сопротивленія,—замѣчаетъ составитель журнала о происшествіи,— иноки между прочимъ открыли, что они уже обдумали, какъ поступить при предъявленіи имъ означеннаго высочайшаго повелѣнія, о которомъ они еще до пріѣзда нашего имѣли свѣдѣніе, и что они ожидаютъ насъ уже четыре дня“. Разсказывали иноки еще и то, что въ ночь на 8 февраля они видѣли на небѣ знаменіе, состоящее изъ трехъ столбовъ; изъ нихъ одинъ упалъ надъ Средне-Никольскимъ монастыремъ. Въ нерѣшимости исполнители высочайшей воли собрались на совѣщаніе въ настоятельскихъ покояхъ и постановили пригласить для содѣйствія уѣзднаго стряпчаго Кизо, чиновника земскаго суда Трофимова и удѣльной конторы—Акшевскаго, равно какъ и удѣльнаго голову Шикина, потому что большинство толпы состояло изъ удѣльныхъ крестьянъ. Приглашенные чиновники, кромѣ Шикина, скоро прибыли въ монастырь и ознакомились съ высочайшимъ повелѣніемъ. Начались новые переговоры съ братіей и народомъ. Новопривышіе употребили „всѣ возможные кроткія мѣры“, чтобы склонить народъ къ повиновенію. Иноки и народъ снова потребовали объявленія имъ высочайшаго повелѣнія; „и снова оно было прочитано имъ, и снова обращены къ непокоряющимся убѣжденія“. Между тѣмъ настоятель Корнилій, убѣжденный представленными ему доводами относительно послѣдствій дальнѣйшаго упорства, испуганный тяжестью отвѣтственности, падавшей на него, какъ главу мѣстной старообрядческой общины, за сопротивленіе монаршей волѣ, приказалъ церковному пономарю, схимнику Паисію, отдать ключи отъ западныхъ дверей главной церкви, объявивъ, что „ни онъ, ни другой кто изъ братіи не рѣшится быть предателемъ церкви и своими руками передать имущество монастырское“, а потому пусть пересматриваютъ и повѣряютъ все по описямъ безъ личнаго присутствія братіи. Паисій принесъ ключи и положилъ ихъ на столъ. Было уже четыре часа вечера. Архимандритъ со спутниками взяли ключи и отправились въ церковь, но едва успѣли подойти къ паперти, какъ подстрекаемый иноками народъ бросился вслѣдъ за ними, а на колокольнѣ раздавался набатъ. Толпа зашумѣла. „Карауль, карауль, стойте, старики!“ слышались громкіе крики. Идти въ церковь Зосима съ

чиновниками не рѣшился и вернулся назадъ. А звуки набата все гудѣли, а толпа все шумѣла грознѣе и грознѣе. Не видя возможности „ни укротить волненіе народное, ни взять главныхъ виновниковъ возмущенія“,—Широкова, Кузнецова, Алексѣева, Кожемякина и Стекольщикова,—чтобы, по причинѣ ожесточенія сбѣжавшихся въ монастырь раскольниковъ, не произвести большаго зла, исполнители высочайшаго повелѣнія рѣшились возвратиться въ Николаевскъ: оставаться на ночь въ стѣнахъ монастыря имъ казалось слишкомъ опаснымъ. Въ шесть часовъ вечера они пріѣхали въ городъ, составили журналъ о происшествіи и общимъ совѣтомъ постановили: на утро, 9 февраля, собрать 24 человекъ понятыхъ православнаго исповѣданія, привести ихъ къ присягѣ, истребовать у воинскаго начальника 25 рядовыхъ инвалидной команды съ унтеръ-офицеромъ, собрать изъ окружныхъ селъ до 200 человекъ народа и всѣмъ опять отправиться въ непокоряющійся монастырь, гдѣ еще разъ предложить настоятелю, инокамъ и народу безпрекословно исполнить объявленную имъ высочайшую волю.

Утромъ 9 февраля все это было исполнено. Къ 11 часамъ дня духовенство, чиновники, понятые, инвалидная команда и до 200 человекъ православныхъ крестьянъ подошли къ стѣнамъ монастыря. Ворота его были заперты на замокъ, но, по приказанію Дмитріева, монастырскій привратникъ отперъ ихъ безъ возраженія. Въ стѣнахъ монастыря оказалось до 500 человекъ старообрядцевъ, окружившихъ главную монастырскую церковь. Дмитріевъ потребовалъ безпрекословнаго исполненія объявленной имъ наканунѣ высочайшей воли. Какъ одинъ человекъ, весь этотъ народъ палъ на колѣна, прося оставить имъ монастырь на прежнемъ основаніи. Нѣкоторые, не бывшіе въ монастырѣ наканунѣ, требовали вновь прочесть имъ бумагу, въ которой изъяснена высочайшая воля. Иноки Ефремъ, Амвросій и Филаретъ ходили въ толпѣ и безбоязненно ободряли народъ, подстрекая его къ неповиновенію и лично подавая примѣръ этого: приказанія собравшихся чиновниковъ удалиться въ свои кельи они не слушали. Книзо громко прочесть высочайшее повелѣніе.—„Слышали ли волю государя императора относительно монастыря сего и ясно ли поняли оную?“ спросилъ онъ по окончаніи чтенія. Отвѣтъ послѣдовалъ единогласный: „слышали и поняли, что монастырь долженъ быть обращенъ въ единовѣрческій.“—„А если

вы теперь знаете волю государя императора о монастырѣ, то должны исполнить ее и разойтись по домамъ“, — продолжалъ Кизо; но раскольники отвѣчали: „нѣтъ, не дадимъ нашей церкви!“ Много и долго духовенство и чиновники старались образумить толпу, „обольстительно вовлеченную иноками въ преступленіе противленія власти“, но все было напрасно. Чтобы показать, какія послѣдствія ждутъ противящихся законной власти, Кизо прочиталъ ст. 242, 243, 247 и 248 т. XV св. угол. зак. и спросилъ: „слышали ли прочитанныя статьи законовъ?“ — „Слышали, но лучше претерпимъ всякую казнь, нежели отдадимъ церковь нашу“, — кричали непокорные. Убѣжденія больше не дѣйствовали: „это не настоящая высочайшая воля, это подложная... Она и писана не на гербовой бумагѣ, и нѣтъ на ней руки государевой“, — слышались возраженія изъ толпы. Крики, брань и „многія оскорбительныя для правительства слова“ все усиливались. Обычное русскому человѣку чувство робости передъ властью исчезло, смѣнившись порывомъ безумной, стадной дерзости. Кизо вздумалъ было арестовать одного изъ наиболѣе дерзкихъ „ругателей“, повидимому, коноводившаго толпой, но толпа, окруживъ Кизо, кричала: „Не дадимъ, не дадимъ; стойте, старики, дружно за церковь! Бейте тревогу!“ Опять загудѣлъ съ монастырской колокольни набатъ. Бунтовщика отняли у солдатъ и скрыли въ толпѣ. Кизо не могъ даже узнать имени его, такъ какъ на вопросъ: „чей онъ и кто?“ слышался одинъ и тотъ же отвѣтъ: „Христомъ!“ Видя бесполезность увѣщаній, исполнители обратились къ народу съ рѣшительнымъ вопросомъ: „допустить ли онъ исполнить объявленное ему высочайшее повелѣніе?“ Отвѣтъ былъ тоже рѣшительный, что „никогда не допустить и слушать никого не хочетъ“. Чиновники „замѣтили по имени“ главныхъ бунтовщиковъ, — Ильинъ, Кожухинъ, монастырскій портной Леонтій, Никифоровъ, Кузнецовъ, Стекольниковъ, Смысловъ, Лосевъ и „тайно дѣйствующій на умы раскольниковъ“ удѣльный писарь Киселевъ, — и ушли въ настоятельскую келью, изъ которой Корнилій съ нѣкоторыми изъ братіи все время не выходилъ къ народу. Корнилію внушили, что онъ, какъ глава раскольническаго общества, долженъ успокоить народъ и убѣдить его повиноваться законной власти. Ему указали, что должно уступить необходимости и безъ нужды не доводить народъ до бѣды. Кизо съ азартомъ заявилъ, что въ случаѣ упорства привезены

будутъ пушки и начнутъ стрѣлять по толпѣ: „Государю императору-де ничего не стоитъ, если и сто человекъ убьютъ однимъ выстрѣломъ“. Корнилій отвѣчалъ, что онъ не упорствуетъ исполнить царскую волю, но остановить буйство народное не можетъ и самъ боится насилія со стороны толпы. Тогда власти объявили всѣмъ инокамъ, живущимъ въ монастырѣ по паспортамъ, чтобы они въ два дня оставили монастырь и отправились въ мѣста первоначальнаго своего жительства (по смыслу губернаторскаго предписанія Константиновскому, это распоряженіе нужно было сдѣлать раньше попытки обращенія), а сами уѣхали изъ монастыря. Не ожидая встрѣтить подобнаго сопротивленія въ женскомъ Успенскомъ монастырѣ, они, дорогой, отпустивъ воинскую команду и собранныхъ крестьянъ, задумали заѣхать въ эту обитель и мимоходомъ обратить ее. Но расчетъ оказался ошибочнымъ: инокини встрѣтили ихъ не лучше иноковъ и въ часовню не допустили. Прочитавъ высочайшее повелѣніе и распорядившись объ удаленіи въ теченіи двухъ дней всѣхъ живущихъ по паспортамъ, коммиссія оставила инокинь и возвратилась въ Николаевскъ, гдѣ немедленно составила журналъ о происшествіяхъ дня. На другой день Дмитріевъ написалъ рапортъ губернатору и съ приложеніемъ копій съ журналовъ отправилъ его эстафетой въ Саратовъ¹⁾. Зосима и Чернышевскій такія же копія съ своимъ рапортомъ отправили къ преосвященному.

Въ Саратовъ извѣстіе о неудачѣ обращенія монастырей пришло поздней ночью 12 или раннимъ утромъ 13 февраля,—Степановъ помѣтилъ рапортъ Дмитріева 13 числомъ, Іаковъ рапортъ Зосимы и Чернышевскаго—сначала тожъ 13, но потомъ переправилъ послѣднюю цифру на два. Переполохъ губернскихъ властей легко представить. Губернскій прокуроръ Тюльпинъ, увѣдомленный по эстафетѣ отъ Кизо о происшествіи, формальной бумагой затребовавъ отъ губернатора подробныхъ свѣдѣній „для донесенія министру юстиціи“ и получая въ отвѣтъ, что раскольники оказали сопротивленіе волѣ государя, а потому губернаторъ дѣлаетъ особья по этому дѣлу распоряженія, лежащія на его личной отвѣтственности. Преосвященный немедленно обратился съ просьбой „поспѣшить начальническимъ распоряженіемъ къ обузданію противниковъ церкви и высочайшей воли“, добавляя, что о. Зосима сообщилъ уже

¹⁾ С. И. А., № 12, 7—15; 267.

о происшествіи во всѣхъ подробностяхъ оберъ-прокурору синода и что самъ онъ, преосвященный, извѣститъ графа Протасова съ первой же почтой¹⁾). Степановъ смутился. „Никакъ не могъ предполагать я, чтобы тайна объ упраздненіи раскольническаго монастыря могла быть открыта до настоящаго исполненія, и однако же это случилось и остановило на нѣкоторое время исполненіе высочайшей воли“, писалъ онъ 14 февраля министру внутреннихъ дѣлъ, въ донесеніи за № 165. Признавая совершившееся „проешествіе“ дѣломъ чрезвычайной важности и зная, что комиссія бездѣйствуетъ въ ожиданіи „начальственныхъ предписаній“, Степановъ пригласилъ къ себѣ на совѣщаніе преосвященнаго и управляющаго удѣльной конторой Свѣчина, такъ какъ большинство ослушниковъ состояло изъ удѣльныхъ крестьянъ. На совѣщаніи этомъ положено: „Обратить главнѣйшее вниманіе на народъ, ибо иноки до того были убѣждены архимандритомъ, что отдали ему ключи отъ церкви, которые у него и теперь находятся, а потому для обузданія черни послать со стороны удѣла благонадежнаго чиновника и сдѣлать предписаніе по части казенныхъ крестьянъ исправнику, чтобы тотъ и другой приняли строжайшія мѣры къ недопущенію происходить скопищамъ въ монастырѣ или въ окрестности онаго, а для общаго соглашенія дѣйствій отдѣльныхъ начальствъ отрядить котораго-либо изъ опытнѣйшихъ и благоразумнѣйшихъ совѣтниковъ губернскихъ присутственныхъ мѣстъ, уполномочивъ его во всѣхъ распоряженіяхъ и подчинивъ ему всѣ части²⁾). Свѣчинъ въ силу этого постановленія командировалъ на Иргизъ своего помощника Часовникова, а Степановъ—совѣтника губернскаго правленія Зѣвакина и саратовскаго исправника Микулина. Къ вечеру 15 числа всѣ эти распоряженія были приведены въ исполненіе. Самъ Степановъ не рѣшился оставить Саратовъ, по случаю происходившихъ въ это время дворянскихъ выборовъ, и обѣщалъ Д. Н. Блудову „дней черезъ пять, утвердивъ новыхъ чиновниковъ, приведа ихъ къ присягѣ и отправивъ представленіе о тѣхъ, которые слѣдуютъ къ высочайшему утвержденію“, лично поспѣшить въ Николаевскъ и не выѣзжать оттуда, пока не исполнить со всей точностью воли Е. И. В. Предполагая „во всякомъ случаѣ“ употреблять мѣры умѣренности, онъ прибав-

¹⁾ Ibidem, 17, 100.

²⁾ Ibidem, 23.

ляетъ однако: „Ежели, сверхъ чаянія, повстрѣчается какое-либо обстоятельство, которое выведо бы дѣло изъ общаго порядка, то всепокорнѣйше прошу ваше высокопревосходительство испросить у государя императора высочайшее разрѣшеніе дѣйствовать рѣшительно на основаніи законовъ, относящихся до послушниковъ воли Е. И. В. Оставленіе безъ окончанія начатаго вселило бы въ бессмысленныхъ раскольникахъ мысль не о кротости милосердія, но о собственной своей самостоятельности“¹⁾.

Со времени отправления эстафеты въ Саратовъ и до пріѣзда Зѣвакина, т. е. съ 11 до 17 февраля, „чиновники духовнаго вѣдомства, — по словамъ „Историческаго Описанія“, — „ни въ какомъ монастырѣ не бывали, ниже входили въ какія-либо распоряженія по сему дѣлу“. Полицейскіе чиновники 10, 11 и 12 числа, какъ рассказываетъ авторъ письма въ Кременчугъ, наѣзжали въ монастырь и „съ великими угрозами“ предлагали старообрядцамъ принять единовѣріе; 13-го они окружили монастырь понятыми и заперли пекарню (келарню?), чтобы голодомъ заставить непокорныхъ сдаться²⁾. Къ келарнѣ приставленъ былъ и караулъ изъ трехъ человекъ, но едва чиновники успѣли уѣхать, какъ явился казначей монастыря, разогналъ караулъ и сбиль замокъ съ дверей³⁾. На слѣдующій день Константиновскій занимался отъ бездѣлья охотой за выходящими изъ монастыря; такъ онъ поймалъ престарѣлаго мнока Макарія, отправлявшагося на Иргизъ за водой, побилъ его и увезъ въ николаевскую тюрьму⁴⁾. Въ слѣдующіе дни, 15 и 16 февраля, къ прежнимъ понятымъ, окружавшимъ монастырь, прибавлено было еще 400 человекъ, которые для защиты отъ холода развели огни, употребляя вмѣсто дровъ „разныя монастырскія постройки, не щадя при этомъ и монастырскихъ запасовъ сѣна, соломы и т. п.“⁵⁾. Зачѣмъ понадобилась вся эта масса понятыхъ, съ какой цѣлью устроена была вся эта траги-комическая осада монастыря—сказать трудно; быть можетъ, только для того, чтобы показывать усердіе и не сидѣть недѣлю безъ дѣла.

Вечеромъ 16-го пріѣхалъ въ Николаевскъ Зѣвакинъ. Вотъ какъ онъ описываетъ свою дѣятельность въ донесеніи губернатору, отъ

¹⁾ Ibidem, 24.

²⁾ „Сынъ Отеч.“, 1862, № 38.

³⁾ С. И. А., № 12, 27.

⁴⁾ Ibidem, 267.

⁵⁾ „Сынъ Отеч.“, 1862, № 38.

17 числа: „За позднотою времени вчера приступить по порученному мнѣ дѣлу я уже не могъ, собралъ однако же разныя свидѣнія: 1) одинъ изъ понятыхъ, составляющихъ пикетъ на дорогѣ, ведущей къ монастырю, толпою буйныхъ старообрядцевъ былъ прибитъ; 2) крестьянинъ кузнецкаго уѣзда, находящійся теперь въ монастырѣ и не оставляющій оный, говорилъ чиновникамъ про государя императора, что онъ царь имъ, а не старообрядцамъ; 3) казначей монастыря ... сбиль замокъ съ келарни и прогналъ караулъ; 4) одинъ изъ крестьянъ кричалъ, что ихъ не только здѣсь, но и во всей Россіи много. Обо всѣхъ сихъ случаяхъ я приказалъ составить журнальныя записки и такимъ образомъ окончилось 16 число“. Какимъ образомъ началось вслѣдъ затѣмъ 17 число и что въ оное воспослѣдовало—я передамъ своими словами, такъ какъ выслушивать старческую болтовню Зѣвакина читателю, конечно, по меньшей мѣрѣ скучно. Утро 17-го „опытнѣйшій и благоразумнѣйшій совѣтникъ саратовскихъ присутственныхъ мѣстъ“ началъ визитомъ къ о. архимандриту. Отъ него онъ проѣхалъ въ тюремный замокъ, гдѣ сидѣло нѣсколько непокорныхъ крестьянъ и одинъ инокъ. Всѣмъ этимъ арестантамъ Зѣвакинъ представлялъ „гнусное ихъ заблужденіе, слѣдствія, ожидающія ихъ, буде не раскаются, власть государя императора, милостивое его и къ нимъ вниманіе, выражающееся въ томъ, что онъ благоволилъ отправлять имъ дѣла молитвы по старопечатнымъ книгамъ“ и т. п. Окончивъ этотъ любопытный разговоръ, Зѣвакинъ далъ имъ время подумать и велѣлъ въ этотъ же день сообщить ему, что они надумаютъ. Къ чему тратилъ съ арестантами перлы своего краснорѣчія совѣтникъ Зѣвакинъ, посланный бесѣдовать не съ тѣми, которые сидѣли уже въ тюрьмѣ, а съ тѣми, которыхъ предстояло отправить туда,—этого онъ въ своемъ донесеніи не объясняетъ, а кромѣ него едва ли кто можетъ понять. Познакомившись съ Зосимой и съ арестованными старообрядцами, Зѣвакинъ собирался посѣтить монастырь, „посмотрѣть на толпу, тамъ заключающуюся, поговорить съ нею и настоятелемъ монастыря“. — „Желалъ бы искренно,—говоритъ въ заключеніе своего донесенія Зѣвакинъ,—чтобы поѣздка моя въ монастырь не была безуспѣшна; если же не принесетъ она желанной пользы, тогда мѣра военной строгости, кажется, будетъ необходима“(!). Но

*) С. И. А., № 12, 27.

прежде чѣмъ ѣхать въ монастырь, Зѣвакинъ потребовалъ, по словамъ „Историческаго Описанія“, къ себѣ въ городъ двоихъ или троихъ иноковъ, „давъ имъ слово возвратить ихъ опять въ монастырь“. Изъ монастыря явился два инока и келейникъ игуменскій, Александръ Трофимовъ. Зѣвакинъ побесѣдовалъ съ ними наединѣ, въ сѣняхъ, но о чемъ—неизвѣстно удовлетворительно. Окончивъ тайные переговоры, онъ вмѣстѣ съ остальными чиновниками отправился въ монастырь и тамъ „настоятельно“, но безуспѣшно, требовалъ принять единоувѣріе: бытность этихъ чиновниковъ въ монастырѣ, по „Истор. Опис.“, ничего не произвела лучшаго,—раскольники попрежнему не отдавали церкви и монастыря и попрежнему не повиновались. Власти вынуждены были ни съ чѣмъ вернуться въ Николаевскъ. Если предшественники Зѣвакина отъ бездѣля измыслили „пикеты“ и осаду монастыря, то самъ Зѣвакинъ задумалъ заняться статистикой: онъ затребовалъ отъ разныхъ мѣстныхъ властей свѣдѣнія о томъ, кто изъ крестьянъ былъ 8 и 9 февраля въ монастырѣ и кто остался тамъ теперь, а Константиновскаго послалъ 20 февраля провѣрить полученные свѣдѣнія на мѣстѣ, въ монастырѣ. Подъѣзжая къ монастырю, Константиновскій услышалъ одинъ ударъ въ колоколь, а когда въѣзжалъ въ ограду, то увидѣлъ, что народъ толпится около церкви. Константиновскій объяснилъ толпѣ цѣль свою пріѣзда, но никто о званія своемъ ему не объявилъ: „Всѣ мы сыны церкви и болѣе ничего о себѣ сказать не можемъ“, отвѣчали ему крестьяне. Употреблены были „мѣры убѣжденія“, но проку изъ нихъ не вышло и Константиновскій вынужденъ былъ написать въ рапортѣ Зѣвакину, что исполнить возложеннаго на него порученія онъ не могъ¹⁾.

Цѣлыхъ двѣ недѣли десятки чиновниковъ и сотни понятыхъ безуспѣшно старались привести въ исполненіе высочайшее повелѣніе относительно монастыря. Преосв. Іаковъ потерялъ, наконецъ, всякое терпѣніе и обратился съ просьбой къ своему пріятелю, жандармскому офицеру Быкову, съѣздить въ монастырь и попытаться что-нибудь сдѣлать. Быковъ согласился и 20 числа явился въ монастырь. Не имѣя предписанія „присоединить“, онъ ничего не сдѣлалъ въ монастырѣ и ограничился только личнымъ обзорѣніемъ положенія дѣла да разговоромъ съ иноками и народомъ. Изъ этого разговора онъ вынесъ, судя по письму его къ Іакову отъ 22 февраля, убѣжденіе, что рас-

¹⁾ Ibidem, 36.

кольников добровольно не оставляют монастыря, но если вывести их силой, то противиться не будут: „Включеніе сіе основывается на томъ, что число находящихся въ монастырѣ крестьянъ состоитъ до 300 человекъ, въ числѣ которыхъ большая часть стариковъ, и орудія при нихъ никакого нѣтъ, а дѣйствія ихъ заключаются въ томъ только, что при подъѣздѣ чиновниковъ къ монастырскимъ воротамъ бьютъ одинъ разъ въ колоколъ и по сигналу сему собираются монашествующіе въ гостинныя комнаты, а прихожане—къ церкви, которую окружаютъ, и, по приходѣ чиновниковъ, падаютъ на колѣна и просятъ ходатайствовать у государя объ оставленіи имъ оной, говоря: въ храмѣ семъ молились предки ихъ и они желаютъ молиться до конца жизни своей“¹⁾. Быкову не удалось склонить народъ къ повиновенію и надежда Зосимы и Чернышевскаго видѣтъ при содѣйствіи его исполненіе высочайшаго повелѣнія не осуществилась, но появленіе его въ монастырѣ, какъ сообщаютъ эти лица преосвященному въ рапортѣ отъ 21 февраля, „потрясло духъ противленія бунтующихъ“. Это дало основаніе обомъ депутатамъ съ духовной стороны „всепокорнѣйше“ просить преосвященнаго „снестись, съ кѣмъ слѣдуетъ, о командировкѣ сего чиновника къ исполненію высочайшаго повелѣнія съ законнымъ полномочіемъ“; они надѣялись, что новое появленіе его „разрушитъ всякое сопротивленіе“²⁾. На возвратномъ пути въ Саратовъ Быковъ встрѣтился съ губернаторомъ и сказалъ ему, что „въ существѣ всѣ имѣютъ готовность къ послушанію, но ожидаютъ наружнаго принужденія чтобы какъ будто черезъ него, а не добровольно послѣдовала сдача монастыря“³⁾.

Основываясь на сообщенныхъ Быковымъ свѣдѣніяхъ, Степановъ съ дороги далъ предписаніе всѣмъ гражданскимъ и духовнымъ⁴⁾ исполнителямъ высочайшаго повелѣнія собраться въ бунтующіе

¹⁾ Арх. канц. самар. еписк., № 1, 21.

²⁾ *Ibidem*, 16.

³⁾ С. И. А., № 12, 70. Нѣкто г. Стоговъ, приписывая себѣ обращеніе монастыря въ единовѣріе, высказываетъ авторскія претензіи на сдѣланныя Быковымъ выводы изъ наблюденій во время посѣщенія имъ монастыря 20 числа. Не говоря уже о томъ, что ни о какомъ Стоговѣ ни въ одномъ изъ относящихся къ дѣлу о присоединеніи Средняго монастыря документовъ не упоминается, достаточно просто внимательно прочесть его рассказъ объ этомъ („Рус. Стар.“, 1878, III, 688—691), чтобы оцѣнить степень его исторической достовѣрности: это отъ начала до конца совершенное подобіе рассказовъ Хлестакова или Ноздрева.

⁴⁾ О томъ, что 21 февраля въ монастырѣ былъ Зосима съ Чернышевскимъ, упоминается только въ письмѣ въ Кременчугъ („Смѣхъ Отец.“, 1869, № 38); другіе источники объ этомъ умалчиваютъ.

щій монастырь и ждаты тамъ его прибытія. Часовъ въ 10 ночи, 21 февраля, Степановъ проѣхалъ „мимо табора понятыхъ, освѣщеннаго огнями, какъ большой бивуакъ.“ прямо къ стѣнамъ монастыря; ворота монастыря были открыты настежь, дворъ переполненъ толпой раскольниковъ. Въ настоятельскихъ кельяхъ губернаторъ нашель Корнилія съ четверыми иноками въ готовности исполнить волю правительства. Помня слова Быкова, губернаторъ распорядился ввести въ ограду монастыря понятыхъ и велѣлъ имъ силой вытаскивать раскольниковъ за ворота монастыря. Поняты приступили къ работѣ, но, встрѣтивъ сопротивленіе, принялись жестоко бить попадавшихъ имъ въ руки; жестокостью особенно отличались взятые съ собою Степановымъ жандармы. Народъ, „видя безпощадное наказаніе и смертельныя побои, закричалъ: убиваютъ, убиваютъ, неправо судятъ и наказываютъ, тогда какъ законъ ночью никого не судитъ“. По словамъ самого Степанова, едва начали приводить въ исполненіе его приказаніе, какъ „поднялся величайшій шумъ, вопль, раздался звонъ колоколовъ“. Усиленный набат вызвалъ на помощь въ монастырь раскольниковъ сосѣднихъ селеній. Когда доложили губернатору, сидѣвшему въ настоятельскихъ кельяхъ, о появленіи новыхъ бунтовщиковъ, онъ сообразилъ, что ночное побоище можетъ имѣть очень дурныя послѣдствія, и потому велѣлъ понятымъ отступить отъ монастыря на версту къ Николаевску, потребовалъ свой экипажъ и вмѣстѣ со всѣми чиновниками выѣхалъ изъ обители. Колокольный звонъ продолжался и послѣ его отъѣзда; на дорогѣ изъ монастыря въ Николаевскъ губернаторъ встрѣтилъ толпы горожанъ на коняхъ и пѣшихъ, съ палками и кистенями, слѣдившихъ въ монастырь на призывъ набата. Они напали на понятыхъ и отбили у нихъ 18 человекъ вытасканныхъ защитниковъ монастыря. На другой день Степановъ одинъ снова посѣтилъ монастырь. Не выходя изъ саней, онъ крикнулъ стоящимъ у церкви старообрядцамъ: „вы не повинуетесь государю императору!“ Толпа въ одинъ голосъ отвѣчала: „Мы волѣ государя императора ни въ чемъ не противимся, только просимъ ваше превосходительство оставить монастырь сей на прежнемъ положеніи“. Степановъ сказалъ, что за буйство у нихъ будутъ отняты послѣдніе два священника на Ирғизѣ, а чрезъ это и сами они и всѣ собратья ихъ лишатся возможности отправлять всѣ требы христіанскія. Но

и эта угроза не произвела никакого дѣйствія: народъ отвѣчалъ, что имъ „не нужно никакихъ требъ“, что они „могутъ и безъ нихъ прожить“. Тогда Степановъ пообѣщалъ привезть пупки и сбить всѣ колокола и уѣхать въ Николаевск¹⁾). Принимая въ соображеніе все видѣнное и слышанное, онъ рѣшился измѣнить принятыя до его пріѣзда мѣры, которыя „вели только къ отягощенію 800 понятыхъ безъ возможности имѣть какой-нибудь успѣхъ въ усмиреніи непослушныхъ“. Дальнѣйшее оставленіе ихъ подъ стѣнами монастыря для одного только охраненія монастырскаго имущества казалось ему, какъ онъ выразился въ представленіи Д. Н. Блудову, „непростительной недѣльностью“. Поэтому онъ немедленно далъ предписаніе николаевскому исправнику Немирову: 1) распустить по домамъ всѣхъ понятыхъ, изъ которыхъ большая часть расположена была подъ стѣнами обители, остальные же по ближайшимъ селамъ; 2) отобрать у всѣхъ крестьянъ-раскольниковъ казеннаго вѣдомства огнестрѣльное оружіе, составивъ списокъ, кому какое принадлежитъ; 3) неупустительно наблюдать за сношеніемъ окружныхъ раскольниковъ съ засѣвшими въ монастырѣ, и 4) приторговать до 500 четвертей овса, съ обязательствомъ доставить его по востребованію въ теченіи четырехъ дней въ Николаевскъ. Всѣмъ чиновникамъ, бесполезно жившимъ въ Николаевскѣ, онъ приказалъ возвратиться къ своимъ мѣстамъ, оставивъ въ городѣ одного только Часовникова „для наблюденія и успокоенія крестьянъ удѣльнаго вѣдомства“, съ тѣмъ, чтобы и онъ, подобно исправнику, отобралъ огнестрѣльное оружіе у подвѣдомственныхъ ему раскольниковъ и собиралъ свѣдѣнія о количествѣ занявшихъ монастырь и могущихъ прибавиться къ нимъ старообрядцевъ. Арх. Зосимъ онъ предложилъ переѣхать въ Нижній единоувѣрческій монастырь, обѣщая „въ свое время извѣстить о возможности исполнить его обязанность“²⁾). Сдѣлавъ всѣ эти распоряженія, Степановъ поспѣшно уѣхалъ въ Саратовъ.

Если губернаторъ торопился принимать мѣры, то не бездѣйствовали и защитники монастыря: Корнилій съ братіей 25 февраля отправилъ прошеніе на имя шефа жандармовъ, А. К. Бенкендорфа. Въ прошеніи они довольно обстоятельно передаютъ подробности

¹⁾ С. И. А., № 12, 69—74; Арх. канц. сам. еписк., № 1, 23.

²⁾ С. И. А., № 12, 56—58, 75.

двух-недѣльнаго „сидѣнья“, свидѣтельствуютъ „самимъ Богомъ и всѣмъ“, что есть святаго на небѣ и на землѣ“, въ истинѣ своихъ словъ и выражаютъ сомнѣніе, чтобы дѣйствительно была воля монарха на обращеніе ихъ „бѣднаго и ничтожнаго“ монастыря въ единовѣріе, такъ какъ, съ одной стороны, „вся вселенная прославляетъ мудрость, милосердіе и человеколюбіе“ Николая Павловича, а съ другой—онъ самъ же, 15 сентября 1826 года, разрѣшилъ существованіе старообрядческихъ церквей и разрѣшеніе это отмѣнено не было. Кромѣ того въ подлинности повелѣнія заставляеть усумниться и терпимость правительства „къ вѣрамъ не только христіанскимъ, но магометанской, еврейской и самой даже языческой“. Прося защиты „страждущимъ токмо за привязанность къ вѣрѣ и обрядамъ своихъ предковъ“, авторы добавляють, что „этимъ они никому не дѣлають вреда, усердно платяють всѣ требуемыя правительствомъ подати, не уклоняють себя ни отъ какой общественной и государственной службы, повинуются гражданскимъ законамъ, почитають священными власть и особу государя и всегда готовы для него и за него пролить кровь свою, а слѣдовательно, не столь и виновны, какъ, можетъ быть, думаетъ и доноситъ о нихъ мѣстное духовное и гражданское начальство“¹⁾.

Преосвященный, получивъ рапортъ Зосимы отъ 22 числа о неудачной попыткѣ самого губернатора обратить монастырь, немедленно отправилъ въ копіи этотъ рапортъ гр. Протасову, приложивъ ктати въ копіи и письмо Быкова, и ходатайствовалъ о назначеніи послѣдняго къ исполненію высочайшей воли, какъ чело-вѣка „для совершенія таковыхъ дѣлъ самаго надежнѣйшаго по здѣшней сторонѣ“²⁾. Въ то же время онъ обратился къ губернатору съ просьбой „назначить особый надзоръ за Никольскимъ монастыремъ, мятежниками нынѣ занимаемомъ, дабы не сдѣлано было въ ономъ злоупотребленія въ монастырскихъ угодьяхъ и расхищенія монастырской и вмѣстѣ казенной собственности“. Отъ себя онъ назначилъ наблюдать за этимъ прот. Эллидинскаго и свящ. Державина³⁾. Тѣмъ временемъ Степановъ обратился за содѣйствіемъ къ губернскому правленію. Въ засѣданіи 26 февраля онъ сообщилъ присутствію „происшествіе“ въ монастырѣ 21 числа и пред-

¹⁾ Ibidem, 267—269.

²⁾ Арх. канц. сам. еписк., № 1, 22—23, 26.

³⁾ С. И. А., № 12, 102.

ложилъ, принявъ во вниманіе и „сообразивъ съ законами“, съ одной стороны, „мрачное упорство безъ всякихъ признаковъ буйства“, съ другой—„набать, какъ дѣйствіе уже буйное, призывъ окрестныхъ старообрядцевъ на помощь“, и съ третьей—„цѣль сего призыва“, опредѣлить, заключаютъ ли всѣ эти обстоятельства послушаніе противъ высочайшей воли и, слѣдовательно, преступленіе или только „предварительный приступъ къ возмущенію?“ Цѣвленіе „сообразило“ и напало, что дѣйствія защитниковъ монастыря „суть дѣйствія возмутительныя“, а потому вызываютъ необходимость употребить въ дѣло войска¹⁾. Заручившись такимъ постановленіемъ, Степановъ потребовалъ отъ начальника мѣстнаго артиллерійскаго резерва командировать въ Николаевскъ одну батарею изъ Хвалынска, отъ начальника саратовскаго гарнизоннаго баталіона—отправить туда же роту съ офицеромъ²⁾. Не получивъ еще разрѣшенія на представленіе свое министру внутреннихъ дѣлъ о дозволеніи прибѣгнуть къ сильнымъ мѣрамъ, Степановъ имѣлъ въ виду только стянуть войска къ мѣсту дѣйствія и подготовиться, такъ сказать, къ рѣшительному моменту. Поэтому, поручивъ общее начальство надъ артиллеріей и пѣхотой съ присоединеніемъ николаевской инвалидной команды барону Дельвигу, онъ не далъ ему никакой инструкціи и только велѣлъ внимательно наблюдать, чтобы солдаты не дѣлали обывателямъ никакого стѣсненія и насилія³⁾. Всѣ эти подготовленія были окончены 28 числа и оставалось только ждать свѣше дальнѣйшихъ распоряженій. Во время этого ожиданія Степановъ составилъ и 1 марта отправилъ Блудову отчетъ о своихъ дѣйствіяхъ по усмиренію возмущенія. Прежде всего онъ выяснилъ отличіе подготавлиаемаго теперь разгрома Иргиза отъ предшестввавшаго, при кн. Голицынѣ. Тогда правительство имѣло дѣло съ большимъ числомъ иноковъ, руководившихъ мнѣніемъ народа, который былъ за стѣнами монастыря; теперь 42 инока играютъ страдательную роль среди толпы народа, овладѣвшаго монастыремъ, и народъ обдумалъ свои дѣйствія не въ теченіи какихъ-нибудь четырехъ дней, но со времени обращенія Нижняго монастыря въ единовѣріе. Онъ расположился, въ количествѣ 500 человекъ, на дворѣ монастыря; „черезъ таинство исповѣди“ онъ поклялся на смерть не отдавать

1) Ibidem, 59—60.

2) Ibidem, 62—64.

3) Ibidem, 84, 89—92.

храма своего. „Толпа не имѣеть ничего наступательнаго и оборонительнаго, кромѣ частной и общей силы тѣла и духа. Въ то время, какъ таскали изъ монастыря, ни одинъ ни тронуть понятнаго: всѣ они стали на колѣна въ нѣсколько колець кругомъ храма, спѣвши руками и ногами и такимъ образомъ съ трудомъ поддавались посторонней силѣ“. Толпа эта рѣшилась умереть на мѣстѣ безъ всякой обороны, заслоня тѣлами своими входъ въ храмъ. Дѣйствительно, они не имѣли никакого оружія. Совсѣмъ не то въ толпахъ, собирающихся изъ окрестныхъ селеній по призыву набатнаго колокола, — онѣ имѣли кое какое вооруженіе и количество ихъ увеличилось, смотря по мѣрѣ надобности, выражаемой звономъ набата. „Духовенство, — жалуется дальше Степановъ, — не принимая въ расчетъ ни случившихся неожиданныхъ обстоятельствъ, ни спокойствія 800 жителей, окружающихъ монастырь съ нѣкоторымъ ущербомъ по домашнему быту, ни соотношеній старообрядцевъ Иргиза съ другими ихъ обществами, требуетъ единственно отъ гражданской распорядительной власти сохраненія монастырскаго имущества, между тѣмъ какъ обстоятельство сіе есть послѣдовательное за сохраненіемъ челоуѣчества и приобрѣтеніемъ возможности уничтожить безумное упрямство старообрядцевъ“. Сообщая далѣе о постановленіи губернскаго правленія и о распоряженіи своемъ относительно приближенія къ монастырю воинскихъ командъ, Степановъ говоритъ, что онъ ожидаетъ только распоряженія свыше, чтобы разомъ окончить такъ затянувшееся дѣло, которое представляетъ собой цѣль „безпрестанныхъ неожиданностей“¹⁾.

Петербургскія распоряженія пришли въ Саратовъ только 9 марта. До этого времени Степановъ попытался примѣнить къ непокорнымъ еще двѣ мѣры, съ цѣлью склонить ихъ къ повиновенію. Прежде всего онъ обратился 3 марта съ письмомъ къ А. П. Сапожникову. „Въ столицѣ и здѣсь всѣмъ извѣстно, какое вліяніе имѣете вы на сихъ людей (иргизскихъ поповцевъ) по вашимъ умственнымъ и душевнымъ способностямъ, — писалъ онъ вольскому магнату. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что въ сдачѣ монастыря... они, по вашему увѣщанію, обратились бы неукоснительно къ своимъ обязанностямъ и послушно, терпѣливо, смиренно приняли къ исполненію высочайшую волю. Мнѣ было бы чрезвычайно пріятно

¹⁾ Ibidem, 69—77.

донестъ всеподданнѣйше Е. И. В., что чрезъ ваше содѣйствіе прекращены безпорядки, возникшіе на Ирғизѣ¹⁾. Но если Степановъ, посылая это письмо, забылъ, какъ нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ Сапожниковъ убѣждалъ его отложить присоединеніе монастыря, то не забылъ этого самъ Сапожниковъ: отвѣчая на переданное ему губернаторскимъ чиновникомъ Татариновымъ письмомъ, онъ говоритъ, что, какъ вѣрноподанный, за первое благо жизни поставляетъ исполненіе воли государя императора и вмѣнялъ бы себѣ въ непремѣнный долгъ исполнить порученіе губернатора, если бы этому не мѣшала болѣзнь глазъ. Кромѣ того, что касается вліянія на ирғизскихъ старообрядцевъ, то онъ не только не знакомъ съ тамошними жителями, но даже почти не знаетъ и мѣстности прилегающихъ къ Ирғизу селеній, такъ какъ былъ въ монастырѣ за всю жизнь не болѣе пяти—шести разъ²⁾. Итакъ, эта попытка вытащить чужими руками каштаны изъ огня не удалась. Донесеніе Часовникова, что въ монастырѣ находится всего 49 человекъ удѣльныхъ крестьянъ³⁾, дало поводъ къ другой выдумкѣ: 7 марта Степановъ далъ предписаніе своему чиновнику особыхъ порученій Горохову немедленно отправиться въ Николаевскъ, а оттуда вмѣстѣ съ Часовниковымъ—въ монастырь и прочитать тамъ старообрядцамъ особо составленное на этотъ случай воззваніе. Степановъ надѣялся, что это воззваніе будетъ имѣть успѣхъ, такъ какъ, съ одной стороны, приближеніе войска должно будетъ смутить защитниковъ монастыря, а съ другой—фактъ ихъ численнаго уменьшенія свидѣтельствовалъ какъ будто о готовности къ уступкамъ. Въ томъ случаѣ, если старообрядцы согласятся оставить монастырь, Гороховъ долженъ былъ выждать ихъ удаленія и затѣмъ вызвать арх. Зосиму и 50 человекъ инвалидной команды. Окруживъ часовыми колокольню, чтобы никто не могъ къ ней приблизиться, Гороховъ долженъ отобрать отъ иноковъ заявленіе о желаніи принять единовѣріе и всѣхъ нежелающихъ отправить за карауломъ въ городъ, гдѣ казначей и другого неизвѣстнаго по имени инока изъ уральскихъ казаковъ заключить въ тюрьму, а остальнымъ раздать паспорта и отправить подъ присмотромъ земской полиціи въ мѣста жительства, обязавъ подпискою не возвращаться въ саратовскую

¹⁾ Ibidem, 80—82.

²⁾ Ibidem, 57.

губернію¹⁾. Гороховъ 8 марта, вмѣстѣ съ Чезвничковичемъ — явились въ монастырь, гдѣ нашли не 40, а болѣе 500 челоуѣкъ крестьянъ обоаго пола. Свои убѣжденія они начали съ Корнилія, котораго просили вмѣстѣ съ иноками оставить бесполезное упорство и доказать тогда примѣръ исполненія высочайшей воли²⁾. Потомъ вмѣстѣ съ нимъ вышли къ народу и прочтали „воззваніе“ Степанова, слѣдующаго содержанія:

„Всемигостивѣйшаго государю, нашему, угодно было приказать сопричислить старообрядческій Никольскій монастырь къ единообрядскимъ; но когда приступлено было къ исполненію сей высочайшей воли, то вы вторглись въ сей монастырь и воспретили исполнить высочайшую волю сію. Это немалобѣрная дерзость со стороны подданныхъ къ государю, это такое же преступленіе, какъ бы дѣти возстали противъ отца. Васъ бы слѣдовало уничтожить силою и не великая мужна сила, чтобы уничтожить васъ! Что же препятствуетъ тому, кто до сихъ поръ васъ не уничтожаютъ? Чему вы это приписываете? Я увѣренъ, что у васъ дорядно смысла донять, кто вы, никакой не имѣете возможности устрашить правительство, хотя бы васъ большія тысячи были противъ могущества царской власти! Одна только кротость и отеческое милосердіе самодержавнаго царя терпятъ вашему преступленію. Тотъ, кто могъ бы сокрушить васъ однимъ словомъ, ожидаетъ еще вашей покорности и раскаянія, какъ дѣтей блудныхъ. Не требуютъ отъ васъ обращенія къ единообрядію, исповѣдывайте вѣру по своему; не гонять васъ, не преслѣдуютъ, не разрушаютъ вашего семейнаго быта, не прикасаются къ вашей собственности... Зачѣмъ мѣшаетесь не въ свое дѣло? Дѣти не требуютъ отчета у отца. Если бы дѣти возстали противъ отца, тогда не устояло бы ни одно семейство, ни одно селеніе, ни одинъ городъ, ни одно царство. Не поданнымъ судить царя, — судить его Царь небесный, а наше дѣло повиноваться властямъ и за возстаніе противъ отца, противъ царя, отдадимъ отвѣтъ на страшномъ судѣ Господу Богу. Возмутители похожи на ангеловъ падшихъ, на адскихъ ангеловъ, которые возмутили порядокъ небесный. Я, облеченный довѣріемъ всемигостивѣйшаго государя моего, потому только и дѣйствовалъ кротко до сихъ поръ съ вами, что дѣйствовалъ въ духѣ нашего милосердаго государя. Еще прошу васъ, еще

¹⁾ Ibidem, 93—95.

²⁾ Ibidem, 125.

убѣждаю—не нарушайте порядка, установленнаго въ томъ царствѣ, гдѣ вы родились и гдѣ живете! Еще есть время, говорю я вамъ; раскаяніе ваше смягчитъ вашу судьбу, но дальнѣйшее упорство поведетъ къ гибели здѣсь и въ будущемъ свѣтѣ, какъ измѣнниковъ, потому что вы измѣняете долгу своему повиноваться властямъ, измѣняете слову Божію, великому ученію Христа Спасителя¹⁾.

Не ограничившись прочтеніемъ этого воззванія, Гороховъ „мѣрами кротости внушалъ слушателямъ обязанности вѣрноподанныхъ, развернулъ (!) то наказаніе, которое ждало ихъ за неповиновеніе волѣ государевой, сказалъ имъ, чтобы они добровольно оставили монастырь и не мѣшали привести въ исполненіе священную волю императора“. Корнилій съ своей стороны склонялъ народъ къ тому же. Но „человѣколюбивое и отеческое объявленіе губернатора“ и всѣ долговременныя внушенія остались безъ всякаго успѣха и одинъ отъѣздъ былъ всѣхъ: умремъ у церкви и не отдадимъ монастыря. Вслѣдъ затѣмъ вся толпа разомъ опустилась на колѣна“. Часовниковъ съ Гороховымъ вернулись въ Николаевскъ, гдѣ собрали къ себѣ 8 человѣкъ наиболѣе благонадежныхъ крестьянъ, прочли имъ „воззваніе“, разъяснили опасность неповиновенія царской волѣ и послали въ монастырь „убѣждать“. Посланые трудились вмѣстѣ съ Корниліемъ съ 6 часовъ вечера до 2 часовъ ночи, но ничего не достигли. Гороховъ 9 марта еще разъ побывалъ въ монастырѣ вмѣстѣ съ Часовниковымъ, Дмитріевымъ, Немировымъ и Кизо и тоже ничего не могъ сдѣлать²⁾. Приходилось уѣзжать ни съ чѣмъ въ Саратовъ, но до отъѣзда, если вѣрить г. Попову, Гороховъ сдѣлалъ еще новую и—нужно признаться—очень оригинальную попытку склонить ослушныхъ къ повиновенію: „Отецъ Корнилій!—сказалъ онъ будто бы по секрету настоятелю,—ежели вы не намѣрены и не хотите мнѣ доставить честь чрезъ принятіе Платоновыхъ пунктовъ, то, Бога ради, другому чиновнику не доставляйте, ибо какъ проповѣдь, такъ и система единовѣрія основаны на интересѣ и заслугахъ“. Корнилій понялъ дѣло хорошо и поступилъ согласно сдѣланному Гороховымъ внушенію...³⁾. Дѣйствительно ли былъ такой разговоръ—неизвѣстно, но, судя по всему, что извѣстно о Гороховѣ, нужно думать, что могъ быть.

¹⁾ Ibidem, 96—98.

²⁾ Ibidem, 124—127.

³⁾ Поповъ, V, 17.

Въ то время, какъ Гороховъ „дѣйствовалъ“ на Иргизѣ, Степановъ получалъ уже 9 марта строжайшій выговоръ отъ Блудова и вслѣдъ затѣмъ высочайшее повелѣніе немедленно покончить съ „приспешіемъ“. Блудовъ писалъ ему отъ 26 февраля, что онъ „крайне удивляется тому равнодушію и холодности“, съ какой, по видимому, губернаторъ принялъ извѣстіе о безпорядкахъ 8 и 9 числа. Вопросъ о присоединеніи, — напоминаетъ онъ, — рѣшенъ не сразу; губернаторъ зналъ заблаговременно о готовящейся мѣрѣ противо-дѣйствія расквѣду и, если бы хотѣлъ, могъ подготовить къ ней, какъ должно. Этого мало: губернаторъ самъ же ввелъ въ заблужденіе правительство своимъ сообщеніемъ, что обращеніе совершится тихо и спокойно. Не будь этой „въ изыскаемой мѣрѣ“ увѣренности, онъ послалъ бы на мѣсто дѣйствія войска, а не двоихъ унтеръ-офицеровъ съ десяткомъ рядовыхъ жалкой инвалидной команды. Все это свидѣтельствуеетъ о недостаточной распорядительности губернатора¹⁾. Довѣщеніе Степанова о безпорядкахъ 8 и 9 февраля Блудовъ въ подлинникѣ представилъ государю и во всеподлиннѣйшемъ докладѣ своемъ писалъ между прочимъ: „По извѣстію моему, губернаторъ не довольно, кажется, вникнулъ въ важность сего дѣла и не принялъ заблаговременно мѣръ, какія принять надлежало“. На этомъ докладѣ государь подписалъ: „Губернаторъ дурно сдѣлалъ, что не отложилъ приступленія къ дѣлу до окончанія дворянскихъ выборовъ, когда ему уже самому можно бы было ѣхать съ архимандритомъ. Нынѣ нечего другого дѣлать, какъ строго подтвердить принять мѣры предосторожности, чтобы бунтъ далѣе не распространялся, и для того вытребовать, ежели нужно, часть квартирующихъ войскъ для рѣшительнаго дѣйствія²⁾. Это повелѣніе было сообщено Степанову съ добавленіемъ, что „всѣ могущія быть неблагоприятныя послѣдствія“ относятся на его личную ответственность³⁾. Степановъ отвѣтилъ, что онъ 10 марта выѣзжаетъ въ Николаевскъ. Одновременно съ этимъ извѣдомленіемъ онъ послалъ министру внутреннихъ дѣлъ маленькую анекдотическую записку своихъ дѣйствій. Оставляя всю вину на народѣ, совершенно неожиданно принявшій столь горячее участіе въ монастырѣ, Степановъ повторяетъ, что онъ не ошибся въ своемъ заключеніи, такъ какъ иноки давно уже

¹⁾ С. И. А., № 12, 117—118.

²⁾ Дѣла Секр. Комит., Vol. V, стр. 231, 233.

³⁾ С. И. А., № 12, 118.

согласны сдать монастырь. Не онъ, а Зосима съ чиновниками водили затѣмъ-то съ собой изъ Николаевска въ монастырь маленькіе отряды инвалидов; не онъ, а они измыслили по невѣдомымъ соображеніямъ курьезную осаду монастыря 800 понатыми. Выясняя такимъ образомъ сущность дѣла, Степановъ добавляетъ, что онъ не хочетъ всѣмъ этимъ оправдываться, ибо убѣжденъ, что мѣстное начальство хотя и лучше видитъ вещи; но „не можетъ обвинять ихъ съ той полнотою и общностью, какъ вышнее“. Его отвѣтъ — это только попытка восстановить истину¹⁾. Окончивъ съ Петербургомъ, Степановъ сдѣлалъ послѣднія распоряженія на мѣстѣ. Прежде всего онъ велѣлъ отравить въ Николаевскъ 30 человекъ казаковъ; снабдивъ ихъ „двойнымъ количествомъ пагакъ“²⁾. Затѣмъ командировать туда же четыре пожарныхъ трубы съ браннмейстеромъ Акимовымъ и нужнымъ числомъ прислуги; такъ какъ получилъ свѣдѣнія, что старообрядцы хотятъ сжечь Николаевскъ и монастырь³⁾; наконецъ, взять съ собой акушера саратовской врачевной ушраны, доктора Крузе⁴⁾, и отправился въ путь.

Губернаторъ явился въ Николаевскъ 12 марта. Всѣ предназначенныя къ дѣйствию войска и чиновники были уже налицо. Онъ велѣлъ собрать для содѣйствія побольше понатыхъ православнаго исповѣданія и послалъ въ монастырь; въ видѣ послѣдней попытки, „желая образумить бунтующихъ мѣрами кротости и убѣжденія“, барона Дельвига, который долженъ былъ еще разъ предложить инокамъ и народу взять добровольную покорность; и, въ случаѣ отрицательнаго отвѣта, рѣшительно объявить имъ, что послѣ всего этого употреблена будетъ сила къ водворенію въ монастырь порядка, желаемаго правительствомъ, и всѣ виновники подвергнутся суду и потерпятъ строгое наказаніе. Подобно всѣмъ предыдущимъ, и эта попытка не привела ни къ чему; 492 человека мужчинъ и 617 женщинъ, засѣвшихъ въ монастырь, рѣшительно отказались отъ добровольной покорности: „Монастыря не оставимъ, церкви нашей никому не выдадимъ. Сила наша будетъ крѣпче вашей силы“, кричали старообрядцы. Вечеромъ составленъ былъ у губернатора „военный совѣтъ“, на которомъ принято рѣшеніе

¹⁾ Ibidem, 119—128.

²⁾ Ibidem, 128.

³⁾ Ibidem, 130.

⁴⁾ Ibidem, 131.

дѣйствовать не огнестрѣльнымъ оружіемъ и артиллеріей, а нагайками казаковъ, прикладами солдатъ и пожарными трубами. Такъ и было сдѣлано: 13 марта „полчище“ подступило къ монастырю. Вокругъ храма въ нѣсколько рядовъ лежалъ народъ, крѣпко сцепившись другъ съ другомъ. Растащить ихъ не было возможности. Гарцевавшій впереди отряда Степановъ окомандовалъ „пли!“ и началась стрельба холостыми зарядами¹⁾. Въ тоже время изъ трубъ начали качать воду на бунтовщиковъ. Казаки ударили въ нагайки, пѣхота начала дѣйствовать прикладами по недвижимо-лежавшимъ защитникамъ монастыря. Гулъ выстрѣловъ, вопли и стоны избиваемыхъ смѣшались въ одномъ хаосѣ, который способенъ былъ нагнать на ническій страхъ на самого храброго человека. Пеняты и солдаты бросились на смутившихся и растерявшихся старообрядцевъ и начали ихъ валить и выталкивать изъ монастыря. Въ теченіи дѣлныхъ двухъ часовъ безостановочно шла работа, пока всѣ 1049 человекъ были удалены за ограду. Губернаторъ послалъ оклики съ чепырями казаками въ Николаевскъ за духовенствомъ. Дрожа отъ страха, Зосима, Эпидимскій и Державинъ сѣли въ экипажъ: „Что было дѣлать?—поворить прот. Эпидимскій.—Должность водить отпираться немедленно, а страхъ овладѣваетъ сердцами. Но, положившись во всемъ на волю Божию, тотчасъ отпирались“. Передавъ дѣлнѣйшій разсказъ со словъ того же Эпидимскаго, николаевскаго пролеіера в благочиннаго, по рапорту его преемв. Іакову отъ 17 марта: „Подъѣзжая къ воротамъ монастыря, увидѣли множество народа обоего пола лежащаго связанными. Въѣхавъ внутрь онаго, увидѣли по всему двору текущую воду и множество крови; обласосами разбивали народъ, а на лошадей разбивали оный врозь; оттого вода и кровь омыви монастырскую площадь. У холодной церкви г. губернаторъ верхомъ встрѣтилъ насъ таковымъ принѣт-

¹⁾ „Рус. Стар.“, 1879, I, 554. П. А. Степановъ и источники старообрядческаго происхожденія („Нерк. Ист.“ П. Васильевъ, III, 146, и письмо старообрядца въ Кременчугъ) утверждаютъ, что была пальба; г. Поповъ (IV, 94), со словъ какого-то „старожилы“, отрицаетъ ее; въ официальныхъ бумагахъ объ этомъ упоминается. Первые показанія представляются болѣе вѣроятными, такъ какъ иначе не понятно, въ-за-чѣго же и разбѣжался народъ? Холоднымъ душемъ едва ли можно было испугать людей, приготовившихся къ смерти. Что касается „старожилы“, на котораго въ данномъ случаѣ ссылается Поповъ, то необходимо замѣтить, что, обвиняя другихъ въ „наглоу іжн“ (IV, 89), онъ этимъ только напрасно киваетъ на Петра; безусловно-храброе отрицаніе фактовъ такъ же вепохвально, какъ и преувеличеніе ихъ. Приведенныя ниже рапорты Зосимы и Чернышевскаго убѣдительно подтверждаютъ эти слова.

Прим. зам.

ствіемъ: „ну, гг. отцы, извольте подбирать, что видите“. О. архимандритъ благодарилъ его за выполненіе воли монаршей. Заснигъ въ теплой церкви, по сбитіи замковъ, освященна вода и все ономъ окроплено и паки благодаренъ губернаторъ. Между тѣмъ, пока служень былъ молебень, воинство и понятые разбойнически въ присутствіи губернатора грабили имущество монастырсное. Окна, двери, полы, погреба, подвалы, кладовыя, сундуки, шкафы, словомъ, все какъ бы отъ ужаснаго землетрясенія разрушилось. Всего имущества, кромѣ находящагося въ церквахъ и въ ризницѣ, при всей нашей тщательной заботливости, не собрано по всему монастырю болѣе, какъ на 300 рублей. Хлѣбъ, кромѣ трехъ амбаровъ, которые остались не разломанными, рыба, масло, овощи, одежда, плуга, сапи, колеса, телѣги и всякая домашняя рухлядь—все какъ бы огнемъ пожжено. Словомъ, монастырь сей оставленъ въ самомъ жалкомъ положеніи, по соизволенію г. губернатора¹⁾. Этотъ разсказъ подтверждается и рапортомъ преосвященному Іакову прот. Чернышевскаго: „При въѣздѣ моемъ въ монастырь, съ прискорбіемъ увидѣлъ, что во всѣхъ кельяхъ онаго окна или разбиты, или совсѣмъ выломаны. При свидѣніи съ о. архимандритомъ Зосимой узналъ я, что сіе раззореніе монастырскихъ сихъ келій произведено 13 марта, въ первомъ часу по полудни, т. е. въ то время, когда въ ономъ были: г. начальникъ губерніи, воинская команда и собранные изъ окрестныхъ селъ понятые. По личному же моему осмотру найдено, что внутри оныхъ келій мало что осталось въ цѣлости: сундуки и шкафы разбиты, кюты съ иконами изломаны; кладовыя, принадлежащія вообще монастырю и частно монашествующимъ—раззорены и все то, что въ оныхъ было получше и что можно было пожитить,—пожито, а все оставшееся или разбито, или разсыпано; изъ выходовъ, погребовъ и амбаровъ почти все растаскано,—даже полы въ нѣкоторыхъ кельяхъ взломаны; словомъ, монастырь, кромѣ уцѣлѣвшихъ отъ сего церкви и ризницы, потерпѣлъ значительное раззореніе“²⁾. Совершенно сходно съ этимъ писали иноки Средняго монастыря въ прошеніи своемъ на имя саратовскаго военнаго губернатора, Бибинова, отъ 14 мая этого года. Исполнители высочайшей воли, по словамъ иноковъ, „приказали пѣхотнымъ солдатамъ бить народъ ружейными

¹⁾ Арх. канц. сам. еписк., № 1, 48.

²⁾ Ibidem, 49.

прикладами, а коннымъ — мять лошадыи; при семъ дѣйствиі надомано было ружейныхъ ложъ до нѣскольکو десятковъ. Сверхъ того, не обращая вниманія на суровость зимняго времени, дабы увеличить мученія лежащихъ набитыхъ людей, приказали пожарной командѣ лить на тѣхъ изъ привезенныхъ трубъ воду, каковой и употреблено большое количество. Вслѣдствіе чего какое произошло смятеніе, вондь, плачь, убійственныя кровавыя раны между безоружными старообрядцами, въ особенности же между женскимъ поломъ и малолѣтними дѣтьми, того описать невозможно. Тогда церковная цеперьт и около оной мѣсто, гдѣ лежали избитые старообрядцы, обогрены были оныхъ кровью. Потомъ ихъ брали и безчеловѣчно за монастырь таскали. Въ то же самое время у церковной дворѣ обили замокъ; посредствомъ такого пути и вошелъ съ своимъ причтомъ единовѣрческій архимандритъ для совершенія въ оной благодарственнаго о побѣдѣ молебствія, а солдаты и полатые, устремясь по кельямъ, ридкидали собственность монастырскихъ жителей и разбивали дворѣ, окна, печи и полы¹⁾. Совсѣмъ иначе представляетъ дѣло арх. Зосима въ своемъ донесеніи оберъ-прокурору св. синода: „12 марта г. начальникъ губерніи прибылъ въ Николаевскъ; 13 числа его благоразумными распоряженіями и отеческими мѣрами къ подданнымъ государства, въ 12 часовъ утра, споспѣшествуя волѣ монаршей, успѣлъ по монастырю привести все въ благоустроенный порядокъ, безъ всякаго же только кровопролитія, но даже и малѣйшаго противъ неблагоразумныхъ жесточедія. Его благоразуміе, вмѣсто огнестрѣльнаго смертоноснаго оружія, употребило водяные насосы, нарочито для сего привезенные изъ Саратова, коими глуца я народная сволочь не болѣе, какъ въ полчаса, приведена въ разсѣяніе. А по разсѣяніи всѣ бунтовщики немедленно взяты подъ стражу... обѣ церкви святой водой окроплены, равно и его превосходительство со всѣмъ христіанскимъ иицствомъ и всѣ гг. чиновники, присутствовавшіе въ семъ монастырѣ. Засимъ церкви и имущество монастырское мною приняты“²⁾. Что въ этой коротенькой бумагѣ о. архимандритъ неоднократно покривидъ душой, это ясно: изъ предидущаго мы знаемъ ужь, что и „жесточедія“ и кровопролитія было достаточно, иначе монастырская площадь не была бы, по характерному выраженію прот. Элпидинскаго, „омыта кровью“; „благоустроеннымъ

¹⁾ С. И. А., № 12, 265—266.

²⁾ Арх. канц. сам. еписк., № 1, 51.

порядком¹ едва ли можно было назвать разрушение монастыря „как бы землетрясеніем“; монастырское имущество 14 марта, когда отправлено было это донесеніе Зосимы, принято не было, такъ какъ губернаторъ отказался 18 марта назначить для передачи это особаго чиновника, въ виду того что „объ этомъ въ предписаніи ему ничего не сказано“, и принялъ его гораздо позже не Зосима, а Чернышевскій²). На вопросъ, зачѣмъ скрывалъ истину о. архимандритъ, къ чему онъ кривилъ душой, прот. Эпидинскій отвѣчаетъ: „въ утѣшеніе раздраженнаго сердца губернаторскаго“. И „утѣшеніе“ было достигнуто: „По принятіи сей штафеты губернаторское сердце къ о. архимандриту уже переродилось, вмѣсто зѣрскаго стало благотвѣтельнымъ. И о. архимандритъ, водворяя ся на монастырскихъ развалинахъ, ... благодарить Бога, что при образованіи обители ничто не палъ мертвымъ“³).

Оставимъ о. Зосимѣ благодарить Господа Бога и посмотримъ на послѣдовавшія за „воссоединеніемъ“ Никольскаго монастыря событія. Прежде всего закрытъ былъ женскій Успенскій монастырь, но безъ всякой помпы: губернаторъ приказалъ иночницамъ удалиться изъ монастыря; приписаннымъ къ нему по ревизіи—въ Покровскій монастырь, а не приписаннымъ и живущимъ по паспортамъ—на родину; срокъ на распродажу келій назначилъ до 1838 года. Послѣ губернатора посѣтилъ обитель, по приказанію Зосимы, свящ. Державинъ съ единовѣрческимъ монахомъ Игнатіемъ, выбрали изъ часовни иконы, книги и утварь, а часовню запечаталъ⁴). Затѣмъ Степановъ составилъ представленіе министру внутреннихъ дѣлъ и всеподданнѣйшій рапортъ государю. Министру очень сдержанно и тѣшно, съ пропусками и недомолвками, сообщалась операція воссоединенія⁵); государю докладывалось только о побѣдѣ, съ коротенькимъ замѣчаніемъ, что „при семъ дѣйствіи не сдѣлано было ни одного выстрѣла и никто не лишился жизни“⁶). Преосвящ. Іаковъ донесъ гр. Протасову о счастливомъ совершеніи воссоединенія и, какъ будто забывъ свою недавнюю просьбу о Быковѣ, хедатайствовалъ о выраженіи благодарности Степанову, который „благодарными и разумными мѣрами содѣйствовалъ окончанію дѣла“, равно какъ

¹) Ibidem, 52.

²) Ibidem, 50.

³) С. И. А., № 12, 272.

⁴) Ibidem, 142—146.

⁵) Ibidem, 141.

и до всеиплотствѣйшемъ прощеніи бунтовавшихъ крестьянъ, потому что бунтъ этотъ былъ результатомъ „нѣтъ простоты и малобразованности“, свойственныхъ заволжскимъ степнымъ раскольникамъ, въ особенности давно тамъ поселеннымъ¹⁾). Вслѣдъ затѣмъ онъ поручалъ Чернышевскому составить „Историческое описаніе обращенія монастыря“, что и было исполнено въ 15 октября этого же года²⁾. Ходатайство за Степанова опослало: оно вмѣстѣ съ нею всѣмъ точными официальными донесеніями о вятинъ монастыря спасло ему губернаторское содержаніе, но не спасло и вѣста³⁾, такъ Степановъ еще до полученія этихъ бумагъ былъ уволенъ отъ должности и саратовскимъ военнымъ и гражданскимъ губернаторомъ сдѣланъ Илларионъ Михайловичъ Бибиновъ. На докладъ Вишудова 23 марта о вятинъ монастыря государь подписалъ: „Слава Богу! что такъ понятилось; надо подтвердить г. Бибинову, чтобы строго слѣдилъ за дѣйствіями раскольниковъ и за шестидѣліемъ, како сіе прописано: на нѣтъ произведо“⁴⁾).

Это было вверху; внизу шло другое. Въ мѣстности, такъ именованной въ нѣтъ при вятинъ монастыря, были немедленно распушчены по домамъ; мужчины, въ числѣ 879 человекъ, отправлены въ Николаевскъ и предназначены къ помѣщенію во вѣновъ отсроченной тюрьмѣ. Но изъ нихъ, по осмотру Круше, 160 оказались „увеслыми, слабыми и утомленными“ (последній терминъ обозначаетъ по всей вѣроятности, избытокъ, такъ какъ заключенные монастыря содержались на монастырскій счетъ и никакъ не укрѣпленій не стражили, а потому и утомиться имъ было негдѣ); эти были отпущены по домамъ впряде до востребованія; изъ остальной половинѣ часть устроена въ тюрьмѣ, гдѣ помѣщеніе было на 70—80 человекъ, а другая часть расположена на квартирахъ подъ крыльчатымъ карзюномъ. Затѣмъ произведены были обыски у нѣкоторыхъ понятыхъ, по заключенію потерпѣвшихъ, при чемъ у нѣкоторыхъ оказались довольно крупныя суммы; такъ понятый Вайчиновъ сдалъ компанію сумму съ 1211 рублемъ⁵⁾. Далѣе назначено слѣдствіе по дѣлу о сопротивленіи крестьянъ; производить его поручено Горюкову. Главной задачей слѣдствія Оча-

¹⁾ Арх. канц. сам. еписк., № 1, 41.

²⁾ Ibidem, 93.

³⁾ Рус. Стар., 1879, I, 554.

⁴⁾ Дѣла Секр. Комит., Vol. V, стр. 225.

⁵⁾ С. И. А., № 12, 149.

⁶⁾ Ibidem, 133.

пакана; поставили — открытие истинных зачинщиков и определение степени виновности остальных захваченных в монастырь¹⁾. Это все сделано было 14 марта; 15 осмотрены, по требованию военного начальства, солдатскія ружья, сильно пострадавшія при „успокоеніи буйнаго народа“: изломано и повреждено 45 ружейных ложек и прикладов и испорчено нѣсколько ружей; нѣкоторые солдаты, — вѣроятно, нѣтъ болѣе усердныхъ, — ухитрились даже разбить приклады и сломать желѣзные помпулы²⁾. Изъ всѣхъ иноковъ Средняго монастыря только 8 человекъ были переведены въ Верхній, а изъ женскаго — только 13 инокинь отправлены въ Покровскій; остальные разосланы въ мѣста жительства, со снятіемъ монашескаго платья и съ запрещеніемъ показываться въ предѣлахъ Саратовскаго края³⁾. Что касается двоихъ священниковъ, Парошьева и Канардова, захваченныхъ въ монастырь, то Степановъ обратился съ особымъ ходатайствомъ къ Баудову: отсылка ихъ, какъ предполагалъ Іаковъ, по первоначальному мѣсту службы, къ епархіальнымъ архіереямъ тамбовскому и пензенскому, кажется ему мѣрой неудовлетворительной; какъ какъ они въ этомъ случаѣ легко могутъ возвратиться на Иртышъ, гдѣ будутъ скрываются старообрядцами со всѣмъ тщаніемъ и обезпечать ихъ на счетъ всѣхъ духовныхъ требъ. Правда, за эти мѣсяца и годами никакого преступленія нѣтъ, но оба они, особенно же первый, пользуются на Иртышѣ общимъ довѣріемъ и любовью народа, а потому всего надежнѣе было бы, тотчасъ по разстрѣжаніи, отослать ихъ куда нибудь подальше, напр., въ Саловецкій монастырь. Тогда всѣ 13.000 иртышскихъ старообрядцевъ лишены будутъ возможности совершать христіанскія требы и по необходимости „другъ за другомъ стануть прибѣгать къ единовѣрію или къ самому православію“. — „У старообрядцевъ, — говоритъ Степановъ, — нѣтъ ни твердости ни отчаянія; напротивъ — упрямство и чаяніе: они не перейдутъ ни въ какую секту, держась упрямо своей старинѣ и гвердо надѣясь, что правительство не можетъ не дать имъ помощи“. Не если только имъ дозволить имѣть новыхъ поповъ или если къ нимъ явятся эти два, тогда напрасно два раза громили монастыри: цѣль на-долго еще останется не достигнутой и единовѣріе

¹⁾ Ibidem, 157.

²⁾ Ibidem, 162, 165.

³⁾ Ibidem, 188—189.

не привьется на иривской почвѣ¹⁾. Но и это, послѣднее на время губернаторства Степанова, представленіе по дѣламъ расколоты въ министерство внутреннихъ дѣлъ уважено не было: государь одобрилъ намѣреніе прессъ. Такова отиравить обонхъ священниковъ къ ихъ епархіальному начальству для преданія суду и только повелѣлъ строго наблюдать, чтобы они не бѣжали изъ монастырей; въ проторые будутъ помѣщены, и не появились вновь на Иривзѣ, — при какомъ рошенѣ надзорѣ ссылка въ Соловки не нужна²⁾.

Скоро на мѣсто Степанова явился Бибиковъ. При отъѣздѣ его изъ Петербурга государь приказалъ ему: „Не упускать ни въ виду возможности упразднить и послѣдній раскольникій Верне-Спасо-Преображенскій монастырь“³⁾. Бибиковъ 3 мая былъ уже въ Саратовѣ и, согласно высочайшей воли, прежде всего приступилъ къ обзорѣннѣ дѣйствій саратовскаго гражданскаго начальства при обращеніи Средняго монастыря; 10 числа онъ отиравился въ Ново-лаевскъ для осмотра на мѣстѣ Никольскаго монастыря и обонхъ верхнихъ⁴⁾. Смыслъ этой коѣдки не понять было заисколкини старообрядцами и потому они засыпали Бибикова жалобами и просьбами на счетъ отобранія монастырей. Такъ въ Волвскѣ 14 мая ему подали прошеніе отъ лица новославевскихъ старообрядцевъ Матрѣи Долговъ и Семень Власовъ. Въ этомъ прошеніи любовитко объясненіе причины бунта: онъ возникъ отъ предположенія, что „съ отобраніемъ монастырей въ единовѣріе и старообрядчество напрямѣнно должно кончатся по всему Иривзѣ“. Грубой гонимъ нельзя было и не предположить этого, такъ какъ явившіеся отбирати монастыря прежде всего предложили принять единовѣріе и обнаруженіи на мѣрение взять наличныхъ обгныхъ священниковъ, послѣ чего на Иривзѣ должно было ивсвятнуть овящество. Отсюда страхъ и ужасъ, отсюда упорство, отсюда штурмъ съ его послѣдствіями, — опустошеніемъ и разграбленіемъ монастыря, избѣженіемъ и оскорбленіемъ его защитниковъ, которыхъ не только били прикладами, плетями и дубинками, не только тогтали лошадыми, но и перорно вшитисинавдн изъ монастыря: за волосы и за бороды⁵⁾. Два дня спустя послѣ за

¹⁾ Ibidem, 147—148.

²⁾ Ibidem, 325.

³⁾ Дѣла Секр. Комит., Vol. IX, л. 462.

⁴⁾ С. И. А., № 12, 249.

⁵⁾ Ibidem, 253—254.

дети догосударственнаго прошенія, Бибиновъ подобное же прошеніе получилъ отъ Журниля съ братіей, а потомъ и отъ Теофанія съ сестрами¹⁾. Неисказко можетъ, въ провъздъ государя наследника чрезъ саратовскую губернію, эти же самыя лица подали ему прошеніе о возвращеніи монастыря и о дарованіи имъ права священства: государь отказалъ просителямъ, какъ писалъ объ этомъ гр. Протоповъ въ июль 1837 года, и повелѣлъ объявить чрезъ гражданское начальство, что правительство съ отобраніемъ монастырей не лишаетъ раскольниковъ ни употребленія старопечатныхъ книгъ ни богослуженія по ихъ обрядамъ, но не можетъ дозволить имъ бѣлнхъ мнѣнь, какъ безпорядокъ, нетерпимый ни въ какомъ благоустроенномъ обществѣ, тѣмъ болѣе что в самая важность таинства прешаетъскуетъ допустить отправление ихъ порочными и чаще преступными бѣлнцами²⁾. Собственно говоря, изъ всѣхъ просителей болѣе другихъ имѣла основаніе жаловаться Теофанія. Распродажа келій велась самымъ безобразнымъ способомъ: полиція продавала ихъ за крайне дешезую цѣну, причемъ покупателями являлись православные священники сосѣдникъ саль; арх. Зосима въявилъ притязаніе на 11 келій, какъ построенныхъ будто бы на средства Никольскаго монастыря, и кельи эти были отданы ему. Многимъ и много пришлось хлопотать, чтобы выяснить его ошибку и восстановить право собственности³⁾.

Ермъ Бибиновъ ничего не могъ сдѣлать для скорбѣвшихъ объ отпаденіи монастыря, то оль сдѣлать многое для захваченныхъ въ монастырь и переданныхъ суду. Военно-судная коммисія по дѣлу о сопротивленіи замочайшей волѣ постановила: 11 человекъ наказать инутомъ и сослать въ каторжныя работы; 326 человекъ и наслѣдателя Журниля наказать плетями и сослать на поселеніе; 16 человекъ, по старости лѣтъ, безъ тѣлеснаго наказанія сослать въ Сибирь на поселеніе; 50 человекъ оправдать⁴⁾. Благодаря заступничеству Бибинова, этотъ драконовскій приговоръ былъ сильно смягченъ государемъ при конфирмаціи: тѣлесное наказаніе отмѣнено для всѣхъ безъ исключенія; чтобы не сдѣлать ихъ мучениками и страдальцами за вѣру, и только 7 человекъ повелѣно помѣстить въ арестантскія

¹⁾ Ibidem, 264—266; 271—272.

²⁾ Ibidem, 345.

³⁾ Арх. канц. губерніи, 1837, № 99.

⁴⁾ С. И. А., № 12, 273—274.

роты, а 18—сослать въ закавказскія провинціи; но изъ этихъ 25 человекъ шестеро, по старости дѣтъ и слабости здоровья, разпущены въ православныхъ монастыряхъ, 18—вмѣстѣ съ Корнякиемъ отправлены въ Закавказье и только одинъ попалъ въ арестантскія роты¹⁾.

Иргизъ, только что пострадавшій отъ никоианъ, скоро еще больше пострадалъ отъ огня: 25 мая 1837 года въ Цокровскомъ женскомъ монастырѣ истреблено пожаромъ до 50 дворовъ. Настоятельница Надежда обратилась къ Бибикову за разрѣшеніемъ построить новыя кельи и указывая, что пострадала отъ пожара до 130 человекъ, при томъ большею частью старухъ и безродныхъ, которые буквально не имѣютъ крова. Бибиковъ разрѣшилъ только возобновить настоятельскую стая, такъ чтобы можно было помѣстить до 30 престарѣлыхъ инокинь, болѣе же ничего не дозволить строить. Блудовъ нашелъ это распоряженіе „основательнымъ“, а государь написалъ на докладѣ Блудова: „справедливо“²⁾. Прошло три мѣсяца послѣ этого пожара и случился новый, еще болѣе сильный: 28 августа въ Никольскомъ единовѣрческомъ монастырѣ вспыхнулъ среди бѣлаго дня сарай и разлившійся при сильномъ вѣтрѣ по всему монастырю огонь въ 3—4 часа уничтожилъ 23 кельи и большое количество разныхъ запасовъ, всего на 21.145 руб. Пресев. Іановъ, со словъ Зосимы, подозрѣвалъ поджогъ и обвинялъ въ этомъ раскольниковъ; Гороховъ отправленъ былъ прозаводить слѣдствіе, но виновниковъ не нашелъ. Черезъ мѣсяць, 29 сентября, пожаръ повторился, но захваченъ былъ въ самомъ началѣ. Поджогъ сдѣлалъ сынъ бѣлаго священника, Иванъ Васильевъ Петровъ; жидкій въ монастырѣ; за неудачную попытку онъ получилъ десять ударовъ плетью и отправленъ въ Сибирь на поселеніе³⁾.

Итакъ второе раскольническое „гнѣздо“ надо. Однимъ, — и очень крупнымъ, по взгляду епархіальной власти, — прещетствіемъ къ успешному ходу дѣла единовѣрія въ Саратовскомъ край, стало меньше. Еще оставалось, повидимому, только два прещетствія: существованіе на прежнемъ положеніи Верхняго монастыря и дѣятельность бѣглыхъ священниковъ. Къ устраненію этихъ „прещетвъ“ и направилась дѣятельность саратовской администраціи. Преславацъ

¹⁾ Ibidem, 831, 348.

²⁾ Дѣла Секр. Комит., Vol. V, стр. 293, 296.

³⁾ Арх. канц. губерніи, 1837, № 252, 2, 90.

Иаковъ былъ глубоко убѣжденъ, что его миссіонеры оказали бы несравненно больше успѣховъ, если бы имъ не вредилъ фактъ существованія бѣглыхъ священниковъ. На эту мысль его навели, кажется, сами миссіонеры. По крайней мѣрѣ, прот. Бибиковъ усердно старался въ этомъ духѣ и при всякомъ удобномъ случаѣ сваливалъ вину за недостаточность результатовъ своей дѣятельности на этихъ козловъ отпущенія. Вотъ что между прочимъ рапортовалъ онъ Иакову 14 января 1837 года: „Вольскіе раскольники, не находя словъ противъ предложенныхъ мною истинъ (во время собесѣдованія), одно только говорятъ: „доколѣ у насъ будутъ священники, дозволенные верховнымъ правительствомъ, дотолѣ мы едва ли пожелаемъ принять единовѣріе“... И преосвященный, подготовленный къ чтенію подобныхъ рапортовъ, ни на минуту не задумался надъ этими строками; ему не показалось страннымъ внезапное оскудѣніе въ Вольскѣ умныхъ людей изъ раскольниковъ и непостижимая откровенность, съ какою послѣдніе обнаруживаютъ свою ахиллесову пяту. Нѣтъ, онъ поспѣшилъ сообщить донесеніе Бибикова св. синоду, какъ прекрасную и фактическую иллюстрацію для мысли о необходимости стѣснить до-нельзя или, еще лучше, совсѣмъ уничтожить бѣглыхъ поповъ¹⁾. Приведенный случай не былъ явленіемъ единичнымъ: бѣглые попы часто спасали прот. Бибикова отъ разныхъ неприяностей; для него это былъ своего рода громоотводъ архіерейскаго гнѣва.

Гоненіе на бѣглыхъ поповъ—вотъ чѣмъ озабоченъ былъ преосв. Иаковъ въ 1837 и 1838 годахъ. Онъ нетерпѣливо ждалъ полнаго оскудѣнія священства въ средѣ старообрядцевъ и послѣдствія этого оскудѣнія рисовалъ себѣ и другимъ въ самомъ розовомъ свѣтѣ. Въ этомъ онъ сошелся съ Степановымъ, которому казалось, что всѣ труды администраціи погибнуть даромъ, если Канардовъ съ Пареевьевымъ вернется на Иргиъ. Легко представить себѣ его радость, когда онъ узналъ, что священникъ Калугинъ переходитъ въ единовѣріе,—благодаря этому въ Вольскѣ оставался только одинъ священникъ, Прохоръ Дмитріевъ Любимовъ. Отнятіе у раскольниковъ одного бѣлаго попа казалось ему важнѣе обращенія сотни мирянь. Это была ошибка: Любимовъ и безъ Калугина успѣвалъ исправлять всѣ духовныя требы вольскихъ „христіанъ“, такъ что надобности

¹⁾ Арх. сарат. консист., 1837, № 141, б.

обращаться къ священнику единовѣческому или православному: они не чувствовали. Съ другой стороны, архимѣръ Калугинъ не соблазнилъ никого: до него въ Вольскѣ было 30 человекъ, желающихъ перейти изъ раскола въ единовѣрiе, съ ними стало ихъ 31. И напрасно эти 31 человекъ, величая себя „лучшими гражданами изъ вольскихъ старообрядцевъ“, хлопотали о передачѣ имъ каменнаго храма; напрасно преосвященный хлопоталъ предъ администраціей объ оказаніи содѣйствiя этимъ „благонамѣреннымъ“ гражданамъ: Бибиковъ взглянулъ на нихъ, какъ на ренегатовъ, изъывлявшихъ притязаніе на чужую собственность, и отклонилъ ходатайство о передачѣ храма¹⁾. Но этого мало. Есть основанія сомнѣваться и въ искренности обращенія самого Калугина: по крайней мѣрѣ, болѣе года по принятіи единовѣрiя онъ продолжалъ попрежнему заниматься требосправленіемъ у своихъ прежнихъ духовныхъ дѣтей, пока, наконецъ, въ 1838 году ему не запретилъ этого вольскій городничій Любецкій²⁾. Между тѣмъ эти бывшія духовныя дѣти единовѣрiя не приняли... Съ Прохоромъ Любимовымъ преосв. Іаковъ упорно боролся нѣсколько лѣтъ: это былъ священникъ, пользовавшійся въ Вольскѣ авторитетомъ даже среди православныхъ, человекъ умный, хитрый, осторожный. Узнавъ, что его приглашаютъ въ присутственныя мѣста для привода раскольниковъ къ присягѣ, Іаковъ потребовалъ прекращенія этого „соблазна“³⁾, — это единственная побѣда, которою могъ похвалиться преосвященный; совершенно парализовать дѣйствiя Прохора ему никогда не удалось.

Почти одновременно съ Вольскомъ пришлось обратить усиленное вниманіе на Хвалынскъ, гдѣ поселившійся бѣглый священникъ села Адоевщины, хвалынскаго уѣзда, Иванъ Петровъ, исправлялъ по секрету старообрядцамъ всякія требы⁴⁾. Іаковъ дождался денесенія отъ хвалынскаго благочиннаго Н. Ремезова, въ которомъ общалось, сословъ священника Константина Волевскаго, будто Иванъ Петровъ гермафродитъ, и немедленно сдѣлалъ представленіе св. синоду о необходимости удалить этого урода изъ Хвалынска, такъ какъ, по каноническимъ правиламъ, онъ священствовать никакъ не можетъ⁵⁾. Такая заботливость о соблюденіи церковныхъ каноновъ раскольни-

1) Ibidem, 1837, № 2348.

2) С. И. А., Карт. А., № СХХІХ, л. 11.

3) Арх. канц. губери, 1837, № 50.

4) Арх. консист., 1837, № 430.

5) Ibidem, 1837, № 2298, 5.

как могла бы показаться нѣсколько отрывной въ православномъ епископѣ; если бы не была понятна ея радиял мысль. . . . Наблюдая за Вольскомъ и Хвалынскомъ, преосв. Иаковъ не спускалъ глазъ и съ Иртыза. Уже въ 1837 году онъ донесъ синоду, что въ Верхнемъ монастырѣ богослуженіе отправляется съ колокольнымъ звономъ, и получилъ въ отвѣтъ предложеніе настоятъ предъ мѣстнымъ начальствомъ о прекращеніи этого беззаконія. Губернаторъ остался очень недоволенъ непосредственнымъ обращеніемъ преосвященнаго (за помощью прямо къ синоду и надписалъ на отвѣщеніи Иакова по этому поводу слѣдующую резолюцію: „Почему же преосвященный не халъ ииѣ звить о семъ? Это безъ обремененія св. синода можно бы прекратить, если бы дѣйствительно это было. Просить его преосвященство о семъ на будущее время, а никакому иному иному преставить на видъ такой безпорядокъ“. Съ вытекающей отсюда была подписка о неупотребленіи звона при богослуженіи¹⁾); но онъ вслѣдъ за тѣмъ обратился къ губернатору съ ходатайствомъ о разрѣшеніи звона къ молитвѣ и исправленіи Ансіевъ; но мѣстными обстоятельствами²⁾, нашедши возможнымъ удовлетворить ходатайство. Бибииковъ (однако не согласился³⁾). Не прошло послѣ этого двухъ мѣсяцевъ, какъ преосв. Иаковъ сообщилъ губернатору, что Ансіевъ запретилъ въ Верхнемъ монастырѣ только „формальный“ звонъ, а въ малыхъ колокола звонъ не прекратился; и потому просилъ снять всѣ колокола монастыря и передать ихъ въ Средній монастырь. Бибииковъ исполнилъ первую половину просьбы, но отказалъ во второй; — колокола оставилъ хранить при Верхнемъ монастырѣ, не передавая единавоѣрцамъ³⁾. Далѣе къ началу сентября 1838 года единавоѣрческіе архимандриты Платонъ и Зосима посетили, по порученію архіерея, Верхній монастырь. Въ алтарѣ они встрѣтили замѣчательную чистоту и опрятность, на престолѣ и жертвенникѣ не нашли никакихъ признаковъ пиди. При этомъ въ соображеніи, что инокъ уважаетъ святую и прикосновеніе къ ней неосвященными руками считаютъ за великій грѣхъ, архимандриты пришли къ мысли, что слухъ о нерѣдко бывающемъ въ этомъ монастырѣ секретномъ отправленіи богослуженія по ночамъ вполне справедливъ. Иаковъ тотчасъ потребовалъ произвести слѣд-

¹⁾ Арх. канц. губерніи, 1838, № 252, 1—5.

²⁾ Ibidem, 1839, № 37.

³⁾ Ibidem, 1838, № 218, 7—8.

стие, но исправникъ Ансіевъ, которому предварительно поручено было секретно разузнать дѣло, отвѣтить, что „невозможно нисколько замѣтить отправления богослуженія“, и слѣдствія, во избѣжаніе излишняго шума, назначено не было¹⁾.

Лучше всего въ эти годы было раскольникамъ аткарскаго и балашовскаго уѣздовъ: благодаря близости Земли войска донскаго, они отъ времени до времени получали оттуда бѣглыхъ поповъ и могли, съ грѣхомъ пополамъ, удовлетворить требованіямъ религіознаго чувства. Миссіонеръ Целянскій жаловался неоднократно преосвященному на бѣглаго священника Василя, который набѣжалъ въ Кологривовку, Вазанду и Салтыковку, аткарскаго уѣзда, для совершенія требъ; проживалъ онъ обыкновенно въ Пяти-избинской станицѣ, у отставнаго полковника Денисова, который посылалъ его по воймъ раскольникамъ аткарскаго и балашовскаго уѣздовъ въ сопровожденіи двухъ человекъ, одѣтыхъ въ казачье платье. Пріѣзжалъ сюда иногда и другой священникъ, Александръ. Поймать ихъ довольно трудно, такъ какъ сельское начальство въ Кологривовкѣ и Салтыковкѣ состоитъ изъ раскольниковъ²⁾. Благодаря слабости надзора, въ Ртищевѣ, аткарскаго уѣзда, иргизскій инокъ Питиримъ свободно ходилъ въ монашескомъ платьѣ и ревностно велъ пропаганду раскола³⁾. Бывали разные бѣглые священники и по другимъ мѣстностямъ, но очень рѣдко и осторожно. Такъ по сердобскому уѣзду, у раскольниковъ села Монастырщины, въ 1838 году исправлялъ требы священникъ Стефанъ Провансовъ. Въ 1839 году началось по этому поводу слѣдствіе, тянувшееся очень долго и кончившееся ищью, такъ какъ Провансовъ оставленъ лишь въ подозрѣніи. Слѣдствіе установило, впрочемъ, фактъ, что, живя у своего тестя, священника села Никольскаго, Оомы Сокодова, Провансовъ тайно отлучался къ раскольникамъ сердобскаго уѣзда, по преимуществу въ Монастырщину, и даже ризы бралъ чрезъ тестя своего изъ православной церкви⁴⁾. Старобрядцы Заовьянъ пробавлялись въ это время разстриженными священниками сибирской губерніи, Степаномъ Васильевымъ. Этому священнику возилъ по уѣзду крестьянинъ Петръ Саломовъ, сдѣлавшій изъ него живую

¹⁾ Ibidem, 1—4.

²⁾ Арх. консист., 1838, № 2438, 4—6; № 2439, 1—5.

³⁾ Ibidem, 1837, № 1165, 3.

⁴⁾ Ibidem, 1839, № 1369, 1—107.

статью дохода, такъ какъ получалъ половину всей платы за отправляемыя имъ требы. Салововъ такъ тщательно наблюдалъ за своимъ „батюшкой“, что послѣдній „и для естественной надобности одинъ выпускаемъ не былъ“. На слѣдствіи Васильевъ показалъ, что ему чаще всего приходилось крестить младенцевъ, человѣкъ по 6—20 въ разъ. Крещеніе производилось обыкновенно въ землянкахъ, на сѣнникахъ, въ лѣсу, куда приносилась купель и пристраивался на дерево образъ. Пойманъ онъ былъ въ октябрѣ 1838 года священникомъ Яковомъ Архангельскимъ за совершеніемъ требы, ночью, въ домѣ крестьянина села Богородскаго, николаевскаго уѣзда (этотъ крестьянинъ послѣ 30 лѣтъ жизни въ расколѣ только что принялъ *православіе*). Уголовная палата скоро освободила однако Васильева отъ суда и онъ устроился въ Николаевскѣ у Луки Волковойнова, продолжая отправлять раскольникамъ требы. Мѣстные раскольники оживились духомъ: „Богъ далъ пона!“ Поймать его во второй разъ было очень трудно, ибо раскольники, по словамъ прот. Эллиидинскаго, „блюдали его, какъ какую драгоценность“. И онъ, дѣйствительно, былъ драгоценностью для нихъ: ему приходилось вѣнчать разомъ по 28 паръ,—такъ сильно чувствовалась надобность въ священникахъ. Вѣнчаніе производилось въ степи или въ лѣсу въ особой полотняной палаткѣ, со столомъ— вмѣсто аналоя и съ иконами—вмѣсто вѣнцовъ¹⁾.

Если къ перечисленнымъ бѣглымъ священникамъ, которыми могли пользоваться саратовскіе старообрядцы, прибавить еще двоихъ—въ Саратовѣ и Кузнецкѣ²⁾,— то это будутъ всѣ, которыхъ мы знаемъ за это время въ Саратовскомъ краѣ. Есть основаніе полагать, что больше ихъ и не было: прессы. Яковъ съ помощью своихъ миссіонеровъ слишкомъ пристально слѣдилъ за ними, чтобы пропустить кого-нибудь. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что 5—6 священниковъ на всю многотысячную массу саратовскихъ поповцевъ было крайне недостаточно. Недостаточность эта скоро обнаружилась. Уже въ 1838 году мереметевскіе раскольники, аткарскаго уѣзда, въ количествѣ 364 душъ, пришли къ убѣжденію, что часовня святѣе церкви. Крещеніе у нихъ отправляютъ бабки, миропомазанія нѣтъ, исповѣдь совершаютъ начетчики по скитскому по-

1) Ibidem, 1838, № 2775, 1—82.

2) Указъ сар. конс., 25 іюня 1837, № 4653.

каянiю, приобщаются они „большой богоявленской водой“¹⁾. Къ 1841 году подобное явленiе наблюдалось и за Волгой: свадьбы тамъ перестали вѣнчать. Обычай этотъ укоренился до такой степени, что увѣщанiя духовенства оставались безъ результатовъ и Элпидинскiй находилъ одно только дѣйствительное средство противодѣйствовать развивавшемуся „безобразiю“,—это развестъ всѣ незаконныя купножительства раскольниковъ²⁾, но на такую рѣшительную мѣру преосв. Иаковъ не пошелъ. Часть заволжскихъ старообрядцевъ, въ количествѣ 10.000 душъ, въ концѣ 1838 года подала прошенiе министру внутреннихъ дѣлъ о разрѣшенiи ѣздить съ требами въ Хвалынскъ и Вольскъ, къ находящимся тамъ бѣглымъ священникамъ: по взятiи Средняго монастыря для нихъ,—пишутъ они,—„настала эпоха нравственныхъ страданiй и долговременнаго испытанiя, которое повергло ихъ въ совершенное унынiе“. Прошенiе было удовлетворено. Вслѣдъ затѣмъ и хвалынскiе старообрядцы, оставшись безъ пастыря за обращенiемъ въ единовѣрiе ихъ единственнаго священника, обратились къ губернатору съ просьбой о дозволенiи ѣздить за исправленiемъ требъ въ Вольскъ. Разрѣшенiе тоже было дано. Съ такою же просьбой обращались потомъ нѣсколько сельскихъ обществъ заволжскаго края, числомъ до 3.338 душъ, и 1500 человекъ кузнецкихъ старообрядцевъ, лишившихся своего священника, и всѣ эти просьбы были уважены³⁾. Позже другихъ возбудили подобное ходатайство саратовскiе старообрядцы съ Уфимцевымъ, Жуковымъ, Губинымъ и Масленниковымъ во главѣ, потому что у нихъ ушелъ священникъ Федоровскiй; губернаторъ удовлетворилъ⁴⁾. Даже Силуанъ съ братiей просилъ Бибикова разрѣшить имъ или обращаться въ Саратовъ и Вольскъ съ необходимыми требами, или приглашать къ себѣ въ монастырь старообрядческихъ священниковъ, хотя бы на самое короткое время. Ни на то, ни на другое Бибиковъ не согласился⁵⁾. Дубовскiе старообрядцы—такъ тѣ отправили въ Петербургъ Иерофея Кочедыкова, болѣе извѣстнаго подъ именемъ „Христiанина“, хлопотать прямо о дарованiи имъ права имѣть бѣглыхъ священниковъ⁶⁾ и, когда эти хлопоты остались безуспѣшны,

¹⁾ Арх. конс., 1838, № 817, 9.

²⁾ Ibidem, 1838, № 2775, 105.

³⁾ Арх. канц. губери., 1839, № 22, 4—19; № 30, 2—3.

⁴⁾ Ibidem, 1840, № 495, 1—2.

⁵⁾ Ibidem, 1838, № 107, 1—2.

⁶⁾ Прилож. къ отч. гр. Стевбока.

то жачала безъ всякихъ разрѣшеній ѣздить за отпрощеніемъ иудейныхъ требъ въ Ростовъ на-Дону, гдѣ при часовнѣ былъ бѣглый священникъ Пальмовъ¹⁾. Затруднительные поиски бѣглыхъ священниковъ, дороговизна ихъ услугъ, полицейскія преслѣдованія—все это заставляло многихъ старообрядцевъ идти на компромиссъ съ православіемъ, принимать единовѣріе, но что это было за компромиссъ, какъ выполнялись условія его—объ этомъ можно судить по слѣдующему примѣру. Въ ноябрѣ 1838 года присоединились къ единовѣрію 165 душъ крестьянъ села Краснаго Яра, Новоузенскаго уѣзда. Къ нимъ опредѣленъ единовѣрческій священникъ Иванъ Виноградовъ; но въ январѣ 1839 года новоприсоединенные жалуется уже, что о. Виноградовъ „неопытенъ служить по старообрядчески“ и просятъ взять его, а въ сентябрѣ мѣсяцѣ самъ Виноградовъ подаетъ прошеніе объ увольненіи за штатъ, такъ какъ единовѣрія въ Красномъ Яру совершенно нѣтъ и дѣлать священнику тамъ нечего; единовѣрцы попрежнему исправляютъ свои обряды,—сами совершаютъ крещеніе, сами вѣнчаютъ браки; священникъ существуетъ у нихъ только на показъ полиціи и духовнымъ властямъ²⁾.

Для поддержанія бодрости духа въ увнѣвающихъ, старообрядцы все чаще и чаще стали выпускать въ свѣтъ подложные указы и манифесты о дозволеніи имѣть имъ бѣглыхъ священниковъ по сношенію съ гражданскою властью; все чаще и усилѣннѣе стали они распространять слухи о чудесахъ, въ родѣ истеченія крови изъ иконы Богоматери³⁾. Начинались слѣдствія, списывались цѣлыя томы, виновники наказывались, но сѣмя надежды западало въ душу массъ и поддерживало въ тяжелыя минуты кризиса; когда же кривись было передать, то самые слабые духомъ ободрялись и становились недреклонными⁴⁾. Напрасно духовная власть преслѣдовала съ поразительнымъ усердіемъ бѣглыхъ священниковъ; напрасно „для достиженія благой цѣли обращенія заблудшихъ на путь истины“ отырыли, по высочайшему повелѣнію отъ 5 мая 1839 года, въ Саратовѣ совѣщательный секретный комитетъ по дѣланъ раскола⁵⁾; напрасно полиція со всѣмъ усердіемъ „содѣйствовала“ миссіонерамъ; напрасно миссіонеры причины неуспѣховъ единовѣрія

¹⁾ Арх. канц. губерніи, 1838, № 112.

²⁾ Арх. канц., 1838, № 2642, 1^а 29.

³⁾ Дѣло волжск. магистр., 1845, № 233.

⁴⁾ Арх. губ. правл., I, 146, № 1661; II, 196, № 479.

⁵⁾ Собр. постанов., по вѣд. М. В. Д., 234.

сваливали на личную ответственность тѣхъ или другихъ коноводовъ раскола: такъ прот. Бибиковь, въ проѣздъ чрезъ Вольскъ въ августѣ 1838 года министра государственныхъ имуществъ, П. Д. Киселева, слабое развитіе единовѣрія въ этой мѣстности прямо объяснялъ ему противодействіемъ Курсакова, Суегина, Волковойнова и священ. Прохора Любимова¹⁾; такъ священ. Андрей Клементовъ въ рапортѣ Іакову отъ 12 декабря 1838 года писалъ, что на Силуанѣ „вся заволжская страна виждетъ богомерзкій расколъ свой“²⁾; —напрасно все это: всѣмъ этимъ расколъ только оторвали на время отъ почвы, пошатнули его въ сторону, заставили пережить „эпоху нравственныхъ страданій“, но не приблизили ни на одну юту къ православію, скорѣе, напротивъ, отдалили отъ него....

Въ то время, какъ епархіальная власть энергично боролась съ расколомъ и ежедневно обращалась за содѣйствіемъ къ полиціи, въ то время, какъ она отирала ожесточенную травлю сѣдыхъ священниковъ, въ то время, какъ она со дня на день ждала невиданнаго еще успѣха единовѣрія и пребывала въ сладкой увѣренности, что нужда—суровая нужда—сломить, наконецъ, упорство козлищъ русской церкви и, противъ воли, сопричислить ихъ къ овцамъ, раскольники изъ всѣхъ силъ дѣйствовали въ диаметрально противоположномъ направленіи. Вѣковая братоубійственная вражда достигла, казалось, здѣсь кульминаціоннаго пункта въ своемъ развитіи. Ожесточенная, непримиримая борьба кипѣла повсюду. Силы борцовъ были неравныя: гоненію старообрядца могли противопоставить только безразличное, все-выносящее терпѣніе, давленію—скрытую, подпольную пропаганду, нуждѣ—надежду. И сила матеріальная столкнулась съ силой моральной, и ярмо власти разбилось о силу проповѣди, о могущество слова, убѣжденія. Въ самомъ дѣлѣ, какое въ высшей степени поучительное зрѣлище представляетъ собой эта страница изъ жизни саратовскаго старообрядчества! Самымъ неблагоприятнымъ образомъ складывались условія, а старообрядчество не только устояло на занятыхъ позиціяхъ, но даже раздвинуло предѣлы своихъ владѣній. Вѣковыя ошибки ревнителей православія и все-превозмогающее усердіе фанатиковъ раскола—вотъ два коренныя условія, содѣйствовавшія этому поразительному и на первый разъ

¹⁾ № 3774, 399—400.

²⁾ Арх. ковс., 1838, № 835, 10.

невозможному явленію. Этотъ монастырскій бунтъ, залитый холодной водой и кровью, эти административныя высылки, это тасканіе по судамъ, это гоненіе на свободу совѣсти и убѣжденія—все это роняло въ глазахъ массы уваженіе къ православію, все это вызывало въ ней симпатію къ гонимымъ раскольникамъ. „Не та вѣра правая, которая гонитъ, а та вѣра правая, которую гонятъ“,—вотъ мысль, на которую съ удовольствіемъ откликнулся русскій народъ и которую усердно твердили ему проповѣдники и „исповѣдники“ старообрядчества. А проповѣдниковъ этихъ было не мало. „Цыплята“ всѣхъ возрастовъ расподѣлились по всѣмъ направленіямъ изъ трехъ разрушенныхъ гнѣздъ „суевѣрія“ и не теряли времени даромъ. Благодаря въ значительной мѣрѣ ихъ трудамъ, къ 1840 году движеніе въ саратовскомъ расколѣ проявилось съ страшной силой; бурной волной прокатилось оно изъ одного конца его въ другой. А власти не поняли внутреннихъ мотивовъ этого массоваго движенія, не вникли, какъ слѣдуетъ, въ психологію народа и все объясняли причинами вѣшними, все ставили въ зависимость отъ личности. Этотъ примитивный способъ мышленія, эта святая простота въ объясненіи общественно-религіознаго явленія и привели къ уничтоженію послѣднихъ иргизскихъ гнѣздъ:—Преображенскаго и Покровскаго монастырей. Нижній монастырь обманулъ надежды кн. Голицына и преосв. Моисея, Средній—не оправдалъ чаяній преосв. Іакова и Стенанова. Подмѣтить это было не трудно, но люди никогда не научаются вполнѣ.

Замѣчая все расширяющееся броженіе въ старообрядческой средѣ, слыша объ увеличеніи старообрядческой пропаганды, о славѣ, которая покрывала два уцѣлѣвшіе иргизскіе монастыря, Бибииковъ объяснялъ себѣ безуспѣшность принятыхъ для борьбы съ расколомъ въ Саратовскомъ краѣ мѣръ вліяніемъ на умы мѣстныхъ поповцевъ со стороны этихъ монастырей и пришелъ къ мысли о необходимости упразднить ихъ. Упраздненіемъ разомъ достигался двойной результатъ: прежде всего исполнялась воля государя, приказавшаго ему, какъ мы знаемъ, не упускать изъ виду возможности покончить съ Иргизомъ, а потомъ обеспечивалась успѣшность противораскольнической дѣятельности духовенства. Мысль была соблазнительная и въ 1839 году Бибииковъ предложилъ правительству взяться за осуществленіе ея, ограничивъ на первый

равъ число монаховъ Покровскаго монастыря только тѣмъ, которые приписаны къ нему по восьмой ревизіи. Секретный комитетъ согласился на сдѣланное предложеніе, но съ тѣмъ ограниченіемъ, что велѣлъ оставить при монастырѣ всѣхъ старицъ свыше 60 лѣтъ¹⁾. Изъ 196 обитательницъ Покровскаго монастыря (въ томъ числѣ 141 инокиня) свыше установленной комитетомъ нормы оказалось 57 человекъ, которые и подлежали оставленію при монастырѣ; это все были ветераны обители, безвыходно жившіе тутъ съ 1778, 1779, 1780, 1782, 1784 года и т. д. Но кромѣ нихъ отыскались еще десять человекъ безродныхъ калѣвъ, которымъ было некуда больше дѣваться, кромѣ келій обители; всѣ остальные 129 человекъ были удалены въ мѣста первоначальнаго жительства²⁾. Это распоряженіе явилось началомъ конца. Велѣдъ за нимъ, въ томъ же 1839 году, 28 ноября, министръ государственныхъ имуществъ, гр. Киселевъ, настроенный противъ раскола прот. Вибяковымъ во время вольскаго свиданія съ нимъ, внесъ предложеніе въ секретный комитетъ уничтожить окончательно оба Верхнихъ монастыря и жителей обратить въ казенныхъ крестьянъ, а лишнюю за нарѣзкой по числу душъ землю отобрать въ казенное завѣдываніе. Не забывшій еще исторіи предыдущаго обращенія, комитетъ нашелъ невозможнымъ принять это предложеніе безъ предварительнаго сношенія съ саратовскимъ секретнымъ совѣщательнымъ комитетомъ о раскольникахъ. Государь подписалъ карандашемъ на поляхъ журнала: „нужна крайняя осторожность“³⁾. Гр. Киселевъ, которому поручено было комитетомъ собрать предварительныя свидѣнія о времени и способѣ упраздненія послѣдняго монастыря, обратился за ними къ саратовскому губернскому начальству и мѣстный секретный совѣщательный комитетъ, обеудивъ въ засѣданіяхъ своихъ 16 января и 26 апрѣля 1840 года вопросъ о присоединеніи, пришелъ къ выводу, что упразднить можно въ любой моментъ, такъ какъ препятствій къ этому никакихъ нѣтъ. По мнѣнію саратовскаго комитета, все дѣло въ томъ, чтобы объявить высочайшую волю о закрытіи монастыря внезапно и на мѣстѣ. Настоятель по секрету говорилъ, что онъ не прочь бы принять единавѣріе, если бы братія согласилась,

¹⁾ Дѣла Секр. Комит., Vol. IX, л. 463.

²⁾ Ibidem, Vol. X, стр. 349; Арх. канц. губерніи, 1839, № 41, 10, 86.

³⁾ Дѣла Секр. Комит., Vol. IX, л. 494.

но братія не соглашается¹⁾). Но взгляду архидіакона, монастырь нужно для утверженія единовѣрія въ Заволжьи обратить въ православный. Последнее предложеніе министръ государственныхъ имуществъ, внесшіи протоколы 16 января и 26 апрѣля на разсмотрѣніе секретнаго комитета, въ засѣданіи 8 апрѣля 1841 года, находилъ неудобнымъ, потому что тогда приписанные къ монастырю крестьяне остались бы безъ всякаго надзора и безъ средствъ къ существованію, разъ земля должна отойти къ монастырю. Равно мѣрно отвергъ онъ и предложеніе управляющаго палатой государственныхъ имуществъ, Фадѣева, разослать монаховъ на мѣсто родины, такъ какъ эта мѣра можетъ показаться раскольникамъ слишкомъ крутой и несообразной съ бывшей долготѣ терпимостью къ расколу; къ тому же и прежнія общества могутъ не согласиться на принятіе ихъ. Между тѣмъ „для утверженія православія въ городахъ и селахъ существуютъ приходскіе священники“. Онъ предложилъ обратить монастырь въ единовѣрческій, тѣмъ болѣе что признаніе Силуана даетъ надежду на принятіе единовѣрія иными высшнихъ начальственныхъ лицъ въ монастырь, если имъ сохранены будутъ занимаемыя ими теперь мѣста. Всѣхъ проживающихъ по паспортамъ, если примутъ единовѣріе, оставить при монастырѣ, съ платежомъ за нихъ повинностей до новой ревизіи; изъ монастырскихъ доходовъ уплачивать подати и повинности и за приписанныхъ къ монастырю государственныхъ крестьянъ, съ тѣмъ, чтобы принявшіе единовѣріе, какъ государственные крестьяне, такъ и неприписанные къ монастырю, но неимѣющіе возможности заработать пропитаніе, помѣщены были въ богадѣльнѣ при монастырѣ. Въ виду неизвестности ему саратовскаго губернатора, Киселевъ боялся за успѣхъ и предложилъ замѣнить его управляющимъ саратовской палатой государственныхъ имуществъ, А. М. Фадѣевымъ. Комитетъ согласился со всѣми предложеніями графа и поручилъ ему дѣйствовать по предварительному соглашенію съ министромъ внутреннихъ дѣлъ²⁾.

¹⁾ Какъ помирить съ этимъ утвержденіемъ саратовскаго секретнаго комитета фактъ подачи Силуаномъ въ 1840 году архимандриту Платону и Зосимѣ „Изясненія причинъ, по которымъ не могутъ въ Россіи живущіе епархіоподданные христіане, такъ называемые старообрядцы, принять правила, заповѣди и священство единовѣрческой церкви?“ (см. прилож. № 1). Или оно подано позже 26 апрѣля? Текстъ этого „Изясненія“ написанъ, по словамъ Іакова, саратовскимъ мѣщаниномъ Леонтіемъ Гавриловымъ, поморцемъ (№ 8774, 384), а по словамъ рукописи № 8, хранящейся въ библиотекѣ М. В. Д., Авдотіемъ Кочуевымъ. *Прим. авт.*

²⁾ Дѣла Секр. Комит., Vol. X, стр. 608—608.

Фадѣевъ немедленно былъ назначенъ саратовскимъ губернаторомъ, а 27 апрѣля государь императоръ повелѣлъ: 1) Верхній монастырь, за смертью послѣднихъ иноковъ, значившихся въ реестрѣ 1797 года, и за прекращеніемъ въ немъ богослуженія, обратить въ единовѣрческій, перевести въ него, если окажется нужнымъ, нѣсколько иноковъ изъ другого единовѣрческаго монастыря и опредѣлить, по усмотрѣнію епархіальнаго начальства, особаго священника. 2) Начальствующихъ теперь въ монастырѣ лицъ, если присоединятся къ единовѣрью, оставить въ ихъ должности и вносить за нихъ подати и повинности до новой ревизіи изъ монастырскихъ доходовъ. 3) Оставить въ монастырѣ на томъ же условіи и другихъ живущихъ тамъ лицъ. 4) Изъ монастырскихъ же доходовъ уплачивать подати и за всѣхъ приписанныхъ къ монастырю государственныхъ крестьянъ, съ тѣмъ, чтобы не согласившіеся на принятіе единовѣрія, равно какъ и неимѣющіе возможности получить себѣ гдѣ-нибудь пріютъ изъ числа живущихъ въ монастырѣ по паспортамъ, были помѣщены въ богадѣльнѣ при этомъ монастырѣ. 5) Покровский монастырь обратить въ единовѣрческую обитель, возложить отправление службы и требъ на священника Преображенскаго монастыря. 6) Всѣхъ непріемлющихъ единовѣрія инокииъ разослать по ихъ семействамъ, а безпріютныхъ, престарѣлыхъ и немощныхъ помѣстить въ особой женской богадѣльнѣ, на счетъ монастырскихъ доходовъ. 7) Отмежеванныя въ 1801 году земли оставить монастырю. 8) Приведеніе въ исполненіе всѣхъ этихъ распоряженій возложить на саратовскаго губернатора, архіерея и управляющаго палатой государственныхъ имуществъ¹⁾.

Киселевъ немедленно сообщилъ это высочайшее повелѣніе управляющему министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, гр. Строганову, а тотъ въ свою очередь 7 мая сообщилъ его Фадѣеву и писалъ при этомъ, что на основаніи словесно выраженной высочайшей воли дѣло обращенія поручено губернатору подъ личной его отвѣтственностью. Фадѣеву вмѣнялось въ обязанность не приступать ни къ чему безъ предварительнаго совѣщанія въ саратовскомъ секретномъ комитетѣ съ епархіальнымъ архіереемъ и управляющимъ государственными имуществами, такъ какъ въ 1837 году несвоевременное распоряженіе губернскихъ властей въ связи съ огласкою задуманнаго дѣла по-

¹⁾ С. И. А., № 14, 3—4.

служило поводомъ къ возникновенію на Ирғизѣ крупныхъ безпорядковъ¹⁾. Фадѣевъ получилъ предписаніе министра 21 мая и тотчасъ приступилъ къ дѣйствіямъ. Прежде всего онъ сообщилъ высочайшее повелѣніе преосвященному. Вдвоемъ съ нимъ они рѣшили, что для обезпеченія успѣха необходимы два условія: „1) внезапность и начаянность исполненія въ отношеніи къ обитателямъ монастыря, и отвращеніе всякаго пренятствія къ исполненію во время самаго приведенія въ дѣйствіе; 2) уничтоженіе моральной причины покупанія окрестныхъ старообрядцевъ къ возвращенію монастыря въ старообрядчество и отвращеніе какихъ-либо со стороны ихъ безпокойствъ послѣ обращенія“. Для достиженія перваго необходимо соблюденіе глубокой тайны и тщательная маскировка предварительныхъ распоряженій; для достиженія втораго—скорѣйшее вступленіе единовѣрческаго духовенства въ церкви и окропленіе ихъ святой водой,—святыня старообрядческая тогда будетъ въ глазахъ старообрядцевъ осквернена. Старообрядцы дорожатъ своими церквами только до тѣхъ поръ, пока не послѣдуетъ освященія ихъ единовѣрческимъ духовенствомъ²⁾. Іаковъ назначилъ присоединять монастырь арх. Платона и прот. Ѳ. С. Вязовскаго. Подробная инструкция и копія съ высочайшаго повелѣнія были вручены Вязовскому для личной передачи архимандриту. Въ то же время Фадѣевъ послалъ предписаніе новоузенскому окружному начальнику отправиться въ Николаевскъ и ждать тамъ его пріѣзда. Къ предписанію приложены были двѣ бумаги въ незапечатанныхъ конвертахъ для передачи Николаевскому городничему и и. д. Николаевскаго окружнаго начальника; въ послѣдней содержались распоряженія о заготовленіи 12 лошадей на почтовомъ трактѣ для губернатора и свиты, отправляющихся на границу губерніи для переговоровъ съ орэнбургскимъ генералъ-губернаторомъ о башкирскихъ земляхъ, и о задержаніи въ Николаевскѣ головъ малошереконской и толстовской волостей до губернаторскаго пріѣзда. Отправивъ эти распоряженія въ Николаевскъ, Фадѣевъ распустилъ въ Саратовѣ слухъ, что ѣдетъ въ кузнецкій уѣздъ вмѣстѣ съ жандармскимъ майоромъ Есиновымъ для усмиренія крестьянскихъ безпорядковъ. Только 25 мая онъ сообщилъ саратовскому исправнику, что заготовленныхъ по кузнецкому тракту лошадей можно распустить, такъ какъ поѣздка отложена,

¹⁾ Ibidem, 5—8.

²⁾ Ibidem, 74—75.

и въ этотъ же день выѣхалъ въ Вольскъ, напутствуемый благожеланіями Іакова и двумя секретно переданными записочками его: „Книги и зловредныя тетради у жильцовъ монастыря полезно отобрать и представить, куда слѣдуетъ, на разсмогрѣніе. Богъ да благословитъ путь вашъ!“ писалъ Іаковъ въ первой изъ нихъ. „Если на озерѣ Калачѣ принять лодку, на которой монастырскія бабы переѣзжаютъ въ мужской монастырь, если поставить штыка три—четыре на мосту монастырской мельницы, то доступъ къ мужскому Спасо-Преображенскому монастырю для постороннихъ людей совершенно будетъ невозможенъ. Жандармъ можетъ при лодкѣ на Калачѣ покушаться. Нужно обратить вниманіе на Толстовку,—село, изобилующее раскольниками и недалекое отъ Давыдовки. Благословеніе Господне да будетъ на васъ!“ писалъ онъ во второй¹⁾. На другой день Фадѣевъ былъ уже въ Вольскѣ, гдѣ и потребовалъ отъ начальника инвалидной команды 12 человекъ рядовыхъ съ однимъ благонадежнымъ унтеръ-офицеромъ для отправленія въ николаевскій уѣздъ, а отъ удѣльнаго чиновника Краснова—распоряженіе заготовить по всемъ селеніямъ удѣльнаго вѣдомства на пути отъ Балакова до села Подъема 12 лошадей подъ экипажъ губернатора и шесть троекъ подъ провозъ нарочныхъ, чиновниковъ и командъ. Этихъ лошадей запрещалось давать кому бы то ни было, равно какъ велѣно остановить и всякую пересылку писемъ и посылокъ по этому тракту посредствомъ обывательскихъ подводъ. Сходное съ этимъ предписаніе получилъ и вольскій исправникъ Безобразовъ. Ему поручалось наблюдать, чтобы почтовыхъ лошадей по тракту до Балакова, впредь до возвращенія губернатора въ Вольскъ, никому даваемо не было, чтобы „партикулярнымъ“ проѣзжающимъ обывательскія подводы не отпускались и письма и посылки отъ нихъ не принимались²⁾. Затѣмъ Фадѣевъ уѣхалъ въ Николаевскъ.

Прот. Вязовскій 26 мая прибылъ въ Нижній монастырь и вручилъ арх. Платону секретное предписаніе преосвященнаго. Въ тотъ же день оба они отправились въ Никольскій единовѣрческій монастырь и на утро, 27 числа, обсудили тамъ вмѣстѣ съ и. д. настоятеля этого монастыря, Арсеніемъ, мѣры и назначили время для завладѣнія Верхнимъ монастыремъ,—10 часовъ утра слѣдующаго

¹⁾ Ibidem, 28—29.

²⁾ Ibidem, 12—17.

дня¹⁾. Предметы совѣщанія и принятыя рѣшенія видны изъ переданной ими Фадѣеву по секрету записки: 1) Утренняя въ монастырѣ начинается въ 3, а оканчивается въ 6 часовъ; часы начинаются въ 9, а оканчиваются въ 11 часовъ и монашествующіе, даже занятые нѣкоторыми монастырскими послушаніями, къ 10 часамъ непременно собираются въ храмъ; это время представляется наиболѣе удобнымъ для вступленія въ монастырь. 2) Въ началѣ 11-го архимандритъ съ прочими будетъ находиться близъ монастыря; у плотины. 3) Изъ мужскаго монастыря въ женскій ведутъ двѣ дороги, — на лодкахъ чрезъ озеро и кругомъ озера, чрезъ лѣсъ; въ этихъ двухъ мѣстахъ необходимъ караулъ. 4) Изъ пузановскихъ, николаевскихъ и давыдовскихъ старообрядцевъ ждать сопротивленія ни отъ кого нельзя. 5) Изъ чиновниковъ особенно благонадеженъ окружный начальникъ Воробьевъ, хотя и о другихъ ничего дурного сказать нельзя. 6) Изъ монастырскаго начальства наименѣ упорны уставщики Веніаминъ и Трифілій, настоятель же Сидуанъ²⁾, уставщики Аванасій и Платонъ — „одного духа — противленія“. 7) Если губернаторъ не согласится на избранное время, то ждать отъ него приказанія³⁾. Между тѣмъ губернаторъ весь день 27-го провелъ въ Николаевскѣ, осматривалъ присутственные мѣста и подъ рукою распуская слухъ, что прибылъ для обозрѣнія башкирскихъ земель. Въ 11 часовъ ночи онъ пригласилъ къ себѣ николаевского городничаго, земскаго исправника и начальника окружнаго управленія казенныхъ крестьянъ и порознь каждому изъ нихъ объявилъ по секрету настоящую цѣль своего прибытія: По городу рѣшили распространять слухъ, что бѣжали пять человекъ арестантовъ. Городничій распорядился, якобы для поимки ихъ, оцѣпить городъ коннымъ и пѣшимъ карауломъ и, собравъ всѣ лодки и перевозны на городскомъ берегу Иргиза, запретилъ горожанамъ переправляться за рѣку, въ сторону Преображенскаго монастыря. Всю ночь 27-го и день 28-го онъ лично наблюдалъ за карауломъ. Между тѣмъ исправникъ и окружный начальникъ

1) № 3774, 403. — „Историческое извѣстіе“ объ обращеніи Верхняго монастыря, составленное іеромонахомъ Арсеніемъ.

2) Сидуанъ, назначенный настоятелемъ, очевидно, по старой памяти: къ концу декабря 1840 года онъ, по разстроенному здоровью и упадку силъ, отказался отъ этой должности и на его мѣсто общимъ соборомъ инокъ избранъ былъ Аванасій, съ тѣмъ, чтобы онъ управлялъ на одинакихъ условіяхъ съ предшественникомъ, не измѣняя обрядовъ и вѣры (Арх. канц. губерніи, 1841, № 514, 2).

3) С. И. Д., № 14, 33.

нарядили въ число понатыхъ на межу Башкирскихъ земель, въ 25 верстѣ отъ монастыря; плавныхъ крестьянъ-раскольниковъ Пузановки и Давыдовки, ближайшихъ къ монастырю селеній. Затѣмъ на разсвѣтъ 28-го оцѣнили Преображенскій и Покровскій монастыри карауломъ изъ 200 понатыхъ православнаго неповѣданія. Жандармскій майоръ Есиповъ, наканунѣ побывавшій въ монастыряхъ, теперь опять посѣтилъ ихъ и напомнлъ, что ни монахи ни монахини ничего не знаютъ. Даже сами понатые, разставленные въ дѣбу и кустарникахъ вокругъ монастыря, были убѣждены, что ихъ помѣстали тутъ для отысканія какихъ-то сбѣгшихъ арестантовъ. Къ 6 часамъ все было готово и губернаторъ отправился въ монастырь, распорядился явивъ, чтобы и Платонъ явился туда къ 7 часамъ, вмѣсто назначенныхъ раньше 10 часовъ утра. Платонъ, взявъ съ собой Арсенія, одного іеромонаха, одного священника, одного дьякона и четверыхъ илпротанъ, отправился вмѣстѣ съ ними изъ Никольскаго монастыря въ закрытыхъ повозкахъ черезъ городъ и въ 7 часовъ остановился близъ Преображенскаго монастыря въ ожиданіи дальнѣйшихъ распоряженій губернатора. Утренняя кончается уже, когда экипажъ Фадѣева подкатился къ воротамъ монастыря. Губернаторъ попросилъ всѣхъ иноковъ для необходимости съ ними бесѣды* собраться въ церковь и едва исполнили это иноки, какъ Есиповъ поставилъ караулъ изъ солдатъ у монастырскихъ воротъ, у церкви, ризницы и колокольной и отправился за арх. Платономъ. Въ то же время губернаторъ читалъ въ церкви высочайшее повелѣніе о монастырѣ и отбиралъ у каждаго порознь заявленіе о согласіи или несогласіи на единоовріе. Всѣ иноки, говоритъ Фадѣевъ, „приняли высочайшее повелѣніе, по крайней мѣрѣ, наружно съ покорностью и смиреніемъ, но присоединиться къ единооврію не согласились“¹⁾, ибо „не приготовили еще своего совѣсть оставить предковъ своихъ отдѣленіе отъ церкви россійской и подчиниться епархіальному начальству“²⁾. Въ это время въ церковь вошелъ арх. Платонъ съ своимъ духовенствомъ. Губернаторъ прочиталъ ему высочайшее повелѣніе въ присутствіи иноковъ. Платонъ началъ утѣшать иноковъ принять единоовріе и, когда это не имъ подѣйствовало, немедленно въ полномъ обращеніи отслужилъ молебенъ

¹⁾ Ibidem, 76.

²⁾ № 3774, 404.

белъ и окропилъ церковь и алтарь святой водой. Затѣмъ, съ цѣлью показать инокамъ суетность ихъ свитыни и мнимую древность церкви, вынесъ для осмотра лежавшій на престолѣ антиминь, оказавшійся безъ мощей и подписи архіерея. Силуану дано было приказаніе сохранять спокойствіе въ средѣ монастырскихъ жителей впредь до дальнѣйшихъ распоряженій; въ монастырѣ оставленъ военный караулъ и губернаторъ отправился въ женскій монастырь, пригласивъ Платона прибыть вслѣдъ за нимъ. Платонъ оставилъ часть духовенства въ Преображенскомъ монастырѣ, а съ остальными поѣхалъ за губернаторомъ. Не входя въ женскую обитель, онъ остановился около нея, ожидая, когда пововутъ его. Между тѣмъ Фадѣевъ объявилъ собравшимся въ часовню монахинямъ и настоятельница Надеждѣ о цѣли своего прибытія и убѣждалъ ихъ принять единовѣріе. Результатъ былъ тотъ же, что и въ Преображенскомъ монастырѣ: Надежда и всѣ сестры отвѣчали, что часовню со всѣмъ ея имуществомъ передать начальству согласны, но единовѣрія принять не могутъ; вмѣстѣ съ тѣмъ онѣ просили разрѣшенія возвратиться въ свои родныя семьи, брошенныя ради души спасенія. Тогда опять приглашенъ былъ Платонъ, отслуженъ молебенъ и часовня окроплена святой водой. По распоряженію исправника, всѣ монахини и бѣлицы въ теченіи 3 дней удалились изъ монастыря, распродавъ лично или черезъ родныхъ свои кельи и огороды, такъ что на мѣстѣ монастыря осталась одна часовня, имѣя которой иконы, ризница и книги вмѣстѣ съ небольшимъ пятипудовымъ колоколомъ были перевезены въ Преображенскій монастырь¹⁾. Присоединивъ женскій монастырь, архимандритъ приступилъ къ принятію монастырскаго имущества. Въ мужскомъ монастырѣ оказалось имущества значительно больше, чѣмъ сколько значилось его по описямъ. Передавая объ этомъ въ представленіи министру внутреннѣхъ дѣлъ, Фадѣевъ прибавляетъ: „нельзя пройти молчаніемъ здѣсь странность, быть можетъ, преднамѣреннаго, но не менѣе того неожиданнаго поступка бывшаго настоятеля Силуана. Человѣкъ этотъ, обладающій замѣчательнымъ по происхожденію его природнымъ умомъ, въ теченіи многихъ лѣтъ производившій сильное вліяніе на приверженцевъ старообрядчества, по окончаніи почти уже описи, обратился ко мнѣ и архимандриту съ убѣдительною просьбой

¹⁾ Ibidem, 405—406.

принять въ казну церкви сохранившіяся у него пожертвованныя въ разное время деньги, 7.800 руб., заключавшіяся въ билетахъ сохранившеи казны на имя неизвѣстнаго; онъ присовокупилъ, что къ этому не обязываетъ его никакая формальность, но единственно по желанію очистить совѣсть и показать, что онъ вполне чувствуетъ, какъ и всѣ его единомышленники, всю кротость и умѣренность мѣръ, которыми приведена въ исполненіе неизмѣнная высочайшая воля государя¹⁾.

Въ этотъ же день старообрядцамъ Николаевска и сосѣднихъ деревень объявлено было о приведеніи въ исполненіе высочайшаго повелѣнія относительно Верхнихъ монастырей, объ освященіи въ нихъ церквей и объ открытіи единовѣрческаго богослуженія. Въ видахъ предупрежденія волненія умовъ имъ объяснили, что это присоединеніе не имѣетъ никакого соотношенія съ религіознымъ положеніемъ старообрядцевъ и не повлечетъ за собой поголовнаго обращенія ихъ въ единовѣрчіе. Это имѣло хорошее вліяніе на раскольниковъ и они встрѣтили извѣстіе о совершившемся, несомнѣнно нежелательномъ для нихъ фактѣ, тихо и покорно. Покорность иноковъ и инокинь волѣ правительства оказалось полезною для нихъ въ томъ отношеніи, что губернаторъ, къ виду ея, „счелъ возможнымъ и даже, въ преднамѣреніи смягченія ожесточенныхъ давними предразсудками умовъ, полезнымъ предоставить имъ полное распоряженіе оказавшимся у нихъ на лицо движимымъ имуществомъ“. Отобраны были только книги и рукописныя тетрадки, да иноческія одѣянія. Изъ 15 иноковъ въ монастырѣ впредь до распоряженія оставлено 13, изъ 27 бѣльцовъ—10. Для надзора за ними и для охраненія монастыря отъ покушенія со стороны старообрядцевъ, которыхъ Фадѣевъ не переставалъ бояться, несмотря на ихъ видимую покорность, въ обители оставлена была военная команда²⁾, а исправнику приказано ежедневно сообщать въ Саратовъ о всемъ происходящемъ въ монастырѣ³⁾. Самъ Фадѣевъ немедленно сообщалъ о совершившемся обращеніи монастыря въ единовѣрческій преосв. Іакову, который отвѣчалъ ему очень любезнымъ письмомъ: „Поздравляю съ благополучнымъ исполне-

¹⁾ С. И. А., № 14, 80.

²⁾ Команда эта была взята изъ монастыря только въ концѣ мая 1844 года (С. И. А., № 14, 390—391).

³⁾ Ibidem, 78, 81.

нiемъ важной порученности по обращенiю монастыря! Это прекрасное начало вашего новаго служенiя престолу и отечеству. Это брильянтъ въ вѣнцѣ вашего губернаторства. Это твердое основанiе новаго вашего поста и вмѣстѣ доказательство Божiя къ вамъ благоволенiя. Святая саратовская церковь будетъ васъ помнить и молить о васъ Богу¹⁾.... Фадѣевъ былъ прiятно польщенъ и, въ знакъ благодарности, переслалъ преосвященному свое представленiе въ министерство съ подробностями о присоединенiи послѣднихъ Иргизскихъ монастырей.

Вскорѣ послѣ обращенiя Верхнихъ монастырей, преосв. Иаковъ, по совѣту губернатора, съѣздилъ туда для личнаго осмотра. Губернаторъ находилъ, что побѣдка эта необходима, во-первыхъ, для „испытанiя еще средствъ убѣжденiя склонить оставшихся инокъ и бѣльцовъ къ прiятыю единовѣрiя, такъ какъ безъ этого мужской монастырь можетъ опустѣть, а о. Платонъ одинъ въ этомъ успѣть не можетъ, во-вторыхъ, къ нему жильцовъ монастырскихъ; во-вторыхъ, для скорѣйшаго освященiя церкви и въ-третьихъ, для канихъ-либѣ распоряженiй съ женскимъ монастыремъ, вовсе опустѣвшимъ“. Но изъ средствъ убѣжденiя ничего не вышло: согласился на единовѣрiе одинъ только Трифилiй, да и тотъ, по словамъ старообрядцевъ, съ единственной цѣлью—избѣжать грозившей ему рекрутчины. Съ цѣлью склонить какъ-нибудь къ тому же и Силуана, Иаковъ поручилъ послѣднему завѣдыванiе монастырскимъ хозяйствомъ. Но это возымѣло совсѣмъ не тотъ результатъ, какого ожидалъ преосвященный: не успѣлъ Иаковъ возвратиться съ Иргиза въ Саратовъ, какъ получилъ отъ Платона жалобу на Силуана и просьбу перевести его куда-нибудь изъ монастыря. На этой просьбѣ Иаковъ возложилъ такую резолюцию: „Волки вредны взаперти, но вреднѣе они на свободѣ. Надобно меньшее зло предпочитать большому. Впрочемъ, Силуанъ можетъ быть полевымъ для монастыря, если архимандритъ будетъ остороженъ и поддержитъ въ Силуанѣ то расположенiе къ обители, какое онъ обнаружилъ, передавъ въ оную добровольно денежныя билеты и довольное количество жемчуга²⁾. Поддержавъ архимандритъ не сумѣлъ и Силуанъ скоро оставилъ монастырь и поселился въ Хвалыинскѣ.

¹⁾ Ibidem, 69.

²⁾ Арх. канц. самар. еписк., № 2, 27—44; С. И. А., № 14, 115; Поповъ, IV, 149.

ГЛАВА VIII

Итоги разгрома Иргиза и систематическаго стѣсненія раскола.—Оцѣнка разгрома раскольниками, администраціею и литературою.—Вопросъ о численномъ уменьшеніи раскольниковъ въ Саратовской губеріи.—Число порешедшихъ въ единовѣріе.—Безвѣдное положеніе полковцевъ.—Волненіе въ ихъ средѣ.—Озлобленіе противъ православія.—Ошибочность взгляда и дѣйствій мѣстной администраціи.—Безуспѣшность принятыхъ правительствомъ мѣръ противъ раскола.—Неудачный выборъ миссіонероу.—Неуспѣхи единовѣрія.—Неправильное отношеніе духовенства къ своимъ настоящимъ областнымъ.—Необезпеченность духовенства.—Учрежденіе было-книжничей іерархіи.

Послѣ 20 лѣтъ упорной борьбы Иргизъ долженъ былъ уступить предъ нападавшими на него православіемъ. Саратовскій центръ поповщины, задавленный совокупными усиліями гражданской и духовной власти, распался и прекратилъ свое самостоятельное существованіе. Посредствомъ подкупа православію князь Голицынъ въ 1829 году монастырь Нижній; „силою воинскою“ Степановъ въ 1837 году отнялъ у раскола монастыри Средніе; „ночнымъ нападеніемъ волка на овчарню“ Фадеевъ въ 1841 году захватилъ Верхніе монастыри. Совершилось великое „авилонское плѣненіе“ и 28 мая 1841 года „солнце православія зашло на Иргизъ“ окончательно. Это была страшная утрата для раскола и не одно сердце болѣзненно сказало при мысли о ней. Отзвуки этой скорби найдемъ мы въ нѣкоторыхъ произведеніяхъ народной лирики, особенно любимыхъ и распространенныхъ между старообрядцами Поволжья. Въ ряду ихъ на первомъ мѣстѣ должно поставить „Стихъ о временахъ антихриста“, извѣстный еще подъ именемъ „Стиха пребользненнаго воспоминающаго объ озлобленіи народиковъ“, который составлялъ, можетъ быть, гораздо раньше наденія Иргиза, но съ небольшими измѣненіями удобно примѣненъ къ этому событію¹⁾.

¹⁾ Первое заглавіе онъ носитъ въ „Этнографическомъ Сборникѣ“ (вып. V, 38—40. Спб., 1862), второе—въ „Сборникѣ“ преосв. Іакова и въ „Сборн. рус. дух. стиховъ“ Варенцова (1860, Спб., 179—181). Варенцовъ и нѣкоторые изъ поморскихъ рукописей; преосв. Іаковъ также приписываетъ составленіе его поморцамъ (№ 3774, 249). Что поповцы привѣяли его къ себѣ—доказываетъ вариантъ, помѣщенный у Дюнисіева („Огеч. Зап.“, 1574, № 11, 87), гдѣ прямо упоминается объ „иргизскомъ солдѣ“, чего поморцы, конечно, не сдѣлали бы. Дух. зап.

Вот нѣсколько выдержекъ изъ этого стиха:

„По грѣхонъ нашимъ нашу страну

Ольни облакъ тѣло мрачный;

Постигла насъ тѣма кромѣшная;

Во солнцѣ угасли лучи свѣтлые...

.. Изъ расклевани изъ каменной

Изыде змій многоглавый

Со леѳапама, съ крокодѣлами;

Отрада стаде овецъ мысленныхъ,

Уверенъ овецъ со пастырей...

.. Въ та времена во плеченна

Всякая душа православная

Не можетъ пребыть безъ рыданія;

Какоси въ свѣтлыи въ личивеліи

.. Не слышимъ нынѣ гласъ пастырей,

Наставляющихъ ко спасенію...

...Почто живыхъ гробамъ насъ не предали?

Не видѣли бы мы плачущихъ дѣтей...

... Не горѣли бы мы зѣла, нуждающа...

.. До конца тѣбѣ, благочестіе,

Прощѣтаеь нынѣ все нечестіе.

Лихонимы вси грады сокрыты,

Немилосерди вси во прадѣхъ верни,

А смаревни отъ градовъ бѣжать,

Слезно плачутся, гдѣ сокрытыся?

На мѣстахъ зли приставили,

Православнии вси истребени,

Отъ отечества вси цыцыани.

...Вдовы, сироты вси обижени...

... Не могу пребыть безъ рыданія...

.. Вавилонская злободѣла

Отъ своей чашѣ уворна дѣст,

Расклевани прельстѣла всѣхъ...

...Солнце къ вечеру приближается,

Тому дни конецъ познавается.

Что еще нынѣ ожидать будемъ?

.. Оперся, душе, крылы легкими,

.. Простирай свои очи мыслении,

Взрай къ горамъ, равзыиъ облакомъ).

Еще мрачнѣе по колориту, еще безотраднѣе по смыслу и дру-

гой расколывающій стихотокъ, относящійся также къ Иргизу.

„Идутъ дѣта всего свѣта,

Приближается конецъ дѣта;

Пришла времена дѣтая,

Пришли годы тамнѣе;

Не стало вѣры истинной

Не стало стѣны каменныя,
Не стало стѣновъ крѣпкихъ,
Погнѣла вѣра христіанскія.
Сталъ у насъ сумракъ неопредѣленъ,
Цастыри при дервахъ заломны и выломны,
Отягощали люди даньми тяжкими;
Нѣтъ у насъ пути спасенія.
Кому вѣстны печаль мою?
Кого призвѣчу въ помощники?
Кто мѣ научитъ спасенію?
Нѣтъ ми учителей вѣрныхъ,
Кто бы мѣ вѣрѣ научилъ истинной,
Како бы душу спасти.
Падуть, падуть, многогдѣшныи,
Всего міра прелестницы,
Господи, помилуй насъ грѣшныхъ!)

Такъ взглянуть на разгромъ Иргиза развѣдывали. Иначе не смотрѣла на него епархіальная и губернская власть, иначе опредѣляла его значеніе казенная литература. Писемно преемъ. Такъ какъ Фадѣеву и благодарности и поблаженія, извѣстия уже читателямъ по предыдущей главѣ, достаточно ясно показываютъ взглядъ мѣстной администраціи на совершившійся фактъ, такъ что не представляется нужнымъ подробно останавливаться на разъясненіи этого взгляда. Гораздо интереснѣе и поучительнѣе познакомиться съ оцѣнкой вавилонскаго плѣненія въ духовной литературѣ. И. М. Добротворскій говоритъ: „Иргизскіе монастыри вредны были для государства тѣмъ, что самую царскую власть не признавали полною и православною и не хотѣли даже называть царя нашимъ благочестивѣйшимъ; дерзали нарушить законы, подавали зарисительный примѣръ великаго рода преступленій; укрывали у себя людей, вредныхъ для государства; и правящій развратной жизнью воспитывали людей порочныхъ, развратныхъ и силовыхъ къ непо- вновѣнію. Они вредны были для общества тѣмъ, что не раба- дили общественнаго труда, которые не имѣли въ своемъ членѣ общества, безъ великой пользы и надѣли богатства землями, которыя могли бы прокормить нѣсколько тысячъ добрыхъ членовъ общества, передѣрживали бѣглецовъ, за которыхъ общества должны были платить подати. Они особенно вредны были для православною церк- ви тѣмъ, что отвлекали отъ нея тысячи и сотни тысячъ членовъ, вышшая имъ духъ протѣвляя имъ, по крайней мѣрѣ, небреженія.

*) Баренцовъ, Сборн. Рус. дух. стиховъ, 196.

о ней... Обращеніе Иргизскихъ расколыничьихъ монастырей къ единовѣрію было весьма благотѣльно не только для саратовской губерніи, но и для всей Россіи. Ни упорные расколычники ни дерзкіе преступники законовъ и вредные члены государства и общества теперь уже не скрывали своихъ преступленій въ Иргизскихъ монастыряхъ подъ личиною старой вѣры. Лишившись надежнаго пристанища и опоры, расколычники теперь уже не могли и совершать всякаго рода преступленія съ прежней дерзостью. Особенно замѣтно ослаблены обращеніемъ Иргизскихъ монастырей саратовскіе расколычники. Съ обращеніемъ ихъ къ единовѣрію изъ саратовской губерніи выбыли въ большомъ числѣ самые упорные и грубые монахи и монахини, которые поддерживали расколъ деньгами, гостепріимствомъ, склонностью закрывать незаконныя саязы и многими другими преступными средствами. Изгнанные монастырскіе жители унаследовали съ собою заразные примѣры своеволія и преступленій. Прежде существованіе монастырей питало въ расколычникахъ обольстительныя мысли, что расколъ не противенъ самому правительству; въ обращеніи монастырей они ясно увидѣли, что правительство, напротивъ, всегда не чуждено бороться съ расколомъ, и смирились... Прежде расколычники и даже православные толпами стремились въ Иргизскіе монастыри на богомолье; по обращеніи же ихъ къ единовѣрію послѣдніе спѣшались въ православныя церкви, а первые принуждены смиряться съ своимъ боюслуженіемъ въ темныхъ кельяхъ. Прежде бѣдныя цоли и монахи, разъякая по расколыникамъ, исправляли у нихъ дуковыя требы, и сѣяли расколъ между православными; послѣ расколычники принуждены или оставаться безъ требы, или обращаться для исправленія ихъ къ православнымъ священникамъ, и расколъ, не имѣя главной опоры, не только не могъ распространяться, но еще долженъ былъ по естественному порядку ослабѣвать въ своей силѣ. Знаменитые монахи, прославленные иргизскіе чудотворцы, мнимыя мощи и чудотворныя иконы стали мало по малу приходить въ забвеніе; народъ пересталъ слышать хвалы на церквахъ и похвалять расколъ, пересталъ видѣть наувѣрныхъ лицемѣровъ и ханжей-молитвенницъ. Все это, безъ всякихъ стороннихъ пособій, само собою значительно ослабляло расколъ. Мало того. Какъ прежде Иргизскіе расколыничьи монастыри были опорой и главными сѣятелями раскола, такъ послѣ Иргизскіе единовѣрческіе мона-

слыра сдѣлались подпорой единовѣрія; престолоудны какъ прежде были подражателями въ отпадѣніи отъ церкви, такъ послѣ легко дѣлались подражателями и въ воссоединеніи съ ней⁴¹⁾.

Всѣгда г. Добротворскаго раздѣляетъ и М. С—й въ своемъ „Историческомъ очеркѣ единовѣрія“, съ той лишь разницей, что въ качествѣ содѣйствующихъ причинъ усложнаго обращенія саратовскихъ раскольниковъ въ единовѣріе въ промежутокъ отъ 1834 до 1847 года онъ указываетъ еще: открытіе уѣздныхъ городовъ въ Саратовскій, дѣятельное исполненіе истинными властями поставленной по части раскола, иносменныя наставленія и возсунука проповѣди духовенства. По его словамъ, проповѣдничествомъ „занимались“ всѣ приходскіе священники и частныя лица, но особенно мисіонеры, назначенныя въ 1834 году, по ходатайству преосв. Якова для обращенія раскольниковъ; всѣ болѣе опыты въ сему дѣлѣ проповѣдники и священники. Проповѣдь сихъ мисіонеровъ всегда почти доставляла торжество или православію, или единовѣрію⁴²⁾.

Нѣтъ словъ, пріятно было бы вѣрить, что все шло такъ, какъ это описываютъ Н. М. Добротворскій и М. С—й; нѣтъ сомнѣній, какому православному сыну первая ограда смѣлѣла, что во вѣртіи нѣтъ „убытки праздности, суевѣрія и избытка въ переналь“ расколъ „ослабилъ въ своей силѣ“, что вѣртіискіе единовѣрческіе монастыри стали „подпорой единовѣрія“, что „престолоудныя люди дѣлались подражателями какъ въ воссоединеніи къ церкви, что изгнанныя монастырскіе жители „унесли вмѣстѣ съ собою варварскіе примѣры свеселенія и преступленій“, что проповѣди православныхъ мисіонеровъ „почти всегда доставляла торжество православію или единовѣрію“. Но дѣйствительно ли все это было? Правда ли медведены итоги разгрома, не ошиблись ли счетчики въ своей работѣ, не рисуютъ ли они картину, которая только тѣнитъ глаза; но, какъ мигать, не имѣютъ подъ собою никакой реальной основы? Всѣ выводы Добротворскаго и М. С—го такъ голословны, такъ апіорны, что прежде, чѣмъ вѣрить имъ, какъ нужно провѣрить. Посмотримъ же, дѣйствительно ли расколъ, за принятыми правительствомъ мѣрами, ослабѣлъ въ Саратовскомъ краѣ послѣ 1841 года.

⁴¹⁾ „Прав. Собесѣд.“, 1858, I, 181—182; 258—261; см. Отч. об. прок. Св. Снн. за 1846, стр. 29.

⁴²⁾ М. С—й, Историч. очеркъ единовѣрія, 39.

Къ началу „гонительнаго“ для раскола времени, въ 1826 году, всѣхъ приешлющихъ и неприешлющихъ священство старообрядцевъ было въ саратовскихъ уѣздахъ 41.761 — по свѣдѣніямъ министерства внутреннихъ дѣлъ¹⁾, и 24.602 — по свѣдѣніямъ епархіальной консисторіи²⁾; чрезъ десять лѣтъ, въ 1837 году, ихъ стало 54.180 по первому³⁾ и 22.648 по второму счету⁴⁾; а еще чрезъ десять лѣтъ, въ 1847 году, министерство внутреннихъ дѣлъ сообщило ихъ 86.988⁵⁾; а думовое ведомство — 83.999 душъ⁶⁾. Безспорно въ 1827 году считало первое 10.176; второе — 2.700; въ 1837 году — 9.050 и 4.686; въ 1847 году — 9.529 и 11.044. На вопросъ, насколько справедливы эти цифры, всѣ официальныя и неофициальныя изобрѣдители саратовскаго раскола соглашались въ одинъ голосъ, что онѣ совсѣмъ не справедливы. Иеродотей Чернышевскій въ своей запискѣ о расколѣ, составленной въ 1839 году, прямо говоритъ, что правыя иже счѣта раскольниковъ не имѣютъ ни гражданское ни духовное начальство, а еще болѣе извѣстно заранѣе къ расколу надобно считать естествознателя Голицина съ епископомъ Артемьевъ, приведившій въ 1864 г. въ „Степелѣ“ въ 1854 году извѣданіе саратовскаго раскола, опредѣляющаго общее число раскольниковъ съ подписными въ 1250000 человекъ; епископъ Вавожскій⁷⁾. Въ виду этихъ указаній людей, спеціально изучавшихъ состояніе раскола въ Саратовскомъ уѣздѣ и не имѣвшихъ возможности дѣлать какъ-нибудь изводъ изъ официальныхъ цифръ, дѣлающемуся показаніе числа раскольниковъ иными увеличеніемъ числа раскольниковъ или притворенъ ветхихъ, очевидно, говорить ничего не мудрено. Обратимся къ другимъ цифрамъ, опредѣляющимъ число ушедшихъ изъ православія и единоверія въ духовенство: могло-ли не знать всѣхъ раскольниковъ своей епархіи, но отысканныхъ и приобщенныхъ къ ней однозвуч-

¹⁾ Дѣла Секр. Ком., Vol. III, л. 506; Варадиновъ, VIII, 186; Разлика между цифровыми данными, бывшими въ рукахъ у Варадинова и доложенными до императору, очень не велика: обыкновенно одной — хрутой десятокъ душъ и только разъ, въ 1837 году, она доходила до 400.

²⁾ № 3774, 161—168. Цифра за 1825 годъ, такъ какъ за 1826 годъ, свѣдѣній нѣтъ.

³⁾ Дѣла Секр. Ком., Vol. XX, стр. 1618; Варадиновъ, loc. cit., 374.

⁴⁾ № 3774, 165—168. Свѣдѣнія за 1834 годъ.

⁵⁾ Дѣла Секр. Ком., Vol. XXXII, л. 433; Варадиновъ (loc. cit., 446) указываетъ 86.786 въ 1846 году.

⁶⁾ № 3774, 460. Свѣдѣнія за 1845 годъ.

⁷⁾ Ibidem, 25.

⁸⁾ Стат. табл. Рос. имп., II, 265. Сибирь, 1863.

сприят. была церковная волонная, а въ уваженіи ея они и теперь
идутъ уже и въ церковь истинной и священства?)). Этого об-
стоятельства, очевидно, не трудно отыскать обратители, потому что такую
обычную пакофность тоны в забытые, что если явиться дѣломъ
судомъ, то все-таки случились, и не безъ известнаго смысла. Спро-
шеніи, и протъ явственнаго свѣдѣнія забрешающе почитаемой епѣкопъ въ
въ душу, и приверженцевъ и поименованныхъ стараны: „На шибель ма...
идеть свободу (двѣхъ) благочестива, ии гражданскія, ии духовныя,
идеть у насъ ии царя благосъзнаго, ии царя царя салѣйшаго, ии
и князя православнаго, ии иного иного отъ начала существованія, а все пре-
обладать люди: рускою, куляшова, благочестія и рускою) пресе
Христову, и оному насъ отъ враждующихъ ии истину задрити ии
комплектъ, ии иице: всѣхъ являхъ иице наша проходить въ обща и
духовныя. На истини: се время (плача) достойна?)) — эти выводы,
въ (второму) правли: старообрядцы теперь, иице: перше: всегда ии до-
вѣлаго (имено), иице: быстро: разрослись: въ 1848 году: рускою
дѣла: дубовика: старообрядцевъ, купецъ П. Ф. Мазаревъ, гово-
рять: ужь, —, или бы у насъ открылось тоже, иице: на (Синаидъ), я бы
першия: подылатъ (мечъ) на дворни ии (полюсь)?)). Эти: походы скоро
обнаружили: ошибку: властей, ии: власти: поимали: это, ии: было: уже
нездѣ, круто: возвращаться: назадъ: было: нельзя. Одинъ: ии: мисси-
онеромъ: донесли: пресе: (такову), что: хвалы: ии: раскольниковъ: на-
зываютъ: ии: (правительства) противъ: раскола, (гоненіемъ) ии: на: этомъ
фактъ: гоненія: обосновываютъ: правоту: свою, — правду, молъ, всегда
гонимъ?)). Таковы: молъ: оценитъ: это: донесеніе: по: достоинству, — такъ
кому: хорошо: знали, что: русскій: чиновникъ: всегда: становится: на: по-
рочу: слабыхъ: ии: тѣмъ: больше, если: не: понимать: причины, ии: дер-
жающа: его: гоненію?)), ии: былъ: оценитъ: его: объ: этомъ: свидѣленіи:
слышать: ии: одновременно: ходатайства: (ребященнаго) предъ: еи: (сиди-
ломъ) о: разрѣшеніи: разныхъ: отступленій: отъ: пунктовъ: ии: (Пна-
топа. Такъ: въ: донесеніи: отъ: 12: декабря: 1843: года, сообщалъ: объ: са-
моду, что: саратовскіе: старообрядцы: обнаруживаютъ: (ненормое) рас-
положеніе: ии: (примысли: 1800: года), — (яго) ии: (названіемъ) едино-

1) С. И. А., Карт. А, № СХХІ (скрыленная Антоніемъ копія отчета).

2) См. приложение № II.

3) Дѣла Секр. Комит., Vol. XXXIV, л. 240.

4) № 8774, 212.

5) Дѣла: Рус. Свѣдѣль: Общ.: Рус. Царя, 22.

ние, увеличивая площадь, отделяющую их от церкви. „Николаев“ розорван на расколы и широта „всехъ свѣтъ“ на него, были въ этотъ представляли администрация одинаково страннымъ, чтобы же сказали большаго. Изъ его дѣятельности укажу только одну случай для примѣра.

Въ началѣ 1844 года Фадѣевъ представлялъ въ министерство о необходимости удалить изъ Вольска бывшаго священника Прокора Лобинкова, находя, что этотъ священникъ въ губерціи бѣглый священникъ, вернувшись все дѣло обращенія старообрядцевъ и даже въ случаѣ его удаления всё еще за оскуднѣніемъ священства мѣдуть въ единобріе. Государь приказалъ удалить Прокора изъ Вольска въ губерцію, въ которой онъ бѣжалъ, если только не согласится остаться въ Вольскѣ священникомъ на правахъ 1800 года. Исполненію этого повелѣнія предшествовало произведеніе „съ должной осторожностью“ за личной откровенностью губернатора, такъ какъ администрація принимается вслѣдствіе этого о томъ представленіи. Фадѣевъ послужилъ дѣйствительно осторожкою: 27 января 1844 года, въ 12 часовъ ночи, прибылъ въ Вольскъ саратовскій полиціймейстеръ, арестовать Прокора, запечатать старообрядческую крѣзь и доставить къ оному мѣсто (взвѣснана карауль). Прокоръ увидѣлъ, что дѣло идетъ, и 30 января далъ подписку на принятіе единобрія. Фадѣеву эта новость понравилась столь важной, что онъ приказалъ черкасскимъ и тамбовскимъ полиціямъ объявить южной „вѣсьмъ“ старообрядцамъ тамбовской епархіи и внушить при томъ, что за закономъ совершеннѣйшій уничтоженіемъ старообрядческаго священства имъ остается единственное средство для успокоенія себя въ духовныхъ нуждахъ — принятіе единобрія. Такая публикація о „важномъ событіи“, разсужденіи, ишла въ чертѣ не повела: во-первыхъ, раскольникъ поручили дѣло, иго, можно прожить и безъ поповъ, а во-вторыхъ, они, въпрямую, лучше самого Фадѣева знали, какъ обращаться Лобинковъ.

Последній 21 апрѣля того же года, не послуживъ ни одной единобрянской обѣщанью не направивъ на одной единобрянской требы поддѣлъ, прошение объ увольненіи его за штатъ не принявъ решительнаго окончательнаго. Велика за тѣмъ онъ подалъ второе прошеніе, а послѣдній съ него самку. Молва, распускаемая имъ въ народѣ, что его силой заставили принять единобріе, оказалась, по словамъ

*) С. И. А., карт. А, № СХХІХ, 47.

прот. Бибикова, „не безъ вреда для церкви“. Началось съидеати, выяснившее, что Прохоръ ни у исповѣди ни у причастія не участвуетъ. Въ 1846 году преосв. Іаковъ заставлялъ его почитать на исповѣди, но отъ причастія онъ и тутъ уклонился, по болѣзни своей нутряной“. Во все время бытности единовѣрческихъ священниковъ, въ теченіи четырехъ лѣтъ, онъ не переставалъ по секрету испрашивать требы у богатыхъ расколшиковъ).

Иванъ разгромъ Иргиза, если почитать подъ этимъ всю гонимую систему отношеній правительства къ расколу, не принесъ ожидавшейся отъ него пользы. Духовная власть неуспѣшность своей борьбы съ расколомъ объясняла первоначально существованіемъ монастырей Иргизскихъ. Монастыри были уничтожены, а успѣшность все не получалось. Духовенство стало объяснять это вреднымъ влияніемъ бѣглыхъ священниковъ. Началось гоненіе на бѣглыхъ священниковъ, а дѣло обращенія все не подвигалось. Тутъ этого впередъ. Духовная власть вооружилась противъ уставщиковъ. Стѣснены были уставщики, а расколъ все крѣпче закупоривался въ свою скорлупу и не шелъ на „позываніе“ православныхъ пастырей. Цѣной невыносимаго полицейскаго гнета, цѣной страшной нравственной тяготы и муки десятковъ тысячъ народа православіе приобщало на свои пажити жалкіе 2% изъ общаго числа страдающихъ людей. Взятая за тотъ или другой годъ въ отдѣльности, цифры обращеній представляются довольно внушительными, но, при среднемъ выводѣ, онѣ мельчаютъ и показывают во всемъ ничтожество принятую правительствомъ систему дѣйствій. Система эта была бесполезна для православія, — вотъ первый выводъ, который мы съ чувствомъ искренней скорби въ правѣ сдѣлать на основаніи приведенныхъ данныхъ. Разсматривая дальше итоги разгрома, съ еще большей скорбью найдемъ, что она была безусловно вредна и что причины ея неуспѣшности искали не тамъ, гдѣ ихъ нужно было искать.

Въ одномъ изъ своихъ рапортовъ въ св. синодъ преосв. Іаковъ говорилъ между прочимъ, что „труднообѣдимое упорство“ расколшиковъ является главнымъ препятствіемъ переходу ихъ въ православіе. Поэтому онъ особенно усиленно старался обращать ихъ не въ православіе, на что было мало надежды, а въ единовѣріе. Сна-

1) Арх. консиет., 1844, № 278, 1—40.

чае успѣхъ стараній его въ этомъ отношеніи превзошла всѣ
ожидавія: въ одномъ 1843 году принята единобѣріе дѣла под-
писку на принятіе до 7.000 человекъ¹⁾; но скоро число желающихъ
перехода значительно уменьшилось и, въ началѣ 50-хъ годовъ всѣхъ
единобѣрцевъ числится только 6.192 человека. Такимъ образомъ
и утвержденіе единобѣрія, какъ средства соблюденія раскольниковъ
съ православіемъ, оказалось въ Саратовскомъ краѣ вовсе не со-
отвѣтствующимъ своей благой дѣли. Къ единобѣрью раскольники не
имѣютъ никакого сочувствія и, называя его „догматкой правитель-
ства“, считаютъ порою ересью, опаснѣе всѣхъ прочихъ²⁾, поворота
гр. Станбюкъ. Вотъ, маленькое стихотвореніе, характеризующее
взглядъ раскольниковъ на единобѣріе:

Давалась дерковѣ вновь, дѣла дѣла дѣла,
Хранить разгласны устаны и всѣ чины.
Всѣмъ кажется она, что хвалить старину,
Но лужно содержать въ себѣ и новину;
На двухъ волкахъ она, а хлѣбать обочинъ,
На всѣ страны скользнить загѣями своимъ³⁾.

Можно бы, пожалуй, удивляться даже временному успѣху
пропаганды единобѣрія въ Саратовскомъ краѣ, если бы не было
извѣстно, кто были миссіонерами, какъ велась ими пропаганда и
что обозначали саратовскія власти словомъ „единобѣріе“. Однимъ
изъ первыхъ по времени миссіонеромъ былъ іеромонахъ Палладій, въ
міръ прот. Павелъ Архангельскій. Въ іюлѣ 1845 года преосв. Іаковъ,
ходатайствуя предъ св. синодомъ о поощреніи Палладія, просилъ дать
ему наперстный крестъ и говорилъ, что въ борьбѣ съ расколомъ
онъ оказалъ „неутомимую ревность и примѣрное благоразуміе“, обра-
щаль же сотнями. Заглянемъ въ формулярный списокъ этого дѣя-
теля. Въ 1808 году Архангельскій былъ удаленъ отъ священниче-
ской должности за дозволеніе похоронить скоропостижно умершаго
крестьянина, извѣстаго управляющимъ. Нѣсколько лѣтъ спустя онъ
попалъ подъ слѣдствіе „за имѣніе любовѣйной связи съ жившей у
него въ услуженіи дѣвкой“. Консисторія, гдѣ онъ былъ членомъ,
оправдала его, но архіерей велѣлъ занести эту подсудность въ фор-
муляръ. Въ 1828 году онъ вновь попалъ подъ судъ— за прелюбо-
дѣйную связь съ женой пономаря“. За это его отрѣшили отъ долж-
ности и послали въ монастырь „на усмотрѣніе въ поведеніи“. Пе-

¹⁾ Вардановъ, VIII, 574.

²⁾ Библ. А. И. Худова, № 319, 26.

реведенный судить въ Уралыкентъ, онъ въ 1830 году снова былъ ()
 подъ судомъ за нанесеніе побой какому-то канцелярскому чиновнику
 Консисторіи, оставалъ было Архангельскаго въ полубрѣднѣ, но въ это
 синодъ нашелъ это рѣшеніе „слабымъ“ и велѣлъ досудитъ, впрочемъ
 въ монастырь навсегда съ внутреннею священнослуженіемъ, а причетъ
 до артіерей, каждаго умогнѣнія. Вышелъ Паддэй, явъ Іаковъ, но ж
 удивилъ духъ вренія, пришло миссіонерствовать? Держа христіанство
 ставить, и нека „примѣрною благодѣлуемъ“, а мѣтъ обнаружилъ вѣтъ
 „дѣталь“ на нарушеніе „судкой“ за вѣтъ? Другимъ, двушнымъ
 миссіонеромъ, и даже названнымъ руководителемъ миссіи, былъ пресв.
 Миртовскій, и по миссіонѣ Моисей, да дѣтъ, время „любимыхъ“ Іаковъ
 Пресвѣщенный 20 февраля 1836 года, да дѣтъ слѣдующее, преложено
 нѣ; консисторіи, да: о какому проповѣданіе, алоа, Бѣлѣ, и не особѣ
 нуоу, ревноскажъ обращенію, расказанъ, и, молчаливо, на старое, и
 и тарѣбное, и некое житіе, да: вреніе, въ Цетровскомъ, мона-
 стырѣ, лучшихъ нравственныхъ порядковъ, представлять, иеромонаха
 Моисей къ производству ово, и гомеа, въ означенномъ Цетровскомъ
 монастырѣ¹⁾). Какъ оправдалъ Моисей эту легкую рекомендацію?
 Въ 1849 году начался крайне скандальное дѣло о „блудной“ жн-
 на, и гомеа Моисей²⁾ и по слѣдствію Моисей оказался виновнымъ,
 во введенныхъ на него вѣстунѣяхъ³⁾. Третьимъ миссіонеромъ,
 и, пожалуй, самымъ крупнымъ изъ всѣхъ былъ пресв. Е. И. Дьяко-
 новъ. Этотъ же попалъ подъ судъ и объ его нравственной личности,
 можно судить только по успнымъ преданіямъ, что, разсуждая, да:
 будетъ „особенно убѣдительно для науки“, тогда не одной дощелкой, да:
 насть резолюціи, и реоая. Принесъ, въ которой, ать въ владыка, гровитъ, и
 „строго наказанъ“ Дьяконова за вѣрнѣ противъ сослуживцевъ, и яко
 нарушителя мира царки, святыхъ, и дерзвѣтнѣ, его, да: въ „доме,
 бѣдно мѣсто“⁴⁾, но вѣтъ документальное указаніе на то, какъ онъ,
 собѣдѣвалъ съ раскольниками. Правленіе, саратовской семинаріи,
 рассматривавшее журналъ его, собѣдѣрадіи, такъ, оправдалъ, о,
 ниль; „По содержанію они не убѣдительны, по формѣ — обидны“ (1841)

1) С. И. А., карт. А., № СХІХ, 1—8.
 2) Урал. консист., 1836, № 233. Дѣло о вѣрнѣ обрѣтено, и да, „блудной“
 3) Ibidem, 1842, № 2843.
 4) Въ консисторіи было дѣло о сѣльбожнѣхъ „вѣрнѣхъ“, въ которомъ Дьяконовъ игралъ очень подозрительную роль, но оно неизвестно куда, и какъ — пропало изъ архива.
 5) Указъ пензен. конс., 9 іюня 1838, № 6263.

О. протоиерей выносятся свои журналы... что, расклевывая
остались неправдоподобными, — только нечего было и ожидать...
отдать в себеисповеданиях одного из лучших миссионеров!

Эти таковы были события саратовской епархии, то что...
миссионеры и видны, также усердно старались, обращаться...
же признание саратовской епархии дасть следующую отрывок себеис-
поведаниях священников: Андрей Виноградов, Дмитрий Соловьев,
Петра Веселовского и Паша Амелия Александровича...
стали... (внутреннее) содержание... себеисповеданиях...
часть... (паша)...
чувств... (речи священника) с раскольниками, а прикомандирован...
хот... (вспомогательное) руководство...
упрежда... (значитель) доказательств для разумительного...
их... (пред) простыми словами...
Особая... (достой) социальная...
кие... (проблемы)...
никому... (отлично)...
выше... (священник) Веселовский...
он... (подверг)...
он... (свои)...
он... (хуже) добрый...
он... (его) убеждения...
он... (своих) священников...
он... (его)...
он... (только)...
он... (удивлять) их...
он... (некоторые) себеисповедания...
он... (во)...
он... (себяисповеданиях) радикальные...
он... (жертвы)...
он... (то) и...
он... (говорят)...
он... (личейными)...
он... (строительности) раскольников...
он... (до) понять...
он... (проповедуют) как будто по...
он... (новый) Андрей Клементов...
он... (оказался) как публично назвал его...
он... (тему) и злоупотребителем...
он... (В) саратовском

1) Арх. канц. 1859, № 1940, 38.
2) Ibidem, 57—59.
3) Арх. канц. губери., 1838, № 191.

уздѣ священника Василій Миролобовъ и Василій Твердовскій, по словамъ консисторіи, „въ опроверженіи раскольничьихъ заблужденій обнаруживаютъ безмыслицу въ сужденіяхъ и незнаніи русской грамматики“, а потому имъ велѣно приобрести книги, содержащія опроверженія раскольничьихъ мнѣній, и научиться грамотѣ. Между тѣмъ Миролобовъ въ своемъ журналѣ, дѣйствительно, образцовомъ по безграмотности, писалъ, что раскольники „хотя и возражали, но крайне безграмотно и бессмысленно“, опроверженія же на „неумѣстные ихъ вопросы были одни только практическія“ (sic!). Не лучше и у о. Твердовскаго¹⁾. Эгихъ примѣровъ достаточно. Затѣмъ же, спрашивается, всѣ эти люди, или по своему развитію, или по своей нравственности, неспособные къ миссіонерству, брались неумѣлыми или нечистыми руками за святое дѣло? Косвенный отвѣтъ на это даетъ іеромонахъ Макарій въ своей біографіи преосв. Іакова: „Ревность къ занятіямъ расколомъ въ духовенствѣ Іаковѣ возбуждалъ обращеніемъ особеннаго вниманія на занимающихся и наградами для нихъ. Многимъ пріятно было заниматься тѣмъ, что любилъ самъ архипастырь и чѣмъ занимался онъ съ усердіемъ. Слыша частыя поученія своего архипастыря, духовные и сами воспламенялись ревностью къ проповѣданію слова Божія“²⁾. Принимая первую половину объясненія, я рѣшительно отвергаю вторую! въ ней Макарій повторяетъ ту самую ошибку, которую долго допускалъ и потомъ горько каялся въ этомъ преосвящ. Іаковѣ. Нѣтъ, не ревностью и подражаніемъ воспламенялись, а мечтами честолюбія и корысти увлекались миссіонеры Іакова! Я внимательно перечиталъ формулярные списки главныхъ миссіонеровъ этого времени, усердно собралъ официальные, по документамъ консисторіи, и неофициальные, по устнымъ рассказамъ старожилловъ, свѣдѣнія о нихъ и на основаніи всего этого пришелъ къ самому безотрадному выводу, что 1/10 этихъ миссіонеровъ были всего менѣе годны къ избранной имъ дѣятельности и что самые худшіе изъ нихъ въ нравственной отношеніи *наибольше* прославились успѣхами въ дѣлѣ обращенія раскольниковъ: для обращеній во вкусъ того времени требовалась прежде всего безцеремонность.

Таковъ составъ миссіонеровъ. Взглянемъ на примѣры возсо-

¹⁾ Арх. консист., 1849, № 1604, 8—12.

²⁾ Макарій, Іаковъ, арх. нижегор., 40.

единеній: это выяснитъ, какъ воссоединяли и что вышло изъ этихъ воссоединеній. „Мѣстное начальство, какъ духовное, такъ и свѣтское, — говоритъ гр. Стенбокъ, — глядѣло ошибочно на дѣло единовѣрія и дѣйствовало хотя съ благими намѣреніями, но не прямымъ путемъ“¹⁾. Первое крупное обращеніе въ единовѣріе по Саратовскому краю пмѣло мѣсто въ слободѣ Криволучья, николаевского уѣзда. Неизвѣстно, не было ли у преосв. Іакова особой инструкціи по дѣлу криволучскихъ раскольниковъ, ибо въ то время командированъ былъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ статскій совѣтникъ Алябьевъ для содѣйствія по обращенію саратовскихъ раскольниковъ въ единовѣріе, но только Іаковъ, искренно убѣжденный въ пользѣ единовѣрія, дозволилъ, съ благословенія св. синода, 1740 чел. криволучскихъ крестьянъ перейти въ единовѣріе съ разными отступленіями отъ правилъ 1800 года. Согласились на единовѣріе криволучскіе крестьяне, благодаря давленію удѣльныхъ властей, при чемъ мѣстный удѣльный начальникъ, К. А. Гуськовъ, при первоначальныхъ переговорахъ объ устройствѣ въ Криволучья храма и церковнаго порядка допущалъ непростительную „фальшь“: онъ не вполнѣ раскрылъ имъ волю синода. Служа посредникомъ между правительствомъ и крестьянами при составленіи указа прихожанамъ криволучскимъ, онъ прописалъ резолюцію синода, въ указѣ его отъ 14 августа 1843 года, № 10477, съ опущеніемъ словъ: „28 октября 1800 года“ и „единовѣріе“²⁾. Благодаря этимъ пропускамъ криволучскіе раскольники были увѣрены, что все дѣло присоединенія состоитъ только въ томъ, что они примутъ священника не тайно, а съ разрѣшенія архіерея. Поэтому принятаго ими священника Ильменскаго они подвергли исправѣ чрезъ бѣглаго іеромонаха Пахомія, секретно отъ православныхъ, и продолжали считать и называть себя не единовѣрцами, но попрежнему старообрядцами. Далѣе они запретили своему священнику принимать благословеніе отъ епархіальнаго архіерея, замѣщаться отъ него миромъ и вести переписку безъ ихъ вѣдома. Все это, конечно, скоро стало извѣстно епархіальной власти, но преосв. Іаковъ дѣлалъ видъ, что ничего не знаетъ. Преемникъ его, преосв. Афанасій Дроздовъ, иначе взглянулъ на дѣло и, воспользовавшись отказомъ криволучскихъ единовѣрцевъ съ самимъ Ильменскимъ во

¹⁾ Отчетъ гр. Стенбока.

²⁾ См. приложение № III.

главѣ допустить единовѣрскаго благочиннаго Трифилія къ обзору церкви и документовъ за 1847 годъ, началъ усиленно давить на нихъ; священника Ильменскаго, человека пьянаго и съ дурнымъ поведеніемъ, замѣнилъ другимъ—священникомъ Терсинскимъ, которому велѣлъ строго слѣдить за исполненіемъ крестьянами христіанскихъ требъ. Мнимые единовѣрцы взбунтовались, тѣмъ болѣе что Терсинскій оказался человекомъ очень добросовѣстнымъ и первымъ долгомъ отказался принять исправу. Посынались жалобы на притѣсненіе, разоблачилась исторія присоединенія, вынесена была наружу вся ея закулисная грязь и гуськовскій подлогъ. „Бѣдствующіе жители Криволучья“, 16 іюля 1849 года, подали прошеніе Арсеньеву, гдѣ заявляли, что „быть на правилахъ 1800 года они не хотѣли и не хотятъ“, а потому просятъ дозволить ихъ священнику принять себѣ духовникомъ какого-нибудь бѣлаго попа. Разумѣется, ничего подобнаго дозволено имъ не было. Результаты скоро сказались: въ сентябрѣ 1850 года преосв. Антоній доносилъ Афанасію, что въ криволучскомъ приходѣ осталось едва ли 10 человекъ единовѣрцевъ,—на пасху было въ церкви всего три человека. Два года спустя, Терсинскій рапортовалъ единовѣрскому благочинному, архимандриту Іоасафу: „Прихожане мои, жители слободы Криволучья, ни мало не имѣютъ нужды въ священникѣ для исправленія христіанскихъ требъ въ ихъ обществѣ: новорожденныхъ крестятъ у нихъ бабки—нужды ради, какъ они говорятъ; умирающихъ исправляютъ ихъ наставники-мужики, читая имъ скитское покаяніе; вмѣсто св. причастія даютъ имъ пить такъ называемую старообрядцами „большую воду“; умершихъ хоронятъ тѣ же самые наставники,—похороны или панихиду поютъ не въ домѣ умершаго, но у сосѣдей; браки вѣнчаютъ у бродягъ“. Такъ распался криволучскій единовѣрческій приходъ¹⁾.

Нѣсколько позже, чѣмъ въ Криволучьи, совершилось крупное присоединеніе къ единовѣрью въ Саратовѣ. Здѣсь дѣло началось съ того, что въ 1840 году прекратилось „древнее“ священство за уходомъ въ единовѣріе бѣлаго священника Федоровскаго при Барановской часовнѣ. Мѣстные старообрядцы, признавая и „душе-вреднымъ“, и „ззорнымъ“ жить безъ попа, „какъ басурманы“, обратились къ министру внутреннихъ дѣлъ съ просьбой о дозволе-

¹⁾ Арх. канц. самар. еписк., № 358; Дѣла Секр. Комит., Vol. XXXII, л. 486; XXXIV, л. 815.

ни принять облаго священника съ вѣдома гражданской власти. Въ ходатайствѣ было отказано, съ воспрещеніемъ утрудять впредь начальство подобными просьбами. Преосв. Іакову казалось существенно важнымъ развитіе единовѣрія въ Саратовѣ: за „губерніей“, гдѣ къ тому же была и высоко цѣнимая старообрядцами Барановская часовня, пойдутъ и сельскіе раскольникы; для нагорной части Саратовскаго края крупное обращеніе къ единовѣрію въ Саратовѣ, по его расчету, родителюся подъ вліяніемъ донесеній миссіонера Полянскаго¹⁾, должно имѣть такое же значеніе, какъ обращеніе Криволучья для Заводья²⁾. Правда, въ Саратовѣ тѣтъ восемь уже существовала „горбуновская“ церковь, но преосвященный звалъ, какъ глядятъ старообрядцы на коммерціи совѣтника Горбунова съ его мадымъ стадомъ: онъ слышалъ ихъ отзывы, что Горбуновъ принялъ единовѣріе „любохестія ради“, — чтобы быть городскимъ головой и увѣщать грудь орденами на разныхъ денгахъ. Примвръ Горбунова не могъ соблазнить многихъ. Преосвященный взялся за Александра Ивановича Уфимцева, стоявшаго въ это время во главѣ саратовскаго старообрядческаго общества³⁾. Можетъ быть, изъ этого ничего не вышло бы, если бы за спиной Уфимцева не стоялъ нарождавшійся въ это время оракулъ саратовскихъ старообрядцевъ, купецъ Левъ Степановичъ Масленниковъ. Подъ вліяніемъ этого ловкаго и честолюбиваго человѣка, которому старообрядчество до известной степени связывало крылья, Уфимцевъ задумалъ замаскировать расколъ единовѣріемъ и вступилъ въ переговоры съ преосв. Іаковымъ. Переписка шла долго. Въ дѣло вмѣшался губернаторъ и вице-губернаторъ; былъ даже выписанъ изъ Петербурга чиновникъ министерства внутреннихъ дѣлъ Алябьевъ. Старообрядцы саратовскіе вступили въ переписку съ Рязановымъ и даже, повидямому, послали къ нему въ Екатеринбургъ особую депутацію, разузнать во всѣхъ подробностяхъ, на какихъ условіяхъ существуетъ его церковь съ 1838 года⁴⁾. Рязановъ, увѣдомляя ихъ 3 мая 1843 года, что о дозволениі завести подобныя его церкви ходатайствуютъ уже старообрядцы екатеринбургскіе и черниговскіе, —

¹⁾ № 3774, 152.

²⁾ Ibidem, 205.

³⁾ Исторію обращенія Барановской часовни въ единовѣрческую передаю на основаніи подлинныхъ, бѣловыхъ и черновыхъ, документовъ, полученныхъ мною отъ А. Н. Масленниковой и вѣдѣя передаваемыхъ въ Историческій Архивъ при саратовской ученой архивной Комиссіи.

⁴⁾ С. И. А., Карт. А., № XXIX.

последние по влиянию на них саратовского „христианина“ Герофея Гевлева, — совыводилъ съобщить возбудившемъ такого же ходатайства предъ синодомъ, такъ какъ „чѣмъ больше просителей, тѣмъ уважительнѣе просьба“¹⁾. Саратовцы въ точности послѣдовали этому совету и отправили къ оберъ-прокурору синода, гр. Протасову, прошеніе о разрѣшеніи имъ имѣть церковь на тѣхъ же основаніяхъ, какъ разрѣшено Рязанову. Св. синодъ нашелъ, что дарованіе просителямъ священниковъ, стоящихъ въ зависимости только отъ синода, безъ всякаго посредства власти мѣстнаго архіерея, противно и древнимъ уставамъ церкви и государственному порядку. Далѣе синодъ не видѣлъ никакихъ оснований измѣнить форму, по которой провозглашаются на эктеньяхъ имена благочестивѣйшаго государя императора и всей царской фамилии и согласно съ которой молятся и все иновѣрцы (саратовскіе старообрядцы не хотѣли называть государя „благочестивѣйшимъ“, а только „державнымъ“). Что касается ходатайства старообрядцевъ о разрѣшеніи имъ при храмѣ устроить школу для своихъ дѣтей, въ которой могутъ обучаться и дѣти принятыхъ ими священниковъ и диаконовъ, то синодъ предоставилъ имъ, по окончательномъ рѣшеніи вопроса о принятіи единовѣрія, возбудить объ этомъ новое ходатайство. Въ заключеніе всего синодъ постановилъ удостовѣрить просителей, что отъ правилъ 1800 года, „по которымъ они успокоятся совершенно въ дѣлахъ своей совѣсти,“ не будетъ впредь допущено ни малѣйшаго отступленія, что на увольненіе къ старообрядцамъ священниковъ, не подвѣдомственныхъ епархіальному архіерею, согласиться ни подъ какимъ видомъ нельзя, ибо „такой неправоудности и нововведенія начальство допустить не можетъ“, и что самое прошеніе ихъ о томъ есть грѣховно. Преосв. Іакову синодъ разрѣшалъ немедленно назначить священника, если часть раскольниковъ пожелаетъ принять единовѣріе, и обезпечить ихъ во всѣхъ нуждахъ, представивъ тогда же св. синоду, который не затруднится назначить способы къ сооруженію другого единовѣрческаго храма въ Саратовѣ). Преосвященный немедленно сообщилъ старообрядцамъ объ этомъ постановленіи синода, состоявшемся 29 сентября 1843 года, и просилъ Масленникова и Уфимцева склонить своихъ единомышленниковъ къ безусловному принятію единовѣрія. На это послѣдніе объяснили, что въ подан-

¹⁾ Ibidem, № XXXI.

²⁾ Ibidem, № XXXIV—XXXV.

номъ въ синодъ прощенія по ошибкѣ помѣщена ссылка на екатеринбургскихъ единовѣрцевъ, что „теперь они просятъ объ учрежденіи церкви на правилахъ кривоуцкой и что въ отношеніи направленія общественнаго мнѣнія къ исполненію воли желаній правительства, по столь дажному дѣлу совѣсти, потребно еще время“¹⁾. Губернатору надобли всѣ эти переговоры, пререканія, торговля. Онъ поручилъ 5 декабря 1843 года саратовскому городскому головѣ, Д. М. Вакурову, дознать чрезъ попечителя старообрядческаго общества, Уфимцева, положеніе дѣла и предложить всѣмъ извѣстнымъ благонамѣренностью старообрядцамъ „употребить дѣятельное соучастіе къ скорѣйшему приведенію въ дѣйствіе благого преднамѣренія“ относительно единовѣрціи. Въ силу этого порученія Вакуровъ и обратился съ „покорнѣйшей просьбой и усерднѣйшимъ приглашеніемъ къ скорѣйшему приведенію въ дѣйствіе совѣщанія о принятіи священства на тѣхъ основаніяхъ, какія св. синодомъ допускаются“. Кромѣ этого онъ просилъ сообщить ему, не позже 12 декабря, для передачи губернатору свѣдѣнія, „какъ о тѣхъ лицахъ, кои благонамѣренностью своей успѣху въ дѣлѣ покажутъ ревностное участіе, такъ и о тѣхъ, кои упорствомъ и пронырствами будутъ тому препятствовать“²⁾. Это письмо быстро подвинуло дѣло впередъ. Начались частыя совѣщанія, на которыхъ обсуждались по преимуществу два вопроса: можно ли принимать опять бѣглыхъ священниковъ, обратившихся въ единовѣрчіе, и могутъ ли данные архіереемъ священники достойно исполнять свои обязанности безъ предварительной исправы? Кое-какъ уладивъ эти щекотливые вопросы, Масленниковъ и Уфимцевъ предложили 10 декабря старообрядческому обществу проектъ прощенія губернатору, согласный съ тѣми условіями, на которыхъ принять священникъ въ Кривоуцку. Партія непримиримыхъ, во главѣ которой стояли купцы Мартынь Жуковъ, Калнистратъ Губинъ, Гавріиль Роцинъ, Даниль Уваровъ и казакъ Перфиловъ, отказалась подписать предложенный проектъ: „Была нами подана просьба г. министру и о ней объявлено, что она уважена быть не можетъ; я болѣе подавать ничего не желаю и утруждать начальство не смѣю“, надписавъ на проектѣ Жуковъ; такое же замѣчаніе сдѣлали и нѣкоторые его сторонники³⁾. Другіе под-

¹⁾ Отчетъ гр. Степбока.

²⁾ С. И. А., Карт. А. № XXXVII; см.: Варадиновъ, VIII, 466.

³⁾ Ibidem, № XXXVIII.

писались подь проектомъ безъ возраженій, но съ единственной цѣлю— „извлекать мысли о семъ благомъ дѣлѣ“; втихомолку они ратовали противъ и распространяли слухъ, что всѣ подписавшіеся будутъ присоединены къ горбуновской церкви: Этимъ средствомъ они сбили многихъ¹⁾. Но, несмотря на всѣ проски непримиримыхъ, 12 декабря большинство старообрядческаго общества, выслушавъ послѣ богослуженія въ часовнѣ заготовленное на имя губернатора прошеніе, согласились подписать его, — „существо онаго не отрицательно подтвердили“, какъ говорить Уфимцевъ²⁾. Коноводы раскода задумали пригласить къ себѣ вольскаго бѣлаго попа Гавріила (Калугина?), уже перешедшаго въ единовѣріе, и 14 декабря отправили къ нему съ двумя депутатами особое посланіе: „Общество наше, преисполненное глубокимъ чувствомъ уваженія къ вашему преподобію, покорнѣйше просить васъ, милостивый государь и честнѣйшій отецъ, изъявить согласіе на поступленіе въ нашъ храмъ и исправленіе всякихъ христіанскихъ требъ по древнимъ книгамъ и обрядамъ, къ коимъ вы съ давняго времени имѣете душевное уваженіе“, писали они ему. Они просили о. Гавріила пріѣхать въ Саратовъ немедленно даже и въ томъ случаѣ, если онъ и не согласится на поступленіе къ ихъ храму³⁾. Но съ честнѣйшимъ о. Гавріиломъ дѣло не сладилось и они скоро подыскали себѣ другого бѣлаго священника, бывшаго раньше у нихъ же, а потомъ перешедшаго въ единовѣріе, Ѳ. В. Ѳедоровскаго, который принялъ и исправу въ довольно-таки осторожной формѣ: „Азъ, нижеименованный, изъявивъ саратовскому старообрядческому обществу согласіе мое вступать къ нимъ для отправленія въ молитвенномъ храмѣ ихъ богослуженія и исполненія всѣхъ христіанскихъ требъ по всѣмъ тѣмъ правиламъ и обрядамъ, какъ производилъ оное по нахожденію моему у нихъ прежде, побуждаюсь собственной моею совѣтью принести предъ Господомъ Богомъ чистосердечное раскаяніе въ томъ, ежели по невѣдѣнію волею или наволею, уклоняясь отъ преданій св. отецъ, соучаствовалъ я въ какой-либо ереси, и потому произношу съ проклятіемъ всѣхъ ересей мое раскаяніе предъ животворящимъ крестомъ Христа Спасителя нашего и святымъ его евангеліемъ“⁴⁾.

¹⁾ Ibidem, № XLI.

²⁾ Ibidem, № XXXIX.

³⁾ Ibidem, № XLIV.

⁴⁾ Ibidem, № L.

Прошение было подано губернатору, который 15 числа передал его Иакову, а тот на следующий день письмом на имя Л. С. Масленникова, А. И. Уфимцева, Т. В. Кутина, И. П. Медведева, Ф. С. Гладкова и П. М. Канина уведомил старообрядцев, что они находят предложенныя ими условия согласными съ указомъ синода, которымъ дозволялось дать священника въ Криволучье, и согласенъ дозволить имъ избрать священника и диакона къ ихъ храму¹⁾. Велѣтъ затѣмъ губернаторъ выдать имъ за своимъ подписаномъ копию съ постановленныхъ ими условий. Копія эта носитъ слѣдующее названіе: „Правила, на коихъ допущено старообрядцамъ въ городѣ Саратовѣ имѣть священниковъ“. Ни въ одномъ пунктѣ этихъ правилъ не упоминается слово „единовѣріе“: составители упорно обходятъ его и не безъ умысла, конечно, называя свою церковь „старообрядческой“²⁾. Спустя недѣлю, преосвященный далъ предписаніе Федоровскому отправлять богослуженіе и требы у саратовскихъ старообрядцевъ на основаніи синодальнаго указа по дѣлу криволучскихъ единовѣрцевъ³⁾. Богослуженіе въ Барановской часовнѣ началось, но дѣло это не кончилось. Препровождая въ св. синодъ прошеніе старообрядцевъ, Иаковъ пишетъ съ тѣмъ просилъ дозволить „возстановить на часовнѣ главу и крестъ, допустить звонъ и освятить часовню въ церковь“. Синодъ отнѣмалъ, что онъ „утѣшается душевспасительнымъ согласіемъ старообрядцевъ пренять священника съ зависимостью отъ епархіальнаго архіерея“, но не можетъ признать дѣла совершенно оконченымъ, такъ какъ поставленныя старообрядцами условия несогласны въ сущности съ пунктами митр. Платона, а пункты эти, какъ известно, составляютъ крайній предѣлъ снисхожденія. Нельзя согласиться на вознесеніе молитвъ за царя съ измѣненіями противъ утвержденной синодомъ формы; не видно, будетъ ли поминаться на эктеньяхъ св. синодъ, и не опредѣлено, откуда будутъ доставать новые единовѣрцы св. миро (синодъ знаетъ изъ донесенія Иакова, что они не хотятъ заимствоваться иррочемъ отъ епархіальнаго архіерея). Прежде удовлетворенія ходатайства о крестѣ и звонѣ синодъ считаетъ необходимымъ выяснитъ эти пункты. Сообщая въ мартѣ 1844 года Уфимцеву этотъ отвѣтъ синода, Иаковъ просилъ его со всемъ старообрядческимъ обществомъ взять

¹⁾ Ibidem, № XLV.
²⁾ Ibidem, № XLIX.
³⁾ Ibidem, № XLVIII.

172227. Ibidem (1)
172227. Ibidem (1)
172227. Ibidem (1)

гласу правительства" и принять единовѣріе на правилахъ 1800 года¹⁾. Это письмо Іакова вызвало цѣлую бурю: мѣсяца четыре возобновились и толковали старообрядцы. Согласныхъ на предложеніе было очень немногo. Только въ июль они отвѣтили преосвященному, что предложенныя ими условия ничѣмъ не отличаются отъ условий криволучскихъ крестьянъ, принятыхъ св. синодомъ безъ возраженій, что тѣмъ крестьянамъ синодъ разрѣшилъ отправленіе богослуженія по правиламъ россійскихъ патриарховъ безъ всякой перемѣны и что въ отношеніи направленія общественнаго мнѣнія къ исполненію вполнѣ желаній духовнаго правительства по столь важному дѣлу совѣсти потребно еще время²⁾. Какое употребленіе сдѣлать Іаковъ изъ этого письма—сейчасъ увидимъ: 27 октября онъ сообщилъ Уфимцеву, что "вслѣдствіе изъявленнаго желанія саратовскихъ старообрядцевъ принять единовѣріе на правахъ 27 октября 1800 года" онъ ходатайствовалъ предъ синодомъ относительно обращенія Барановской часовни въ единовѣрческую церковь и получилъ надлежащее разрѣшеніе³⁾. Излишне говорить, что это сообщеніе произвело въ средѣ 2.300 прихожанъ Барановской часовни невообразимый переполохъ. Страшное слово "единовѣріе" было произнесено церковной властью во всеуслышаніе, безъ всякихъ ужимокъ и увертокъ. Нѣтъ больше при часовнѣ "старообрядцевъ," есть только "единовѣрцы"! Одни смутились, другіе даже возмутились: откуда взлѣтъ преосвященный, что они желаютъ принять единовѣріе? Этому ни въ одной бумагѣ ихъ по данному предмету сказано ими не было; они никогда не выражали намѣренія принять "платонову ересь"... Немедленно полетѣло прошеніе къ губернатору. Ему объясняли, что саратовскіе старообрядцы просили себѣ священника на правахъ криволучскихъ крестьянъ,—это было выражено прямо и ясно; также ясно выразилъ и преосвященный свое согласіе на предложенныя ему условия. Новое теперешнее предложеніе его "заключаетъ въ существѣ своемъ такую перемѣну противъ прежняго его дозволенія объ отправленіи въ ихъ часовнѣ богослуженія, что въ настоящее время общество на оную склонить нельзя, и если имъ, паче чаянія, не разрѣшать отправлять богослуженіе по примѣру Криволучья, тогда, къ величайшему сожалѣнію и сильному огорченію всего обще-

1) Ibidem, № LII.

2) Ibidem, № LV.

3) Ibidem, № LVI.

ства, могут открыться въ немъ разные толки, послѣдствія коихъ поселять непреодолимый раздоръ и болѣе неудобный и несомнѣстный съ видами правительства разномысленный расколъ". Въ виду этого Уфимцевъ настаивалъ на оставленіи дѣла по старому, какъ оно было начато и рѣшено Іаковомъ¹⁾. Сходное съ этимъ прошеніе отправлено было и къ Іакову. Подписавшійся подъ этимъ прошеніемъ попечителемъ „старообрядческаго“ храма Уфимцевъ напоминаетъ преосвященному, что имъ, Іаковомъ, выражено уже въ декабрѣ прошлаго года согласіе на представленныя старообрядцами условія, что ему откровенно высказана невозможность сразу принять единовѣріе,—для этого „потребна послѣдовательная постепенность и свойственная благотѣльному правительству терпимость“,—угрожаетъ, что въ случаѣ насильственнаго осуществленія „перемѣны“ многіе изъ единовѣрцевъ отпадутъ отъ Барановской часовни и „со временемъ содѣлаются подобными составляющимъ здѣсь безпоповщинскую секту“, и заявляетъ, что самъ онъ больше ничего ни сдѣлать ни предлагать своимъ собратьямъ не можетъ и оставляетъ на отвѣтственности преосвященнаго. Но преосвященный никакой отвѣтственности на себя брать не хотѣлъ и замѣлъ дѣло²⁾.

Такъ образовалось единовѣріе въ Саратовѣ. Не трудно замѣтить, что тутъ съ обѣихъ сторонъ дѣло велось не прямымъ путемъ: преосвящ. Іаковъ первоначально шелъ на всякія уступки, а потомъ, когда изъ старообрядческаго общества выдѣлилась извѣстная и притомъ довольно многочисленная группа согласныхъ на подчиненіе священниковъ своимъ епархіальному архіерею, онъ повернулъ въ другую сторону и свои уступки началъ брать назадъ; просители домогались только восстановленія богослуженія въ своей часовнѣ и приданія ей вида храма, дѣлали видъ, что соглашаются на единовѣріе, но избѣгали даже слова этого; становились въ зависимость отъ православнаго епископа, но не хотѣли молиться за св. синодъ, не хотѣли называть царя благочестивымъ, не хотѣли получать отъ православной церкви миро, подвергали по прежнему исправѣ даннаго имъ священника! Эта обоюдная фальшь быстро сдѣдала свое дѣло: „ало воспріяло образованіе и отблескъ истины, не имѣя существа ея“, какъ сказалъ бы преосв. Иринеѣ Нестеровичъ; рас-

¹⁾ Ibidem, № LVII.

²⁾ Ibidem, № LVIII.

кольники спрятались под маской единовѣрія, но не перестали быть раскольниками; конечно, бессознательно, по невѣжеству, но очень характерно и ядовито. саратовская полиція съ этого времени завела въ своихъ спискахъ отдѣльную графу съ заглавіемъ „раскольники *единовѣрческой* секты“¹⁾. Наружную язву, доступную глазу, замазали обоюдными стараніями, вогнали вовнутрь организма. Десять лѣтъ спустя, вотъ что писалъ гр. Стенбокъ объ этомъ дѣломъ единовѣрія: „Масленниковская церковь (такъ называлась Барановская часовня послѣ мнимаго воссоединенія) не болѣе, какъ сборище тайныхъ раскольниковъ, большей частью даже покровителей раскола, прикрывающихъ свои дѣйствія личиною единовѣрія. Ожиданія преосв. Іакова не сбылись: не только не присоединились къ благословенной церкви 30.000 раскольниковъ, но даже и тѣ, которые сначала вступили въ нее, скоро опять отпали въ расколъ, узнавъ, что священникъ ихъ находится въ зависимости отъ епархіальнаго начальства“²⁾. Не во вредъ ли церкви шли такіа воссоединенія, согласны ли они съ достоинствомъ православія, кому и зачѣмъ были нужны?..

Если эти 4000 фиктивныхъ единовѣрцевъ Саратова и Криволучья недостаточно убѣдятъ читателя въ той истинѣ, что единовѣріе 1841—1847 годовъ совсѣмъ не было единовѣріемъ, то я приведу еще нѣсколько однородныхъ примѣровъ. Старообрядцы балаковскаго и камейскаго уѣздныхъ приказовъ въ количествѣ 3.781 души, въ 1844 году, вслѣдъ за криволучскими собратьями, приняли единовѣріе³⁾. Для значительной части ихъ, именно единовѣрцевъ села Теликовки, николаевского уѣзда, которые, казалось, особенно искренно присоединялись, въ 1845 году выстроенъ былъ молитвенный домъ и данъ священникъ⁴⁾. Прошелъ какой-нибудь годъ послѣ этого и обнаружилось, что почти всѣ единовѣрцы „уже отклонились отъ молитвеннаго дома и хотятъ опять привести себя въ первобытное состояніе“. Сами единовѣрцы объясняли этотъ фактъ тѣмъ, что священникъ ихъ, І. Лукинскій, болѣе занимается „хмѣльнымъ питіемъ“, гуляемъ съ людьми дурнаго поведенія, и посѣщеніемъ непристойныхъ домовъ, чѣмъ отправленіемъ богослуженія; но если

1) Отчетъ гр. Стенбока.

2) *Ibidem*.

3) Отч. синод. об.-прок. за 1844 годъ, 35.

4) N 3774, 53—55.

принять во внимание, что этот священник в сентябрь 1845 г. получил архипастырскую благодарность за исправное прохождение возложенной на него должности, а в 1847 году, послѣ свѣдѣнія по теликовскому дѣлу, перевѣщенъ пресв. Афанасіемъ въ Никольскій единовѣрческій женскій монастырь, то можно, пожалуй, и усумниться въ справедливости такого объясненія возвращенія единовѣрцевъ въ первобытное состояніе: изъ этого состоянія они и не выходила¹⁾.

Еще интереснѣе исторія единовѣрія въ селѣцъ Маянгѣ, тоже за Волгой. Въ январѣ 1842 года туда прѣхалъ вольскій единовѣрческій священникъ Степанъ Урбановъ съ балаковскимъ удѣльнымъ головой Павломъ Шикинымъ и безъ вѣдома приходскаго духовенства записалъ въ единовѣріе около 100 душъ маянгскихъ удѣльныхъ крестьянъ. Согласія записываемыхъ на принятіе единовѣрія Урбановъ съ Шикинымъ, конечно, не спрашивали. Затѣмъ они открыли богослуженіе въ домѣ раскольника Чеботарева и поручили крестьянкѣ Дарьѣ Васильевой отправлять его послѣ ихъ отъѣзда, причемъ оставили ей ризы и кадилью. Единовѣріе открылось, но скоро выяснилось, что оно собой обозначало: во-первыхъ, раскольники, у которыхъ Дарья доселѣ была чѣмъ-то въ родѣ пода, теперь открыто и безвозбранно стали отправлять богослуженіе подъ именемъ единовѣрцевъ; во-вторыхъ, въ единовѣріе записанными оказались крестьяне *православнаго* исповѣданія, всегда исправлявшіе требы у своихъ приходскихъ священниковъ²⁾. О чѣмъ этого присоединенія говорить не буду.

Почти одновременно съ раскольниками николаевского уѣзда начались усиленные обращенія къ единовѣрію и среди раскольниковъ хвалынскаго уѣзда. Въ самый непродолжительный промежутокъ времени въ Хвалынскѣ, Апалихѣ и Селитьбѣ приняли единовѣріе 2.640 человекъ³⁾, благодаря закрытію раскольниковыхъ часовенъ. Но и въ хвалынскомъ уѣздѣ принятіе единовѣрія происходило не лучше, чѣмъ въ Саратовѣ или за Волгой: въ Апалихѣ „упорствующій“ единовѣрецъ Сидоръ Харитоновъ открылъ свою моленную; въ Селитьбѣ единовѣрцевъ, спустя всего какихъ-нибудь 3—4 года по обращеніи ихъ изъ раскола, осталось только 6 семействъ, прочіе же опять укло-

¹⁾ Арх. канц. сам. еписк., № 376, 1—39.

²⁾ Указъ сар. конс., 14 мая 1842, № 3218.

³⁾ Варадиновъ, VIII, 467.

ились въ расколъ, заявляя, что они дали подписку на единовѣріе единственно „въ слѣдствіе угрозъ окружнаго начальника и протоіерея“ (Дьяконова) и что на самомъ дѣлѣ они согласны принять помянутое только съ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы онъ отрекся отъ епископа и состоялъ въ исключительномъ завѣдываніи полиціи. Определенный къ нимъ священникъ только при помощи мѣстнаго начальства могъ найти себѣ квартиру и всѣ его прихожане, — эти „упорствующіе единовѣрцы“, т. е. раскольники, которыхъ, по дедикатному выраженію гр. Стенбока, „не совсѣмъ правильно присоединили къ церкви,“ — толпами вѣздили въ старообрядческую часовню въ Сосновую Мазу и смотрѣли на нее, какъ на соборную церковь. Въ исторіи селитѣвскаго единовѣрія, какъ она известна въ разсказѣ гр. Стенбока, любопытно показаніе „упорствующаго единовѣрца“ Пименз Антонова: онъ объявилъ, что никогда не давалъ подписки на принятіе единовѣрія, но въ бытность въ Селитѣвѣ миссіонера Дьяконова далъ ему подписку въ томъ, что „желаетъ имѣть священника на правахъ старообрядческихъ, каковъ былъ въ Вольскѣ попъ Прохоръ,“ и положительно не знаетъ, какъ читалъ эту подписку Дьяконовъ и зачѣмъ помѣстилъ его въ списки единовѣрцев¹⁾.

Гораздо меньше было обращеній по вольскому уѣзду и потому тамъ неизвѣстно такихъ прискорбныхъ фактовъ, какъ только что перечисленные. Послѣ долгихъ безуспѣшныхъ стараній преосв. Іакову удалось добиться распоряженія обратить вольскій каменный старообрядческій храмъ въ единовѣрческій. Секретный комитетъ, въ засѣданіи 11 января 1840 года, согласно съ мнѣніемъ министра внутреннихъ дѣлъ, гр. Строгонова, основаннымъ на представленіи саратовскаго губернатора Власова, отклонилъ ходатайство преосвященнаго относительно передачи этого храма единовѣрцамъ, въ виду того, что во всемъ Вольскѣ единовѣрцевъ оказалось только 30 чело-вѣкъ, но поучилъ Іакову не переставать убѣждать вольскихъ раскольниковъ присоединиться къ церкви²⁾. Къ 1845 году преосвященный нашелъ еще нѣсколько десятковъ согласныхъ на единовѣріе и храмъ 6 февраля этого года былъ переименованъ. Но само по себѣ одно переименованіе не упрочило въ городѣ единовѣрія: Христо-

¹⁾ Дѣла Секр. Комит., Vol. XXXII, л. 488; Отчетъ гр. Стенбока. Сп.: Вардановъ, VIII, 575.

²⁾ Дѣла Секр. Комит., Vol. X, стр. 62—64.

рождественская церковь, несмотря на всё усиліе А. П. Сапожникова, обратившагося въ единовѣріе, по примѣру Уфимцева и Масленникова, никогда не имѣла и десятой доли прихожанъ Львовской раскольничьей часовни, стоявшей въ саду Расторгуевыхъ, къ которой принадлежало приходомъ до 10.000 человекъ¹⁾.

На ряду съ безуспѣшностью проповѣди единовѣрія къ началу 50-хъ годовъ замѣчается и другое явленіе, стоящее въ близкой связи съ даннымъ: отпаденія и совращенія стали прогрессивно усиливаться. Такъ въ Поповкѣ, хвалынскаго уѣзда, 120 душъ православныхъ обоюго пола, по отзыву причта, „самыхъ усердныхъ къ храму Божію“, вмѣстѣ со старостой, попечителемъ и церковными пѣвчими обратились къ своему священнику съ просьбой внести ихъ въ списки раскольниковъ и настоятельно требовали поскорѣе отправить ихъ на увѣщаніе къ епархіальному архіерею или въ консисторію. На мѣру увѣщанія раскольники вообще смотрѣли какъ на необходимую формальность или неизбежную церемонію, которую должно непременно отбыть и результаты которой вперёдъ извѣстны. Увѣщатели часто даже не трудились и убѣждать упорствующихъ, такъ что вся церемонія ограничивалась одной данью, а затѣмъ высланные на увѣщаніе отправлялись по домамъ и водворялись въ мѣстахъ жительства безъ всякаго взысканія²⁾. Однородныхъ случаевъ, хотя и не въ такихъ крупныхъ размѣрахъ, можно насчитать сотни: въ архивѣ саратовской консисторіи за это время на каждомъ шагу встрѣчаются дѣла объ „отпаденіяхъ“ и „совращеніяхъ“. Поэтому представляется совершенно справедливомъ утверженіе товарища министра внутреннихъ дѣлъ Сенявина, который, по высочайшему повелѣнію, въ 1848 году изучалъ состояніе раскола въ Саратовскомъ краѣ, въ докладной запискѣ его императору Николаю, что „необычайный успѣхъ въ дѣлѣ присоединенія изъ раскола къ единовѣрію вмѣсто пользы обратился во вредъ православію“. Получая постоянно извѣстія, что совращенія, несмотря на всё противораскольничьи мѣры, повторяются и даже усиливаются, что обращенные въ единовѣріе опять уходятъ къ прежнимъ заблужденіямъ и объясняютъ, что хотя они и изъявляли желаніе принять правильное священство, однако дѣлали это не искренно, а только во избѣ-

¹⁾ Отчетъ гр. Стеньбока.

²⁾ Ibidem.

жаніе преслѣдованій гражданскаго и духовнаго начальства, правительство остановилось въ недоумѣніи, что дѣлать дальше? Если усилить преслѣдованія за переходъ въ расколъ, если всѣхъ признающихъ неискреннимъ свое присоединеніе считать за совратившихся, то всѣ присутственныя мѣста почти исключительно будутъ запяты разсмотрѣніемъ дѣлъ о соврашеніяхъ; если же какъ будто не замѣчать зла, то явится мысль о безмолвномъ покровительствѣ расколу¹⁾. Въ виду затруднительности этой дилеммы, правительство покончило съ ней довольно оригинально: оно приняло обѣ половинныя ея, — въ однихъ случаяхъ строго карало за соврашенія, въ другихъ — глядѣло на нихъ сквозь пальцы. Само собою понятно, что этимъ путемъ дѣло не поправлялось, а только допорчивалось.

Итакъ къ 50-мъ годамъ, при всей строгости правительственныхъ мѣръ, отпаденія не прекратились; а даже усилились; единоувѣріе „возбуждало справедливыя сомнѣнія и даже опасенія“ По спискамъ, единоувѣрцевъ числилось до 10.000, но, по наблюденіямъ Арсеньева, едва ли и пятая доля этой цифры исполняла правила 1800 года и были единоувѣрцами въ душѣ; остальные же только слыли единоувѣрцами или потому, что ихъ занесли въ единоувѣрческіе списки произвольно, безъ ихъ согласія, или потому, что они увлеклись возможностью подъ прикрытіемъ новаго званія свободнѣе прежняго продолжать жить раскольниками: „Можетъ быть, настоящее единоувѣріе водворено только въ 2—3 бѣдныхъ приходахъ и въ Иргизскихъ монастыряхъ; за то эти приходы бѣдны, а монастыри всегда пусты и никѣмъ не посѣщаются“²⁾.

Въ чемъ же нужно видѣть причины неуспѣшности борьбы православія съ расколомъ, отчего зависѣла бесплодность усилій правительства? Духовенство всегда видѣло эти причины въ недостаткѣ строгихъ мѣръ со стороны гражданскихъ властей, въ продажности нисшей администраціи, въ богатыхъ денежныхъ средствами покровителяхъ раскола. Свѣтскіе люди, по тому или другому поводу зна-

¹⁾ Дѣла Секр. Комит., Vol. XXXII, л. 484—485.

²⁾ Дѣла Секр. Комит., Vol. XXXIV, л. 766—787. Арсеньевъ ошибается, предполагая, что въ Иргизскихъ монастыряхъ было настоящее единоувѣріе: тамъ были такіе же единоувѣрцы, какъ и вездѣ. Доказательствомъ можетъ служить выданный Верхнему „единоувѣрческому“ монастырю 22 января 1844 года губернаторомъ Фадѣевымъ открытый листъ № 112, слѣдующаго содержанія: „Воспрещается *сходиться* въ церкви сего монастыря во время богослуженія не молящимся въ два перста, по обычаю единоувѣрцевъ“ (Арх. кавц. сам. ел. к., № 376, 16). Гдѣ же тутъ единство вѣры, единеніе духа? О такомъ „единоувѣрціи“ можно только скорбѣть.

Прим. авт.

комившіеся съ саратовскимъ расколомъ, подчасъ раздвляли мнѣніе духовенства, иногда же указывали и други болѣе соличныя причины: распространенность въ раскольничьей средѣ духа презрѣтства, большую грамотность и зажиточность раскольниковъ и раздѣленность между православнымъ народомъ и духовенствомъ въ связи съ повсемѣстнымъ почти забвеніемъ со стороны послѣдняго своего пастырскаго долга въ отношеніи заблуждающихся. Едва ли нужно останавливаться на разсмотрѣніи объясненія духовныхъ властей: изъ предыдущихъ главъ читатели знаютъ уже, что и богатства раскольничьихъ покровителей, и продажность администраціи содѣйствовали въ значительной степени распространенію раскола, но они знаютъ и другое, что увеличеніе строгости мѣръ противъ раскола, усиленіе административнаго давленія на его послѣдователей не повело къ благимъ для православія результатамъ. Все это озлобило однихъ и этимъ вдалогу отдалило ихъ отъ всякаго сближенія съ православіемъ, и заставило покривить душой другихъ, болѣе трусливыхъ и честолюбивыхъ, превратило ихъ изъ открытыхъ враговъ церкви Христовой въ православныхъ лишь по наружности. Но это только одна сторона дѣла; была и другая, быть можетъ, худшая: административное „содѣйствіе“ вредно отзывалось на самодѣятельности духовенства, приучало его къ мысли о необходимости правительственной опеки, извращало взглядъ на обязанности пастырскаго служенія, дѣятели слова и любви низводило на уровеньъ станovýchъ и исправниковъ, благопріятствовало развитію въ нихъ худшихъ инстинктовъ человѣческой природы. Все это очень удачно подмѣтилъ одинъ изъ наиболее внимательныхъ и наблюдательныхъ изслѣдователей саратовскаго раскола, товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ Сенявинъ: „Вся дѣятельность духовенства, — говоритъ онъ во всеподданнѣйшемъ докладѣ о состояніи раскола по Саратовскому краю, — устремлена на законное преслѣдованіе отступившихъ отъ православія, а отнюдь не на назиданіе тѣхъ, которые пребываютъ ему вѣрными; итакъ, удивительно ли, что въ глазахъ раскольниковъ православные священники теряютъ свой священный характеръ и кажутся имъ только полицейскими чиновниками, а въ прихожанахъ своихъ поселяютъ къ себѣ чувство совершеннаго равнодушія“? Разумѣется, удивляться тутъ нечему, и государь надписалъ на поляхъ, противъ этихъ словъ доклада: „Весьма справедливо и крайне

прискорбно¹⁾). И даже еше пришлося православным сннать верки скорбѣть по этому поводу, ибо вера пошла на много лѣтъ!

Герадо саревнѣе и основательнѣе второе мнѣніе, по которому заренъ зла крылся въ раабощенности цаствы, отъ пастырей и въ неаравннѣномъ отношеніи послѣднихъ къ своимъ образностямъ. То несомнѣнный фактъ, что къ началу 50-хъ годовъ весь Саратовскій край охваченъ былъ расколомъ. Если по счету прот. Чернышевскаго въ 1839 году въ саратовскомъ уѣздѣ „заражено“ было расколомъ только 8 селеній [Синенькіе, Базарный Карбулакъ, Поповка, Вязовка, Дорюфеевка, Нагорная Нееловка, Идолга и Широкий Буеракъ], то 15 лѣтъ спустя гр. Стенбокъ причислялъ къ нимъ еше 14 [Удѣкъ, Хмѣлевка, Пристанное, Усовка, Михайловка, Ново-Наталино, Гремячка, Дохъ, Озерки, Комаровка, Одоващина, Содомъ, Завьяловка и Тешляковка] и называлъ 20 изъ нихъ, за исключеніемъ Идолги и Нееловки, „центрами“ раскола,—по его наблюденіямъ, цлсто православнымъ селомъ оказалась только Рыбушка, заселенная выходцами изъ Малороссіи, Далѣе, если въ уѣздѣ хвалыдскомъ, по счету прот. Ремезова, было около того же 1839 года 10 раскольничьихъ селъ [Федоровка, Ивановка, Етшанка, Окатная и Сосновая Мазы, Широкий Буеракъ, Алексѣевка, Апазиха, Селитьба и Шалкино], то Стенбокъ насчиталъ ихъ 16 безъ Широкаго Буерака [кромя перечисленныхъ еше Самодуровка, Поповка, Болтуновка, Покурлеѣ, Поселокъ, Павловка и Шаховское], съ значеніемъ центровъ раскола. Еше, по уѣзду вольскому прот. Бибииковъ зналъ 8 раскольничьихъ селъ [Рыбное, Синодская Терешка, Терса, Черкасское, Улыбовка, Кряжпмъ, Юдовая Маза и Чернавка],—гр. Стенбокъ насчетъ ихъ 18 безъ Чернавки и Рыбнаго [Воскресенское, Труева Маза, Вязовый Ключъ, Колояръ, Донгузъ, Барановка, Балтай, Царевщина, Максимовка, Медедиково, Булгаковка и Лопастейба²⁾]. По другимъ уѣздамъ не существуетъ такихъ подробныхъ свѣдѣній, но, судя по нѣкоторымъ указаніямъ, дѣло вѣ тамъ обстоило нисколько не лучше: прот. Ястребовъ уже въ 1841 году насчитывалъ по аткарскому уѣзду 18 селъ съ раскольничьимъ населеніемъ [Баданда, Монастырское, Чадаевка, Большая Ольпанка, Большая и Малая Дмитріевка, Бѣлгаза, Рельня, Колѣвно, Большая

¹⁾ Ibidem, Vol. XXXII, л. 476—477; см.: Варадиновъ, VIII, с. 573.

²⁾ Отчетъ гр. Стенбока; № 8774, 13—14.

Есагериновка, Воскресенское, Голыцыно, Александровка, Шаренгетевка, Широкий Нарамышъ, Новая Вахметовка, Атаевка, Копенц¹⁾; прот. Рождественскій въ 1840 году писалъ, что въ петровскомъ уѣздѣ, не говоря уже о большомъ количествѣ чистыхъ раскольниковъ, даже большая часть православныхъ, „кромѣ дворянскаго сословія и мордовской націи“, молятся двуперстнымъ сложеніемъ²⁾; о саратовцахъ вообще преев. Іаковъ отзывался, что они оцѣлны къ старообрядчеству, что даже въ православныхъ церквяхъ есть иконы съ двуперстнымъ сложеніемъ, „по раскольниковому мудрованію“, и при православномъ богослуженіи многіе, приходя въ храмъ, крестятся двумя перстами, а по мѣстамъ „самые православные сыны православной церкви имѣютъ твердое убѣжденіе, что тотъ, кто не изображаетъ на себѣ крестнаго знаменія двуперстнымъ сложеніемъ, по старинному обряду, хотя бы онъ имѣлъ высокія добродѣтели, не можетъ внийти въ царство небесное“³⁾.

При такомъ составѣ паствы духовенству необходимо было жить одной жизнью съ нею, стоять возлѣ, а не вдали, и въ то же время каждую минуту держаться на высотѣ своего призванія. Въ Саратовскомъ краѣ, быть можетъ, болѣе, чѣмъ гдѣ-нибудь, духовенство должно было помнить слова Спасителя о свѣтильникѣ, стоящемъ на вершинѣ горы, о свѣтѣ міра, о соли земли. Тысячи глазъ слѣдили жадно за горѣніемъ этого свѣтильника, тысячи злыхъ языковъ готовы были разнести дурную молву объ его мерцаніи. Пустой промахъ, малѣйшая оплошность—и тяжелый укоръ падаетъ на православіе, и соблазняется еднѣй отъ малыхъ, немощныхъ въ вѣрѣ сыновъ его, и оставляетъ церковь Христову... Здѣсь свѣтъ долженъ свѣтить ярко и ровно, здѣсь соль постоянно должна сохранять свои свойства—и горе, если свѣтъ станетъ меркнуть, если соль обуюетъ! Въ начинающейся темнотѣ духовныя овцы легко сбываются съ дороги и разредутся по чужимъ пажитямъ; при недостаткѣ соли быстро разольется во всѣ стороны гніеніе духовнаго организма. Напрасны тогда всѣ эти тусклые, коптящіе и чадающіе свѣтильники, будутъ ли они въ черныхъ или цвѣтныхъ рясахъ, съ мірскими или ангельскими именами, всѣ эти Моисеи и Палладіи,

¹⁾ Сар. сем. библ., № 2662, 120.

²⁾ Ibidem, 53.

³⁾ Имп. Рус. геогр. общ., рук. Іанова.

Дьяконовы и Бибиковы; бесполезны и бѣтныя, наружныя средства, хотя бы это были огонь и желѣзо!...

Такъ отчасти смотрѣть на дѣло и св. синодъ, когда въ началѣ 1843 года писалъ въ своемъ указѣ преосв. Іакову: „Для успѣху обращенія раскольниковъ къ православію, независимо отъ надлежащаго содѣйствія со стороны гражданскаго начальства, необходимо усугубить внимательность духовенства къ способамъ ихъ обращенія, непосредственно отъ него зависящимъ. Способы сіи... могутъ состоятъ... въ строжайшемъ наблюденіи за неукоризненнымъ поведеніемъ приходскихъ священниковъ, чтобы они сами отнюдь не давали повода раскольникамъ избѣгать выполнения обрядовъ, чтобы не были притялательны къ вымогательству возвышенной платы за совершеніе требъ, особенно же за гнѣчаніе. Все это бываетъ часто, но ваше преобладающее, при всей благонамѣренности, неохотно тому вѣрять, не хотите явче разыскивать за то, какъ по изобличеніи формальными слѣдствіями. Слѣдствія сіи производятся благочинными, реже болѣею частью расположенными покрывать неблаговидныя дѣйствія подобныхъ священниковъ или по видамъ норовя, или пріязни къ нимъ, или же самаго покровительства, которое священники имѣютъ въ консисторіи и въ почетныхъ духовныхъ лицахъ губернскаго города, всѣ окружающихъ; это духовенство поддерживаетъ въ васъ ту мысль, что малымъ успѣхамъ въ обращеніи раскольниковъ единственною причиною послабленія городской и земской полиціи. Не отвергая вовсе послѣдней причины, поддерживаемой достаткомъ и единодушіемъ раскольниковъ, можно сказать утвердительно, что она есть второстепенная, но главная состоитъ въ отсутствіи въ духовенствѣ или качествъ, или готовности къ изысканію тѣхъ способовъ къ обращенію раскольниковъ, кои были бы къ тому всею дѣйствительнѣе, или отчасти, быть можетъ; заключается и въ самомъ крайне скудномъ ихъ содержаніи въ тѣхъ приходяхъ, кои составлены главнѣйше изъ раскольниковъ⁴⁾. Еще рѣзче, явнѣе проглядываетъ та же мысль въ другомъ, циркулярномъ, указѣ св. синода, отъ 5 апрѣля 1845 года, состоявшемся по высочайшему повелѣнію: „Преосвященные должны, сколько можно чаще, внушать священникамъ тѣхъ приходовъ, гдѣ живутъ раскольники: а) обращаться съ раскольниками не презрительно и

4) Арх. коновск., 1843, № 1369, 1.

не враждебно, а кротко и миролюбиво, наблюдая во всем благо-
разумную умеренность и осторожность, ничем не раздражая их
ни въ рѣчахъ, ни въ дѣйствіяхъ; б) вѣрже всего дѣйствовать на
нихъ, собственными примѣромъ строгой, неукоризненной, христіан-
скимъ пастыремъ приличной, благодеятельной жизни, исполненной
духа теплою, безкорыстной любви не только въ приходѣ своемъ, пра-
вославнымъ, но и къ заблудшимъ; в) удаляться въ житіи своемъ отъ
всего того, что могло бы дать пищу предсудительнымъ толкамъ и
злословію; г) тѣмъ паче избѣгать въ дѣйствіяхъ своихъ всего того,
что могло бы давать поводъ раскольникамъ къ ропоту и жалобамъ;
д) для обращенія ихъ ни въ какомъ случаѣ не прибѣгать къ
инымъ средствамъ, кромѣ указуемыхъ достоудражительнымъ при-
мѣромъ св. ревнителей о спасеніи души, т. е. духовнаго увѣщанія,
раствореннаго любовью, кротостью и долготерпѣніемъ; е) духовныя
увѣщанія дѣлать подзудясь благопріимчивыми къ себязданію
случаями; ж) пріобрѣтати уваженіе и довѣріе раскольниковъ разу-
дительною и безпристрастнымъ образомъ мыслей и дѣйствій,
опытною, скромною, съсрадательностію и другими саму по-
добными свойствами; з) ни подъ какимъ видомъ не вмѣшиваться въ
ихъ, раскольниковъ, требы, ниже въ какія-либо полицейскія распо-
ряженія о противозаконныхъ дѣйствіяхъ; и) ни въ какихъ дѣлахъ
по предмету раскола не обращаться съ требованіями или доносами
къ свѣтскимъ властямъ, но доводить о томъ до свѣдѣнія своего
епархіальнаго архіерея; і) къ православію изъ раскола присоеди-
нять только лицъ, являющихся собственною, непринужденною и
искреннею на то желаніемъ¹⁾.

Но иное дѣла писать указы и совѣтъ иное—исполнять ихъ,
особенно когда за исполненіемъ слѣдитъ человекъ не по убѣж-
денію, а по необходимости. Въ первый указъ преосв. Іаковъ отвѣ-
чалъ, между прочимъ, что въ продолженіи 11-лѣтняго управленія
своего саратовской епархіей онъ не получилъ ни одного основа-
тельнаго свѣдѣнія, чтобы кто-либо изъ православныхъ свѣщенни-
ковъ подавалъ поводъ раскольникамъ избѣгать исполненія обрядовъ
и вымогалъ возвышенную плату за совершеніе требъ; что во всѣхъ
почти приходахъ, имѣющихъ раскольниковъ, даны ученые и благона-
дежные священники, о которыхъ насто и сами раскольники слы-
шатъ.

¹⁾ Ibidem, 1845, № 666, 1; см.: Собр. постановл., по изд.: М. В. Д., 307—308.

ваются съ похвалою и желали бы имѣть ихъ у себя на основаніи своихъ правилъ. Тѣ же священно- и церковно-служители, которые избѣгаютъ правиламъ добраго поведенія, преслѣдуются законнымъ судомъ и подвергаются строгимъ взысканіямъ; что при повѣщеніяхъ епархіалъ только въ двухъ селеніяхъ была приносима ему лично жалобы на приходскихъ священниковъ въ лишнихъ поборакъ за требы и священники эти немедленно были удалены въ другіе приходы. Были присылаемы жалобы на бумагахъ и на дружескѣ священниковъ, но въ такомъ случаѣ производимы были строгія изслѣдованія и рѣшенія показались безъ всякой поправки; впрочемъ, такъ же дѣль слухалось немного и мѣлая сквасть, чтобы саратовское духовенство было заражено склонностью къ излишнимъ поборамъ за требы и служило потому препятствіемъ къ обращенію раскольниковъ, охотно платящихъ своими обрѣзными пошамъ за требу отъ 10 до 1000 р. Саратовское сельское духовенство, трудолюбиво занимааясь земледѣльствомъ и получая отъ того порядочныя выгоды въ урожайныя годы, не только избѣгаетъ незаконныхъ поборовъ, но еще само дѣлаетъ обрѣзнымъ приходскимъ отъ своихъ избытковъ¹⁾. Если бы все это было такъ, то нельзя было бы не сознаваться съ пренебреженіемъ, что вся обрѣда не въ православномъ духовенствѣ, и въ обрѣзныхъ пошамъ и „неудобо-побрѣдимомъ упрямствѣ“ раскольниковъ; но, въ томъ-то и дѣло, что все было совсѣмъ не такъ: это признала и консисторія, писавшая даже пошва, именно въ 1852 году, что, несмотря на всѣ указы и воспрещенія начальства, „неожиданныя дѣйствія духовенства, особливо въ отношеніи сентавтовъ, дѣлосторяются“ (попрежнему²⁾); это доверять и свои свидѣтели того времени; къ этому же выводу склоняетъ и просмотръ консисторскихъ документовъ. „Духовенство старое, — говоритъ гр. Стенбогъ, — священники того періода, когда губернія саратовская соединена была съ пензенскою и даже астраханскою, имѣли недостатокъ бѣлыя: чѣмъ духовенство новое, или недостатки эти рельефнѣе выказываются въ немъ. Большая часть священниковъ старыхъ аттестуются не очень нравными; они менѣе аккуратны въ исполненіи своихъ обязанностей и оттого чаще бываютъ небрежнѣе въ дѣйствіяхъ, истощаясь, которыхъ или дѣль — почти всегда ворисемы.

¹⁾ Арх. конси., 1848, № 1369, 3—6.

²⁾ Тамъ же, 1846, № 661, 1.

Въ отношеніяхъ къ раскольникамъ они, кромѣ совершеннаго незна-
 вія ихъ духа, бываютъ не только слишкомъ слабы и неблагоуразумно
 снисходительны, но и постыдно потворствуютъ такъ; не выскывая
 за уклоненіе отъ исповѣди и св. причастія, они огмѣчаютъ небыв-
 шихъ бывшими, получая за то съ нихъ опредѣленную пощлону;
 вѣнчаютъ по-солонь или даже вовсе не вѣнчая выдаютъ брачныя
 свидѣтельства, довольствуясь извѣстной суммой; записываютъ въ
 метрики новорожденныхъ и умершихъ, но совершая надъ ними
 обряды крещенія или похоронъ... Общій недостатокъ молодого
 духовенства — какая-то невидержанность характера: то излившая
 щеотливость и занесчивость, особенно передъ крестьянами; то
 стѣсненіе своимъ саномъ и даже какъ будто неуваженіе къ нему,
 иногда выказываемыя предъ людьми свѣтскими... Наше духовен-
 ство генеръ изъ служителей алтара превращается въ гражданскихъ
 получившиковъ... Отъ своего начальства духовенство получаетъ
 мало поддержки. Благочинный чаще всего самъ подаетъ поводъ
 духовенству къ неправильнымъ дѣйствіямъ и, въ случаѣ крайно-
 сти, первый выдаетъ его. Консисторія — во мнѣніи духовенства по-
 лучивъ значеніе какого-то безвыходнаго мѣста, „калдейской печи“,
 какъ весьма характерно называютъ духовные это присутственное
 мѣсто. Если молодой священникъ съ своею добросовѣстностью пока-
 жетъ въ росписяхъ оновъ всѣхъ небывшихъ у исповѣди, начальство
 видитъ въ этомъ слабость, посылаетъ священнику критическіе
 запросы и оканчиваетъ внушеніемъ, чтобы этого вредъ не было. И
 когда недогадливый священникъ вновь повторитъ свои показанія и
 даже съ большими доказательствами, его окончательно признаютъ
 слабымъ и неспособнымъ къ удержанію пастыри въ нѣдрахъ право-
 славія и перемѣщаютъ въ другой приходъ. Его преемникъ, зная
 настоящую причину перемѣщенія предшественника, начинаетъ
 постепенно убавлять число небывающихъ у исповѣди, уклончивѣе
 дѣлаетъ отзывы объ усердіи приходанъ и, наконецъ, доводитъ рос-
 писки до того, что въ нихъ встрѣчаются только бывающіе да мало-
 дѣтніе. Консисторія очень хорошо знаетъ причины улучшенія нрав-
 ственности приходанъ, но, при извѣстныхъ условіяхъ, обвиняетъ
 это апостольскими способностями священника, дѣлаетъ похвальные
 отзывы о немъ, ходатайствуетъ о награжденіи его усердіемъ. Возму-
 тительная система!... Изъ всѣхъ священниковъ трехъ уѣздовъ

(саратовскаго, вольскаго и хвалынскаго), по отзыву гр. Стеньки, только одинъ, Георгій Виноградовъ, оказался свѣдущимъ въ основаніяхъ главныхъ сектъ раскола, а въ особенности поповской, но и то потому, что онъ, бывши изъ симбирской губерніи, много лѣтъ былъ попомъ въ Иргизскихъ монастыряхъ¹⁾. Этотъ отзывъ не грѣшитъ излишней строгостью. Скорѣе, напротивъ, его можно назвать слишкомъ мягкимъ.

Отписывая въ синодъ, что саратовское духовенство стоитъ на высотѣ своего призванія, преосв. Іаковъ забылъ, вѣроятно, два очень характерныхъ факта: что въ 1835 году онъ во всей епархіи не нашелъ среди духовенства лицъ, достойныхъ представленія къ наградамъ; такъ что синодальный оберъ-прокуроръ сдѣлалъ ему по этому поводу официальный запросъ и посоветовалъ впредь быть щедрѣе²⁾; и что въ 1842 году хвалынский благочинный Ремезовъ донеслъ ему со всею откровенностью о полномъ отсутствіи по хвалынскому уѣзду и между прихожанами и между духовенствомъ достойныхъ милостиваго вниманія властей, — „особенныхъ пріятель добродѣтелей нѣтъ и не было“, писалъ Ѡ. Ремезовъ³⁾. Съ отсутствіемъ „особенныхъ добродѣтелей“ можно бы, конечно, помириться, если бы не было извѣстно, что для полученія наградъ ничего въ строгомъ смыслѣ слова „особеннаго“, выходящаго изъ ряда обыкновеннаго, не требовалось. А если такъ, то осторожная, при всей ея откровенности, фраза прот. Ремезова принимаетъ совсѣмъ другой характеръ. Но мало того, что духовенство не проявляло особенныхъ добродѣтелей; есть много фактовъ, свидѣтельствующихъ, что оно могло похвалиться пероками и что епархіальная власть смотрѣла на эти пороки слишкомъ легко и снисходительно.

Въ февралѣ 1836 года крестьяне селъ Барнуковки, вольскаго уѣзда, жаловались на своего священника, Георгія Колпикова, указывая, что онъ за свадьбы беретъ отъ 8 до 30 руб., за метрическія выписки — отъ 5 до 6 руб., за погребеніе — 8, 00 и даже 130 рублей. Консисторія нашла, что „посторонними свѣдѣлствами поборы не доказаны, а самъ священникъ чинитъ задрядельство“, и потому приговорила послать его на усмотрѣніе къ поведенію въ кафедральный соборъ⁴⁾. На слѣдующій годъ открылось, что

¹⁾ Отзывъ гр. Стеньки.

²⁾ Арх. консист., 1836, № 89, 13. 1836 г. 12 ф. 1. 1836 г. 01 — 1. 1836 г.

³⁾ Сар. сем. библ., № 2662, 18.

⁴⁾ Арх. консист., 1836, № 247, 2—74.

священникъ села Мещеряковки, Бадашровскаго уѣзда, Терентій Добронравовъ, бралъ съ раскольниковъ отъ 1 до 7 руб. за дозволеніе хоронитъ покойниковъ безъ церковнаго отпѣванія¹⁾. Въ томъ же году свящ. Сосновой Мазы, хвалынскаго уѣзда, Григорій Воронцовъ, за хорошія деньги давалъ письменныя разрѣшенія желающимъ изъ числа своихъ прихожанъ вѣнчаться у бѣглыхъ поповъ²⁾. Въ 1839 году крестьяне села Еловатки, того же уѣзда, жаловались на поборы духовенства: свящ. Дмитрій Петропавловскій бралъ за свадьбы по 20—24 руб. Дѣло окончилось было примиреніемъ сторонъ, но начавшееся слѣдствіе открыло массу другихъ предосудительныхъ поступковъ духовенства, — пьянство, вѣнчанье браковъ отъ живыхъ женъ и мужей и т. п., — а потому пр. Іаковъ велѣлъ вести дѣло до конца. По слѣдствію, духовенство было обвинено во всѣхъ этихъ проступкахъ и преступленіяхъ, но, за силой манифеста 16 апрѣля 1841 года, прощено и только выслушало „строгое“ внушеніе въ духовномъ правленіи³⁾.

Можно ли хотя на минуту сомнѣваться, что перечисленные здѣсь, и еще болѣе не перечисленные, изъ уваженія къ современному намъ саратовскому духовенству, факты⁴⁾ стояли въ самомъ тѣсномъ соотношеніи съ расколомъ? Въ этомъ, какъ можно полагать на основаніи нѣкоторыхъ изъ указанныхъ примѣровъ, не сомнѣвался и самъ преосвященный Іаковъ, обычно съ недоброобразной односторонностью смотрявшій на расколъ и съ упрямой настойчивостью отрицавшій виновность своего духовенства въ дѣлѣ распространенія раскольничьихъ заблужденій. Іаковъ только въ началѣ своего управленія саратовской епархіей правильно глядѣлъ на роль священника въ средѣ прихожанъ: „Предоставить Росничкиному умѣть привлечь своихъ прихожанъ къ своей церкви. Холодность прихожанъ къ церкви зависитъ отъ священника. Священникъ есть душа прихода: при валой и холодной душѣ — вяло и хладнокровно тѣло“,

¹⁾ Ibidem, 1837, № 2574.

²⁾ Указъ сар. конс., 21 мая 1837, № 3519.

³⁾ Арх. сар. нбмст., 1839, № 532, 7—105.

⁴⁾ Ibidem, 1840 г. № 301, 3—19; № 127, 1—11; 1842 г. № 1760, 1—79; 1843 г. № 2223, 3—4; № 2777; 1836 г. № 445, 9; 1843 г. № 2057; 1836 г. № 888, 1—61; 1839 г. № 1186, 1—152; 1840 г. № 553, 1—83; 1841 г. № 819, 1—65; № 2390; № 856, 1—33; 1845 г. № 923, 1—52; 1841 г. № 2178, 3—47; 1842 г. № 2541; № 2065; 1843 г. № 937, 1—70; № 1528; № 1869; № 2783, 1—102; № 2784, 1—120; 1845 г. № 568; № 1204, 1—98; 1840 г. № 941; № 640, 1—125; 1843 г. № 1992, 1—10; № 2368, 1—3; 1842 г. № 2272, 1—65; 1839 г. № 1025, 1—8; 1840 г. № 540, 1—11; 1841 г. № 976, 1—27.

надписала онъ однажды на рапортѣ этого священника, о собраніи въ расколѣ двохъ прихожанъ его¹⁾. Жаль, что этой мудрой резолюціи не вынулъ священникъ Росняцкій, — админъ нѣк. ревностныхъ обратителей „съ содѣйствіемъ полиціи“; но еще болѣе жаль, что ее въ послѣдствіи забылъ и самъ Іакоуъ: она спасла бы его отъ многихъ ошибокъ и въ значительной степени помогла бы успѣхамъ православія. Эта забывчивость или правильнѣе — доворотъ во взглядахъ тѣмъ болѣе странна, что отъ времени до времени пр. Іакову приходилось выслушивать такіе же взгляды на связь раскола съ безобразіями въ средѣ православнаго клира отъ единицъ представителей этого клира. Такъ прот. Ивавъ Терновскій въ предельномъ пресвященному описаніи камышинскаго уѣзда усиленно подчеркиваетъ эту связь: въ Верхней Добринкѣ, во его словахъ, „совѣщавше неученые, безсловесныя священники собственнымъ невѣжествомъ попускають укоренитья расколу“; въ Гразнухѣ „пастырь людей спитъ на туцныхъ пакатахъ, и, сколько невѣстно, скрываетъ отъ начальства раны невѣжества и несообразности людскаго“; въ Мордовахъ только въдасъ помѣшникомъ удерживають крестьянъ отъ рѣшимости открыто перейти въ расколъ, сами враги имѣють ту же болѣзнь“, — крестьянъ свратяють въ расколъ православный священникъ Василій Андреевъ; въ Банномъ и Золотомъ — тоже; въ Ахматѣ — дѣтели развратными и глупыми священниками доведены до глубокаго неуваженія къ прямому православію“; вообще же, по всему уѣзду, „пастыри духовные спятъ и не обращаютъ вниманія на растлѣніе нравовъ и не только въ домахъ не учать, ко и въ церкви нѣкоторыя едва ли и одинъ разъ въ годъ читають слово Божіе, хотя всѣ просвѣщенныя люди“²⁾. Еще опредѣленнѣе высказался прот. Чернышевскій въ докладной запискѣ пр. Іакову: „Преимущественно должно позаботиться, чтобы духовные вели себя трезво и честно, богослуженіе въ храмахъ Божіихъ производили чинно, слово Божіе проповѣдывали просто, ясно и прилежно, съ противниками св. церкви обращались съ разумной кротостью, православнымъ христіанамъ оказывали пастырскія услуги поснѣжно, съ любовью и должнымъ уваженіемъ. Утвердительно можно сказать, что если наши духовные будутъ, при образованіи,

¹⁾ Сарат. Епарх. Вѣдом., 1878, № 4, стр. 175.

²⁾ Сар. сем. библ., № 2662, 191—216.

богобоязненны и неукоривленной жизни; если въ храмахъ Божіихъ будетъ служеніе производиться постоянно, чинно и благоговѣнно; если, наконецъ, проповѣданіе слова Божія простое, понятное народу, неунынно-продолжаемое и въ церквахъ, и въ домахъ по благоприличію; ознакомитъ сердца соотечественниковъ нашихъ, и не любящихъ насъ; съ сладостью вѣры Христовой, — то расколъ, основанный на религіозномъ основаніи, непремѣнно падеть¹⁾.

Но этихъ разумныхъ представленій не приняли во вниманіе, назвали, что „жестоко слово сіе“! А вѣдь эти слова не содержатъ въ себѣ ничего новаго, ничего въ собственномъ смыслѣ жестокаго. За 20 лѣтъ до Чернышевскаго то же самое, только короче и болѣе общо, сказали два масленичыхъ іерарха русской церкви, митрополиты Серафимъ петербургскій и Евгеній кievскій, когда въ представленномъ имъ имъ: разсмотрѣніи секретнаго комитета „Краткая историческая свѣдѣніи о раскольничихъ“ настаивали на необходимости, по крайней мѣрѣ, въ раскольничьи приходы, назначать „просвѣщеныхъ и добродѣтельныхъ священниковъ“ и озаботиться относительно повсемѣстно „улучшенія православнаго греко-россійскаго духовенства, дабы оно вслѣдствіи привлекало къ себѣ уваженіе“²⁾. Комитетъ выступилъ это мнѣніе, призналъ его безусловно справедливымъ; занесъ въ протоколъ. Справедливая мысль легала въ плевени архива, а дѣло шло все по старому, а духовенство все не привлекало къ себѣ уваженія народнаго. Есть вещи, справедливость которыхъ всѣми признается, но до осуществленія которыхъ должны пройти вѣка.

Итакъ, въ ряду причинъ; совокупная дѣятельность которыхъ обуславливала собой безуспѣшность борьбы церкви съ расколомъ въ Саратовскомъ край; необходимо поставить на видномъ мѣстѣ составъ и мнѣніе православнаго духовенства. Легкое; а подчасъ и преступное отношеніе членовъ клира къ своимъ обязанностямъ, — это одно изъ крупнѣйшихъ побужденій къ свращенію въ расколъ; къ удаленію отъ всякаго сближенія съ православіемъ, это каменная стѣна, на которой прилагось старообрядчество, которая отдѣляла его отъ деревни! Духовенство само свращало духовныхъ дѣтей своихъ въ расколъ! Это страшное обвиненіе, но было бы несправедливо цѣлкомъ ставить его на счетъ духовенства. Стоитъ взглянуть по-

¹⁾ Ниж. сем. библ., № 3774, 80.

²⁾ Дѣла Секр. Комит., Vol. III, стр. 286-288.

пристаивае въ условія жизни духовенства; чтобы найти для него смягчающія вину обстоятельства, отыскать причины этого зла. Всѣ эти вымогательства и поборы, все это цѣлство и связанныя съ нимъ недостатки, пороки и преступленія въ громадномъ большинствѣ случаевъ завсегда если не исключительно, то прежде всего отъ невыносимой обстановки, отъ полной невозможности жить хотя сколько-нибудь по-человѣчески. Голодь — вотъ что невыгодно вымогательства; нужда и горе — вотъ что заставляло вѣтъ. Не всѣ рождены быть подвижниками и аскетами. Съ благоговѣніемъ ираннаю во всей силѣ слова архипастырей Серафима и Евгения о необходимости посылать въ раскольничьи приходы „просвѣдательныхъ и добродѣтельныхъ“ священниковъ. Но въ Саратовскомъ край (въ южныхъ приходахъ) должны были названы раскольничьи. На 1824 штата¹⁾ отсюда было взято просвѣдательныхъ и добродѣтельныхъ людей: они не только можно было мечтать на досугѣ, но было бы непростительнымъ легковѣріемъ думать, что они являю сами собой, явля чѣмъ-то. Прощесть людей, надѣвающихъ рясу по призванію, всегда была крайне не велика; эти люди всегда оставались несчастными, во очень и очень рѣдкимъ исключеніемъ. То не секретъ, что наиболѣе сребролюбивые, наиболѣе прозѣщенные дѣти нашего духовенства всегда шли оставить крошечную ихъ отцами дорожку, уходивъ въ „миръ“. Рясу въ огромномъ большинствѣ случаевъ, надѣвали или по нускоропавшіе въ себя силѣ вышло въ люди по другому пути, или трушныые, болѣе загарыясь въ топку, или по дѣлать наладу вѣтъ, или по живніе возможности по какимъ-нибудь семейнымъ обстоятельствамъ уклониться отъ принятія на себя пастырскихъ обязанностей. Люди средніе — вотъ что оставалось почти исключительно на долю народа; вѣтъ чѣмъ выполнялись ряды напоро. Клерикаль же добродѣтелей, какого просвѣдателя, какого сознанаіи святости, своего назначенія требовать отъ этихъ людей, выросших въ нищетахъ, съ дѣтства насмотрѣвшихся на всякія безобразія въ родной покровѣ и духу средѣ, прошедшихъ залѣмъ тяжелую школу, семинарской заучивши, какъ капецъ, волей судьбы брошенныхъ въ ту же нищету, преставленныхъ въ безусловную зависимость отъ — прикоманъ, вынужденныхъ любить радъся? Побирательства и поборы — шепчтія, родекранныхъ відъ этимо-

¹⁾ „Прав. Собесѣдн.“ 1864, II, 371.

логически только. Задавленное дуждой, измученное заботами о куске насущнаго хлѣба, многосемейное, малоразвитое, обраемое благочинными, высасываемое духовными правленіями и консисторіей, неулажаемое прихожанами, духовенство, естественно, приучалось не уважать и себя и другихъ. Безпрестанное приращеніе челоуечкой личности въ тяжелой, кровавой борьбѣ за существованіе должно же было приносить свои горькіе плоды.

Связь раскола съ небезопасностью православнаго духовенства давно уже понималась многими, и вопросъ объ этомъ возбуждался даже въ секретномъ комитетѣ. Въ 30-хъ годахъ текущаго столѣтія вятскій губернаторъ, находя, что одной изъ главнѣйшихъ причинъ распространенія раскола по вятской губерніи являются поборы духовенства, предлагалъ умножить число образованныхъ священниковъ и для достиженія этого—обратить духовенство съ матеріальной стороны. Представленіе это внесено было на разсмотрѣніе секретнаго комитета, который выразилъ справедливыя изложенія дуканія. Государь на поляхъ журнала секретнаго комитета, отъ 13 марта 1836 года, съ изложеніемъ мнѣнія вятскаго губернатора подписалъ карандашемъ: противъ статьи о вѣдѣніи поборовъ—„Совершенная истина“; противъ предложенія увеличить число образованныхъ священниковъ—„Совершенно правда, ежели разумеется не объ однихъ ученыхъ познаніяхъ, но о священническихъ, видящихъ въ своей святой обязанности настоящую цѣль своего назначенія, а не простое ремесло и личныя выгоды“; противъ заключенія о необходимости обезпечить духовенство—„Было бы полезно придумать въ сему возможность“¹⁾. Но этой-то возможности и не придумали, хотя и св. синодъ, каково это видно изъ указа впа. преосв. Іанену²⁾, совѣщавъ необходимость придумать что-нибудь, потому что это становилось слишкомъ ясно. Правда, впоследствии, въ 1858 году, духовенство шести уѣздовъ саратовской губерніи (саратовскаго, вольтскаго, хвалынскаго, балашовскаго, вавилонскаго и даршынскаго) стало получать вспомогательныя оклады изъ государственнаго казначейства, но было бы несправедливо называть эти оклады обезпеченіемъ—это жалованья поначка, не безѣ...

Кромѣ изреченныхъ причинъ, формализмъ уснѣхннствъ барабы

¹⁾ Дѣла Секр. Комит., Vol. VIII, л. 140—141.

²⁾ Архивъ сар. консист., 1843, 1869, л.

правительства съ расколомъ, въ концѣ 50-хъ годовъ была еще одна, временная, случайная, но тѣмъ не менше сильно поврежденная дѣлу православія, причина. Въ 1846 году живя въ Буковинѣ Австріи и вооры всѣхъ обратились на западъ. Вѣсти о священной благодѣтельности блго-криницкой епархіи быстро донесли съ Рогожскаго владыка, насѣдовавшую Ирину въ значеніи и вліяніи на расколъ пошрививы и наполнили радостью сердца саратовскихъ старообрядцевъ. Письма въ за границы съ разсказами о блго-криницкихъ торжествахъ, о просіявшей тамъ правой вѣрѣ, немедленно развѣиваемы были въ народѣ и служили могучимъ орудіемъ для удержанія въ жѣдрахъ раскола колеблющихся и малодушныхъ. Люди, не хотѣвшіе идти въ „единовѣрческую секту“, не рѣшались въ то же время перемѣнить и въ безпопощину, люди, не имѣвшіе подъ двойнымъ бременемъ вѣншаго давленія и внутреннихъ мучительныхъ сомнѣній, съ радостью схватились за эти вѣсти. Перфиловъ и Жумовъ въ Саратовѣ, Серебрянниковъ въ Волыскѣ, Мальцовъ въ Николаевскѣ, Кузмичевы, Гузиковъ и Полемаревъ въ Хвалынскѣ особенно усердно взяли за это дѣло. Они отправили въ Вѣлугу Креницу уставщиковъ и начѣтниковъ для полученія священства; чрезъ посланных и даже гласно, по почтѣ, переслали туда значительныя суммы денегъ; Серебрянниковъ пожертвовалъ богатую ризницу, другіе не отставали въ усердіи. Купеческій сынъ Гусевъ командированъ былъ въ Австрію со специальнымъ порученіемъ— разузнать подробно объ „австрійскихъ обстоятельствахъ“. Вернулся Гусевъ, вернулись рукоположенные уставщики и привезли съ собой св. дары, миро и антипнсы... Отлегло на душѣ у многихъ тысячъ стѣсненныхъ старообрядцевъ: чуть ли не большая половина поповцевъ ушла въ австрійство. Желаніе принимать хотя бы фикцію единовѣрія исчезло безъ слѣда; сами единовѣрцы потянули въ австрійство. Въ то же время среди раскольниковъ николаевского уѣзда явилась мысль добыть себѣ, по примѣру Буковины, собственнаго архіерея при посредствѣ турецкаго правительства и водворить его въ Закавказья. Нашлись было и средства и эмиссары, обязавшіеся отправиться съ этой цѣлью на Кавказъ, согласить на задуманное предпріятіе линейныхъ казаковъ, снестись съ некрасовцами и дѣйствовать общими силами. Дѣло разстроили монахи Средняго монастыря, сосланные, какъ мы знаемъ, послѣ монастырскаго бунта въ

Заказказы: они уведомила о несбыточности такихъ плановъ и рекомендовала оставаться спокойными¹⁾.

Итакъ, неправильныя дѣйствія администраціи въ кризисъ съ единодушiемъ и солидарностью раскольничьей сѣмьи, отсутствiе матеріальнаго обезпеченiя духовенства, чѣмъ обусловливалась неудовлетворительность его состава, и возникновенiе австрійской іерархіи, — вотъ, естественныя причины безуспѣшности борьбы правительства съ саратовскою бѣглополовщиной за разсмотрѣнный паріадъ прѣмани. Но это еще не все; главный корень зла крылся не здѣсь: онъ — считаю необходимымъ еще разъ повторить это — въ ошибочной системѣ отношенiй правительства къ расколу. Мечомъ свѣтской власти напрасно хотѣли разрубить узелъ, завазавшійся на почвѣ духовно-религіознаго свойства; религіи мира и любви напрасно навязали столь чуждый ей характеръ понятаства. Кромѣ зла ничто не могло выйти изъ этой системы и если, въ порывахъ ревности и увлеченiя, дѣятели того времени не въ состоянiи были понять этою, то исторiя, спокойно и холодно оцѣнивающая дѣла давно минувшихъ дней, должна отмѣтить фактъ такого прискорбнаго ослѣпленiя, какъ судъ прошедшему и какъ урокъ для будущаго.

¹⁾ Дѣла Секр. Комит., Vol. XXXIV, л. 740—744; Отчетъ гр. Стенькова. Сп.: Варадвровъ, VIII, 567—568.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

№ 1.

Изясненіе причинъ, по которымъ не могутъ въ Россіи живущіе вѣроубѣданные христіане, такъ называемые старообрядцы, принять правила, таинства и священство единовѣрческой церкви.

1) Правила для существующей единовѣрческой церкви и духовенства послѣдовали въ 1800 году отъ прошенія многаго числа бывшихъ московскихъ старообрядцевъ и отъ мнѣнія ва то бывшаго московскаго митрополита Платона. На этомъ мнѣніи основана и открыта неслыханная до того времени въ Россіи единовѣрческая церковь, и какъ она вѣрующимъ въ единую, святую, соборную и апостольскую церковь, послѣдователямъ древнему христіанскому ученію, представляется новою и несогласною съ символомъ православной вѣры, такъ и священство на правилахъ ея кажется нѣ весьма сомнительно. Потому болѣе, что прихожане единовѣрческой церкви не менѣе обязаны вѣровать еще и въ другую господствующую церковь, отъ которой получаютъ они на спасеніе душамъ своимъ разныя архипастырскія дарованія.

2) Священство единовѣрское, по силѣ 1 и 5 пункта и заключенія упомянутаго митрополитова мнѣнія, обязано: *со 1-го*, — быть въ единомышленномъ соединеніи съ господствующей церковью и признавать соборомъ опредѣленные въ 1667 году, на прежнія церковныя установленія тягчайшія и неразрѣшимыя, нлѣтвы — возложенными (сказано) праведно; *со 2-го*, — послѣдовавшія отъ патріарха Никона перемѣны въ церковномъ ученіи и чинослуженіяхъ почитать за святыя и спасительныя, и *со 3-го*, — принимать архіерейское благословеніе съ наставленіемъ, какъ питать язву или какъ уврачевать смердящія раны присоединяющихся къ церкви непопостоянныхъ въ прародительской вѣрѣ дѣтей своихъ, чтобы со временемъ привести ихъ въ ничемъ не разнствующее съ церковью согласіе. Но, какъ вѣрные исполнители стариннаго ученія и правилъ

церковныхъ не имѣютъ возможности принуждать совѣсть свою къ тому, — ибо принужденная вѣра не есть вѣра, а что совѣсть возбраняетъ, то возбраняетъ и законъ Божій; — чтобы согласно съ едино-вѣрческимъ священствомъ мыслить, признавать, почитать и принимать все упомянутое, то и имѣть у себя оное для исправленія святоцѣннаго и соблюдаемаго пмѣ стариннаго служенія никакъ не могутъ.

3) Св. синодъ, въ неоднократно изданной благословеніемъ его книгѣ, „*Прѣципы*“, на вопросъ: „аще который іерей нынѣ во святой церкви отслужить святу ю литургію по старопечатнымъ служебникамъ на седми просфоракъ“ и проч., слѣдующице отвѣтъ утверждаетъ: „аще которые поименныи дерзнуть тако служить, противящея восточной великороссійской церкви и вышележенной соборомъ клятвѣ, таковыи суть прокляти, и отлучены, и извержены, и отъ таковыхъ соборомъ проклятыхъ, и изверженныхъ, и овященства обнаженныхъ не могутъ быти сущея святое тѣло Христово и кровь Христова (взимаемы)“, а въ заключеніе едино-вѣрческихъ правилъ или мнѣнія митрополита Платона въ подтвержденіе означеннаго содержанія „*Прѣципы*“ сказано: „что и нынѣ не можетъ быти обо всемъ томъ иная церкви мысль“ и проч. Но какъ нынѣ едино-вѣрческіе священники служатъ литургію на седми просфоракъ, съ изображеніемъ на нихъ старинной печати, чѣмъ весьма ясно противятся тѣ священники показанному опредѣленію восточной и великороссійской церкви, а посему не подвергаются ли они и возожженнымъ за то противленіе отъ собора верховныхъ греческихъ и россійскихъ духовныхъ властей совершенному обнаженію священства и тѣмъ чашшему осужденію тѣми неразрѣшимыми клятвами, которыя неоднократно еще повторены отъ св. синода и отъ митрополита Платона въ послѣдовавшихъ правилахъ едино-вѣрческой церкви? Слѣдовательно, по силѣ того синодальнаго увѣренія и Платонова подтвержденія, какъ едино-вѣрческое духовенство, такъ и всѣ прикомандованные едино-вѣрческой церкви находятся лишены дѣйствительности своего священства и таинства и подлежатъ означенному осужденію и клятвамъ. Но подвергаются ли тому верховному опредѣленію сами благословляюще на оное противленіе восточной великороссійской церкви епископы, священнослужители, архипастыри?

Этого рѣшеніе предоставляется безпристрастной совѣсти каждаго неложнаго сына отечества.

4) Многими очевидцами событій доказано, что епархіальные начальники только единовѣрческихъ священниковъ научать и благословляютъ служить литургію на семи просфорахъ съ изображеніемъ на нихъ старинной печати, молиться двуперстнымъ сложеніемъ, читать аллелуя подважды, а въ третье: „слава тебѣ, Боже“, отпращивать все церковное богослуженіе по древнимъ чиноположеніямъ, но сами того не творять, а напротивъ, исполняютъ все свои молитвы и службы по опредѣленію бывшаго въ 1867 году собора, какое несогласное съ дѣлами архипастырей упомянутое ученіе ихъ не противно ли будетъ тому евангельскому узаконенію: „иже сотворить и научить, сѣи велии наречети въ царствѣ небесномъ“, и апостольскому заповѣданію: „слика не угодна суть себѣ, внимъ не творити“ (Дѣян. XV, 20) и посему, если подчинить себя власти такихъ архипастырей и принять отъ нихъ не подражающее дѣламъ вѣры ихъ и протѣвляющееся опредѣленію восточной и великороссійской церкви священиство, несогласно будетъ съ писаніемъ и чуждо христіанскому обычаю; т. е. быть преданными духовнымъ свѣтлѣмъ начальникамъ и дѣлать противное изданному ученію отъ нихъ церкви, и въ томъ протѣвленіи, съ показаннымъ осужденіемъ, умереть по примѣру нечувствующихъ сего единовѣрцевъ, — непогрѣжденной христіанской совѣсти наметается ужасно и невозможно.

5) Нѣкоторые епархіальныя власти, какъ упомянутыя соборныя постановленія, такъ и самое монаршее утвержденное мѣнше митрополита Платона безпретятственно нарушаютъ; ибо вновь опредѣляютъ и опредѣляютъ къ единовѣрческимъ церквамъ бывшихъ старообрядческихъ поповъ, коихъ во 2-мъ пунктѣ онаго мѣншія, яко блудницы и предатели церкви, совѣсти и сама оная, воспрещено къ церквамъ опредѣлять; но таковыя и прежде находились въ церквахъ московскихъ единовѣрческихъ — священникъ Петръ Никифоровъ и дьякъ Иванъ Семеновъ — и нынѣ являються священнослужители въ саратовской и пермской епархіяхъ. Также и въ 16 пунктѣ того мѣншія, на которомъ основана единовѣрческая церковь, повелѣно сохранять въ твердости: „чтобы не было хулы ни съ одной стороны за содержаніе разныхъ обрядовъ“. Но сверхъ изданныхъ послѣ того псалтырей и наставниковъ, въ 1839 году отъ московска-

го комитета духовной цензуры напечатана книга подь названіемъ: „Доказательство о древности троеперстнаго сложенія“ съ дополненіемъ; и въ этомъ изданіи находится не малая хула, осужденіе и клятва на всѣхъ молящихся по-старинному, двуперстнымъ сложеніемъ; именно, въ предувѣдомленіи на страницѣ 6-ой сказано, что „двуперстное сложеніе есть отъ врага человѣческаго всѣяннѣй плевель, по притчѣ евангельской“, а какъ въ изъясненіи той притчи врагъ человѣческій именуется діаволь, то и выходитъ, якобы сіе сложеніе преданное діаволомъ; на страницѣ 68-й: „молящіеся таковымъ перстосложеніемъ преданы страшной клятвѣ и амаемъ;“ въ дополненіи на страницѣ 1-й названо то двуперстное сложеніе „армянскимъ преданіемъ“; на страницѣ 10-й: „молящіеся двуперстнымъ сложеніемъ вѣнчаются, какъ язычники, нечѣрные и мытари“; на страницѣ 21-й сказано, что „при содержаніи сего раскола всѣ добродѣтели христіанскія цѣну свою теряютъ (тутъ же, въ замѣчаніи), ибо это двуперстіе такая вражеская предость, которою врагъ уловляетъ человѣковъ въ свою волю“ и проч. Слѣдовательно, такой хулѣ и участи наравнѣ съ прочими подвержены всѣ молящіеся двуперстнымъ сложеніемъ служители и прихожане единовѣрческой церкви; и когда таковыя верховнымъ соборомъ и монархомъ утвержденныя основанія господствующей и единовѣрческой церкви нарушаетъ духовное начальство чрезъ издавіе означенныхъ книгъ, то не остается еще болѣе ничего твердаго и благонадежнаго для невольво подчиняемыхъ его власти старинныхъ христіанъ.

6) При распространеніи правилъ и приходовъ единовѣрческихъ церквей употребляются духовными проповѣдниками съ помощью гражданскихъ чиновниковъ разные доносы на твердыхъ въ древнихъ христіанскихъ правилахъ, называемыхъ старообрядцевъ. Чрезъ доносы подвергаемы бывають сіи мирные и покорные правительству христіане жестокии слѣдствіямъ и даже употребляемо было на нихъ, безоружныхъ, повергшихся и умолявшихъ объ оставленіи собственной святости, военное оружіе; также протеривають они лишеніе собственными трудами и благотвореніемъ усерднѣйшихъ сыновъ сооруженныхъ и много лѣтъ подь покровительствомъ верховнаго правительства существовавшихъ церквей и молитвенныхъ домовъ и всякой къ нимъ принадлежности, что все передается въ пользу епархіальной власти; нѣкоторыя изъ храмовъ подверглись

уже совершенному уничтоженію, а на другихъ уничтоженъ только, почитаемый главою посвященнаго христіанскому богослуженію дома и хранителемъ вселенной, крестъ Христовъ; при томъ отбираемы бывають у нихъ, старообрядцевъ, и дозволенные законодательною властью для исправленія христіанскихъ таинствъ и требъ священнослужители. Самыхъ же усерднѣйшихъ блюстителей подвергаютъ узамъ, ранамъ и заточенію, каковыя событія больше происходили во время дѣйствія миссіонеровъ въ персской и самарской епархіяхъ. Но какъ истинная Христова церковь такыя дѣйствія не производитъ никогда, и что сіе распространеніе еднновѣрческой церкви вовсе не согласно съ распространеніемъ кроткой и безпритязательной апостольской проповѣди, и съ дѣйствіемъ послѣдовавшихъ имъ святыхъ церковныхъ пастырей и противорѣчитъ ученію Самого всемогущаго Спасителя міра. . . Тамъ яще даче, что послѣдовавшіи отъ доносовъ распространяющихъ еднновѣрческія правла дѣцъ показанныя событія уподобляютья такowymъ же жестокостямъ, бывшимъ во время распространенія уни въ Литвѣ, и самое званіе російскихъ присоединенцевъ уподобляется имени униатовъ, а потому оны, несогласныя съ волей и словомъ Христовымъ и чуждыя божественнымъ его проповѣдникамъ и православной церкви, произведенныя распространителями еднновѣрческой церкви плоды больше всего приводятъ преданныхъ древнему церковному ученію старообрядцевъ въ сомнѣніе и удаленіе владычествующей со временъ патріарха Никона духовной власти и заставляють всякую происходящую отъ соизволенія той власти жестокость принимать за самый спасительный крестъ и совершенное послѣдованіе стопамъ Самого Христа, пострадавшаго отъ архіереевъ и книжниковъ избраннаго народа.

7) Наконецъ, не менѣе вышеозначеннаго удерживаютъ сихъ послѣдователей образу вѣры общихъ предковъ отъ преданности душъ своихъ настоящей архипастырской власти: незабвенное ученіе и законное запрещеніе святѣйшаго патріарха Филарета Никитича Романова и прочихъ до Никона бывшихъ въ Москвѣ первосвятителей, которые не принимали безъ повторенія обливательное крещеніе и за принятіе того утвердили духовенству наказаніе лишеніемъ священническаго сана; совершали литургію на седми просфорахъ, изъ коихъ одну, уничтоженную патріархомъ Никономъ просфору,

особенно принимали въ царя и за царицу и чадь ихъ, а другую, уничтоженную также; приносили собственно за весь священнический чинъ; творили и учили творить на себѣ крестное знаменіе двуперстнымъ сложеніемъ, неисполнителей же сего предавали вѣчно-гибельному проклятію; о соблюденіи такового церковнаго преданія первый святѣйшій патріархъ московскій Іовъ завѣщалъ въ духовной его грамотѣ. Также и вселенскій патріархъ Феофанъ съ русскими архіереями, въ соборной грамотѣ ихъ, повелѣли всемъ безъ малѣйшаго сомнѣнія слѣдовать ученію и правиламъ вѣры святѣйшаго патріарха Филарета, а наипаче убѣждаютъ въ томъ непримѣнимо старобрядцы слѣдующимъ повелѣніемъ св. писанія: „поминайте наставники ваши, иже глаголютъ вамъ слово Божіе, ихъ же взирая на скопчаніе жителства, подражайте вѣрѣ ихъ, въ поученія справна и различна не прилагаетесь“. Къ тому же еще имѣются и древніе примѣры въ соблюденіи церковнаго установленія св. отцовъ, изъ коихъ чудный Спиридовъ Тригифійскій за одно только переименованіе одра на ложе не могъ оставаться въ церкви (Четы Минен, 12 дек.) и знаменитый Максимъ исповѣдникъ чрезъ вѣкоторыя нововведенія удалился навсегда отъ господствовавшей при немъ церкви; на сіи святые образы христіанскаго благочестія взиралъ, усердные исполнители ученія и богослуженія пяти первыхъ русскіихъ патріарховъ желаютъ непременно подражать Богомъ прославленной твердости въ вѣрѣ ихъ.

Такъ утвердъ себя на благонадежномъ основаніи древняго благочестивѣйшаго святѣйшаго патріарха Филарета Накитича Романа и всего согласнаго съ нимъ священноначалія, вѣрноподаннѣйшіе старобрядцы не могутъ предпочесть сему послѣдовавшему отъ Никона и подражающему вѣрослуженію его духовнаго начальственнаго новоучрежденія, съ принужденіемъ къ подчиненію своей власти не слѣдующихъ ему христіанскихъ душъ, тѣмъ паче, что въ означенныхъ дѣйствіяхъ послѣдовавшаго духовенства заключаются важныя противоположности, какъ св. писанію, такъ утвержденнымъ постановленіямъ верховной церковной власти, съ неизбежными душе-гибельными клятвами, которыя пренебречь и принять правила единовѣрческой церкви вопротивная и неповрежденная въ чувствахъ христіанская совѣсть никакъ не можетъ, такъ же и понудить къ принятію новизнъ, непрямыхъ и осужденнаго отъ

той же духовной власти на вѣчную погибель единовѣрческаго священства правосудная, доброжелательная и христоподражательная власть никогда не рѣшится, вопреки кротости показаннаго евангеліскаго ученія и апостольскаго дѣянія, съ духовнымъ плодомъ, являющимъ всегда благія и мирныя дѣйствія спасительной вѣры.

[Кельсѣвъ, „Сборн. правит. свид. о расколѣ-никахъ“. 1860. Лодзь. Вмѣст. I, стр. 201—208.]

№ II.

Вопросъ: „Чѣсо ради нынѣ мнози нарицаютъ время плача?“

„Попущеніемъ святаго и праведнаго Бога, за умноженіе грѣшн ради нашихъ, прія провапосданную власть съ нъ побольшии прелюблѣннати весь мѣръ и прелюблѣннати в мало же весъ прелюблѣннати; ибо отъ лѣта 1666 сотворилася. Уже третій Рать. пале; а четвертому не бытъ; совершилъ паденіе всемірное, а не частное, нъ въ цѣркви благочестіе прини не надежно. О темъ весь Россія: служоу; напоевнѣна, каковою народу отъ Никана и учениковъ его: нъ содержаніе древняго благочестія: крестопротитѣ нъ съ трубо-огненнымъ западе-вдемъ сожженія, наипаче за крестное знаменіе; когда овецъ дома зывалъ на сына, а мати: дочеръ свою на судъ: предателю; — кто: отъ семь времени слышавши, не нарочать время: достойное: плача? Не имѣемъ: мы съ того времени: надъ собою: власти. (Благочестивыи: нъ: гражданскія, нъ: духовныи); нъ: у: насъ: ни: кара: благочестнаго, ни: патриарха: святѣйшаго; ни: князя: православнаго; ни: епископа: ково: отъ начальствующиоу; а: все: пребываетъ: подъ: рукою: хулищиковъ: благочестія: и: рудателей: креста: Христова: и: некому: насъ: отъ: враждующи: цихъ: на: истину: защитити: и: помиловать: и: наче: всѣмъ: у: насъ: жизнь: наша: проходить: въ: обидѣ: и: утѣшеніи. Не: всѣ: ли: се: время: плача: достойное? Нѣтъ: у: насъ: ни: единыи: святии: черзвн; и: въ: нѣю: же: мы: могли: бы: въ: пеналѣхъ: своихъ: пребѣвуть; ни: къ: душевной: враябнищѣ; и: всѣми: церквами: владѣютъ: защитники: зми-евы; намъ: входъ: въ: оную: въ: конецъ: затворился: видимъ: врата: ея.

отверсты, а вйти въ оную боимся; слышимъ въ ней поющихъ, а совокупитися съ тѣми страшимся. Кто о семъ не возрыдаетъ? Не слышится нынѣ ни въ которыхъ странахъ благочестіемъ сіяющаго архіерея, отъ него же производилось бы православное священство, чего отъ начала евангельскія проповѣди, видится, не бывало: и вся теперь мы пребываемъ, яко овцы, не имущія пастыря. Какое плаваніе корабля безъ кормчія во время многобурное, таковое наше житіе безъ пастырскаго окормленія. Кто о семъ времени не восплачется? Не обрѣтаемъ мы православіемъ украшеннаго священника, къ нему же мы должны бы есмь, яко къ душевному врачу, во всякое время, со всякою духовною нуждою прибѣгати и язvamъ своимъ врачеванія искати; нынѣ же всего того мы лишились. Кто о семъ не возрыдаетъ? Тайну св. крещенія и покаянія заимствуемъ мы по нуждѣ отъ престолюдниковъ, но тѣхъ нынѣ за грѣби наша во всѣхъ странахъ умаляется, чего ради мнози долгое время пребываютъ безъ покаянія, а другіе и при смерти не сподобляются. Кто, о семъ слышавъ, не восплачется? Паче же всего дражайшее грѣхъ ради нашихъ во вся дни живота нашего и въ самое разлученіе души отъ тѣла надежнаго получить спутника, тѣла и крови Христовой причаститися, не отъ кого, безъ котораго охранителя всякой душѣ отъ тѣла разлучитися страшно. Не есть ли се время рыданію достойное? Кто о семъ не восплачетъ? Чему мы являлись достойны, когда то бывало? Брачныя тайны, отъ начала Богомъ установленныя: во умноженіе человѣческаго рода и во охраненіе цѣломудрія, нынѣ священнословно благословить и совокупить по закону не кому. Всѣмъ языкамъ во всей поднебесной, всякому животному, и скотамъ, и птицамъ, и ползающимъ гадамъ дѣтноплодствіе попустися, а отъ насъ чрезъ лишеніе священнаго чина отъяся и запертися, а желанія къ возделанію никто не освободися, каковаго случая: отъ начала міра не бывало; и koliko чрезъ сію нужду страждущій родъ христіанскій отъ внутренней плоти своего томленія и сколько разлчныхъ язвъ душевнымъ претерпѣваемъ, — описать никто не можетъ, кромѣ исчисляющаго звѣзды. Помысли всякъ вѣрный душею, не есть ли плача достойное се время, еже по отреченіи сатаны и во общаніи Христу, по иртіян брачныя одежды св. крещенія, пакы приступити къ сидящей на змѣи червленѣ и держащей въ руцѣ чашу, полную мерзости, сквернѣ любодѣянія, и про-

сити чрезъ пріятіе тайны въ ту же понятю облещи себя, аже прежде совлекохся; кто не излѣтъ слезъ, видѣвъ сіе?

Истинный христіанинъ, сынъ благочестивыя церкви, воспитанный млекоу православнаго ученія, вѣдый раздѣлѣннѣе благословенное отъ проклятаго, и знаетъ, коль тяжекъ грѣхъ отступленія, а влечется за настоящую нужду ко всемірной блудницѣ, аки къ чистой дѣвицѣ, и преклоняетъ ей свою главу, яко къ матери, и приѣмлетъ вмѣсто Христова благословенія печать строптивнаго и соглашается съ нею причастникомъ быти вѣчной погибели, — не трепещетъ ли его сердце, вѣдая извѣстно, что отъ клятвы благословенія не бываетъ, и отъ злосмраднаго источника благоуханіе не истекаетъ, и отъ гнилаго трупа инъ не исцѣляется, ниже отъ червивыхъ удовъ иному здравіе подается, ниже отъ ереси духовное дѣло исполняется, а за немѣнѣемъ православнаго священника и нехотя бываетъ причастникомъ ихъ погибели; церковнаго благочестія не видитъ, священника православнаго не обрѣтаетъ, со всегдашнимъ томителемъ своея плоти противиться не можетъ; такъ жить — безстудно, градскаго наказанія боятся и людскаго укора стыдятся, того ради и плача къ еретикамъ тащится и совлекается одежды православнаго исповѣданія, и налагаетъ вретѣще отступленія и бываетъ уже не сынъ св. церкви, но сынъ клятвы, по писанному: „прокляти, рече, уклоняющіеся отъ заповѣдей Твоихъ“. Кто о семъ не восплачется? Любовь, безъ нея же, по целожному словеси Спаса нашего, спасенія невозможно въ человѣцѣхъ, а наипаче въ тѣхъ, отъ нихъ же бы имѣла св. Божія церковь, еже есть православное христіанство, озаряться и украшаться, въ конецъ изсякаетъ, безъ нея же церковь въ крайнее безобразіе приходитъ и на многія части раздѣляется, — кто, зря сіе, не излѣтъ слезы? Прійти и получить печалемъ своимъ отраду почти не къ кому; къ кому ни приидешь и у кого о чемъ ни воспросишь, всякъ отъ себя прочь отсылаетъ, и вся другъ друга укоряютъ, и другъ на друга жалобу произносятъ и всякъ нещуетъ быти въ чести себѣ; обиженныхъ вражда и ненависть мало не во всѣхъ угнѣздилась, а душепагубная клевета покрыла всю землю. Кто о семъ не восплачетъ?

Въ какую страну ни приидешь и куда слухи ни обратиши, вездѣ услышиши церковь православную безъ утѣшенія, отъ раздорствующихъ плачущу, а помощи ни откуда не получающу; малое

Христово стадо и малые останки и тѣ на мелкія части разсѣкаются; въ единомъ дому сынъ на отца ропщеть, и мати на дщерь воюеть и всякъ точію въ себѣ спасеніе заключаетъ, а другимъ адъ опредѣляетъ, и другъ другомъ, аки поганымъ, гнушаются, чрезъ что въ конецъ истинная любовь прогвалась. Кто о семъ не возрыдаетъ? Оставляю описывать прочіе горько-плачевные случаи, въ христіанахъ за страхъ гонительства содѣвающіеся, еже по необходимости дѣтей своихъ отдаютъ еретикамъ крестити; не изъявляю пошеніе умершихъ христіанъ въ еретическую церковь погребати и поминати; молчаніемъ прохожу о впускающихъ еретиковъ въ свои дома со всякимъ оскверненіемъ и за богомерзкія ихъ молитвы деньги имъ даютъ и скверны ихъ святынею нарицаютъ; не скажу о помогающихъ въ церкви еретическія работою и даваніемъ злата, но точію вспоминаю то, яко просятъ христіане у еретиковъ, съ даваніемъ имѣніа, да запишутъ имена ихъ въ книги съ причащающимися Исусова агнца, яко да будутъ и они едино, якоже и еретики. Не есть ли се рыданію достойное, еже христіанину самому просити еретиковъ, да будутъ и они въ числѣ еретиковъ? И тако вкратцѣ предложивъ и вашему боголюбію о нынѣшнемъ горько-плачевномъ времени, прочее вамъ оставляю, яко снискателю духовнаго разума, о семъ разумѣти.

[Дѣла Секр. Комит., Vol. XXXIV, л. 807—811. Отобрано Арсеньевымъ въ 1849 году въ Саратовской губерніи].

№ III.

Указъ Св. Синода отъ 14 августа 1843 года, № 10.477.

Указъ Его Императорскаго Величества, Самодержца Всероссийскаго, изъ святѣйшаго правительствующаго синода, преосвященному Іакову, епископу саратовскому и царицынскому и кавалеру. По указу Его Императорскаго Величества, святѣйшій правительствующій синодъ слушали: во-первыхъ, рапортъ вашего преосвященства, отъ 30-го минувшаго марта за № 3.244, коимъ доносите объ изъявленномъ, при содѣйствіи управляющаго саратовской удѣльной

конторой, кривоуцкими старообрядцами желании принять едино вѣ-
рїе, съ опредѣленіемъ къ нимъ священника для совершенія въ ихъ
молитвенномъ домѣ священнослуженій по старопечатнымъ книгамъ,
и во-вторыхъ, предложенное г. оберъ-прокуроромъ отношеніе г.
товарища министра удѣловъ слѣдующаго содержанія: управляющій
саратовской удѣльной конторой донесъ департаменту удѣловъ, что
удѣльные крестьяне-старообрядцы саратовской губерніи, балаков-
скаго приказа, слободы Кривоуцкой, въ числѣ 1740 душъ обоего
пола, по убѣжденію его изъявили согласіе принять православнаго
священника на слѣдующихъ правилахъ: 1) избранный священникъ
долженъ совершать богослуженіе въ ихъ молитвенномъ домѣ и ис-
полнять требы по старопечатнымъ книгамъ и вообще соблюдать всѣ
обряды, существовавшіе въ старообрядческихъ церквахъ, на пра-
вилахъ російскихъ патріарховъ: Іова, Гермогена, Филарета, Іоаса-
фа и Іосифа, безъ всякой перемѣны. 2) Въ богослуженіи священ-
никъ ихъ не долженъ имѣть сообщества съ священниками право-
славной церкви. 3) Кромѣ епархіальнаго архіерея, онъ никому изъ
духовныхъ лицъ подчиняться не обязанъ. 4) Въ молитвенный
домъ ихъ, во время богослуженія, кромѣ старообрядцевъ, никто
изъ православныхъ входить не долженъ. 5) Колокольный звонъ,
запрещенный прежде при молитвенномъ домѣ, разрѣшить, и, нако-
нецъ, 6) въ случаѣ обращенія сего дома въ церковь, она должна
быть освящена однимъ тѣмъ священникомъ, который къ нимъ бу-
детъ опредѣленъ, и антиминосъ употребить древній. Для отправлен-
нія на семъ основаніи богослуженія старообрядцы избрали свя-
щенника Григорія Макарова Ильменскаго, находящагося въ удѣль-
номъ селѣ Перекопномъ. Какъ изъ донесенія управляющаго сара-
товской конторой видно, что означенныя требованія старообрядцевъ
представлены епархіальнымъ начальствомъ на усмотрѣніе святѣйша-
го синода, то онъ, г. товарищъ министра удѣловъ, проситъ увѣдомить
его о рѣшеніи синода по настоящему дѣлу. И по справкѣ приказа-
ли: поелику условіа, на которыхъ жители слободы Кривоуцкой же-
лаютъ соединиться съ церковью, не простираются далѣе предѣловъ,
положенныхъ правилами, высочайше утвержденными въ 27 де-
кабря 1800 года, на которыхъ допускается соединеніе раскольниковъ
съ церковью, ибо кривоуцкіе жители просятъ опредѣлить къ
нимъ священника, который бы совершалъ божественную службу

по старопечатнымъ книгамъ и состоялъ въ зависимости отъ епархіального архіерея: то, по симъ причинамъ, разрѣшить вашему преосвященству опредѣлить къ нимъ священника на точномъ основаніи вышеупомянутыхъ правилъ, съ тѣмъ, чтобы обратившіеся, коихъ отнынѣ именовать единовѣрцами, соблюдали въ точности, безъ малѣйшаго отступленія, тѣ правила.

[Сар. Истор. Архивъ, Карт. А., № XLVI. Скрѣпленна секретаремъ консисторіи Григоревскимъ копія съ синодальнаго указа].

~~132~~
~~8215~~ - 1

ЦѢНА 3 РУБ.

Складъ изданія у автора - Саратовъ, Царичинская ул., д. № 23.